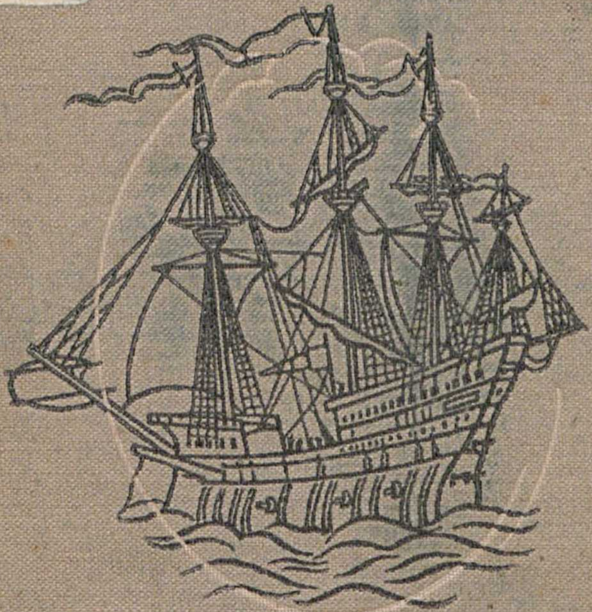
Z 36/208

18/III-88 1-415 23 Bil. 35

Z 36/208

Я·Я·СТРЕЙС

ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ

СОЦЭКГИЗ
1935

ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О РОССИИ

Серия под редакцией С. А. Пионтковского

Z 36/208 ф 1-82/13301

Я. Я. СТРЕЙС

ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ

перевод Э. БОРОДИНОЙ || *редакция* А. МОРОЗОВА

810-85/500-6

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ · 1935

J. J. STRUYS

Drie aanmerkelijke en ſeer rampſpoedige

REYSEN,

Door

Italien, Griekenlandt, Lijflandt, Moſcovien, Tartarijen, Meden, Perſien, Ooſt-Indien, Japan, en verſcheyden andere Geweſten.

Waar in vertoont werden,

Behalven een nauwkeurige/ en omſtandige beſchrijvinge der gemelde Landen/ en 't geen tot haar nature gehoort/ ſeer wonderlijke/ en waarachtige toevallen den Auteur overgekomen door Schipbreuken/ Plonderingen/ Slavernije onder de Turken, en Perſianen, ſware Hongers-noot / Pijniging / en andere ongemakken.

Aangevangen anno 1647. en voor de Derde, of laatſte Reys t'Huys gekomen 1673. begrijpende ſoo in alles den tijdt van 26 jaren.

Nevens twee Brieven, particulierlijk verhandelende het overgaan van Aſtracan, en 't geene aldaar omtrent is voorgevallen; En daar in ook een verhaal der elenden/ en ſware ongemakken/ uytgeſtaan by D. Butler, door hem ſelfs geſchreven uyt Iſpahan.

Met verſcheydene curieuſe koopere Platen, door den Auteur ſelfs na het leven geteekent, verçiert.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. Ленина
3314-36

t'AMSTERDAM,
By JACOB van MEURS, op de Keyſers-Graft, en JOHANNES van SOMEREN, in de Kalverſtraat, 1676. *Met Privilegie.*

2010481355

Я·Я·СТРЕЙС

ТРИ

достопамятных и исполненных
многих превратностей

ПУТЕШЕСТВИЯ

по

ИТАЛИИ, ГРЕЦИИ, ЛИФЛЯНДИИ,
МОСКОВИИ, ТАТАРИИ, МИДИИ, ПЕРСИИ,
ОСТ-ИНДИИ, ЯПОНИИ
и различным другим странам

ГДЕ ПРИВОДЯТСЯ
ПОМИМО ДОСТОВЕРНОГО и ОБСТОЯТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
УПОМЯНУТЫХ МЕСТНОСТЕЙ их ОСОБЕННОСТЕЙ и ПРИРОДЫ
ДИКОВИННЫЕ и ИСТИННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ,
ПЕРЕЖИТЫЕ АВТОРОМ ВО ВРЕМЯ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ,
ГРАБЕЖЕЙ, ТЯЖКОЙ НЕВОЛИ у ТУРОК и ПЕРСОВ,
СИЛЬНОГО ГОЛОДА, ПЫТОК и ДРУГИХ БЕДСТВИЙ

начато в лето 1647 и продолжено до окончания
третьего, последнего путешествия в 1673
охватывает, таким образом, 26 лет

ВМЕСТЕ С ТЕМ ДВА ПИСЬМА,
СООБЩАЮЩИЕ О ПЕРЕДАЧЕ АСТРАХАНИ И О ДРУГИХ СЛУЧИВШИХСЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, А ТАКЖЕ ОПИСАНИЕ НЕСЧАСТИЙ И ТЯЖКИХ
БЕДСТВИЙ, КАКОВЫЕ ПРЕТЕРПЕЛ Д. БУТЛЕР,
НАПИСАННЫЕ ИМ САМИМ В ИСФАГАНИ

Украшено различными занимательными
рисунками, вытравленными на меди
самим автором

В АМСТЕРДАМЕ
У Якоба Ван-Мерс на Keysers-Graft. и Иоганна
Ван-Сомерен на Kalverstraat 1676 с привилегиями

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. Л. Рубинштейн
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
В. А. Селенгинского
ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ
Р. Шапиро и О. Прохоровой
НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ОФОРМЛЕНИЕМ
А. В. Крейчика

Карты оформлены худ. В. А. Селенгинским по картографическим материалам XVII в. Иллюстрации воспроизведены из I издания Стрейса

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. Ленина

ВВЕДЕНИЕ

I

Много было в XVII в. искателей приключений, подобных голландцу парусному мастеру Стрейсу. За их внешне занимательными рассказами о чудесных заморских странах, о диковинных нравах и обычаях людей, населявших эти страны, за переплетением вымысла и были нетрудно прощупать реальную историческую основу.

То была заря капиталистического развития Европы. В безграничной жажде наживы молодой капитализм устремляется в колонии, обрекает их на поток и разграбление. Купцы и пираты, мореплаватели и воины прокладывают пути в Индию и Китай, в страны Нового света и в Среднюю Азию.

Особенно отличалась в этом смысле Голландия. «Голландия, где колониальная система впервые получила полное развитие, уже в 1648 г.[1] достигла высшей точки своего торгового могущества»[2] — пишет Маркс. В первой половине XVII в. нидерландцы завязывали торговые сношения со всем известным тогда миром, с берегами Южной Европы, Азии, Америки и Африки. Голландские военные и торговые суда бороздили моря и океаны.

«Голландия была образцовой капиталистической страной XVII в.», — говорит Маркс. Ее развитые мануфактуры уже тогда нуждались в привозном сырье, в рынках сбыта. Страна не могла прокормить собственным хлебом многочисленное неземледельческое население, и проблема хлеба стала весьма остро.

В 1651 г. изданный Кромвелем «навигационный акт», специально направленный против нидерландской торговли и мореплавания, нанес Голландии первый сильный удар. В 1655 г. к враждебной политике Англии примкнула Франция. Но ослабленная Голландия пока не была оттеснена на задний план, ее могущество было только поколеблено. Нидерланды оказывали поднявшейся Англии отчаянное сопротивление. Они пускали в ход все средства: дипломатическую ловкость и обещание коммерческих выгод, военную силу и торговую изворотливость. Одним из важнейших плацдармов англо-голландской борьбы стала и далекая Московия. Такова историческая основа «путешествия» Стрейса в Московию, которую он пересек от западной границы до восточной, от Балтийского моря до Астрахани, да и всех его трех путе-

[1] В 1648 г. кончилась восьмидесятилетняя война Нидерландов с Испанией.
[2] Маркс, Капитал, т. I, стр. 670, Госиздат, 1931 г.

шествий, которые смыкаются в одну общую цепь. Вольно или невольно, Стрейс выполнял задание молодой голландской буржуазии, когда описывал торговые пути, рынки, цены на товары, нравы и обычаи народов Московии и Востока.

Большинство иностранцев рассматривало Московское государство как колонию. Голландцы добивались монополии на торговлю русским хлебом; они пошли еще дальше и просили в 1630 г. разрешения распахивать в России «новинные земли» и засевать их. Европейцы стремились превратить Россию не только в сырьевую базу, но и в транзитный путь в Среднюю Азию, Индию и Китай.

И эта проблема много старее Стрейса.

На путь через Россию в Персию и на выгоды восточной торговли обратили внимание еще в 70-х годах XV в. послы Венецианской республики в Персии Контарини и Барбаро.

От начала XVI в. дошел рассказ Павла Иовия Новакомского об одном искателе восточного пути, генуэзском капитане Павле, которому принадлежал план нового торгового пути в Индию. Павел вел свой путь от Риги на Москву, оттуда реками Москвой, Окой и Волгой в Астрахань, дальше Каспийским морем в Асхабад и в Индию. Это был в основном тот же путь, каким много позднее ехал Стрейс.

Экономическое значение этой торговой артерии отмечал в начале XVI в. и автор знаменитых записок о Московии австрийский барон Сигизмунд Герберштейн.

Так проблема московского транзита издавна занимала Европу. Но особенно остро встала эта проблема со второй половины XVI в., когда на сцену выступили Англия и Голландия — крупнейшие торговые державы эпохи первоначального накопления.

Англичане опередили голландцев. Еще в 1553 г. первый английский корабль случайно добрался до устья Северной Двины. Капитан удачливого корабля Ричард Ченслер выдал себя за официального английского представителя и был милостиво принят Иваном Грозным.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1555 г. Грозный предоставил английской компании привилегию на беспошлинную торговлю и другие льготы. За этой привилегией в 1567 г. последовала новая. На этот раз англичанам в дополнение к прежним преимуществам была разрешена беспошлинная торговля в Казани и Астрахани, Нарве и Дерпте, следовательно разрешено ездить не только северным путем, но и через Балтийское море. Английская компания получила также право торговать с восточными народами — с Персией.

Грозного прозвали «английским царем». Англичане сравнивали открытие северного пути с открытием португальцами морского пути в Индию. Агент компании М. Локк подчеркивал, что «торговля с Персией, проходя через Россию в Англию, имела бы чрезвычайное значение для Англии», ибо товары России и

Персии шли бы через английские руки в другие европейские страны «вне угроз со стороны турок, без ведома Италии и Испании и без каких-либо разрешений от короля Португалии».

Монопольная компания не замедлила использовать свои преимущества. В 1557 г. капитан Антоний Дженкинсон был направлен в Московию для дальнейших изысканий. В 1558 г. он спустился по Волге до Казани и, намереваясь отыскать Китай сухим путем, доехал до Бухары.

В своем отчете капитан Дженкинсон довольно сдержанно отозвался о выгодах восточной торговли. Если Стрейс отмечает здесь всюду большие торговые возможности, то иначе отзывается об этом его английский предшественник. Дженкинсон сообщал, что «ежегодно в этот город Бухару бывает большой приток торговцев, которые путешествуют большими караванами из окрестных соседних стран, Индии, Персии, Балха, России и разных других... но и эти торговцы так нищи и бедны и привозят товары в столь малых количествах для продажи, что там нет никакой надежды на какую-либо хорошую торговлю. Я предложил товарообмен торговцам этих стран... но они не захотели менять на такой товар как сукно... Русские привозят в Бухару юфть, овчины, различные шерстяные ткани, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят оттуда разного рода хлопчатобумажные изделия, различные шелка, краски и другие предметы, но эти обороты лишь незначительных размеров». И дальше Дженкинсон говорит о «незначительности оборотов и малой прибыли» и называет «ничтожной» торговлю с Персией через Шемаху и Астрахань.

Впрочем предприимчивый Дженкинсон был настойчив; совсем в духе той беседы, которую, как увидим ниже, сто слишком лет спустя Стрейс вел с армянскими купцами, предложил персидскому шаху забрать весь шелк-сырец, доставлять взамен сукна и другие товары.

Англичане только начали осваиваться с восточным рынком, который, обещая многое в будущем, был незначителен в настоящем. Здесь следует попутно отметить, что российские купцы уже проникли в Персию и в Среднюю Азию, хотя их обороты были тоже незначительны.

В 1561 г. Дженкинсон повторил свой маршрут по Волге до Астрахани и через Каспийское море в Персию. Компания добивалась свободы торговли в странах Востока и свободы проезда в Индию. В течение второй половины XVI в. английские мореплаватели неоднократно следовали через Россию на Восток.

Вслед за капитаном Дженкинсоном между 1568 и 1573 гг. следуют путешествия англичан Томаса Алькока, Артура Эдвардса, Томаса, Бэнистера и Джефри Докета. Все они стремились на Восток. Эдвардс вел переговоры с персидским шахом и обещал доставлять ему ежегодно 200 тыс. штук каразеи и сукон, в то время как шах просил всего 100 тыс. штук. В письме компании Эдвардс указывал на возможность получения в обмен на каразею

шелка-сырца, хлопка и пряностей. В 1579 г. компания снова послала Эдвардса. Он умер во время путешествия в Астрахань.

Одновременно английские правительственные агенты направляются в Москву для переговоров о дальнейших льготах и привилегиях. Таковы посольства Томаса Рандольфа в 1567 г. и Джерома Боуса в 1583 г. Рандольф отмечает, что английская компания построила специальную барку для плавания по Волге.

При Иване Грозном англичане достигли максимума того, чего добивались. Иван IV весьма благосклонно относился к Англии, так как рассчитывал на ее политический союз и помощь в ливонской войне за Балтийское побережье.

Дальнейшее развитие представляет любопытную картину медленного, но неуклонного ограничения английских привилегий. Первые ограничения наметились уже при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. За англичанами было попрежнему сохранено право повсеместной беспошлинной торговли, но компания лишилась своей монополии. Северный путь был открыт и для других иноземных компаний. Грамота 1584 г. лишила компанию права розничной торговли.

Напрасно английский посол Флетчер, ссылаясь на выгоды для Москвы от британской торговли, на жертвы, которые несут англичане, завязывая сношения с Россией, настаивал на сохранении былых привилегий. Московское правительство указывало Флетчеру, что англичане на Руси не «великие убытки терпели», а наоборот, «торгуючи беспошлинно много лет, многие корысти себе получили». Москва особенно подчеркивала чрезвычайные преимущества, которые дарованы Англии «мимо всех иноземцев» и заключаются в том, что ей дозволено проезжать «в Бухару, в Шемаху, в Казвин, в Кизилбашскую землю... и мимо Казани и Астрахани во все в те государства пропущати торговати государь велит и пошлин с них имати не велит», тогда как «иным иноземцам никому никуды мимо Московское государство ходити не велено ни одное версты за Москву, не токмо в Казань и за Казань, и за Астрахань». Пора безраздельного господства Англии в Московии миновала.

II

Одна из причин неудачи англичан заключалась в успешной конкуренции Нидерландов. Первый нидерландский корабль пристал к Лапландскому берегу повидимому в 1564 г. Приехавший на нем крупный купец Винтеркениг заключил торговый договор с Печенгским монастырем и, вернувшись на родину, основал первую голландскую компанию для торговли с Россией. Через четверть столетия после Ченслера, в 1578 г., к устью Двины впервые прибыл голландский корабль. Постепенно завязываются регулярные сношения между обеими странами.

Какое значение придавали голландцы торговле с Россией, наглядно показывает проект, представленный Нидерландским ге-

неральным штатам в конце XVI в., в котором говорится, что «бог... указывает нам новую дорогу, которая столь же прибыльна, как и плавание в Испанию, а именно—дорогу в Россию». Один испанский автор писал в 1626 г. что «самая большая торговля, которую голландцы ведут теперь и вели долгие годы и которую они считают наиболее обеспеченной... это торговля с севером и главным образом с Москвой».

Голландцев, как и англичан, влекли сюда неисчерпаемые запасы дешевого сельскохозяйственного сырья. Неслучайно много лет спустя Стрейс, как и все иностранцы, путешествовавшие по Московии, неизменно отмечает баснословную дешевизну предметов потребления. Промышленная и торговая Голландия хотела превратить Россию в свою сырьевую базу.

Целью голландцев, как и англичан, было не только установление правильной торговли с Россией, но и поиски северного пути в Индию и Китай: голландцы рассчитывали пробиться через север к сказочным богатствам Востока.

На этом пути надо было освободиться от англичан. В ход пускаются все средства. Голландский купец де-Валле подкупил ценными подарками и крупнейшими денежными взятками виднейших приближенных царя: Никиту Романовича Юрьева, Андрея Щелкалова и Богдана Бельского. Англичане жаловались, что голландцы развратили русских чиновников, что они нарочно ставили на самых плохих своих сукнах фальшивое английское клеймо, чтобы дискредитировать английские товары, распространяли об Англии небылицы, рисуя ее во образе бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами или в виде дворняжки с обрезанным хвостом и ушами.

Голландия обнаружила большую гибкость. Английская торговля была сосредоточена в основном в руках одной компании. Уже в начале XVII в. компания вызвала против себя нападки английского парламента именно потому, что выродилась в монополию нескольких лиц. Не имея достаточных капиталов, ее «директора» не могли насытить не очень, вообще говоря, значительный спрос русского рынка.

Голландская торговля не была столь узко монопольной. Сами англичане признавали голландский ввоз более разнообразным. Ассортимент нидерландского импорта был весьма разнообразен, хотя и предназначался на удовлетворение нужд верхов русского общества в предметах роскоши.

Размеры голландской торговли в Московии показывают следующие цифры: в начале XVII в. в Гвинею приходило 10 нидерландских кораблей, в Китай—3, в Ост-Индию—7, в Россию—20. В 1572 г. в Архангельск приходило 3 голландских судна, в 1600 г.— 9, в 1618 г.—30, в 1658 г.—более 50 голландских и всего 4 английских корабля.

Голландский купец и дипломатический агент Исаак Масса злорадно констатировал в 1618 г.: «Сколько здесь (в Москве.—

А. Г.) прежде англичан уважали, столько их ныне презирают; сколько они прежде здесь гордились, столько они теперь повесили нос... С нашими купцами в нынешний год поступлено чрезвычайно милостиво».

50 лет спустя англичанин Коллинс со злобой и завистью писал: «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отбивают у англичан хлеб. Они гораздо многочисленнее и богаче англичан... В России их принимают лучше, чем англичан».

А Стрейс всюду на Востоке отмечает наличие купцов-соотечественников. Он с удовлетворением отмечает, что в Гомбруне «наши соотечественники-нидерландцы самые крупные и приятные из всех купцов» (гл. XXXVI), и персидский шах рассматривает голландцев как союзников и друзей, с которыми он ведет крупную торговлю. В этом смысле симптоматичен разговор Стрейса с армянскими купцами. «Только из Голландии,—сказали они,— можно будет ввозить через Каспийское море олово, цинк, ртуть, сукно, атлас и другие нидерландские материи и товары, которые можно хорошо и с большой выгодой продать в Дербенте, Шемахе и Ардебиле. Поэтому следовало бы всю торговлю шелком направить в Голландию; и гораздо лучше и удобнее отправлять товары в Голландию Каспийским морем, Волгой, через Архангельск, чем предпринимать далекий путь с большим и дорого стоящим конвоем или стражей, со многими опасностями, сначала сухим путем в Смирну, а оттуда с большими потерями от берберских разбойников через Гиспанское море, не говоря уже о невероятной пошлине, взимаемой турками, причем они (купцы.—*А. Г.*) полагают, что московский царь будет брать меньшую пошлину, чтобы развить и направить ту выгодную торговлю в свою страну» (стр. 232).

Здесь целая экономическая программа, очень хорошо объясняющая место Московии в системе международных связей той эпохи и обостренную борьбу за использование московского транзитного пути, которая издавна велась между Англией и Голландией и вылилась в прямую войну, описанную в отдельных эпизодах Стрейсом (гл. XXXVII). Война эта имела свои глубокие и старые корни. Московия занимала несомненно значительное место в борьбе двух могущественнейших держав Европы XVII в.

III

Мы сказали, что Голландия вытесняла Англию с московского рынка, но было бы глубоко ошибочным видеть в России XVI, XVII вв. колонию Европы, страну, попеременно меняющую хозяев. Европа, правда, стремилась превратить Московию в свою колонию. Стрейс разговаривал с персидским купцом о богатых возможностях торговли с Голландией через Россию, не принимая совершенно в расчет того, как будет реагировать на это Москва. В этом случае он следовал примеру других иностранцев, склонных рассматривать Россию как страну неограниченных, ничем не стесняемых возможностей.

Однако хотя иностранцы сулили Москве пошлину от транзитной торговли, но для самодержавного крепостнического московского государства интересы торгового капитала были далеко не безразличны, оно хотело само, через своих торговых «агентов»-купцов держать в своих руках торговые нити между Востоком и Западом.

Еще в середине XV в. Москва завязала сношения со Средней Азией через Каспийское море и Закавказье.

В конце XV в. тверской купец Афанасий Никитин добрался Волгой до Астрахани, оттуда через персидские владения в Индию. Он особенно интересовался торговлей, описал торговые порты и города. Но татарские ханства на Волге мешали налаживанию правильных связей. Завоевания Казани и Астрахани (завоевание Казани довольно подробно описано Стрейсом) в середине XVI в. открыли московским купцам старый среднеазиатский торговый путь и сделали их здесь едва ли не главными хозяевами.

Со второй половины XVI в. складываются более или менее правильные и регулярные сношения Московии со Средней Азией. В отдалении маячила сказочно богатая Индия. В 1520 г. приезжал в Москву для отыскания сухопутного пути в Индию генуэзец Павел Центурнон, а в 1537 г. — венецианец Марко Фоскарини. Живо интересовался этой проблемой Иван Грозный.

В стремлении Москвы к Индии было больше туманных мечтаний, чем реальных возможностей, но это желание проникнуть в сказочный край все же симптоматично для московских аппетитов.

Гораздо более реальную основу имели связи с низовьями Волги и со странами, расположенными у Каспийского моря. В 1557 г., т. е. на другой же год после завоевания Астрахани, там появляются «гости из Юргенча (Хивы.—*А. Г.*) со всякими товарами». Сношения среднеазиатских ханств с Москвой крепли и учащались. Особенное внимание на азиатскую торговлю было обращено при царе Алексее Михайловиче. Стрейс отмечает, что на рынке в Шемахе «большей частью останавливаются русские и обменивают олово, медь, юфть, соболей и другие товары» (стр. 245). В той же Шемахе, согласно Стрейсу, русские фигурируют то как рабы, то как работорговцы (стр. 245).

Однако русское купечество было еще слабо в восточной торговле, а более активная роль принадлежала азиатским купцам. Число посольств из Азии в Московию всегда превышало число посольств из Московии в Азию. Инициатива трех посольств, отправленных в 1646 г. в Персию, Бухару, Индию для урегулирования торговых и дипломатических вопросов, принадлежала среднеазиатским государствам.

Торговля последних была поставлена в Московии в стеснительные условия. Монополия наиболее выгодных статей торгового оборота в руках царя и «гостей», большие пошлины, которыми облагались предметы оборота частных купцов, не могли содействовать свободному развитию экономических связей.

Частная торговля восточных купцов допускалась, как правило, не далее Астрахани. В «памяти» из Посольского приказа от 18 ноября 1585 г. прямо сказано: «А тезикам бы есте, которые приедут с бухарскими послы и со юргенчьскими, отпустили их вместе с ними, а которые у них торговые люди пришли в Казань, а вы б о том к нам отписали и вы б их из Казани не пропущали по прежнему нашему указу».

Все ввезенные товары таких частных купцов подлежали прежде всего оплате в Астрахани различными пошлинами. Требовалось особое разрешение, чтобы купцы могли ехать торговать дальше Казани, при отъезде из которой нужно было уплатить пошлины в двойном размере по сравнению с русскими купцами. В 1627 г. торговые люди Москвы и других городов жаловались в челобитной, что «кизылбашские и бухарские земли тезики из Астрахани и из Казани ездят по всей вашей государевой вотчине... и у нас, холопей ваших, оне и последние промыслы отняли». Челобитчики просили, чтобы «кизылбашские и бухарские тезики дале Астрахани и Казани вверх вашу государеву вотчину тож б не ездили».

Новоторговый устав 1667 г., чрезвычайно ограничивший иностранную торговлю вообще, содержал специальные статьи о восточной торговле. Статья 77-я устанавливает весьма высокую пошлину с купцов, которые едут «из-за моря Кизылбаши, индейцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкасы». А статья 79-я гласит: «А золотых и ефимков не покупать и русским людям под заповедью кизылбашам не продавать».

Москва мало знала Среднюю Азию. Из Бухары ждали золота, в Индию отправляли плохие меха и слюдяные зеркала в то время, когда там уже получались европейские товары.

Восточные ханства платили Московии той же монетой. В 1651 г. шведский торговый представитель доносил, что в этом году в Астрахань не приехал ни один русский купец, так как шах захватил в Персии всех московских торговцев. В 1652 г. он доносил, что персы презирают русских и, наоборот, охотно торгуют с иностранцами. Стрейс также отмечает, что шах освободил англичан и голландцев от пошлин.

Несмотря на большие льготы на торговлю шелком, какие получила армянская торговая компания в конце 60-х и в начале 70-х годов XVII в., дела этой компании шли плохо. Московские гости указали на то, что армяне привозят «малое число» и то плохого шелку, «да и тем малого числа шелкам с русскими торговыми людьми по другому договору не торгуют, а желают торг иметь с иноземцы, по совету галанцов торговых людей».

Азиатский Восток и европейский Запад были заинтересованы в максимальной свободе сношений через Россию. Но поперек пути стояло московское купечество с его притязаниями; а за купечеством стоял фактический хозяин Московии — крепостническое дворянство во главе с московским царем.

Ограничения и стеснения западной торговли нарастали постепенно. Они шли по линии запрещения торговли иностранцев внутри страны, за пределами портов, шли по линии запрещения вступать в связь с непосредственным производителем, минуя русского торгового посредника и т. д. и т. п.

В 1627 г. наказан пенею англичанин, торговавший с персами. «Как были на Москве кизылбашские купчины, пришед к нему на гостин двор, купили у него в палате, где он с товаром своим сидит, олова прутового тридцать пуд». Между тем «по государеву указу англичанам и иным иноземцам торговым немцам с кизылбашскими купчины заморскими никакими товарами и оловом торговать не велено».

Сокрушительный удар постиг англичан в 1649 г., когда они были высланы из Московского государства за то, что «короля своего Карлуса до смерти убили». Изгнание англичан облегчало отмеченную выше временную победу голландцев. Но при всех их успехах и им не удалось превратить Россию в свою колонию.

В 1630 г. в Москву прибыло нидерландское посольство. Оно добивалось разрешения на монопольную покупку зерна. В монополии было отказано. Первые Романовы предоставили право транзитной торговли с Востоком только экономически маломощной гольштинской компании и не соглашались на транзит экономически сильных, а потому опасных Франции, Англии и Голландии.

Новоторговый устав 1667 г. завершил запретительные и ограничительные мероприятия Москвы в отношении иностранцев и свел ограничения предшествующих лет в единую систему.

Но нидерландцы, сильно укрепившие свои позиции в Москве, где они заняли первое место, не оставили своих колониальных поползновений. В 1675 г. в Москву был прислан голландский посол Кунраад фан-Кленк. В свите посла состоял и Стрейс. Кленк хотел втянуть Россию в войну, которую в то время вела Голландия с Францией. Не получив согласия Москвы, занятой войной с Турцией за Приднепровье, Кленк перешел к торговым предложениям: допустить голландцев к транзитной торговле с Персией, отменить новоторговый устав 1667 г. и разрешить свободную покупку хлеба. Предложения Кленка встретили отказ. Было созвано совещание гостей. Гости категорически указали, что об отмене новоторгового устава не может быть и речи: в результате устава разбогатела казна, «также и они, гости и всего Московского государства торговые люди, учали промыслы иметь и в торговых промыслах заводиться и час от часу полниться». Отмена же устава приведет к вытеснению русских купцов иностранцами. То же самое произойдет, по мнению гостей, если голландцам разрешить свободный транзит в Персию: они захватят восточную торговлю, «а русских людей до покупки и до промыслов к персидским товарам не допустят, и принуждены они будут персидские товары купить у них, иноземцев, с прибавочной ценою».

Неслучайно во всех мероприятиях против иностранной тор-

говли основной нитью проходит запрещение розничной торговли: феодал, базирующий свое хозяйство на непосредственной эксплоатации мелкого крестьянского хозяйства, боялся, что иностранец, не стесненный в розничной торговле, свободно курсирующий по всей Московии, ее торгам и торжкам, захватит эти торжки в свои руки, в ущерб помещику-крепостнику. С другой стороны, дворянское государство было непосредственно заинтересовано в торговых операциях, сосредоточенных в руках московских гостей. Нельзя забывать, что сам царь был первым купцом государства, что он стремился к монополизации в руках своих и гостей торговли наиболее доходными статьями, в том числе и шелком, шедшим как раз с Востока.

Записки Стрейса интересны прежде всего отражением борьбы европейского торгового капитала за Московию и Восток. Проблема московской и восточной торговли является ведущей темой третьего «путешествия». Правда, эту проблему ставили и другие иностранцы; правда, Стрейс очень много позаимствовал у своего предшественника, секретаря гольштинского посольства Олеария, оставившего замечательные записки. Но это не лишает ценности записки Стрейса. Это показывает лишь, что вопросы, занимавшие обоих путешественников, были животрепещущими для своего времени, играли роль важных мотивов европейской политики, интересовали столь широкие круги, что нуждались в повторении.

Но независимо от содержания (а оно, как мы увидим ниже, дает немало нового по сравнению с Олеарием и другими иностранцами) Стрейс своей манерой изложения вводит новую струю. У Олеария медлительное изложение, холодное описание чопорных приемов и торжественных речей. Он много говорит об официальной стороне дела, он обретается на верхних этажах общественного здания, он—ученый чиновник. Стрейс избегает сухого изложения фактов и «академических» описаний, он дает нечто вроде авантюрной повести, яркой и увлекательной, с той же, что и у Олеария, идеей пути через Московию на Восток; Стрейс обращается к более широкой аудитории, к средним и низшим слоям буржуазии своей родины.

IV

Записки Стрейса интересны еще в том отношении, что содержат некоторые сведения для понимания кризиса середины XVII в. Здесь Стрейс дает кое-какой новый и оригинальный материал, тем более важный, что кризис этот изучен явно недостаточно. Недостаточно выяснены не только его причины, но и конкретные показатели.

Страна не успела еще выйти из потрясений крестьянской революции начала XVII в., как в ней начала намечаться передвижка хозяйственных центров, передвижка населения, вызвавшая

упадок старых районов при слабом на первых порах подъеме новых. В основе кризиса лежала хищническая политика помещиков-крепостников, истощавших силы крестьянской массы, обрекавших колонии на поток и разграбление и тем подрывавших базу, на которой покоилась экономика ряда областей.

Начиная со второй четверти XVII в. все явственнее становились признаки разорения Поморья, отлива отсюда жителей. Пустели деревни, безлюдели крестьянские дворы, население «брело розно». «Пить и есть нечего и кормятся христовым именем». Ряд неурожайных лет в начале 40-х годов довершил упадок. Царские чиновники сообщали из северных городов, что «многие оскуделые крестьяне от правежу бегают с женами и детьми по лесам, и пашня у них яровая не пахана», что крестьяне «хотят бежать в сибирские города и по иным городам».

Падают и крупнейшие торговые центры, пункты связи с Европой. Число дворов двинской группы — Холмогор и Архангельска — с 744 в 40-х годах дошло до 645 дворов в 70-х годах. Единственное в XVII в. «окно в Европу», Архангельск, продолжало все же сохранять свое положение крупнейшего центра связи с Западом. Несмотря на отдаленность и неудобства географического расположения на далеком Севере, у скованного большую часть года льдами выхода к морю, Архангельск привлекал к себе иностранцев тем, что сообщение через него было связано с уплатой незначительных пошлин по сравнению с путем в Россию через Балтийское море.

Однако Москва, прогнанная с Балтийского моря в результате Ливонской войны, не порывала связей с Балтикой, на стороне которой были географические преимущества.

Во второй половине XVII в. население возвращалось обратно к Балтийскому морю.

Резко определившееся истощение пушных богатств Сибири ослабило экономические позиции Архангельска, в оборотах которого пушной торг занимал существенное место. Зато растут тяготеющие к Балтике посады северо-западной цепи: Углич, Тверь, Торжок, Старая Русса, Новгород и наконец Псков — важнейший город этой окраины, головной пункт всей цепи.

Путевые впечатления Стрейса отлично иллюстрируют указанные сдвиги. «Октября 20-го мы пересекли границу Московии в деревне Печоры, там хорошее пастбище, и держат много коров... Эта деревня богаче многих городов этого края» (стр. 146). «Псков — большой город, добрых два часа в окружности» (стр. 147). А вот как Стрейс описывает дорогу из Пскова в Новгород: «Это путешествие было веселее и приятнее, чем через Лифляндию, потому что тогда мы должны были ехать дремучими лесами и болотами, а теперь проезжали хорошими пастбищами, нивами, конопляными и льняными полями» (стр. 148).

Отмечая, что в результате московского завоевания новгородская торговля упала, Стрейс тут же прибавляет: «но не заглохла,

ибо в настоящее время в нем собираются купцы, преимущественно из Гамбурга, Любека, Швеции и Дании, которые прибывают из реки Невы до самого Новгорода. Торговля идет зерном, ячменем, льняным и свекловичным семенем, мехами, коноплей, льном, в особенности юфтью» (стр. 148). Торжок «весьма населен и красив» (стр. 151). Чрезвычайно интересны наблюдения Стрейса и во время путешествия по Волге. Перед читателем проходит вся панорама этой важнейшей водной артерии. Тут и Нижний-Новгород с канатными дворами, и красивые села и пажити, а кое-где и города между Нижним и Казанью.

Дальше—Козьмодемьянск, где население промышляет изготовлением и продажей саней, корзин, кошелей, ведер, ковшей, кувшинов и бочек. Этот промысел, говорит Стрейс, весьма доходен, что не мешает козьмодемьянским жителям жить бедно и плохо.

Вот две недавно отстроенные деревни у Соляной горы. Здесь много соляных котлов и сковородок для выварки соли, тут же добываемой. Соль отправляется «большими грузами вверх по Волге, по направлению к Москве. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли».

В то время эти места еще не были окончательно усмирены. Колониальные завоевания включили всю Волгу в состав Московского государства. Но волнения националов еще продолжались, беглые крестьяне собирались в казацкие отряды и тревожили своими нападениями купеческие караваны, войсковые отряды. Стрейс подчеркивает, что плавание по Волге не безопасно из-за нападений донских казаков (стр. 182). Стрейс обратил внимание, что Чебоксары сильно укреплены, в них увеличенный «по случаю бунта казаков» (т. е. разинцев) гарнизон (стр. 184). У впадения реки Усы в Волгу тоже неспокойно: «Здесь весьма опасно проезжать из-за разбойников, которые скрываются в кустарниках и, завидя кого в горах, быстро нападают на него» (стр. 189). В Саратове также военная обстановка: «В нем живут только московский воевода, стрельцы, назначенные для защиты от казаков и калмыцких татар» (стр. 190—191). Приехав в Астрахань, Стрейс вводит нас в обстановку большого города на стыке с азиатским Востоком — города, где кипит торговая жизнь, куда приезжают представители различных национальностей Азии и Европы.

И хотя в описании путешествия по Волге Стрейс во многом следует за Олеарием, раньше проезжавшим здесь, но целый ряд деталей говорит за то, что, используя готовую канву, Стрейс вносит здесь значительный материал непосредственных, личных впечатлений и наблюдений.

V

Особый, самостоятельный интерес представляют страницы путешествия Стрейса, посвященные движению Разина. Мимо них не пройдет ни один исследователь этого движения. Хотя Стрейс ненавидит Разина и возглавленное им движение, но клас-

совая ненависть не помешала ему сделать ряд ценных и правильных наблюдений. Значение этих наблюдений тем более велико, что они принадлежат человеку, попавшему в самый водоворот событий и передавшему свои непосредственные впечатления от виденного и слышанного. Страницы, посвященные разинскому движению, наиболее ценны. Мы располагаем довольно скудным запасом источников о разинщине. Тем большее внимание должны привлечь к себе данные записки.

Рассказ Стрейса о разинщине выигрывает по сравнению с записками других иностранцев, пользовавшихся для описания разинщины либо официальными правительственными сообщениями (Томас Ньюкомб), либо изложением событий у Стрейса (Койэт, автор «Посольства Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу»), либо дающих мало конкретного материала и много рассуждений (Шурцфлейш), либо передающих только отдельные разрозненные моменты из истории движения (Рейтенфельс).

Поэтому неправильным представляется мнение т. Б. Тихомирова о незначительной ценности записок Стрейса в части, касающейся «разинщины» [1], и уж совершенно неосновательно уверяет т. Тихомиров, будто «Стрейс выдвинул и развил легенду о том, что Разин мстил царскому правительству за своего брата, якобы повешенного за нарушение дисциплины во время похода 1665 г. в Малороссии» [2].

Как раз наоборот. Излагая эту легенду, Стрейс прибавляет: «Это принято считать причиной его недовольства или, вернее, поводом к его варварским жестокостям. Но это неверно, что следует из того, что он выступает с оружием не только против царя, но и против шаха персидского, который не причинил ему ни вреда, ни несправедливости» (стр. 202).

Движимый классовой ненавистью Стрейс изображает Разина как грабителя. Однако и враг не мог не заметить в «разинщине» ее истинных классовых целей. Характерна в этом смысле речь Разина к перешедшим на его сторону: «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми» (стр. 204).

Недаром «после этих слов каждый готов был итти за него на смерть и все крикнули в один голос: «Пусть он победит всех бояр, князей и все подневольные страны» (стр. 204). Такова истинная антидворянская, антифеодальная программа движения.

Именно в этом отмечаемые Стрейсом корни огромной популяр-

[1] Б. Тихомиров, Источники по истории разинщины, «Проблемы источниковедения», сб. 1, 1933, стр 64,
[2] Там же, стр. 65.

ности движения в крепостном крестьянстве и в других слоях эксплоатируемой массы. «Глупый народ, — пишет Стрейс, — начал роптать и высказывать похвалы разбойнику, и во всех городах этой местности начались такие волнения, и каждый миг приходилось со страхом ждать ужасного кровопролития. «Восстань, восстань, народ!» — кричали даже стрельцы.— «К чему нам служить без жалования и итти на смерть? Деньги и припасы истрачены. Мы не получили платы за годы, мы проданы и преданы» (стр. 204).

Вот почему войска контрреволюции массами переходили в революционный стан (стр. 202), а «весь простой народ склонился к нему (Разину.—*А. Г.*), стрельцы нападали на офицеров, рубили им головы или передавали их со всем флотом Разину». Недаром воевода Прозоровский «весьма дивился, не ведая, где он (Разин.—*А. Г.*) в столь короткое время собрал такую большую силу, ибо у него оказался флот из 80 новых судов, на каждом две пушки и множество войска» (стр. 203). «Сила его (Разина. — *А. Г.*) росла день ото дня, и за пять дней его войско увеличилось от 16 тыс. до 27 тыс. чел. подошедшими крестьянами и крепостными, а также татарами и казаками, которые стекались со всех сторон к этому милостивому и щедрому полководцу» (стр. 204).

Солдаты флота князя Львова восстали, убили офицеров, «объявили, что они за казаков и передали суда в руки Стеньки Разина не иначе, как заранее в том столковавшись» (стр. 208). По образному, абсолютно справедливому замечанию Стрейса, «пламя восстания разбросало во многих местах свои искры» (стр. 209). Даже там, где пока господствовала контрреволюция, она чувствовала себя весьма неуверенно. Еще Разина нет в Астрахани, а феодалы уже не знают, на кого можно положиться, уже «слышно было здесь и там о разных мятежных сговорах, большей частью тайных» (стр. 206), уже наместник потерял всякую власть и, скрепя сердце, молча выслушивает всякие оскорбления (стр. 208), а дворяне заняли места «простых солдат», будучи неуверены в рядовых стрельцах (стр. 206).

Трудно переоценить значение этих наблюдений, правдивость которых нельзя заподозрить тем более, что они записаны человеком, ненавидевшим крестьянскую войну. Приведенные места рисуют огромную силу восставших, их пестрый национальный состав, колоссальный размах движения, поднявшего всех, кого угнетал и эксплоатировал феодально-крепостной строй.

Дошло до того, что «господа, надев дешевое, плохое платье, покидали жилища и бежали в Астрахань». С дворянами расправа была беспощадной: их убивали, топили в Волге, головы убитых помещиков крестьяне в мешках приносили к Разину в знак своей верности.

Изображая Разина кровожадным зверем, Стрейс принужден отметить в нем ряд положительных черт. Разин «держался скромно», его «нельзя было бы отличить от остальных» (стр. 200) его

соратников. Зато по отношению к представителям господствующих классов он вел себя совсем иначе. «Держал он себя по отношению к персидскому королю с таким высокомерием, как будто сам был царем» (стр. 205), он придерживался порядка и сурово преследовал проявления недисциплинированности (стр. 202). Разин возмутился, когда Прозоровский предложил ему выдать перешедших на сторону революционной армии «слуг его величества», и с негодованием отверг это предложение, сказав: «Должен я предать своих друзей и тех, кто последовал за мной из любви и преданности» (стр. 203). Чувство большого внутреннего достоинства сквозит в его ответе Прозоровскому, посмевшему делать Разину «предписания, как своему крепостному, когда я рожден свободным» (стр. 203).

«Кровожадность» Разина имела определенную классовую направленность и касалась «по большей части начальников», а не «простого народа» (стр. 208).

Любопытно, что в отличие от других крестьянских войн феодально-крепостной эпохи разинщина не была облечена в оболочку монархической идеологии. По свидетельству Стрейса, Разин «не хотел носить титула, сказывая, что он не пришел властвовать, но со всеми вместе жить, как брат» (стр. 205).

Койэт, автор описания посольства Кунраада фан Кленка, рассказывает, будто Разин снарядил две лодки, посадил в одну из них юношу, которого выдавал за покойного царского наследника Алексея Алексеевича, бежавшего от бояр, а в другой лодке, утверждал Разин, находится патриарх Никон. Таким агитационным приемом Разин привлек якобы на свою сторону массу [1]. Если и верно это утверждение Койэта, то оно все же не нарушает основного вывода: «монархизм» у Разина не играл значительной роли.

Если к восстанию примкнули все низы феодального общества—крепостные крестьяне, казаки, националы, эксплоатируемый люд приволжских городов, — то против крестьянской войны ополчились общественные верхи, без различия национальности, сословий. Не только аппарат крепостнического государства, но персидский шах, польские и немецкие офицеры, шотландские дворяне, английские и голландские капиталисты, немецкие лейтенанты и прапорщики — все поднялись на подавление восстания, добровольно предложили услуги феодальной контрреволюции (Стрейс, стр. 207, см. также письмо капитана Бутлера). Недаром ненависть разинцев была обращена и против иностранных гостей.

Стоит прочитать письмо капитана Бутлера, чтобы почувствовать всю силу его диктуемой классовыми интересами ненависти к движению, страх перед размахом борьбы угнетенной массы, неуверенность в представителях этой массы, находившихся на царской военной службе, их готовность восстать при малейшей возможности.

[1] «Посольство Кунраада фан Кленка», стр. 453—454.

Достаточно было одному полковнику попробовать убеждать солдат «отступиться от казаков как мятежников и верно защищать город», чтобы получить ответ, «чтобы он заткнул свою глотку» (стр. 361). Другие офицеры были убиты восставшими. Исключение делалось, по свидетельству Бутлера, только для персов, с которыми обращались более милостиво (стр. 366). Бутлер не может объяснить этого явления, но, повидимому, оно мотивируется указываемым Стрейсом желанием Разина заключить союз с восточными ханствами, чтобы объединенными силами выступить против Москвы (стр. 209, 269).

Как видим, записки Стрейса, при всей необходимости строго критического подхода к ним, заслуживают нашего внимания. В живой и легкой форме они дают дополнительный материал для понимания ряда существенных исторических вопросов.

Не случайно буржуазно-дворянская историография мало занималась и мало использовала «путешествия» Стрейса. Дело тут не только в том, что он не всегда оригинален и прибегал к заимствованиям. Буржуазная историография сознательно игнорировала изучение крестьянских войн. Поэтому буржуазные историки, широко используя «сказания иностранцев о Московском государстве», оставляли Стрейса в тени. Тем важнее сейчас сделать рассказ Стрейса о разинщине достоянием широкого круга читателей.

То же можно сказать и об истории угнетенных народностей.

Историю народов СССР начали писать только после Октября. Буржуазно-дворянская историография подходила к тем, кого она вслед за колониальными завоевателями называла «инородцами», как к объекту «культурнической миссии великорусского племени», лишала их права на самостоятельное существование, игнорировала их в своей великодержавной шовинистической науке. И тут записки Стрейса вносят нечто свое, свежий бытовой материал, живо изложенный наблюдательным путешественником.

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой не только занимательное чтение, но и значительный интерес как исторический документ.

А. Гайсинович

ПАРУСНЫЙ МАСТЕР ЯН СТРЕЙС И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ

Стрейс, Стрюйс, Струс, даже Струф и Страус и, наконец, Штраус — так на все лады называли в русских документах и исторических исследованиях этого человека, который приобрел себе славу неутомимого путешественника[1].

Уроженец Нидерландов, сбежавший от строгого отца, который все же успел обучить его «хорошему ремеслу, парусному делу», Ян Стрейс в 1647 г. нанялся на корабль «Святой Иоанн Креститель», снаряженный в Амстердаме генуэзцами вместе с другим кораблем «Святой Бернард» для большого торгового плавания. Эти корабли, торговые, военные и разбойничьи в одно и то же время, на пути из Генуи в Суматру захватывали мелкие суденышки, грабили побережья, расправлялись с туземцами и наконец сами попали в плен к голландцам. Стрейс перешел на службу к Ост-Индской компании, побывал в Сиаме, на Формозе, в Японии. Вернувшись в 1651 г. в Голландию, он через четыре года снова ушел в плавание, попал в Ливорно, нанялся в Венеции в морскую армию, воевал с турками, попал в плен, бежал, побывал на островах Архипелага. В 1657 г. он снова в Амстердаме, женится, обзаводится семьей, но не оставляет помыслов о дальнейших путешествиях. В 1668 г., узнав, что уполномоченный московского царя набирает людей для плавания по Каспийскому морю, он нанялся парусным мастером и отправился со шкипером Давидом Бутлером, назвавшим себя капитаном, в неизвестную ему Московию.

Прорезав все Московское государство от Новгорода до Астрахани, Стрейс был свидетелем движения Степана Разина, подвергался опасности быть убитым казаками, бежал вместе с другими матросами на шлюпке по Каспийскому морю. В Дагестане их всех обратили в рабство. Стрейса выкупил польский посланник в Шемахе, а в 1671 г., заплатив выкуп своему хозяину, он выбрался из Персии, прошел с караваном из Исфагана в Гомбрун, откуда морем отправился в Батавию, где снова поступил на службу к Ост-Индской компании. Наконец, на обратном пути в Голландию

[1] Струф и Ян Струс: «Дополнения к актам историческим», т. V, СПБ. 1853 г. ч. 1, № 47, стр. 268, 270. Стрюйс (франц. Struys): П. Юрченко, Русский архив, 1880 г., кн. 1, «Первое путешествие по России голландца Стрюйса». Страус и Штраус (нем. Strausz): А. Попов, О построении корабля «Орла» в государствование царя Алексея Михайловича, «Русская беседа», 1858, кн. 4, отд. V, стр. 3. Стрейс (голл. Struys): А. Ловягин, Введение к книге «Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу», СПБ, 1900.

он попал еще в плен к англичанам и вернулся домой 7 октября 1673 г. Такова история Стрейса по его книге. Кроме того мы знаем, что в июле 1675 г. он снова поехал в Московию простым конюхом и пушкарем в свите Кунраада фан Кленка, чрезвычайного посла Генеральных штатов Голландии и принца Оранского.

В Москве он предъявлял правительству претензию за прошлую службу. В русской Голландского двора книге № 9, содержащей в себе официальные записи приема, речей, бесед и разговоров с послом, значится: «Посол говорил: «В прошлых же годах, по указы блаженные памяти великого государя, его царского величества, послан был в Астрахань иноземец корабельщик и в воровство Стеньки Разина ушел за море и через многие земли вышел в Галанскую землю, и из Галанской земли к Москве выехал с ним, послом. А великого государя его царского величества жалованьем против своей братии корабельщиков, которые в Астрахани были с ним вместе, не пожалован. И ныне он, посол, великому государю, его царскому величеству, бьет челом и милости просит за того корабельщика, чтоб великий государь, его царское величество, пожаловал его, велел ему, корабельщику, на расплату долгов его и для скудости выдать свое великого государя жалованье против его братии и подал ближним боярам челобитную»[1].

Была ли удовлетворена его просьба — неизвестно. В сентябре 1676 г. через Архангельск Стрейс вернулся с посольством в Голландию. В том же году в Амстердаме вышло описание трех его путешествий (1647—1673 гг.) с посвящением бывшему советнику амстердамскому Николаю Витсену и Кунрааду фан Кленку, владетелю Лоргейма и Орсена, советнику и судье в Амстердаме. «Привилегия», выданная правительством книгопродавцам Якобу Мерсу и Иоганну Зоммерену на право издания книги Стрейса, датирована 23 сентября 1675 г. Это говорит о том, что книга была написана до путешествия посольства фан Кленка. Сведения о дальнейшей жизни Стрейса крайне скудны. Известно лишь, что он жил в Дитмарше, где и умер в 1694 г.[2]

Книга Стрейса имела несомненный успех, была переведена на несколько языков и переиздавалась несколько раз вплоть до начала XIX в. Первое, основное голландское издание представляет собой книгу в четвертую часть листа, на плотной бумаге с широкими белыми полями: J. J. Struys. Drie aanmerkellijke en seer rampspoedige REYSEN, door Italien, Griekelandt, Lifflandt, Moscowien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en

[1] «Посольство Кунраада фан Кленка», Введение, стр. XXVI—XXVII, прим. II.

[2] A. I. van der Aa Biographisch Woordenboek der Nederlanden. Tiende Deel Haarlem. J. J. van Brederode. 1874. bl. 329. В. Кордт указывает на работу *W. C. Ackerdiick*, Over den Nederlandsche reiziger J. J. Struys 1824, которой не оказалось в библиотеках Москвы и Ленинграда (В. Кордт, Чужоземні подорожі по східній Европі до 1700 р., У Киіві, 1926 г., стр. 133).

verscheyden andere Gewesten... T'Amsterdam, by Jacob van Meurs, op de Keysers Graft, en Johannes van Someren, in de Kalverstraat, 1676. Met Privilegie. Число страниц: IV+378+34+12 вкладных гравюр, карта Каспийского моря и одна выходная гравюра, причем на последней означено: J. Jan sen Struys Voyagien door Moscovien, Tartaryen, Oost-Indien, en andere deelen der Werelt. Met Privilegien, t'Amsterdam, Anno 1677[1].

В том же году у тех же издателей вышло другое издание этой книги в 4°, но на более тонкой бумаге, с малыми полями, иной заставкой на титульном листе и добавлением слов: Hier is noch by gevoeght Frans Sansz. Van der Heyden vervaarlijke Schipbreuk van t'Oost-Indisch Jacht ter Schelling, onder het Landt van Bengalen. Это приложение — самостоятельная книжка в 96 страниц с изображениями, особым титульным листом и вступной гравюрой (помечена 1675 г.), просто подверстанная к книжке Стрейса[2].

В остальном названное издание ничем не отличается от предыдущего. Следующее за ним в 4° с тем же заглавием и числом страниц, как в основном издании (но с новой заставкой на титульном листе), вышло в 1686 г. у книгопродавцев «Jan Blom, vooran in de Kalverstraat, en Aart Dirkse. Oossaan, op den Dam», t'Amsterdam; и в 1746 г. by Steeve van Esveldt, t'Amsterdam; с изменением орфографии и числа страниц (IV+382+28+14), с пометкой «Laaste druck», сделанной на титульном листе и с приложением Vervaalyke Schipbreuk vant'Osstindisch Jacht ter Schelling etc. Кроме того в 1705 г. «Путешествие» Стрейса вышло под заглавием: J. J. Struys aanmerkelijkeen seer Rampspoedige Reysen, door Lijfland, Moscovien, Tartarien, Persien, en Oost-Indien. Met een berschryving van de Gelegentheyt, Aart en Gewoonte dier Volkern, en Landen, beneffenz seltsame voorvollen tot sijn te rugkomst alhier, t'Amsterdam. By de Weduwe van Gysbert de Groot, Boekverkoopster op den Nieuwen-Dijk, in de Groote Bybel. 1705, p. 112.

То же там же в 1713 г. Это—значительно сокращенное издание только третьего путешествия, без рисунков и писем с корабля «Орел» и Давида Бутлера[3]. В. Кордт указывает еще на одно голландское издание Стрейса: Гаарлем, 1741 г.[4]

Первым переводом книги Стрейса был немецкий: Joh. Jans. Strauszens sehr schwere, wiederwertige und denkwürdige Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moskau, Tartarey, Meden, Persien, Ostindien, Japan und unterschiedliche andere

[1] Неточность в ссылках на эту книгу и заставляла предполагать наличие двух различных изданий—1676 и 1677 гг. См. «Русский архив», 1880 г., кн. I, стр. 5, прим. 1.

[2] Возможно, что именно это издание и было первым по времени.

[3] Так, гл. XXII, занимающая в основном издании 8 неполных страниц, здесь уместилась на одной. Всего в этом издании 32 главы вместо 37 в третьем путешествии основного издания.

[4] В. Кордт, Чужоземні подорожні по східній Европі до 1700 р. У Київі, 1926, стр. 133. Все издания и переводы Стрейса кроме указанного имеются в Гос. публ. библ. в Ленинграде.

Länder... Aus dem Holländischen uebergesetzet von A. M. Amsterdam. Bey Jacob von Meurs und Johannes von Sommern. Buchhändlern daselbst. Anno 1678. Mit Freiheit. In 4°, в два столбца VI+223+9 стр., карта, 29 изобр., вступ. гравюра и заставки в тексте. Также и в немецком переводе вышло сокращенное издание третьего путешествия: Unglükliche Schiffsleute oder merkwürdige Reise bzwanzig Holländern... Erstlich in Nider-Teutscher Sprache beschrieben von Joh. Jansen Strauss und nun in Zürich zum Druck verfertiget durch Jacob Redinger. Bey Heinrich Müller im Jahr des Herren 1679. 8°, 213+11 стр. Тридцать семь глав третьего путешествия сведены здесь в шесть частей. В середине книги, в конце четвертой части, после рассказа Стрейса о бегстве голландцев из Астрахани вставлено краткое изложение письма Бутлера. В 1797 г. в переводе с французского появляется в двух томах: Johann Struys, ehemaligen Schiffskapitans in französischen Dinsten—Erzählung der Abentheuer und merkwürdigen Begebenheiten auf seinen Reisen durch Italien, Griechenland, Russland, Persien und Ostindien. Nebst einer genauen Beschreibung der Völker, Sitten, Gebrauche und Lebensart der von ihm bereis ten Länder. Aus dem französischen, Lpz. 1797. Bd. I, S. 321; Bd. II, S. 328.

И наконец: Johann Jansen Straussens Reise durch Italien, Griechenland, Liefland, Moskau... Aus dem Holländischen ueber setzt und mit berichtigenden Anmerkungen aus neuern Reisen versehen. Gotha und Erfurt Heuningsche Buchhandlung 1832, in 8°, S. 458 без письма Бутлера с большим числом примечаний[1].

Французские переводы: Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs autres pays étrangers... Par Glanius. A Amsterdam, chez la veuve de Jacob van Meurs. MDCLXXXI. 4°, XII+360+14 p.; с изобр. (также с приложением: Relation du Naufrage d'un Voisseau Hollandais nommé ter Schelling). Последующие издания: Id. Vol. 1—3, Lyon, chez C. Rey et L. Plaignard. 1682, 12° [2]; Vol. 1—3, Lyon, 1684, 12°; Vol. 1—3, Amsterdam. 1712, 12°; Vol. 1—3, Amsterdam, 1720, 12°; Vol. 1—3, Amsterdam—1762, 12°; Vol. 1—2. Konen. 1724,12°; Vol. 1—3, Amsterdam, 1762, 12°; то же в сокращенном издании. Voyages de Jean Struys en Russie, en Perse et aux Indes, mis dans un meilleur ordre, et reduit aux faits les plus interressants. Paris 1627, 12°; Vol. 1—2[3]; id. ib. 1832, 12° Vol. 1—2.

Известны следующие английские переводы: The Perillous

[1] Рецензия на это издание была помещена в «Журнале Министерства народного просвещения», 1834 г., № 5, май, стр. 326—328. Любопытно отметить, в чем в это время видели значение книги Стрейса. Так, о третьем путешествии сказано: «Описание знаменитых развалин Персеполя есть важнейшая часть в сем последнем путешествии, и оно (по словам немецких газет) столь достойно всеобщего внимания, что само по себе, без отношения к прочим частям книги, делает ее весьма занимательной» (стр. 328).

[2] С него сделан перевод П. Юрченко.

[3] Между прочим это издание было в библиотеке А. С. Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, СПБ 1910, стр. 344). В письме к

and most Unhappy Voyages of John Struys, through Italy, Grece, Lifeland, Moscovia, Tartary, Media, Persia, East India, Japan and other Places in Europe, Africa and Asia... Rendred out of Net herdutsch by John Morrison. Printed for Samuel Smith. London 1683, 4°. VI+XVI+378+X p. с изобр.; предисловие переводчика к читателю; The voyages and travels of John Struys... Printed for Abel Swalle, Ib. 1684, 4°.

Книга Стрейса рано вызвала к себе интерес в России. Уже во времена Петра I иноземцу Венедикту Шиленгу был заказан «перевод с голландского языка о разорении Астраханском через Стеньку Разина», перевод этот не был закончен [1].

Затем в «Древней российской вивлиофике», издаваемой Николаем Новиковым, было помещено «Введение о строении первого в России корабля, именуемого «Орел», каков построен был во дни великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России, близ села Дединова. И о плавании того корабля Волгою до Казани, а оттуда в Астрахань, и по всему морю Каспийскому, под Правлением Господина Брукмана. Выписано из книги зомовой: Вояж Иоанна Стрюса в Москву и Персиду и в прочие страны, из первого тома, напечатанного в Лионе 1684 года от Рождества Христова, на французском языке, а по словенску 1719 года» [2].

В 1824 г. выдержки из Стрейса были напечатаны А. Корниловичем в «Северном архиве» [3].

В 1880 г. в первой книге «Русского архива» был напечатан перевод П. Юрченко с французского перевода [4]. Выбор издания для перевода был не совсем удачен. Лионское издание 1682 г. значительно отличалось от голландского 1676 г. довольно произвольным обращением с переводимым текстом. Так, в голландском,

Норову (ноябрь — декабрь 1833 г.) Пушкин писал: «Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего Стеньку; завтра получишь «Struys и одалиску» (Переписка под ред. В. И. Саитова, т. III, СПБ 1911 стр., 62).

[1] П. Юрченко, О путешествии по России голландца Стрюйса, «Русский архив», 1879 г., № 7, стр. 265—269; см. также: П. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, 1862, стр. 224, и А. Соболевский, Из переводной литературы петровской эпохи (библиографические материалы), СПБ 1908, стр. 20.

[2] «Древняя российская вивлиофика», изд. 1-е, СПБ 1773, ч. 1, стр. 40—50; то же, изд. 2-е, ч. 3, 1788 г., стр. 463—471. Издание 1719 года нам не известно и ни в одной авторитетной библиографии не отмечено.

[3] Голландец Ян Янсен Стрейс (отрывок из «Опыты истории», «Путешествие по России»), «Северный архив», СПБ 1824 г., ч. 9, стр. 275—290, ч. 10, стр. 26—40.

[4] «Путешествие по России голландца Стрейса», «Русский архив», 1880, т. I, стр. 17—128, с предисловием переводчика (стр. 4—16). П. Юрченко перевел только места, относящиеся к России. (Из первого тома: стр. 291—293; 296—298 и 304—455; из второго: стр. 1—103 и 107; из третьего: стр. 113—181). Сюда вошли из третьего путешествия гл. I (неполн.), гл. II—XV, гл. XVI (неполн.), копия с письма, писанного на корабле «Орел», и копия с письма Давида Бутлера.

равно как в немецком переводе 1678 г. и английском 1683 г., Разин, перед тем как бросить княжну в воду, обращается к Волге с такими словами: «Прекрасная река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести и славы, и тьфу! на меня за то, что я до сих пор ничего не принес в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу больше быть неблагодарным». В переводе Юрченко, согласном с лионским изданием, это обращение имеет такой вид: «Нужно признаться, ни одна река не может сравниться с тобой, и нет славнее тебя. Чем только я не обязан тебе за то, что ты доставила мне столько случаев отличиться, и за то, что дала средства скопить столько сокровищ? Я обязан тебе всем, что имею, и даже тем, чем я стал. Но, в то время как ты составляешь мое богатство и осыпаешь меня благодеяниями, я испытываю неприятное чувство неблагодарности. Хотя бы это произошло от бессилия, оно все-таки не оправдывает меня и не лишает тебя права жаловаться на меня. Ты, может быть, поступаешь так даже теперь, когда я говорю, и мне кажется, что я слышу твои жалобы и упреки за то, что я не позаботился предложить тебе что-нибудь. Ах, прости, любезная река! Я признаюсь, что обидел тебя, и если этого признания недостаточно, для того чтобы успокоить твой справедливый гнев, я предлагаю тебе от чистого сердца то, что мне дороже всего на свете. Нет более достойного изъявления моей благодарности, и ничто не может лучше выразить мое почтение за милости, которыми ты осыпала меня» [1]. Приведенный пример дает возможность судить не только о степени расхождения этих изданий, но и о направлении, в каком велась переработка путешествия Стрейса при переводе.

Из «Русского архива» главы «Путешествия», касающиеся города Астрахани, были перепечатаны в «Памятной книжке Астраханской губернии на 1894 год» (Астрахань 1893), стр. 103—143, и в «Астраханском сборнике» в 1896 г.[2]. В последнем помимо того были воспроизведены два рисунка из французского перевода Стрейса: «Вид города Астрахани» и «Взятие города Астрахани Стенькой Разиным». После перевода Юрченко новых переводов книги Стрейса до настоящего издания не появлялось.

Неоднократно высказывались сомнения в достоверности «Путешествия» Стрейса. Репутация этой книги была поколеблена еще при жизни автора. Комментатор и переводчик Эразма Питер Рабус, основавший журнал «Boekzaal van Europe», поместил

[1] «Русский архив», 1880 г., т. I, стр. 91—92. Здесь Юрченко делает такое примечание: «Эта речь, действительно странная в устах казака вследствие искажения иностранцев, переделана господином Костомаровым (т. II, стр. 273—274), которому следовали Афанасьев и другие».

[2] «Астраханский сборник», издание Общества исследователей Астраханского края, выпуск I, Астрахань 1896 г., стр. 103—143. Перепечатаны главы IX, XI (не полностью), гл. XII—XVI, копия с письма, писанного на корабле «Орле», и копия с письма Д. Бутлера.

в нем (1693 г., июль и август) краткое изложение книги иезуита Авриля, появившейся и в голландском переводе[1].

Авриль писал в своей книге: «По дороге в Эривань с великим удовольствием взирал я на прославленную гору Арарат, о которой думают, что на ней после потопа остановился Ноев ковчег. Я не знаю, наблюдал ли ту гору Ян Стрейс, составивший основательное описание ее в истории своего путешествия, в тщательности которой он хочет нас уверить. Что до меня, так я имел довольно времени, месяц с лишним, проведенный мной в Эривани, чтобы ознакомиться с положением горы и со всеми мельчайшими вещами, имевшими к ней отношение, а посему не мог без гнева прочесть то, что этот охотник до приключений пишет. Сверх очевидной неправды он еще осмелился дать вымышленное описание путешествия, которое он якобы совершил на эту совершенно недоступную гору, и притом поместить ее в пятидесяти милях от Каспийского моря, тогда как она отдалена от него на сто пятьдесят миль»[2]. В другом месте Авриль говорит: «Астрахань, согласно точнейшим вычислениям географов, — город, расположенный под 48° северной широты, на острове, образованном Волгой в тринадцати милях от устья реки, что бы ни говорил Стрейс, который хочет, чтобы он был удален на пятьдесят миль»[3].

В 1694 г. в тетради за май — июнь «De Boekzaal van Europe» появился «Berigt wegens Jan Jansz Struys», из которого видно, что пресловутый путешественник (alomberuchten reiziger) 28 мая 1693 г. посетил Рабуса, жалуясь на несправедливое обвинение в «лживых речах». Далее последовал «дружеский разговор» о «странной истории горы Арарат и случившихся там происшествиях», что Рабус «и многие другие» считали басней, также о положении Астрахани у Каспийского моря и различных иных вещах. Рабус приводит слова Авриля и ради беспристрастия добавляет, что у Стрейса Арарат удален от Каспийского моря не на 50 миль..., а еще того меньше. В заключение Рабус выразил свое удовлетворение тем, что ему довелось побеседовать с великим путешественником[4]. Замечания Авриля послужили исходным пунктом и для позднейших оценок «Путешествия» Стрейса.

В 1763 году Г. Ф. Миллер издал «Описание Каспийского моря» Ф. И. Соймонова с таким примечанием: «К страусенову путиописанию присовокуплены два письма, кои кажется пред-

[1] (Avril, P.) Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine... Paris 1691, 4°; ib. 1692, 4°; ib. 1693, 12°; Utrecht 1693, 4°; нем. Curieuse Reise durch unterschiedene Staaten in Europa und Asia... Hamburg, anno 1705; голланд.: Reise door verscheidene Staten von Europa en Asia... uit het Frans overgebragt door H. v. Quellenburg, t'Utrecht by Anthone Schouten. Travels into divers Parts of Europe and Asia... London 1693. Об Авриле см.: П. Пирлинг. «Французский иезуит в Москве в XVII столетии», «Русская старина», 1902, сентябрь, стр. 473—483.

[2] Phil. Avril, Reize door verscheidene Staaten van Europa en Asia... t'Utrecht 1694, p. 33.

[3] Ib. p. 45.

[4] De Boekzaal van Europe geschicht door P. Rabus. Mey en Iuny 1694, t'Rotterdam, p. 562—565.

почтены быть должны его известиям: чего ради мы о нем и последуем в числении дней. Ибо Страусен полагает отъезд из Единова 12 мая, а 22 июля прибытие в Астрахань; но о сем мы показываем только для того, чтобы дать опыт неисправности сего путиописателя, который по всему виду сочинил свою книгу из одной памяти и вмещал многие вымышления, между коими не последняя есть и та о горе Арарате, хотя и хотел он то доказать письменным свидетельством. Зри о том П. Авриля — Voyages en divers Etats d'Europe et d'Asie, p. 58»[1].

Это примечание Г. Ф. Миллер включил и в свое издание «Sammlung russischer Geschichte»[2].

Аделунг, отчасти опираясь на Миллера, говорит, что путешествие Стрейса «по малой степени образования сочинителя представляет много известий неосновательных и неверных... Многие сомневались даже в том, точно ли Иоанн Струйс находился в России. Но эти сомнения должно приписать только неосновательности и неверности его известий»[3].

В XIX в. «Путешествием» Стрейса начинают интересоваться как историческим источником прежде всего при изучении разинского движения. А. Попов одним из первых говорит, что «при изложении истории возмущения Стеньки Разина следует обратить внимание на источники иностранные. Первое между ними место должно принадлежать Страусу»[4].

На Стрейса ссылаются Н. Костомаров в своем сочинении «Бунт Стеньки Разина» (изд. 2-е, СПБ 1859) и С. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» (т. XI, М. 1880). Пользуется известиями Стрейса и В. Ключевский в своей книге «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М. 1866). Постепенно книга Стрейса входит в научный и литературный[5] обиход, ссылки и указания на нее возрастают в числе, чему немало способствует и появление перевода П. Юрченко. К ней устанавливается известное доверие с некоторыми, пожалуй, общими для всех «сказаний иностранцев» оговорками.

Доказательство справедливости известий Стрейса видели в том, что автор действительно был в России и его имя встре-

[1] Ф. И. Соймонов, Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого... с внесенными где потребно было дополнениями Г. Ф. Миллера, СПБ 1763, стр. 324. То же: «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1763, октябрь, стр. 320.

[2] Sammlung russischer Geschichte. Des siebenten Bandes fünftes und sechstes Stück (Herausg. v. G. Fr. Müller, St. Petersburg 1763, S. 499).

[3] Ф. Аделунг, Критико-литературное обозрение, Путешественники по России до 1770 г. и их сочинения. Перевод А. Клеванова, ч. 2, Москва, 1864 г., стр. 210—211.

[4] «История возмущения Стеньки Разина», «Русская беседа», М. 1857, т. I, стр. 61.

[5] Пользуясь книгой Костомарова, Н. А. Вронский ввел в свою драматическую хронику «Стенька Разин» рассказанный Стрейсом эпизод о посещении Разина Давидом Бутлером с пятью немцами («Вестник Европы», май 1871 г., стр. 25—42).

чается в русских записях. А. Попов в статье «О построении корабля «Орла» указывает на согласие показаний Страуса с русскими источниками, даже в большей части самых мелких подробностей. Он говорит между прочим, что в Нижнем остались лейтенант Шак и боцман для приема разных корабельных снастей, которые приготовлялись в Нижнем и еще не были готовы. В отписке к царю нижегородский воевода Ордын-Нащокин говорит: «А по росписи, которые корабельные снасти и припасы на корабли же в Нижнем делают и готовят наспех, и те все корабельные снасти и припасы изготовя они пошлют с порутчиком, с Миколаем Шаком с товарищи, которые для того оставлены в Нижнем» [1].

В своей «Истории возмущения Стеньки Разина» Попов отмечает обычное недоверие к Стрейсу: «...между тем как его известия точнее многих других иностранных писателей, пользующихся известностью. Почти все, что ни сообщает он о Стеньке Разине, подтверждается другими источниками и доказывает, что он действительно в это время был в России. Некоторые неточности, свойственные вообще всем иностранным писателям о России, еще не могут служить поводом к недоверию к Страусу». Далее Попов указывает на особую важность «по известиям в отношении к возмущению Разина» приложенных к путешествию писем «с корабля «Орла» и Давида Бутлера. «Все обстоятельства, встречающиеся в рассказе, подтверждаются русскими источниками», — говорит Попов о письме Бутлера и «для образца справедливости» последнего приводит из «Актов исторических» показания стрельцов при следствии, произведенном князем Одоевским, подтверждающие в деталях рассказ Бутлера о встрече его после бегства из захваченной казаками Астрахани с стрелецким головой Лопатиным, ехавшим из Терков с сорока шестью стрельцами, которые взбунтовались, поймали Лопатина и Бутлера и привели в Астрахань[2].

П. Юрченко пытается обосновать значительность книги Стрейса с другой стороны: «Не боясь упрека в пристрастии предмета своего перевода, мы готовы настаивать на важности известий этого иностранца, знавшего русский язык, прожившего около двух лет в России и не отделенного подобно посланникам, их секретарям и свите от народа даже во время путешествия» [3]. Юрченко даже полагает, что «доказывать справедливость известий о России Стрюйса, как поступил А. П. Попов, нет нужды. Если в чем они нуждаются, то разве в сличении их с другими и объяснении». И далее: «Укор Стрюйсу автора статьи E—S, написанной у Мишо [4], в том, что он человек без образования, скорее может быть обращен в похвалу ему как наблюдательному путешественнику: схоласти-

[1] А. Попов, История возмущения Стеньки Разина, М. 1857, стр. 17—19.

[2] А. Попов, О построении корабля «Орла», «Русская беседа», 1858 г., кн. 4, отд. V, стр. 13—14. Ср. Дополнения к актам историческим, т. V, № 47, стр. 280.

[3] «Русский архив», 1880 г., стр. 3.

[4] Biographie Universelle par Michaud, v. 40, p. 343.

ка заразила бы его предрассудками, которые мешали бы его наивному рассказу».

Такое отношение к книге Стрейса мы встретим в дальнейшем у ряда авторов, кончая совсем недавней работой В. Веретенникова. «Старые сомнения в рассматриваемом источнике, — пишет В. Веретенников, — являются совершенно необоснованными и должны быть оставлены; у нас нет никаких оснований заподозревать сообщаемые Стрюйсом данные» [1].

Подобное утверждение в такой категорической форме кажется нам поспешным. Оценка книги Стрейса как источника требует разрешения вопроса об источниках самих «Путешествий» Стрейса.

Основным источником «Третьего путешествия» Стрейса послужило описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., Адама Олеария[2].

Повторив в значительной части своего пути маршрут этого замечательного путешествия, Стрейс в своей книге, глава за главой, следует описанию Олеария: описание жителей Ливонии (в главе I), путь из Новгорода в Москву (II—III), описание Москвы (IV), образ жизни московитов (V—VII), путь по Москвареке, Оке и Волге и города на них (IX—XI), описание калмыцких татар (XI), Астрахани (XII), ногайских и черкесских татар (XVI), Каспийского моря (XIX), Дербента (XX), Шемахи (XX), пути из Шемахи в Ардебиль (XXVII), описание Ардебиля (XXVII—XXVIII), путь из Ардебиля в Исфаган и города на этом пути (XXIX—XXX).

Близость Стрейса к Олеарию становится особенно наглядной, если сравнить его путешествие с первым изданием Олеария, еще не подвергшимся переработке и расширению. Что Стрейс пользовался этим изданием, доказывает и повторение его неточностей или разночтений по сравнению с позднейшими. В издании 1647 г. легенда о Царевом Кургане передана так: «Man berichtete uns, dass in denselben ein Tartarischer Kayser Namens Mamaon, welcher mit 70 Königen aus Tartarien den Wolga-Strom hinauf gehen und ganz Russland ueberziehen wollen, aber allhier gestorben und begraben liege. Und hetten die Soldaten, deren eine unzehliche Menge gewesen, mit Hueten und Schilden so-

[1] В. И. Веретенников, Об иностранных современных событиях, источниках для истории разинского восстания. Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, II, История и литература, Харьков, 1927 г., стр. 171—177.

[2] До появления в свет книги Стрейса вышел ряд изданий книги Олеария: Offt begehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reyse, Schlesswig 1647; Vermehrte Newe Beschreibung der Moskowitischen und Persischen Reyse, ib. 1656; Id. ib. 1661. Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Moskow und Persien, ib. 1663; id. ib. 1673; голландские переводы: Beshrijving Vande Neuwie Parciaensche Reyse, t'Amsterdam 1651; id. t'Utrecht 1651; Persianische Reyse uyt Holsteyn, door Lijflandt, Moscovien... t'Amsterdam 1651; французские переводы: Relation du Voyage de Moscovie... Trad. par L. R. D. B. Paris 1656, Id., trad. par A. de Wicquefort. Vols 1—2, ib. 1659; Jd., Vol 1—2, ib. 1666; английские: London 1662; ib. 1669.

Johann. J. Straußens
REISEN
durch Griechenland, Moscau,
Tarterey, Ostindien, und andere
Theile der Welt.
Zu Amsterdam,
bey Jacob von Meurs, und Johann von Someren, Buchhandlern daselbst Anno 1678

viel Erde zum Begraebnis getragen, darvon dieser Berg»[1]. Также и в голландском переводе Олеария число татарских царей семьдесят[2]. А в расширенном и переработанном издании Олеария 1656 г. мы уже читаем: «Ein Tartarischer Fuerst Namens Mamaon, welcher mit 7 Königen aus Tartarien»[3]. У Стрейса: Seggende, dat aldaar een Tartarischen Keyser, met 70 Konigen, begraven lagh, soo hy de Wolga afquam, om Ruslandt in te menen, en soude de Soldaten met haar Helmetten en Schilden de Aerde, voor de Begraaf — stede tot sulken hoogen Bergh hebben doen worden[4].

Стрейс и Олеарий почти всегда совпадают в написании географических названий, собственных имен и терминов, взятых из чужого языка. Когда Стрейс приводит данные о положении местности и указывает широты, они по большей части совпадают с данными Олеария, опиравшегося на собственные наблюдения и вычисления, что при разноречивости показаний тогдашних путешественников имело большое значение. Так, о городе Саба Олеарий сообщает: «Selbige Stadt setzen die Perser unter den 85° longit. und 35° latitud. Latitudinem habe ich auf 34° 56′ gefunden»[5]. Стрейс прямо пишет: «Saba — город, лежавший на широте 34° 56′» (гл. XXX). Стрейс и Олеарий совпадают в мельчайших деталях описания, в своих сентенциях, сравнениях и определениях. Если Олеарий утверждает, что «русские рождены для рабства», то и Стрейс повторяет это утверждение. Если Олеарий сравнивает дома в маленькой персидской деревеньке Membere с печами для выпечки хлеба, то это мы находим и у Стрейса[6].

Стрейс заимствует у Олеария сказочные и анекдотические подробности. Из Олеария взяты: легенда о святом Антонии, приплывшем на мельничном жернове по Тибру в Волхов (гл. II); рассказ о приключении на горе Арбухим, предание о Царевом Кургане, Змиевой горе и Золотой горе (гл. XI). Рассказ о чудесном растении баранец, который не раз приводился как свидетельство лживости и ненадежности показаний Стрейса, имеется и у Олеария[7]. Даже известие Стрейса о положении горы Арарат по всей видимости пересказ плохо понятого места из Олеария, который говорит о горе Caucasus: «Es strost an das armenische Gebierge Ararat, und dieses an den Taurum. Es seynd aber alle montes contigui oder an einander hängendes Gebierge, welches in Mengrelia (so wird itzo Colchis genandt) sich erhiebt, und durch gantzt Asiam bis an Indien streichet. Nach der Breite wirt Er beym mari Caspio versus Pontum 4 Asiam minorem auff 50 Meilen gerechnet»[8].

[1] Offt begehrte Beschreibung, S. 225.
[2] Beschrijving van der Nieuwe Parsiaensche Reyse, t'Amsterdam 1651, S. 273, и в издании t'Utrecht 1651, S. 368.
[3] Vermehrte Newe Beschreibung, Schleswig, MDCLVI, S. 358.
[4] «Drie aanmerkelijke Reysen», 1676, S. 184.
[5] Offt begehrte Beschreibung, S. 366—367.
[6] Ibidem, S. 365.
[7] Ibidem, S. 117.
[8] Ibidem, S. 165.

Стрейс иногда даже мало прибавляет к известиям Олеария. Некоторые из них он берет дословно со всеми подробностями (например описание гробницы Сефи в XXVIII главе), чаще всего сокращает и собирает в одну главу то, что у Олеария занимает несколько глав, производит перемещение и перетасовку заимствованных сведений[1]. Он ни разу не упоминает имени и книги Олеария, хотя, говоря о селении Низабат, замечает: «На этом месте несколько лет тому назад потерпело кораблекрушение гольштинское посольство» (гл. XXI). Только в письме Давида Бутлера, приложенном к «Путешествиям» Стрейса, как раз свободном от заимствований из Олеария, упоминается его книга. Говоря об укреплениях города Терки, Давид Бутлер добавляет: «Старый город и замок был построен и укреплен, согласно описанию Адама Олеария, голландцем Корнелиусом Кластом».

Помимо Олеария Стрейс для «третьего путешествия» пользовался и другими источниками. Первые четыре абзаца XIII главы заимствует он из «Краткого, но достоверенного известия о кровавом возмущении в Москве, учиненном великим предателем и обманщиком Стенькой Разиным, донским казаком», вышедшего в 1671 г. на немецком и голландском языках, а в 1672 г. на английском и французском[2]. Приложив к своему «путешествию» письмо Давида Бутлера и анонимное письмо с корабля «Орел», Стрейс как бы собрал воедино известный ему материал о Разине. В свою очередь, как показал А. М. Ловягин, разинский материал «путешествия» Стрейса послужил источником для книги Койэта «Посольство Кунраада фан Кленка».

Историческое значение личных наблюдений Стрейса и его записок выясняется во вступительной статье А. И. Гайсиновича.

В «Путешествии» Стрейса проступают черты, которые позволяют нам говорить о нем как о литературном произведении. Автор не заботится о том, чтобы дать описание только действительно виденного и наблюденного, для него важнее собрать дико-

[1] Только утвердившимся представлением о «Путешествии» Стрейса как о простом «бесхитростном» рассказе малообразованного матроса можно объяснить, что этот известный, определивший значительную часть книги Стрейса источник оставался неотмеченным. Б. Курц приводит из Стрейса анекдотическую подробность о горе Арбухим сейчас же вслед за примером из Олеария, никак не связывая между собой оба путешествия (Б. Курц, Звістки чужоземців як історичне джерело. Записки історично-фільологічного відділу УАН, ст. 101).

[2] Kurtze doch wahrhaftige Erzehlungen von der Blutigen Rebellion in der Moscau, angerichtet durch den grossen Verrähtor und Bedrieger Stenko Rasin Donischen Casaken, um den Anno 1671, S. 20. Kort waerachtigh Verhaal, von de bleedige Rebellye in Moscovien, aen gerecht, door den Grooten Verrader en Bedrieger Stenko Rasin, donsche Cosak... tot Haarlem... Anno 1671, S. 16. A relation concerning the particulars of the rebellion, lately raised in Muscovy by Stenko Razin.... Printed bej tho. Newcomb. 1672; Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin... Traduit de l'anglois par C. Desmares, Paris 1672. Русские переводы (с английского): А. Станкевича в «Чтениях О-ва истории и древн. российских при Моск. Ун.», М. 1895, кн. 3, отд. III., стр. 1—21. Т. Ф. фон Крузе в «Сборнике областного войска донского статистического комитета», вып. IV, Новочеркасск 1904, стр. 15—31.

винные, причудливые, поражающие известия и подробности, рассказать о разнообразных событиях и приключениях, достойных памяти и внимания. Возникает особый повествовательный жанр.

Путешественник или лицо, от имени которого ведется рассказ о совершенном им путешествии, приобретает некоторые свойства литературного персонажа: его движение в книге носит сюжетный характер. «Я» повествования подвергается неминуемой героизации. Стрейс выступает перед читателями, украшенный всеми необходимыми добродетелями. Он—стойкий христианин, который мужественно переносит ужасные пытки и не поддается на всевозможные прельщения неверных, прилагавших все усилия к тому, чтобы заставить его «отречься от душеспасительных христианских слов и веры». Он не менее мужественно «разыгрывал незнающего» и «не выдал своих товарищей», когда взявшие его в плен дагестанские татары спрашивали о них и стреляли в него тупыми стрелами. Он, разумеется, отличный семьянин, твердо заявивший соблазнявшим его девушкам, что не может взять их в жены, «ибо имею в своей стране жену, которая родила мне двоих детей, и я никогда в своей любви и преданности не покину их». Можно сомневаться, был ли реальный Стрейс преисполнен столькими добродетелями. Вся история его приключений скорее говорит обратное. Но он хотел представить себя таким, и это отвечало моральным и эстетическим требованиям пробивающегося к верхам мелкого бюргера его времени.

Таким образом в «Путешествиях» Стрейса можно выделить историю самого автора, его приключения, и заимствованный, статический, как бы нейтральный описательный материал, которым обрастает произведение. Стрейс говорит в предисловии, что он вел путевые заметки и ему удалось сохранить их «во время всех нападений, опасностей и грабежей», и, как мы видели, они в фактической своей части во многом совпали с книгой Олеария.

«В своих очерках, — пишет Стрейс, — я прилагал все усилия к тому, чтобы описать и изобразить жизнь с возможной точностью. Вот почему я не стыжусь уверить проницательного и понимающего читателя, что это произведение (в отношении правдивости и искусства) не уступит другим и даже превзойдет многие, в которых часто встречаются неверные суждения, а для возбуждения большего изумления изображаются вымышленные вещи, которых нет в природе и которые вообще немыслимы» (стр. 44).

На протяжении всей книги Стрейс старается убедить читателя, что все, о чем он говорит, он видел сам лично, своими собственными глазами или слышал на месте от верных людей. Приводя несомненно заимствованные у Олеария сведения, он пишет: «Что же касается... величины и особенностей Каспийского моря, то я имел удобный случай изучить их во время нашего путешествия в Астрахань... А что мне осталось неизвестным, то я точно разузнал во время долгого пребывания в Дербенте и Шемахе от опытных татарских, персидских и армянских моряков»

(гл. XX). Приступая к описанию мусульманских святынь и достопримечательностей, т. е. к главам, целиком списанным у Олеария, Стрейс прибегает к своеобразной реалистической мотивировке: «Меня впустили внутрь и дали все осмотреть, так как я был одет и выбрит на персидский лад, и мой хозяин обходился со мной не как с рабом, а как с равным, так что я выглядел настоящим мухамеданином». И далее, говоря о посещении гробницы Сеида Джабраила близ Ардебиля, прибавляет, что долго упрашивал хозяина взять его с собой и тот согласился «при условии, что я не буду говорить и прикинусь дурачком и во всяком случае остерегусь приблизиться к могиле» (гл. XXVII, XXVIII). В следующей главе он два раза настойчиво повторяет: «Мне был всюду открыт свободный доступ, так как меня принимали за мусульманина» (гл. XXIX). Это заставляет думать, не сочинено ли Стрейсом все паломничество набожного перса Хаджи Байрама только для того, чтобы придать рассказу большую живость и вероятность. И мог ли вообще бывший невольник персидского купца так подробно осмотреть великолепный Мазар, гробницу Сейфа, библиотеку, даже кухню, как это сделал любознательный секретарь гольштинского посольства? Также с достаточной определенностью можно предположить, что Стрейс не видел, как Разин бросил в Волгу персидскую княжну, а только сообщает подхваченную им легенду. Но рассказывать о чем-нибудь замечательном и не присутствовать при этом было не в его правилах, а главное, не отвечало тем требованиям, которые предъявлялись к этому жанру.

«Литературное путешествие» должно было представить не только занимательное, захватывающее чтение, но и предложить сведения полезные и достоверные. Поэтому наряду с появлением сюжетной приключенческой линии остается стремление к наполнению произведения описательным материалом.

Книга Стрейса должна была заполнить существенный пробел в голландской литературе о России. «Практические выгоды от ознакомления с Россией вызвали в Голландии весьма рано появление большого количества сочинений, посвященных описанию этой малоизвестной в XV—XVII вв. страны», — пишет А. М. Ловягин в введении к книге «Посольство Кунраада фан Кленка», где он дает обзор голландской книжной литературы о России. Здесь мы имеем оживленную полемику о нидерландско-русской хлебной торговле, статьи и брошюры по этому вопросу[1], отчеты об экспедициях с целью открыть с.-в. проход, руководство для мореплавателей с описанием северных берегов европейского материка, статьи и сочинения, посвященные отдельным русским событиям в собрании газет «Hollandtze Mercurius» и т. д.[2]

[1] Стр. XVIII.

[2] История русско-голландских отношений в «Сборнике исторического общества», т. 116, стр. CCCXVII; В. Кордт, Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г.

Также И. Любименко, Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией, сборник «Русское прошлое», т. V, стр. 3—23.

Но все эти сочинения носили более или менее специальный характер и были посвящены частным вопросам. В предисловии «От книгопродавца к читателю» Я. К. тен Гоорн, издавший несколько позже, чем вышла книга Стрейса, описание путешествий фан Кленка, пишет: «Московию или Россию до сих пор, к несчастию, никто как следует не описывал... Большинство путешественников, отправляющихся туда, это люди, устремляющие глаза свои скорее на получение выгод, чем на точное описание каких-либо мест, к тому же, если бы они даже и имели в виду последнее, то едва ли бы нашли время на это, так как торговля в России, по крайней мере в главном порту Архангельске, ведется так поспешно, что еле успевают нагрузить суда выторгованным и назначающимся для перевозки в отечество товаром». Настойчиво ощущалась потребность в книге, которая могла бы дать общую информацию о малоизвестной стране. Далеко не всех могли удовлетворить и появляющиеся время от времени ученые и документальные описания путешествий, чаще всего обстоятельные отчеты послов или членов их свиты с подробным изложением истории поездки, дипломатических отношений, переговоров, описанием приемов, аудиенций и придворного этикета, сведениями о государственном устройстве, системе управлений, судопроизводстве, доходах казны и войске. Сведения о географическом положении страны, ее естественных богатствах, растительном и животном мире и т. д. затемнялись в них латинскими названиями, утомительными мелочами и рассуждениями, полемикой с предшествовавшими сочинениями, цитатами и примерами из древних писателей... Все это в соединении с крайней сухостью и однообразием изложения делало такие сочинения ценными для ученых и бесполезными для купцов.

Книга Стрейса стремилась стать «Олеарием бедняков». Этому отвечало и появление дальнейших переработок, дешевых, еще более упрощенных и сокращенных изданий. Появление таких книг, как «Путешествия» Стрейса, самовозникновение этого жанра вызвано было потребностями читателя, интересующегося не учеными, а коммерческими соображениями. Все это были люди, торгующие и наживающиеся на торговле или же обслуживающие ее или только мечтающие при случае ею заняться, к числу которых принадлежал и сам Стрейс.

Неугомонный, неудержимый в своем стремлении к обогащению, никогда не отказывающийся попытать счастья, всегда готовый на риск, Стрейс встает перед нами как законченная фигура авантюриста эпохи первоначального накопления. Везде в своих скитаниях он прежде всего отмечает торговые пути, их удобства или трудности, опасности в дороге, рынки, изобилие и отсутствие тех или иных припасов и товаров, низкие или высокие цены. Корыстолюбие и предприимчивость не покидают его ни при каких обстоятельствах. Находясь в жалком рабстве в Персии, он помышляет о доходной торговле: «Однажды, когда я мечтал о свободе, я сказал своему хозяину: если бы я получил

освобождение, то снова бы вернулся сюда на голландском купеческом корабле. На это он спросил меня, разве я так богат? Я ответил — нет, но если я разглашу о возможности плавать по Каспийскому морю, то я уверен, что один купец за другим захочет попасть сюда, и я не сомневаюсь, что они мне доверят свои товары и поручат перевезти их». Он никогда не упускает случая поживиться, получить что-нибудь даром или купить по дешевке. У казака-разинца он покупает в Астрахани за 40 руб. тяжелую золотую цепь, каждое звено которой было украшено драгоценными камнями. Не имея никаких познаний, берется лечить людей, когда это ему сулит выгоду, вправляет на Арарате грыжу какому-то старцу, который дает ему за то крест, сделанный из досок подлинного «Ноева ковчега», благодаря чему он мог надеяться, попав в Рим, «прожить в изобилии всю свою жизнь». Пользуясь милостями жены своего хозяина, получает от нее в подарок одиннадцать неотшлифованных алмазов большой цены и, скрыв это, берет деньги еще и у самого хозяина. Он расчетлив, хитер, осторожен, предусмотрителен, груб, наблюдателен и вынослив. Воля к жизни не покидает его. В рабстве, чтобы смягчить свою участь, он погрозил хозяину самоубийством, но тут же сообщает читателю, что ему тогда меньше всего приходило на ум покончить с собой. Он жесток и неумолим, когда посягают на его собственность, с удовольствием вспоминает, как отомстил вору, «хорошим мясным ножом из дамасской стали вырезал ему красивый крест на щеках и несколько раз полоснул по его воровской шкуре, так что сдержал свое слово—вписал счет поглубже в его мясо, но не удовлетворился этим, а изрезал его платье на такие мелкие клочки, что он вернулся в город изукрашенный и в чем мать родила».

Все вышесказанное о литературных особенностях книги Стрейса не лишает ее значения исторического источника. Учитывая жанровые особенности «Путешествия», уяснив служебную роль отдельных элементов, мы можем с большей уверенностью судить о достоверности тех или иных свидетельств. Необычайность, диковинность, анекдотичность описания заставляют отнестись к нему с известной осторожностью; описание событий, пережитых только рассказчиком, его личных приключений, подвигов и доблестей позволяет предположить несомненный вымысел. В описательной, фактической, поддающейся проверке части сведения, сообщаемые Стрейсом, оказываются, за немногими исключениями, достоверными, хотя порой и заимствованными.

Книга Стрейса прекрасно характеризует средний уровень знаний и представлений о России, странах Кавказа и Персии у европейцев конца XVII в. Она дает нам связное, сжатое, незатемненное второстепенными подробностями описание этих стран.

Александр Морозов.

Я·Я·СТРЕЙС

ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ

Снисходительный и благосклонный читатель! Подобно тому как сладостно в добром здравии пережить беду и несчастье и снова воскресить их в рассказе, так кажется и слушание оного привлекает благосклонность большинства людей. И то и другое неоспоримо подтвердилось для меня на собственном опыте: когда я, повествуя о диковинных приключениях, неизменно пробуждал в моих слушателях такое болезненное и ненасытное желание и жажду, что они не довольствовались моими рассказами и настойчиво побуждали и просили меня опубликовать в печати для общего сведения историю моих путешествий и все, с чем мне довелось встретиться за это время, чтобы то, о чем рассказываешь, нередко беспорядочно и отрывисто, удачно изложенное и точно описанное во всех подробностях, лучше уяснилось или запомнилось. Долгое время противился я просьбам добрых друзей и благосклонных знакомых: ибо, когда приступил к описанию моих путешествий и довел его до конца, я совсем не думал его печатать и делать общим достоянием, к тому же перенесенные беды и несчастье угнетающе подействовали на мой дух, я находился в том жалком состоянии, которое никак не могло придать моему перу искусства. Но признаюсь откровенно, что если бы даже я не был подавлен этими затруднениями, ни мой разум, ни опыт, ни мастерство в писании не были способны достойным образом ответствовать строгому суду нашего времени, ни тем более удовлетворить его. Но так как различные благородные

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. Ленина

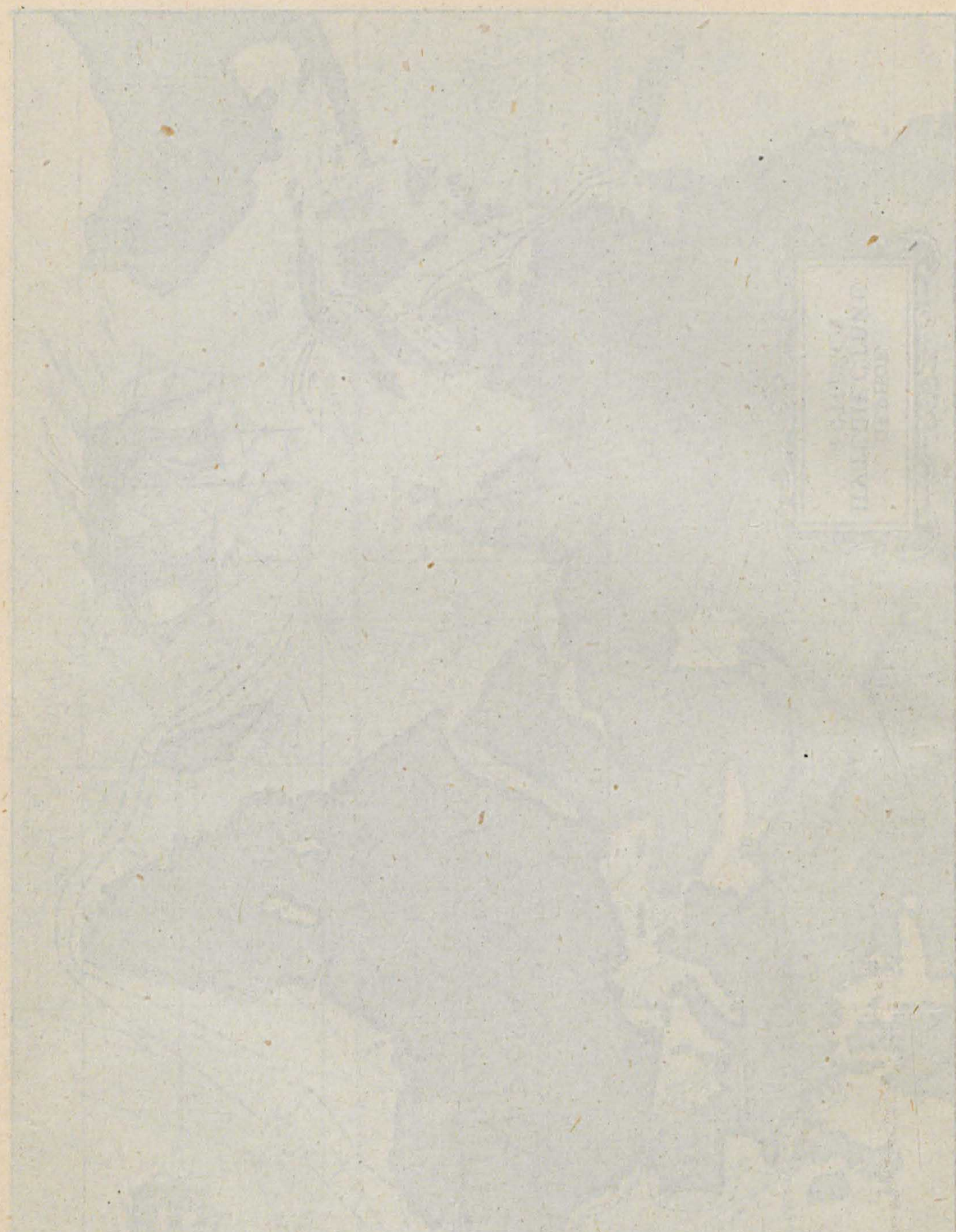
лица и добрые друзья многократно просили меня приготовить к печати описание моих путешествий, я наконец дал уговорить себя и с большим тщанием просмотрел мои записки, которые мне удалось заботливо сохранить во время всех нападений, опасностей и грабежей, и с помощью более искусного пера, чем мое, я привел этот труд в тот вид, в каком он ныне выходит в свет. В своих очерках я прилагал все усилия к тому, чтобы описать и изобразить жизнь с возможной точностью; вот почему я не стыжусь уверить проницательного и понимающего читателя, что это произведение (в отношении правдивости и искусства) не уступит другим и даже превзойдет многие, в которых часто встречаются неверные суждения, а для возбуждения большего изумления изображаются вымышленные вещи, которых нет в природе и которые вообще немыслимы. Мои записки, как они здесь предложены, никто из путешествовавших по этим странам и хорошо их осмотревших не сможет обвинить в подобном, и ни один живой свидетель-очевидец не откажется подтвердить правдивость этой истории и приключившихся событий, так что я могу быть уверен, что затраченное мною время, великие усилия и труд не пропадут напрасно и без пользы, но будут приятны любознательным охотникам до иноземных путешествий, стран, людей, обстоятельств и случайностей. Я живу надеждой, что мой труд и затраты на печатание и издание этой книги не будут бесплодны, и с этой надеждой я поручаю снисходительного и благосклонного читателя защите всевышнего, себя же—его постоянной милости и благоволению.

Я. Я. Стрейс

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ОСТ-ИНДИИ, СИАМУ, ЯПОНИИ
и другим странам

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Я. СТРЕЙСА
МОСКОВИЯ
ГЕРМАНИЯ
ПОРТЛЕНД
Северный океан
КАНАРСКИЕ О-ВА
О-ва Зеленого мыса
БОА ВИСТА
МАЙО
АФРИКА
СЬЕРРА ЛЕОНЕ
Африканское море
ПЕРСИЯ
АРАВИЯ
Арабское море
ЦЕЙЛОН
МАДАГАСКАР
Индийское
КИТАЙ
НАГАСАКИ
ФОРМОЗА
Китайский океан
СИАМ
БОРНЕО
ЦЕЛЕБЕС
ЗОНДСКИЙ ПР.
БАТТАВИЯ
ЯВА
Море
ГОЛЛАНДИЯ НОВА

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава I

Повод и случай к первому путешествию автора. Буря на море. Прибытие в Гибралтар, в Геную и ее описание, в Велес Малагу. Встреча с турецким корсаром. Прибытие в Боа Виста. Описание соляных островов Майо, Фого и Брава. Положение этих островов. Прибытие в Сиерра-Леоне. Невежество короля, которого заманивают на корабль, бросают за борт, а поселок его сжигают. Описание Сиерры-Леоне.

Причина и начало путешествия

Подобно тому как с отчаяния человек нередко становится монахом или солдатом, так детское упрямство и распущенность часто толкают на бесчестные дела или создают страстных путешественников; к числу последних принадлежу и я. Отец обучил меня хорошему ремеслу — парусному делу — и охотно оставил бы меня при себе; но так как он наказал меня однажды за какое-то озорство, то я сбежал и без долгих разговоров отправился путешествовать. В Амстердаме снаряжали тогда два корабля, отправлявшиеся в Геную. Первый назывался «Св. Иоанн Креститель», шкипером на нем был Генрих Христианс из Амстердама. Другой — «Св. Бернард», и на нем вице-командором был Ян Беннинг из Везепа, а шкипером—Герман Фоогт из Схидама. Над обоими стоял капитаном Ян Маас из Дюнкирхена. На первом корабле было восемь пушек, на втором—шесть. Я нанялся младшим парусным мастером на «Св. Иоанна Крестителя», тогда мне было 17 лет, и я много не думал о том, куда поеду и надолго ли.

Декабрь 1647 г., отплытие из Текселя

26 декабря 1647 г., призвав имя божие, мы вышли на парусах из Текселя, но едва отошли от него, как заметили, что корабли наши недостаточно загружены, вследствие чего мы были вынуждены повернуть назад и снова пристать к берегу, чтобы прибавить грузу; после этого мы взяли порядочно олова, несколько ящиков ртути и другой тяжелой клади, чтобы удобней увеличить вес кораблей. После того мы были готовы к отплытию и решили выйти во второй раз 4 января 1648 г., что мы и сделали, миновали с попутным ветром пролив, названный Испанской дырой, и поплыли по морю среди льдин, ибо начались сильные морозы.

Январь 1648 г.

10-го встречный ветер вынудил нас зайти в Дюнкирхен, где мы простояли два дня, и снова при попутном ветре и хорошей погоде вышли в море; но нас застала сильная буря и поднялись такие большие волны, что мы были вынуждены искать надежную гавань, каковую и нашли близ острова Уайт, где мы простояли до 25-го. Когда буря улеглась, мы снова оставили бухту, но не надолго; противные ветры вынудили нас после многих трудов в третий раз укрыться в гавань, ибо мы ничего не могли поделать.

Февраль

6 февраля мы бросили якорь в Портланде и пробыли там три дня, после чего подняли паруса и вошли в пролив.

10-го числа при полном штиле были мы в виду Гибралтара, а на другой день с марсельным ветром[1] вошли в пролив. Ветер благоприятствовал нам и дул так, что (слава богу!) по прошествии пяти дней увидели мы к своей большой радости город Генуго и бросили якорь за старым молом.

Прибытие в Геную

30-го мы получили practica, или разрешение на выгрузку. Мы выгрузили оба корабля; наша служба кончилась, и каждый получил причитавшиеся ему деньги. Корабли, как уже сказано выше, были куплены самим великим герцогом, который велел снабдить их припасами, порохом и военным снаряжением на три года. На каждый корабль наняли сотню голландцев, остальные были итальянцы, в том числе несколько бандитов. Я снова нанялся за восемь гульденов в месяц старшим парусным мастером, не зная даже, куда лежит путь; это не было известно и матросам.

Описание Генуи

После того как я снова освободился, меня охватило сильное желание осмотреть этот красивый город. Генуя, или Genoa, лежит на берегу моря, которое образует там прекрасную бухту или гавань, обращенную к югу, в сторону африканского побережья. Часть города расположена по склонам гор, другая, ровная часть, лежит между двумя долинами. В окружности город имеет прибли-

зительно шесть итальянских миль; он хорошо застроен; по старинному обычаю обнесен превосходными стенами; и хотя укрепления и войска достаточно сильны, чтобы отразить нападение, но все же не настолько, чтобы выдержать длительную осаду и сильный штурм. Генуэзское войско состоит из нескольких немецких и корсиканских полков, а также нескольких конных отрядов, которые постоянно разъезжают у моря и по городу, чтобы предупреждать всякие тайные заговоры и предательства, а также воспрепятствовать турецким разбойникам, которые иногда втихомолку высаживаются на берег и захватывают добычу и рабов. Гавань постоянно охраняется четырьмя галерами[2], не считая доброго числа других, которые стоят в бухте всегда наготове; их генуэзцы посылали на помощь венецианцам в их морских битвах с турками. С этой стороны возвышается башня, где ночью поддерживают сигнальный огонь. У входа в гавань лежит на лафете огромная пушка, у которой всегда стоит охрана из немцев. Дворец герцога также охраняют пятьсот таких воинов, которые живут там со своими особыми начальниками. Весь город, особенно вдоль берега, застроен превосходными зданиями и дворцами. В городе 30 приходских церквей, лучшая из них—церковь св. Лаврентия [3]. В церкви Санта-Сакристия (Santa Sacristia) показывают ключ из смарагда, который стоит целого сокровища. В церкви св. Варфоломея сохраняется платок спасителя, который совершил много чудес. В Генуе большое население, там живут отличные купцы, а также выделывают плюш, бархат, и говорят, что там более 8 000 мастерских. По своему положению и огромной торговле Генуя— один из прекраснейших городов христианского мира. Как и Венеция, она представляет республику, управляемую великим герцогом.

Февраль 1648 г.

12 апреля мы вышли в море и направились к Велес Малаге (Velez Malgem), куда счастливо прибыли 15 мая, и через два дня снова тронулись в путь. Мы направились в Малагу, в бухте которой 24-го числа мы бросили якорь. Здесь почти всех бандитов высадили на берег. Мы погрузили также примерно сотню боченков испанского вина вместе с печеньями, лакомствами и бальзамом для больных.

Апрель, Велес Малага

29 мая мы снялись с якоря и поплыли с попутным ветром. 2 июня свернули с морского пути и направились к островам Зеленого мыса, где должны были остановиться на отдых, из чего мы могли заключить, что наше плавание рассчитано на долгий срок.

Май, июнь

Никто из нас (кроме начальства) не знал, куда или в какую сторону назначен наш путь.

Ночью встречают девять турецких кораблей

Ночью 4-го числа мы натолкнулись на девять турецких кораблей, которые нас спросили: «Откуда идет корабль?». Мы ответили: «Из Генуи» и спросили их в свою очередь о том же, на что они ответили: «Из Алжира». Когда наш командор узнал, какие у нас соседи, то пожелал скорее остаться в одиночестве, нежели в их обществе. Однако он не подал виду, что испугался, весело отвечал им и пригласил на утро к завтраку. Для них у нашего повара было мало припасов, но командиры кораблей и пушкари стали поварами, а все остальные подручными. На утро котел и миски поспели, наши пушки стояли на борту, и каждый находился на своем месте, чтобы ждать турок на завтрак, но после того, как они нас внимательно осмотрели, им это угощенье пришлось не по вкусу, несмотря на то, что они шли по ветру и имели перед нами такое превосходство. Эти разбойники наконец повернулись и ушли, как плуты, не знающие храбрости.

24-го мы без всяких препятствий проплыли мимо Фламандских островов.

Плывем вперед

6 июля мы пришли к острову Боа Виста, где бросили якорь. Здесь жило несколько бандитов, которые привезли нам на борт напитки и много козьего мяса. Мы погрузили здесь также десять шеффелей[4] соли. Вокруг самого острова водится много рыбы; мы иногда выходили на ловлю и однажды поймали более 1500 лещей.

Описание Соляного острова

Остров Боа, или Буэна Виста, один из Соляных островов или островов Зеленого мыса, получил свое название от приятного вида, который открывается на него с моря. Он лежит на расстоянии семи миль от южного берега острова Саль (Ilha do Sal или del Sal, т. е. Соляной остров). Окружность острова равна приблизительно 20 милям; он простирается с северо-запада на юго-восток, с берега окружен горами, внутри покрыт холмами; на северной стороне видна длинная скала, которая тянется более полумили, там очень опасное и бурное место; встречаются там также подводные камни, на которые наскакивают многие корабли и терпят крушение в этих водах. У южного мыса также выступает подобная скала, камни которой то видны над водой, то скрыты под ней; на юго-западной стороне расположены настоящая якорная стоянка и гавань для кораблей глубиной 15, 16 и 17 клафтеров[5] с хорошим песчаным дном, где можно стать на якорь.

Июль 1648 г.

Пробыв шесть дней на Боа Виста, мы отправились к близле-

жащим островам Зеленого мыса: Майо, Сант-Яго, Фого и Брава.

Остров Майо

Остров Майо лежит в 8 или 9 милях к юго-западу или, вернее, к западу от острова Боа Виста. Это самый маленький из всех островов, приблизительно семи миль в окружности. В глубине возвышаются остроконечные горы, на севере простирается низменность, шириною почти с милю, на северо-востоке далеко от берега торчит из воды утес, а в стороне, на расстоянии мили, другой; обе эти скалы при указанной низменности страны делают морской путь здесь весьма опасным. Остров почти круглый, и длина его приблизительно такая же, как и ширина. Известная гавань лежит на юго-западной стороне, где стоят корабли и песчаное дно имеет 15 или 16 клафтеров глубины. На северной стороне острова, за Черным мысом, лежит удобная и безопасная гавань, где можно бросить якорь на глубине 5 или 6 клафтеров. На восточной стороне, на низком берегу, расположена деревушка из 10 или 12 домов. Здесь не произрастают ни померанцы, ни лимоны, ни другие плодовые деревья, и только кое-где попадаются финиковые пальмы, плоды которых редко дозревают вследствие скудости почвы и чрезмерной жары, и хотя они получают надлежащую окраску, но не имеют вкуса. Кое-где попадаются единичные хлопчатые деревья. Здесь в изобилии водятся козы, так что ежегодно снимают несколько тысяч шкур. Встречаются также дикие лошади, коровы и ослы, много пернатых — куропаток, диких гусей и других неизвестных птиц. Здесь много соляных площадок, которые образуются частью от грунтовой воды, а частью от набежавшей морской, испарившейся на солнце, но цвет ее красноватый. Остров населяют немногочисленные чернокожие и белые, они живут охотой на коз, которых травят собаками. Они ловят также множество лещей, сазанов и других рыб, которые в изобилии водятся в окружающих водах.

Остров Сант-Яго самый значительный и большой из всей группы островов Зеленого мыса, он имеет приблизительно двенадцать миль в длину и тянется с северо-запада на юго-восток. На острове, на возвышении, расположен город, называемый, как и остров, Сант-Яго. Это столица острова и всех остальных островов, местопребывание португальского епископа [6].

Остров Сант-Яго очень плодороден, и берега реки Корео (Korea) сплошь поросли кокосовыми пальмами, померанцами, лимонами, различными другими плодовыми деревьями и кедрами.

Много там рису и кукурузы наряду с некоторыми другими злаками. Скот и вьючные животные такие же, как и на острове Майо.

Остров Фого

Остров Фого, т. е. Огненный остров, названный так по извержению пара и огня из самой высокой горы[7], расположен под 14° 12′ северной широты, в 12 милях от юго-западного мыса острова Сант-Яго.

К северо-западу, на западном берегу имеется рейд и тут же небольшая крепость, расположенная у подножья горы. Однако эта гавань не очень удобна из-за быстрого течения. Суда, плывущие с востока и желающие бросить здесь якорь, должны обогнуть остров с севера, иначе им трудно будет проплыть. Ветер страшно крутит возле берега, а дно глубокое и берег круто обрывается вниз; так что дно достать можно только возле крепости.

Приблизительно в четырех милях южнее острова Фого лежит остров Брава. Это дикий или пустынный остров, с двумя или тремя маленькими островками к северу от него. На западной стороне удобная бухта для тех, кто хочет запастись свежей водой. На юго-восточной стороне главная гавань, глубиной в 15 клафтеров. Идущие из Ост-Индии могут прямо причалить передней частью корабля к валу. Над гаванью живут отшельники и довольно много народу в окрестностях. Остров Брава богат финиковыми пальмами и тутовыми деревьями, арбузами, маисом, но не так богат скотом, как острова Майо и Сант-Яго.

Воздух на всех этих островах и близ них весьма вреден и вызывает у каждого находящегося там лихорадку, колики и кровавый понос. Иногда опускается туман, красный, как дубильная кора. Положение островов между экватором и тропиком Рака дает жителям лето два раза в году, и солнце дважды стоит прямо над их головой. Когда солнце входит в знак Рака, что бывает в конце июня, тогда непрерывно идут дожди с бурей, громом, молнией и ветрами, вследствие чего португальцы называют это время порой дождей. Они тянутся до середины октября. Во время дождей воздух заметно меняется, насыщается парами, темнеет, и соль растворяется в ямах.

Август. Прибытие в Сиерра-Леоне

С островов Зеленого мыса, или Соляных островов, мы снова вышли под парусами 12-го и держали путь на Сиерра-Леоне, которую завидели 2 августа, и еще издали слышали гром и завывание ветра с этих гор, отчего эти скалы и названы Сиерра-Леоне, или Львиные горы. Вечером мы приблизились на шлюпке к берегу и услышали иной шум и грохот от волн, которые с силой

ударяли в расщелину скалы и с ужасным шумом спадали обратно. Сиерра-Леоне, или Львиные горы, начинаются от мыса Верга (Cabo de Virgin), а кончаются у мыса Тагрин (Cabo Tagrin или Ledo), также называемого мыс Сиерра-Леоне; Сиерра-Леоне лежит под 8° 13′ северной широты. В горах и по равнине текут 13 рек, которые все впадают в море; по берегам их растут померанцы, лимоны и другие плодовые деревья.

Подарки королю, дабы запастись пресной водой

3 августа мы вошли в бухту Сиерра-Леоне. Тотчас по прибытии наш командир выслал на берег шлюпку с подарками для короля: пять железных палок, анкер[8] водки и анкер испанского вина. Когда наши сошли на берег, король и знать дружественно приветствовали их; этот король был по отношению к своим подданным неплохим государем против обыкновения многих князей и властелинов, которые обогащаются, приводя в нищету население. Но он походил на них ненасытной жадностью, ни от чего не отказывался и домогался большего; получив подарки, он потребовал еще столько же, что ему и прислали, после чего мы в полном спокойствии могли набрать воды, нарубить дров и запастись апельсинами, лимонами и другими свежими фруктами. Жители — кафры или наполовину чернокожие — встречали нас внешне приветливо и ежедневно приходили с фруктами на наш корабль. После того как король получил два подарка, он потребовал еще столько же, говоря, что если ему откажут, то он не допустит, чтобы кто-нибудь сходил на берег. Такое бесстыдство побудило нашего командора Яна Мааса искать средства захватить короля в свои руки. Он послал за ним лодку и велел сказать ему, чтобы он явился на судно, где он будет одарен по его желанию. Неосторожный дикарь, когда ему сделали подобное предложение, не мешкал, тотчас же сел со своей свитой в лодку и отправился вниз по реке к кораблю. Его пригласили подняться с пятью или шестью спутниками. Король, взойдя на корабль, сразу побежал в каюту в надежде получить большие дары; но ему поднесли железные прутья, какие применяются в тюрьмах, сковали руки и ноги и упрятали вместе с четырьмя спутниками. У него был понурый вид, тем более, что командор, указывая на его вероломство, грозил его повесить, что и привели бы в исполнение, если бы шкипер Генрих Христианс (Hendrick Christians) не отсоветовал по многим причинам.

Короля схватывают и бросают за борт

Однако же командор приказал выбросить его за борт через кухонное оконце. Он чрезвычайно хорошо плавал, ибо за короткое время добрался до берега. Его придворные побежали к своим лодкам и из

всех сил старались поскорее достичь берега, где они выстроились, как бы собираясь напасть на нас или помешать нашей высадке, что вывело из себя нашего командора, когда он узнал об этом. После этого, чтобы доказать, что он заплатил дважды не из страха и что у него хватит смелости высадиться на берег без разрешения, он отправил на берег две лодки с таким числом стрелков, чтобы они, не взирая на то, будет ли это приятно или досадно, достали воды и нарубили дров, сколько нужно. Затем командор, считая, что месть еще не доведена до конца, приказал нам разнести их изгороди и дома и сжечь поселок, что и было приведено в исполнение с большой быстротой. Увидав это, король поспешно собрал около тысячи лодок, половина их была нагружена пучками сухой рисовой соломы. Они спустились с ними вниз по реке, чтобы, как мы предполагали, сжечь наш корабль или может быть, употребив солому для бруствера, попытаться взобраться на наши корабли и овладеть ими. Как бы то ни было, мы не сочли благоразумным ждать, пока явится это дикое полчище; 16-го мы снялись с якоря и продолжали путь по направлению к Мадагаскару.

Поселок грабят и сжигают

Близ Сиерра-Леоне мы встретили флейт [9], который торговал по всему побережью. Шкипером на нем был Ян Баккер (Jan Bakker) из Дюргердама. Наш командор Ян Маас охотно взял бы к себе этот корабль и дал бы за него нашего вице-адмирала «Св. Бернарда», на нем было бы удобнее переплыть Красное море, а также разъезжать взад и вперед, как на вестовом судне, но шкипер отсоветовал командору, и тот оставил свое намерение. Ян Баккер встретил у короля такой же прием и заплатил ему на наш лад дерзостью, вышвырнув его из каюты за дверь, вследствие чего мы изумлялись, как этот уже награжденный подобным образом дикарь не был осторожнее в другой раз.

Сиерра-Леоне—одно из самых лучших мест для отдыха, какое себе можно представить, как по плодородию, так и по обилию пресной воды. Здесь в изобилии растут просо, апельсины, лимоны, бананы, кокосовые пальмы, дикий виноград и многие другие плоды, также сахарный тростник и особый сорт длинного перца. Кроме этих растений, употребляемых в пищу, и плодовых деревьев здесь много красного строевого леса. Но наш краткий осмотр не дал нам возможности извлечь иной выгоды, кроме отдыха. Рыба там водится в изобилии, на берегу меж скал мы видели прекрасных крупных устриц. Пресная вода на Сиерра-Леоне повсюду в

большом изобилии; с гор спадает много рек с чистой дождевой водой, но ее очень вредно пить в мае, в начале периода дождей: она, как мне сказывал наш шкипер, вызывает лихорадку, понос и другие смертельные болезни; если капли дождя попадут на кожу чужеземца, то она распухает и покрывается волдырями, а также в платье от того дождя заводятся особого вида черви; потому всякого, кто попадет туда, предостерегают не пить иной воды, кроме той, которую соберут спустя некоторое время после дождя; тогда отрава повидимому пропадает, и мы от нее не видели себе вреда или опасности. По своей природе жители Сиерры-Леоне не совсем черные, а скорее коричневые, и тело их в некоторых местах прижжено раскаленным железом; в ушах и ноздрях проткнуты дырочки, куда они вдевают драгоценности и золотые кольца, воображая, что превосходно себя тем украшают. Мужчины и женщины ходят голыми, только прикрывают стыд передником из коры. В глубине страны попадаются людоеды, но по берегам они не так свирепы, весьма дружественны и приветливы к приезжающим европейцам.

Король, с которым нам пришлось иметь дело, был старик; он носил гвинейское платье и серую войлочную шляпу, но ходил босиком, как и весь простой народ.

Глава II

Прибытие на Мадагаскар. Диковинная история командора и короля. Смерть вице-командора Беннингса. Сильный ропот вследствие того. Оба корабля готовятся к бою. Шкипер Гармен Фоогт (Harmen Voogt) сдается, на него накладывают оковы. Длительное пребывание на Мадагаскаре. Описание острова, плодородие, изобилие скота, отличные овцы и всевозможные породы мартышек. Образ жизни жителей, внешность, одежда, уклад, утварь, брак и погребение. Безбожная свобода в действиях и тирания над детьми. Богослужение и государственная власть.

Октября 13 мы в целости и сохранности добрались до упомянутой земли или острова и бросили якорь в гавани Антонгило. Мы спустили шлюпку и поставили белый флаг в знак дружбы. На берегу поступили точно так же; но на горах копошилось множество людей, вооруженных стрелами, луками и дротиками, вследствие чего мы опасались, что они при такой большой численности легко овладеют нашим кораблем. Мы не особенно доверяли им и не торопились тотчас сойти на берег, но медленно плыли вдоль него. Когда они это заме-

Диковинная история командора и короля

тили, то один крикнул на хорошем нижненемецком языке: «Эй, вы, не беспокойтесь и не бойтесь, с вами не случится беды, сходите свободно на берег». Наш командор был уже раз на Мадагаскаре, и там у него сбежал раб, которого он обучил читать и писать. Это заметили только тогда, когда корабль уже плыл на всех парусах. «Он, как я разумею, — сказал командор, — приобрел здесь большой вес, жители даже избрали его своим начальником». Когда мы сошли на берег, то король со своими приближенными встретил и приветствовал нас и вскоре провел в свое жилище, находившееся посреди хорошо укрепленного шанца и окруженное со всех сторон изгородью. Весь дом и пол были завешены и покрыты красивыми цыновками. Король тотчас стал нас спрашивать, что это за корабль и кто мы такие, ибо он мог судить по флагу, что мы не из Голландии. Командор ответил, что мы голландцы, но эти два корабля находятся на службе великого герцога Генуэзского. В дальнейшем разговоре командор спросил короля, где он так хорошо научился нижненемецкому языку, на что он сказал: «Когда я был рабом у хорошего штурмана Яна Мааса и мы плыли в Ост-Индию, по дороге нас застала сильная буря, наш корабль пригнало к берегу совсем без мачт; когда его снова починили, я сбежал на берег, а корабль тем временем ушел в море». «Добро, — сказал командор, — господин король, вас зовут Димбро?» На что тот ответил: «Откуда вы меня знаете?» — «Добро, — сказал командор, — разве вы не знаете Яна Мааса?» При этих словах король быстро взглянул с большим изумлением и тут же бросился к нему на шею и поцеловал его. Немного погодя он встал и сказал: «Хорошо, вы были добрым господином и хозяином, все к вашим услугам, берите сколько хотите мяса и плодов, вам не придется платить за это». Командор поблагодарил его за радушие и сказал, что для него будет достаточно, если он сможет обменять товар на товар. Король в знак расположения предложил своих жен матросам, и женщины также приходили сами и выбирали самых молодых и лучших парней и горели желанием произвести голландское потомство. Многие из нас не заставили себя долго просить, тем более, что эти были миловидные и красивые чернокожие. Но какие получились от того птенцы, осталось мне неизвестным, ибо мы там пробыли не так долго.

Смерть вице-командора Беннингса

Тем временем умер наш вице-командор Ян Беннингс, и решили, что шкипер Гендрик Христианс займет его место, а шкипер с вице-адмирала Гармен Фоогт перейдет на адмирала; но послед-

ний не соглашался с этим и велел передать командору, что в случае если он захочет его видеть на своем корабле, ему придется привести его силой, иначе он не согласен покинуть свой корабль. Ночью он велел поднять все орудия, которые лежали в трюме, и приготовился к морской битве. Как только с наступлением дня командор увидал развевающийся кровавый флаг, то приготовился к бою, и так поспешно, что рано утром все было готово. Гармен Фоогт послал своих матросов на берег за водой; заметив это, командор спустил лодку с вооруженными матросами, которые перехватили отправившихся за водой, взяли их в плен, привели лодку с матросами к нашему кораблю и держали их в плену до тех пор, пока не сняли с них допрос. Тем временем наш корабль стал боком перед носом «Св. Бернарда». Гармен Фоогт, увидав, что он обманут и что у него слишком мало народу, потерял присутствие духа и прибыл в лодке на корабль командора; но матросы его время от времени кричали громко и отвратительно: «Отпустите без проволочек нашего шкипера и матросов обратно, или мы будем драться до последней капли крови и никому не дадим пощады».

Сильный ропот вследствие этого

Оба корабля готовятся к бою

Как только шкипер Гармен взошел на корабль, его схватили и сковали ему руки и ноги. После этого забрали еще двоих штурманов и других офицеров под предлогом взять с них правдивые показания и тотчас же бросили их в заточение. Когда матросы и весь народ увидали, как обстоят дела и что их главари в оковах, они потеряли мужество и вскоре сдали корабль со всем, что к нему принадлежит. Тогда созвали военный совет и спросили пленных офицеров (за исключением Гармена), что они предпочитают: сгореть со своим кораблем или верно и беспрекословно служить командору. Они склонились к последнему, ибо полагали, что им угрожает большее несчастье. Поэтому они смиренно просили прощения и обещали, что никогда не поднимут мятежа и не выкажут недовольства. После этой просьбы еще раз созвали военный совет, и было решено простить им всем их преступление. Но шкипер Гармен Фоогт должен был остаться в оковах до возвращения в Геную, где его накажут за непокорность и на всю жизнь сошлют на галеры. Затем разделили матросов обоих судов и смешали их между собой, чтобы смирить мятежный дух и не дать повода для нового восстания. По причине таких неприятностей мы упустили время для отъезда, и нам пришлось ждать, пока наступит другое время года, так что наше путешествие надолго задержалось. Между тем мы пользовались

Шкипер Гармен Фоогт сдается

На него накладывают оковы

Длительное пребывание на Мадагаскаре

хорошей погодой, ловили рыбу, стреляли птиц, охотились или собирали в лесах всевозможные плоды.

Описание острова

Остров Мадагаскар лежит приблизительно в 110 милях от Софала и в 44 от Мозамбика. Он простирается к северо-востоку и юго-западу вблизи экватора и лежит в своей северной части под 12°, а в южной — под 26° южной широты. Это один из самых больших островов во всем мире, в 220 немецких миль длиной и 70 миль шириной. Мадагаскар делится на различные провинции и владения, отделенные большей частью реками. Это очень плодородный остров, где много риса, ячменя, разных бобов, бананов, ананасов, дынь и всяких других плодов. Там произрастают также сладкие и кислые гранаты, померанцы, лимоны, миндаль, финики, груши и т. д.

Плодородие

Помимо этих плодов также много там разных съедобных кореньев [10]. Там собирают прекрасный мед, каучук, целебные коренья и травы; помимо того по всему острову много минералов и металлов, главным образом железа. Золото, которое находят там, гораздо хуже, чем в Перу или в других местах, и унция его не стоит даже и 10 крон; но в железных рудниках добывается железо, лучше которого нигде нет. Также встречаются там различные породы драгоценных камней: топазы, аметисты, смарагды, сапфиры, гиацинты, яшма, агат и другие, также много красного железняка. Животные водятся там в изобилии: коровы, дикие и домашние, козлы и козы, которые четыре раза в год дают приплод. Овцы весьма жирны, их хвосты весят до 25 фунтов и больше; также дикие и домашние свиньи, у которых превосходное и вкусное мясо и сало, не такое противное, как в Европе. Также водятся там кабаны особой породы, которых жители называют Тендрак (Tendrak), весьма нежные на вкус, мясо у них мягкое и волокнистое. Эти звери спят в течение шести месяцев в ямах и пещерах под землею, без еды и питья, за это время выпадают их колючие иглы, такие же, как у ежей, которых здесь очень много. Собаки большей частью малы, с короткими мордами и ушами. Стадами, по 50, 60, даже по 100, бегают здесь различные обезьяны или мартышки, некоторые весьма красивы, другие дики и ужасны: их очень трудно поймать и приручить. Ростом они с лисицу. Другие более серые и поменьше и не такие злые, их легче поймать и приручить. Там встречаются еще белые обезьяны, которые чаще всего ходят на задних лапах, и у них слегка желтоватые головы. Они очень падки на женщин, которые иногда от них беременеют;

Изобилие скота

они их берут насильно в то время, как другие крепко держат, и после того, как они удовлетворят свою похоть, часто разрывают женщину на куски. Встречается также одна порода серых обезьян, у которых глаза сверкают, как огонь. Их считают самыми лучшими, но поймать их весьма трудно и еще труднее приручить, ибо они по большей части такие дикие и своенравные, что скорее сдохнут от голода, чем дадут себя увести. Здесь тысячи белок, ласок, вивер и других неизвестных зверей; но здесь нет лошадей, слонов, тигров, медведей, львов и других четвероногих хищников. Птиц и насекомых — несчетное множество. Скорпионы, ядовитые пауки, сороконожки и другие гады во множестве приносят вред человеку, и от их укуса можно потерять сознание.

Образ жизни жителей, внешность и одежда

Жители частью белые, частью чернокожие; у первых длинные редкие волосы, у других слегка курчавые и довольно красивые. Там есть еще желтые, они совсем дики и никогда не подрезают волос на голове и бороды, тогда как первые иногда это делают.

Мадагаскарцы в большинстве случаев коварны, лживы и прирожденные воры, а предательство и мщение считаются у них наивысшим искусством и добродетелью; кто может в том себя показать, того прославляют и уважают; но кто не мстит или проявляет сочувствие, того презирают и осмеивают. Они от природы вялы и ленивы, и их не легко застать за тяжелой работой; зато они питают большую склонность к пению и пляске. Занимаются главным образом обработкой земли, гончарным делом, кузнечат, плотничают, прядут, ткут, шьют паруса, ловят рыбу и охотятся. Их кузнецы искусно закаливают железо, изготовляют ножи и вилы, наконечники для стрел и щипцы, которыми выдергивают волосы. Встречаются и ювелиры, но очень скверные мастера.

Их жилище

Их дома — простые деревянные хижины в один этаж, с крышей, однако они устраивают большой праздник при въезде в такой дворец. Когда дом построен, хозяин приглашает родственников и друзей в гости; но это угощение дорого ему не стоит, а, напротив, приносит выгоду, ибо никто не смеет явиться без подарка, наподобие вестфальских свадеб [11]; начиная от самых высших и до последних крепостных, никто не приходит с пустыми руками: один приносит немного золота, серебра и железа; другой — деревянный сосуд с зерном или утварь; некоторые приносят быков, овец, всевозможные кушанья и т. д., так что хозяину помимо пира оплачивается и большая часть расходов на постройку. Праздник продолжается несколько дней, в это время они весело уго-

щаются, пляшут, поют и играют. Их утварь состоит главным образом из кухонной посуды. У них нет столов, стульев, скамеек, скатертей, салфеток, постелей, сидят они на маленьких цыновках.

Простой народ ходит чаще всего нагишом и едва прикрывает стыд. Одежда мужчин состоит из подштанников, свисающих до колен, и верхнего одеяния из цельного куска полотна, обернутого вокруг тела и стянутого поясом. Женщины носят платья до колен, с рукавами и без рукавов, а также особый род штанов и пояс вокруг тела. Они носят также шали наподобие ночных шейных платков у голландских женщин. Платья их из полотна, мочалки или шелка различных цветов, на которые они нашивают шелк другого цвета, чем самое платье. Мужчины и женщины ходят босиком с непокрытой головой и только одно племя покрывает голову. Мужчины носят на голове шапки, наподобие тех, какие у иезуитов. Женщины надевают шапочки, верхний конец которых заострен и спадает за плечи на спину.

Брак

Брак у них не связан с большими церемониями. Каждый берет себе столько жен, сколько хочет или сколько может прокормить. Они легко разводятся. Мужчины не считаются с тем, если удовлетворяют похоть с другими женщинами; женщины тоже много не спрашивают и сами не упускают случая, и это у них не считается смертным грехом или позором; если что случится, то они принимают это за плутовство и кражу, которую можно искупить и оплатить маленьким подарком. Девушки добиваются этого и не стыдятся отдавать себя в наем кому угодно, лишь бы только было уплачено, и та, которая может много получить, пользуется большим почетом. Да ни одна девушка не возьмет себе в мужья юношу, пока не попробует его перед тем как следует. Родители сами радуются, когда видят, что дочь так играет с юношей, они ее иногда еще подзадоривают. Тем не менее, несмотря на откровенную похоть, они не любят, когда их жены или взрослые дочери рассуждают о таких распутных делах.

Погребение мертвецов

Когда умирает человек, пользующийся уважением, то близкие и друзья обмывают его и убирают серьгами и браслетами, кораллами и другими мелкими украшениями, потом завертывают в тонкую одежду и так несут его в цыновке к могиле; но людей более знатных предают земле с большими затратами. Когда знатный умирает, его, как и других, обмывают и кроме того стригут волосы, а женщинам надевают шапку и украшают многими драгоценностями. Тем временем приходят слуги вместе с родственниками, женами, детьми, рабами и рабынями и оплакивают покой-

ника и громко кричат, так что слезы катятся по щекам. Другие вспоминают славные подвиги покойного, иные бьют в барабаны и литавры, во время чего некоторые начинают благопристойные пляски. Потом они обращаются к мертвому, как к живому, вопрошают и говорят: «Как же ты умер? Разве ты в чем-нибудь испытывал нужду? Разве у тебя нехватало скота, золота, серебра, железа и других вещей?» и так далее. После того как они целый день так плачут и пляшут над мертвым, к вечеру закалывают нескольких животных, жарят их и съедают. Перед мертвецом все время горит огонь, тело кладут в гроб из двух выдолбленных из дерева колод, покрывающих одна другую, и относят в приготовленный для того дом или хижину, где опускают в могилу, приблизительно в шесть футов глубины, куда спускают корзину с рисом, кружку с табаком, глиняную миску, жаровню, платье и пояс, вместе с съестными припасами, которые понадобятся покойному в пути на тот свет. Наконец приваливают к двери тяжелый камень и приносят в жертву животных, чтобы чорт или злой дух не учинил препятствий покойному по дороге в рай. Они обычно просят у покойного во время болезни совета и потом вызывают его дух и спрашивают его.

Безбожная тирания над детьми

Подобное идолопоклонство существует и у других народов; но здесь распространен особый ужасный и жестокий обычай, какого я никогда и нигде больше не встречал: они выбрасывают и убивают своих собственных детей. Правда, татары и индусы продают их, ибо говорят, что не могут их воспитать, и дети, если их покупают немцы, получают лучшую пищу, чем у родителей; но мадагаскарцы совсем бросают их и умерщвляют, так что поступают с ними хуже, чем дикие звери со своими детенышами. Происходит это тогда, когда жрецы говорят, что ребенок родился в несчастливый день и ему предстоят в жизни большие несчастья, или что он родился под недоброй планетой, а также если на лице или руках у него дурные знаки, которые предвещают, что он станет преступником и убьет отца и мать. При таких или подобных предсказаниях они отдают ребенка рабу, дабы он снес и положил его в терновник или кустарник, где невинный погибает от голода и жажды или его съедают собаки и другие звери. В иных случаях, когда женщина во время беременности чувствует себя хуже обычного, то в этом повинна злоба ребенка, и его либо умерщвляют, либо закапывают живым в землю или топят тотчас после рождения. Также если рабыня беременеет от хозяина и он бросает ее, она

душит без всякого раздумья свой плод или ищет случая, как бы устроить ребенка, чтобы воспитать его без затрат и усилий.

Когда белая женщина приспит с чернокожим, то сразу начинает помышлять о том, чтобы уничтожить плод; или дождется родов, и если заметит, что ребенок черен, подобно отцу, или волосы у него вьются, то тотчас же его душит, топит, закапывает живьем в землю или убивает другим образом. Если девушка боится, что от ребенка или от того, что у нее слишком долго будет молоко, груди ее станут слишком большими или покроются мозолями (когда она желает остаться незамужней или заработать на этом деньги), то она не отступает перед тем (о, ужасная нечеловеческая жестокость!), чтобы умертвить плод в своем чреве или приколоть новорожденного. Кроме этого проклятого обычая у них есть другой, не лучший, а именно: когда женщина умирает от родов, то бросают младенца в могилу, говоря, что лучше если он умрет, нежели его воспитают другие. А так как у них наверное половина дней считается недобрыми и несчастными, то очевидно, что они при таких обстоятельствах убивают половину своих детей, кроме тех, которые погибают по другим причинам. Таким образом эта обширная и плодородная страна, где каждый берет столько жен, сколько ему, по его мнению, может понадобиться, и где невенчанные живут в свое удовольствие и не наказываются, все еще не густо населена. Однако встречаются немногие, которые не совсем лишены сострадания, но стыдятся обнаружить это перед друзьями и соседями. Они относят своих детей, но не очень далеко, и посылают за ними тайно раба или рабыню. А когда их возвращают обратно, родители приносят в жертву за них скот и кур и запирают их иногда в курятник или хлев под предлогом укротить злой дух ребенка, а то иначе он свершит большие злодеяния.

Богослужение на Мадагаскаре

Богослужение мадагаскарцев не имеет особого значения; они не нуждаются ни в церквах, ни в молитвенных домах. Они знают, что существует бог, который сотворил небо и землю, но не почитают его и не служат ему, однако исповедуются в своих грехах, когда приходит старость или болезнь. Они также верят, что существует чорт — причина всякого зла, который дает и отнимает у людей жизнь; он вызывает все болезни, несчастия, убийства, кражи и всевозможные плутовства, поэтому нужно стараться задобрить его, почитать и приносить жертвы. Помимо бога и чорта для них существует еще третья сила, которую они называют Диан Mананс (Dian Manans), владыка богатства, и полагают, что он

делает людей счастливыми и богатыми. Помимо того у них имеется представление (весьма смутное) об ангелах, Адаме, Еве, Ное и других и даже о самом спасителе. У них установлены праздники и посты, и они придерживаются их.

Обрезание

Обрезание у них тоже в обычае, оно совершается в определенное время года. Накануне собираются все добрые друзья и знакомые и напиваются до бесчувствия. Потом бьют в барабан и забавляются с ассагаями [12] и круглыми щитами. Юноши и девушки пляшут и скачут. Вечером устраивают общественное угощение, и кутеж на этом кончается. Ночью мать спит с ребенком, которому предстоит обрезание, в особом доме, выбранном за месяц до того его отцом и друзьями, но муж не смеет касаться своей жены. Рано утром, как только начнет светать, мать встает, купается и моет себя и ребенка, надевает на него украшение из камешков и кораллов, пока не забьют в барабаны; затем наступает тишина, и уходят все, кто накануне веселился, а также и те, которые считают, что ночью у них могло быть соитие, равно как и всякий, кто носит что-нибудь красное, ибо они считают, что это помешает остановить кровь после обрезания. Затем жрец берет нож и обвязывает платок вокруг своей левой ноги; наконец отец или ближайший друг берет ребенка на руки и так проходит с ним в западную дверь и снова выходит в восточную. После этого очищают место и обрезают ребенка, и если он рожден от раба, то крайнюю плоть бросают на землю, если же он рожден свободным, то отец или брат отца съедает ее вместе с белком из куриного яйца, ибо они воображают, что от этого можно совершать чудеса, а народ здесь весьма склонен к черной магии. Затем к ране прикладывают петушиную кровь и сок некоторых трав. Таким образом ребенка обрезают и лечат, после чего относят домой с большим ликованием и криками радости.

Управление и государственная власть

Островом Мадагаскаром владеют многие властелины или короли, и среди них каждодневно возникают войны и междоусобицы. Стрелы и лук, копье и щит — их оружие, с которым они хорошо умеют обращаться. Они чрезвычайно горды и неустрашимы, однако фехтуют без всяких правил, подобно детям, и каждый попадает, куда придется. Они быстры в своих действиях, неожиданно нападают, грабят и сжигают друг у друга поселки и деревни. Все время, пока мужчины находятся на войне или участвуют в набеге, женщины только и делают, что пляшут и *прыгают, не спят и не едят в своих хижинах, если только не*

хотят избавиться от своих мужей. Ибо они твердо верят, что если они (в то время как их мужья находятся на войне) дома не будут вести себя таким образом, то их мужей наверняка убьют или ранят; напротив, если они будут жить честно и весело плясать, то это придаст воинам силу и решимость и они победят.

За это время мы часто видели походы короля Димбро против врагов, один раз с 6 тыс. или 7 тыс. человек, в других случаях с более сильным войском. Сначала они метали копья, после чего разгорелась жестокая битва, когда каждый набрасывался на противника без всяких правил. Но наконец победила наша партия, хотя у нас и погибло несколько самых сильных воинов, но еще больше у врагов, у которых перебили также всех раненых. Мы смотрели на это, как на зрелище, и заметили, что во время сражения они издевались и насмехались друг над другом. После битвы наши войска вернулись с большим ликованием. Незадолго до того некоторые отряды с нашей стороны ежедневно приносили по нескольку голов и клали их к ногам короля, и кто так делал, того возводили в дворянство.

Странный способ заключать мир

У них существует весьма странный обычай и способ заключать мир. Когда две стороны намереваются заключить мир или уладить какой-нибудь вопрос, они сначала высылают кого-нибудь с подарками, который вызывает на переговоры. Если желание обоюдное, то назначают день, и полководцы выходят со всем своим войском, как на сражение, и происходит взаимный осмотр. Далее, каждая сторона закалывает быка, куски печени которого они посылают друг другу и съедают их в присутствии послов, причем дают страшные клятвы и божатся в том, что в дальнейшем не будут убивать друг друга, грабить и причинять вред людям и скоту, отравлять воду и поджигать, и желают, в случае если они поступят против того, тотчас же лопнуть от съеденной печени.

Глава III

Прощание с Мадагаскаром. Прибытие на Суматру. Захватили несколько китайских джонок. Насилуют женщину, которую потом распинает ее муж. Зондский пролив, где встречают 14 голландских кораблей. Сдаются без всякого сопротивления и попадают в Батавию. Матросы расхищают ящик с деньгами. Я. Я. Стрейс поступает на службу к благородной Нидерландской ост-индской компании. Путешествие в Сиам. Подробное описание королевства, его доходы и величина.

ПОСЛЕ ПЯТИ месяцев спокойной стоянки на Мадагаскаре 6 марта 1649 г. мы наконец снова вышли на парусах и держали путь на Суматру.

Плывут на Суматру

2 июня мы оказались вблизи помянутого острова и стали на якорь в гавани Силлабу, где выменяли немного перцу и фруктов. В этом месте мы захватили две китайские джонки[13], весь народ с них спрыгнул в море, за исключением женщины, которую изнасиловали и обесчестили итальянцы, и офицеры ничего не могли сделать, чтобы помешать тому, и подобное похотливое и несдержанное поведение не встречало сопротивления во время всего путешествия. Когда бедную женщину обесчестили, причем применили силу, то ее наконец высадили на берег, где муж ее распял и мучил до тех пор, пока она не испустила дух.

Захватили несколько китайских джонок

Муж распинает изнасилованную жену

28-го мы снова снялись с якоря и направились к Индрапуре и по пути снова овладели двумя китайскими джонками, нагруженными перцем, сандаловым деревом [14], камфарой и т. д.

29-го мы прибыли в Индрапуру, где закупили свежих припасов. Мы рассчитывали захватить здесь еще несколько джонок, но обманулись, ибо они уже уплыли.

2 июля мы вышли на парусах по направлению к Зондскому проливу и дошли до мыса Топперс. Здесь мы встретились с 14 кораблями Нидерландской ост-индской компании [15], посланными за нами господином генералом и советниками со строгим приказом забрать нас, хотя бы и против нашей воли. Когда наш командор получил это известие, он не испугался его, но отказался, сказав, что он не подчинен господину генералу, а если его хотят принудить, то он будет защищаться против насилия. Тогда голландский начальник послал в Батавию за дальнейшими распоряжениями, и на помощь ему выслали корабль «Банда» (Banda), после чего он приказал нашему командору сдаться, иначе он дает по нем залп из пушек. Ян Маас, видя приготовления к жаркому делу и заметив недовольство своих матросов, собрал офицеров на совет, на котором решили: так как нет никакой возможности устоять против стольких кораблей, сдаться со всем экипажем и осведомиться у господ начальников, что все это значит. Матросы ничего не имели против этого решения. Среди них после восстания на Мадагаскаре не было единодушия, а, напротив, продолжалась старая вражда; они ежедневно осыпали друг друга бранью и тяжелыми обвинениями; в этой вражде они так надоедали друг

Прибытие в Зондский пролив, встреча с 14 голландскими кораблями

Сдаются без всякого сопротивления, и их отвозят в Батавию

другу, что охотно расстались бы, и чем скорее, тем лучше, и теперь к этому представлялся удобный случай. Так, голландский флот захватил хороший улов без малейшего сопротивления, и 12-го мы отправились в Батавию. Наш корабль на море был лучше и быстроходнее голландского, и мы свободно могли (когда бы хотели) ночью уйти от них, ибо шли таким быстрым ходом, что на полдня раньше их прибыли в Батавию, а у них не было ни одного судна, которое могло бы итти наравне с нами или перегнать нас.

5-го числа явился на наш корабль командор Якоб фан-дер-Мэлен (Jacob van-der-Meulen) с приказом от господина генерала фан-дер-Лейна (van-der-Lijn) описать корабль и экипаж и вызывал нас поочереди в каюту и спрашивал каждого, откуда он родом. Потом всех нидерландцев отвели и отдали на местную гауптвахту

Матросы расхищают ящик с деньгами

Между тем итальянцы и другие чужеземцы оставались беспрепятственно на судне и растащили ящик с деньгами. С этой добычей каждый пошел своим путем: итальянцы большей частью отправились в Гоа или Бантам, гамбуржцы и другие — в свое отечество. Корабли тем временем оставались под арестом. Вскоре умер командор Ян Маас, и по виду его трупа можно было судить, что его кто-то отравил, хотя трудно предположить, кто бы мог это сделать: вероятно один из разбойников, рассчитывавших на то, что со смертью командора с него снимут обвинения и забудут его проступки. Около 14 дней пробыли мы под арестом, и после

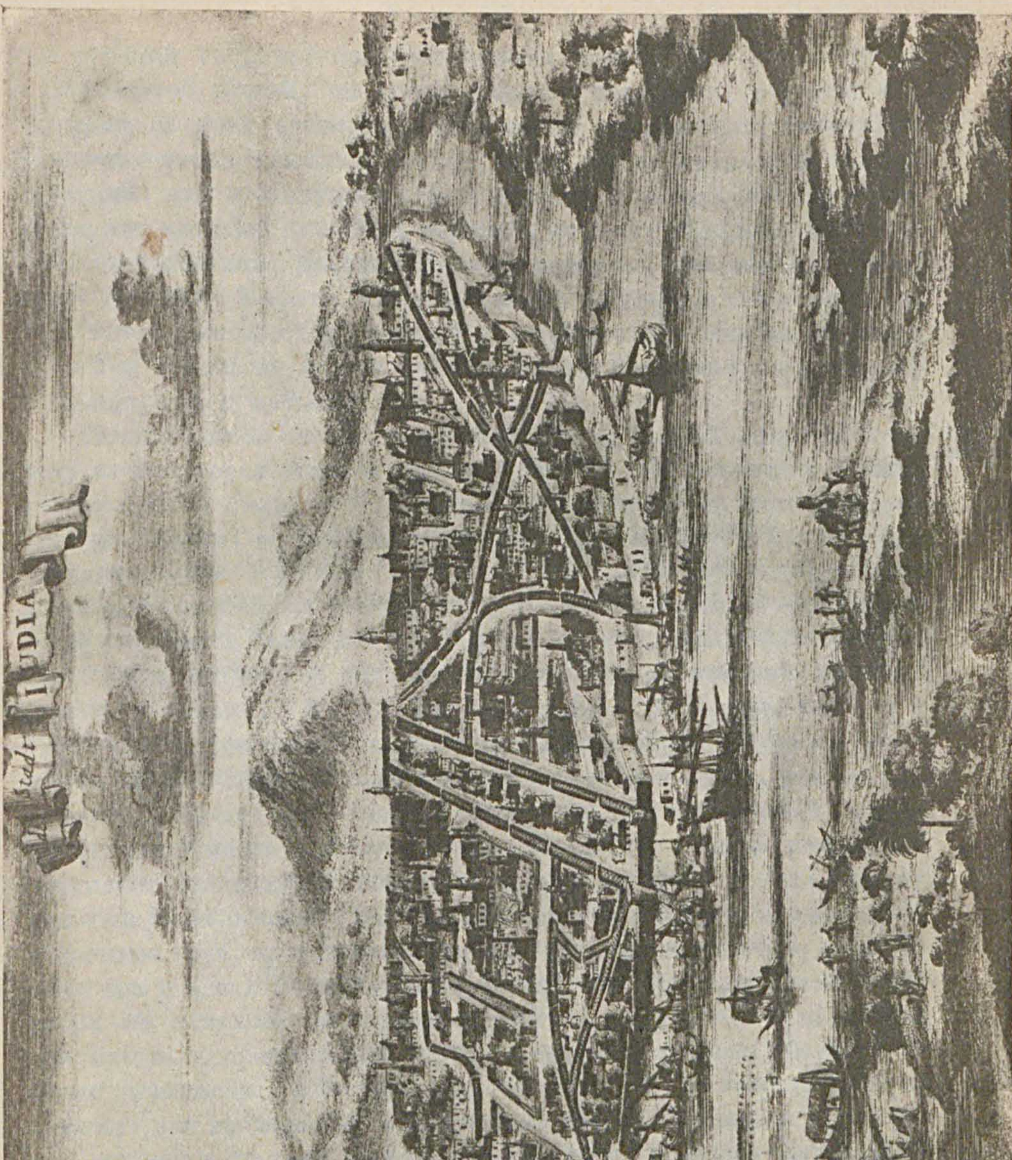
Я. Я. Стрейс поступает на службу к благородной компании

того, как подали смиренное прошение, нас отпустили и по приказу господина генерала выплатили до последнего гроша все жалованье, какое нам остались должны генуэзцы за истекшие месяцы, причем нам был предоставлен выбор отправиться на родину или поступить на службу к голландской компании, после чего некоторые устремились на родину, но я и еще несколько матросов выбрали последнее. Я снова нанялся старшим парусным мастером за 18 гульденов в месяц, сроком на три года.

Прибытие в Сиам

15 января я взошел на корабль, названный «Черный медведь», и первый раз отправился в Сиам, где мы благополучно стали на якорь.

Королевство Сиам расположено на востоке Ост-Индии, между 7 и 18° северной широты, и занимает 450 немецких миль в окружности, отличается плодородием, изобилует съестными припасами, богато скотом и рыбой; там есть золото и мускус, также много других товаров и припасов. Много там городов, деревень и населенных мест и самое большое из них называется Аютия —

это столица государства и резиденция короля. Жители—индусы, с желтоватой кожей, по своей религии язычники, которых наставляют и учат суевериям множество священнослужителей в многочисленных храмах и монастырях. Образ правления монархический: эти и живущие рядом народы с давних времен находятся под властью сиамских королей, которые обладают не меньшим могуществом, достоинством и почетом, чем любой другой князь на земле. Короче, Сиам по своему плодородию и земельным богатствам, множеству жителей и подвластным ему княжествам является одним из самых значительных королевств на востоке и западе, где я побывал.

Гавань и положение

Гавань Сиама лежит, как уже сказано, под 15° широты к северу от экватора; Аютия простирается на 20 голландских миль с севера на юг, или на 1° севернее, расположена на одной из лучших рек Индии, по которой идут корабли в 150 и 200 ласт [16], при глубине посадки в 12 или 13 футов. Хотя в этой реке и достаточно воды для корабля на тысячу ласт, но в ней не могут итти суда, погружающиеся более чем на 13 или 14 футов, вследствие отмели, тянущейся впереди с востока на запад на расстоянии мили от берега, а справа, у устья, глубокое место или вход, так что с обеих сторон (считая внезапные пропасти и обрывы) грозит опасность. Ширина реки в самом широком месте больше, чем на два ружейных выстрела, в самом узком — на два брошенных камня; однако узкое место тянется не более полумили, и вскоре река снова достигает упомянутой ширины вплоть до стен Аютии, равно как и на 10 миль выше, где можно пристать к берегу, выгрузиться и принять груз, не подвергая корабль никакой опасности, подобно тому как у нас в Голландии. От устья реки примерно на 30 миль вверх по течению, за городом Аютия, встречаются приятные местности, с прекрасными садами, тучными нивами, бесчисленными деревнями, монастырями, местечками, а также летними домами; это прекрасная плодородная земля, глинистая и песчаная, ровная и плоская, так что гор там почти не видно; зато много высоких башен и пирамид [17], которых здесь так много, что их почти нельзя сосчитать.

Таможня

Приблизительно в восьми милях вниз по течению реки лежит маленький, окруженный стенами городок, называемый Бангкок, где помещается первая таможня короля, называемая Ганон Бангкок (Canon Bankok); там должны останавливаться все джонки и корабли, откуда бы они ни пришли и из каких бы стран ни были,

и объявлять, зачем они сюда прибыли, сколько на них людей и какие с ними товары, для уплаты пошлины. После этого они получают таможенную грамоту, с которой они могут отправиться дальше, куда пожелают. Не доезжая примерно одной мили до города Аютии, они попадают в другую таможню, называемую Ганон Бантенан (Canon Bantenan), где нам пришлось вторично стать на якорь и предъявить таможенную грамоту, не заплатив ничего; это дает уверенность, что таким образом нельзя ни обмануть, ни обойти ни короля, ни чужестранца, ибо по предъявлении таможенной грамоты разрешается подойти к городским стенам и даже въехать в самый город, где можно торговать по своему усмотрению, без того, чтобы кто-нибудь тому помешал, но с условием, что при отъезде нужно будет снова уплатить таможенную пошлину и получить грамоту на выезд. Все суда, приезжающие на рынок, как бы малы они ни были и откуда бы они ни шли и куда бы ни направлялись, груженые или пустые, должны уплатить пошлины и должны пройти надлежащий осмотр, под страхом потери лодки, корабля и груза, в случае если они уйдут без разрешения и не предъявят таможенной грамоты.

Другая таможня—Бантенан

Города Сиама, столица Аютия

В королевстве Сиам пять городов, обнесенных стенами, и пять необнесенных, кроме того множество местечек и деревень.

Столица Аютия имеет в окружности примерно две с половиной или три голландских мили, обнесена прочной стеной, сложенной, как и больверки [18], по старинному образцу, весьма искусно и превосходно, и украшена тысячами церквей, монастырей и золоченых башен. В Аютии есть улицы, которые едва можно пройти в течение трех часов; город кругом обтекает канал, шириной в два ружейных выстрела, подобно рвам вокруг наших городов; вода в этом канале имеет выход в восьми местах; сиамский король со своим двором помещается в великолепном дворце, построенном внутри города и обнесенном стенами, не считаясь ни с какими издержками, так что на него можно смотреть, как на чудо.

Это могущественный и богатый король, у него много подданных, слонов, золота, драгоценных камней, кораблей, большая торговля и плодородная земля. Аютия стоит выше многих мест, за исключением Китая. Жители — идолопоклонники, живут по своей вере в мире и согласии, под управлением короля и в подчинении у своих начальников.

Сиам—отличная, красивая и плодородная страна, богата рисом и другими злаками; скот и дичь водятся там в большом изобилии:

быки, коровы, зайцы, вепри, буйволы, особенно много оленей и ланей, которых ежегодно ловят тысячами только ради их шкур, и как мы сами ясно видели по торговле, различные нации вывозят ежегодно более 300 тыс. штук из Сиама в Японию, и торговля Ост-индской компании также большей частью состоит в этом. Здесь водятся также в изобилии слоны, носороги, леопарды, тигры и другие подобные звери; вместе с тем много всевозможных летающих зверей и птиц, какие только могут существовать на земле, за исключением лебедей и соловьев, которых я здесь вовсе не встречал. Далее, здесь великое множество всяких рыб, устриц, раковин, раков и крабов. Рыбная ловля приносит большую выгоду, торгуют особенно скатами, которых, как и оленей, ловят из-за шкурок и отправляют сотнями тысяч в Японию, где они высоко ценятся и за шкурку иногда платят, если она красива и хороша, 50—60 и даже сотню дукатов, а при мне продали шкурку за сто реалов наличными, но встречаются и такие, сотня которых не стоит и четырех рейхсталеров. Шкурки, которые отправляются в большом числе в Японию, высушиваются. Также во множестве встречаются в этой местности крокодилы или кайманы, и мясо их едят в лечебных целях. Змеи, ящерицы, скорпионы и другие ядовитые животные водятся здесь в изобилии.

Высокая цена скатов

Мясо крокодилов в лечебных целях

Много в Сиаме сахару, масла, деревьев, трав, плодов и тому подобных произведений земли, также много молока и меда, так что на случай нужды там найдется достаточно съестных припасов и не придется обращаться к помощи других стран.

Глава IV

Обычаи и пища сиамцев. Различные ремесла. Странствующие купцы. Государственный строй и управление. Блестящая свита короля, великолепие трона, выезд на лицезрение народу. Множество золотых сосудов. Войны из-за белого слона. Победа над королем из Ава.

СИАМ МОГУЩЕСТВЕН и густо населен, и жители его весьма хорошего нрава и поведения. Они — язычники и поклоняются идолам; они хорошо прокармливают себя и занимаются различными промыслами, особенно торговлей внутри страны, которая дает пропитание сотне тысяч людей, а также некоторыми ремеслами, в которых здесь особенная нужда, как то: плотников и корабельных мастеров, кузнецов, ваятелей, золотых и серебряных дел мастеров, каменщиков, златобитов,

Обычаи и пища сиамцев

Различные ремесла

каменотесов, живописцев, граверов, ткачей, литейщиков колоколов, медников, токарей, обжигателей камня и извести, гончаров, резчиков по дереву, сундучных и ящичных мастеров, наконец есть несколько тысяч ювелиров и всяких мелочных торговцев; короче говоря, у них есть все, что нужно для жизни. Нет недостатка в цирульниках, докторах и адвокатах или судейских людях на их лад. Есть там купцы, торгующие съестными припасами и одеждой, которые странствуют из города в город, из деревни в деревню. Этой торговлей кормятся тысячи и живут все время в своих лодках или торговых судах; тем не менее в городах и деревнях много женщин и детей. Больше всего здесь рыбаков и земледельцев, и у каждого, какого бы он ни был высокого звания, свое место для рыбной ловли и свой участок земли, в особенности поля с рисом и хлебными злаками. Они отличные купцы и довольно умны, чтобы с избытком добыть себе пропитание и все необходимое. Рабочие и рабы здесь весьма многочисленны, они охотно берутся за всякий труд, каков бы он ни был, за три штюбера [19] в день, из чего можно заключить, что все необходимое для жизни дешево и доступно и можно отлично прожить на три штюбера.

Странствующие купцы

Каждый город управляется назначенным вице-королем, который со своими советниками разрешает все гражданские и уголовные дела и получает власть, доходы, пошлины и права короля; их сменяют каждые три года. Таким же образом всякая драка, недоразумение, схватка, обман, кража, разбой, убийство и тому подобное, случившееся при дворе, в Аютии или любом городе, разбирается и разрешается губернатором и судьей с советниками, приставленными к ним королем; когда снимут допрос с обеих сторон, то требуют письменного изложения обстоятельств дела, причем нет недостатка в писцах, нотариусах и адвокатах, которые этим, как и у нас, добывают себе пропитание и должны предварительно получить соответствующее звание; все жалобы или дела, представленные судье, должны быть составлены нотариусом, переданы и защищаемы адвокатом; помимо того преступники могут апеллировать к наивысшему судье — королю. Воровство, разбой, убийство, предательство и другие уголовные преступления строго наказываются в этой стране, без всякого снисхождения и не считаясь с положением виновного.

Государственный строй и управление

У короля Сиама роскошный и великолепный двор, равного которому нет во всей Индии. Он не ступает по земле, и его всегда носят на золотом троне, если он пожелает где-нибудь присут-

Блестящая свита короля

ствовать; раз в день во дворце он предстает перед дворянами и князьями; по своей торжественности эта аудиенция превосходит подобные церемонии у христианских королей. Его высоко чтут, почти как бога; дворяне и советники, прибывающие ко двору, когда говорят с королем, опускаются на колени, складывают руки, припадают лицом к земле и заканчивают свою речь таким титулом: «Jaova Tjaw Perre Boede Tjaw Jaova», что означает: «Властелин властелинов и король королей». Он сидит на золотом троне, сделанном наподобие пирамиды, на котором его никто не может увидеть; по обеим сторонам трона стоят чудища или звери из золота, именно таким образом, как у храма или трона царя Соломона, и несколько сот солдат в строю и при оружии, а также несколько слонов, для большей пышности покрытых роскошными золотыми и серебряными попонами; когда король выезжает из дворца ради удовольствия или для того, чтобы посетить различные монастыри и церкви, что обычно случается два или три раза в году, то его сопровождает большая свита из дворян и почти вся знать страны, с его женами и наложницами, сидящими на слонах, которых у него весьма много, или, если это происходит на воде, они следуют за ним на великолепном золоченом судне с 80, 90 и даже 100 гребцами в сопровождении бесчисленного множества вооруженных солдат в строю; за ним следует также много людей с флейтами, барабанами и другими инструментами и производят большой шум; потом каждый, будь то горожанин или крестьянин, чужестранец или дворянин, старый или малый, должен, под страхом смертной казни, выйти из своего дома и, распластавшись ниц, оказать почести королю, и я сам видел, как некоторых казнили, кто приветствовал его величество не как подобает или не в надлежащее время. Судьи, приставленные к этому, должны тотчас же без всякого промедления наказывать преступников или накладывать денежный штраф, если проступок невелик. Обычай открыто появляться перед подданными и заставлять их выходить навстречу вызывает у народа этой страны большое доверие и любовь к своему королю, что однако не принято во многих других местностях, лежащих к востоку, и даже составляет им прямую противоположность. Когда персидский король (о чем в дальнейшем будет более подробно рассказано) отправляется со своими женами на охоту или покидает дворец по какому-нибудь другому случаю, то никто из жителей или чужестранцев, под страхом смертной казни, не смеет выйти из своего дома на улицу.

Великолепие трона

Выезд на лицезрение народу

Множество золотых сосудов

В королевском дворце собраны невероятные сокровища и драгоценности, и при дворе его величества не употребляют для еды и питья иной посуды, кроме золотой и серебряной, что, хотя и кажется невероятным, однако видел я сам и в том удостоверился. Также белым и другим слонам, находящимся при дворе, в числе семи или восьми, подают на золоте и серебре и помимо того подобным образом довольствуются и некоторые дворяне, состоящие при дворе короля; они сверкают и блестят в своих одеждах, усыпанных драгоценностями и обшитых галунами. Короче говоря, сиамский двор по своему богатству и пышности так великолепен и прекрасен, что, кто сам не видел, не может ни оценить его, ни тому поверить. И тем не менее в дальнейшем я не смогу описать всего, что я видел как во дворце, так и вне его.

Слонам подают на золоте и серебре

Война из-за белого слона

В ту пору сиамский король не вел никаких особых войн, но во времена его предков велись тяжелые войны с Пегу, Ава и Ланьядером отчасти из-за белого слона, который принадлежал Сиаму и которого домогались заполучить в Пегу, и отчасти по высокомерию, чтобы подчинить одно царство другому. В данную пору у них был заключен мир, и они терпели друг друга. В 1648 г. король Ава с помощью короля Ланьяндера напал на сиамцев и успел занять несколько деревень и местечек, прежде чем об этом узнали в Сиаме. Затем сам король поспешно выступил им навстречу в начале февраля более чем с двухсоттысячным войском. Он расположился лагерем примерно на расстоянии полумили от вражеского стана, и они в течение трех месяцев смотрели друг на друга, как злые собаки, и не наносили друг другу особого вреда и ущерба, пока король Ава, убедившись, что он ничего не добьется и что ему предстоит голод, не отступил. К тому же его войско уходило и разбегалось, как и большая часть ланьяндерцев. На подмогу Сиаму патани (Patany)[20] выслали десять тысяч человек, которые пришли слишком поздно и были отосланы обратно. К этому времени король также распустил свой лагерь, а пятнадцать или двадцать дней спустя с торжеством возвратился в свой дворец в Аютии, где дворяне и знать устроили ему такой прием, как будто он вернулся с поля битвы или одержал большую победу. И правда, он вел войну без кровопролития, однако причинил врагу больше ущерба промедлением и разумными приказами, сберегая свое собственное войско, чем то мог бы причинить ему в бою. Для нужд помянутого лагеря у народа спешно отобрали двадцать тысяч судов, которые подвозили туда войска, кладь и

Сиамцы берут врагов измором

все необходимое. Для пополнения армии по приказу короля кроме рядовых солдат забрали более пятидесяти тысяч жителей, которые получали в лагере от короля один только рис, а об остальном приходилось заботиться самим. Для обороны было выставлено двадцать пушек, при них два опытных канонира или пушкаря, а также пять тысяч слонов, две тысячи лошадей, множество ружей, щитов, стрел, луков и сабель, все их лучшее оружие, которое всегда лежит наготове в королевском арсенале. Не было недостатка в порохе, изготовление которого весьма дешево, ибо в стране много селитры. Таким образом сиамцы снабжены всем необходимым для ведения войны, а главное, что сильнее оружия и крепостных валов, — они храбры и мужественны, не действуют необдуманно, но весьма осторожны и осмотрительны во время вылазок и в самом лагере, весьма медлительны и осторожны в походах и битвах.

Глава V

Доходы Сиама, поступающие в сокровищницу короля. Усердие сиамских королей в построении церквей и капищ. Солдаты не на жалованьи. Тяжкое бремя, возложенное на жителей, их послушание и покорность. Большие доходы духовенства. Богослужение сиамцев, или идолопоклонство. Множество божков. Одежда священнослужителей; их деяния. Церемонии у них одинаковые с римской церковью.

Доходы, поступающие в сокровищницу короля

ДОХОДЫ Сиамской империи или королевства состоят по большей части из арендной платы, пошлин, оплаты разрешений на ввоз и вывоз товаров, также за места для рыбной ловли, за плоды и деревья; на все надо покупать права, за все платить налоги. Помимо того в Сиамском королевстве имеются золотые россыпи и свинцовые рудники, большие заросли саппанового дерева [21], столь же превосходного и красного, как бразильское дерево; оно растет здесь в изобилии и вывозят его на Коромандельский берег, в Дабул, Китай, Японию и на другие острова. Помимо того сиамский король получает наследство от всех бывших у него в услужении или состоявших на государственной службе, а также всех умерших под судом, но с тем, что жена и дети покойного получают полное довольствие или по крайней мере полную треть наследства. Точно так же король в случае смерти чужеземных купцов, каковых здесь много, получает две трети их добра. Средства и доходы сиамского короля до-

стигают ежегодно двадцати тысяч катти (Catti)[22] серебра, что составляет — я сам был при подсчете — свыше 24 тонн золота; ежегодно он тратит не свыше 15 тонн, а остаток сохраняется в его сокровищнице.

Усердие королей в построении храмов

Издержки короля идут главным образом на постройку и украшение капищ, храмов, богов, церквей и башен, воздвигаемых здесь тысячами с большим великолепием, далее, на другие ненужные вещи, относящиеся ко двору и его свите, на что расточается много денег; он не скупится также на амуницию и военное снаряжение, постройку судов и т. д. Однако солдаты должны сами кормиться, если не считать того, что они получают от короля немного рису, но зато вся взятая у врага добыча принадлежит солдатам. Хотя эти воины подобны рабам, каковыми они и являются на деле, их посылают на всякую работу. Граждане или, так сказать, свободные люди обычно считаются рабами короля и должны содержать города и местечки, охранять и защищать их в случае нужды каждый по своему положению. Невзирая на тяжелое бремя, которое лежит на горожанах и жителях Сиама, они живут мирно под управлением короля и помимо тяжких податей, накладываемых на них королем и государством, приносят в дар богам, капищам и храмам много денег и в изобилии различные припасы; хотя это кажется невероятным, но я сам слышал от старшего священнослужителя и видел, как он подсчитывал, что ежегодно жители жертвуют свыше 20 тонн золота на нужды богов, капищ и тому подобное, и все это идет в руки духовенства, не считая того, что даст король; так что священнослужители здесь весьма влиятельны и богаты и живут пышно, внушают большой страх, почет и уважение, и их здесь несчетное множество.

Солдаты не на жаловании

Тяжкие повинности жителей

Послушание и покорность

Большие доходы духовенства

Богослужение сиамцев

Сиамцы и их король — язычники, они горячие и ревностные идолопоклонники, каковыми были уже сотни лет тому назад, что отчасти видно по их древним пещерам, домам и монастырям, а отчасти по старым священным языческим книгам как духовным, так и светским, по которым они справляют богослужение и производят суд. У них множество старых и постоянно возводятся новые многочисленные церкви, монастыри, пирамиды и другие языческие капища из дорогих материалов, весьма красивые, большие и малые, обычно расписанные внутри золотом и серебром и убранные внутри и снаружи драгоценностями; они не считаются с расходами, трудом и усилиями, ломают одно и строят другое. Они весьма усердны и набожны в своей вере, у них много священ-

Одежда священнослужителей

послужителей, которые всегда носят желтое платье, бреют голову, бороду и брови. По их законам, под страхом большого наказания они не должны иметь денег или спать с женщинами. Тем не менее они живут в богатстве и в наслаждениях, им прислуживают, как принцам, и они пользуются всеобщим уважением; они только не смеют общаться с женщинами, что мешает им в наслаждениях; но их сжигают живыми, если застанут с женщиной, или — это является мягким наказанием — отправляют на всю жизнь в ссылку и лишают священнического сана. Пищу и платье и все необходимое доставляет им каждый в изобилии и самое лучшее, ибо они заботятся о священниках гораздо больше, чем мы о своих наставниках у себя на родине. Богослужение состоит главным образом в наставлении паствы, в устройстве некоторых церемоний, которые происходят в любое время и еженедельно при открытых церквах и монастырях, когда всем читают вслух и дают наставление ко всему доброму и совет следовать добродетели, а особенно приносить большие и дорогие дары богам; жертвы благочестия часто уносили в нашем и в их присутствии, говоря, что это будет употреблено на построение храма и изготовление нового бога. Утром и вечером читают в церквах молитвы, и всякий, кто хочет, может на это смотреть и слушать. Они посещают также больных и молятся за умерших с великой набожностью и приличием. И хотя их нельзя понять (ибо они большей частью говорят на языке пегу и берное), богослужения их, судя по внешнему виду, весьма благочестивы и усердны, и я несколько раз присутствовал на них. У них много дела: почитать, целовать и лизать своих богов, которых у них около сотни тысяч — из дерева, камня, меди, свинца, серебра и чистого золота. В главном храме можно видеть несколько страшно больших статуй, сидящих наподобие портных, на столе, со скрещенными ногами. Я насчитал их двенадцать, а самый главный бог в сидячем положении выше 13 клафтеров. Он хорош по своим формам, пропорциям и виду. Мы, нидерландцы, называли его большим идолом van Soes. Одинначать остальных также весьма велики по своим размерам, но все немного меньше и сидят друг перед другом.

Деяния духовенства

Множество больших идолов

У них одинаковые с римской церковью церемонии

Многие их обряды сходны с обрядами римской церкви, как-то: возжигание свечей, святая вода, и еще больше таких, как отпущение грехов, паломничество за самих себя и за других, чем, как они говорят, можно заслужить царство небесное, и что они, когда я беседовал с ними о вере, хотели совершить за меня, счи-

тая нас за самую близкую и самую праведную после себя нацию, ибо мы признаем всевышнего бога, любим и ценим всех добрых и набожных и никого не стесняем в религии или вере и особенно не осуждаем и не проклинаем ее в их присутствии, как это делают мухамедане, которые озлоблены и ожесточены против всех неединоверцев, почему эта фанатичная вера не привилась до сих пор среди сиамцев.

Глава VI

Большой запас строительных материалов. Домоводство сиамцев. Приглашение друзей. Чистота посуды. Чистота спален и тел. Наряды мужчин и женщин. Свадебный обряд у сиамцев. Замечательные браки. Женятся очень молодыми. Воспитание и обучение детей. Ученые и студенты пользуются большим уважением. Как они поступают с мертвыми. Природа и обхождение сиамцев. Любовь императора к чужеземцам, особенно к голландцам.

Большой запас строительных материалов

Домоводство сиамцев

Прием друзей

Чистота посуды и спален, чистота тела

В СИАМЕ много подходящих материалов для постройки городов, крепостей, монастырей, церквей, домов, кораблей и тому подобного: известь, камень, свинец, железо, дерево и все, что необходимо для постройки домов, кораблей и тому подобного. Все это здесь можно достать весьма дешево и очень легко. Большая часть их домов построена из дерева и камыша и только немногие из камня, который хотя и чрезвычайно дешев, но главным образом идет на храмы и пирамиды; они примерно на один клафтер высоты над землей и покрыты черепицей; обычно, так же как и у нас, внутри деревянные, устроены весьма изящно на их лад. У них мало утвари, что нельзя сравнить с обычаями нашей страны; у них нет скамей, стульев и тому подобного, ибо они не привыкли пользоваться ими в обиходе. Весь дом и все покои устланы цыновками, по которым ходят, чтобы держать все в чистоте. Когда приходит в гости друг, то ему вместо стула постилают на пол, смотря по состоянию, лучшую цыновку или арабский ковер, на который просят сесть друга или гостя; а когда он сядет, ставят перед ним в серебряном или золотом сосуде воду и сиерри-пинанг (Siery Pinang)[23], что является самым лучшим угощением, какое только можно предложить другу. Красивее всего у них обычная посуда, из тонкой желтой меди, чистой и искусной работы. Спальни свои они содержат

в большой опрятности и превосходят в этом некоторых нидерландцев. Тело свое от головы до пят они чистят или моют два раза в день прозрачной колодезной водой и потом умащивают себя маслом благоуханных трав, не вонючими, как противные явайцы, но драгоценными мазями из сандала, алоэ, амбры, розовой воды, смешанной с мускусом, а равно и с другими специями, придающими им тонкий и приятный аромат. Когда мужчины и женщины хорошо вымоются и приведут себя в порядок и хотят посетить богов или друзей, то надевают свои обычные украшения и убранства. У мужчин они состоят из золотых колец, нанизанных на все пальцы, и куска ткани различных цветов, вытканной или размалеванной, длиной в 7 или 8, шириной в 10 или 12 пядей, которой они обвивают бедра, весьма красиво и своеобразно. Сверху надевают они тонкую рубашку белого, красного или иного цвета, одни из полотна, другие из бумажной ткани; у них широкие, длинные полурукава, спадающие до колен, как у турок. Женщины связывают волосы на голове сзади, наподобие шара, и втыкают в них золотую шпильку, длиной в полтора пальца и толщиной с явайское перо; в ушах у них прорезаны большие круглые отверстия, куда они вставляют свои лучшие украшения, золотые пластинки, длиной приблизительно в палец и шириной во все отверстие, изрядно выбитые и украшенные драгоценными камнями, алмазами, жемчугами, рубинами и смарагдами. На руках они носят золотые кольца и запястья из чистого золота, украшенные камнями. Платье их состоит из куска размалеванной различными красками бумажной ткани, в 8 или 9 пядей длиной и в 6 или 8 шириной, красного, синего или белого цвета, с золотой лентой, шириной в один-два пальца, в два раза длиннее платья, искусно повязанной вокруг живота. Верхняя часть туловища обнажена, за исключением грудей, прикрытых платком из бумажной ткани, полотна или тонкого шелка, белого, красного или синего цвета, подобно тому, как в Голландии девушки употребляют шарфы. В общем одежда мужчин, женщин и детей здесь хорошая и чистая, люди хорошо сложены, белы кожей, но невелики ростом. Состоятельные мужчины и женщины одеваются в дорогие одежды и превосходят в пышности многие народы в Индии. Когда они выходят на улицу, за ними следует множество рабов и рабынь, также нарядно одетых, по состоянию своих хозяев.

Украшения мужчин

Женский наряд

Хотя сиамцы язычники и живут в суевериях, однако делают большое различие между браком и блудом (помимо брака), правда,

Брачные обычаи сиамцев

это не считается у них особенно постыдным. В браке мужчины и женщины воздержаны и пристойны и могут посрамить некоторых христиан или по крайней мере именующих себя христианами своим согласием, любовью, усердием и заботами при воспитании детей. Когда кто-либо из них хочет вступить в брак, он должен переговорить не с той, которую он любит и избрал, а с родителями или друзьями или поручить другим сделать это от его имени, несмотря на то, что он никогда не видел и не разговаривал с избранной им, и знает о ней чаще всего понаслышке или по знакомству родителей и друзей, которые нередко заключают брак так, что юноша или девушка даже не знают о том, что происходит обычно в беседе или разговоре. Так, один друг говорит другому: «У меня дочь, сын, двоюродная сестра, двоюродный брат или какой-либо друг, которого можно женить», ибо они редко выдают замуж за незнакомых, как бы они ни были богаты, но большей частью за родственников, как бы близко ни было родство, за исключением родных братьев и сестер; но я сам видел, как венчали брата и сестру от разных матерей. Здесь также смотрят на богатство и красоту, но не так на добродетель, как в наших странах; в общем, ласки, нежности, красивые слова и тому подобное (как принято у нас) здесь ни во что не ставятся; на чем порешат старики, с тем примиряются молодые. Часто случается, что родители и друзья заключают брак, когда молодым нет еще десяти лет обоим вместе, даже еще меньше; так без понятия и воли их соединяют и венчают, и я сам видел открытое бракосочетание, когда мужу не было двенадцати лет, а жене едва исполнилось девять. Другой паре еще не было вместе двадцати пяти лет, а у них уже было два ребенка, чему мы весьма изумлялись. Если кто-нибудь ни с кем не обручен, то он может взять себе жен, сколько пожелает, и жить с ними до тех пор, пока это ему нравится: ни закон, ни друзья не имеют права помешать ему или развести их. Судя по этому, брак нигде не пользуется таким уважением и не накладывает таких обязанностей, как у нас. Они имеют право покидать друг друга, когда им заблагорассудится, особенно мужья жен, по самому маленькому поводу, но большей частью, если у них не родятся дети. После развода муж может взять себе другую жену, какая ему понравится, а жена—мужа. Их помолвки редко происходят в присутствии священников; но на свадьбе обычно присутствуют несколько священников или наставников, которые читают (на свой лад) что-нибудь хорошее и приносят жертвы богам. Они довольству-

Женят детей, и жених с невестой не видятся

Вступают в браки молодыми

Разводы

ются обычно брачным договором, заключенным ими или родителями; договор пишется, и к нему прикладывается печать. В семейной жизни, домоводстве, воспитании детей они следуют законам природы, и хотя редко и мало учат детей, последние обычно весьма тихи и послушны. Школьные учителя — священники, у которых дети живут по нескольку лет, наставляют их добрым нравам; далее они обучаются письму, чтению и всевозможным ремеслам и искусствам, к каким они способны, чтобы добыть себе пропитание. Большая часть учащихся желает стать священниками ради хорошей жизни, которой те живут, а также потому, что каждый, какого бы он ни был звания, высокого или низкого, почитает и уважает их. Это такой народ, у которого священники или ученые и студенты пользуются почетом и уважением, в чем они превосходят многих европейцев.

Воспитание детей

Ученые и студенты пользуются большим почетом

Они не хоронят своих мертвецов, а торжественно сжигают их с большими издержками, каждый по своему состоянию, и некоторые с роскошью, которая обходится в несколько тысяч реалов. Но еще больше уходит на годовые ренты, завещанные монастырям, и на построение церкви (если их род таковой еще не выстроил) или пирамиды и колонны в честь умершего над его прахом, что кажется невероятным тем, кто этого не видел. Бедных людей или рабов, у которых ничего нет (часто они все уже принесли в жертву богам), сжигают и устраивают остальное за счет монастырей, на что эти братцы научились расходовать весьма мало. Умерших от нечистых или особенных болезней (как детская оспа и лихорадка) или скончавшихся в детском возрасте не сжигают, а бросают в воду или выносят в поле на съедение рыбам или птицам поднебесным. Говорят, что умершие от болезней, которые считают нечистыми, не достойны сожжения и церемоний; что же касается детей, то у них еще не было разума, чтобы почитать бога и молиться ему.

Сожжение мертвых

Сиамцы по натуре хорошего и приветливого нрава, особенно по отношению к чужеземцам, как-то: нидерландцам, англичанам, португальцам, маврам и др. Король всех встречает приветливо и дает свободный доступ в страну, которая открыта для чужих, как для своих. Они считают большой честью, если в их стране много чужеземцев, и полагают, что это доставляет им славу и уважение перед другими королями и властелинами. Поэтому король разрешает всем без различия свободно торговать и путешество-

Добрые нравы сиамцев

вать, не стесняя и не принуждая изменять своим привычкам и вере. Тем не менее одним он предоставляет больше свободы, чем другим, и к одной нации относится лучше, чем к другой; одно время король был особенно благосклонен к голландцам и приветливо обходился с нами, что возбудило зависть и ненависть других наций, ибо он дал нам не только большую свободу и привилегии в торговле, купле, продаже, пошлинах и лицензиях, чем некоторым из своих жителей, но и разрешил свободный доступ во дворец, когда нам этого захочется, что не дозволяется другим нациям: англичанам, португальцам или маврам, и называет голландцев своими детьми.

Особенная симпатия и любовь к голландцам

После смерти короля, если сыну еще не исполнилось пятнадцати лет, престол переходит к старшему брату; когда сын достигнет указанного возраста, то заступает место отца, а брат короля отстраняется. Сын вступает на трон отца также в том случае, если он уже осведомлен в государственных делах.

Глава VII.

Господина ван-Мейдена приглашают на вынос тела принцессы. Большие и торжественные приготовления к сожжению. Великолепный алтарь для покойницы. Погребальная процессия, вопли во время ее. Деньги бросают в толпу. Тело обкладывают горючим. Помосты для священников, раздающих милостыню. Искусный фейерверк. Расходы на эти приготовления.

Утром 23 февраля нидерландского старшего командира Яна ван-Мейден (Jan van Muyden) пригласили через толмача ко двору, чтобы он мог присутствовать при чрезвычайно торжественном выносе тела законной дочери его величества, рожденной от королевы; к нему присоединился и я. Но по вине толмача, который слишком поздно пришел сообщить нам об этом, тело до нашего прихода уже отправили туда, где оно должно было быть сожжено. Все же мы сели на отведенное нам место, чтобы видеть торжественные приготовления, которые делают только к сожжению лица из королевского дома. Посредине площади перед дворцом стояло пять деревянных башен, сложенных из длинного мачтового леса; из них средняя была вышиной примерно в 30, а остальные, образовавшие квадрат, в 20 клафтеров; они были весьма искусно построены и изумляли своим

Господина ван-Мейдена приглашают на вынос тела принцессы

Большие и торжественные приготовления к сожжению тела

видом благодаря обилию золота, которое всюду просвечивало через изящно расписанную резьбу. Посредине самой большой башни стоял великолепный алтарь, украшенный золотом и драгоценными камнями, вышиной приблизительно в шесть футов, на который было возложено тело принцессы, после того как оно пролежало на дворе приблизительно шесть месяцев. В тот день ее облачили в королевские одежды, увешали золотыми цепями, браслетами и ожерельями из алмазов и других драгоценных камней. Все было богато украшено и точно так же, как в обычной жизни по праздникам. На голове ее была драгоценная золотая корона, в гробу из чистого золота, толщиной в большой палец, она не лежала, а сидела, подобно молящейся, со сложенными руками, лицо ее было обращено к небу. Затем пришли самые высокопоставленные мандарины (Mandorijns) с их женами, одетыми в тонкое полотно, без всяких украшений из золота или других драгоценностей; вместе с тем они давали заметить свою печаль и каждый посыпал умершую (отдавая ей последнюю честь) цветами и курениями. Затем тело поставили на возвышенный золоченый трон или триумфальную колесницу и снова показали всем высокопоставленным лицам. Потом самые благородные и знатные женщины принялись жалобно выть и кричать изо всех сил — таким образом каждая выражала глубокую печаль об утрате. Когда с этим было покончено, важнейшие лица в государстве медленно понесли трон к тому месту, где должны были сжечь труп. За повозкой следовали в строгом порядке помянутые мандарины со своими женами. Впереди ехал верхом молодой король, его величества старший сын и принц, лет двадцати от роду, и несколько братьев покойной, все дети одной матери. Король сидел на прекрасном молодом слоне, одетый во все белое. Рядом с ним, по обе стороны, ехали на слонах два его младших брата, и все трое держали в руках длинный шелковый креп, который покрывал гроб с мертвым телом, как будто они помогали этим везти повозку. По бокам трона или повозки шли 14 детей короля, одетых в белое полотно, каждый с зеленой ветвью в руках; горьким плачем и опущенными вниз глазами проявляли они свою печаль. По обеим сторонам пути, по которому двигалось печальное шествие, были выстроены помосты, на расстоянии приблизительно 20 клафтеров друг от друга, на которых сидели мандарины низшего чина, и когда гроб проносили мимо, бросали в народ различные платья, а иные апельсины, причем некоторые из них были начинены тикалями (Ticol)[24],

Великолепный алтарь

Убранство покойной

Мужья и жены следуют в белом

Вой и горе женщин

Порядок процессии

Деньги бросают в толпу

а другие масенами (Masen)—монетами, на что простой народ так сбегался, что в тот день в толпе погибло семь человек. Когда подошли к алтарю, то при печальной музыке тело было снято с повозки главнейшими мандаринами и с большими почестями поставлено на алтарь. Тотчас же труп обложили большим количеством сандалового и агорового дерева, набросали туда много благовонных веществ вместе с другими специями, благоуханными травами и бальзамом. Тут королевские дети и благородные мандарины удалились в королевский дворец, и около тела, которое должно было простоять еще два дня, остались только женщины. День и ночь сидели они, плача, вокруг алтаря, и ни одна из них, какое бы высокое положение она ни занимала, не отходила прочь ни по каким делам и не посягала на это, ибо каждая надеялась выслужиться громким плачем и опечаленным видом, и даже (без сомнения многие) против своего чувства и желания, и эти выжатые слезы не удивляли меня, так как если замечали, что одна из них плачет недостаточно громко или жалобно, то ее тут же, не считаясь с положением, били приставленные для того женщины, так что ее заставляли кричать от настоящей боли. Неподалеку от вышеупомянутых великолепных башен был сооружен превосходный помост, обитый толстой золоченой бумагой, где сидели самые важные священники государства вместе с множеством других священников на помостах вокруг того сооружения; все вместе читали на свой лад молитвы за умершую, после чего им роздали для подаяний невероятное множество платьев и утвари, как-то: горшков, сковород, постелей, всевозможные плотничные инструменты — топоры, долота, пилы, буравы и т. д. С двадцати башен, изрядно построенных из бамбука, обклеенных позолоченной бумагой, расставленных рядом, в течение четырнадцати дней пускали великолепный фейерверк, каждый вечер, после захода солнца и до утра. Все эти большие приготовления вместе с тем, что было роздано за день бедным, стоили приблизительно 5 тыс. картиев сиамского серебра, или 6 млн. гульденов, не считая золотых и серебряных изображений, из них два золотых высотой в пять с половиною футов и толщиною в полтора дюйма, выставленных в память усопшей в главном храме страны; они стоили больших денег, что слышал сам господин ван-Мейден из уст королевского фактора, ибо на них ушли все деньги, серебро и драгоценности, которыми одаривали принцессу при жизни отец и мандарины.

Труп кладут на алтарь

Кто мало плачет, подвергается побоям

Помосты для священников

Раздача платьев и утвари

Искусный фейерверк

5.

Глава VIII

Тело принцессы сжигают. Замечательный случай при этом. Обнаружен кусок мяса, нетронутый огнем, от чего заключили, что принцесса предана или отравлена. Гнев и возмущение короля, который велит взять под стражу всех, прислуживавших покойной. Ужасные жестокости и наказания за предполагаемое злодейство. Безрассудные попытки обнаружить злоумышленников. Обвиняемые должны пройти босыми отскобленными ногами по раскаленным углям. Пострадавших при этом осуждают. Слоны заменяют палача в Сиаме. Они растаптывают осужденных, некоторых из них зарывают по горло в песок, где они погибают от жажды. За день погубили пятьдесят человек. Молоденькую девушку хватают и убивают вместе с ее братом. Их изумительная стойкость и готовность умереть.

Тело принцессы сжигают

ДВА ДНЯ спустя после перенесения тела усопшую дочь короля сожгли с большой пышностью под звуки различных инструментов, и его величество сам зажег костер факелом. Вместе с трупом сожгли и превратили в ничто золотой ящик или гроб и другие драгоценности, украшавшие его.

Замечательный случай при этом

Обнаружен кусок мяса, нетронутый огнем

Предположили, что принцесса отравлена

В тот день произошла замечательная и памятная история: когда огонь поглотил тело и хотели положить пепел и остатки в золотой сосуд, то среди них обнаружили кусок сырого мяса, величиной приблизительно в небольшую детскую головку, наполненный кровью и нетронутый огнем. Когда его величество, который сам принимал участие в собирании останков, заметил это, то испуганно спросил стоявшего рядом с ним Ойя Забартибама (Oja Sabartibam), что это значит и что он об этом думает. Ойя, который легко мог предположить, что тут замешано колдовство, испугался дать толкование и ответил, что высший разум его величества сам может постичь смысл этого, ибо все столь очевидно, на что король вне себя от испуга сказал: «Ну, теперь я убедился на деле, в чем долго сомневался, что дочь моя отравлена». Он немедленно отправился во дворец и, обезумев, в ту же ночь велел схватить и заточить всех женщин, старых и молодых, которые жили там при принцессе и прислуживали ей.

Король велит схватить всех прислуживавших покойной

26-го еще строже стали при дворе брать под стражу, и того не избежал никто, если только предполагалось, что он был вхож к принцессе хотя бы год тому назад.

Ужасные жестокости и наказания за предполагаемое злодейство

Вскоре после того я видел ужасное зрелище, страшнее которого я не видел за все время путешествий. Король остался при

своем, что его дочь, как уже сказано, отравлена, хотя не знали наверняка и не могли кого-нибудь обвинить в этом; однако хотели расследовать дело, и началось ужасное и несправедливое следствие. Следуя обычаю, король велел позвать ко двору некоторых важных господ как бы по тому или иному делу, и, когда они приходили, их бросали в тюрьму. И таким образом много невинных мужчин и женщин попало в тюрьму, почти исключительно высокопоставленные лица. За городом Аютия в открытом поле было вырыто несколько четырехугольных ям, шириной приблизительно в 20 футов, их наполнили доверху древесным углем, и приставленные к ним солдаты разожгли уголь и раздули огонь. Сюда в сопровождении солдат привели нескольких осужденных с завязанными назад руками; здесь им развязали руки. Потом поставили их ноги в сосуды с горячей водой, чтобы размягчить отвердевшую кожу на подошвах, после чего слуги очищали ее ножами. Когда это было сделано, их передали различным господам, офицерам и языческим священникам, которые предложили им добровольно признаться в своей вине; но так как они отказались, то их присудили к испытанию огнем и передали солдатам. Они заставили этих несчастных бедных людей пробежать босиком по раскаленным углям, которые раздули к тому времени. Когда это привели в исполнение, то осмотрели их ноги, и тех, у кого ноги были повреждены, объявили виновными и снова связали. Но никто не смог пробежать неповрежденным, и всех, кто должен был подвергнуться этому несуразному и жестокому наказанию, уже считали мертвыми и не ожидали иного исхода, хотя многие из них (как бы желая счастливо перебежать) с исключительной быстротой перебегали через огонь. Многие падали, и хорошо, если им удавалось выкарабкаться с тем, чтобы их потом убили; и не было никого, кто бы протянул им руку, что было запрещено под страхом жестокого наказания. И я видел, как некоторые таким образом поджарились и сгорели живьем. Тех, кого после испытания нашли виновными, солдаты отводили немного в сторону от огня, привязывали к шесту и приводили слона, который заменяет у них палача. Ибо, да будет известно читателю, в Сиаме нет палачей. Эту обязанность выполняют слоны, что является лучшим обычаем, чем у христиан, когда один человек мучает и убивает другого без всякой к тому причины, что поистине ужасно, и такой человек должен быть более свирепым, чем неразумный зверь, который не нападает без нужды или без вражды на другого. Когда приводят

Безрассудные попытки обнаружить злоумышленников

Пострадавших при этом осуждали

Слоны заменяют палачей

Они растаптывают осужденных

слона, он с ревом несколько раз обходит преступника, подымает его вместе с шестом, подбрасывает его хоботом кверху, ловит на клыки, которыми прокалывает его тело, сбрасывает на землю и растаптывает ногами, так что вываливаются все внутренности. Наконец приходят слуги и оттаскивают растоптанные тела к реке, куда и бросают их, так что дорога туда становится скользкой и окрашивается человеческой кровью. Таково обычное наказание. Других живыми закапывали в землю по самое горло по обеим сторонам дороги, ведущей к городским воротам, и все проходящие мимо были обязаны под страхом смертной казни плевать на них, и я также должен был сделать это наравне с другими. Вместе с тем никто не смел их убить или утолить водой их страшную жажду, так что эти жалкие несчастные люди погибали от жажды, а солнце светило весь день и особенно пекло в полдень. Они тысячу раз просили о смерти (как о большой, особенной милости), но пощады не было. Около четырех месяцев продолжались убийства и это отвратительное беснование, и тысяча людей поплатились жизнью. Я сам видел, как в один день убили пятьдесят человек и после полудня еще столько же. Иногда это оставляли на короткое время, чтобы привлечь тем большее число людей ко двору, и тогда снова начиналось неистовство. Считали, что беснующийся адский тиран под предлогом розыска отравителей хотел убрать со своего пути все дворянство, которого он боялся, для чего он воспользовался этим способом. Мы были крайне поражены, что вся страна не восстала против этих ужасных и несправедливых убийств. Но король заранее, под тем предлогом, что он хочет вести войну против китайцев, собрал много войска и занял им самые важные места в городе. Кроме того этому наказанию подверглись только благородные и знатные, и гибель их удовлетворяла и радовала простой народ, обремененный ради их налогами и повинностями.

Некоторых из них зарывают по горло в песок, где они погибают от жажды

За день погубили пятьдесят человек

28-го числа прогнали сквозь огонь триста человек, мужчин и женщин, которые состояли на службе у дочери короля при ее жизни, для того чтобы узнать, виновны ли они в отравлении. Но пожелали, чтобы никто не был поврежден и всем дали свободу. Немного погодя снова схватили младшую дочь прежнего короля, которую его величество подозревал в недобром, ибо ее видели улыбающейся, когда все оплакивали покойную; и подозрения еще усиливались оттого, что принцесса незадолго до этого жаловалась королю, что из-за большой любви и чести, какую его величество

300 человек прошли сразу испытание огнем

Схватывают молоденькую девушку

оказывает своей старшей дочери (теперь умершей), ее презирают, хотя она также дочь короля, что было немалым поводом и причиной ее гибели.

Ее испытывают огнем и объявляют виновной

Первого марта эту принцессу вместе с большим числом благородных девиц подвергли испытанию огнем, и никто не пострадал, кроме принцессы, у которой были повреждены обе ноги. После этого ее связали серебряными цепями и отправили в отдельное место, где с ней никто не мог говорить. На следующий день в полном собрании мандаринов сняли с принцессы допрос под тем предлогом, что только ей одной огонь причинил вред, и она тотчас же либо из страха перед тяжкими пытками и мучениями, либо в порыве великодушия сказала: «Если король даст клятву, что он велит убить меня, как только я объявлю о причине смерти его дочери, и не оставит жить на посмешище всему миру, то я готова все открыть без всяких хлопот и долгих проволочек». Эта откровенная речь вызвала сильную жалость у многих старых мандаринов, у которых еще было свежо в памяти недавнее происшествие, и они легко бы нашли путь к освобождению опечаленной принцессы, если бы их не удержал страх перед теперешним королем. Но боязнь отвратила их сердца от доброго намерения, они передали слова принцессы королю, который, как бы желая узнать правду, тотчас же дал торжественную клятву исполнить ее желание, если она совершила преступление. Тут принцесса чистосердечно рассказала, что она с помощью своей няньки отравила дочь короля, и путем колдовства и заклинаний в теле умершей вырос кусок мяса, который и был обнаружен; она только горько жаловалась на то, что счастье не благоприятствовало ее намерениям, ибо отрава предназначалась собственно королю, а не его дочери, для того чтобы освободить из неволи и рук тирана немногих оставшихся в живых представителей ее несчастного рода. Когда тиран услышал об этом, то тотчас же приказал вырезать кусок мяса из ее тела, и она сама должна была его съесть, отчего принцесса отказалась и сказала с благородным мужеством: «А', кровавый пес, я смеюсь над твоей жестокостью, ты можешь стать моим палачом, но не принудить меня; вы скоро дождетесь отмщения за мнимое отравление, это отмщение моей королевской крови». Она еще много говорила и упрекала короля в преступлении, но ей вскоре запретили это и тотчас изрубили ее на тысячу кусков и бросили в воду.

Ее благородство, мужество и стойкость

Сознается в отравлении принцессы

У нее вырезают кусок мяса

Ее гибель

Несколько дней спустя приговорили к смерти ее единствен-

ного брата, лет двадцати, который остался целым и невредимым в недавней сумятице (ибо он тогда прикинулся больным и придурковатым). Последний, будь он виновен или нет, доказал своею смертью, что у него не было недостатка в разуме, ибо он защищался с таким мужеством и достоинством, что все судьи изумились. Он выражал в своих речах жалость, что доброе намерение его сестры окончилось такой неудачей, говоря: «Я поистине невинен, как и моя убитая сестра, и так как вы несправедливый тиран и хотите этого, то я говорю вам, что мне жаль (на зло вам), что я сам не отравил вас». Он ясно дал понять, что все произошло с его ведома, по его желанию и советам. Таким образом искоренили (за исключением еще одной дочери) весь род прежнего короля.

Ее брата схватывают и убивают

Глава IX

Тщеславный и кощунственный титул сиамского короля. Замечательные и большие приготовления для того, чтобы заставить снизиться воду в Ганге.

О ТОМ, КАК неограниченно властвует сиамский король, свидетельствуют его высокомерные и кощунственные титулы, и читателя не затруднит и ему не будет неприятно прочесть две копии с них, полученные мной от одного благородного сиамского господина, которые звучат так:

«Золотой свиток союза, преисполненный божественным сиянием, постигший все премудрые науки, счастливее которого нет на земле среди людей, самый несомненный на небе, на земле и в аду; самые большие, сладчайшие и приветливые слова короля, чья доблесть и славное имя обошли всю землю, подобно тому, как если бы мертвые восстали из гробов и чудесным образом очистились от тлена, чему бы столь радостно изумились духовные и светские правители и служащие люди, но это никак не может сравняться со славой ласкового, светлейшего, непобедимого, могучего, высокого господина сто и одной короны, украшенной девятью драгоценными каменьями, величайшего и божественнейшего господина, непорочной души, святого всевидца и главного повелителя благородного и величайшего государства Сиама, славного города Аютии. Многочисленные пути к ней и открытые врата переполнены людьми, и это — главный город мира, где земной королевский трон украшен девятью драгоценными камнями. Это — самая плодородная

земля, и властелин ее стоит выше богов, а дворец его из золота и драгоценных камней; небесному господину золотых тронов, белого, красного и круглолобого слонов, трех прекрасных диких зверей; самого большого и старшего бога из девяти богов, в чьих руках покоится победоносный меч и счастье бога огня, светлейшего».

Другой титул еще напыщенней и еще больше в нем хулы на бога. Слушайте, что осмеливается себе приписывать этот безумец: «Наивысший Padukko Syry Sultaan nelmonam welgaka nelmochadijn magivijtha, Jouken der eauten lillaulafylan, король всего света, который дает жизнь и течение воде, король, который подобен богу и сверкает как полуденное солнце; король, от которого исходит свет, как от полного месяца; избранный богом, чтобы стать достойным полярной звезды, который рожден в королевском роде от потомков Александра Великого, наделенный великим разумом, подобным круглому шару, катающемуся в разные стороны, который содержит в себе столько тайн, как глубина моря; а также король, который поддерживает могилы всех погибших святых и справедлив, как бог, и столь могуществен, что весь мир может укрыться под его защитой. Король, который всегда праведлив, как и все прежние короли; самый щедрый король из всех королей. Король, которому всемогущий бог дал много золотых россыпей, который построил храм из золота пополам с медью и сидит на троне из чистого золота, украшенном многими драгоценными камнями. Король белого слона, каковой белый слон является королем всех слонов, перед которым склоняется много тысяч слонов, глаза которого блестят, подобно утренней звезде. Король, которому также подчинены красные, пурпуровые и пестрые слоны, даже слоны Buytenaques; к тому господь бог дал ему так много различных покрывал, украшенных чистым золотом; кроме того еще столько же слонов, годных для ведения войны, с железными и медными панцырями, неуязвимыми под выстрелами, зубы которых отделаны золотом и усеяны драгоценными камнями, чьи подковы из золота; а также много сотен лошадей различных пород, пригодных на случай войны. Король, который властвует над всеми королями, принцами и князьями всего мира, с востока до запада; кто заслужит его расположение, возвеличится, а кто отступит от него, будет предан огню. Король, который может доказать могущество господа и все, что бог создал и сотворил». На этом кончался титул высокомерного, тщеславного язычника и антихриста,

короля Сиама, который не постыдился поставить себя рядом с богом, чтобы уверить глупый народ в своем огромном и сверхъестественном могуществе, для чего он прибегал и к другим средствам.

Река Сиам—это поток, который берет свое начало в великом Ганге, и уровень его воды повышается и спадает вместе с ним [25]. Река Сиам Когда вода подымется так, что она, судя по времени года, уже должна спадать, то, принимая это во внимание, король поднимается вверх по реке на судне, позолоченном внутри и снаружи, как будто сделанном из чистого золота. Он садится на стул или трон из цельного золота с балдахином, украшенным алмазами и другими неоценимыми драгоценными камнями. Он окружен высшим дворянством и рядом с ним первосвященник. Все свободное место и все проходы на этом великолепном судне заполнены музыкантами и украшены флагами и вымпелами. За этим судном следует множество других, несколько тысяч маленьких суденышек. Тем временем со всех сторон стекаются миллионы народа и занимают берега. Затем король пересаживается из своего судна в маленький кораблик, где первосвященник подает ему золотой меч, и в то время, когда он дает благословение и приносит жертву, король трижды рассекает воду и, как бы наделенный божественным могуществом, приказывает ей отступить. Невежественные и легковерные люди с таким благоговением и изумлением смотрят на это дурачество, что принимают его за большое божественное чудо.

Глава X

Отъезд из Сиама. Захватывают джонку. Камбоджцы в лодке оставлены без весел и паруса. Прибытие на остров Формозу. Джонка гибнет со всем народом на ней. Описание острова Формозы: его плодородие, изобилие скота и зверей, употребляемых в пищу. Тайованский чорт — зверь особой породы. Наружность и обычаи жителей острова Формозы. Мужчину с множеством хвостов сжигают живьем. Одежда жителей. Их привычки.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ корабль нагрузили товарами, за которыми мы приезжали сюда, главным образом оленьими шкурами, сандаловым деревом, амараком, являющимся краской, из которой в Японии изготовляют черный сургуч. Когда мы покончили с делами в Сиаме, то пустились в даль-

нейшее путешествие, и 12 апреля отправились на Тайвань или Формозу. Когда мы были вблизи рифа Парасель (Pracel), нас нагнала шедшая по ветру джонка, на которой развевался голландский флаг. Мы их приняли за разбойников. Поэтому наш шкипер решил выбросить часть груза с корабля, чтобы можно было лучше защищаться, но, когда джонка приблизилась, мы увидели, что это купеческое судно. Тут наш шкипер крикнул, чтобы кто-нибудь явился к нам на борт и предъявил бумаги, но мы получили в ответ, что их шлюпка в неисправности. Тогда мы спустили лодку с большим числом хорошо вооруженных людей и потребовали паспорт, но его не оказалось; мы захватили их, ибо они были камбоджцы и везли неоплаченные пошлиной товары. У них были оленьи шкуры, сандаловое дерево и амарак. Они были камбоджцами и китайцами. Наш командир, шкипер, которого все звали Фаером (Fayer), посадил камбоджцев в шлюпку, еще достаточно хорошую для них, и велел им отплыть на 40 миль в открытое море, в отомщение за жестокие убийства, совершенные незадолго до того камбоджцами над нашими соплеменниками. Куда делась лодка, осталось мне с той поры неизвестным. Риф, или песчаная отмель Парасель, простирается в длину на несколько миль.

Захватываем джонку

Камбоджцы в шлюпке без весел и парусов

10 мая добрались мы в целости и сохранности до острова Формозы и встали на якорь у крепости Зеландия. Губернатором был здесь в то время Питер Антонис (Pieter Anthonisz). При входе в гавань взятая нами джонка при сильном порыве ветра так ударилась о дно, что треснула и разбилась в щепки; на ней было примерно двадцать китайцев и десять голландцев, трое из них приплыли на бревне.

Прибытие на остров Формозу

Джонка гибнет со всем народом на ней

Остров Формоза лежит под тропиком Рака, середина его лежит под 23°, начинается он на юге под 21° и кончается на севере под 25° северной широты; окружность его равняется приблизительно 30 милям. Он расположен у китайского и фокинского берегов. Вокруг острова ловят много рыбы, главным образом головлей, рыба величиной с треску. Когда ее выловят, то рассекают спину, как у лабардана, солят и рассылают по всему Китаю подобно тому, как у нас на родине—сельдь по всей Европе. Икру этих рыб засаливают в горшках, она остается красной и приятной на вид, и китайцы считают ее лакомством. За право ловить рыбу у самого острова китайцы отдают каждую десятую рыбу компании. Земля на острове Формоза повсюду плодородна, и большая часть ее остается необработанной из-за нерадения и лени жителей. Самая

Описание острова Формозы

плодородная часть принадлежит императору из Мидага (Midag). На острове в изобилии произрастают рис, зерновые хлеба, просо, кайланг (Kaylang), инбирь, сахарный тростник, масавинад (Masauinades), различные деревья, также лимоны, апельсины, гогавы (Guygavas), перанг (Perang), пампельнусс, дыни, тыква, ананасы, китайские редиски, кадьян (Kadjang), фоккафокас (Fokkafokas), бататы (Patattes), убес (Ubes), зелень, капуста, коренья и всякие китайские растения и орлиное дерево. Кадьян— мелкие зерна, зеленые, величиной с зерно кориандера, приятные на вкус, их варят с соленой и свежей рыбой; фоккафокас — плод наподобие груши, но в три раза больше, нижняя сторона его белого и пурпурового цвета, верхняя гладкая, как зеркало, растет, как и тыква, на земле; сначала его режут на куски, затем варят и подают с мясом или салом как репу и коренья и примешивают с сахаром к супу. Там водятся также овцы, правда мало, много на острове диких зверей, козлов, коз. газелей, каменных баранов, кроликов, зайцев, домашних и диких зверей, тигров, медведей, обезьян, мартышек и несчетное число оленей, которые бродят стадами, часто до трех тысяч голов, — прекрасная охота для формозцев. Здесь встречается зверь, называемый голландцами тайованским чортом, длиной в локоть и шириной в пять дюймов. Тело его сверху и снизу покрыто чешуей, у него четыре ноги, длинная острая морда, острые когти и хвост, заостренный к концу; питается он не чем иным, как муравьями; ибо когда проголодается, то высовывает язык, куда наползают муравьи; как только он заметит, что муравьи покрыли его влажный по природе язык, то он глотает их. Он не причиняет вреда никаким другим животным, кроме муравьев. Он очень боится людей, и как только чувствует их приближение, то вырывает яму в земле, прячется в нее и свертывается в клубок, но если его схватить за хвост и потрясти, то он примет прежний вид, так что имя тайованского чорта незаслуженно и ложно, ибо хотя этот зверь и кажется диким, но не оправдывает своего названия, так как не мстит и не приносит никому вреда. Говорят, что во всей Азии он нигде больше не встречается, кроме острова Формозы. Здесь также много птиц, кроме попугаев, а также есть змеи, сороконожки, скорпионы, ящерицы и другие гады. Иногда появляются огромные стаи саранчи.

Плодородие острова

Изобилие скота

Тайованский чорт — зверь особой породы

Что касается наружности и нрава формозцев, то они неодинаковы: жители различаются по внешности и окраске, в зависи-

мости от местности, где они живут. Мужчины довольно высокого роста, в особенности живущие на равнине; горцы несколько ниже; женщины чаще всего низкорослы: у них круглые лица, большие глаза, плоские носы и обычно большие груди. Мужчины не носят бороды, но это у них не от природы, а потому, что они постоянно выщипывают волосы, как только они появляются. Наоборот, уши у них очень длинные, что считается большим украшением, их прокалывают и вставляют рожок, вроде винта, отчего они становятся круглыми и оттопыриваются.

Мужчину с мохнатым хвостом сжигают живьем

Во время моего пребывания на острове Формозе я часто слышал о людях с хвостами, но не придавал этому значения; но я должен рассказать читателю и подтвердить истинность этого столь серьезными заверениями, к каким вообще когда-либо прибегал, что я видел собственными глазами формозца с южной части острова с хвостом, длиной в добрый фут, обросшим густой шерстью. Я видел это отчетливо и как следует разглядел, ибо этот человек убил проповедника ужасным и жестоким образом и за это был сожжен. Он был прикован длинной цепью к середине столба, вокруг которого разложили огонь. Таким образом несчастного хвостатого человека поджаривали перед смертью так, что с него стекал жир. Множество людей видело это вместе со мной, некоторые подходили к нему и говорили с ним, так как они удивлялись его наружности. Они узнали от него, что большинство людей в той местности наделено хвостами. Об этом я не могу знать, но что у этого человека был хвост, это так же несомненно, как и то, что у него была голова.

Некоторые для украшения вставляют в уши маленькие тарелочки, искусно вырезанные и раскрашенные, иные — разрисованные раковины, особенно в праздники, когда они предстают перед своими богами. В остальные дни уши их лишены всяких украшений и, ненавинченные, свешиваются почти до половины груди, что представляет собой довольно отвратительное зрелище. Волосы у них черные и длинные и носят их на два лада: большая часть, как в нашей стране, но другие завязывают их, по старинному китайскому обычаю, над головой или заплетают в косу. Цвет лица и тела черновато-желтый или средний между желтым и черным. У жителей Кабеланга — средний между желтым и белым цветом. Женщины из Мидага желтокожие; точно так же из Сутен Нуве и на острове Ламей. Они имеют отличную память, добрый разум и быстрые суждения, и из всех индийцев они скорее всего готовы принять христианскую веру.

Одежда формозцев

Их летняя одежда — платье из бумажной ткани, сверху широкое, как овчинный тулуп, с завязками на груди и с разрезом под одной рукой, так что один бок прикрыт, а другой обнажен. Посредине оно подпоясывается и спускается до икр. Они не носят ни башмаков, ни чулок. Иногда только сандалии из кожи каменного барана, привязанные к ноге лентами; зимой от холода покрывают свое тело шкурами тигров, леопардов, медведей и другими мехами. Старейшие в области Суланг (Soulang) были одеты по-голландски, а простой народ — по-китайски. До прихода испанцев и голландцев жители ходили нагишом; жители гор и по сию пору ходят голыми и только срам прикрывают маленьким лоскутом.

Одежда женщин почти такая же, как у мужчин, с той только разницей, что они связывают платье у ног. Они носят куртки, но лишь до пояса и под ними платья из бумажной ткани до колен. Голову повязывают шелковым или бархатным платком длиной в два голландских локтя, концы его торчат наподобие рогов. Башмаков они не носят. За каждой женщиной обычно бежит свинья, словно ребенок. В виде украшения мужчины покрывают кожу на груди, спине и руках особой краской, которая остается на все время и не стирается. На шее и на руках они носят стеклянные бусы, а на руке, от кисти до локтя, кроме того плотно прилегающие железные браслеты, с такими узкими отверстиями, что их невозможно стащить с руки; так же и на ногах носят тонкие белые раковины, нанизанные подобно кружевам. Мужчины из Токкадеколя (Tokkadekol) носят как украшение покрывало из камыша, острый конец его свешивается на спину, а другая половина его спускается далеко вперед над головою, и к нему прикреплены флажки, белый и красный, шириной в две ладони. По праздникам они украшают головы петушиными перьями и хвостами, а руки и ноги медвежьими хвостами. Женщины носят на шее в виде украшений стеклянные и каменные бусы, а некоторые даже ожерелья из рейхсталеров. Брошенные на землю оленьи шкуры заменяют им постели и одеяла. У них нет ремесл и должностей, и всякий делает то, что ему нужно. Они хорошо владеют луком и стрелами, отлично плавают и умеют переходить вброд и могут поспорить с голландцами в том, как перейти реку против сильного течения.

Обычно они упражняются в беге, быстры на ноги и оставят позади все народы мира; ни одна лошадь не сможет потягаться с ними в беге. Во время бега они держат в руках инструмент из железа или стали и ударяют им по железным браслетам, от-

чего раздается звон, по которому они размеряют свой бег, медленный или быстрый, после чего и бегут быстро или медленно.

По морю они ходят на небольших кораблях, а по рекам и потокам — в совсем маленьких суденышках, выдолбленных из дерева. Они добывают себе пропитание обработкой земли, охотой и рыбной ловлей. Они ведут друг с другом жестокие войны, на которые выступают с большим войском и ужасным образом убивают и губят тысячи людей.

Глава XI

Отъезд с Формозы. Прибытие в Японию. Описание Нагасаки. Положение голландского поселения. Великолепные города, дома, красивые улицы, ночная стража. Ужасный пожар в Нагасаки. Внешность, обычаи, одежда и занятия японцев. Отъезд из Японии. Вторичное прибытие на Формозу. Возвращение в Сиам, где наш командир берет с собой нескольких слонов. Я. Я. Стрейс возвращается на родину на корабле «Зеландия». Конец первого путешествия.

После того как мы взяли груз на острове Формозе, я пересел с «Черного медведя» на другой корабль — «Девушку», с тем, чтобы отправиться в Японию. 10 августа мы достигли, невредимые, берегов Японии;

Прибытие в Японию

и, как только известили о своем прибытии, тотчас же к нашему кораблю подошло несколько лодок, которые сняли с него весла, паруса и военное снаряжение и сами выгрузили наш груз из предосторожности или боязни, что мы нападем на них или какимнибудь образом предадим их, ибо ни одна нация в подлунном мире не относится с такой подозрительностью и боязнью к иностранцам, как эта. Место, куда мы прибыли, называлось Нагасаки — город, который некогда был построен португальцами; в нем разрешали им поселиться, когда их изгоняли из Японии, они принуждены были удалиться из Фирандо (Firando). Жилище и пристанище голландцев находится на маленьком острове, отделенном от города Нагасаки каналом, шириной в 40 футов; в город можно пройти по четырехугольному подъемному мосту длиной в 150 и шириной в 50 футов. Маленький остров окружен изгородью из досок. Неподалеку от ворот у подъемного моста стоит склад компании, а несколько дальше, посередине острова, большой и великолепный дом управляющего. Там построены также различные другие дома и лавки на расходящихся улицах и площадях. На до-

роге к морю стоят еще одни ворота, откуда можно спуститься по длинной и широкой лестнице, и по ней можно доставить вверх и вниз всевозможные тюки и кипы. Здесь много купцов, ведущих торговлю палисандровым деревом, сталью, оленьими и козьими шкурами, шелком-сырцом и шелковой пряжей, бархатом, камкой, атласом, бумажными тканями, ртутью, сулемой, костью, мускатом и различными другими товарами.

После того как мы простояли три дня в Нагасаки и японцы нашли, что принятый нами и взятый от нас грузы равны по количеству, они закрыли и запечатали наши двери и прислали нам шесть бочек сакки (Sakky) (пиво, которое японцы варят из риса и других вещей), весьма крепкого и пенного, так что, когда его много выпьешь, то слабеют голова и ноги. А так как наши хватили его через край, то сильно развеселились и подняли большой флаг, и никто не помышлял о печали; но среди этого веселья всех сразу протрезвил неожиданно налетевший шторм. Этот шторм налетел так быстро, что мы едва сумели укрыться вниз под палубу, так как корабль кидало из стороны в сторону. Мы стояли на якоре на двух больших канатах, их разорвало на куски, как нитки. Корабль, названный «Мир», был поднят волнами и, подобно лодке, выброшен на берег у города Нагасаки, так что внутри его были поломаны 24 кницы [26]; весь рангоут [27] разбился, подобно камышу, и улетел за борт. Яхты «Помощь» и «Черный медведь», которые лежали за самой чертой гавани, сильно пострадали, а большая часть их легких деревянных частей была разбита, так что их пришлось доставить при помощи множества японских барж. Мы решили, что началось светопреставление: такой ужасный гром раздавался со всех сторон и так страшно было обложено тучами небо. На берегу город также сильно пострадал, и крыши на наших квартирах и складах были сильно повреждены.

Город Нагасаки лежит под 33° северной широты, на возвышенности; он очень велик и весьма населен, но, как большая часть японских городов, не обнесен стеной. Он построен на весьма удобном по своему расположению месте, близ гавани, приспособленной для стоянки всевозможных кораблей и судов. С моря на город открывается великолепный вид благодаря высоким башням, храмам и дворцам. Дома по большей части деревянные, каменных очень мало — из страха перед землетрясениями, которые случаются там довольно часто, и тогда рушатся стены, что наносит домам большой вред, а жизнь людей подвергается опасности, но деревянные

Город Нагасаки

дома не представляют никакой опасности. Дома бедняков построены из дерева и от дождя и ветра обложены землей точно так же, как это можно встретить в Брабанте, Германии и других местах. Крыши сделаны из досок, наложенных друг на друга и намного выступающих над фронтоном, так что под ними можно укрыться от сильной жары или дождя. Близ домов стоят большие сосуды с водой, чтобы тушить пожары, которые здесь часто возникают. По этой причине состоятельные люди строят каменные склады у своих жилищ, чтобы сохранить свое добро от пожаров. Пожары приносят здесь большие убытки, и их было бы еще больше, если бы вода не была проведена в изобилии по всем улицам, что дает возможность легко достать ее.

Что касается города, то в нем 88 ровных и красивых улиц; каждая из них отделяется изгородью, за которой ночью горят фонари и стоит сильная стража, и никто не смеет выйти на улицу после 10 часов вечера без письменного разрешения с печатью губернатора, даже медики и повивальные бабки. Так затрудняются ночные кражи, плутни и уличные бесчинства. Но вместе с тем это является и причиной различных несчастий, ибо, когда возникает пожар, население каждой улицы должно само с ним справиться, и никто из соседних улиц не смеет прибежать на помощь, какая бы в том ни была нужда, отчего страдают не только здания, но и люди терпят большую нужду и пребывают в опасности. Такой пожар видели наши соотечественники года за четыре до нашего приезда; они тогда нашли себе пристанище на одной из улиц Нагасаки, на которой возник большой пожар, и за короткое время двадцать домов превратилось в пепел и погибло несколько человек. Из страха перед пожаром голландцы решили, что лучше переступить повеление императора, нежели сгореть жалким образом, и силой прорвались через заставы.

Описание японцев

Японцы довольно белы кожей, но желтее европейцев. Обычно наряды и одеяния мужчин и женщин мало разнятся между собой: они ходят в длинных халатах, обвитых вокруг тела и посредине стянутых поясом.

Знатные и благородные девушки носят обшитые золотом, серебром и другими драгоценностями платья, волосы их красиво подвязаны и в них вплетены жемчуг и драгоценные камни. Мужчины крепко сложены и у них толстые головы. Напротив, женщины, которых они называют Keesjens, маленькие и худые телом и станом, и ноги у старых и взрослых не больше, чем у детей четы-

рех и пяти лет, что считается у них особым украшением; всеобщим уважением пользуется та, у которой самые маленькие ноги; поэтому они сдавливают ноги колодками: пусть тело растет, как хочет. Японцы большей частью закаленные люди, переносят жару, голод, холод и жажду и тому подобное и в самые большие холода купают новорожденных в реке. Это — воинственный народ, который хорошо умеет обращаться со стрелами, луками, копьями, ружьями и другим оружием, и они так искусно закаляют сталь, что их сабли считают самыми лучшими, ибо они настолько остры и упруги, что ими, не повредив клинка, можно рубить гвозди толщиной в палец. Весь день они пьют чай; этот напиток у них гораздо крепче, чем у нас, так что я склонен верить, что они спивают чай, снова высушивают и затем отсылают. Они веселы, гостеприимны, любят кутежи и с ними легко завязать сношения.

Отъезд из Японии

Когда мы закончили торговые дела с Японией, то приготовились к тому, чтобы возвратиться в Батавию, но сперва пошли на Формозу.

30 декабря мы вышли на парусах в море при сильном ветре— северном муссоне, и 9 января благополучно бросили якорь у крепости Зеландия. Здесь я перешел на корабль, названный «Почтовой лошадью» и направлявшийся в Сиам, куда мы прибыли 22-го числа, и взяли с собой нашего старшего командира Яна ван-Мейдена, чтобы отвезти его в Батавию. Мы также погрузили на наш корабль восемь слонов, чтобы доставить их в Батавию. Мы взяли с собой листья финиковых пальм и сахарный тростник, чтобы кормить слонов во время путешествия и тем спокойнее довезти их.

Возвращение в Сиам, где мы забираем командира Яна ван-Мейдена и восемь слонов

Я не могу не воспользоваться случаем, чтобы не рассказать о приключении, за которое мне едва не пришлось поплатиться жизнью. Я нес своему товарищу блюдо с горячим кушаньем, которое боцманы называют пуспас, и когда я должен был переступить через отверстие, под которым стоял слон, животное подняло хобот, обхватило меня за ноги и потащило вниз, так что я, покачнувшись, свалился. Горячая пища вывалилась на слона, который ужасно заревел и затопал ногами, так что задрожал корабль и все, что на нем было, и я подвергся страшной опасности быть растоптанным и превращенным в кашу; однако я спасся сам. Наш командир сразу выскочил из каюты и велел меня схватить. И хотя он наверняка знал, что это несчастный случай, тем не менее велел

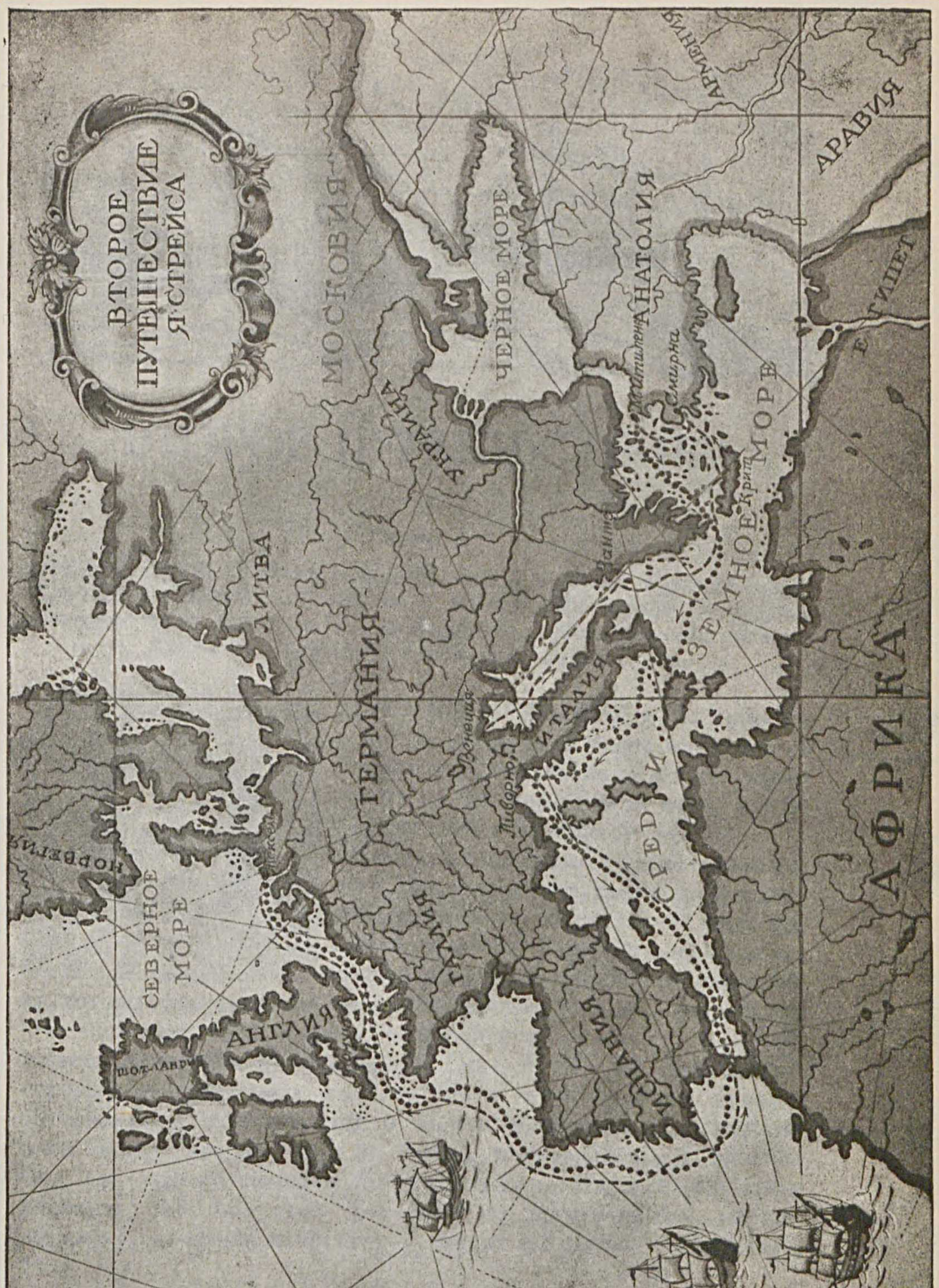
поставить меня у мачты и весело отстегать по заднице толстыми снастями.

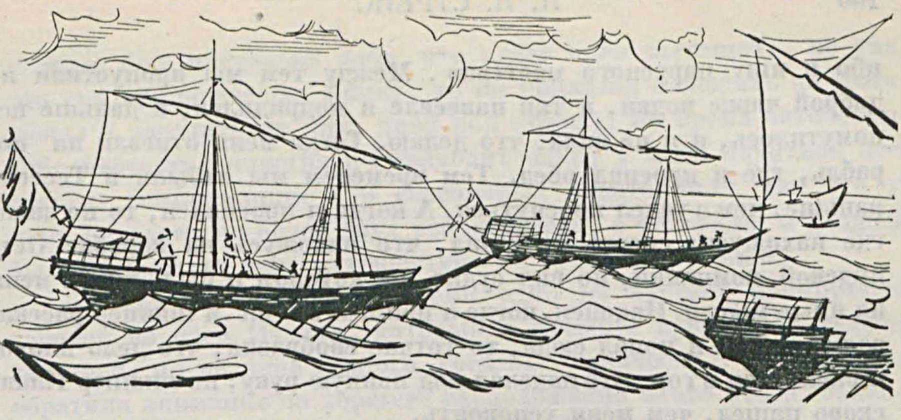
Февраль 1651 г. Я. Я. Стрейс возвращается с кораблем «Зеландия» на родину

14 февраля мы счастливо прибыли в Батавию, где меня вскоре отпустили и дали разрешение возвратиться на родину на корабле «Зеландия», который был уже погружен и готов к отплытию. В том же месяце мы отправились из Батавии с флотилией из семи хорошо нагруженных кораблей и при хорошей погоде и попутном ветре в течение нескольких дней дошли до Зондского пролива. Мы держали путь на остров св. Елены.

21 апреля мы с радостью увидели остров св. Елены, куда благополучно дошли все семь кораблей и где мы встали на якорь. Мы сходили на берег, охотились, ловили рыбу и собирали апельсины, лимоны и другие фрукты. Здесь росло много щавеля. Здесь мы достаточно отдохнули и 2 мая были готовы к отплытию, а 20 августа увидели Англию, где выменяли на различные товары немного скота и овец для прокорма нашей флотилии, а затем отправились на родину. 1 сентября 1651 г. наш корабль «Зеландия» в целости и сохранности прибыл к ее берегам и вошел в гавань в Гурее. Таким образом с божьей помощью счастливо закончилось мое первое путешествие.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ИТАЛИИ, ГРЕЦИИ, КРИТУ, ТУРЦИИ
и другим странам

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Я. СТРЕЙСА
МОСКОВИЯ
ЛИТВА
ГЕРМАНИЯ
УКРАИНА
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АНАТОЛИЯ
АРМЕНИЯ
АРАВИЯ
ЕГИПЕТ
АФРИКА
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ИТАЛИЯ
Венеция
Ливорно
Крит
Смирна
ГАЛЛИЯ
ИСПАНИЯ
АНГЛИЯ
ШОТЛАНДИЯ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
НОРВЕГИЯ

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава 1

Повод и случай ко второму путешествию. Сильная буря на море. Прибытие в Тессель. Прибытие в Ярмут. Прибытие в Ливорно. Описание этого города. Пиза и Флоренция. Неожиданная удача и щедрость. Прибытие в Болонью. Ее описание.

ОКОЛО ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ я не трогался с места, пока меня снова не охватила страсть к путешествиям; но это произошло не по моей доброй воле, и я не взвесил всего в полном разуме.

Повод и случай ко второму путешествию

Я сидел в Амстердаме в назначенном месте с тем, чтобы вернуться в Дюргердам, ибо мне не представился случай наняться парусным мастером, хотя я и обращался к посредникам (отвратительному народишку, который пристраивает, покупает и продает людей) и просил о том всех знакомых. Пока я дожидался шаланды, чтобы уехать с ней, пришел Клаас Янс Кетель (Klaas Jansz Ketel) из Дюргердама, который приветствовал меня, и после того, как мы немного поговорили о путешествиях и нашем положении, он спросил меня между прочим, куда я теперь направляюсь. Я пояснил ему, что охотно нанялся бы куда-нибудь старшим парусным мастером, но на этот раз мне не представилось случая. «Хорошо, — сказал он на это, — значит мы удачно встретились,

ибо я ищу парусного мастера». Между тем мы пропустили по доброй чарке водки, и так навеселе я подрядился, а дальше все помутилось, и я не знал, что делаю. Тогда меня отвезли на корабль, где я проспал обед. Тем временем мы отбыли в Тессель раньше, чем я успел проснуться. А когда я проспался, то не знал, где нахожусь; сперва я решил, что нахожусь на корабле Ост-индской компании, но вид судна, на котором я был, навел меня на иные мысли. Наконец, когда я пришел в себя и шкипер рассказал мне, как я попал сюда, то тотчас сообразил, что дело плохо, и раскаялся в том, что наделал под пьяную руку; но шкипер Клаас скоро нашел, чем меня успокоить.

2 декабря 1655 г. мы вышли на флейте, называемом «Геннепский дом», сначала в Ярмут, в Англию, с тем, чтобы взять там копченую сельдь.

14 декабря мы вышли из Тесселя и 20-го числа оказались у Ярмутских отмелей. Ветер дул навстречу, и на нас налетел такой сильный шторм, что мы не смогли поставить ни одного паруса и были вынуждены положиться на волю божью. И так как буря продолжалась 24 часа, то мы снова очутились близ Тесселя. На наше счастье с нами был лоцман, который хотел отправиться в Ярмут. Он с большой осторожностью провел нас среди непрекращающейся бури через пролив, называемый Испанской Дырой; продолжать путешествие было невозможно, ибо корабль до того забило песком, что ни один насос уже не действовал. В наше судно набралось столько воды, что в короткое время она поднялась до семи футов, и мы не ожидали ничего лучшего, кроме того, что каждое мгновение можем пойти ко дну. Но наконец мы, как уже было сказано, с божьей помощью и осторожным лоцманом в целости и сохранности добрались до гавани, где разгрузили корабль и снова приготовились к отплытию.

Сильная буря

Вторичное прибытие в Тессель

28-го мы были в полной готовности и вышли в море при свежем ветре, а 1 января 1656 г. пришли в целости и сохранности к берегам Ярмута.

Прибытие в Ярмут

15 января мы загрузили копчеными сельдями больше половины корабля, после чего снялись с якоря и направили свой путь к Гибралтарскому проливу.

2 февраля мы прошли через него, миновав все опасности, и 10-го в целости и сохранности достигли мола Ливорно. Во время стоянки я поспорил из-за пустяков со шкипером Клаасом Янс Кетелем; мы сцепились друг с другом и оба упали за борт. Нам

Прибытие в Ливорно

шкипер был настолько добр, что велел меня вытащить, но так как ему принадлежала власть, то он приказал наложить на меня оковы и засадить на пять дней под стражу. Во время заточения (ибо несчастие никогда не приходит одно) у меня похитили все деньги, составлявшие 116 серебряных дукатонов [28], так что у меня осталось не более двух рейхсталеров, с которыми я должен был продолжать свое путешествие по суше до Венеции.

Описание города Ливорно

Ливорно в настоящее время один из лучших приморских городов во всей Италии, который в прежнее время был только деревней; но великие герцоги Тосканы Франческо [29] и Фернандо обратили внимание на хорошее расположение этого места, обнесли его стенами, и с тех пор день ото дня Ливорно рос и укреплялся, и теперь он окружен и защищен пятью хорошими больверками. Рядом выстроили две превосходные цитадели, или замка; один из них охраняет гавань, другой — местность на пути к Пизе. Приблизительно в полутора милях от города построен маяк для предостережения идущих мимо кораблей о том месте, на котором он стоит, о подводном рифе, концы которого далеко выходят на юг и на север, где иногда происходят кораблекрушения; поэтому местность называется Мелория (Malhora), или гибель. Море обрушивается на этот риф с ужасающей силой, и так как волны разбиваются о него и слабеют, то стоянка в гавани для различных кораблей и галер от этого лишь спокойнее и удобнее; поэтому она обычно переполнена, и это приносит немалый доход великому герцогу Тосканы. Издали город красивее, чем внутри, ибо на фронтонах домов изображены морские сражения и другие сцены из истории. Посередине города — превосходный рынок и биржа, где ежедневно собирается много купцов, ибо здесь идет такая большая торговля, как ни в одном итальянском городе. Здесь много зерна, мяса, рыбы и различных других припасов, которые можно получить за небольшую плату, и нет ничего удивительного в том, что сюда заходят все моряки. На краю гавани стоят четыре великана, отлитые из металла, которые представляют собой отца с тремя сыновьями, угнавшими галеру из гавани Ливорно и так далеко уплывшими на ней, что гребцам остальных галер с большим трудом удалось нагнать их. Они были маврами с Варварийского берега, и в память этого события отлиты их изображения из металла. Они поставлены друг против друга с связанными за спиной руками. Когда я был в Ливорно, я зашел в харчевню жены шурина Яна Тиммермана, которая весьма молода и была

там хозяйкой, зовут ее Регина. Я подошел к ней и пожелал ей и ее юному сыну счастья, и так как меня разбирало любопытство узнать от нее самой, сколько ей лет, то спросил ее, на что она дала ответ, что ей пошел одиннадцатый год. Муж ее был детина рослый, как великан, и все-таки отважился с такой маленькой девчонкой. Я не могу обойти это молчанием, ибо хорошо знаком с ее мужем и зятем.

Из Ливорно мое путешествие продолжалось на Пизу. Но едва я прошел половину пути, как на меня напали четыре вора или разбойника с большой дороги. Они были верхом, но поспешно соскочили на землю, приставили к моей груди пищаль и сказали: «Поворачивайся, выкладывай все деньги или мы с тобой посчитаемся». Вместе с тем они меня всего обыскали, но ничего не нашли, отпустили меня и еще дали две кисти винограда. Я спрятал свои два рейхсталера в подкладку куртки и таким образом сберег их.

Описание города Пизы

22-го числа прибыл я в город Пизу, где провел ночь, а следующий день употребил на осмотр города. Он расположен у подножья высокой горы, приблизительно в восьми милях от моря; через него протекает река Арно. Пиза — старинный город, красивый и удобный в торговом отношении; он управляется великим герцогом Тосканы. Там различные великолепные церкви, самая главная — св. Иоанна, и при ней искусно выстроенная башня Кампо-Санто воздвигнута в те времена, когда пизанцы прислали пятьдесят галер на помощь Фридриху Барбароссе [30], собиравшемуся итти в святую землю крестовым походом против неверных. А когда Фридрих Барбаросса утонул, то галеры вернулись, нагруженные землей, взятой из Палестины, на которой построили святое кладбище, или Кампо Санто. Вечером 23-го я отправился во Флоренцию и проходил по приятным полям и лугам, таким красивым, что трудно представить себе что-нибудь лучшее.

Вечером 26-го я прибыл во Флоренцию — город, расположенный на прекрасной равнине. Там протекает река Арно и делит город на две части, так же как Пизу. С той стороны, где она уходит на запад, тянутся поля, примерно на протяжении сорока миль, радуя глаз и принося немалую пользу. На востоке много приятных холмов, засаженных деревьями, которые большей частью сливаются с Апеннинскими горами; в окружности город равен пяти милям, и он скорее продолговатый, нежели круглый. Воздух во Флоренции чист, прозрачен и благоприятствует рождению светлых и благородных умов. Город орошается или, вернее, де-

Описание Флоренции

лится на две части рекой Арно, через которую переброшено много красивых мостов.

Он изобилует всем необходимым благодаря плодородию гор и тучности долин, которые его окружают; к этому можно прибавить красивую реку, дворец герцога [31], пространную и обширную область, ее удобное расположение, сообразительность и разум жителей и купцов. И так как нельзя найти рынка, часть которого не принадлежала бы флорентинцам, то папа Климент VI с полным правом назвал их пятой стихией; на всем земном шаре нет другого города (за исключением Рима), где проявило себя столько знаменитых зодчих, живописцев и ваятелей, поэтому здесь так много великолепных дворцов, церквей, произведений искусства, картин и тому подобного, вызывающего изумление. На Новом рынке (Mercato Novo) стоит великолепный дворец, где горожане совершают торговые сделки. Палаццо Медичи каждого приводит в изумление. Такого же изумления достоин и царственный дворец великого герцога, хотя снаружи и не видно, какие прекрасные и драгоценные вещи можно в нем найти. Он построен из красивого мрамора, в нем великолепные покои, картины и различные произведения искусства. Напротив дворца стоит караульня с сотней немецких солдат. Рядом с ней огромная статуя; около дворца великолепный колодец, искусно украшенный мраморными и бронзовыми статуями, которые источают воду. В этом городе много красивых зданий, дворцов, великолепных церквей, часовен и больших монастырей. Много крытых улиц, защищенных от дождя и солнца. Здесь много богоугодных заведений, где заботливо ухаживают за больными и дают им хорошие постели и все необходимое; особенно в госпитале при церкви Alla Nonciata. Среди всех великолепных сооружений, которыми славится Флоренция, к самым лучшим можно отнести дворец или увеселительный замок Pratelino, выстроенный в прежние времена великим герцогом Франческо Медичи. Дворец построен в виде четырехугольника, и при входе видны четыре комнаты в один ряд, так что на всех четырех сторонах расположено 16 комнат. В одной из них стоят две постели: одна для герцога, если он находится здесь, другая для его жены, если он таковую имеет. Остальные комнаты убраны ценными коврами; некоторые из них украшены также золотыми и серебряными тканями с разными трогательными художественно исполненными изображениями. Когда поднимаешься по наружной лестнице дворца, то снова видишь 16 комнат со

столь же роскошными постелями, из которых каждая обошлась свыше тысячи крон. От дворца можно дойти до Alla Grotta, весьма
Дворец красивого свода в виде настоящей горы; внутри помещается колодец. Вокруг колодца расставлены медные змеи, гадюки и ящерицы, столь искусно сделанные, что кажется, будто они живые и дерутся друг с другом. Этот свод по самым скромным подсчетам стоил свыше трехсот тысяч крон; внутри каждой колонны, на которую опирается свод, помещается орган, приводимый в движение водой, отчего сама по себе возникает красивая музыка. Стены усажены кораллами, перламутром и другими камнями, так что стен собственно и не видно; в других местах вставлены красивые мраморные и алебастровые плиты. Когда подходишь к плите или столу, то вода бьет из-под ног фонтаном, а если захочешь избежать этого здесь, тебя встретят тем же в другом месте, и это неизбежное удовольствие для всех, даже самых благородных. На другой стороне стоит второй свод, называемый гротом Сибиллы. Он выложен кругом красными кораллами и в нем много красивых статуй из мрамора и алебастра; немногим удается зайти сюда незабрызганными; на правой стороне помещается купальня великого герцога со многими отверстиями в полу, через которые проходит тепло, чтобы можно было пропотеть. Рядом находится другой свод, который летом дает прохладу. Там стоит драгоценный мраморный стол и в стороне от него несколько пещер, где охлаждают вино. Неподалеку красивый сад с приятными фонтанами и прудами, со множеством плодов и деревьев. Там также отведено место для различных пород птиц, как-то: страусов, турецких кур, индусских голубей и тому подобных иноземных птиц, которых держит у себя герцог. Тут же растет красивая липа, под которой герцог иногда обедает летом; отсюда видны оба его замка: один—городской, другой—загородный. Против дворца разбит другой сад, где выстроена часовня, в которой часто служат мессу для герцога. Эта часовня круглая, как языческий храм; она отделана и выложена изнутри и снаружи прекрасным кипарисовым деревом. Далее стоит статуя в виде водяного приблизительно в четыре клафтера вышиной; она высечена из белого мрамора, и вода со всех сторон ее стекает в колодец. Можно подняться наверх, где с изумлением слышишь страшный шум и журчанье воды под ногами.

Неожиданная удача и щедрость

Вообще же Флоренция — могущественный торговый город со всевозможными товарами, но главным образом шелком и бархатом, которыми торгуют самые богатые лавки на Старом мосту, или

Понте Веккио. В городе очень много народа, также благодаря постоянному прибытию и отъезду послов различных христианских правителей. Здесь очень хорошо живется тем, у кого туго набит кошелек, и хотя мои денежные дела в то время были плохи, тем не менее я пробыл несколько дней во Флоренции и без всяких затрат, при помощи одного монаха, который встретился мне, когда я шел в церковь св. Марии, осмотрел много достопримечательностей. Он был, как я потом узнал, родом из Гаарлема. Он признал во мне голландца, позвал меня в свой монастырь и спросил, откуда я родом. И когда он убедился, что мы соотечественники, он отнесся ко мне дружески и, узнав о предстоящем мне большом путешествии и малых моих средствах, милостиво одарил меня четырьмя рейхсталерами, которые мне весьма пригодились по дороге в Венецию; иначе без них я бы впал в крайнюю нужду.

Первого марта с большой благодарностью простился я с приветливым монахом и прекрасным городом Флоренцией и отправился через высокие и трудные горы в Болонью, отличный торговый город со множеством народа и съестных припасов. Он лежит у подножья горы под 44° широты. В окружности город равен двум милям, а длина его составляет полмили. Он построен в виде корабля, и башня заменяет мачту. Он окружен стенами, и никогда у болонцев не возникало желания построить еще форт или больверк из опасения, что под предлогом укрепления им вотрут очки, так что Болонья полагается на мужество и храбрость своего народа. Вблизи города протекает большая река Савона, а через самый город река Рено, которая выходит из Феррары. По Рено привозят и сплавляют большую часть товаров. Воздух там почти всегда сырой и теплый, отсюда плодородие окрестных мест, где встречаются тучные нивы и хорошие пастбища, отличное белое вино, большие сладкие маслины и хорошее масло. Рыбы здесь немного, но ее привозят из разных мест на рынок; гораздо больше, и даже в изобилии, здесь дичи и мяса, вследствие чего там построены два больших и превосходных погреба для хранения мяса. Здесь приготовляют сосиски (особый сорт мясной колбасы), они славятся во всем христианском мире (к ним подходит глоток доброго вина), и нас хотели уверить, что они сделаны из ослиного мяса; но на их изготовление идет только наилучшая свинина и баранина.

Прибытие в Болонью, ее описание

Здесь процветает торговля, главным образом шелковыми товарами, коноплей, квасцами и прочим, чем полна страна. Улицы здесь широкие, и на перекрестках часто встречаются красивые

колодцы. Дома снаружи кажутся старыми, внутри же они великолепны, не то, что у испанцев: с виду дворец, а внутри свиной хлев. Здесь стоит наклонная башня, называемая Гарисенда (Garisenda), весьма искусно выстроенная[32]. Далее, здесь много красивых церквей, самых великолепных во всей Италии; в них можно видеть много золотых и серебряных изображений.

Глава II

Отъезд из Болоньи и прибытие в Феррару. Я. Я. Стрейса ограбил разбойник. Обобранный приходит в Венецию. Поступает на службу в венецианский флот. Прибытие на остров Занте. Сильная буря между островами Милос и Агентер. Корабль «Золоченый петух» разбивается о риф. Печальное кораблекрушение. Женщина спасается чудесным образом. Все, кто спасся, переходят на корабль «Свиорис». Я. Я. Стрейс приезжает в Кандию. Догоняет на тартане венецианскую армаду. Пристают к Митиленам и совершают путешествие в глубь острова. Берут большую добычу и множество съестных припасов. Положение местности. Двести турецких всадников настигают их; они обороняются. Снова возвращаются на корабль.

Отъезд из Болоньи и Феррары

Прожив два дня в Болоньи, я поехал в Феррару, малонаселенный город, бедный съестными припасами; там много пустырей, — верный признак того, что жители не умножаются числом и благосостояние их не растет. Но там много прекрасных строений, большей частью по реке По, которая протекает стороной и наполняет городской ров. Город обнесен сильными больверками, в нем много широких и просторных улиц, по обеим сторонам которых имеются крытые ходы. Помимо этого там нет ничего особо примечательного. Я пробыл там не более половины дня, не захотел проедать денег понапрасну, ибо наступали времена, когда приходилось считать каждый грош.

Напал разбойник

6-го я отправился в путь на Киоджу и тут на меня напал разбойник, отнявший у меня два рейхсталера, так что мне осталось не более гульдена на дорогу до Венеции.

8-го я наконец дошел до Киоджи, маленького городка, откуда можно было при хорошей погоде увидеть Венецию. Он расположен у моря, приблизительно в трех милях от Венеции; но здесь очень плохо с съестными припасами, за исключением того, что отсюда поставляют в Венецию капусту и зелень. Здесь живет много рыбаков и мореплавателей и хороша гавань. Особых до-

Приходит в Венецию, обобранный, но здоровый

стопримечательностей здесь нет, кроме изображения девы Марии с плачущим младенцем на руках, которое там весьма чтут. Я здесь немного задержался, ибо у меня не было денег на муку и масло, и едва хватило на то, чтобы оплатить лодку до Венеции; на оставшиеся деньги я купил съестных припасов. Итак, я добрался до обетованной земли, освободившись от золота, серебра и меди, попросту говоря, без денег. Хороший совет был бы дорог; но так как я решил тотчас же поступить на службу, то рассчитывал получить деньги на руки. С этим я пришел в дом капитана Кропцель. Я застал здесь корабль «Золоченый петух», командиром которого был Дирк Янс де-Гаап (Dirk Janz de Haan). Он нанял меня парусным мастером за 8 гульденов в месяц. Тем временем корабль снарядили и снабдили всем необходимым, так что он мог войти в состав флота, отправляемого Венецианской республикой против турок в Дарданеллы [33]. Дирк Янс поставил командиром своего сына, а сам отправился домой сухим путем.

10 апреля вышли мы на парусах из Венеции вместе с большим кораблем «Св. Иорис», которым командовал тогда Курт Аделаар (Coert Adelaar), адмирал из Дании, недавно умерший. Мы шли по заливу, подняв паруса, с попутным ветром.

Прибытие на остров Занте

20-го мы дошли до острова Занте, где запаслись водой и погрузили несколько боченков вина. Оно здесь очень хорошее, доброе и дешевое, один барилль (мера или Fustagie из 40 кувшинов) [34] стоит не более одного скудо [35]. В армии мы продавали его за шесть рейхсталеров.

22-го мы отбыли с Занте и держали путь к острову Милосу, куда дошли 5 мая, но не пристали к нему, ибо прошли к Аргентеро. Здесь мы стали на якорь позади «Св. Иориса», но слишком близко от Аргентеро, где весьма илистое дно, что внушило нам довольно большие опасения; тем более, что если бы мы сели несколько глубже, нам с трудом удалось бы сняться. Вскоре разразилась такая ужасная буря, что нас бросало из стороны в сторону, наши снасти и паруса разлетелись, как камыши, ветер гнал нас к берегу, и мы не могли избежать этого, сколько бы ни приложили труда и усилий. Увидав это, капитан Курт Аделаар тотчас

Сильная буря

спустил лодку с пятью или шестью матросами и велел переправить в нее на веревках только одного из благороднейших дворян, начальника, а остальные дворяне остались на нашем корабле с сотней солдат и матросов. Вскоре после того сильный порыв бури бросил корабль на риф и он тотчас же разбился на тысячу кусков,

Корабль «Золоченый петух» разбивается о риф

и нельзя ни словом, ни пером описать, с какой быстротой тяжелый корабль, как лодка, поднялся над водой, чтобы разлететься на куски. Каждый старался спастись. Шкипер Питер и я сидели на большой мачте, но недолго могли на ней удержаться; она была неустойчива и вертелась; потом мы оставили ее и высматривали себе другой обломок, и на наше счастье приплыла нам навстречу большая дверь, за которую мы ухватились и добрались до суши. Еще человек девять добрались с большим трудом до берега вместе с женой венецианского капитана, с которой сорвало всю одежду, и ее выбросило голой; кроме того ее тело было до такой степени изранено гвоздями и занозами, что у нее оказалось более пятидесяти ран и повреждений. Муж ее погиб. Вскоре после кораблекрушения к берегу прибило ящики и постельные принадлежности, и мы прикрыли тряпьем жену капитана, ибо было весьма холодно. На нашем корабле была также солдатка на последнем месяце беременности; она крепко держалась за обломок и пробыла так полтора дня, мы ее сняли еще живой, и она повидимому дольше не продержалась бы. Она сильно простудилась и была бледна, как смерть. Мы отвезли несчастую женщину на корабль «Св. Иорис», и едва прибыв туда, она произвела на свет ребенка. Мы прислуживали ей, как умели, и когда море выбросило добро остальных женщин, то мы одели обеих. На нашем корабле были жены четырех капитанов и эта женщина; три остальные погибли. Когда люди немного отдохнули, мы отправились на корабль «Св. Иорис» и продолжали путь до Кандии, куда прибыли в целости и сохранности, и так как съестные припасы значительно уменьшились из-за продолжительного плавания и оттого, что экипаж увеличился на 21 человек, то мы попросили губернатора, чтобы он пришел нам на помощь. Но Кандия в то время имела так мало припасов, что мы ничего не получили. Поэтому мы обратились с покорнейшей просьбой предоставить нам тартану [36] с тем, чтобы мы могли нагнать флот, на что губернатор согласился и тотчас же дал распоряжение шкиперу, чтобы доставить нас и еще пятнадцать человек в армию, что тот немедленно привел в исполнение, ибо корабль его уже был нагружен различными военными припасами.

Печальное кораблекрушение

Женщина спасается чудесным образом

Я. Я. Стрейс попадает в Кандию и на тартане догоняет флот

3 мая мы вышли на парусах и каждый получил по два фунта хлеба, ибо полагали, что нам на худой конец надо будет десять дней, чтобы догнать флот. 8 числа мы были вблизи Смирнского залива, недалеко от Митилен или Лесбоса, где наша пища оказалась съеденной; поэтому мы решили зайти в гавань посмотреть,

Пристают к Митиленам

не найдется ли там чего-нибудь съестного, хотя остров Митилены и принадлежал туркам. Голод и нужда дали нам мужество, спасаясь от одной опасности, рискнуть на другую. Увидав несколько коров, мы, недолго думая, захватили эту добычу; двенадцать немцев и пятнадцать греков, находившихся на тартане, хорошо вооруженные, поспешно сошли на берег, схватили шесть коров за рога и втащили без всякого с их стороны сопротивления. Доброе начало воодушевило нас поискать большего счастья. Тогда мы зашли примерно на милю в глубь острова до маленькой деревушки в 10 или 12 домов; в ней не оказалось ни одного человека, да мы их особенно и не искали, но зато нашли там всяческие припасы, как-то: муку, масло, сыр, мед, вино, растительное масло и т. д. Все это нам было кстати. И подобно тому как несчастье следует за несчастьем, так было здесь со счастьем, ибо мы заметили стадо в 20 ослов, как бы ниспосланных для того, чтобы стать нашей добычей. Мы тотчас изловили их, нагрузили и погнали к лодке. Неподалеку стоял замок, куда по нашему предположению скрылись люди из страха перед нами. От этого замка шла прямая дорога до гавани; вдоль нее лежали земельные участки, отделенные друг от друга стенами, сложенными из камней. Без всякой помехи прошли мы добрую часть пути, и приблизительно на полдороге за нами погнался отряд из двухсот всадников. Я первый заметил их и крикнул: «Эй, люди, на нас надвигается враг, будем стойко держаться друг около друга, ибо, ежели мы расстроимся и разбежимся, то все погибнем». Турки тем временем приближались к нам; мы оставили одного с ослами с тем, чтобы он гнал их вперед. Наступило время подумать об обороне, иначе, если бы мы еще промедлили, было бы слишком поздно; турки так близко подошли к нам, что мы могли рассмотреть их лица. Мы сошли с дороги и перепрыгнули через груду камней, которая служила нам бруствером и вместе с тем мешала всадникам добраться до нас. Нужда и положение, в каком мы очутились, сделали меня военачальником, ибо греки (хотя они и вооруженные) не знали дисциплины, а наши также были мало осведомлены в этом деле. Я отдал приказ, чтобы стреляли не все сразу, а по пяти человек, и не раньше, чем увидят противника, чтобы тем вернее попасть. Затем турки напали на нас, и впереди ехал их начальник, который был мавром; он и еще трое скоро свалились с лошадей (ибо мы дали залп по их авангарду). После того мы дали второй залп, от которого свалилось двадцать человек, что развеселило нас и повергло

Достают несколько голов скота

Берут большую добычу и множество съестных припасов

Характер местности

200 турецких всадников в погоне за нами

Мы обороняемся

Стычка

в уныние врагов, так что они обратились в бегство. Помимо упомянутого бруствера у нас было большое преимущество — длинные мушкеты, из которых мы их разили, а у них не было ничего, кроме легких карабинов, из которых можно было стрелять только на небольшом расстоянии. Когда они отступили и были уже довольно далеко, мы в строгом порядке по четыре в ряд тронулись в путь. Когда турки это увидели, то снова поспешили напасть на нас, намереваясь разъединить наши ряды, внести беспорядок и таким образом покончить с нами. Однако мы, не струсив, обернулись и храбро двинулись на них, пока не подпустили их на расстояние выстрела, а затем: «Эй, люди, огонь!» И когда первый ряд дал выстрел, то отступил назад, чтобы приготовиться к новому, но так, что мы не отступили ни на шаг. В этой схватке мы видели, как некоторые падали с лошадей, и так как мы не отступили, то враг вторично обратился в бегство, пока не стал недосягаемым для выстрелов. Тем временем мы погнали вперед ослов и следовали за ними сомкнутыми рядами. Турки сделали то же самое, и казалось, что они решили настигнуть нас и напасть, когда мы будем перетаскивать добро на корабль. Но когда мы добрались до нашей тартаны, мужество оставило их, и конечно если бы они подошли, то мы бы приветствовали их, помимо мушкетов, еще из четырех металлических пушек. Итак, мы удержали свою добычу, и у нас было только двое убитых и трое раненых.

Глава III

Прибытие в Монте-Санто и Трою. Я. Я. Стрейс переходит на корабль «Маленькая принцесса». Галеры беев присоединяются к турецкой армии. Английский корабль попадает к туркам, храбро защищается и сгорает. Я. Я. Стрейса обращают в рабство. Попадает на галеру вместе со старым русским. Советуются о бегстве. Бросаются в воду, их замечают. Русского ранят стрелой. Оба попадают в венецианскую армию.

Прибытие в Монте-Санто

Числа 9-го, когда все было готово, мы с радостью вышли на парусах из Митилен и быстро дошли до Монте-Санто, или Святой горы, получившей свое наименование потому, что дьявол искушал на ней Христа и показывал ему отсюда все сокровища мира.

12-го мы вошли в Константинопольский пролив и у мыса Трои (Troyen) встретились с венецианской армией; там мы видели

еще сохранившиеся ворота и разрушенные стены; в остальном теперь это только деревня.

Упомянутые ворота сделаны из прекрасного белого мрамора. Мы видели также основание городских стен, которые состояли из семи галлерей, не отделенных друг от друга, но сплетавшихся наподобие венка. На берегу было расположено много траншей или, скорее, крытых дорог, наряду с шанцем, насыпанным турками.

В Трою

14-го нас распределили по кораблям, и я стал парусным мастером на «Маленькой принцессе».

Галеры беев присоединяются к турецкой армии

Между тем мы заметили галеры беев [37]; но когда они увидели, что мы пришли раньше их и вход в канал уже занят, то поплыли наискось по направлению к греческому берегу, где они остановились с двадцатью двумя красивыми галерами.

Английский корабль попадает к туркам

16-го числа из Санто вышел английский корабль, называемый «Midleton», чтобы доставить весла, хлеб и все прочее, что необходимо для армии. Когда корабль подошел к Дарданеллам, упомянутые галеры беев приблизились к его борту. Заметив это, мы поспешили туда, ибо стояли ближе всех; но было так тихо, что паруса свисали с мачт, что было большим преимуществом для галер, которые, не переставая, стреляли по англичанам; но те держались с большой храбростью, ибо видели, что мы готовы притти им на помощь. Турки тем временем завладели кормой, но англичане скоро прогнали их, взорвав всех перебравшихся через борт, отчего сгорел весь корабль. Тут мы увидели, как матросы прыгали за борт, а турки вылавливали их и обращали в рабство. Но прежде чем броситься в воду, они храбро стреляли по туркам, хотя почти вся верхняя часть их судна и большая мачта совсем сгорели. Повар и старший боцман взобрались на мачту, которая свалилась в воду, и укрылись под парусами, и таким образом им удалось избежать смерти и неволи. На этом судне также была англичанка, которая торговала в Венеции пивом и вином, и потому была известна всем; ее обычно звали матушка Пентерс. Она умерла, а ее мужа поймали и обратили в рабство. Они намеревались торговать в армии табаком и водкой. На корабле было 36 пушек и 60 человек; из них большая часть утонула и сгорела, и примерно через полчаса после того мы выловили несколько утопленников. После стычки под Дарданеллами мы узнали от некоторых пленных с галер беев, что им, туркам, так досталось, что они раскаивались в нападении на английский корабль, ибо

Храбро защищается

Сгорает

потеряли свыше пятисот человек, при большом числе раненых, не считая повреждений, нанесенных галерам.

Отсутствие и недостаток пресной воды

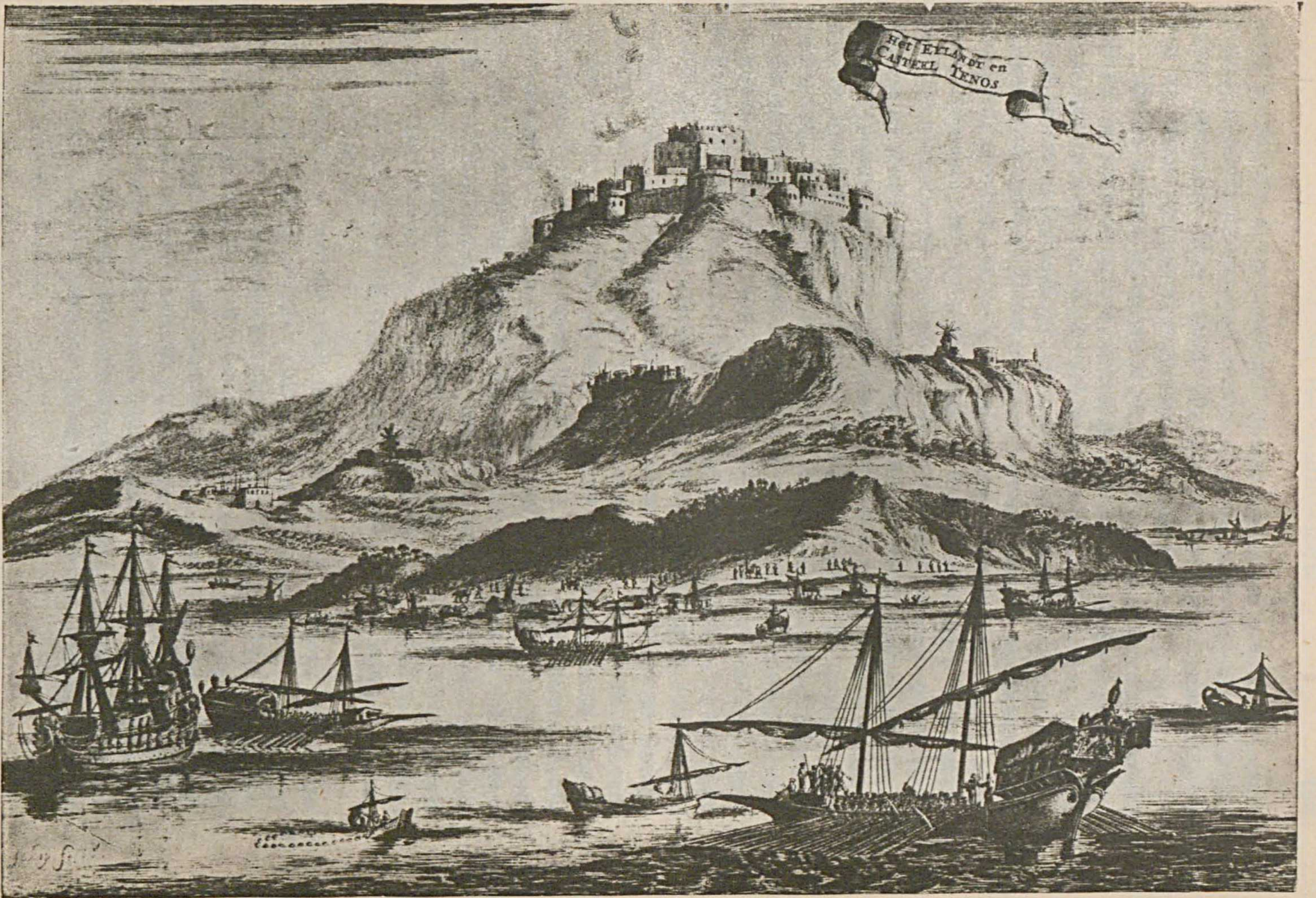
Пока мы стояли у Константинопольского, или Дарданелльского, пролива, у нас было мало свежей пищи, и мы мучались от цынги. Нам приходилось брать пресную воду из реки у мыса Трои не без опасности для жизни и страха попасть в тюрьму, ибо там были скрыты турецкие траншеи, откуда турки неожиданно нападали на нас. Однажды я должен был вместе с семью товарищами отправиться на лодке за водой; когда мы добрались до Трои, то приметили несколько виноградников, и нам очень захотелось чего-нибудь свежего; но так как надо было пройти не менее получаса в глубь острова и подвергнуться опасности быть пойманными, то мы бросили жребий на одного из восьми; жребий достался мне, и я, оглядевшись вокруг и не увидав ни одного турка, отважно двинулся в путь по направлению к виноградникам. Как только я добежал до места и руки мои принялись рвать, а рот пробовать, я услышал шум, оглянулся и увидел, что между мной и берегом со всех сторон выскочили турки из пещер и скрытых окопов.

Я. Я. Стрейса обращают в рабство

Наши только что сошли на берег и наполняли боченки водой; турки отправились туда и хотели отрезать им путь, но наши взлезли в лодку, оттащили ее веревкой от берега и добрались до мели, где и застряли. У них были с собой две пушки, из которых они храбро палили по туркам дробью и произвели такие опустошения, что туркам пришлось отступить. Тем временем я схоронился, ибо путь был отрезан, и нельзя было добраться до берега. И так я стоял, как бедный грешник перед судьею, и ожидал со страхом и трепетом, чем это кончится, ибо было бы величайшей глупостью выступить против такого множества. Недолго пробыл я в страхе в этом винограднике, ибо турки взяли меня в плен, и виноград, который я едва попробовал, оказался для меня весьма горьким. Для начала меня отвели в то место, где прежде стояла Троя, а неподалеку построены цитадели, или крепости, расположенные друг против друга, которые замыкают вход в Дарданеллы.

Попадает на галеру вместе со старым русским

Затем меня отправили на галеру, где было пятьсот рабов; с меня сняли платье, обрезали мне волосы, и голым, только в тонких полотняных подштанниках, посадили за весла, с которыми мы вшестером управлялись. Меня приковали к московиту, который уже более двадцати четырех лет пробыл на галере, ибо помимо несчастья попасть в рабство, что предстоит всем иноземцам, состоя-

7.

щим на службе в венецианской армии и взятым в плен, их ждет вечная неволя, от которой султан не позволяет откупиться никакими деньгами. Мне такой обычай не особенно нравился, но тем не менее пришлось терпеливо покориться.

Шесть недель просидел я на галере не без тяжких наказаний плетью от надсмотрщика, который угощал ею мою голую шкуру. Если даже я или кто иной гребли ловко и изо всех сил, жестокий палач бил всех без разбору, считая непорядком, если он не слышит чьих-нибудь криков. Такая жизнь стала мне весьма противна. Мой товарищ, русский, часто уговаривал меня бежать, к чему у меня было желание, но путь никогда не был свободен, и что-нибудь все время стояло на дороге. Кроме того венецианская армия находилась на расстоянии двух часов от нас, и берег бдительно охранялся турками. Этот русский уже несколько раз пытался бежать; но его каждый раз настигали, вследствие чего он потерял уже уши и нос. Это нагнало на меня страх, однако он придал мне бодрости следующими словами: «Что же, ты предпочитаешь навсегда остаться в дураках, чем отважиться потерять что-нибудь ради свободы? И если случится так, что нас сразу поймают, то вся вина падет на меня, а ты отделаешься ударами по пяткам; что же касается меня, то они поклялись, что сожгут меня в случае нового побега; но я скорее умру, чем позволю этим чортовым собакам мучать и пытать меня. Нужна большая решимость, если хочешь добиться чего-нибудь значительного, а разве существует более прекрасное и лучшее сокровище, нежели свобода?». Эти и подобные речи склонили меня к тому, что я согласился на побег. Русский, который научился всем уловкам, задолго до того побывал в Константинополе, купил там напильник и зашил его в свою куртку. Он всегда имел при себе кремень и восковую свечу, чтобы можно было на случай нужды работать в любое время, даже ночью.

Советуются о бегстве

Однажды в четыре часа после обеда нас, рабов, отпустили взять воды в наши сосуды. Когда мы вышли на берег, то отошли немного вглубь, еще прикованные друг к другу. Тем временем пошел сильный дождь. Мы зашли в покинутую хижину, и так как наступила ночь, то мой товарищ высек огонь, зажег восковую свечу и начал пилить, пока не разъединил нас, после чего мы обратились в бегство. Ночь весьма благоприятствовала нам, ибо было темно, и нам удалось незамеченными добраться до берега за час до рассвета. Там мы увидели множество палаток. Сильный дождь

Бросаются в воду

согнал часовых с их постов, и мы прошли среди них, прежде чем кто-нибудь заметил это. Но когда мы поплыли и зашевелились в воде, они нас открыли и выпустили нам вслед множество стрел, так как благодаря сильному дождю не могли употребить в дело огнестрельное оружие. Они нас заметили потому, что при малейшем движении вода загоралась огнем от находящейся в ней соли;

Русского ранят стрелой

поэтому они заметили нас и стреляли так, что стрелы ложились совсем рядом, а одна из них даже попала московиту в задницу, но он продолжал плыть, пока мы не вышли из-под обстрела; тогда я хотел вытащить из него стрелу, но бедняга жалобно закричал: «Оставь ее там, оставь! Это стрела с зазубринами, так ты убьешь меня в тысячу раз скорее». И бедняга должен был проплыть со своим острым хвостом без перьев еще две мили, прежде чем мы добрались до венецианского флота. Течение здесь быстрое, и у нас нехватило бы сил продержаться, если бы нас не несло все время боковым течением. Наконец рано утром мы добрались

Оба попадают в венецианскую армию

до корабля «Авраамово жертвоприношение», который нас подобрал, и где у товарища вырезали из задницы стрелу, проникшую до кости, и нужна была большая осторожность, чтобы извлечь ее, тем более, что она вонзилась сбоку. На стреле было восемь зазубрин, но московит скоро вылечился, и мы благодарили бога за счастье, что избавились от тех бешеных псов.

Глава IV

Их приводят к генералу. Приказ для воодушевления войска. Число венецианских кораблей и галер. Имена офицеров. Мальтийцы присоединяются к армии. Появление турецкого флота. Галеры беев хотят прорваться. Мальтийцы мешают им. Турки выставляют две батареи. Ужасная стрельба из пушек в течение трех дней. Ветер благоприятствует туркам, но они уклоняются. Неизменная храбрость венецианцев. Турки падают духом.

Их приводят к генералу

На рассвете 24 июля мы добрались до кораблей, а около восьми часов утра меня привели к генералу, которому я рассказал о бывшем со мной несчастьи и о слухе, прошедшем по всему турецкому флоту, что они как раз сегодня должны произвести нападение, что они не сомневаются в успехе, и каждый уже подсчитал, сколько ему достанется кораблей, рабов и добычи, вследствие чего они так настойчиво рвутся

в бой. Генерал поблагодарил меня за сообщение, пожаловал нам обоим пятьдесят рейхсталеров и велел приготовиться к бою. По его распоряжению к мачте прибили объявление, согласно которому всем была обещана свобода грабить, а полковникам, капитанам и начальникам запрещалось под страхом наказания отбирать у солдат добычу, что придало им особое мужество и бодрость.

Приказ для воодушевления войска

Сначала венецианский флот был весьма слаб, но когда к нему примкнули мальтийцы [38] и несколько венецианских кораблей, то он стал весьма силен, включая 28 военных кораблей, 24 галеры и 7 галеасов [39] под командой генерала Лоренцо Марчелло (Lorenzo Marcello).

Остальные начальники:

Барбаро Бадуро (Barbaro Badoer) — проведитор армии,
Джузеппо Моресини (Joseppo Moresini) — адмирал галеасов,
Антонио Барбаро (Anthonio Barbaro) — начальник гавани,
Цуанни Марчелло (Zuanni Marcello) — лейтенант генерала и капитан одного галеаса [40].

В течение целого месяца мы искали и поджидали турецкую армию, полагая, что она выйдет в море из Константинополя. Тем временем к венецианскому флоту присоединились мальтийские галеры под флагом приора из Рокеля (Rochel).

Силы турок тогда исчислялись в 28 военных кораблей, 60 галер, из них 22 беев и 9 галеасов. В их флоте было много войска, хорошо снабженного амуницией, и 23 июня они вышли на всех парусах в Дарданелльский пролив, намереваясь прорваться к греческим островам или в другие места архипелага. Как только венецианцы это увидели, то двинулись против них, насколько это было возможно, в полном и добром порядке, хотя мальтийцы и дали понять, что не хотят стать под командование венецианцев и желают сами по своему усмотрению вести свои галеры.

24-го турки все еще стояли у берега; большим преимуществом и защитой были для них две крепости, построенные у входа в Константинопольский, или Дарданелльский пролив, откуда все время палили по венецианцам. Чтобы нанести им больший урон, они поспешно выставили две батареи, одну на правом берегу, у Варварии, со стороны Анатолии, другую со стороны Греции, откуда они обстреливали венецианские корабли, намереваясь разъединить их и прорваться.

Три дня продолжалась стрельба с обеих сторон, и в ней превзошел всех адмиральский венецианский корабль, на котором были подняты самые главные флаги, вследствие чего он подвергся самому жестокому нападению, ибо турки метали из крепостей такими большими и тяжелыми камнями, что они, как быки, падали в воду и на корабли, а жерла пушек в крепостях были шириной с целую пивную бочку. Одним выстрелом сразу убило трех человек, стоявших близ генерала Лоренцо Марчелло; и хотя это не предвещало ничего доброго, тем не менее весь христианский флот оставался в полном порядке и с нетерпением ждал армию султана. Наконец утром 26 июня она решительно двинулась против нас в полном боевом порядке и с таким отвратительным криком, что мы не могли ни слышать, ни понимать друг друга. Турецкие корабли и галеры были набиты народом, так что они сами мешали друг другу.

Северный ветер

Большим преимуществом для них был северный ветер, тогда как венецианцы стояли против ветра и у них не было никаких преимуществ. Тем не менее ни генерал Марчелло, ни его флот нимало не уклонились, но, наоборот, в пример другим он стал во главе и в середине кораблей и галер, построившихся в форме полумесяца, с нетерпением ожидая турецкий полумесяц. Но они не переставали стрелять, а ветер и течение не давали нам возможности к ним подступиться, что также мешало галерам беев, ибо им пришлось остаться на своем месте. Венецианцы наконец напрягли все силы, чтобы подойти ближе к неверным, и устремились, как подобает храбрым воинам, к берегу, куда их не подпускало скорее течение, чем ветер. Турки тем временем открыли сильный огонь по зашедшему вперед кораблю Марко Бембо (Marco Bembo), так что на нем все трещало; так же суда Лацаро Мочениго (Lazaro Mocenigo), Джироламо Малипьеро (Gerolamo Malipiero), которых поддерживал принц пармский. Но благороднее всего держался капитан Бернардо Брагадино на фрегате «Контарина», на котором в то время находился и я. Никто не обращал внимания на залпы турок, а только старались изо всех сил подойти к ним вплотную. То же самое было на всех нидерландских кораблях, которые надеялись таким образом вызвать турок на решительную битву, и хотя, как уже сказано, ветер был на их стороне, тем не менее они уклонялись и шли, подняв паруса, по излучине канала, между крепостью Анатолией и Варварий-

ским берегом, где стали на якорь, полагая, что крепость даст им надежную защиту.

Глава V

Ветер способствует венецианцам. Турки обращены в бегство. Им отрезают путь. Мужество, проявленное галерами беев. Убивают генерала Марчелло. Мужество Лацаро Мочениго, который потерял глаз. Взрывают корабли «Щит Нассау», «Давид и Голиаф». Турецкий адмиральский корабль сдается. Окончательное, беспорядочное бегство турок. Их полное поражение. Потери обеих сторон.

Борьба с ветром

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ христианское войско на своих кораблях настойчиво боролось с ветром и течением, чтобы напасть на турок; но, убедившись, что все усилия напрасны, долгое время ничего не могло предпринять, и только на грохот их пушек отвечало тем же до тех пор, пока ветер не переменился и господь бог не простер над нами свою милостивую руку и не дал своего благословения, точно так же, как это было примерно сто лет тому назад в доблестном морском сражении в Лепантинской бухте под начальством Дон-Жуана Австрийского [41]. Ветер сначала благоприятствовал туркам, а когда они столкнулись с христианами, бог переменил ветер в ущерб неверным, и христиане одержали величайшую победу, о которой будут говорить до скончания света. То же самое произошло и здесь: как только генерал Марчелло заметил, что ветер слегка переменился к югу, то сразу же отдал приказ всему флоту ринуться на турок, что тотчас было приведено в исполнение, подняв все паруса и налегши на весла. Турки были так испуганы, что многие прыгали за борт, ибо ветер дул им в лицо. Это привело их в такой страх и замешательство, что они не знали, куда им деваться. Они подплывали на кораблях к самому берегу и соскакивали на него, чтобы спасти свою жизнь, но тщетно, ибо течение относило их к морю, так что весь пролив был покрыт людьми, в том числе было много рабов из христиан, которых венецианцы вылавливали на маленьких судах. Тем временем турки бежали без оглядки и старались, налегая на весла, увести свои большие корабли, которые продолжали обстреливать венецианские суда, а галеры защищали их. Но «Лев св. Марка» так неумолимо преследовал их, что от него укрылось только 14 судов, схоронившихся близ крепостей. Отважным показал себя Лацаро Марчелло на «Султа-

Бой с турками

нии» , корабле, незадолго перед тем отнятом у турок; он отрезал им путь и стал обстреливать их. Тем временем генерал Марчелло, врезавшись в середину, нарушил порядок турецкой армии, но сохранил свой, оставаясь в сердце своего полумесяца, состоявшего из проведитора Барбаро Бадуро, мальтийской эскадры, кораблей и галеасов Джузеппо Моресини. Правым крылом командовал начальник гавани Антонио Барбаро, а левым Пьетро Контарини. Тогда началась ожесточенная кровопролитная битва, ибо теперь, когда туркам был отрезан морской путь и дорога к берегу, с отчаяния они стали храбро защищаться, тогда как прежде, когда ветер и течение благоприятствовали им, они не решались подойти, как малодушные трусы, и только издали стреляли из пушек. Тогда галеры беев также вошли в дело. И они поистине держались молодцом и лучше защищались, чем турецкий генерал Мустафа. Стойко держался некий паша (по происхождению грек, отрекшийся от своей веры) ; он обещал султану принести голову венецианского генерала или сложить свою; и, правда, он сделал все, что мог, чтобы отрезать галеру генерала Марчелло, но ему здорово досталось, так что он потерял свое мужество и генерал сам рассчитывал одолеть его, но был убит пушечным ядром вместе с четырьмя другими, стоявшими рядом с ним. Когда лейтенант Цуанни Марчелло увидал это, то скрыл мертвого и поступил мудро, продолжая вести сражение согласно отданным распоряжениям, однако послал уведомить о смерти генерала проведитора армии Барбаро Бадуро, который не замедлил перейти на галеру убитого, занять его место и вести сражение, как оно было начато. В это время Лацаро Мочениго на своей галере «Султания» близко подошел к берегу, чтобы отрезать туркам к нему путь, и от сильного обстрела корабль его был охвачен пламенем, а незадолго перед тем в глаз храброго Мочениго попала пуля. На «Султании» находились различные добровольцы и дворяне; они все до самого низшего удивительно стойко держались; в том числе капитан Цорци Дагукс, монсиньор Эберт, капитан Гремонвиль и Бернадино Капель; двое последних были смертельно ранены. В том сражении сгорел от взрыва голландский корабль «Щит Нассау» , на котором капитаном был Фаустино Рива. Большой голландский корабль «Давид и Голиаф» в жаркой схватке с галерами беев взлетел на воздух от злосчастного выстрела, взорвавшего его пороховую камеру. Он находился так близко от упомянутых галер, что пять из них взлетели на воздух вместе с ним. Нас сильно опечалило несчастье, происшедшее

с «Давидом и Голиафом», на нем погибло 22 соотечественника; было их там 44 человека, а спаслось только 22. Принц часто бросался навстречу опасности, и приходилось силой не допускать его к этому. Вместе с генералом Борри (Borri) на галеасе Марко Рива находился его сын, которого он возил с собой всюду, где предвиделось что-нибудь замечательное. Наконец ночь прекратила это ужасное сражение, однако не надолго, и с наступлением дня мы снова выступили против турок, которые еще защищались, и самой стойкой была их «Капитана». Но адмирал так встретил ее своими пушками, что она в конце концов вынуждена была сдаться, как и остальные.

Когда венецианцы увидели, что адмиральский корабль неприятеля пал, то это придало им необычайное мужество, и они с большой храбростью напали на сарацин, которые в великом замешательстве обратились в бегство и укрылись в своих крепостях; но им постарались отрезать путь, так что уйти удалось немногим. Господин генерал и другие морские герои давно жаждали проявить свою храбрость, особенно голландские капитаны и боцманы, страстно этого желавшие, ибо так долго пришлось ждать появления турок в Константинопольском проливе без всякой свежей пищи, и каждые три дня приходилось наполнять сосуды водой с их берега, чтобы не терпеть в ней недостатка на случай нападения. Вода стоила нам очень дорого, ибо мы расплачивались за нее на турецкой земле человеческой кровью, так как на берегах были разбиты большие лагеря, главным образом конницы. Когда мы приходили за водой, то солдат высаживали на берег под охраною кораблей, галер и галеасов, а в случае, если их разъезды направлялись к нам, наши солдаты стреляли картечью и убивали множество турок. Иногда их нападение было столь внезапно, что мы в беспорядке отступали к своим судам, причем с обеих сторон бывало много жертв. Господин Барбаро Бадуро с мальтийских галер, который перешел на галеру убитого генерала Марчелло, до тех пор умалчивал о его смерти, пока битва не была закончена; она продолжалась весь следующий день до позднего вечера и закончилась полным поражением турок. Венецианские генералы сожгли большую часть кораблей и галер, чтобы не тратить на них лишнего труда, но некоторые они оставили себе на память о доблестной победе, которая обошлась венецианцам в 400 убитых, в том числе знаменитый генерал Марчелло, и множество раненых. Мы не потеряли других кораблей, кроме «Султании», «Давида

Генеральное отступление турок

Полное поражение турок

Потери обеих сторон

и Голиафа» и «Щита Нассау». В то же время мы захватили 18 галер, а мальтийцы—11 кораблей; сожжено было 54 корабля, так что из 97 галеасов, кораблей и галер ушло не более четырнадцати. Кроме того венецианцы освободили 5 тыс. рабов христиан. Число убитых неизвестно, но их несколько тысяч, ибо вход в Дарданелльский пролив со стороны Греции был так сильно забит мертвецами, что я с товарищами с трудом мог пробраться на лодке, чтобы выловить христиан и найти себе добычу, и лодку пришлось тащить как по болоту. Течение согнало мертвецов главным образом к мысу Трои, как будто бы это были льдины, ибо помимо того, что погибли упомянутые военные корабли, несколько сот турок потонуло на своих маленьких судах.

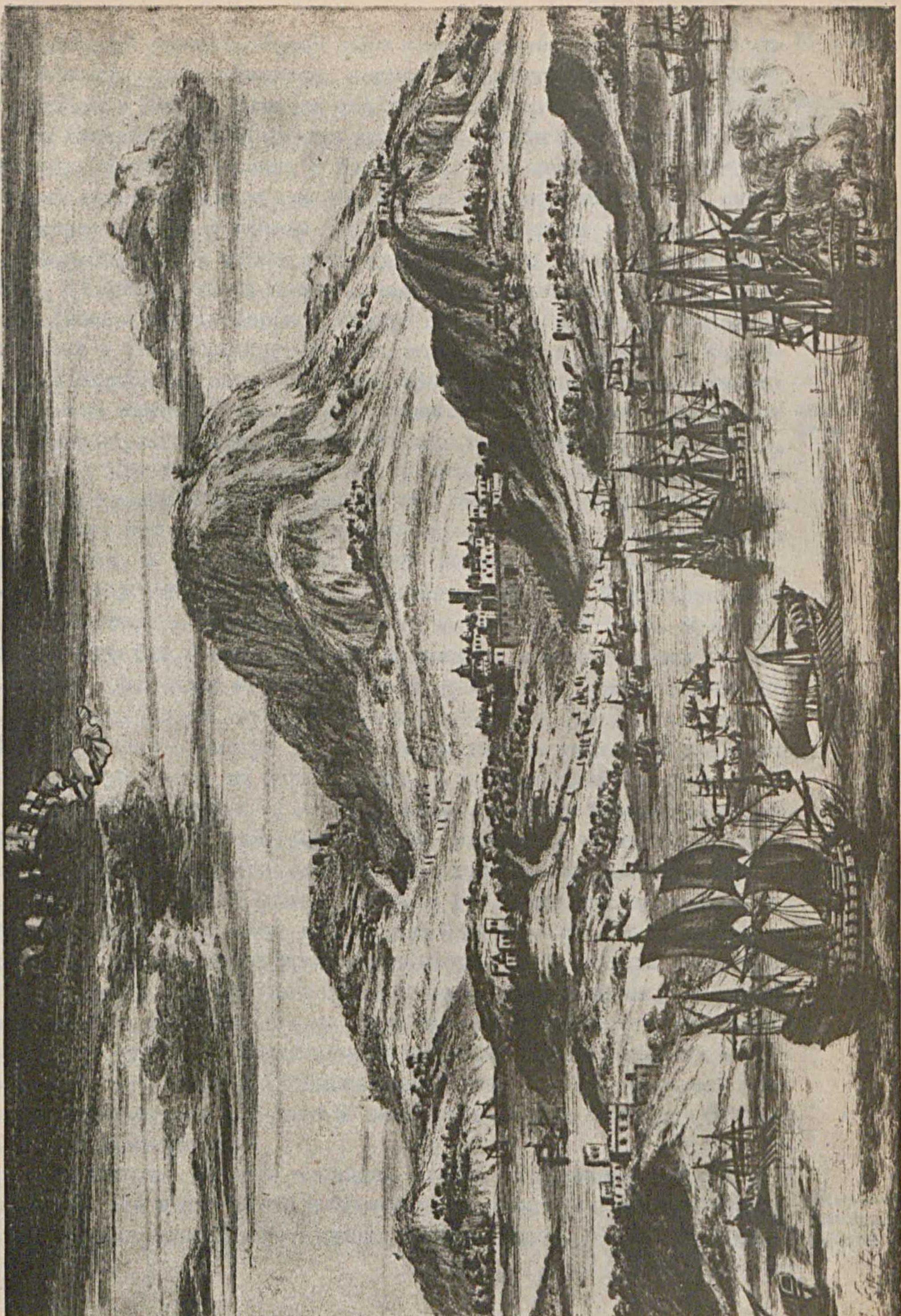
Глава VI

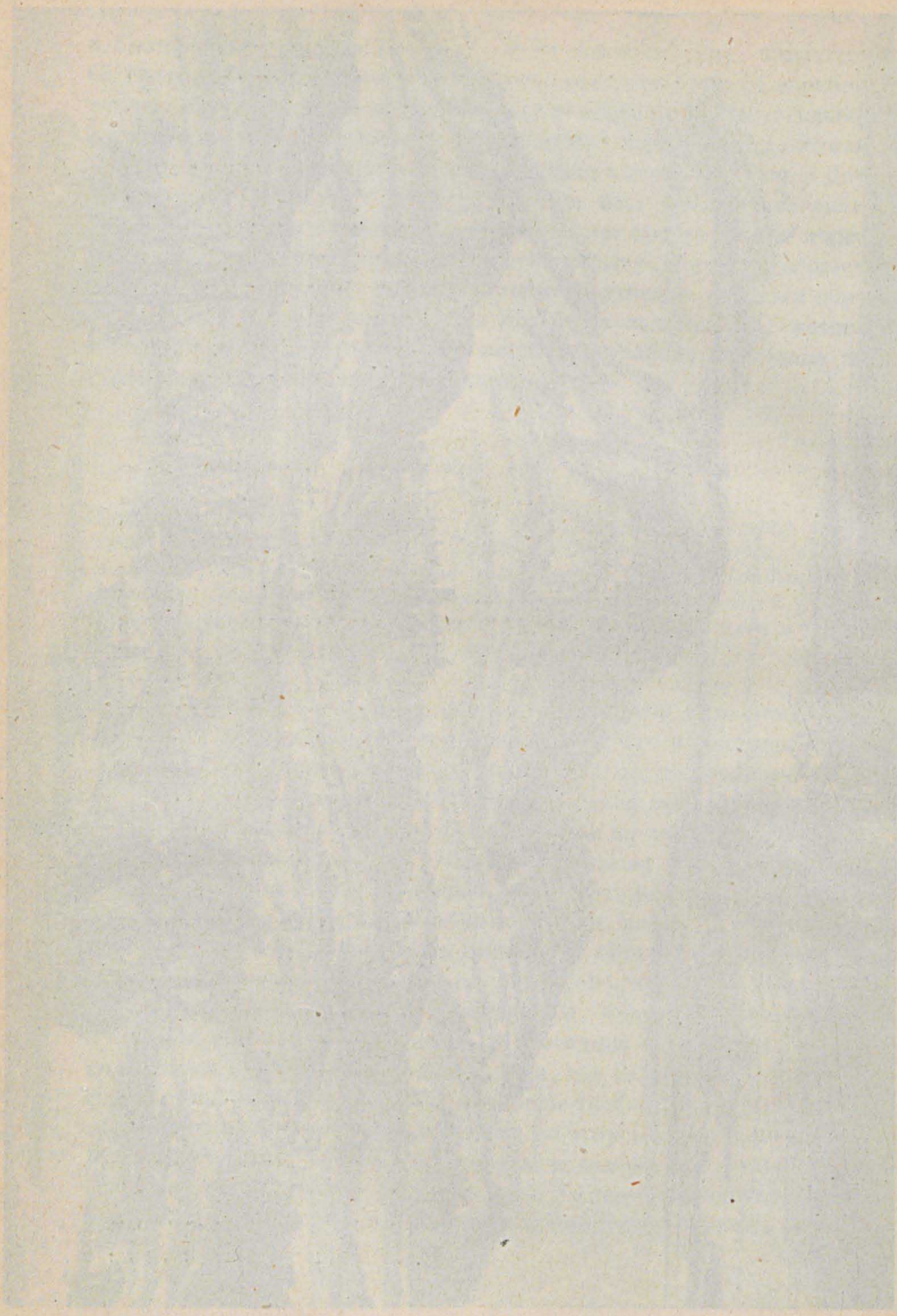
Поход венецианцев на Тенедос, его осада. Сильный обстрел крепостей. Они сдаются. Описание Тенедоса. Описание Лемноса, взятого нами. Правление и состояние нынешней Греции. Прибытие на Самос к Патмосу. Лодка, посланная за свежей пищей, взята турками. Я. Я. Стрейса и шестерых других берут в плен и увозят на продажу. Его снова освобождают.

Поход венецианцев и нападение на Тенедос

ПОСЛЕ блестящей победы раненых и тела генерала и дворян отправили в Венецию вместе с пострадавшими кораблями, мы же пустились дальше за своим счастьем. Вице-адмирал Барбаро Бадуро счел необходимым посетить пришедших в замешательство турок в их логовище и задался целью овладеть Тенедосом. Этот остров лежит с правой стороны Константинопольского пролива и служит поистине ключом к этому городу, и ни один корабль не может войти в гавань или выйти из нее, не подвергаясь опасности обстрела. Там расположены две крепости; одна — на северной, другая — на южной стороне, они весьма искусно построены, окружены больверками и стенами невероятной толщины. Мы осадили их с моря и с берега, но главным образом со стороны гавани, где большая часть нашего флота стала на якорь, так как место было там широкое. Мы усердно обстреливали из пушек эти крепости со стороны моря, но прошло 14 дней, прежде чем турки сдались и выбросили белый флаг, заключив соглашение с условием, что им дадут высадиться на берег; однако всех отступников, которых найдут венецианцы, закуют

Крепость подвергается усиленному обстрелу

и сошлют на галеры. После того как гарнизон, состоявший из бледнокожих турок и мавров, покинул крепость, грекам запретили оставаться в ней на ночь, и они должны были оставить ее. Вслед за тем сдалась без боя другая крепость. Турки называют Тенедос Бухаддэ; лежит он ближе к Анатолии. Это весьма плодородный остров; особенно много там винограда и прекрасных дынь, которые можно найти и зимою. Также много на этом острове скота, а в окружности он имеет семь немецких миль, и по берегу идут горы, в глубине же он представляет собой равнину и легко обозрим. Вице-адмирал Барбаро Бадуро оставил в крепостях Тенедоса гарнизон в 700 солдат из немцев, итальянцев и греков, а комендантом поставил господина Лоредано, венецианского дворянина.

Сдаются

Описание Тенедоса

После взятия Тенедоса мы отправились к острову Сталимене или Лемнос, лежащему приблизительно в пяти милях от Тенедоса, справа от Константинопольского пролива. Это—необычайно красивый и плодородный остров; на нем имеется в изобилии пшеница, горох, бобы, масло растительное и коровье, сыр, довольно много овец, и там собирают много шерсти. Здесь берут землю, которой торгуют аптекари: это собственно род бледнокрасного мела. Жители — греки, но они не имеют права жить в огороженных местах. Главный город назван по имени острова Сталимене, он довольно большой. На острове есть также несколько маленьких городов, как-то: Кондия (Condea), Кохино (Cochino), Пальзо (Palso), Кастро (Castro) и другие, а также 75 деревень по большей части на берегу моря, а в море водится множество рыбы. В наше время на острове была отличная крепость, защищавшая гавань, с гарнизоном в 700 отличных турецких солдат; но так как паша узнал, что Тенедос взят и ему было бы трудно продержаться, то он решил сдаться почти на тех же условиях, как и крепость Тенедоса, ибо подвоз был отрезан. На этот остров также назначили венецианского коменданта, и отсюда разослали для взимания контрибуции корабли по всему архипелагу, которым мы окончательно завладели. Сюда попали и такие острова, которые ранее считались независимыми; большинство греческих островов оказалось в таком ужасном положении, что им пришлось платить контрибуцию и туркам и венецианцам, что было для бедных жителей непосильно.

Описание Лемноса

Также занят

Нынешняя Греция осталась столь же плодородной, как и прежде, хотя могущество и богатство ее упали по причине турецкого владычества и постоянных войн. Народ весьма толковый

Нынешнее положение Греции

и обходительный. Одежда греческих горожан и купцов такова: на голове носят они длинные продолговатые красные шапки со свешивающейся вперед сборкой; некоторые надевают белый тюрбан и бреют голову на турецкий лад, не считаясь с тем, что они не мухамедане; впрочем большая часть их ходит с длинными волосами. Они носят длинные узкие штаны, спускающиеся ниже икр; поверх чулок они не надевают сапог. Халат надевается на персидский лад, но без кушаков. На плечи накидывают длинный халат с длинными рукавами, которые никогда не надевают или делают это весьма редко. Крестьяне носят такие же шапки, как и купцы; их штаны так же широки, как у нас шаровары; их подвязывают повыше колен и шьют из белого полотна или бумазеи. Обычно они носят башмаки и чулки. Жены и дочери купцов постоянно покрывают голову шелковыми или бумажными платками, которые спадают с плеч на спину, как у католических монахинь. Они носят яркокрасные чулки с кантиками и вышитыми клинышками над пяткой; каблуки у башмаков очень узкие, но зато подметки широкие, чтобы было удобнее ходить и стоять. Люди с достоинством и положением носят набрюшники из золотого сукна, а сверху надевают камзолы с рукавами из шелка, длиною до конца живота, посередине их стягивают лентами, под них надевают коротенький халат, который доходит всего до колен. Из-под него торчит рубаха, спускающаяся до икр. На рубахах вышиты птицы, деревья и различные узоры, что весьма нарядно и красиво. Иные поверх всех одежд надевают еще длинный шелковый халат.

Прибытие на Патмос

Мы же, как было упомянуто, отправились за контрибуцией. Пришли сперва на остров Патмос, куда некогда был послан апостол Иоанн и где им было написано «Откровение». Нам показали в пещере одной горы маленькую часовню, построенную, по свидетельству греков, на том самом месте, где апостолу было видение, а также камень, который отверзся и закрылся над его изголовьем. Греки продают кусочки этого камня, их принимают во внутрь, растерев в порошок, против трехдневной лихорадки. Патмос лежит на горе, на нем находится мужской монастырь, называемый Cologieri, где похоронен его основатель Хризольдос (Chrysolodos)[42]; он лежит под 34° северной широты в плодородной местности, густо населен и застроен. Близ него сложен небольшой шанец для отражения морских разбойников, но нам они не противились; наоборот, греки с радостью заплатили контрибуцию, когда услышали, что турецкий флот разбит, но не смели обнаружить это перед кади[43].

Когда мы покончили с делами на Патмосе, то пошли к острову Самосу, лежащему против Смирнского пролива, с тем, чтобы поймать несколько саёк [44] или других турецких судов, и мы завладели двумя сайками, везшими товары. Итак, проплавав взад и вперед в течение нескольких дней, мы отправились к острову Самосу с тем, чтобы и там взять контрибуцию. Когда мы вошли в гавань, то наш командир решил, что перед отъездом нужно запастись свежей пищей и прежде всего пресной водой. Для этого послали на берег меня и еще девятнадцать человек. Половина посланных пошла в деревню купить свежей пищи, а я с остальными должен был натаскать воды в лодку. Едва мы успели снести два боченка, как увидели две бригантины [45] со множеством народа, направлявшегося к нам. Тут мы, смекнув, что это турки, не стали мешкать, но поторопились вернуться в лодку и изо всех сил гребли по направлению к кораблю. Турки были сильнее нас и гребли много быстрее, так что они отрезали нам путь примерно на середине расстояния от берега до корабля (что составляло добрую полумилю), и так как у нас не было никакой возможности достичь корабля, то мы гребли сколько было сил по направлению к берегу. Турки следовали за нами по пятам, и бригантина была уже на расстоянии пистолетного выстрела, почему мы выпрыгнули из лодки и пустились в бегство. Я так устал, что не мог бежать дальше по колючкам и терновнику, спрятался за куст в надежде там схорониться. Когда наш командир заметил, что нам пришлось туго, то приблизился к берегу и открыл огонь по туркам, не перестававшим нас преследовать. Я захотел узнать, не свободен ли путь, и слегка приподнялся; в то же мгновение меня схватили четверо турок. Они связали мне руки и вместе с шестью другими, взятыми в плен, сволокли в бригантину, а когда нас туда доставили, то капитан ее оказался гораздо дружелюбнее, чем мы ожидали. Нас не ограбили, иначе я бы без сомнения лишился 25 дукатонов, бывших при мне. А когда капитан увидел, что мы до смерти перепуганы, то сказал нам: «Эй, люди, будьте спокойны, вам не причинят никакого зла, и вы не будете терпеть никакой нужды, как и мы». Но он отвез нас на Родос с тем, чтобы продать. Но там по случаю свирепствовавшей чумы невольничий рынок был очень скверен, и за нас давали не более ста рейхсталеров. Капитан не хотел отдать своей добычи за столь малые деньги и отвез нас в Хиос, где стояла турецкая армия, считая, что там нас сбыть всего выгоднее; но и здесь ему ничего не удалось. Тогда

Самос

На берег послана лодка за свежей пищей и водой

Турки догоняют нас

Я. Я. Стрейса и шестерых других берут в плен

Были выведены на продажу

мы попросили отвезти нас к нашему кораблю и продать командиру. «Хорошо, — сказал он, — захотят ваши вас выкупить, — пусть, мне все равно, дело только в деньгах, я не спрашиваю о том, кто мне их платит». Тут бригантина свернула к Самосу и стала на виду у нашего корабля, и мы покорнейше попросили командира освободить нас и получили в ответ: «Я весьма склонен, но на нашем корабле немного денег, не более 1 880 рейхсталеров, и освободит ли капитан всех вас семерых за эту сумму, о том мы должны с ним сторговаться». Получив такой ответ в письменном виде, мы были весьма довольны и крайне обрадованы, уверенные в том, что тотчас же освободимся из рук турок. Когда до капитана дошло, что мы получили ответ, то он спросил: «Что нового? Выкупит вас командир или нет?» Мы ответили, что если он не будет запрашивать, то это случится, в противном случае нет. Тогда он потребовал 2 000 рейхсталеров за семерых. Мы испугались такой цены и сказали, что достаточно 800. И наше предложение добросовестнее его притязаний, но он и слышать о том не хотел. Мы прибавили еще 200, но это не помогло. Наконец, он сказал: «Вы можете откупиться за 1 300, но не меньше. Если вы мне сегодня их не доставите, то я завтра уйду отсюда и продам вас кому придется, кто мне больше даст». Мы испугались, что он сдержит свое слово, уступили ему и вывесили белый флаг; вслед затем подошла лодка и, узнав об условиях, вернулась на корабль и привезла обещанные деньги, за которые мы получили свободу, и с радостью сошли в лодку, благодаря бога за столь скорое освобождение. Другие, оставшиеся на Самосе, до тех пор ничем не выдавали себя, пока не пришли за ними после ухода бригантины.

Корабль поврежден

Затем мы снова поплыли в Венецию, и корабль был так залит водой, что день и ночь приходилось ее выкачивать, чтобы вернуться в целости и сохранности. По дороге мы зашли на маленький остров, расположенный по правую руку от города Мадонна (Madonna), ибо не решались дальше плыть по открытому морю. Там мы стали на якорь, чтобы заделать, насколько это было возможно, несколько пробоин и щелей, которые мы считали наиболее опасными. Хороший совет был бы тут дорог, ибо большие гвозди уже не держались. В конце концов я взял на себя это дело, за что мне обещали заплатить несколько рейхсталеров; тогда я велел принести парус, который мы прибили маленькими гвоздями на деревянный брус и намочили так, что он слипся, и крепко за-

били им нос корабля, так что мы избежали большой нужды и опасности, а я получил обещанное мне вознаграждение.

Глава VII

Я. Я. Стрейс снова поступает на венецианскую службу. Прибытие на Корфу. Его укрепления, отличные больверки и шанцы вблизи и вокруг города. Плодородие острова. Прибытие на Цефалонию. Ее плодородие. Положение и укрепления.

Получив в Венеции причитавшееся мне жалование, я снова поступил за 18 гульденов в месяц старшим парусным мастером в венецианский флот, все еще находившийся в Дарданелльском проливе. Мы везли с собой проведитора, и потому нам приходилось приставать почти ко всем островам, подвластным республике, а также к тем, которые должны были платить контрибуцию. Сперва мы пристали к острову Корфу, лежащему под 36° 45′ северной широты. Город на этом острове может считаться одним из лучших приморских городов и крепостей во всей Европе; он обнесен большой и высокой стеной, сооруженной по последним образцам современного зодчества, и снабжен превосходными пушками. Кроме того он укреплен еще двумя фортами; первый из них лежит на береговой стороне и называется Новым Шанцем [46], или Castel Nuovo. Он расположен на вершине высокой скалы и окружен тремя стенами, которые ниже замыкаются пятью хорошими больверками; один из них, лежащий у самого моря, сдерживает напор волн. В крепости трое ворот; из них обращенные к западу называются Порта ди Кастрадо, вторые у моря — Порта ди Мандракко, а третьи ворота — Порта Реале. Ворота эти весьма узкие, и при них находится подъемный мост. Они служат выходом, чтобы, спустившись по нескольким ступеням, выбитым в скале, можно было дойти до другой крепости; благодаря подземным ходам обе крепости могут помогать друг другу и довольно снабжены всем необходимым для обороны. Они расположены примерно в ста шагах друг от друга и не только способны к обороне, но и господствуют над всеми окрестностями; а форт, лежащий у моря, главным образом стережет город. Там множество картаун, отлитых в

Я. Я. Стрейс снова поступает на венецианскую службу

Отличные больверки и шанцы вокруг и вблизи города

самом укреплении. Кроме помянутых крепостей, есть там еще различные другие надежные укрепления, воздвигнутые на утесах, окруженные глубокими рвами, наполненными морской водой. Город Корфу весьма велик и делится на три части: Спилео (Spileo), Урио Нуово (Urio Nuovo) и Спьянато (Spianato). В высоко расположенных крепостях употребляют, как и в Амстердаме, дождевую воду, ибо пресная вода там очень вредна и нездорова. За стенами Корфу находится прекрасный колодец, называемый Кордакьо (Cordacchio); вода в нем прозрачная и хорошая. На этом острове 68 местечек и деревень, все густо населены. Венецианский гарнизон состоял, как было положено, из 900 пехотинцев и 400 солдат легкой кавалерии. Весьма удобная гавань врезается в остров и со всех сторон окружена берегами. На другой стороне находится Бутриато (Butriato), хорошее место для рыбной ловли. На Корфу приготовляют много баттарги — кушанье из икры осетра; ее солят, сушат, кладут в воск, чтобы она дольше сохранилась. На Корфу много деревянного масла [47], также в изобилии там вино, масло, померанцы и лимоны. Жители ведут большую торговлю солью, воском и медом.

Плодородие острова

Прибытие в Цефалонию

После Корфу мы отправились на Цефалонию, где имеется хорошая гавань. Там в настоящее время нет ничего, кроме городка в южной части острова, расположенного на возвышенности, довольно хорошо укрепленного. Мы видели там старые стены трех других городов, которые некогда стояли здесь, а теперь разрушены до основания вследствие междоусобиц жителей.

Цефалония лежит под 38° 29′ северной широты, и на ней построена сильная крепость; на острове хорошо родится коринка, которой главным образом там и торгуют.

Ее плодородие

Остров Цефалония почти треугольный. Его восточная оконечность смотрит на Гларенца (Caap de Clarenza), мыс Морея, или Пелопоннес. Северный мыс, Капо Гвискадро (Capo Guiscadro), лежит против Санта Маура (Stramaura), западный мыс, или Капо Сидро (Capo Sidro), выходит в открытое море. С юго-западной стороны между ним и Гларенца выступает длинная коса неподалеку от города Цефалония и образует там гавань Аргостолион (Argostoli), место стоянки многих судов. В начале залива лежит маленький остров, называемый Гвардьяно (Guardiana). Город расположен на мысу против очень высокой горы и защищен хорошими укреплениями. Кроме того на острове Гвардьяно находится

также хорошая крепость, называемая Нассо (Nasso). Во время сильной жары остров испытывает большой недостаток свежей воды; там мало ключей и пресных вод, но там в изобилии имеется зерно, вино, масло, манна, воск, мед, лен и шелк, которые приносит эта плодородная земля. Там также хорошие пастбища, главным образом для овец, которые здесь водятся тысячами.

Глава VIII

Остров Занте, его укрепления, деревни. Недостаток пресной воды. Хлеб, смоченный в вине. Прибытие на Чериго. Положение острова. Развалины храма Венеры. Прибытие в Кандию, ее положение. Укрепление города, его жители, замечательные дома и церкви. Положение острова и его плодородие. Отличные виноградники, множество плодов, превосходные травы, скот и птицы, изобилие шелка и т. д. Одежда кандийцев, описание Стандии. Лацаро Мочениго разбивает подмогу из Алжира, Триполи и др., берет крепость Цоваши. Турки нападают на Тенедос, их неудача. Турецкий флот выходит из Дарданелл. Начало морского сражения. Султан появляется на берегу с 80 тыс. пехотинцев и 20 тыс. всадников. Турки спасаются бегством. Мужество Мочениго и Бембо. Оба гибнут самым жалким образом. Их галера взлетает на воздух со всеми 400 людьми. Победа венецианцев.

Остров Занте

В ЦЕФАЛОНИИ мы пробыли недолго, ибо проведитор торопился нагнать армию, и мы отправились отсюда на Занте.

Отличная крепость

Остров лежит под 38° северной широты, приблизительно в 10 милях от Цефалонии. На нем довольно большой город с 4 тыс. домов или, вернее, хижин без печных труб из-за частых землетрясений. Но крепость довольно сильна и способна к обороне по своему положению, ибо она искусно построена на почти недоступной горе и снабжена отличными орудиями. У этого острова много разных мысов: на юге Капо дель-Гвардо (Capo del Guardo), на востоке Капо де-Тири (Capo de Tiri), а гавань, расположенная между ними, называется Порто де-Кьето (Porto de Chieto), с хорошей стоянкой для кораблей при глубине по крайней мере восьми клафтеров. На Занте насчитывается 25 местечек и деревень, из которых на берегу моря лежат следующие: Сант-Кьето (St. Chietto), Литакья (Littachia), Пигалакья (Pigalachia), Скуликадо (Sculicado), Сант-Николо (St. Nicolo) и Натте (Natte). У послед-

Местечки и деревни

него — гавань, куда могут зайти свыше ста галер. На горах несколько монастырей греческих монахов. На этом острове живут епископы греческой, а также римской церкви; первых здесь больше, а итальянцев меньше. Здесь также живут евреи, которые зорко следят за тем, как бы на чем-нибудь заработать, и когда прибывают голландские, английские или французские корабли, то идет торговля захваченной у турок добычей или рабами. В общем остров Занте столь же плодороден, как Цефалония, и даже превосходит его по обилию виноградников, но пресной воды там еще меньше, вследствие чего жители при большой засухе и недостатке воды смачивают хлеб вместо воды вином. Здесь заготовляют также очень много баттаржи, главным образом в июле и августе, когда осетры идут из архипелага. Остров густо населен и жители большей частью вооружены и храбро отражают турецких морских разбойников, которые часто нападают на них. Но, чтобы дать им лучший отпор, венецианская республика держит на острове 70—80 вооруженных всадников, которые день и ночь разъезжают по берегу. Мы привезли туда пехотинцев на смену находившимся там.

Недостаток пресной воды. Хлеб, смоченный вином

Прибытие на Чериго

Положение острова

После Занте мы отправились на Чериго, лежащий под 36° 54′ северной широты против мыса св. Анджело (St. Angelo) перед заливом Коклино (Colochino). С другой стороны против него лежит Кандия, не более, чем в 10 милях от него, потому-то турки и говорят, что Чериго—хорошая стража и маяк христианства у входа в архипелаг. В южной части острова на скале стоит отличная крепость, к которой можно подойти только с одной стороны. Город, расположенный там, довольно населен. Нам показали здесь остатки фундамента—все, что сохранилось от храма Венеры, который некогда стоял на этом острове. Местность там гористая, но долина весьма плодородна благодаря источникам пресной воды. Жители — большей частью греки, не считая гарнизона и коменданта; последний — обычно знатный и благородный венецианский дворянин.

Развалины храма Венеры

Прибытие в Кандию

После Чериго мы отправились к знаменитому городу Кандия, лежащему на острове того же названия, который в прежние времена назывался Критом. Он входит в состав архипелага, лежит под 47° северной широты, и длина его с востока до запада приблизительно 50 немецких миль. Остров образует много заливов, самый большой из них имеет 14 миль. На этом острове находятся различные города: Кандия, Канеа (Canea), Ретимо

(Retimo), Ситио (Sitio), Апокоромо (Apicoromo), Кизамо (Chusamo), Мелипотамо (Melipotamo), Карабуза (Garabusa) и много других, а также большое число деревень, которых насчитывается свыше 650. Прежде остров был подвластен Венеции; но в мое время большая часть его попала под ярмо турок, за исключением города Кандии и немногих крепостей, которые еще противостояли оттоманскому владычеству. Городские укрепления часто перестраивались по приказанию новых генералов, которые находили это благоразумным, но город уже с самого начала был прекрасной и сильной крепостью, построенной на таком месте, которое служило естественным укреплением. Кандия лежит в красивой равнине, ее восточную и северную стороны омывает море. У моря стоит прекрасный замок, где можно увидеть все, что только может создать военное искусство. Море наполняет его рвы, и оттуда весьма удобно обстреливать берег и гавань. Из замка можно пройти в город по стене длиной в 20 футов. Город укреплен с внешней стороны отличными больверками и куртинами [48], а также несколькими фортами. Он кажется неприступным, и меня не удивляет, что турки так долго осаждали его, истратили и потеряли такое множество народа и неоценимые сокровища. Город населен по большей части греками; но это только постоянные жители, ибо помимо гарнизона, а также прибывающего и отъезжающего венецианского дворянства, в нем бывает много чужеземцев самых различных национальностей.

Ее положение

Городские укрепления

Жители

В городе мало замечательных построек, если не считать дома генерала, дворцов нескольких вельмож, арсенала и дома епископа, старинной и прекрасной постройки, а кроме того римских церквей, числом восемь, а именно: св. Марка, св. Франциска, св. Павла, св. Георгия, св. Марии, св. Екатерины, св. Рока и св. Тита; первая из них превосходит остальные по своему великолепию и богатству. Однако у греков храмов много больше, но таких невзрачных, что самая незначительная римская церковь превосходит их наилучшую. Можно описать много достопримечательного и редкого в самом городе, но я не хочу тратить свой труд на то, чтобы рассказать о его гарнизоне, осаде и штурмах, происходивших без меня, ибо это подробно описано другими.

Великолепные постройки и церкви

Воздух на острове Кандии довольно умеренный, но на южной стороне жаркий и нездоровый по причине южных ветров, и потому самые значительные города расположены на севере. Почва весьма

Положение острова

плодородна и рождает всякие злаки, о чем можно судить уже по тому, что там снимают урожай два раза в год. Если земля хорошо обработана, то горох, бобы и другие овощи также произрастают в изобилии, но кандийцы кладут гораздо больше труда на поддержание виноградников, которые и приносят гораздо больше выгоды, ибо их вина, белые, красные и мальвазия [49], известны в Италии и во всем мире и считаются наилучшими. В Кандии — два сорта мальвазии, из которых один лучше и вкуснее другого. Лучшую выделывают в окрестностях Ретимо, где варят только что созревший виноград, за чем здесь весьма строго следят. Но в Кандии и Канее дают перезреть винограду с тем, чтобы не варить его, отчего виноград приобретает особый привкус, который очень заметен в их мальвазии. Виноградные лозы так тучны и полны гроздьями, что среди них попадаются весом более 10 фунтов, такого приятного вкуса, что у меня сейчас еще текут слюнки. Все другие плоды больше и лучше, нежели в других местах, встречаются целые заросли лимонных, померанцевых, абрикосовых, финиковых, миндальных, оливковых деревьев и различные сорта яблок и груш. Кипарисовое дерево столь же распространено, как у нас еловое и сосновое, так что из него строят дома, издающие благовоние. Пустая земля, не засеянная злаками и не занятая виноградниками, наполнена приятными запахами превосходных трав, как-то: размарин, тмин и т. п., названий которых я не знаю; кандийцы собирают их для аптек. Даже те растения, которые у нас пахнут [слабо или совсем не пахнут, здесь так приятны, что укрепляют и оживляют человеческое сердце, почему Кандию сравнивают с земным раем. Здесь множество овец, баранов, зайцев, кроликов, кур, куропаток и других птиц, нет недостатка и в рыбе. Много воску и меду, необычайно вкусного, ибо пчелы собирают его с благоуханных почек, цветов и трав; также много здесь шелковичных червей, так что кандийцам их страна дает большие преимущества и выгоды. Есть у них также сыр и масло; но гораздо больше шелку, хлопка, шерсти, воску, меда, вина, уксуса и плодов; большая часть всего отправляется через Венецию в Голландию, Англию, Францию и т. д. Кандийцы не любят трудиться, иначе они получали бы гораздо больше прибыли и выгоды. Они весьма склонны к веселью и охотно пьют вино без воды, как бы оно ни было крепко. Богатые одеваются и живут на венецианский лад; простонародье сохранило греческую одежду и обычаи. Эти люди с большим подозрением относятся к своим женщинам. Они

Его плодородие

Отличные виноградники

Различные плоды

Прекрасные травы

Изобилие шелка, меда и т. д.

Одежда кандийцев

большей частью бреют голову, за исключением пучка на макушке; они носят тяжелые толстые шапки. Крестьяне носят белое полотно, подобно грекам.

После того как мы пробыли некоторое время на Кандии, мы поехали в Стандию — остров, лежащий приблизительно в двух милях от Кандии, совсем не населенный и лишенный всяких припасов. Венецианский флот обычно заходит сюда благодаря удобной гавани, образованной выступами гор. На Стандии мы пробыли недолго и вместе со всем флотом отправились к Дарданеллам, чтобы разыскать турок и заставить их принять бой. Тем временем новый венецианский генерал Лацаро Мочениго имел счастливую встречу с 16 военными кораблями, посланными на помощь турецкой армии разбойниками из Алжира, Триполи, Сале (Zoele) и Туниса после особого приказания и ужасных угроз султана. Они неохотно сражаются, когда добыча даже в случае успеха дается с большим трудом и стоит много крови. Мочениго внезапно подошел к ним вплотную и с такой силой напал на них, что они, охваченные страхом, после пятичасовой схватки с возможной поспешностью обратились в бегство по направлению к турецким гаваням, и пять их кораблей были захвачены, четыре потоплены, а остальные приведены в такое состояние, что им понадобилось много времени, чтобы исправить их повреждения. Вслед за этой победой Мочениго отправился к хорошо защищенной крепости Цоваши (Zouaschi) в Анатолии, разбойничьему гнезду, лежащему близ моря. Он занял ее после небольшого сопротивления, разграбил и велел снести. Отсюда мы отправились в Тенедос. Здесь мы с большой радостью получили подтверждение того, о чем нам писали из Венеции, а именно, что туркам задали трепку у Тенедоса. Они подошли к нему 19 марта с отличным и многочисленным флотом из 33 галер, 3 галеасов и нескольких галеотов [50]. Но в первый раз когда они появились, их отогнал сильный северный ветер, а когда они в другой раз напали с большими силами с суши и с моря, то их так здорово встретили большими картаунами и мушкетами, что они оставили 300 мертвых на берегу, не считая убитых на кораблях. После такого горького угощения они убрались, но и морская вода не пришлась им по вкусу, ибо внезапно налетевшая буря потопила у них 3 галеры и 4 сайки вместе со всем находившимся на них народом.

Описание Стандии

Лацаро Мочениго разбивает подмогу из Алжира, Триполи и др.

Берет крепость Цоваши

Март 1667 г.

Турки нападают на Тенедос, их неудача

Флот простоял месяца четыре под Тенедосом, прежде чем появились турки, что случилось, наконец, 27 июля. Их флот со-

стоял из 33 галер, удивительно большого галеаса, называемого Ройяль (Royale), 9 маон[51], 22 кораблей и 150 саек — все наполненные войском. Сначала преимущество снова было на стороне турок, ибо ветер благоприятствовал им, чем они старались воспользоваться и пытались изо всех сил нарушить боевой порядок венецианцев; но те изворачивались и заняли такое положение, что преимущество ветра перешло на их сторону, и они наконец заставили турок отойти к мысу Трои, чем сражение в тот день закончилось; следующий день был еще ужаснее, ибо ветер (как при прошлогоднем сражении под управлением Лоренцо Марчелло) благоприятствовал христианам. Великий визирь турецкой армии Акем (Acem) соорудил тем временем у Трои два шанца и охранял берег с 80 тыс. пехотинцев и 20 тыс. всадников. Мальтийцы первыми напали на турок. Оттоманы встретили их храбро, возбужденные присутствием султана, который прибыл из Константинополя, чтобы наблюдать за сражением из поставленной на большой высоте палатки. Но венецианский флот, не обращая внимания на тяжелые пушки неприятеля, обстреливавшего водный путь, наступал так сильно, что большая часть турок покинула корабли и галеры и сошла на берег, где визирь делал все возможное, чтобы водворить порядок среди бегущих и вернуть их на корабли, но тщетно. Венецианцы между тем жгли и топили все, что им попадалось, а турки, чем дальше, тем сильнее подавались к берегу. Генерал Мочениго, заметив это, так близко подошел к ним на своей галере, что не мог не пострадать от обстрела, что вскоре и случилось: галера была охвачена пламенем, а он сам вместе с господином Марко Бембо был убит упавшей мачтой. Вскоре после того взорвалась галера с 400 людьми. Кроме того утонула еще одна галера; таковы были потери, понесенные венецианцами. Во время сражения турки также потеряли 2 галеры, 4 маона, столько же кораблей и еще 50 саек. Остальные поспешили сойти на берег, где проведитор Бадуро, который принял командование после смерти Мочениго, так их встретил, что еще несколько галер и кораблей было уничтожено и взято в плен. Сами турки подтверждали, что они потеряли более 8 000 человек. Венецианцы взяли 600 человек пленных, среди них одного пашу. Кроме того было отпущено на свободу около 500 рабов-христиан; после сражения флот отправился в Тенедос, где отдыхал.

Султан на борту

Бегство турок

Мужество Мочениго и Бембо; оба гибнут самым жалким образом

Победа венецианцев

Глава IX

Венецианский флот отправляется в Наполи ди-Мальвазия. Шанец после сильного обстрела сдается. Город договаривается с генералом. Флот отправляется к Санторину. Замечательное землетрясение. Нитяные чулки очень дешевы, а также вино. Я. Я. Стрейс отправляется за продовольствием. Флот отплывает. На остров заходят турки. Я. Я. Стрейсу грозит опасность попасть в рабство. Греки прячут его и отвозят на барке на Эмброс. Прибытие на Иос. Его положение. Развалины храма Аполлона. Прибытие в Митилены. Положение острова и его крепости. Доставляет много мрамора, кипарисового дерева, красного вина, скота и лошадей. Иос — зимняя гавань турецких галер. Сант-Георгио де-Скиро. Делос. Развалины храма, изображение Аполлона, Минервы и Дианы. Крепость на Теносе взорвана собственным порохом. Остров Милос, его положение, гавань, крепости, богослужение, изобилие припасов. Корабль «Принцесса» получил сильные повреждения. Я. Я. Стрейс переходит на каперное судно, покидает корабль и снова возвращается народину.

Венецианский флот отправляется в Наполи ди-Мальвазия

ПОСЛЕ ТОГО, как мы отогрелись и отдохнули, мы вышли на парусах вместе со всем флотом, состоявшим из 36 кораблей, 6 больших галеасов и 40 мальтийских, римских и венецианских галер, и прибыли в Наполи ди-Мальвазия —город, расположенный на восточном берегу Мореи, напротив Капеи, на крепкой скале, вблизи берега, с которым соединяется каменным мостом. На нем стоит редут с двенадцатью тяжелыми орудиями; он служит для защиты города и вместе с тем является фортом. Наш генерал отдал приказ галеасам подойти как можно ближе к мосту и разнести его, что тотчас же было исполнено, и обе стороны весь день так палили из тяжелых орудий, что защищавшие шанец не нашли иного выхода, как во-время удалиться. Заметив это, наши отважились и вывезли оттуда пушки. Другие корабли и галеры, стоявшие близ городских валов, также усердно стреляли и пробили несколько брешей. Мы могли себе это позволить без большого ущерба, ибо огонь их пушек, стоявших на вершине скалы, где была собрана их главная сила, не доставал до нас. Мы стояли так близко от города, что могли бы стрелять по нему из пистолетов. И когда мы в определенном месте пробили большую брешь в стене, то генерал отдал распоряжение, чтобы достаточное число солдат и матросов сошло на берег и к вечеру взяли бы город штурмом. Тогда войска сошли на берег, что заметили осажденные, и видя, что помощь со стороны отрезана, так как мост сорван, а форт покинут, они потеряли мужество

Шанец после сильного обстрела сдается

и выкинули белый флаг. О чем с ними вел переговоры наш генерал, осталось неизвестным. Было ли решено дело деньгами или еще каким образом, мне не пришлось узнать. Однако больше не было выпущено ни одного выстрела, и через 24 часа мы оставили город, хотя он и был в нашей власти и мы могли взять хорошую добычу республике и себе. Всех нас от мала до велика привело в сильное изумление то, что мы покидаем это место, не овладев им, хотя оно было ключом и житницей Канеи, благодаря чему в этот город подвозили все со всей страны, и, отрезав его, легко можно было овладеть им, но книги господ трудно читать простым людям.

Город договаривается с генералом

Замечательное землетрясение

После боя при Наполи ди-Мальвазия весь флот перешел к Санторину (весьма плодородному острову, где прядут тонкие бумажные чулки). В 1507 г. во время страшного землетрясения половина острова погрузилась в море, а в 1653 г. снова при подобном землетрясении опустилась половина того, что осталось, и море поглотило несколько деревень и гор, множество людей и скота. И сейчас еще живет много людей, ослепших от ужасной молнии, сверкавшей в то время. У самого острова и неподалеку трудно достать до дна, да и на расстоянии выстрела из пистолета можно стать на якорь только на глубине 70 или 80 клафтеров, что для кораблей весьма опасно. Здесь можно купить за 6 штюберов на голландские деньги пару нитяных чулок из тонкой пряжи. Вино здесь тоже неслыханно дешево: барилья (Bariglia) (меньше бочки кувшинов на шесть) стоит 1,5 рейхсталера. Все другие припасы также можно получить за небольшие деньги. Это побудило нашего командира послать меня закупить там овец и вина. Деревня, куда я попал, была приблизительно в двух милях от флота. Едва я пришел туда, как услышал выстрел, данный по распоряжению генерала, после чего весь флот должен был приготовиться к отплытию. Я не мог так быстро добраться до берега, ибо прошел две мили в глубь страны, и печально смотрел им вслед, так как мне больше ничего не осталось делать. Я был в большом страхе, ибо остров лежит всего в трех милях от Хиоса, и турки часто навещали его. На другой день пришли две турецких бригантины за контрибуцией. Когда я об этом узнал, то схоронился в кустах, о чем туркам вскоре стало известно через предателя. И они домогались, чтобы греки передали меня в их руки; но те сказали, что я ночью уплыл на маленькой барке, и тотчас же сунули подарок капитану, чтобы закрыть ему глаза и рот и заставить его отступиться. Едва он отплыл, как греки стали бояться новой беды, которая могла бы

Чулки и вино очень дешевы

Я. Я. Стрейс отправляется на берег купить вина и баранины

Опасность попасть в плен

Греки прячут меня

приключиться из-за меня, приложили все усилия к тому, чтобы помочь мне убраться, и отвезли меня на барке, нагруженной всем, что я купил за 2 рейхсталера, к острову Имбросу, где тогда стояла венецианская армия. Наш командир дал грекам дукат за труды. Я был рад, что остался на свободе, а греки были довольны, что отделались от меня; ибо, если бы они меня выдали туркам, то наш адмирал велел бы разграбить деревню, а их взять невольниками на галеры. Турки со своей стороны взяли одного греческого старосту с сынишкой, и беднягам пришлось бы вытерпеть многое, если бы те пошли на крайность. Таким образом этот народ влачит более жалкую жизнь, чем это было бы, если бы он примкнул к той или иной стороне.

Прибытие на Иос

Тут флот разделился, чтобы собрать контрибуцию с греческих островов, во-первых, с острова Стампалиа (Stampalia), или Астропалиа (Astypalaea), а потом с Иоса. Этот остров имеет в длину и ширину приблизительно 5 немецких миль, так что он почти четырехугольный. На юге прекрасная ровная пашня, а к северу местность гористая. Там сохранились различные остатки древнего язычества. На севере стоит еще храм, где молились Аполлону, а теперь это место названо именем св. Сальвадора. На юге также видны развалины здания, воздвигнутого в честь упомянутого идола. Жители — греки (христиане), турки и евреи; большая часть их добывает себе пропитание хлебопашеством и виноградарством, ибо остров весьма плодороден. На востоке лежит город Иос с хорошей гаванью, защищенной от ветра, куда заходят большие корабли. На Иосе попадаются особого вида черные камни, похожие на пробирный камень, который итальянцы называют смерильо (smeriglio) [52].

Его описание

Еще одни древние развалины храма Аполлона

Прибытие в Митилены

Мы посетили Парос (Parus), Лерос (Lero), Имброс (Embrea), Сиру (Psyra) и через некоторое время отправились на Митилены, где у меня остались знакомые с прошлого года, когда мы из Кандии на тартане догоняли флот и где мы, как я уже рассказывал, заполучили хорошую добычу. На этот раз мне представился лучший случай изучить остров и его достопримечательности. Митилены лежат под 48° северной широты, недалеко от греческого берега, и некоторые мысы удалены от него всего на три с половиной мили. Город, названный так же как и остров, лежит на северо-западе, и там же крепость Мелива (Meliva), откуда можно обстрелять обе гавани. Кроме того на острове много укрепленных мест и крепостей. На юге и севере большей частью равнины, во-

Описание острова и крепости

Доставляет мрамор и кипарисовое дерево

сток и запад покрыты горами, в том числе несколько прекрасных мраморных скал. Большая часть их поросла кипарисами. Здесь прекрасные нивы, а также пекут хлеб двух родов, и он гораздо дольше сохраняется, чем морские сухари. Один хлеб называют они Trachana, другой Bouchort. Они выделывают отличное красное вино, которое турки ценят выше других. Там хорошие пастбища, и жители держат много коров и мелкого скота. На Митиленах встречается особая порода мелких лошадей, очень сильных и выносливых. Большая часть населения — турки; здесь живет мало христиан и еще меньше евреев. Галеры султана часто стоят здесь зимой благодаря большой и удобной гавани.

Иос — зимняя гавань турецких галер

Когда мы покончили с нашими делами на Митиленах, то отправились к большому острову Хиосу, но турки навезли туда так много войск, что мы к берегу не пристали, предупрежденные греческим рыбаком, и отправились на Сант-Георгио де-Скиро (St. Georgio de Scyro) — маленький остров, лежащий под 47° 20′. Это почти треугольник. Жители занимаются главным образом возделыванием виноградников. Со Скиро мы отправились на Делос, в настоящее время назваемый Сдилли (Sdylli). Он лежит под 47° северной широты. Здесь многим не разживешься, ибо остров не населен и пустынен. Здесь много разрушенных храмов и алтарей, посвященных богу Аполлону, а также его статуя, разбитая пополам, от которой (как сообщают греки) англичане отпилили лицо. Что еще осталось, видно здесь по моему рисунку. Есть еще три разрушенных храма — Аполлона, Минервы и Дианы, и статуи их еще стоят вместе с несколькими львами и другими неизвестными зверями, высеченными из прекрасного алебастра или мрамора. Большая часть гор представляет собой скалы различного мрамора и алебастра. Там много зайцев, кроликов, но мало домашних животных. Прекрасная гавань часто привлекает корабли, и весь венецианский флот стоял здесь.

Сант-Георгио де-Скиро

Делос

Развалины храма, изображение Аполлона, Минервы и Дианы

Между Андросом (Andros) и Делосом лежит остров Тенос (Tenos), где на очень высокой горе построена крепость, которая повидимому охраняет весь остров. В 1656 г., когда флот стоял у Делоса, на наших глазах большая часть этой крепости взлетела на воздух, когда ужасная молния ударила в пороховой склад. Повидимому часть этого острова так же осела, как и у Санторина. Когда мы там однажды бросили якорь на глубине 26 клафтеров и захотели сняться, то решили, что нам придется расстаться с якорем или отрезать канат, пока наконец не вытащили большой

Крепость на Теносе взорвана собственным порохом

кусок стены. Это произошло между Делосом и Миконосом (Micone). Все, кто с Теноса отправлялся в Делос, должны были омыться в святой воде, в подтверждение чего священники выдавали свидетельство, без которого никто не допускался в храм Аполлона, Минервы или Дианы, какое бы высокое положение он ни занимал. Здесь изобилие винограда, фиников, орехов и других плодов. Жители добывают себе пропитание главным образом продажей шелка, и на острове встречаются целые леса тутовых деревьев для прокорма шелковичных червей. Здесь вяжут шелковые чулки, самые лучшие на всем Архипелаге и в Италии. Мы побывали также на острове Милосе, лежащем под 37° 21′ северной широты. Длина его с юга на север приблизительно 7 миль. Там несколько прекрасных гаваней, в том числе одна на западной стороне, где можно спокойно стоять без якоря и каната, не опасаясь ветров. На острове раскинуты отличные деревни и находятся две крепости. Некоторые жители римского, другие греческого вероисповедания, но говорят большей частью по-итальянски, этому языку обучают детей в школах. И так как здесь часто пристает венецианский флот, то женщины не упускают этого случая и изучают язык при соитии, на что существует большой спрос. На Милосе много рыбаков, и они считаются хорошими моряками. Армия обычно запасается здесь свежей водой, и не только этим, но и хлебом, маслом, солью, воском и уксусом. Здесь очень много меду, и его часто находят в расселинах скал и дуплах деревьев.

Остров Милос, его положение и гавань

Крепости

Жители

Богослужения

Изобилие припасов

И так как мы переходили от одного острова к другому, то наш корабль иногда получал то здесь, то там сильные толчки и повреждения, отчего нашего командора обуял страх, и он каждое мгновение, когда налетали большие волны, опасался кораблекрушения. Он объявил это венецианскому капитану, который вскоре после того перешел с большой частью матросов на другой корабль, а мы были отосланы домой. Мы поспешили как можно скорей отплыть в Венецию, куда мы наконец пришли после стольких трудов и перенесенных опасностей.

Я уволился и тут же снова нанялся на корабль «Святой Ян» (St. Jan), который шел на каперство [53]. Мы отправились в Ливорно; в пути я узнал, что капитан, которого зовут Гармен Беен (Harmen Been), идет по трем дорогам и живет одним разбоем, благодаря чему, как только мы прибыли в Ливорно, я покинул капитана и его корабль, тем более, что он уже начал грабить и сделал своей добычей добро, вверенное ему некоторыми купцами. Опасаясь того,

Я. Я. Стрейс переходит на каперное судно

Покидает корабль

Снова возвращается на родину

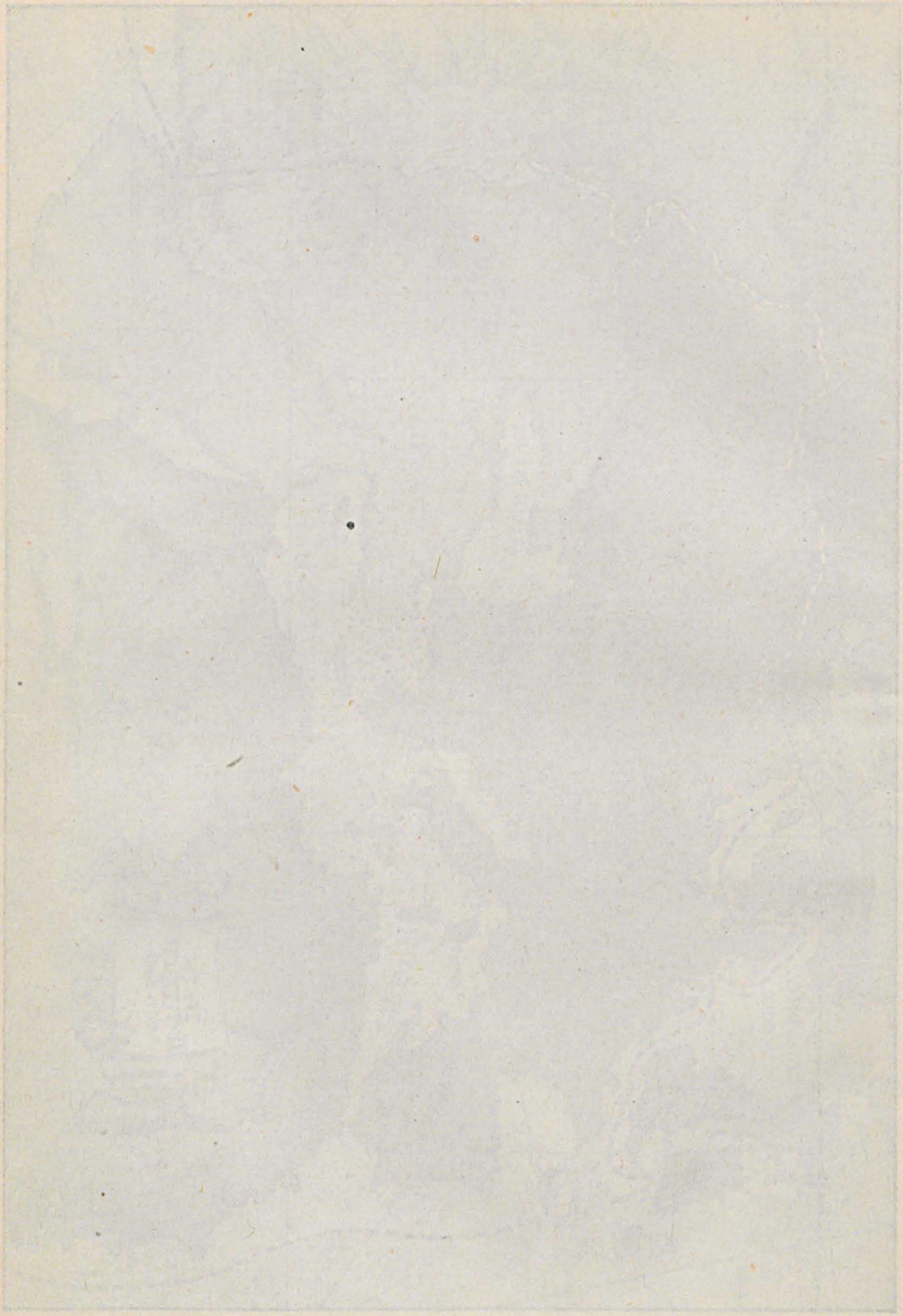
что придется расплачиваться по его счету, я удрал. Гармен Беен тоже почуял, что плутни его могут открыть и решил поскорее убраться; но в то время в гавани Ливорно стояли начальник Виллен фан-дер-Саан (Willen van der Saan) и капитан де-Вильд (Wilde), и ему это запретили; по приказу великого герцога он и его корабль были задержаны и заключены под стражу. Простых матросов отпустили, но капитан пробыл некоторое время в заключении, после чего, когда он попал в Голландию, снова был брошен в тюрьму. В Ливорно я нанялся к Питеру Янс Вельдмейсу (Pieter Jansz Veldmuys) и вместе с ним после стольких перенесенных несчастий и опасностей наконец в добром здравии вернулся на мою долгожданную родину.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

по
ЛИФЛЯНДИИ, МОСКОВИИ
ТАТАРИИ, ПЕРСИИ
и другим странам

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИ ЯСТРЕЙСА
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
НОРВЕГ
АНГЛИЯ
ГАЛЛИЯ
ГЕРМАНИЯ
ИСПАНИЯ
Корсика
Сардиния
Сицилия
ИТАЛИ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Крит
Кипр
АФРИКА
ЛИТВА
УКРАИНА
МОСКОВИЯ
Новгород
Н.Новгород
Тверь
Псков
Москва
Казань
Саратов
Царицын
Астрахань
ТАТАРИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Дербент
АНАТОЛИЯ
Ардебил
Казвин
АРМЕНИЯ
Кашан
Испаган
ПЕРСИЯ
Шираз
Гаммерон
ПЕРСИДСК. З.
Маскат
АРАВИЯ

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава I

Повод и случай к третьему путешествию Я. Я. Стрейса. Нанимается парусным мастером в Москву. Начальники и офицеры, которые едут вместе с ним. Опасное и трудное отплытие. Выход в море. Прибытие в Ригу. Описание города. Отбытие из Риги. Обычаи, домоводство и привычки лифляндцев, их жалкое состояние, ибо они по большей части язычники. Странный и диковинный обычай клясться. Прибытие в Вольмар, его описание. Трудное путешествие по Лифляндии.

Сентябрь 1668 г. Повод и случай к третьему путешествию

ВОЗВРАТИВШИСЬ во второй раз с божьей помощью и милостью после стольких тяжких бедствий домой, я спустя полгода женился и поселился в Дюргердаме, где снова принялся за старое ремесло — парусное дело. Тем временем, отдавшись своим занятиям, я нажил детей, что наводило меня на мысль поискать счастья за пределами моего отечества. Однако к тому не оказывалось случая, вследствие чего я совсем выбросил это из головы и около десяти лет провел дома с женой и детьми.

Но в 1668 г. страсть к путешествиям вновь охватила меня с необычайной силой. Я услышал, что в Амстердаме уполномоченный великого князя Московского [54] набирает людей для его царского величества в плавание по Каспийскому морю до Персии, с тем чтобы лучше и удобней направить доходную торговлю его собственных кораблей и людей, ибо в противном случае товары идут сухим путем, через персов, татар и иных чужеземцев, переходя из

Нанимается парусным мастером

рук в руки не без большого убытка и опасностей. Обещанное жалованье я нашел подходящим, так что наконец отправился в Амстердам, где после долгого торга с Давидом Бутлером (David Butler) [55], нанимавшим людей с тем, чтобы потом их доставить в Москву, сошелся с ним и нанялся старшим парусным мастером, для того чтобы по прибытии в Московию снарядить парусами судно, построенное там; для окончания его отбыло туда около года назад уже шесть мастеров [56]. Я получал ежемесячно 57 гульденов, куда были зачтены и 15 гульденов на довольствие. Простой народ получал 50 гульденов, куда также входили деньги на довольствие.

Нашим начальником был Давид Бутлер из Амстердама.

Ламберт Якобс. Гельт (Lambert Jacobsz. Helt), шкипер, из Стрика.

Виллем Барентс Клоппер (Willem Barentsz Klopper), бывший старший штурман, плотник, шкипер, также из Стрика.

Начальники и офицеры, которые едут с нами

Дирк Питерс (Dirk Pietersz), младший плотник, из Стрика.

Ян Альбертс (Jan Albertsz), младший штурман.

Питер Бартельс (Pieter Bartelsz), старший боцман.

Корнелис де-Фриз (Cornelis de Wries), канонир.

Виллем Виллемс (Willem Willemsz), блочный мастер.

Вигерд Поппес (Wiggert Poppes).

Мейндерт Мейндертс (Meyndert Meyndertsz).

Антони Мюнстер (Anthony Münster), шлифовальщик алмазов. Все — жители Амстердама.

Корнелис Сарис Брак (Cornelis Sarisz Brak), из Фена.

Эльс Питерс (Els Pitersz), из Дюргердама.

Якоб Траппен (Jacob Trappen), Шак (Schak), хирург, — оба немцы.

Якоб Толк (Jacob Tolk) и Питер Арентс (Pieter Arentsz), из Схефенинга.

Сентябрь 1668 г.

Ян Фассели (Jan Fassely), слуга Давида Бутлера.

Шкипер, старший и младший плотник, а также Антони Мюнстер, Якоб Траппен и Тольк, как уже сказано, уехали год тому назад в Москву. Мы же 15 человек отплыли 2 сентября из Амстердама в Ригу на корабле «Авраамово жертвоприношение», снабженные всем необходимым. На другой день мы прибыли в Энкгейзен, чтобы взять 25 ласт сельдей, с чем мы справились в четыре дня и доставили груз во Фли, где ждали попутного ветра в течение восьми дней и в то же время прощались с женами и детьми на пять

лет. Мы вышли при благоприятной погоде и попутном ветре вместе с 50 другими кораблями. Когда мы были еще в Тесселе, поднялся такой сильный ветер, что нам пришлось лавировать. Между тем корабль из Шеллинга неожиданно наскочил на нас с такой силой, что мы едва не утонули. Однако все обошлось довольно благополучно, мы отделались царапиной. Если бы он врезался в бок, то конечно пустил бы нас ко дну. Наш парус оказался разорванным, а оберблинд-мачта корабля из Шеллинга сломанной. Оба судна после столкновения пришли в такое состояние, что зашли в гавань Шеллинг для починки.

Выход в море

20-го мы были снова готовы к отплытию и вышли в море с попутным ветром, который сопровождал нас до самой Риги. Но когда мы вышли из пролива, ветер подул с такой силой, что разорвал наш большой морской парус, что не имело большого значения, а я еще хорошо заработал на починке.

Октябрь 1668 г. Прибытие в Ригу

Первого октября мы бросили якорь в Болдераа (Boldera), гавани или реке Риги, где нас посетили таможенные чиновники, которые обнаружили подлежащие пошлине товары, взяли их с корабля и увезли на берег. Но наш шкипер хорошей взяткой уладил дело, оправдался тем, что это произошло нечаянно, так что они остались довольны. На другой день мы вышли под парусом из Больдераа и были вынуждены бросить якорь на полпути из-за полного штиля.

Описание города

3-го мы все сошли на берег. Мы отправились со своим имуществом в Ригу — большой, хорошо обстроенный город Литовского княжества. Он расположен на открытом ровном месте; с юго-западной стороны протекает большая река Двина (Duna). Рига окружена отличными валами, рвом и больверком, плотно населена, снабжена множеством припасов и ведет оживленную торговлю по ввозу и вывозу летом с Германией, Голландией и другими лежащими за морем странами, а зимой с Москвой на телегах и на санях. К тому же здесь много крупного и мелкого скота, разнообразной дичи, рыбы и лука, так что можно дешево поесть. Жители говорят большей частью на немецком, шведском, курляндском и лифляндском языках. Город был раньше подвластен польскому королю, но 16 сентября 1621 г. он был занят после продолжительной и тяжелой осады шведским королем Густавом Адольфом [57] — и до сих пор подчинен шведскому королевскому дому.

Отбытие из Риги

10-го мы все вместе выехали через песочные ворота из Риги в Псков, погрузив свое имущество на тридцать подвод. В тот день мы доехали до Неймюлена, где заночевали. В этой деревне для переправы лошадей и телег служит большой понтонный мост.

11-го мы отправились в путь и в дороге сломали два колеса у подвод, которые были починены возчиками, так что в тот же вечер заехали в трактир, где и заночевали. На следующий день ехали мы кустарниками и пришли к большому болоту, через него был переброшен мост, на переход которого потребовалось более получаса. Мы проезжали мимо небольших деревень, жители которых были очень бедны. Одежда женщин состоит из куска ткани или тряпки, едва прикрывающей их наготу; волосы у них подстрижены ниже ушей и висят, как у бродячего народа, которого мы называем цыгане. Их домики, или лучше хижины, самые плохие, какие только можно представить, в них нет никакой утвари, кроме грязных горшков и сковородок, которые, как дом и сами люди, так запущены и неопрятны, что я предпочел поститься и провести ночь под открытым небом, нежели есть и спать с ними. Они удивительно стойко переносят всякие лишения, жару и холод, голод и жажду. У них почти нет постелей, и они спят на голой земле. Пища у них грубая и скверная, состоящая из гречневого хлеба, кислой капусты и несоленых огурцов, что усугубляет жалкое положение этих людей, живущих все время в нужде и горести благодаря отвратительной жестокости своих господ, которые обращаются с ними хуже, чем турки и варвары со своими рабами. Повидимому этим народом так и должно управлять, ибо если с ним обращаться мягко, без принуждения, не давая ему правил и законов, то могут возникнуть непорядки и раздоры. Это — очень неуклюжий и суеверный народ, склонный к колдовству и черной магии, чем они так неловко и глупо занимаются, как наши дети, пугающие друг друга букой. Я не видел у них ни школ, ни воспитания, поэтому растут они в большом невежестве, и у них меньше разума и знаний, чем у дикарей. И несмотря на то, что некоторые из них считают себя христианами, они едва ли больше знают о религии, чем обезьяна, которую выучили исполнять обряды и церемонии. Однако здесь и там, как мне передавал в Риге один лифляндский дворянин, кое-кто из них, хотя и редко, с большим трудом продвигается несколько дальше. Большинство — неразумные язычники и предаются идолопоклонству под деревь-

Их жалкое состояние

ями, вырытыми с корнем, с отрубленными верхушками. Эти стволы украшают они лентами, я не знаю какими только тряпками, потом пляшут вокруг и ползают и бормочут что-то все время, чего я не мог понять. В конце концов богослужение кончается необузданным обжорством. Эти крестьяне постоянно клянутся и призывают проклятия на свою голову, но не придают большого значения своим клятвам и нарушают их, едва успев произнести последнее слово. У них в обычае странная клятва: они кладут дерн или дерево на голову, берут в руки палку, клянутся поступить так-то и так и сдержать слово, а не сдержат, так пусть они и их скот сгорят[58]. У них очень много поверий, от чего они едва ли отойдут, и, когда думают их переубедить, они говорят, что соблюдают некоторые церемонии ради чести и выгоды, но тотчас же забывают их и бросают на ветер. Это впрочем народ не злой и обходительный, но невежественный, не сведующий настолько, что они едва ли знают, что существуют страны помимо Лифляндии.

Странный обычай клясться

Мы ехали два дня лесом и много раз с большим трудом переходили через неровные деревянные мосты, а дорога шла все время трясиной, так что лошадям стоило больших усилий вытаскивать порожние повозки.

14-го, подъезжая к Вольмару (Wolmer или Wolmar), мы встретили крестьян на лошадях и телегах, отправляющихся со своим скарбом на торг, который должен был состояться на другой день. Один из наших, которому путешествие не совсем понравилось, попытался удрать, затесавшись в обоз к крестьянам, но капитан заметил это и помешал ему выполнить такое намерение. Вольмар небольшой, но хорошо укрепленный город, окруженный толстой стеной и глубоким рвом, в котором однако круглый год не бывает воды. Там около сорока домов, и, несмотря на то, что городок не велик, в нем довольно много пищи благодаря базарам, которые бывают два раза в неделю. Раньше Вольмар был более значительным городом, но теперь разрушен и опустошен в результате нападений московитов и поляков. Он лежит приблизительно в 18 милях от Риги.

15-го на рассвете мы снова двинулись в путь и проезжали по широко раскинувшимся полям и маленьким деревням. Во многих местностях крестьяне сожгли лес, чтобы засеять землю.

Затем мы снова попали в непроходимые леса, куда не прони-

кало солнце; дорога шла по сплошному болоту и грязи. К вечеру мы доехали до почтовой станции, где можно было хорошо поесть и переночевать, что удавалось нам почти каждый вечер, так как через каждые пять-шесть часов езды были постоялые дворы. Но 17-го, подъезжая к деревне Печоры (Pitsiora), мы не нашли ночлега, и нам пришлось устроиться как попало в открытом поле. Мы добрались до ближайшего леса, нарубили три добрых вязанки дров, сложили и зажгли, чтобы избавиться от мух и холода, ибо никак нельзя было уснуть из-за насекомых, которые водятся здесь в несчетном количестве.

Глава II

Прибытие в Печоры. Напуган медведем. Прибытие в Псков. Диковинная история о голодном медведе. Бедро великана. Развлечения страны московитов. Прибытие в Новгород. Старые права и почести этого города. Завоеван московитами и снова отходит к шведам. Отъезд из Новгорода. Нападение русских разбойникое. Прибытие в Коломну. Обилие волков. Жестокий мороз.

Прибытие в Печору

Октября 20-го мы пересекли границу Московии в деревне Печоры (Pitsiora), там хорошее пастбище и держат много коров, вследствие чего мы получили там много молока и масла, а также яиц и сала, яблок, груш и других плодов. Эта деревня богаче многих городов этого края. Здесь можно купить сукно, шелк и другие товары, и кроме того в ней много ремесленников.

Жители спрашивали нас, не торгуем ли мы жемчугом, либо драгоценностями, либо каким-нибудь товаром.

Стрейс пугается медведя

21-го ехали мы большим дремучим лесом, в котором росло много черники, более вкусной, чем в Нидерландах. Я хотел набрать ягод, забравшись в кусты, увидел, как вблизи от меня вскочил большой медведь, который повидимому здесь спал. Это неожиданное появление так испугало меня, что я упал наземь, но медведь испугался не меньше меня и убежал в кусты, а я охотнее смотрел на него сзади, чем видел его спереди. Это первый и единственный медведь, которого я видел в Лифляндии, хотя крестьяне говорили, что они и их скот часто несут потери от этих ужасных зверей. В тот же вечер мы прибыли в город Псков и остановились на немецком дворе.

22-го расплатились мы с нашими возницами, которые уехали обратно в Ригу. Псков (Pletskov) — большой город, добрых два часа в окружности. Он окружен частью каменными, а частью деревянными стенами. Дома сложены из больших бревен и балок без всякой красоты и великолепия. Но издали город благодаря множеству церквей и башен имеет привлекательный вид; внутри же это не что иное, как жалкое гнездо, которое нельзя сравнить даже с самым незначительным городом Нидерландов. Здесь больше любят деревянные, нежели каменные дома, жизнь в последних будто бы нехороша для здоровья. Поэтому даже знатные господа живут в деревянных домах. Там я разговаривал с одним гамбуржцем, которому рассказал приведенную выше историю с медведем, на что тот отвечал: «Ваше счастье, что вы ушли невредимым: медведи здесь так дики и свирепы, что таскают лошадей, скот и людей, а когда голодны, то вырывают мертвецов из могил». Кроме того он рассказал мне замечательную историю. Я не могу удержаться, чтобы не привести ее. Это было в 1656 г. Неподалеку отсюда голодный медведь забрался ночью в дом и унес с постели матери грудного младенца. Ребенок исчез бесследно и полагали, что медведь им полакомился. Однажды вечером крестьяне заметили медведя, вышедшего на охоту, и стали стрелять по нему; пуля пробила ему насквозь голову, так что он не мог уже подняться. Крестьяне увидели, что это самка с наполненным молоком сосцами; стали искать на другой день в лесу медвежат, рассчитывая, что они, потеряв свою мать, выдадут себя сами по их привычке хрюканьем и ревом. Так рассуждали они, но ничего не заметили, пока не дошли до гор, где к большому удивлению услышали плач ребенка, которого, идя на голос, нашли толстым, жирным и здоровым, лежащим в берлоге, и взяли его с собой. Ребенок, которого я сам видел, до сих пор еще живет в Пскове, где воспитывает его сестра матери.

Прибытие в Псков

Диковинная история о голодном медведе

Помимо этой чудесной истории видел я в пригороде Пскова бедро необычайной величины, в пять футов длины. Бедро принадлежало одному великану, и крестьяне выкопали его вместе с сундуком из-под корней сожженных деревьев; оно находилось в каменном ящике. Это можно увидеть за один стейвер.

Бедро великана

26-го стало холодно, начались морозы и пошел снег, однако мы поторопились с отъездом в Москву, но нам пришлось замешкаться и дождаться подвод его императорского величества. Подводная (Poddewodde) — царская грамота, по которой московиты

должны спабжать нас в том месте, куда мы прибыли, лошадьми, санями, повозками и квартирой; 29-го ехали мы по равнине, верхом и санями, в Новгород. Это путешествие было веселее и приятнее, чем через Лифляндию, потому что тогда мы должны были ехать дремучими лесами и болотами, а теперь проезжали хорошими пастбищами, нивами, конопляными и льняными полями.

Прибытие в Новгород

31-го мы прибыли к большому озеру[59] близ Новгорода. Здесь сошли мы с саней и переправились на челнах, выдолбленных из целых древесных стволов, которые они называют Knoos. Они бывают двух родов: в больших перевезли нашу кладь, в меньших переезжали мы по пять или шесть человек сразу. Озеро весьма широкое, но не глубже пяти-шести футов. Вечером мы прибыли в пригород. Здесь я выучил первую фразу на языке московитов: как называется этот город? или — эта деревня? И я так легко усваивал язык, что за короткое время знал его настолько, что мог объясняться.

Новгород (Novogorod) значит по-московски новый город. Novo — латинское слово, Gorod — московское. Пригород почти также велик, как и сам город, который, судя по разрушенным стенам, в прошлом был сильным и значительным. Прежде имел своего князя и правительство, не подвластное ни царю, ни Швеции, ни Польше, чеканил свою монету, а также владел всем тем, что полагалось законному князю и господину. Честь и слава этого города были так велики, что в соседних краях возникала поговорка:

В старину славный город

кто устоит перед богом и Новгородом?[60] Он был в старину весьма богатым и достоуважаемым городом и складом всевозможных товаров для купцов, но после того как Иван Васильевич (Ivan Vasilowits), великий князь московский, завоевал его в 1477 г., город лишился своего управления, а также привилегий, незавиcимости и прав. С тех пор упала и торговля, но не заглохла, ибо в

Был завоеван московитами

настоящее время в нем собираются купцы, преимущественно из Гамбурга, Любека, Швеции и Дании, которые прибывают по реке Нарве (Nerva) до самого Новгорода. Торговля идет зерном, ячменем, льняным и свекловичным семенем, мехами, коноплей, льном, в особенности юфтью, которую в изобилии изготовляют на месте из шкур. Там очень много скота, и съестные припасы продаются за бесценок, в особенности рыба: лососина или осетр, щука, чебак, карп, линь и всевозможная белая рыба. Новгород окружен деревянными стенами и башнями, с металлическими пуш-

ками; на одном конце города стоит каменный дом (замок) архиепископа, окруженный высокой оградой, где живет он с другими благородными господами. Многочисленные церкви и колокольни, легкие, но прочные, украшают город. Что касается домов, то они строятся плохо. От замка архиепископа идешь по большому мосту, с которого тиран Иван Васильевич велел сбросить тысячу человек в реку. Далее великолепный монастырь св. Антония (S. Anthonis), святого, которого московиты усердно чтут и стремятся убедить всех, что он спустился на мельничном жернове из Рима по Тибру в Волгу и далее до самого Новгорода; здесь он повстречался с рыбаками, с которыми заключил условие на некоторую сумму денег, что ему будет принадлежать все, вытянутое ими в первую тоню. Рыбаки вытащили сетями сундук, в котором были вещи из церкви св. Антония, деньги и книги. После того как это случилось, велел он выстроить маленькую часовню, где умер и был погребен, и по сей день еще можно видеть его тело, от которого совершались и еще совершаются чудеса. Но московиты никого не допускают к нему, кроме своих единоверцев. Насколько рассказ о жернове и прочем правдоподобен[61], пусть решит читатель. В память его московиты воздвигли великолепный монастырь. В 1611 г. город был взят шведским дворянином Якобом де-Лагарди[62], но в 1613 г. после мира перешел к князю московскому.

8 ноября, после того как мы хорошо отдохнули в Новгороде и внимательно его осмотрели, мы продолжали путешествие на лошадях и санях и прибыли после обеда в деревню Бронницы (Bruynitz), где заночевали и утром переменили лошадей. В этот день снег растаял на солнце, и мы сново пересели в повозки, которые нам тотчас предоставили; ночью погрузились и на рассвете продолжали свое путешествие. Вечером приехали в деревню Медная (Miedna); дорога была скверной и трудной, так что изнурила наших лошадей.

10-го проезжали мы по болотистой местности, от одной настилки из бревен до другой; наши повозки часто ломались и быстро чинились московскими крестьянами. Во время поездки мы видели много белок и лисиц; завидев человека, они исчезали. Вечером мы приехали в деревню Ям Крестцы (Gan Krezza), где получили хорошую еду и питье и нам дали свежих лошадей.

В болотах

11-го наш путь шел через густой лес, где навстречу попались нам московиты верхом на лошадях. Они спросили нас, какого мы племени. На что мы отвечали: «Немцы, состоящие на службе императорского величества, везем кладь в Московию». Они нас оглядели и уехали. Мы решили, что эти всадники, не зная о царской службе, напали бы на нас и ограбили, что часто случается с проезжающими по этой местности. Вечером мы счастливо добрались до деревни Яжелбицы (Jasel-Bitza), где заночевали, так как пошел сильный снег.

12-го получили мы свежих кляч, которые везли нас в санях по густому лесу, и вечером прибыли к деревню Ям Зимогорье (Gamzymnagora).

Прибытие в Коломну

13-го мы сменили наших коней и ехали мелколесьем, а потом по обеим сторонам дороги раскинулись поля и луга, насколько хватал глаз. На пути попадались крестьянские домики. Вечером приехали мы в красивую деревню, которая называлась Коломна (Colomna), с такими богатыми и зажиточными жителями, каких мы еще не видали во все время путешествия. Наш пристав[63] (Pristaaf), который говорил хорошо по-немецки, обстоятельно отвечал мне на все мои многочисленные вопросы: таким образом пополнялись мои знания. Он был очень учтивый и любезный человек.

14-го мы отправились дальше дремучим лесом, в котором видели очень много волков, играющих друг с другом. Мы старались подстрелить их, но они убегали, почуяв, что с нами огнестрельное оружие. Наш пристав сказал, что они различают людей, имеющих при себе оружие и не имеющих его, тогда они свирепы и нападают на лошадей и людей. Они прячутся в небольших кустарниках, откуда выбегают, почуяв добычу. Начался сильный мороз, мы сходили с саней и бежали за ними, чтобы согреться.

Жестокий мороз

16 ноября мы выехали рано утром и доехали до деревни Вязьмы (Waizna), и оттуда до станции Ям Валдайка (Gam-Woldoka). Здесь мы пробыли несколько дней, так как все кругом замерзло. Я и мой соотечественник Эльс Питерс надели коньки и стали кататься, вследствие чего сбежался народ, стар и млад, с их священником из деревни, посмотреть на чудесное зрелище, какого они еще никогда не видывали.

Глава III

Стычка с московитами. Восемь голландских купцов, убитых в лесу московитами. Приезд в Тверь. Встреча с московскими разбойниками. Продолжение пути. Стрейс катается на коньках к сильному удивлению московитов. Получение денег из Москвы. Снова в пути. Въезд в город. Хороший прием. Травля диких зверей. Борьба медведей и волков. Сговор и свадьба двух спутников. Смерть царицы. Ее погребение.

Двадцать второго, после того как мы хорошо отдохнули и позабавились на коньках перед крестьянами, нам подали лошадей, и мы продолжали наше путешествие лесом, где видели много белок, перепрыгивающих с ветки на ветку, как птицы. Там же было много куропаток и тетеревов, которых можно было купить за бесценок у крестьян. Вечером мы прибыли в деревню Выдропуск (Wuidra Pusck), где и остановились, но не нашли в ней ни удобств, ни удовольствия, так как это было самое бедное и убогое место на нашем пути. Там же один из наших отнял у московита топор за то, что тот украл у него фунт табаку; беднягу здорово побили, что пришлось не по душе нашему капитану Бутлеру, который полагал, что раздоры с московитами нежелательны. Они скоро это позабыли и домогались получить табак и водку, так что ни жестокое наказание, ни бдительная стража не могли помешать им при случае воровать.

Стычка с московитами

23-го выехали мы еще до рассвета и ехали по густому хвойному лесу. Здесь увидали мы несколько могил, где, как нам сказали, похоронены восемь голландских купцов, убитых разбойниками. За лесом пошли луга и поля, а вдоль дороги стояли крестьянские дома. Вечером приехали мы в маленький город Торжок (Torsiok). Он весьма населен и красив, оттого что в нем свыше тридцати церквей и часовен. Здесь мы сошли с саней, выгрузили их и перенесли вещи в лодки, в которых поехали вниз по реке в Троицко-Медное (Troezka Miedna), где закупили свежей рыбы, яиц и масла. Поздно вечером мы приехали в город Тверь, где протекает большая река Волга, впадающая в Каспийское море. Тверь немного больше Торжка. Город расположен на холмике, на правом берегу реки Тверцы (Tweer), по которой он и назван. Здесь протекает большая река Волга, оба потока сливаются вместе с ужасным шумом. Мы остановились на постоялом дворе за городом; а город сам не велик, в нем всего 50 домов, обнесен он деревянными сте-

Восемь голландских купцов, убитых московитами

Прибытие в Тверь

нами и башнями, снабженными четырьмя медными пушками. Здесь мы опять погрузили наши вещи на сани и въехали в лес.

Здесь встречают нас два московита

Как только мы немного отъехали, нам повстречались два московита, которые с большой наглостью подошли вплотную и намеревались затеять ссору. Чтобы предотвратить это, мы посторонились; но они не отступили, говоря: «Мы у себя дома, вы — чужеземцы и становитесь нам поперек пути» и т. д. Мы ответили, что состоим на службе его царского величества, что дорога одна как для нас, так и для них, что мы даем им свободный проезд и хотим того же. Но они не были согласны и опять приблизились к нам так, что мы прогнали их палками, чтобы освободить себе путь. Невзирая на это, они подошли к нам так близко, что капитан храбро отразил их своей испанской тростью, отчего они отпрянули назад и сразу же подбежали с топорами. Еще немного, и мы бы открыли стрельбу, но отказались от этого, потому что против этого был наш начальник, и мы натравили на них нашу большую собаку, которая не отстала, пока не вцепилась в одного из них, сбила с ног и порвала в клочья его платье и нет сомнения разорвала бы его самого, ежели бы мы не оттащили собаку силой. Когда его товарищ увидел это, то пустился бежать во все лопатки, а собака, оставив первого, бросилась вслед за ним с такой быстротой, что скоро схватилась с ним. Московит хотел отделаться от собаки топором, но она предупредила его, вцепилась в него и, дав ему попробовать остроту собачьих зубов, вернулась к нам. Освободившись от негодяев, мы отправились дальше и прибыли к ночи в деревню Городню (Gorodna).

Снова отправляемся в путь

24-го переправились мы через две реки у деревни Завидово (Sawidowa) и вечером приехали в деревню Спас-Заулок (Saulka Spaz), где и остановились. Нам нужны были свежие лошади, и мы были ошеломлены столкновением с московитами, которые в словесной перебранке поносили нас такими гнусными и позорными словами, что мне стыдно приводить их здесь. Наконец после долгих споров мы получили лошадей и сани и продолжали наше путешествие. 25-го ехали целый день по равнине и к вечеру прибыли в большую деревню Клин (Klien). Здесь оказалось, что деньги наши расстаяли, и так как с нами еще был десятидневный запас мяса, сыра и масла, капитан счел нужным остановиться здесь, пока не будут получены деньги из Москвы, за которыми на следующий день 26 ноября была послана почта. На этой остановке я и Эльс Питерс снова катались на коньках. Московиты

были удивлены и высказывали вслух свои суждения: «Не крутит ли вас дьявол с такой быстротой, и почему вы стоите, не падая, на таком тонком железе?» Но наконец некоторые отважились испытать это удовольствие и так немилосердно расшибались, падая через голову, что мы были уверены, что они переломали себе руки и ноги. Лед был ровным и крепким, но тонким из-за быстрого течения, так что наш бедный Эльс провалился, когда мы отбежали немного дальше. Я хотел ему помочь, но лед провалился и подо мною, и я тоже начал барахтаться. Я, правда, спасся сам и довольно ловко выбрался из проруби, так как хорошо плаваю, но мой товарищ то выплывал, то нырял и начал тонуть; увидев, что он долго не выдержит, я снова прыгнул в воду, чтобы его спасти, и мы наконец вышли из беды. После забавы мы приняли холодную ванну, и вода с нас текла ручьями, когда мы спешили на постоялый двор.

4 декабря прибыли долгожданные деньги из Москвы со слугой господина Сведена, двоюродного брата капитана Бутлера, с известием, что этот господин находится при смерти. Это ошеломило нашего капитана, решившего тотчас же отправиться с почтою в Москву, что он и сделал в тот же день, приказав нам следовать за ним, как только установится хорошая погода. Тем временем выпал сильный снег, и мы были вынуждены остаться до 10-го в Спас-Заулке. Днем прояснилось, и мы, погрузив свои вещи в сани, тронулись в путь. Дорогой мы переправились через две реки, на что ушло много времени, потому что плоты, на которых мы переезжали, были весьма малы; на них не помещалось сразу более четырех саней или повозок с лошадьми. Поздно вечером мы прибыли в деревню Черкизово (Serkisowo), где и заночевали. Тем временем наступил такой мороз, что мы не могли сидеть в санях и часто сходили, чтобы согреться бегом. Декабрь 1668 г.

11-го ехали мы кустарниками, и из можжевельников выбегали красивые лисицы. Мы проезжали деревню Никола Деревянный (Nicolo Direveno)[64]. Отсюда при хорошей погоде видна была Москва, куда мы сильно стремились. Мы торопились с ездой, тем более, что становилось все холодней. Наконец вечером мы въехали в пригород, где остановились на ночь. Здесь нас ждало известие от Якова Траппена, который тоже работал по корабельной части, что господин фан-Сведен умер и что корабль почти достроен.

12 декабря рано утром въехали мы в Москву, ради которой Прибытие в Москву

так намерзлись. Нам отвели квартиру неподалеку от дома господина фан-Сведена. Нашей хозяйке гости не понравились, и она отправилась к разным господам с покорнейшей просьбой перевести нас в другое место; но ее так приветливо встретили, что она вернулась с окровавленной головой, посиневшая от побоев. Придя домой, она упала на колени перед доской, на которой был нарисован св. Николай, усердно молилась и пролила много слез, которые текли по ее щекам. Покончив с молитвой, она встала и ждала помощи своего святого; но ей пришлось запастись терпением на две недели, в течение которых мы поддерживали тепло в горнице. Насколько недовольна была жена, настолько радовался муж, когда мы изредка угощали его водкой. Добрая женщина была достойна сожаления, ибо ей все время приходилось топить печь и готовить, не получая ни гроша за труды и хлопоты.

27-го было приказано, чтобы мы все во главе с капитаном Бутлером перешли в квартиру покойного господина фан-Сведена. Тут нашли мы больше удобств, чем в нашем первом жилище, ибо нам предоставили большую комнату, которая топилась днем и ночью, что было весьма кстати при здешних больших и жестоких морозах. Мы достали много сухих дров, которые могли жечь даром. Мы пробыли здесь около трех недель, и каждый кормился, смотря по карману.

Январь 1669 г.

Наконец мы получили приказ спешно выехать к месту судостроения, чему мы весьма обрадовались, потому что нам хотелось поехать в Астрахань и продолжить наш путь через Каспийское море в Персию, ибо в Москве мы занимались только тем, что проедали деньги.

19 января 1669 г. мы отвезли все добро на судно и поехали в деревню на расстоянии полумили от Москвы[65].

Травля диких зверей

Там жила сестра его царского величества в огромном дворце, выстроенном из одного только дерева, однако весьма красиво и на чужеземный лад. При дворце было обширное место для боя зверей, и нам посчастливилось увидеть травлю медведей и волков, на которую приехали в санях его величество и высшее дворянство. Место это было огорожено большими бревнами, так что зрителям, которых было несчетное множество, удобнее было

Борьба медведей и волков

наблюдать стоя. Перед травлей мы увидели около двухсот волков и медведей рядом с огромной сворой собак. Диких зверей привозили в прочных клетках на санях. Его величество и знать стояли на галлерее дворца, чтобы следить за зрелищем. По знаку вы-

пустили нескольких волков и медведей, на них бросились собаки, и началась свалка; одни падали мертвыми, другие ранеными. Среди зверей находились московиты, направляли их и отводили тех, кто долго грызся, обратно в клетку. И свирепые звери, только что ужасно бесновавшиеся, позволяли вести себя, как ягнята.

Сговор и свадьба двух спутников.

23 февраля состоялась свадьба нашего товарища Корнелиса Саарсхен Брака (Cornelis Saarshen Brak) из Фена, который повенчался в немецкой церкви в слободе (Slabode)[66] со служанкой господина фан-Сведена, по имени Мария Янс (Maria Jansz), дочерью татарских родителей, которая вместе со своей родней приняла христианскую веру и крестилась в голландской церкви; и все они так хорошо говорили на нижненемецком языке, как будто бы родились немцами. Невеста долгое время жила у одного проповедника, читала святое писание и знала наизусть все псалмы. Она была сиротой и должна была найти кого-нибудь, кто бы заменил ей мать во время венчания и свадьбы, кого почитала бы, как крестную мать. Я был посаженным отцом жениха. После того как их повенчали по голландскому обряду, мы, отец и мать, устроили пир, как велит местный обычай, и веселились три дня подряд с друзьями невесты и моряками. Наш рулевой играл на скрипке, под которую танцовали по-польски и по-московски. Через неделю повенчался еще один из наших товарищей, Яков Траппен с Елизаветой Питерс (Elizabeth Pieters) из Любека, служанкой доктора медицины, проживающего в Москве. Это совершилось в лютеранской церкви, и на этой свадьбе мы не так веселились, как на предыдущей. Обе женщины последовали за нами в Астрахань.

Смерть царицы

13 марта ее сиятельство императрица московская почила в бозе, что повергло в великую печаль его царское величество и великих князей. Она умерла от родов молодой княжны. Здесь не пришлось дожидаться похорон так долго, как это принято во Франции, Испании, Италии и других королевствах при смерти высочайших лиц; ее похоронили на другой день с большой пышностью и великолепием; вдоль дороги от дворца до кладбища стояли рядами солдаты, но никто из них не провожал тело. Множество богатых горожан шли по-двое в глубоком молчании. Тело лежало в гробу под балдахином из дорогого шелка, гроб несли восемь человек. За гробом шли дворяне, каждый с большим мешком денег, отказанных ее величеством на смертном одре бедным. За

Ее погребение

ними следовали его величество и его сын, наследник престола, весьма опечаленные и бледные. Их вели под руку бояре. Оба были в шубах из чернобурой лисицы, мех которой считается самым ценным в этой стране, и без всяких украшений. Шли бояре, князья, важнейшие дворяне и посланники различных государств и правительств со своей свитой, и каждый был одет по обычаю своей страны. Похоронную процессию замыкали богатые горожане и немецкие купцы. Ее похоронили в женском монастыре близ Фроловских (Frolofsky) ворот[67]. Она была богобоязненной царицей, преисполненной христианских добродетелей, и славилась добрыми делами, а также была очень плодовитая и оставила его величеству и стране большое потомство.

Глава IV

Положение города Москвы. Различные части города. Китай-город — первый город. Обилие церквей и монастырей. Высокие колокольни. Необычайное послушание московского дворянина. Чудесный большой колокол. Церковь Иерусалимская. Царь-город — второй город. Скородом — третий город. Стрелецкая слобода — четвертый город. Число домов в Москве. Большой пожар в городе. На какой широте расположена Москва. Сильные морозы. Местная болезнь. Плодородие Московии. Избыток скота и диких зверей, птиц и рыбы. Отличительное плодородие отдаленных местностей.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ мы против нашей воли задержались в Москве, чем я воспользовался для того, чтобы осмотреть город и его положение и рассказать об этом по своему разумению читателю.

Март 1669 г. Положение города Москвы

Москва — столица Московии, государства великого царя московского, владения которого простираются не только по Европе, но и в Азии, заканчиваются на севере Белым морем (Petzorka), на юге Каспийским морем, омывающим земли крымских, ногайских и казанских татар; на востоке простираются до большой реки Оби (Oby), самоедов (Samojeden) и других татарских земель; на западе — граничат с Польшей, Лифляндией и Швецией.

Город Москва получил свое имя от реки Москвы (Moscua) и лежит под 50° 37′ северной широты. Город велик и достигает 9 часов в окружности. Раньше до того, как он был взят и опустошен та-

тарами, город был в два раза больше. Множество церквей и колоколен делает Москву весьма красивой. Город делится на четыре части, а именно Китай-город (Kitaygorod), или средний город, Царь-город (Zaargorod), или государев город, Скородом (Skorodom) и Стрелецкая слобода (Strelitza Slowoda). Китай-город назван первым, хотя он лежит посреди других, окруженный каменной стеной, которую называют красной стеной (Crasna Stenna). С южной стороны протекает река Москва, с северной Неглинка (Neglina), которая впадает в Москва-реку за дворцом великого государя. Большую часть Китай-города, которую москвичи называют Кремль (Crimgorod), занимает дворец с теремами и церквами, и, помимо стен с бойницами и равелинами, его защищают множество медных пушек и лучшие солдаты. Среди этих зданий в самой красивой церкви висит серебряная люстра, которая несколько лет назад была прислана в подарок его величеству посланником генеральных штатов. Кроме того там есть также большая и прекрасная церковь св. Михаила (S. Michel), в которой погребены тела умерших царей, цариц и царских детей. Потом церковь Троицы (Troitsis Maria) и св. Николая (S. Nicolaas). Это самые большие, а всего их в Китай-городе насчитывается 56. В Кремле два красивых монастыря: для юношей и девиц. Первый я скорее назвал бы школой для благородных, нежели монастырем, потому что там почти нет других детей, кроме детей бояр и знатных людей, которых отдают туда, чтобы они не попали в дурное общество, а научились бы хорошим нравам. Достигнув шестнадцати лет, они могут покинуть монастырь, но девицам это не разрешается; они на всю жизнь должны остаться монахинями. Посредине двора стоит высокая колокольня, названная москвичами Иваном Великим (Ivan Velike), большая, покрытая позолоченной медью. На эту высокую колокольню (как я слышал от некоторых благородных людей) взошел однажды царь Борис Годунов (Boris Gudenow) с посланником шаха персидского, чтобы посмотреть на город и окрестности. Между тем заговорили они о послушании и почете, которым пользуются оба величества не только со стороны простого народа, но и знати. На это царь сказал: «Мои подданные верны мне до самой смерти; ежели бы я приказал кому-нибудь броситься с этой колокольни, он бы не колебался ни на мгновение». Он повелел позвать одного знатного боярина, который тотчас же явился. Царь спросил, не сослужит ли тот ему службу в его честь. Боя-

Различные части города

Китай-город — первый город

Обилие церквей и монастырей

Высокая колокольня

Необычайное послушание московского дворянина

рин трижды поклонился в пояс и сказал: «Да, государь, даже если это мне будет стоить жизни». Царь сказал: «Бросься же с колокольни». Боярин едва услышал это, тотчас же, не раздумывая, бросился вниз, хотя его величество намеревался лишь испытать боярина и во-время удержать его. Похоронили его с царским великолепием, а сироты, ради великого послушания покойного, были награждены почестями и службами.

Недалеко от Ивана Великого стоит другая колокольня с весьма толстыми балками, где висит чрезвычайно большой колокол, весом в 394 000 фунтов; один язык весит 10 000 фунтов.

Очень большой колокол

Колокол в 23 фута ширины, толщина стенок 2 фута и, чтобы звонить с него, нужно по 50 человек с каждой стороны. В него звонят редко, по большим праздникам и при въезде иностранных послов, и звон так оглушителен, что дрожит земля [68].

За дворцом, вблизи от него, находятся палаты знатнейших бояр, среди которых самый красивый и великолепный дом принадлежит патриарху. Вне Китай-города, перед дворцом, стоит богато и искусно построенная церковь, каких я не видел в своих путешествиях, и говорят, что она создана по образцу Иерусалимского храма, по имени которого и название [69]. Около этой

Церковь Иерусалимская

церкви большой рынок с множеством лавок, различным купечеством и всевозможными товарами. Каждый товар продается в отдельном ряду так, чтобы люди одного ремесла и продавцы снеди были рядом друг с другом [70]. В этой части города живут самые богатые купцы, князья и знатные люди, большей частью в каменных домах, чтобы вернее уберечь свою торговлю и товары от пожаров.

Царь-город — второй город

Вторая часть города, Царь-город, окружает Китай-город в виде полумесяца толстым валом, который называется у москвичей Белой стеной (Biela Stenna). По Царь-городу протекает река Неглинная. В этой части города стоит литейный дом его величества, где отливают колокола и пушки. Здесь же находятся конюшни его величества, рынки, на которых продают волов и прочий скот, а также мясные лавки, или ряды, где помимо того, что продается у нас на родине, торгуют и конским мясом. Кроме того зерно, мука и прочие съестные припасы здесь в изобилии.

Скородом — третий город

Третья часть называется Скородомом [71]. Он охватывает Царь-город с восточной, западной и северной стороны. Здесь находится рынок, где по дешевой цене можно купить большой или ма-

ленький дом, состоящий из бревен, которые легко складываются и разбираются. И несмотря на то, что два или три раза в неделю возникают пожары, погорельцы не терпят большой нужды и убытков, разве только если в доме были сложены товары, так как домашняя утварь московитов проста и стоит недорого. Ежели у кого дом сгорит до тла, тот может сразу же купить новый. На пожарах из предосторожности поспешно разбирают соседние дома и переносят их на новые места.

Четвертая и последняя часть называется Стрелецкой слободой[72], расположена за Москвой-рекой к югу, в сторону Татарии. Эта часть города укреплена не только деревянными, но и земляными больверками. Здесь живут царские солдаты, или стрельцы (Strelitzen), отсюда и название места.

Стрелецкая слобода — четвертый город

В названных четырех частях и пригородах (как говорят многие московиты и другие достойные доверия лица) примерно 95 000 домов, кроме царского дворца и всего к нему относящегося; сюда входят 1 700 церквей и монастырей, где совершается служба[73].

Число домов в Москве

Среди такого множества домов весьма мало домов каменных. По большей части, как я уже сообщил выше, дома московитов деревянные с большими кафельными печами, и часто по причине их великой неосторожности накаляются до того, что весь дом и двор попадают в печь. Примерно за шесть недель до нашего прибытия прошло сильное опустошение, когда тридцать или сорок тысяч домов были охвачены пламенем и сгорели до тла, что причинило невероятные убытки московитам, а еще более немцам[74]. Огонь распространялся с такой быстротой и был столь ужасен, что, несмотря на то, что снесли многие дома, он перебрасывался на дальние постройки; потушить и пресечь пожар было весьма трудно. Его величество приложил все усилия, чтобы потушить пожар, разослав во все части города наряды стрельцов. При недостатке воды на московских улицах они разбирали в первую очередь ближайшие дома, чтобы пожар не мог распространиться. Улицы в городе широкие, но не мощеные, как и во всей стране, вследствие чего после сильных дождей нельзя было бы перейти улицу, если бы московиты не настелили местами балок и не перебросили мосты через канавы. То же самое летом и в оттепель; такая илистая и скользкая дорога, что тонешь по колена в грязи; поэтому все мужчины и женщины вынуждены ходить в сапогах.

Большой пожар в городе

Воздух этого края, особенно в северных областях, с трудом переносится чужеземцами, оттого что зимой весьма холодно, а летом зачастую весьма жарко. Морозы здесь так жестоки, что даже местные жители страдают от них при переездах, хотя они и укрывают нос и уши в меха. В Москве часто можно встретить человека без носа и ушей, это случается оттого, что они входят в жаркую комнату с трескучего мороза. Можно предупредить такое несчастье, растирая снегом отмороженные части тела, пока они не согреются, и после того теплая комната безопасна. Мороз нередко так свиреп и жесток, что в земле появляются большие трещины[75]. Летом, напротив, земля горит от зноя, а над болотами подымаются зловонные испарения, вследствие чего в воздухе появляется множество мух и комаров, от которых трудно уберечь лицо. Однако ничего не слышно о чуме, а распространена другая повальная болезнь, называемая московитами горячкой, когда человек испытывает мучительную боль в голове и внутренностях и умирает через несколько дней. Прежде это бедствие было еще страшнее, так как московиты не прибегали к докторам и медикам и оставались без всякой помощи, тогда как теперь они пользуются врачами и помогают природе.

Местная болезнь

Плодородие Московии

Почва Московии тучна и плодородна, гораздо более чем в Лифляндии, так что граница, разделяющая эти страны, весьма заметна. Пшеницу, рожь, ячмень и овес сеют около Иванова дня; в беспрестанной жаре все так быстро созревает, что в общем семь-восемь недель уходит на то, чтобы посеять и собрать жатву. Здесь много гороху, бобов, огурцов, тыквы, огромных и вкусных дынь, вес которых доходит иногда до сорока фунтов. Много вишен; слив, различных яблок, груши других плодов. Между прочим есть один чудесный сорт яблок, прозрачный, с тонкой кожицей, так что видишь семечки, весьма вкусных, только они немного водянисты. В Московии произрастает также много льна и конопли, которыми она снабжает почти всю Европу; собирают много воску и меду, набранного пчелами в дремучих лесах и кустарниках, что приносит большой доход московитам. Прежде мало обращали внимания на розы и благоуханные цветы[76], но теперь разводят сады не только при дворце царя, но также вельмож и дворян, и их сады так хорошо снабжены, что в Москве можно найти почти все произрастающие в Европе растения, кроме винограда. Вино ввозят из Голландии, Англии и других стран в таком количестве, что они считают ненужным

разводить виноградники [77]. Металлов там нет никаких, кроме железа.

Московия богата травой, мелким рогатым скотом и всевозможными зверями, кроме оленей. Соболей, куниц, лисиц и других там так много, что их хватит на весь мир. Кроме того много хищников, прожорливых волков, страшных медведей, которые бросаются на людей и скот на дороге и пожирают их, а зимой, когда из-за снега трудно добывать пищу, они подкапываются под дома и хлева и уносят скот и людей. Несчетные множества птиц — жаворонков и зябликов, которых местами так много, как комаров, их не едят, не ловят и не замечают; их истребляют и уничтожают соколы, коршуны, ястребы, ягнятники и другие хищные птицы. В реках, прудах и озерах изобилие рыб, которые здесь весьма дешевы. Из всего сказанного ясно, что московское государство способно обеспечить и прокормить своих жителей. Одна область плодороднее и лучше другой. Земля Владимирская (Wolodimir) очень плодородна; осьмина ржи дает сам-двадцать или двадцать пять. Однако рязанская земля (Rhesan) плодороднее; там из каждого зернышка вырастает по крайней мере два колоса, а то три и более. В Рязани плоды лучше, чем в других областях Московии, в рязанских лесах водятся самые лучшие бобры. Сибирское царство изобилует лесами, а близ Брянска (Branquin) такой лес, где еще не ступала нога человека, в нем много горностаев и соболей. Из Вольска (Volske), Смоленска (Smolensko) и Белоозера (Beleoser) вывозят много драгоценных мехов и пушных товаров. В Устюге (Ustioga) мало хлеба, но много скота и рыбы. Двина (Dvino) пустынна и неплодородна, однако изобилует рыбой и пушниной. В озерном крае много белых медведей, которые входят в воду и подолгу сидят в ней. В Ростове (Rostof) много соли. В Вятке (Viatque) плохо родится хлеб, зато много рыбы, воску, меду и диких зверей. Печерская область (Petzora) покрыта горами, иногда столь высокими, что в десять дней нельзя добраться до вершины. Там мало ржи и хлеба, но на прекрасных пастбищах разводят невероятно много скота. Что касается Астрахани и татарских земель, подчиненных царю, я расскажу о них в своем путешествии по этим краям.

Избыток скота и диких зверей, птиц и рыбы

Особенности плодородия местностей

Глава V

Внешность, образ жизни и особенности московитов. Обычная пища и напитки. Всеобщее потребление водки. Страсть к ней. Лживые доносы. Сварливость московитов. Их одежда. Женщины московитов мажут лица. Их свадьбы. Диковинные церемонии при венчании. Строгое поведение замужних женщин.

Внешность, образ жизни и особенности московитов

ИСТИННЫЕ русские или московиты (о татарах, живущих в этой стране, речь будет вестись особо) коренасты, толсты и жирны телом, с особенно нескладными головами, руками и ногами. Простой народ крепок по природе, переносит всякие невзгоды, редко спит на мягкой постели, иногда на соломе, а чаще всего на деревянных скамьях. Зимой все — отец, мать, дети, работник, служанка — перебираются в общую комнату, приготовленную для этого, и спят там вповалку. У них мало утвари, и она состоит из грязных горшков, мисок, деревянных плошек, кувшинов, оловянных чарок для водки и кубков, которые почти никогда не бывают чистыми. Они совсем не стараются украсить свои стены, как это делают голландцы; у них висит только одна или несколько картин, писаных красками, чаще всего св. Николай. Они рабы по природе и рождены для рабства [78], они весьма редко работают добровольно и без принуждения; их всегда понуждают к тому побоями. Они так привыкли к своему рабству, что, получив свободу после смерти своего господина или по доброте его, снова продают себя в рабство [79]. Тот, кто хочет заставить их работать, вынужден, сколько бы в нем ни было доброты и сострадания, прибегать к кулакам и палкам. Их скверно кормят, что способствует распространению воровства. Также часто происходят убийства, и каждый, кто боится потерпеть убыток или потерять что-либо, должен быть настороже. Несмотря на суровые наказания за небольшие кражи, холопы торговцев табаком и водкой не удерживаются от них.

Это все, что можно сказать о простом народе, но зажиточные люди ведут более спокойную жизнь, хозяйство и стол держат лучше, особенно когда принимают гостей, ибо последние приносят больше прибыли, чем убытка, и всякий знает, сколько ему подобает принести с собой почти так же, как на вестфальских свадьбах. Они мелочны, бережливы в еде, потому что держат много крепостных и до пятидесяти-шестидесяти лошадей, которых нужно прокормить. В Москве холопы получают весьма мало

на харчи, но еще меньше в деревне, где им дают столь малую плату, что господа вынуждены смотреть сквозь пальцы на их воровство и плутни [80].

Обычная пища и напитки

Московиты некрасивы и не нежны, и пища их весьма простая: крупа, горох, кислая капуста, соленая рыба и ко всему прочему грубый ржаной хлеб. Приправой ко всякому блюду служит лук и чеснок, чем от них воняет за версту, что с непривычки совершенно невыносимо, но они варят из этого вкусный и превосходный суп. Они едят много рыбы и большей частью соленой, от нее на рынках стоит такой странный запах. Осетрину подают к столу у зажиточных людей почти каждый день. Знатные господа и дворяне едят помногу жареного мяса и еще больше супов и похлебок, хотя бы то был только рыбный отвар с хлебом, который годен лишь на то, чтобы его вылить наземь, а они едят его с толченым чесноком. Как только они перепьются и это скажется на следующий день, приготовляют себе для освежения кушанье, называемое похмельем (Pochmelie) [81]: холодное, тонко нарезанное мясо, политое квасом. Это обычный напиток, приготовляемый на следующий лад: брага, огурцы, пивной уксус, чеснок с перцем; употребляется он ими, как наш холодный суп. Распространенный в простом народе напиток, особый сорт скверного пива, также называется у них квасом и приготовляется из воды, ячменя, овса и пшеничной муки, у одних гуще, у других жиже; более зажиточные пьют пиво, которое варится в кадках и чанах с раскаленными камнями, очень крепкий и хмельной напиток. Они также приготовляют мед с гвоздикой, корицей, перцем, кардамоном и другими пряностями. Этот напиток опьяняет подобно вину, а если хотят кого-нибудь споить, то примешивают к питью водку, что случается у них нередко. Они называют водку вином и считают ее самым почетным напитком; ее пьют без разбора мужчины и женщины, духовные и светские, дворяне, горожане и крестьяне, до и после еды, целый день, как у нас вино; в нее добавляют перцу и считают это лекарством. Простой народ так падок на водку, что даже в сильные морозы пропивает, если нет денег, верхнюю одежду и шапку и более того: сапоги, чулки и рубаху и выходит из кабака или трактира, в чем мать родила [82]. Мужчины и женщины (главным образом из простонародья) проявляют большую страсть к водке, напиваясь дома и в корчмах до такой степени, что многие женщины оставляют в залог свое платье, теряют стыд и честь и открыто, как неразумные твари, предаются разврату;

Всеобщее потребление водки

Страсть к ней

такая безнравственность и распущенность в прежние времена не считалась постыдной, а только потешной забавой. Но теперь, когда его величество, по настоянию патриарха, сократил число небольших и тайных питейных домов и запретил открывать их под страхом смертной казни, стало немного лучше [83]: остались только, с разрешения его величества, открытые питейные дома с подачею пива, меда, вина и курением табака. Московиты страстные курильщики табака, который, хотя в 1634 г. и вышло строжайшее запрещение, курят тайно.

Лживые доносы

Московиты, как уже сказано, неловки и неуклюжи с виду, но обнаруживают великую смекалку в торговых делах[84]. Они исключительные обманщики и предатели, жены часто доносят на своих мужей его величеству, если те держат их в большой строгости и подчинении, обвиняя их в плутовстве, чтобы развестись с ними, вследствие чего мужья печальным образом попадают в ссылку, в Сибирь. Чтобы сократить доносы, в нынешнем году издали указ, по которому каждый, кто обвиняет кого-нибудь в тяжелом преступлении без приличествующих доказательств, должен быть подвергнут пыткам. Если обвинитель в силах их вынести, то обвиняемый считается виновным, если же нет, то ему присуждают за его слабость и ложь то же самое, что полагалось обвиняемому.

Сварливость московитов

Народ в Московии завистлив и сварлив, употребляет в разговоре различные дурные, невоздержанные, бранные и постыдные слова, но у них редко доходит до драки, и еще реже берутся они за ножи[85]. И когда с течением времени в Москве поселились иностранцы, которые не переносили брани, возникло много недоразумений, и был установлен денежный штраф с каждого, кто вздумает ругать власть, приказных или знатных людей.

Их одежда

Одежда московитов состоит из верхней — темнозеленого, коричневого, фиолетового или красного сукна с разрезами по бокам и спереди, с нашитыми на них большими пуговицами, большими отворотами сзади, подобно старинным покроям Голландии. Под низ одевается шерстяная или шелковая одежда с высоким стоячим воротником. Узкие рукава в несколько локтей длины собираются в складки у заплечья, чтобы освободить руку. При таком покрое удобно поварам подхватывать горячие горшки и сковороды, и рукава обычно неопрятны и грязны. Воры и бродяги кладут в концы рукавов камни или олово, чтобы неожиданно ударить кого-нибудь по голове. Под этой одеждой носят они еще одну, которую называют кафтан (Kaftan). Все эти одеяния весьма ши-

роки и ничем не стянуты, если не считать подвязок. Сорочки на спине обычно простегиваются некрученым шелком, что они также делают и на вороте, но важные и благородные господа носят сорочки, вышитые золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями. Простой люд носит летом белые войлочные шапки, а зимой разноцветные шапки на меху, но князья и бояре и приказные носят остроконечные шапки из соболя и чернобурой лисицы. Одежда и наряды женщин почти такие же, как у мужчин, из хлопчатой бумаги, шерсти, шелка, золототканных и различных других тканей, смотря по состоянию. На головах у них большие шапки из шерсти и шелка, некоторые вышиты золотом и серебром и окаймлены дорогим собольим мехом, волосы из-под такой шапки выпускаются и спадают вниз. Простой народ носит шапки на лисьем меху. Взрослые девушки носят волосы заплетенными на голове. До десяти лет как мальчиков, так и девочек стригут наголо, оставляя лишь по локону на обеих сторонах, так что мальчика не отличишь от девочки; однако девочку можно узнать по большим кольцам в ушах. Так одеты живущие в городах. Что касается сельских жителей и крестьян, то они не отличаются от лифляндцев и носят летом скверную холщевую одежду, а зимой— овчины, у них нет сапог и башмаков, и они искусно плетут себе обувь из лыка [86].

Женщины московитов мажут лица

Женщины Московии обычно хорошо сложены, у них гладкая и белая кожа, но тем не менее они мажут свои лица мазями и делают это так искусно, как шут, посыпающий свое лицо мукой. Они красят кисточкой щеки и чернят брови, воображая, что это делает их необычайно красивыми [87].

Их свадьбы

Брак в России происходит при совсем иных обстоятельствах, нежели на нашей родине, где, высмотрев красотку, парень ищет случая заговорить с нею, побыть с ней и сделать предложение. В России, когда молодой человек вздумает жениться, он обращается к своим родителям или близким друзьям, которые подыскивают ему невесту и, найдя ту или иную девушку, отправляются к ее родителям и заключают брачный договор. Посмотреть на невесту юноше не разрешают, даже если он слезно о том просит, лишь иногда ее показывают матери жениха или ближайшей родственнице, конечно если она хороша собой и нет опасений, что торг не состоится. Но обычно жених или его родня не видят невесты до венца, в это время родители не выпускают свою дочь из дому или даже из комнаты, вследствие чего часто происходит, что не-

которые (не зная о том наперед) вместо красивой и хорошо сложенной девушки получают уродливую и безобразную девку. Подобный обман нередко ведет к побоям и семейным раздорам.

Один молодой человек задумал жениться и попросил своего друга или свата найти ему невесту с условием, чтобы ему показали ее до венчания, и обещал, если он это выполнит, дать ему денег и водки. Сват захотел заработать с обеих сторон, пришел к одному человеку, у которого была кривая дочь, и сказал: «Что вы мне дадите, если я вам найду хорошего малого в зятья?» Они тут же заключили договор. Чтобы сдержать слово, сват велел нарядить и разукрасить девушку и повел ее по улице, чтобы купец мог посмотреть на свой товар из маленького окошечка в доме, мимо которого они проходили. Тем временем он наказал невесте, чтобы она, не поворачивая головы, держалась все время одной стороны улицы, что и было ею исполнено с таким успехом, что у парня не возникло никаких сомнений, напротив того, она ему весьма понравилась, и сват немедленно получил вознаграждение с обеих сторон.

Диковинные церемонии при венчании

Во время свадьбы и венчания совершаются странные и непонятные церемонии[88]. У князей, бояр и боярских детей существует такой порядок: прежде всего обе стороны, жених и невеста, выбирают женщину, называемую свахой (Swacha), которая заботится обо всем необходимом. В день свадьбы сваха невесты отправляется в дом жениха, чтобы убрать и приготовить постель и комнату новобрачным; сваху сопровождают 50—60, а то, смотря по состоянию, и сто холопов, все в кафтанах или рубахах, и каждый несет на голове что-либо необходимое для убранства. Сваха стелет постель на сорока ржаных снопах, которые перед тем велел принести жених, вместе с несколькими снопами гречихи, ячменя и овса, расставленными по горнице [89]. После этого жених отправляется со своими друзьями и священником, который благословит их, в дом невесты, где ласково принятый ее друзьями садится за стол, на котором поставлены три различных блюда, никем не отведанных. У верхнего конца стола ставят стул, на который в то время, как жених разговаривает с друзьями невесты, садится дружка, и жених выкупает его подарком. После того как он займет свое место, вводят пышно разодетую невесту с распущенными волосами и сажают ее рядом с ним, однако он не видит ее лица, закрытого красной тафтой, концы которой поддерживают два дружка (слуги). Приходит сваха невесты и заплетает ее во-

лосы в две косы, надевает на голову золотую или серебряную, а иногда украшенную драгоценными камнями корону, по бокам которой свешиваются до груди жемчужные нити. Платье ее шелковое, затканное золотом или серебром, с воротом, украшенным драгоценными каменьями и вышивкой. Каблуки ее примерно в четверть локтя высотой, и в такой обуви опасно ходить. После того, как невеста убрана и наряжена, сваха жениха причесывает ее, во время чего женщины начинают скакать и плясать. Потом два молодца, обвешанных оружием, подают поднос с огромной головой сыра и хлебом. Эти молодцы из родни невесты называются коробейниками (Krabeynike). Сыр и хлеб после освящения их попом относят в церковь. Затем на стол ставят огромную серебряную чашу, наполненную кусками и лоскутами атласа и тафты, слитками серебра, хмелем, ячменем и овсом. Тут подходит сваха, покрывает лицо невесты и разбрасывает среди гостей из упомянутой чаши серебро или что-нибудь другое, и каждый, кто только хочет, может брать это себе. Отец жениха и отец невесты или заступающие их место меняют кольца молодых людей в знак заключения их брака.

После перечисленных церемоний сваха усаживает невесту в сани, в которых она с закрытым лицом отправляется в церковь; сани запряжены лошадью, обвешанной лисьими хвостами. За невестой следует жених с друзьями и близкими родственниками и поп верхом на лошади. Лучшие места в церкви устланы красной тафтой, особенно предназначающиеся жениху и невесте, которые вступают на них, принося в дар священнику жареное мясо, печенья и пироги; во-вторых, они получают благословение от попа, и над их головами держат иконы; в-третьих, поп берет правую руку жениха и левую невесты и спрашивает их трижды: довольны ли они друг другом и будут ли любить друг друга во супружестве? После утвердительного ответа он становится перед ними и поет 28-й псалом, и они, подпевая ему, следуют за ним, приплясывая по кругу, после чего он надевает на их головы красный венок со словами: «Растите и множьтесь, что бог соединил — человек не разъединяет». Присутствующие друзья зажигают маленькие восковые свечи, а попу подают стакан красного вина, который выпивают новобрачные, после чего жених бросает стакан на пол и совместно с невестой растаптывает его, говоря: «Пусть так падут к нашим ногам все наши недруги, которые задумают и попытаются возбудить вражду и ненависть между нами». Затем

женщины посыпают их коноплей и льном и желают счастья. Когда заканчивается обряд венчания, невеста возвращается в свои сани, а жених к лошади. Прибыв в дом, где справляют свадьбу, жених с друзьями садится к столу и веселится с гостями; а невесту поспешно отводят в горницу, раздевают, снимая все до рубашки и кладут в постель. Жениха зовут от стола к невесте, его сопровождают дружки с горящими факелами. Получив известие о его приходе, невеста встает с постели, надевает платье, подбитое соболем, и приветствует жениха, склонив голову. Дружки гасят факелы в упомянутых выше бочках с зерном, и каждый получает в подарок двух соболей, после чего они уходят, а жених ведет невесту к столу. В числе других блюд подают жареную курицу, от которой жених отрывает ногу и крыло и бросает через плечо. После пира он отправляется с невестой в постель. Перед дверью остается старший дружка, который время от времени справляется, покончили ли они со своим делом, пока наконец жених не закричит: «да». В это время раздается оглушительный звук труб и литавров. Немного погодя жениха и невесту отводят в различные бани, где их моют водою, вином и медом, и молодая подносит мужу дорогую сорочку. На свадьбе пируют еще в течение нескольких дней.

Таков свадебный обряд у знатных людей, а у простого народа справляется следующим образом: накануне жених посылает невесте новые платья, шапку, пару сапог, гребень, зеркало, коробочку или шкатулку с румянами и другими украшениями. На другой день приходит поп и благословляет гостей; затем жениха и невесту усаживают таким же порядком, как выше, за стол и велят смотреть в одно зеркало, приложившись к нему губами. Тем временем свахи посыпают гостей хмелем, желая невесте быть счастливой и такой же плодовитой, как хмель. Кто-нибудь приходит в вывороченном тулупе и желает ей родить стольких детей, сколько волос на меху, после чего совершается бракосочетание в церкви.

Строгое поведение замужних женщин

После венца женщины редко появляются вне дома, почти не посещают друзей, живут, как в заточении. Обычно они плохо одеваются, но когда хотят понравиться мужу, или поднести чарку водки гостю, или пойти в церковь, то наряжаются и всячески мажутся и красятся. Зимой им разрешено выезжать на санях, а летом в закрытых повозках, причем знатных женщин провожает множество слуг и холопов. Лошади всегда увешаны лисьими хвостами,

что поражает чужестранцев. Остальное время, сидя дома, женщины проводят за шитьем, вязаньем, прядением и тому подобными работами. Только это и разрешается женщинам и является их единственной забавой, которая дозволена женщинам с известным достоинством и положением; простые пользуются большей свободой. Детей они воспитывают не так нежно, как голландцы, отнимают их от груди после двух-трех месяцев и заставляют их поститься после двухлетнего возраста[90].

Глава VI

Развод у московитов и различные вызывающие его причины. Суеверная невинность. Бани и пользование ими. Закаленность от голода и жары. Прекрасные бани у немцев. Диковинный обычай московитов. Уход за мертвецами и удивительные вопросы, задаваемые им. Обряд похорон. Прощание или паспорт для умершей души.

МЫ УЖЕ рассказали о том, каким образом и порядком получают московиты себе жен, не повидав их ни разу и не познакомившись с ними, что нередко служит причиной несогласия, отвращения и ссоры и приводит к разводу. Расходятся они легко: обиженный муж или жена, тот из них, кому в ссоре хуже пришлось, под видом величайшего благочестия удаляется в монастырь, откуда возвратиться после пострижения нет возможности или способа. Однако, как часто случается, одна из сторон хитрит, уходит в монастырь и медлит с постригом, чтобы выждать, не постарается ли оставшийся дома вернуть из монастыря упрямого, и если так случается, то обычно наступает жизнь хуже прежней, ибо ежели кто возвратится умоленный и упрошенный из монастыря, то ведет себя в десять раз хуже, чем прежде, и наконец обращает шутку в серьезное и, постригшись, на самом деле разводится. Когда таким образом в монастырь уходит мужчина, то может вскоре помазаться в попы. Бывает, что ни одна из враждующих сторон не идет добровольно в монастырь, а обвиняет другую в прелюбодеянии и постыдных вещах, из-за чего обвиняемого часто заключают в монастырь. Ежели жена от мужа не рожает детей, то ее можно заточить в монастырь как бесплодную; муж, спустя шесть недель после принятия ею монашества, может взять себе в жены другую.

Развод у московитов

Если кто-либо, за исключением царя, вступит после того во

второй брак, то не имеет права входить в церковь, за исключением паперти; после третьего раза ему не дают причастия.

Жизнь женщин неспокойна, их держат взаперти, почти как турчанок; мужья по малейшему подозрению бьют их, обвиняют их, оскорбляют, однако сами похотливы и невоздержаны как в семейной жизни, так и вне ее, хотя внешне пристойны и крайне суеверны и только в редких случаях лягут с посторонней женщиной, не сняв с себя креста. Они не станут распутствовать там, где висят иконы, а ежели кроме того негде, то завешивают их, считая противоположное большим грехом и осквернением, нежели самый блуд. Как будто всевидящее око бога менее страшно, нежели слепые образа.

Суеверная невинность

Ежели кто имел дело со своей женой, то он не пойдет в церковь до тех пор, пока хорошенько не вымоется и не наденет чистой рубахи; иные настолько благочестивы, что останавливаются у входа, где женщины, которые считаются нечистыми по сравнению с мужчиной, всегда простаивают обедню. Священник, дотронувшийся до своей жены, должен немедленно совершить омовение, после чего ему разрешается вход в церковь, но не в алтарь. Если кто переспит постом, то лишается причастия на целый год. Ежели узнают о чем-нибудь подобном, случившемся со священником, то его в течение года не допускают к службе. Если так поступит тот, кто готовится к посвящению, то ему долгое время не дают сана.

У них существуют еще другие странности и суеверия при соитии; они считают большим грехом, если московит разделит ложе с иноземной женщиной, но легким и простительным делом, когда русская женщина отдается чужеземцу. Причина в том, что если родится от этого ребенок, его воспитают в московской вере, как бы не от того отца; в противном случае, когда отец московит, мать воспитает ребенка в своей вере.

Бани и пользование ими

Для соблюдения чистоты в Москве и всех других городах и деревнях много бань, которые, подобно турецким и персидским, служат для здоровья и удовольствия, и почти каждый знатный человек имеет баню при доме.

Общественными банями пользуются мужчины и женщины, молодые и старые, без различия. Раздевшись догола, все входят в одну дверь, прикрывая иногда свой срам не чем иным, как пучками высушенных березовых веток, которыми растирают тело, предварительно побрызгав на него водой, что происходит, когда

они парятся на скамейках. Они переносят невероятную жару и прыгают распарившись в холодную воду, а иные даже голыми катаются по снегу. Итак, мужчины и женщины, молодые и старые, выбегают без стыда и страха из бани, так что их каждый может увидеть. Нам кажется удивительным, что столь быстрый переход от жары к холоду не отражается на их здоровьи; но привычные к этому с детства, они закалены и не чувствуют перемены. Дети восьми и девяти лет бегают по льду босиком, как гуси. И хотя они не придают омовению столь священного значения, как мухаммедане, тем не менее всякий, помочившись, умывается, но так как в остальном они крайне нечистоплотны и грязны, то приходится избегать их близости [91].

Прекрасные бани у немцев

У немцев в Москве свои особые бани, они посыпаются благоуханными травами и цветами, которые придают аромат воде. У них отдельные комнаты, где одеваются, отдыхают в постели после бани, попарившись и хорошо обсушившись, в чем помогают женщины, которые хорошо справляются с этим. Затем приходит другая служанка, иногда самая старшая, смотря по положению гостей, и ставит на стол одно или несколько вкусных блюд, чарку меда или ботвинью для подкрепления после купанья [92].

Диковинный обычай русских или московитов

У всех московитов одинаковая религия и одежда (по которой их отличают от других народов), со странными повадками и обычаями, не принятыми и необычными у других народов. Они носят рубахи поверх подштанников и подвязывают их ниже пупка. Свистят они сквозь зубы, не складывая губ, сказывая, что это неудобно. Испугавшись или удивившись, они не откидывают головы назад, как все другие люди, каких только я видел в своей жизни, но покачивают ею из стороны в сторону, от одного плеча до другого. Они не молятся на коленях, говоря, что такое положение не угодно богу. Они пишут на коленях, хотя бы перед ними и стоял стол. Полнота (и чем толще, тем лучше) у них считается красотой, вытянутые подбородки и длинные уши — изяществом, вследствие чего они вытягивают и растягивают свои уши как только могут; люди, имеющие подобные недостатки, пришлись бы им по вкусу. Такие и другие подобные тому обезьянства и дурачества распространены у московитов, что несогласно со всеми другими нациями и народами.

Обычаи при болезнях

При болезнях и погребении мертвых принят у московитов следующий обычай: когда кто-нибудь сильно заболеет, то дает благочестивый обет, выздоровев, провести всю жизнь в молитве

и удалиться в монастырь. В то же время его стригут, помазывают и облачают в монашеское платье, которое называют одеждой серафимов. После этого больному не дают никаких лекарств, а оставляют на волю божию. В случае выздоровления он обязан исполнить свой обет, оставить жену, детей, дом и двор и удалиться в монастырь.

Уход за мертвецами и удивительные вопросы, задаваемые им

Когда кто-либо умирает, собираются ближайшие друзья и соседи, и все вместе горько рыдают, спрашивая мертвеца, по какой причине и чего ради он умер, не терпел ли он недостатка в еде, питье или в чем ином. И жена, муж которой умер, высказывает такую печаль, несмотря на то, что при жизни тысячу раз посылала его ко всем чертям. «Ах, говорит она, ты, моя душенька, (Timminy Doo Shinea), мой милый, как же ты меня покинул? Не была ли я для тебя красивой? Не румянилась ли? Не наряжалась? Разве мало я тебе детей рожала? Недоставало тебе водки?» и т. д. Как только отойдет душа, открывают окно, ставят сосуд с водой, миску с мукой или другую пищу мертвецу для долгих странствий, — почти то же самое, что у черкасских татар, и это повидимому перешло к московитам от язычества. Вскоре после этого приносят священнику водку, крепкого пива или чего другого в знак уважения, чтобы он помолился за упокой души умершего. Мертвое тело моют, одевают в белую одежду, обувают в красную обувь и укладывают со скрещенными руками в ящик, сделанный из выдолбленного дерева. Потом его относят в церковь, где оно простаивает несколько дней (если это была уважаемая личность), время от времени священник кропит его святой водой, окуривает ладаном и служит по нем обедню.

Ежели кто-нибудь умирает без последнего помазания, через убийство или замерзнув, то его не хоронят в церкви; труп относят в место, именуемое земским приказом (Zemsky Precaus), где его оставляют на три-четыре дня для осмотра[93]. Хорошо, ежели кто о нем позаботится, когда же нет, то мертвеца бросают в яму или могилу в открытом поле, называемую божий дом (Boghzi Dom)[94], куда сбрасывают иногда до двухсот тел и которая остается открытой до середины лета; иногда попы при соблюдении некоторых обрядов закрывают ее землей.

Обряд похорон

Погребение происходит следующим образом: прямо за гробом идут девушки из ближайшей родни умершего с громкими рыданиями и жалобными воплями, оплакивают его преждевременную смерть, иногда внезапно умолкают и опять начинают сначала. С обеих

сторон и вокруг покойного идут попы и служки с иконами и восковыми свечами в руках и кадят ладаном, уверенные, что отгоняют тем злых духов. Сзади следуют друзья и знакомые, без всякого порядка, каждый со свечой в руках. Дойдя до могилы, открывают гроб, в последний раз окуривают мертвеца и, читая молитвы, держат над ним образ того святого, которого умерший чтил при жизни. Затем подходят друзья, желают ему в последний раз счастливого пути, целуют лоб и отходят. Поп дает паспорт душе почившего, по которому он мог бы попасть прямо на небо и где написано, что он хорошо исповедывался и был верным христианином [95]. Это свидетельство кладут между двух пальцев мертвеца, закрывают гроб, опускают его в могилу и зарывают. Покойника кладут всегда лицом к востоку. После погребения друзья пьют и едят на веселом пиру, чтобы смыть печаль с сердца, подают священнику хлеб, называемый кутьей (Kutja), и вкушают его как жертвенную пищу. Оплакивание и угощение длится, при наличии состояния, сорок дней, все спаивают друг друга, и попы обычно напиваются до полного одурения. Некоторые ежегодно устраивают поминки, которые начинаются жалобами и плачем, а заканчиваются веселым и радостным пиром.

Паспорт душе почившего

Глава VII

Религия и церковное устройство московитов. Патриарх и митрополиты, их облачение. Браки. Крещение. Причастие. Исповедь. Посты. Замерзшие люди[96].

ЧТО КАСАЕТСЯ богослужения у московитов, то оно совершается по-христиански, но сильно загрязнено различными суевериями, иконами и старыми обычаями, сохранившимися со времени язычества, из которого обратил их царь Василий (Basilius)[97] в 989 г., преобразовавший свое государство, крестившийся сам и принудивший креститься силой тех подданных, которые не захотели того сделать добровольно. Они называют себя христианами греческого исповедания, и на самом деле их церковные обряды и священнический чин целиком подтверждают это.

Религия и церковное устройство московитов

Русская или московская церковь имеет, подобно римской, единого главу, называемого патриархом (Patriarch), которому

Патриарх и митрополиты

подчинены четыре митрополита (Mitropoliten) или архиепископа, епископы, настоятели (аббаты), священники, дьяконы (капелланы) и т. д. У патриарха неограниченная духовная власть, и ему очень редко противится царь (не говоря уже о других), кроме тех случаев, когда его обвиняют в ереси или во внесении новшеств в богослужение. Тогда он должен предстать перед собором, как было в 1662 г., за попытку произвести нововведения [98]; другие считают, что это случилось главным образом оттого, что он хотел отменить поклонение иконам, которое сильно развито у русских. Как бы там ни было, патриарх удаляется в свое поместье и отрешается от места, которое занимает один из митрополитов. Двор патриарха рядом с царским дворцом. У него большие доходы, также и у митрополитов немногим поменьше, и они обязаны во время войны поставить и содержать несколько тысяч человек.

Их облачения

Одеяние патриарха и других высоких духовных особ обычно таково: они носят длинную черную рясу, поверх которой надевается такой же плащ, в руках палка, называемая ими посох (Posok), на голове широкая шапка или черная камилавка с прямым верхом, подобным тарелке с опущенными краями. Обыкновенные священники носят под большой шапкой еще маленькую, которую им надевает епископ, когда их посвящают и постригают в сан, и они отпускают потом волосы. Кто ударит попа, так что шапочка упадет на землю, того наказывают, и так как попы любят пьянствовать и часто ссорятся и лезут в драку, то московиты с ними очень осторожны и сначала снимают с попа шапочку, хорошенько поколотят его и опять покрывают его голую голову святой шапочкой.

Браки

Русские священники и прочие служители алтаря не только имеют право, но и должны жениться, но не больше одного раза, ссылаясь на слова св. Павла, который говорит: «Епископ должен быть мужем только одной жены» и т. д. Они не имеют права жениться вторично или на вдове. Если у священника умрет жена, то он не только должен остаться вдовцом, но и отстраняется от алтаря и проводит остаток жизни за чтением и пением. По этой причине священники любят и ценят своих жен и не так часто бьют и оскорбляют их, как прочие.

Обряд и совершение крещения

Крещение русские считают крайне необходимым, и поэтому, как только родится ребенок, спешат его окрестить, и если ребенок слишком слаб, чтобы его отнести в церковь, то его крестят на дому, но не в том месте, где он родился, которое, по их мнению,

считается оскверненным. Когда восприемники дойдут до паперти, им навстречу выходит священник, благословляет их, они дают ему девять восковых свечей, которые священник расставляет вокруг кадки с водой и окуривает ладаном; после того как он с пением и молитвами трижды обойдет вокруг кадки, он спрашивает имя младенца, его подают написанным на бумаге. Затем он спрашивает, верит ли младенец во святую троицу, отрекается ли он от дьявола. На что отвечают восприемники. Священник продолжает: «Уходи из этого младенца, ты, нечистая сила; очисти место святому духу». После этого он трижды дует на ребенка и кладет на его голову крест, берет его голого в руки и окунает его трижды в воду, говоря: «Я крещу тебя во имя отца и сына и святого духа». Потом он дает ему соли, мажет ему лоб, грудь и руки святым маслом и надевает на него белую рубашечку. Затем произносит: «Теперь ты очищен от грехов». Наконец надевает ему на шею золотой, серебряный или жестяной крестик и дает ему икону, которую тот должен чтить всю свою жизнь, и на этом кончается крещение. Вода выливается, потому что считается нечистой. Если кто-либо, христианин или нехристианин, хочет перейти в русскую веру, то он должен отречься от своего прошлого крещения и в доказательство трижды сплюнуть через плечо.

Причастие

Причастие происходит у московитов таким образом: они крошат хлеб в вино, которое причастник черпает ложкой; они дают его также детям и считают претворение неполным, как католики. Его подают больным и отбывающим в опасное плавание и путешествие, подобно католическим гостиям (просфорам). Они исповедываются в церкви, и на них накладывается, смотря по числу совершенных грехов, эпитимия, которую они точно и свято исполняют. Если совершенный грех слишком велик, то грешник должен обмыться водой, освященной в день трех волхвов (крещенье). У них установлены постные дни на неделе и четыре больших поста в году, которые строго соблюдаются всеми, особенно духовенством. Никогда они не бывают так дики, невоздержаны, как на масленице, которую проводят в жратве, пьянстве и разгуле, отчего возникают непорядки и бесчинства, вплоть до убийств.

Замерзшие люди

Так как это происходит зимой, то можно видеть русских, напившихся до потери сознания и замерзших на дороге; их перевозят потом из земского приказа, о котором мы говорили, в божий дом. Невиданное зрелище являют замерзшие люди, лежащие на санях, без рук, ног или головы, истерзанные волками или медведями.

Глава VIII

Власть царя. Титул и его возникновение. Доходы царя. Строгий и жестокий суд. Батоги. Кнут.

Власть царя

ВСЯ РОССИЯ, или Московия, с входящими в нее землями и княжествами, подчинена монарху или царю, который один над всеми властвует и всем управляет[99]. Его величество, жившего в мое время, а теперь недавно почившего, звали Алексеем Михайловичем Романовым (Alexie Michailowits Romanow — Алексей Михаила Римлянина сын) [100]. Последнее почетное имя присвоили себе московские цари со времен Иоанна Васильевича, который установил свое происхождение от римских императоров, на что ясно указывает и слово царь, от латинского (Caesar). Об этом же говорит в известной мере и одинаковый герб с двойным или двуглавым орлом, с распростертыми крыльями, только с той разницей, что между главами помещается корона епископа, а на груди изображение рыцаря св. Георгия. Император, или царь, является неограниченным государем: он назначает и сменяет должностных лиц, никого не спрашивая и ни с кем не считаясь; по его указу чеканится монета, повышается или понижается ее ценность; он заключает мир, объявляет войну. Словом, он поступает так, как ему нравится и заблагорассудится.

Титул его величества можно узнать из следующего списка, который гласит: светлейший, могущественнейший, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович божьею милостию Великой, Малой и Белой России самодержец и пр., государь московский, киевский, владимирский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, государь псковский, великий князь смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский и пр. и пр., государь и великий князь Новгорода, южной черниговской земли, рязанский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, абдорский, кодийский, всех северных земель повелитель, государь земли иверов, карталинский и грузинский царь, кабардинских земель, черкесских и горских земель князь и многих других восточных, западных и северных государств и земель, отцовским и дедовским наследованием господин и повелитель.

Доходы царя

Титул этот велик и доходы немалые, прежде всего с питейных домов или кабаков, из которых три новгородских ежегодно при-

носят девять тысяч гульденов; а так как их в Москве и во всем государстве бесчисленное множество, то из этого легко можно заключить, что доходы велики. Помимо того введены налоги на все товары, главным образом на соль, железо, деготь, рожь и другое зерно. Немалый доход и выгоду приносят ему водка, собственные винокурни и торговля меховыми товарами. Однако большую часть этих припасов поглощает его огромный двор, и немало приходится на долю стрельцов или солдат его величества, которые всегда хорошо оплачиваются[101].

Строгий и жестокий суд

К преступникам применяют весьма строгие и суровые наказания, иные, чем в других странах. В числе прочих самые жестокие — батоги (Battoky) и кнут (Knut). Первые применяют к преступникам, чей проступок не особенно велик: преступник ложится на живот, затем приходят двое мужчин, один садится ему на шею, а другой на ноги, и бьют по спине и заду до полусмерти. Другое называется правом кнута; это еще более жестокое и мучительное наказание обычно применяется к тем, кто продает табак и водку без разрешения его величества, и совершается так: виновного обнажают до бедер, связывают ноги, затем помощник палача схватывает его обеими руками и взваливает его себе на спину. В то же время один из служителей суда (дьяк) читает приговор, сколько он должен получить ударов. У палача бич, приделанный к палке и состоящий из ремней невыделанной лосиной кожи, и он бьет им по телу преступника с такой силой, что с каждым ударом сдирает с костей кожу и мясо, и в образующиеся полосы можно вложить палец[102]. Когда я впервые увидал такого человека на улице, у меня волосы стали дыбом, до того он был растерзан: мясо висело клочьями, кровь свернулась от холода и замерзла. Я не думаю, чтобы кто-либо из моих соотечественников пережил подобное наказание; но московиты люди весьма крепкие, и я сам слышал, как один наказанный кнутом, которому я посоветовал не продавать водки, сказал: «Прочь, прочь, нежный голландец, ужели стоит из-за побоев терять выгоду и доход?» Их мясо должно быть хорошо заживает, потому что наказанных скоро опять видят на улице, и они нисколько не обесчещены. А тот, кто их попрекнет, подвергнет себя опасности перенести то же истязание. Палача за его ремесло здесь не презирают, и должность эта часто продается крупным купцам и перепродается ими. Кроме описанных наказаний существуют и другие: отрубание рук, ног и кистей рук; фальшивомонетчикам льют расплавленный металл в горло. Среди

Батоги

Кнут

прочих особо примечательно наказание за блуд и прелюбодеяние: виновника лишают одновременно причины и орудия его похоти, которое кладут на колоду и отрубают со всем к нему относящимся. Ему позволяют залечить эту большую и тяжелую рану, но подобные каплуны редко жиреют.

Глава IX

Празднование вербного воскресенья. Дорог из Москвы в Астрахань. Начальники и офицеры. Плавание на парусах. Мордвинские татары. Жестокая буря. Прибытие в Нижний-Новгород. Дешевое полотно и пища в Нижнем. Описание большой реки Волги. Начинаются черемисские татары. Внешность и обычаи. Замечательные идолы. Обряд погребения. Их одежда. Берут много жен. Спят со своими дочерьми.

Апрель 1669 г. Празднование вербного воскресенья

Апреля 18, в вербное воскресенье, видел я большой русский праздник, когда они изображают благословенный въезд нашего спасителя Иисуса христа в Иерусалим[103]. Это произошло при большом стечении народа и великолепии, присутствовал сам царь в сопровождении бояр и знатнейших господ, а также патриарх. Патриарх сидел на белой лошади в белом облачении, изображая Иисуса христа. Его величество самолично, поддерживаемый двумя боярами, вел коня за уздечку; он был в великолепной одежде, с царской короной на голове. Патриарх был одет во все белое, и на голове у него была круглая шапка, украшенная крупным жемчугом, поверх которой стояла корона. В правой руке держал он золотой крест, усыпанный алмазами и драгоценными камнями, им он благословлял теснившийся вокруг него народ. Он сидел поперек лошади с дорогой сбруей, взнузданной и оседланной подобно ослу. По бокам и позади патриарха и его величества шли епископы и другие попы в белых ризах и дорогих стихарях, несшие книги и хоругви (знамена). Другие шли с кадильницами, которыми они кадили перед народом. Дорога, по которой они проезжали, была устлана красным сукном от царского дворца до равелина. Здесь патриарх сошел с лошади, которую тут же привязали; за ним последовали знатные дворяне, несшие большое дерево, обвитое шелком и увешанное яблоками, винными ягодами и изюмом. На этом дереве сидели маленькие дети с яблоками и зелеными ветвями в руках. За ними шел народ, разбрасывающий пальмовые и другие ветки по дороге. В руках у многих были ветви, и они пели: «Осанна, сын Давидов,

благословен грядый во имя господне, осанна в вышних!» Дойдя до равелина, они совершили некоторые церемонии, после чего процессия тем же порядком пошла обратно. Патриарх подарил его величеству за то, что тот вел лошадь, 200 рублей или дукатов. Я видел также, как праздновали праздник пасхи, когда (по древнему обычаю) при встрече целуются и говорят «Христос воскресе» и дарят друг другу крашеные яйца. К концу недели на всех улицах торгуют крашеными яйцами: красными, синими, желтыми и других цветов, и никто, будь то мужчина или женщина, благородный или неблагородный, не откажет другому в таком поцелуе и яйце. Наступает всеобщая радость, и по окончании поста (который они соблюдают строже, нежели католики) русские радушно приглашают друг друга в гости, чему следуют как духовные, так и светские люди. Также происходит большое стечение народа у торговцев пивом, медом и водкой, и многие напиваются, что является корнем зла и отчего впадают в великий грех и убийства.

Май 1669 г. Отъезд из Москвы в Астрахань

4 мая выехали мы из Москвы на струге (Stroegh), с добрым запасом различного военного снаряжения [104]. Струг — судно, напоминающее плоскодонную ладью, и вмещает примерно 16 ласт [105]. Нас было пятнадцать человек, ехавших вниз по Москва-реке (Mosquerika), на другой день прибыли в Коломну (Colomna), город на расстоянии 36 немецких миль по воде, сухим путем по льду и снегу — не более чем 10 миль от Москвы. Город окружен каменными стенами и башнями, и возле него протекает река Москва, через которую переброшен длинный деревянный мост.

6-го числа вошли мы в Оку (Oka), довольно широкую и глубокую реку, с которой сливается река Москва. Вечером мы прошли мимо деревни Дединово или Деднове (Dydenof или Dedino) и подошли к нашему кораблю, называвшемуся «Орел», который и был, как герб его величества, изображен на корме [106]. Нас радостно встретили и приветствовали полковник Корнелис Букховен и наш шкипер Ламберт Якобс. Кроме них на корабле были дозорщиками обер-лейтенант Старк (Stark), хирург Шак (Schak), два капитана, шлифовальщик алмазов Антон Мюнстер, толмач и писарь. Размер месячного жалованья был таков[107]:

полковник Букховен	100	рейхсталеров
обер-лейтенант	30	рейхсталеров
капитан	40	рейхсталеров
хирург	20	рейхсталеров
толмач	10	рейхсталеров
писарь	10	рейхсталеров

Начальники и офицеры

наш капитан Бутлер	160	голландских гульденов
шкипер	100	голландских гульденов
штурман	60	голландских гульденов
плотник	80	голландских гульденов
младший плотник	36	голландских гульденов
молодые матросы	50	голландских гульденов
и я сам	57	голландских гульденов

На нашем корабле было 20 немцев.

12 мая мы снялись с верфи, или места кораблестроения, и вышли, подняв паруса. Полковник Буковен провожал нас на

Отъезд

расстоянии двух миль. В этот же день мы прибыли в село Никольское (Nicolo), где все продавалось очень дешево: я купил за одну копейку, стоящую не более одного стейвера, две прекрасных утки, и торговец радовался и веселился, словно получил большую прибыль.

13-го мы отошли от Дединова почти на 31 милю и прибыли в деревню Белоомут (Omuta). Через два дня мы дошли до Переяславля (Pereslaf), это довольно значительный городок, построенный из развалин Рязани (Resansky) — известного в прежние времена города. При неожиданном набеге татары разрушили его до тла и переселили жителей в Переяславль.

17-го мы были под Рязанью, по развалинам которой можно было судить, что она была большим городом. Мы проходили мимо зеленых лесов, загородных домов и прекрасных садов.

18-го мы прошли мимо красивых деревень и превосходных монастырей до Новоселок (Novosolky), поместья, принадлежащего архиепископу. Мы закупили скот, который здесь дешев и находится в изобилии, и отправились дальше в Шилово (Schilko), Терихово (Tericho), Тинорскую слободу (Tinersko Slavada), Капаново (Kapanouw) и др.

22-го мы бросили якорь в небольшом городе Касимове (Kassieme-gorod). Здесь расположен двор князя Рескитского (Reskitsky) и его матери[108]. Наш капитан и шкипер хотели засвидетельствовать ему свое почтение, но, придя туда, узнали, что он уехал в Москву. Дворецкий принял нас очень приветливо, пригласил к столу, за которым подавали вареную и жареную рыбу и пили мед и водку. В благодарность мы поднесли ему табак и другие подарки. Касимов был в прежние времена татарской крепостью, теперь он подвластен русским, его князь в двадцатилетнем возрасте подчинился царю.

23-го мы прошли мимо многих деревень и монастырей, 24-го бросили якорь у большой деревни Ляхи (Leshy).

25 мая мы прибыли в город Муром (Moruma), населенный мо-

Мордвинские татары

сковитами и татарами, называемыми мордвинами, здесь и начинается их граница. Но Муром и все города и деревни этой области подчинены его величеству.

27-го прошли мы мимо местечка Павловский перевоз (Prewos

Palo), и нескольких сел, расположенных по течению двух рек: с правой стороны реки Ворсна (Morsna Reka), с левой—Клязьмы (Klesna), берущей начало от Владимира (Wolodimer). Берег с одной стороны очень высок, как горы на реке Волге, но наверху прекрасные равнины, шириной до 20 миль; это правая, юго-восточная сторона. Левая, северо-западная, низменная, пустынная, поросшая кустарником, почти не обработана и мало обитаема.

28-го мы прошли мимо деревень Избылец (Isbuiletz) и Троицкая (Troitska) и стали на якорь в Слободе (Slowoda).

29-го мы снялись с якоря и были вынуждены причалить в Дуденове (Dudwina), потому что нас застигла жестокая буря, которая продолжалась два дня и не давала нам возможности тронуться с места.

Жестокая буря

2 июня мы прибыли в село Нозимки (Nosimky), а 8-го в большой город Нижний-Новгород (Nieschn Novogorod), который лежит там, где Ока сливается с Волгой. Нижний лежит на широте 36° 28'[109], хорошо укреплен каменным валом и башнями, оружием и солдатами. За городом, на расстоянии получаса ходьбы, живет больше людей, чем в городе, главным образом русских и татар, и все они подчинены великому государю. Несколько лет тому назад лютеране и кальвинисты имели свои отдельные церкви и значительные общины, но теперь, так как немцы уехали, церкви запущены и общины распались. Здесь можно дешево поесть и все легко достать, как-то: мясо, сало, рыбу, масло, сыр и пр. Сто голландских фунтов масла стоят двенадцать гульденов, все остальное еще дешевле. За грош можно купить локоть полотна на морскую рубаху и за те же деньги столько рыбы, сколько не в состоянии съесть четыре человека. В Нижнем большие канатные дворы, где изготовляют тяжелые канаты и другие веревки. Тут нам выдали деньги за шесть месяцев. Начальство корабля заказало здесь снасти, блоки и якорь; получить их остались лейтенант Шак и старший боцман, которые должны были последовать за нами, когда все будет изготовлено[110].

Июнь 1669 г. Прибытие в Нижний-Новгород

21-го мы поплыли на парусах вниз по реке Волге. Это самая большая и длинная река во всем мире, берет свое начало в горах Новой земли (Nova Sembla), близ Вайгача (Weygatz), течет мимо Ярославля (IeresIaf), Твери и доходит наконец до Астрахани, где делится на многие рукава и вливается в Каспийское море. В нее впадает бесчисленное множество рек и ручьев, большей частью с севера. Так как они дают много воды, то Волга имеет свою высоту

и свой уровень; прибывает в мае и июне и быстро спадает в июле, оттого всюду образуются отмели, в чем мы убедились в продолжение путешествия, тогда как при полноводье беспрепятственно проезжают над некоторыми островами. Ширина реки в некоторых местах более полумили, и в двух местах имеются большие водовороты, весьма опасные по причине сильного падения воды, и проезжать там судам можно с большой осторожностью. От Нижнего до Казани (Casan) река течет на восток и юго-восток; от Казани до Астрахани и до Каспийского моря все время на юг. По берегам расположены красивые села и пажити, а кой-где города. Плавать, по этой реке и в мирное время не всегда безопасно из-за донских казаков, которые перевозят свои суда издалека по суше и внезапно нападают на русские лодки, ладьи и струги.

22-го проплыли мы мимо островов Телятинского (Tlevinsky) и Собщинского (Subsinsky), но нам трудно было продвигаться вперед из-за многих мелей. Здесь мы оставили на произвол судьбы якорь, который зацепился за корни.

23-го мы миновали без всяких затруднений острова Теплый (Dioploy) и Маза (Musa) и бросили якорь в Кременках (Kremonsky).

24-го мы дошли до деревни Бармино (Parmino), где причалили и весьма дешево закупили съестные припасы. Дальше плыли мы мимо разных островов и сел, и все время по обеим сторонам реки встречались то красивые и веселые равнины, то мелкие кустарники, здесь и там поля и луга.

29-го мы приехали в Васильгород (Wasilgorod), маленький город или местечко с деревянными домами, не имеющее ни стен, ни ворот. Оно лежит на правом берегу Волги, под широтой 55° 51′. С южной стороны Васильгорода протекает маленькая река Сура (Soura).

Начало черемисских татар

От Васильгорода начинается земля черемисских татар и тянется до Казани. Татары делятся на два племени: живущие на правом берегу Волги, нагорные (Nagorny), что значит живущие на горах, и те, которые живут на левом берегу, луговые (Lugowy), т. е. живущие на лугах, они на самом деле населяют прекрасную равнину и запасают много сена, которым нагорные кормят скот [111]. Это весьма дикий народ как по своей одежде, так и по своим нравам. Они не умеют ни читать, ни писать, их язык русский, но некоторые говорят на простом татарском языке. Это самые злые и свирепые язычники, каких я когда-либо видел; у них нет ни церквей, ни попов. Они не верят ни в воскресение

Природа и нравы

из мертвых, ни в загробную жизнь. Некоторые верят в бессмертного бога, который ими управляет, как земной король; и хотя они не ждут и не надеются на другую жизнь, но все-таки верят в существование злых духов и чертей, которые только и мучают их в этой жизни, почему приносят им жертвы и стараются их задобрить. Они говорят, что существует особая вода, в которой появляется отвратительный образ главного чорта Вельзевула, его они больше всего страшатся и боятся[112]. Они приносят в жертву диковинным образом лошадей, коров и овец. Натягивают кожу на шест, возле которого разводят большой огонь, и варят мясо. Потом берут в одну руку миску с кусками мяса, а в другую чашку с медом, бросают на натянутую кожу так, что все падает в огонь, и говорят: «О бог, прими эту жертву и услышь нашу молитву» (о здоровье, приплоде скота и других благах). Так как они не верят в будущую жизнь, то их бог не что иное, как добрый господин, а чорт—злодей и губитель, так что они могут сказать с полным основанием, что злой дух у них то же самое, что у нас, когда говорят про человека, что он чорт и губитель для другого. Они молятся солнцу, огню и воде. Когда умирает богатый человек, то закалывают лошадь, выбранную для этого случая, ее съедают родные и друзья покойного. Его одежды, в память о нем, вешают на дерево. Мужчины ходят в длинных белых халатах и носят штаны и чулки, сшитые вместе. Женатые выбривают наголо голову; но холостые носят длинные волосы, которые у них иногда распущены, а иногда заплетены и висят косичками, как у женщин. Женщины и девушки носят такую же одежду из холста и закрываются до самых глаз. Наряд невесты удивителен, украшен предметом наподобие рога в локоть вышиною, укрепленным прямо над лбом, на конце висит кисточка с колокольчиками. Они не знают ни об обрезании, ни о крещении, но соблюдают большие церемонии при даровании имен детям, когда им исполнится примерно полгода. Они назначают день и дают ребенку имя первого пришедшего. Они берут себе одновременно трех или четырех жен и не считаются с тем, что иные из них родные сестры; даже отец иногда берет в жены своих собственных дочерей, подобно сингалезам на Цейлоне, которые лишают девственности своих дочерей за десять или двенадцать дней до замужества, говоря: «Что же я посажу дерево и не соберу с него плодов, прежде чем передам его другому. Это было бы большим упущением и глупостью».

Обычаи, связанные со смертью

Их одежда

Берут много жен

Спят со своими дочерьми

Глава X

Сели на мель. Большая польза от липы. Несколько человек утонуло. Плодородие на берегах Волги. Прибытие в Казань, описание города. Положение Казанского царства. Покорение Казани русскими. Татары побеждают русских. Войска царя обратились в бегство. Москва взята. Царь платит дань татарам. Доблесть рязанского воеводы, который освобождает царя и страну.

Сели на мель

Июня 30 вышли мы снова и вскоре сели на мель и сошли с нее с неимоверным трудом и усилиями, потеряв при этом якорь и парус. Едва мы тронулись в путь, как снова сели на мель: эта каторжная работа замедляла наше путешествие.

Большая польза от липы

31-го мы прибыли в город Козьмодемьянск (Kusmademiansku), где бросили якорь и запаслись необходимыми съестными припасами. Город лежит против гор, по правую сторону, и вся местность покрыта множеством лип, с которых жители снимают лыко и всюду продают изготовленные из него сани, корзины, кошели. Они разрубают ствол на части и выделывают из них бадьи, ведра, ковши, кувшины и бочки. Это самый доходный промысел жителей, которые живут весьма бедно и плохо.

Июль 1669 г.

1 июля мы прошли мимо островов Тюрига (Turig) и Маслова (Maslof), снова сели на мель и потеряли наш якорь. К вечеру мы доехали до Мокрицы (Makrits), где снова стали на якорь. 2-го мы шли под парусом до города Чебоксары (Sabaksar), где часть наших людей сошла на берег и предъявила воеводе паспорт наших капитанов и приказ его величества. Мы получили пополнение команды, чтобы помочь нам доехать до Астрахани. Мы закупили различные съестные припасы и самые необходимые вещи.

Чебоксары самый красивый и укрепленный город из встречавшихся мне в этом краю, он хорошо застроен, достаточно крепок, и по случаю бунта казаков в нем больше войск, чем прежде. Когда все, что нам нужно, было сделано, мы снялись с якоря и 3 июля доплыли до острова Козина (Kosin), где нам пришлось немного задержаться по случаю мели, с которой мы впрочем довольно легко сошли. Миновав деревню Сундырь (Sundir), мы дошли до города Кокшага (Kokschaga), где бросили якорь, чтобы протащить судно по мели, длиной в десять миль, и нам стоило немалых трудов и усилий проволочить его; но мы довольно удачно, хотя и не без пота, раскусили этот твердый орех [113].

4-го мы были уже по ту сторону мели и подошли к деревне Веловка (Welofka), где опять крепко засели на мель, с которой нам удалось сойти. К вечеру мы стали у города Свияжска (Swiatkhy). Он обнесен деревянными стенами и башнями. Внутри его несколько церквей, монастырь, а также хорошо укрепленный Кремль, построенный из камня.

5-го мы снялись с якоря и прошли с попутным ветром до речки Казанки (Kasanka), по имени которой и названы Казанское царство и город Казань. Здесь, посредине реки Казанки, наше судно и яхта стали на якорь, и несколько человек, плывших по реке, снесло течением под наши корабли, а некоторые из них утонули. Несколько человек утонуло

В этой местности земля столь плодородна, что лучшую себе трудно представить: низкие берега и заливные луга, которые ежегодно затопляются Волгой, становятся от этого весьма тучными и плодородными. На протяжении 100 миль по течению реки Волги видишь орешник, вишню, сливу, черную, белую и красную смородину и другие плодовые деревья, дико растущие по берегам. Жители Казани принадлежат собственно к татарскому племени, хотя там по большей части употребляют русский язык, который, как мы слышали, распространился после того, как русские победили. Они не похищают людей и не разбойничают, как другие, ногайские, крымские, калмыцкие и дагестанские, татары. Они могли бы (когда захотели) обратить в рабство меня и двух моих товарищей, с которыми я удалился на три мили в глубь степи; но нас встретили приветливо и угостили молоком и хлебом.

6-го приплыли мы в лодке на веслах в Казань, чтобы уведомить градоуправителя, что мы служим на корабле и яхте его величества царя России и просим его благородие взять на себя труд посетить нас. Прибытие в Казань

8-го градоуправитель с митрополитом или архиепископом прибыли на наш корабль, проявили большое удивление и любопытство, увидев наши суда, так как никогда не видали ничего подобного.

Не менее изумлялся простой народ; с широко раскрытыми глазами, носами, ушами и ртами мужчины, женщины, дети приходили большими толпами из окрестных деревень, почти как на церковный праздник, чтобы поглядеть на это чудо.

Что касается Казани, то это довольно большой город, расположенный на левом берегу реки Волги, он начинается на холме и оканчивается в долине [114]. Он обнесен деревянными стенами и башнями, как и все прочие русские города, но Кремль обнесен Описание города

широкой каменной стеной, защищен пушками и солдатами. Вокруг Кремля протекает река Казанка, она делает его особенно неприступным, так как воду нельзя отвести. В городе довольно много съестных припасов, как и везде в этой стране. Каждый день приезжает на базар много крымских татар-купцов со множеством товаров, в том числе с собственными детьми; девочку или мальчика 15—16 лет можно купить за десять рейхсталеров. В городе Казани живут русские и татары, повинующиеся наместнику; Кремль охраняется исключительно русскими, ни один татарин не имеет туда доступа под страхом смертной казни [115]. В Кремле живет особый воевода, который командует в военных делах, а наместник распоряжается и управляет гражданскими.

Положение Казанского царства

Область называется, как и город, Казань; в прежнее время это было царство [116]. Казанская область лежит на левом берегу Волги и простирается на север до Сибири; на востоке доходит до ногайских татар. Раньше была весьма населена и могла выставить до 6 000 воинов, почему казанские татары долгое время воевали с русскими, но потом ослабели, уменьшились в числе и попали под власть царя, при Василии Ивановиче, который победил их в кровавой битве, завоевал все царство и посадил управителя [117]. Хотя тот был по рождению татарин, однако же всегда оказывал предпочтение московитам перед своими соотечественниками, которые его возненавидели, подняли восстание и призвали на помощь крымских татар, мухаммедан, не замедливших явиться с огромным войском и неожиданно соединившихся с восставшими. Они разбили войска великого государя и победоносно последовали за русскими в их страну. Царь поспешно собрал сильное войско. Произошла жестокая битва с татарами, но они пришлись ему не под силу, так что он должен был отступить со своим народом к Новгороду [118]. Тем временем татары подошли к Москве, заняли ее и разграбили вконец. Кремлевский замок держался довольно долго, осажденные храбро защищались, но с каждым днем они все более страдали, посылали татарам подарки, чтобы заключить мир или притти к соглашению, которое наконец состоялось на невыгодных для царя и его подданных условиях. Это возмутило его величество, и он не хотел сначала согласиться; но несчастье заставило его в конце концов собственноручно подписать договор и приложить печать. Предводителями татар были два брата, старший из них, по имени Менгли-Гирей (Mendligeritz) [119], воздвиг в Москве статую, перед которой раз в год московиты должны были устраи-

вать празднество. Младший брат Саип-Гирей (Sapgery) имел своим местопребыванием Казань, а другой отправился с войском на Рязань, осадил Кремль, потребовал сдачи и при этом заявил, что так решено по соглашению с Москвой. Воевода велел передать, что ему об этом ничего неизвестно, что он ничего не возьмет на веру и будет дожидаться известий. На это татары послали воеводе царскую грамоту и несколько офицеров, чтобы тот мог убедиться, в каком положении дела. Но воевода задержал и грамоту и послов и решил защищаться до последней капли крови. Они храбро отбивались, стреляли из пищалей и пускали стрелы, так что татары наконец потеряли мужество и известили воеводу, что они уйдут, если он вернет им грамоту. Но им отказали. Однако они сняли осаду и вернулись домой. Известие о том, дойдя до Москвы, вызвало большую радость, и статую Менгли-Гирея тут же разнесли на куски. Вскоре после того царь собрал войско в 25 000 человек, пошел на Казань и объявил татарам войну. Но они посмеялись над ним. В ответ на это московиты подошли к городу. Татары сопротивлялись с такой силой, что он вынужден был отступить ни с чем. Вскоре после этого умер царь, который ничего значительного за свою жизнь не совершил. Его сын Иван Васильевич повторил то же самое с большими силами, нанял много немцев и отправился со своим войском на Казань, осаждал город в течение восьми недель и штурмовал его не раз. Так как он боялся, что Менгли-Гирей придет на помощь своему брату, то предложил казанцам выгодный мир, который они отклонили и осмеяли. Тогда царь приказал сделать подкоп под стены и ров и потом взорвать, и они со страшным грохотом взлетели на воздух; московиты напали на город и овладели им. Казанские и крымские татары обратились в бегство куда и как могли. Великий государь велел обнести город крепкой широкой каменной стеной и укрепить башнями и больверками.

Мужество рязанского воеводы, который освобождает царя и страну

Между тем градоуправитель и архиепископ, после того как все осмотрели и хорошо угостились, возвратились в Казань. Мы снова вернулись с берега, и нас долго провожали большие толпы народа, которые следовали за нами с пением и плясками.

10-го мы нагрузили наш корабль большим количеством свинца, чтобы доставить его в Астрахань.

13-го я отправился с позволения начальника в Казань, чтобы заказать для капитана Бутлера две тысячи, а для себя тысячу сдобных сухарей за небольшие деньги, что нам со временем принесло большую пользу.

Глава XI

Отъезд из Казани. Диковинный способ ловить рыбу. Города, разоренные Тамерланом. Корабль сел на мель. Котлы и сковороды для выварки соли. Опасное путешествие по Волге. Начало земли калмыцких татар. Новый город, построенный для отражения разбойников. Большой город, разрушенный Тамерланом. Много сладкого корня вблизи и вокруг Астрахани.

Июль 1669 г. Отъезд из Казани

Июля 17 мы вышли на парусах из Казани и наехали на большую мель, с которой мы снимались два раза, и отделались от нее довольно быстро.

18-го мы бросили якорь у острова Старицы (Staritzo), на котором наши лоцманы нашли камни, похожие на лимоны и апельсины, очень твердые и тяжелые, напоминающие наощупь железо. Разбив их на куски, нашли внутри звездочки золотого, серебряного, желтого или коричневого цвета. Остров лежит под 54° 3′ широты, длиной около трех миль.

19-го мы продолжали путешествие и дошли до острова Потенки (Potensky), где нам пришлось дважды задержаться, чтобы переждать жестокую бурю.

Диковинная ловля рыбы

22-го мы миновали речку Ботьма (Buytma), приток большой реки Камы (Kama), в двенадцати милях от Казани. Она начинается на северо-востоке и впадает слева в реку Волгу, вода в ней бурая, а ширина ее, как у реки Амстель. Мы встретили здесь рыбаков, наловивших больше всего лещей, часть которых мы у них купили. Ловля рыбы происходит у них следующим странным образом: они опускают на дно камень, привязанный к веревке, прикрепленной к легкому деревянному поплавку. К этой длинной веревке прикрепляют много маленьких крючов с надетыми на них рыбешками и ловят несчетное количество крупной рыбы, так как Волга весьма ею богата.

Города, разоренные Тамерланом

23-го мы шли по приветливой местности, где на равнине еще видны развалины и остатки большого города, а также Симбирска (Simberska gora), города, некогда разрушенного Тамерланом. Между тем поднялся сильный ветер, и мы были вынуждены следующий день простоять на якоре. Тогда я с несколькими товарищами поднялся на гору Арбухим (Arbuchim), на которой прежде был город того же имени [120]. Там мы увидели большой камень, на котором было написано: «Коли вы меня сдвинете с места, это принесет вам счастье». Некоторые русские были охвачены жела-

нием узнать, что из этого выйдет, они подкопали камень так, что он перевернулся. Они надеялись найти клад и прочли на обратной стороне камня следующие слова: «Чего вы ищете? Здесь ничего нет». Земля здесь хорошая, ровная и тучная, немного холмов и кустарников, все кругом заросло прекрасной травой, ее не косят и на ней не пасут скот. Местность безлюдная, повсюду видны развалины и следы городов и деревень, разрушенных Тамерланом.

Опасное пребывание на мели

27-го мы прошли мимо реки и города Адробы (Adrobe), лежащего под 54° 48′ широты. Здесь мы снова сели на мель и совсем было потеряли присутствие духа после долгих трудов и усилий и не видели иного выхода, как покинуть корабль. Но вскоре неожиданно поднявшаяся жестокая буря спасла нас.

29-го мы остановились у Соляной горы, где расположились две недавно отстроенные деревни. Мы увидели много соляных котлов и сковород, в которых русские вываривали соль. Они добывают ее из ближайших лощин и котловин, где под жаркими лучами солнца образуются большие залежи соли, которую отправляют большими грузами вверх по Волге, по направлению к Москве. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли.

30-го мы вышли под парусами и поплыли дальше, и вскоре сели на песчаную мель, с которой снялись с большим трудом, потеряв якорь и толстый канат длиной в 80 морских саженей.

Опасное плавание по Волге

31-го поднялась сильная буря, и мы не могли плыть дальше без того, чтобы при быстрой езде не разбить корабль на том или ином каменистом месте или не получить пробоину. Поэтому мы в течение дня проходили очень недолгий и недлинный путь. При слабом ветре мы могли только ползти, при сильном совсем не трогались с места и были вынуждены до 4 августа простоять на якоре.

Август 1669 г.

5 августа мы дошли до рыбачьего поселка, где купили много хорошей рыбы и икры по ничтожной цене. Нам опять пришлось постоять из-за свирепого ветра, и на другой день мы проплыли близ острова Кистоватого (Kistowato), с ровными и отлогими берегами, которые сильно сужают Волгу. Там видна река Уса (Ussa), которая огибает Самару и впадает в Волгу; берега реки так красивы, как только можно представить. Но русские сообщили нам, что здесь весьма опасно проезжать из-за разбойников, которые скрываются в кустарниках и, завидя кого-нибудь с гор, быстро нападают на него. На названной реке стоят казачьи лодки и ладьи. Местность здесь покрыта множеством холмов, среди которых по-

падаются высокие горы. Там стоит гора, которая называется Царев Курган (Sariol Kurgan). Передают, что в ней погребен с 70 королями татарский царь, который поднялся по Волге, чтобы покорить Россию, и что воины принесли в шлемах и щитах землю на его могилу и насыпали высокую гору [121]. Некоторые горы поросли кустарником, другие совершенно голы, большей частью скалы желтого, красного и белого песчаника.

8-го мы плыли на парусах дальше, до города Самары (Samara), названного так по реке, протекающей через него. Город лежит на левом берегу Волги; построен четырехугольником, большей частью деревянными постройками, за исключением каменных церквей и монастырей.

9-го мы миновали Казачью гору (Cosakken-Bergn), названную так в память множества казаков, убитых здесь московитами и беспокоивших до того всю эту местность страшными разбоями и поджогами. Но после поражения о них до сих пор ничего не слышно. За Самарой поднимаются высокие горы, покрытые лесами, но Казачья гора обнажена и пустынна. Вечером мы миновали остров Баньшину (Pantzina), и на другой день Согнинск (Sageninsko).

11-го мы проплыли мимо острова Чагры (Zagra), где было много рыбаков, продававших рыбу за небольшие деньги. Здесь получили мы известие, что несколько тысяч взбунтовавшихся донских казаков находятся на острове Четыре Бугра (Satyry Boggere) (в устье Волги, при впадении в Каспийское море) и что их суда делают небезопасным плавание во всех направлениях по Волге и морю.

12-го мы проплыли мимо различных островов, как Соснов (Sasnow), Осино (Ossino), Шипнамаго (Schipnamago), Колтов (Koltof) и других, поросших большей частью кустарником и деревьями [122].

13-го увидели мы Змиеву гору (Smiowa), что значит змея, и названную так, по нашему мнению, потому, что она вся извивается. Но русские говорят, что в прежнее время здесь водились очень большие змеи, побежденные одним рыцарем, который их разрубил и искромсал на куски и превратил в камни, видимые и по сей день [123].

Начало земли калмыцких татар

14-го мы бросили якорь в Саратове, лежащем под 52° 12′ широты на равнине у рукава Волги, который течет слева от него. В нем живут только московский воевода, стрельцы, назначенные

для защиты от казаков и калмыцких татар, границы которых начинаются с этого места. Эти калмыки отвратительные, мерзкие, безобразные люди, и даже у готтентотов и уродливых мавров более приветливые и красивые лица, чем у них. Лица их широки, почти четырехугольны, большие изогнутые носы и рты, расставленные до ушей. Глаза у большинства занимают всю верхнюю часть лица. На головах они носят хохол и одеваются так, как изображено на прилагаемом рисунке. Они почти не ходят пешком, а всегда сидят на лошади, как бы приросли к ней; оружие их — стрелы и лук. Они большие людокрады и находятся в постоянной вражде с ногайскими татарами, живущими под Астраханью; они крадут друг у друга скот и людей и обычно продают их в Астрахани, где заведены три базарных дня: для русских, ногайцев и калмыков; последние не выносят друг друга, несмотря на то, что те и другие мухаммедане и подчинены великому государю московскому. И те и другие людокрады, но крымские, хотя они тоже нехристи, прокармливают себя одним скотоводством. Они не живут ни в городах, ни в селах, ни в домах, но поселяются отрядами или кочевьями в маленьких хижинах на том или другом тучном пастбище. Когда их лошади, верблюды, коровы и мелкий скот оголят и сожрут все дочиста, они поднимаются с этого места и переходят на другое пастбище. Любимая их пища — конское мясо, которое они не варят и не жарят, а только кладут на некоторое время под седло.

15-го мы миновали два острова — Криушу (Kriusna) и Сапуновку (Sapounofka) и Золотую гору (Solottogory), названную так по большому сокровищу, награбленному некогда татарами, делившими между собой золото шапками после разгрома большой станицы или каравана [124]. 16-го миновали мы протекающую по левую сторону реку Еруслан (Ruslan) и напротив нее круглую гору Ураков Каруль (Urakofskarul), по имени погребенного там татарского князя Урака (Urak). Река эта впадает в Дон, или Танаис (Tanais), где живут донские казаки и где родина и местопребывание Стеньки Разина (Stenko Radzin). При устье Еруслана русскими построен в 1668 г. новый город, названный Камышинкой (Kamuschinka), чтобы пересечь дорогу донским казакам, которые на своих судах переправлялись из Еруслана в Волгу и занимались крупным разбоем. Но это мало помешало хищникам; они нашли другие пути к Волге, провозя свои суда, которые весьма легки, на колесах семь миль сушей по хорошей ровной дороге.

Новый город, построенный для защиты от разбойников

17-го нас задержал сильный ветер, а 18-го мы прибыли в Царицын (Czaritza), расположенный на холме на правом берегу. Он невелик, но хорошо укреплен и окружен шестью добрыми больверками, в которых всегда находится засада стрельцов, зорко следящих за татарами и казаками.

Большой город, разрушенный Тамерланом

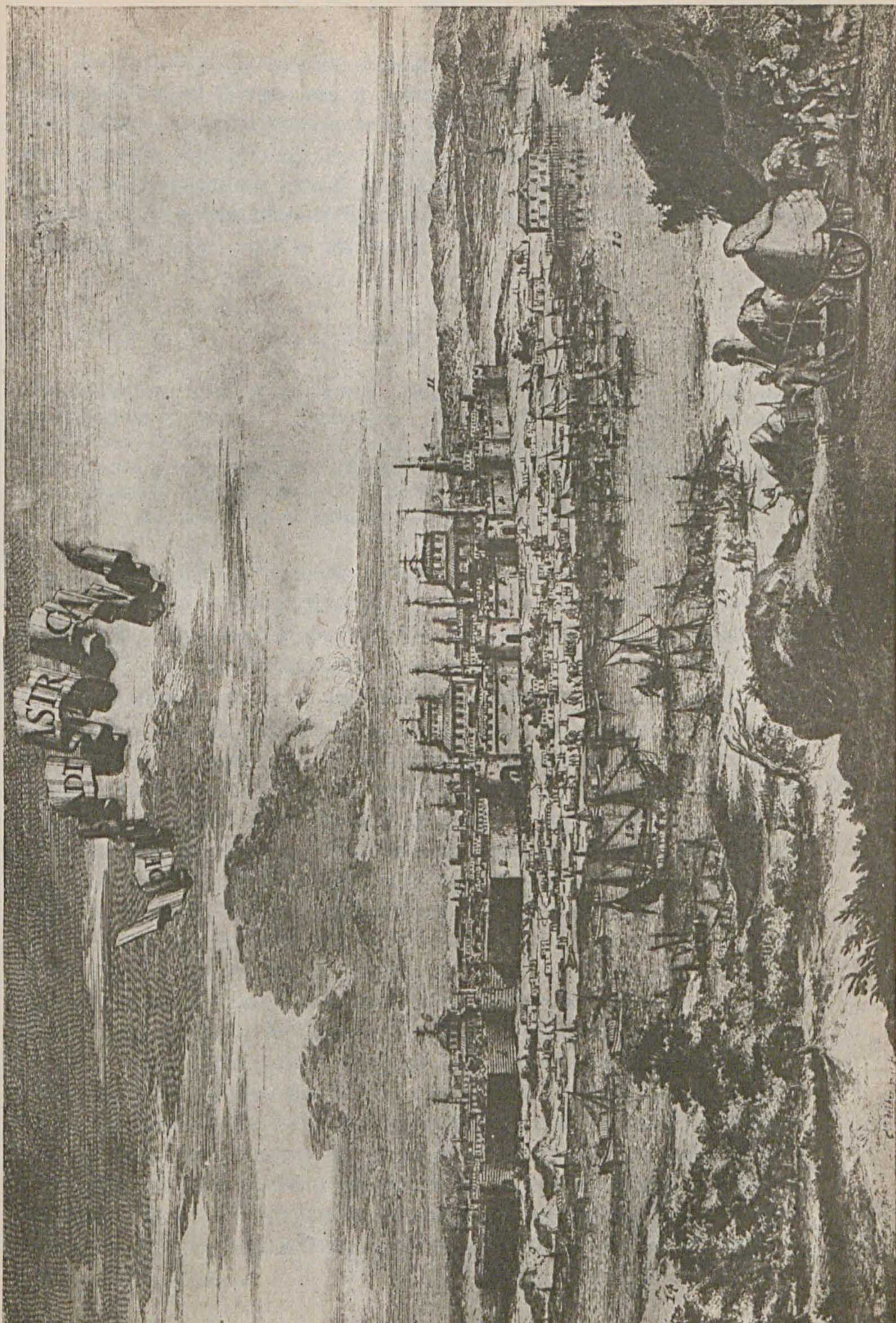
19-го мы миновали развалины города Царева (Czarefgorod), построенного из обожженных кирпичей и совершенно уничтоженного бешеным Тамерланом. Сохранившиеся стены и другие остатки были большей частью увезены в Астрахань и употреблены на постройку стен, церквей, башен и монастырей.

Много сладкого корня вблизи и вокруг Астрахани

19 августа мы прошли много мелей и наконец сели с поднятыми парусами на песчаную отмель, и нам стоило большого труда и усилий сдвинуться с места, что нам счастливо удалось сделать по прошествии нескольких часов. В тех краях до самой Астрахани растет в изобилии сладкий корень лакрица, и земля до самого Каспийского моря пустынна, песчана и неудобна для обработки.

21-го мы прошли мимо высокого острова Вязового (Wesawoy), лежащего по правую сторону Волги. В тот же день прибыли мы в город Tzornogar или Чернояр (Tzornojar), который по условиям местности хорошо защищен: вокруг него выстроены сильные укрепления с восемью башнями. Он населен русскими солдатами, и на каждом углу города, на расстоянии четверти часа друг от друга, выстроены сторожевые посты, с которых, как с башен, можно видеть окрестную равнину, повсюду ровную, не поросшую даже кустарником. Город этот возник на месте нападения четырехсот казаков, разоривших русский караван; выждавши в засаде, пока проплыли мимо лодки с конвоем или сопровождавшими стрельцами, они напали на остальные и учинили большой грабеж и убийство. И так как течение в этом месте весьма сильное, то вооруженные лодки не могли так поспешно и быстро повернуть против течения. Тем временем казаки сели на коней и умчались с добычей [125]. Чтобы предупредить подобные несчастья, великий государь велел построить эту крепость. В Чернояре встретили мы персидского посла, направляющегося в Москву на своем корабле; он посетил наше судно, и мы встретили его выстрелами.

22-го мы вышли на парусах и проплыли мимо горы Половина (Polown). Мы задержались на острове Кисяр (Kitziar), на другой день плыли при попутном ветре с такой быстротой, что к вечеру увидели вдалеке Астрахань.

10

24-го числа мы вошли с божьей помощью и милостью в знаменитый город Астрахань и в виде приветствия выстрелили из всех пушек, так что жители этому весьма удивились. До 1 сентября мы стояли неподалеку от города, а затем подошли ближе и с нашими кораблем и яхтой причалили к берегу, горячо благодаря бога за то, что утомленные бурями, стужей и ветрами мы избавились наконец от всех мук и лишений.

Глава XII

Описание города Астрахани. Жители. Астрахань становится подвластной царю. Хижины странной постройки. Дешевы съестные припасы. Водка дорога. Хорошая соль в степи. Диковинные плоды, растущие там. Наружность и обычаи ногайских татар. Их одежда. Их жизнь и промыслы. Их пища. Конское мясо, молоко и кровь ценятся ими очень высоко.

Расположение города Астрахани

ГОРОД Астрахань лежит на границе Европы и Азии, на острове Долгом (Delgoy), в области ногайских татар, под широтой 46° 22′, на расстоянии приблизительно 50 миль от Каспийского моря. Он окружен толстой каменной стеной, на которой стоят 500 металлических пушек. В городе всегда сильный гарнизон для защиты от татар и казаков.

Жители

С внешней стороны из-за множества башен и церковных глав Астрахань выглядит весьма красивой. Это отличный торговый город, где торгуют не только бухарские, крымские, ногайские и калмыцкие татары, но также персы, армяне, индусы, приезжающие в Астрахань по Каспийскому морю на кораблях, с грузом примерно в 40 ласт. На их судах весьма трудно переплыть море, они должны все время итти по ветру, а ставить паруса при боковом ветре они не могут, не подвергая себя опасности перевернуться. В городе сильно развита торговля, главным образом шелком. В прежние времена Астрахань была местопребыванием царя ногайских татар; но союз, который они заключили с крымскими и казанскими татарами, привел их под власть России. По заключенному ими союзу они поддерживали друг друга. Казани, покоренной Иваном Васильевичем, помогали ногайцы, которые таким образом ввязались в войну. Царство их было опустошено, и город Астрахань был взят штурмом помянутым государем. Татары были изгнаны, а на их место были поселены русские вольные люди и

Астрахань покорена русскими

солдаты. Тогда Астрахань не была такой большой, как сейчас. Отец теперешнего царя увеличил город на одну треть и назвал эту часть стрелецким городом, так как ее заселили большей частью солдатами. С тех пор город еще увеличился и изменился[126]. Царь получает большие доходы как от торговли и обмена, так и от пошлин. В этом краю очень тепло и земля довольно плодородна. Здесь растут в изобилии арбузы, яблоки, груши, вишни и многие другие фрукты. Встречается также отличный крупный виноград, с ягодами больше сустава на пальцах руки. Некогда здесь не было виноградников, и в 1613 г. персидские купцы подарили немецкому монаху, крещеному в русскую веру, первый куст винограда, который тот посадил в своем монастыре, неподалеку от Астрахани, и который благодаря частому пересаживанию и уходу так хорошо привился и разросся, что теперь ежегодно посылают государю двести боченков вина и наверное пятьдесят боченков водки, отжатых и приготовленных на месте[127]. Туземным или ногайским татарам не дозволяется жить в городе, и они должны селиться за его чертой, им также запрещают обносить свои жилища стеной или валом. Несколько лет тому назад им разрешили, после настоятельных просьб и прошений, защититься от разбойников изгородью. У них во всей области нет ни городов, ни деревень, ибо они живут в хижинах, весьма странно построенных. Хижины их круглые и обычно имеют десять футов в поперечнике, сплетены из камыша или древесной коры и защищены от дождя войлочными тряпками; наверху отверстие, покрытое вертящимся по ветру ящиком, который заменяет печную трубу. После того как костер, обычно из хвороста и коровьего навоза, прогорит, это отверстие затыкают войлочной тряпкой. Когда наступают большие холода, они завешивают стены войлоком, и женщины и дети жмутся к очагу и горячей золе[128].

Странной постройки хижины

По причине такого плодородия в Астрахани все весьма дешево. Я покупал за один стейвер 10—12 арбузов, а другие фрукты — смотря по их качеству. Рыба и мясо продаются за ничтожную цену. Крупный осетр или карп в 30 фунтов весом, или 25 сельдей, таких жирных, каких я никогда не видел в Голландии, также стоят один стейвер. Кроме того здесь множество окуней, линей, щук и судаков (Sandak), по своему вкусу и виду напоминающих слоистую треску. Прекрасная и жирная говядина и баранина — фунт за один ордье. Всевозможную дичь можно приобрести почти даром, особенно одну породу диких гусей и больших красных

Очень дешевая жизнь

уток, которых ловят татары с обученными соколами и перепелятниками. На островах, поросших камышом, в окрестностях Астрахани ловят эту дичь. Там же много островов, поросших кустарником; на них водятся кабаны, за которыми охотятся татары и дешево продают их, ибо они сами, как мухаммедане, не едят свинины. Короче, жизнь настолько дешева, что здесь для того, чтобы жить в довольстве, не нужно так много тратить, как у нас на скудную пищу и другие припасы. Только водка здесь очень дорога, ибо в Нижнем-Новгороде мы покупали ведро за 36 стейверов, в то время как здесь нужно заплатить 25 гульденов, к чему у нас не было особого желания. Но русские не берегли и не считались со своими деньгами, и им пришлось испытать нужду и недостаток в других вещах.

Дорогая водка

К востоку от реки широко простирается большая высохшая и пустынная степь (Step), в которой находят много хорошей соли, выпаренной солнцем и лежащей большими прозрачными кристаллами, подобно льду. Она добывается в горных пещерах, и на Волге развита большая торговля солью. Она достается тому, кто ее добывает. С восьмидесяти фунтов царь получает пошлины $2^1/_2$ стейвера. В этой степи и пустыне и растет баранец (Boranez или Bornitsch, как некоторые называют) — плод, величиной с тыкву; по виду он напоминает барана с головой, ногами и хвостом, отчего и произошло его название; Boran по-русски и значит баран. Особенно замечательна шкура, покрывающая снаружи это растение, с блестящей белой и очень тонкой, как шелк, шерстью. Эти шкуры весьма высоко ценятся татарами и русскими, и я сам видел такие в продаже и узнал о них. Такую шкуру можно видеть в Амстердаме в доме господина Яна Якобса Сваммердама (Sr. Ian Iacobsa Swammerdam)[129], знаменитого любителя всех замечательных чужестранных редкостей, какие можно добыть и получить из других земель. Эта шкура досталась ему от одного боцмана, который попал в рабство в Китае, нашел там баранец и сшил себе из него одежду. Его вид и особенности по описанию очень подходят к тому, что астраханцы рассказывают в следующих словах: он растет на кусте, вышиной в три фута, доходящем до пупа ягненка. Плод поворачивается подобно цветку подсолнечника, так что нагибается к растущим вокруг него травам. Они говорят, что если трава вокруг засыхает, растение, потеряв свою пищу, увядает; но я охотно поверил, что оно обычным для всех растений путем в свое время расцветает и увядает, хотя астраханцы свято кля-

Прекрасная соль в пустыне

Странный плод в пустыне

нутся, что вышеописанное увядание и гибель происходят не только, когда засыхают травы, а также и когда их косят и убирают еще зелеными. Кроме того передают, что волки очень любят этот баранец и что у него есть мясо, кровь и ноги и другие обстоятельства, что мне кажется сказочным и о чем я не нахожу нужным упоминать [130].

Наружность и обычаи ногайских татар

Ногайские и крымские татары — толстые, с широкими лицами, маленькими глазами и желто-коричневой кожей. Глаза у мужчин глубоко запали, как у старух, вокруг рта у них так редки волосы, как колосья у бедняков; они бреют головы, отсюда можно заключить, какой у них приятный и красивый вид. Но все-таки они не так безобразны, как калмыки. Они всегда носят длинную одежду из серого сукна, остальное одеяние состоит из шубы и шапки на бараньем меху. Женщины ходят, как и у калмыков, в длинных юбках из грубого белого холста и в круглых шапках в складку, которые заканчиваются как шлем, украшены и увешаны русскими копейками. Первенцы (также и дочери) еще в чреве матери посвящаются какому-нибудь святому, и в знак того, что принадлежат ему, носят кольца с бирюзой и рубином в ухе; девочки же — в правой ноздре.

Их одежда

Их образ жизни и уклад

Летом у них нет твердого и постоянного места, они меняют лучшие пастбища так же, как и калмыки. Когда они снимаются с места, то увозят свои хижины на высоких повозках, для чего они и предназначаются, и перекочевывают так с женами и детьми. Они перевозят свою утварь на лошадях, верблюдах, волах и коровах. Зимой они приезжают под Астрахань и располагаются рядами один за другим, чтоб успеть в нужде помочь друг другу. Когда замерзает Волга, на них нападают и грабят исконные их враги — калмыки. Для того чтобы они смогли лучше защищаться, астраханский воевода дает им оружие, которое они должны вернуть с началом лета; оружия им не оставляют, так как боятся восстания. Для того чтобы предупредить его, их принуждают оставлять заложниками своих князей или мирз [131] в Астраханской крепости, причем одна партия сменяет другую.

Их промысел

Ногайские татары промышляют ловлей рыб и птиц, разведением скота и охотой. У них большие и сильные коровы, жирные овцы с толстыми хвостами, весом в 20 с лишним фунтов. У овец кривые высокие носы, отвислые уши, как у охотничьих собак. Лошади их неказистые и некрасивые, но весьма сильные и выносливые в беге. Есть у них и верблюды, но мало. Обычная пища

у татар вместо хлеба сушеная рыба. Они пекут также пироги из риса и ячменя на масле или на меду. Они едят различное мясо, но отдают предпочтение конине. Они пьют воду и молоко, считая конское самым лучшим. Что касается богослужения, то они мухаммедане на персидский лад [132]. Царь разрешает им иметь собственных князей, начальников и судей. Они не платят дани его величеству, а вместо того должны являться на службу по его требованию, на что они охотно соглашаются по своим разбойничьим склонностям и поставляют несколько тысяч воинов.

Глава XIII

Подразделение казаков. Происхождение Стеньки. Причина восстания. Возникновение недовольства. Коварная жестокость Стеньки. Воевода Астрахани снаряжается против Стеньки. Стенька бежит со своими приверженцами и мирится с царем. Невероятные сокровища и драгоценные одежды казаков. Наружность и нрав Стеньки Разина. Встреча и разговор Я. Я. Стрейса со Стенькой. Держит наложницей персидскую княжну, собственноручно бросает ее в Волгу. Как и каким образом он наказывает за блуд.

Сентября 3 на наш корабль явилось много немецких офицеров, которые нас сердечно поздравили с прибытием и пригласили посетить их дома, где нас великолепно угощали. Незадолго до того, как мы сюда приехали, русский флот отправился против казаков, но прежде, чем я сообщу об этом, я хочу рассказать читателю о причине этого мощного и большого восстания, главой и зачинщиком которого был Стенька Разин, и немного описать казаков. Сентябрь 1669 г.

Их два рода: запорожские (Saporoksky) и донские (Donsky). Первые исстари подвластны польской короне, живут на островах по Борисфену или Днепру, в Киевской области. В этой прославленной реке имеются подводные камни, образующие водоразделы, и более чем пятьдесят островов, которые на их языке называются порогами (собственно говоря, ступеньки). И оттого, что казаки (как уже сказано) живут на этих островах, их называют запорожскими или заступеньчатыми казаками. Их дело и служба состоят в том, чтобы закрывать доступ татарам и другим врагам в польское государство. Они называются казаками по той быстроте, с какой они переносятся с места на место, от славянского слова коза (Cosa). Подразделение казаков

Донские казаки — те, которые живут на знаменитой реке Танаис или Дон и находятся под властью великого царя. Это скорее добровольное, чем вынужденное подчинение, отчего они пользуются особыми замечательными правами, живут по своим законам и находятся под управлением головы или начальника, которого сами выбирают. Они пользуются такой большой свободой, что когда к ним переходят холопы бояр или знатных людей, то владельцы не имеют на них дальнейших прав.

Из казаков происходит Стенька Разин, который (как мы уже упоминали) осмелился так дерзко восстать против царя Алексея Михайловича. Он сам объявил причину своего ослушания — месть за брата, погубленного боярином, князем Юрием Алексеевичем Долгоруким (Knees Jurie Alexewitz Dolgeroecky) в 1665 г. Тот был в походе против поляков [133] с отрядом донских казаков, состоявших на царской службе. С наступлением осени, когда его верная служба в походе окончилась, он попросил у названного князя отпустить его со своим отрядом; но князь, которому нелегко было тогда отказаться от его службы, не дал на это согласия, после чего казаки, не получив отпуска, ушли домой по приказу брата Стеньки, на что полководец рассердился и тотчас повелел схватить Разина как зачинщика и повесить. Это принято считать причиной его недовольства или, вернее, поводом к его варварским жестокостям. Но это неверно, что следует из того, что он выступает с оружием не только против царя, но и против шаха персидского, который не причинил ему ни вреда, ни несправедливости, так что настоящую причину и основание его жестокого и злонамеренного поведения приходится искать в нем самом. В 1667 г. начал он свои злодеяния на Волге, захватывая и грабя различные богатые и большие суда, называемые насадами (Nassade), нагруженные добром, принадлежащим монастырям, духовенству, некоторым купцам из Ярославля (Jeroslauw), Вологды (Wollagda) и другим лицам. Отсюда он с бывшими при нем казаками отправился к городу Яику (Jaik), овладел им и вышел в Каспийское море, и снова вернулся на Волгу и, разоряя рыбачьи поселки, опустошил местечки и деревни, нанеся жителям большой вред[134]. Затем он отправился в город Терки (Terky) и на границу Персии, где разбойничал и разорял подданных как шаха, так и царя [135]. Жители одного персидского городка, услышав о его появлении, переселились из своих домов на находившуюся поблизости гору, где считали себя в безопасности. Но он велел передать им, чтобы они его не боя-

Происхождение Стеньки

Причина восстания

Первое проявление его недовольства

Коварная жестокость Стеньки

лись и без робости вернулись обратно, что он пришел не с тем, чтобы причинить насилие и быть им в тягость, но только для того, чтобы купить за деньги все необходимое. Горожане поверили его словам и спустились с горы в город, и каждый открыл свою лавку или мелочную торговлю. Стенька со своими казаками покупал всевозможные товары и хорошо расплачивался; но дал своим приверженцам указание, что когда он пройдется по рынку, надев на новый лад шапку, они могут напасть на бедных людей. Так и случилось, и все жители самым плачевным образом были лишены жизни [136]. Таким образом и способом он хозяйничал во многих других местах, а также на индийской границе.

Астраханский воевода снаряжается против Стеньки

Астраханский воевода, князь Иван Семенович Прозоровский [137] (Knees Ivan Simoniwits Prosorofsky), выступил с большими силами против Стеньки Разина, ибо уже наступило к тому время, и велел поспешно приготовить все суда, с которыми он отправил третье лицо в Астрахани, князя Семена Ивановича Львова (Knees Simeum Ivenowits Geboof), чтобы разыскать казаков и по возможности дать им бой. То войско состояло из 36 стругов, на которых было свыше 4 000 человек[138]. У казаков было 22 струга и 600 человек, которые засели на хорошо охраняемом ими острове Четыре Бугра (Satyry Boggere), близ устья Волги, у самого Каспийского моря, где они поставили на вершине холма сторожку, чтобы наблюдать за берегами, Волгой и Каспийским морем. Они засели на острове так надежно, как только было возможно, ибо тот остров был скалой, заросшей со всех сторон камышом, и подступить к нему можно было лишь в одном месте. Едва только казаки заметили флот князя Семена, как обратились в бегство, и русские положили напрасные усилия, чтобы их догнать и изловить, поэтому они стали на другой путь и решили силой или обманом усмирить и истребить непокорных. Его царское величество прислало к господину Прозоровскому милостивую грамоту для Стеньки Разина, по которой последнему, ежели он тотчас покажет послушание царю, повергнется перед ним и впредь будет ему служить как верный подданный, обещано прощение и милость. Этот хитрый и продувной казак не рассчитывал на такой хороший исход, принял предложение с охотой и радостью, ибо испытывал крайнюю нужду от голода и других недостач, и он был бы вынужден сдаться без боя, положившись на гнев или милость, чтобы не умереть со своими приверженцами от голода или извести и погубить друг друга; ибо они испытывали такую нужду и недостачу,

Обращаются в бегство

Примирение с царем

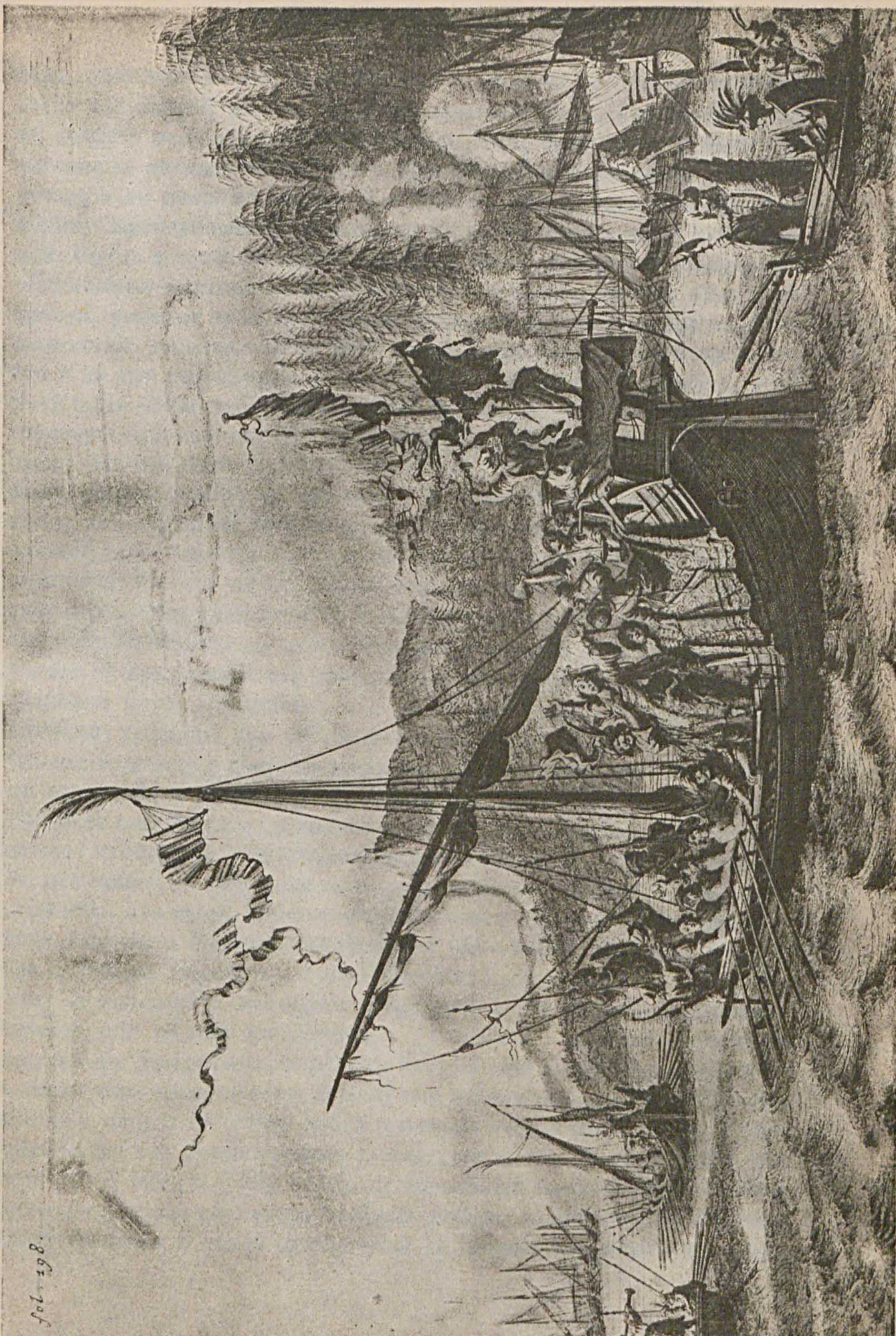
что ограбили персидскую барку, в которой посланник вез в дар его величеству несколько лошадей; лошадей зарезали и весьма бережливо поедали. В таком тяжком положении находились казаки, когда царская милость, прощение и благоволение спасли их из пасти смерти [139].

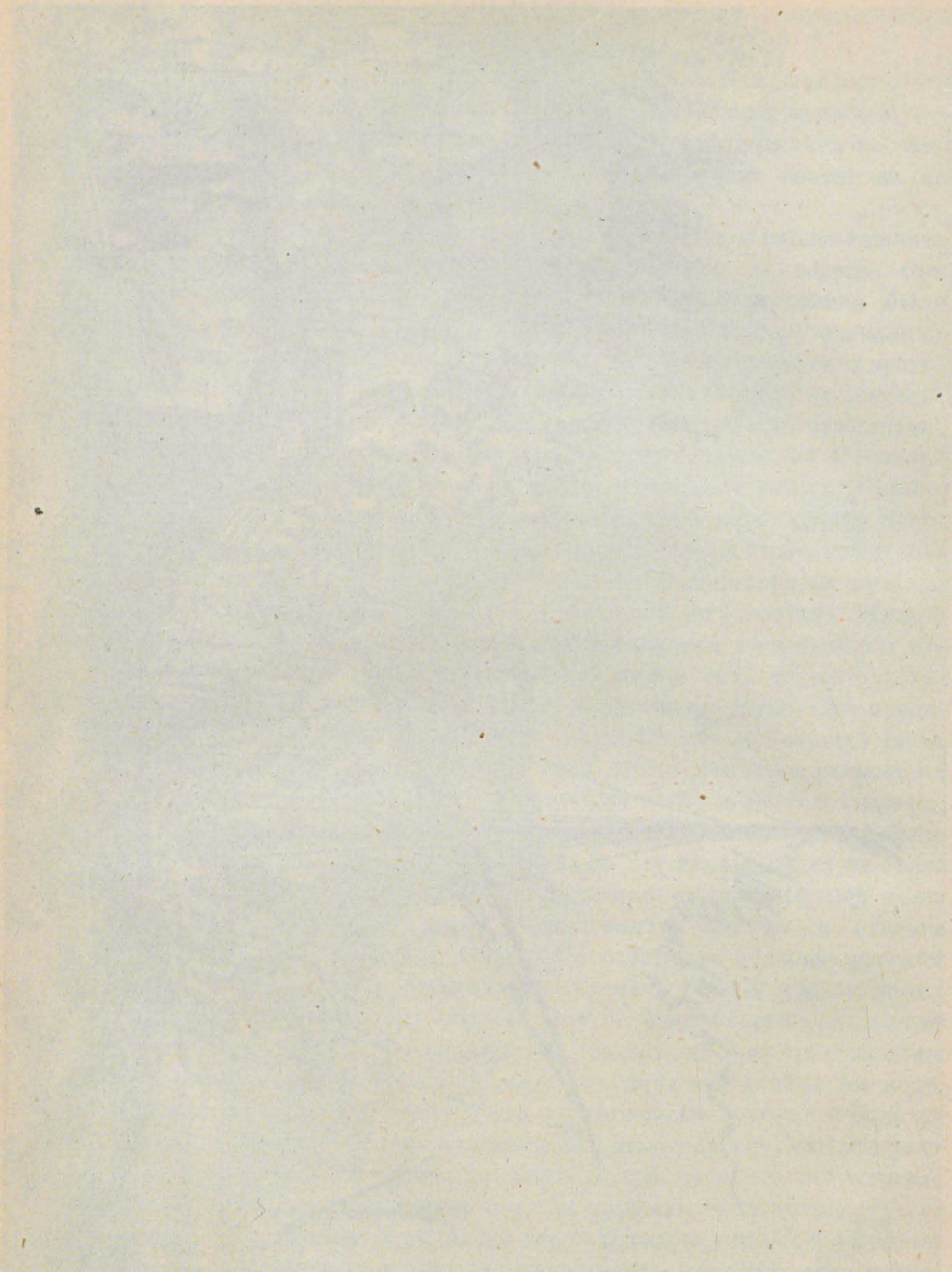
Большие сокровища и драгоценная одежда казаков

После того все они отправились в Астрахань и расположились на острове, на расстоянии примерно получаса от города. Они приезжали оттуда отрядами в город, и простые казаки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканные золотом. Некоторые носили на шапках короны из жемчуга и драгоценных камней, и Стеньку нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделялся по чести, которую ему оказывали, когда все во время беседы с ним становились на колени и склонялись головою до земли, называя его не иначе, как батька (Batske) или отец, и конечно он был отцом многих безбожных детей. Я его несколько раз видел в городе и на струге. Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью. Казаки ежедневно приезжали в город и продавали там несказанно и невероятно дорогую добычу, собранную ими с 1667 до 1671 г. на Волге, в Каспийском море, от персов, русских и татар. Они продавали фунт шелку за три стейвера, и скупали его по большей части армяне и персы, составившие таким путем большие сокровища и богатства. Я купил у казака большую цепь, длиной в 1 клафт, состоящую из звеньев, как браслет, и между каждой долей было вплавлено пять драгоценных камней. За эту цепь я отдал не более 40 рублей, или 70 гульденов. Однажды наш капитан Бутлер велел мне и остальным матросам приготовить шлюпку и отвезти в лагерь Стеньки Разина. Он взял с собой две бутылки русской водки, которую по прибытии поднес Стеньке Разину и его тайному советнику, называемому обычно Чортов Ус, которые приняли ее охотно и с большой благодарностью, так как они и их приверженцы не видели и не пробовали водки с тех пор, как стояли на воде. Стенька сидел с Чортовым Усом и некоторыми другими в палатке и велел спросить, что мы за народ. Мы ответили ему, что мы немцы, состоящие на службе на корабле его царского величества, чтобы объехать Каспийское море, и прибыли приветствовать его светлость и милость и поднести две бутылки водки. После чего он сказал нам сесть и выпил за здоровье его царского величества. Каким лживым языком и с какой хитростью в сердце было это ска-

Наружность и поведение Стеньки Разина

Разговор Стрейса со Стенькой

fol. 198.

зано, довольно известно из опыта. В один из последующих дней, когда мы второй раз посетили казацкий лагерь, Разин пребывал на судне с тем, чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканные золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришлась ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя. В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд. Случилось, что казак имел дело с чужой женой. Стенька, услышав про это, велел взять обоих под стражу и вскоре бросил мужчину в реку; но женщина должна была перенести иное: он велел вбить столб у воды и повесить ее на нем за ноги. Она прожила еще 24 часа, и голова ее стала вдвое толще. Не было заметно, чтобы она испытывала сильные мучения, ибо не слыхали от нее крика, и она даже говорила разумные слова. Казаки сказали нам, что кроме набегов на суше они захватили много приморских городов в Персии, как Низабат (Nisabath), Шаберан (Scabaran), Мардов (Mardow), Такуз (Tachusi), расположенные неподалеку от высокой и всемирно известной горы Бармак (Barmach), отсюда они пошли на Астрабат (Astrabath) и Баку, взяли их врасплох и разграбили, изрубили все, что им попадалось под руки, сожгли дома и имущество. В Баку они нашли много хорошего вина, которое поделили между собой и начали весело пить, отчего большая часть их, непривычных к вину, опьянела. В то время у них было от 5 000 до 6 000 человек, способных носить оружие. Тем временем персы поспешно собрали войско и напали на пьяных и неосторожных с такой храбростью и силой, что перебили почти

Вторая встреча со Стенькой

Держит при себе любовницу-княжну

Наказание за блуд

всех, кроме 400—500 человек, которые спаслись бегством на стругах. Стенька сам находился в крайней опасности и без сомнения попал бы живым в плен, если бы его телохранители не защитили его во-время и не нашли бы средств и пути, чтобы скрыться [140].

Это так их ослабило и приостановило приток пополнений, что у них долго не было достаточно войска и силы для совершения набега, ибо персы, равно как и казаки и дагестанские татары, расставили хорошую стражу на берегах и на горах, и разбойники были вынуждены обходиться одним морем. Но и там все были осведомлены и остерегались, так что разбойникам только изредка удавалось урвать что-нибудь на свою долю.

И так как они не видели для себя ничего доброго, то засели на острове Четыре Бугра, чтобы там дождаться удобного случая.

Глава XIV

Стенька отступает. За ним следует много русских. Приказ вернуть их назад. Стенька смеется над ним. Он возвращается с большими силами. Наместник Астрахани посылает против него флот, который постыдно сдается. Офицеров убивают. Великий страх в Астрахани. Могущество Стеньки и почет ему. Его высокомерие и жестокость. Послов его персы отдали собакам. Камышин сдают предательским образом.

Стенька возвращается обратно

ПОЛУЧИВ прощение и свободу итти куда хочет, Стенька Разин вернулся со своей разбойничьей стаей на Дон в лучшем положении и с большими силами, чем в то время, когда они прибыли больные и распухшие от голода, жажды и соленой воды [141]. За казаками последовала часть русских, весьма преданных Стеньке, на что он одних склонил хорошим жалованьем, других деньгами и подарками. Когда он проходил по улицам Астрахани и видел следовавшую за ним большую толпу, то разбрасывал дукаты и другие золотые монеты, и такая щедрость или, вернее, хитрый обман привлекали к нему многих необузданных и глупых людей. Некоторые из них были даже на службе у его величества. Когда весть о том дошла до господина наместника Прозоровского, он тотчас послал полковника Ведероса (Wederos) к Разину и велел ему передать и приказать немедля отослать в Астрахань слуг его величества,

За ним следует много русских

Приказ вернуть их

в случае же отказа он, Разин, снова впадет в немилость у царя и ему от того придется тяжелее и труднее, чем в прошлый раз, и может быть ему придется расплатиться за старые грехи ради новых. Полковник Ведерос прибыл к нему и выполнил все, что было приказано; но Разин не хотел ничего слышать об этом приказе, нетерпеливо перебил его недостойными речами и еще немного и он разрубил бы саблей голову несчастного посланника. Однако гнев и ярость его вылились в кощунствах, проклятиях и неистовстве, и он говорил: «Как смеют приносить мне такие нечестные требования? Должен я предать своих друзей и тех, кто последовал за мной из любви и преданности? Меня еще понуждают к тому немилостью? Добро же, передай твоему начальнику Прозоровскому, что я не считаюсь ни с ним, ни с царем, что в скором времени явлюсь к ним предъявить свои требования, чтобы этот малодушный и трусливый человек, который теперь кичится и хвастается своей двойной властью, не смел так разговаривать и повелевать и делать мне предписания, как своему крепостному, когда я рожден свободным и у меня больше силы, чем у него. Пусть стыд выест ему глаза за то, что он меня встретил без малейших почестей как ничтожного человека» и т. д. и еще много других упреков. Стоявший перед ним полковник все время боялся, что его зарубят. С таким ответом вернулся Ведерос, из чего можно заключить, что сей разбойник нарушил данное слово и вновь стал вооружаться, как это и случилось в скором времени, так что господин Прозоровский весьма дивился, не ведая, где он в столь короткое время собрал такую большую силу, ибо у него оказался флот из 80 новых судов, на каждом две пушки и множество войска. С ним он поплыл вниз по Волге, но не показывал тогда никакой вражды, и князь Прозоровский также не находил нужным напасть на него до прибытия большого флота, снаряженного его величеством. Флот наконец прибыл и состоял из 6 тыс. стрельцов на многочисленных стругах, нагруженных порохом, оружием, различным военным снаряжением и съестными припасами. Едва тот флот прибыл, Стенька ловко сумел под видом перебежчиков подослать своих самых хитрых и пронырливых советников, которым и удалось представить дела Стеньки такими приукрашенными и добрыми, что весь простой народ склонился к нему и перешел на его сторону. По такому наущению они напали на своих начальников, многим отрубили головы, других предали в руки разбойников вместе со всем флотом. Стенька, овладев

Стенька не обращает внимания

Стенька возвращается с большой силой

Наместник Астрахани посылает против него флот

без всякого боя такой большой силой, выдал каждому из них за два месяца жалованье, пообещав впредь свободу грабить и убивать по их желанию, и прибавил: «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, будьте только мужественны и оставайтесь верны». После этих слов каждый готов был итти за него на смерть и все крикнули в один голос: «Многая лета нашему батьке (Batske или отцу)! Пусть он победит всех бояр, князей и все подневольные страны!»

Офицеров убивают

Большое возмущение в Астрахани

Это известие испугало господина Прозоровского, он опасался за Астрахань, ибо глупый народ начал роптать и высказывать похвалы разбойнику, и во всех городах той местности начались такие волнения и каждый миг приходилось со страхом ждать ужасного кровопролития. «Восстань, восстань, народ!— кричали даже стрельцы.— К чему нам служить без жалования и итти на смерть? Деньги и припасы истрачены. Мы не получили платы за год, мы проданы и преданы». Они кричали еще о многом, а начальство не смело их удерживать от этого иначе, как добрым словом и великими обещаниями.

Могущество Стеньки и почет ему

Стенька разделил войско, которое усилилось примкнувшими русскими до 16 тыс. человек, и послал одну часть в Царицын, другую в Чернояр. Сам он остался с флотом и держал себя королем. Они повиновались его малейшему знаку и были ему верны, как если бы он был самым великим монархом в мире. Когда он напивался допьяна, что с ним часто случалось, то по малейшему поводу приказывал рубить головы в его присутствии и даже сам прикладывал к тому свои жаждущие крови руки, и такое несчастье постигало большею частью начальников, ибо простой народ всячески подмазывался к этому хитрому тирану, и они служили ему, чем могли, убивая одного начальника за другим. Когда ему только приходило на ум или когда на самом деле его офицеры обижали солдат и те заявляли об этом, ничто не могло спасти офицеров, и низших слушали, а высшие расплачивались. Благодаря этому сила его росла день ото дня, и за пять дней его войско увеличилось от 16 тыс. до 27 тыс. человек подошедшими крестьянами и крепостными, а также татарами и казаками, которые стекались со всех сторон большими толпами и отрядами к этому милостивому и щедрому полководцу, а также ради свободного разбоя. Всюду

говорили об убитых дворянах, так что господа, одев дешевое платье, покидали жилища и бежали в Астрахань. Многие крестьяне и крепостные, чтобы доказать, кто они такие, приходили с головами своих владельцев в мешках, клали их к ногам этого главного палача, который плевал на них и с презрением отшвыривал и оказывал тем хитрым героям почет вместе с похвалой и славой за их храбрость.

Его высокомерие

Когда дела Стеньки достигли такой высоты, он решил, что теперь ему море по колено, и возомнил, что он стал царем всей России и Татарии, хотя и не хотел носить титула, говоря, что он не пришел властвовать, но со всеми вместе жить, как брат. А вместе с тем держал он себя по отношению к персидскому королю с таким высокомерием, как будто сам был царем, и отправил шаху послов с письмом, где сам себя величал выдуманными почетными именами, называя короля своим братом. Содержание письма и устный приказ, данный послам, имели целью склонить шаха на союз и купить у него за наличные деньги военное снаряжение и продовольствие; а ежели в том будет отказано, то он явится сам с 200 тыс. человек воинов и возьмет все даром, ибо за пот, пролитый его солдатами при походе в Персию, придется заплатить в тысячу раз большей кровью. После того как шах выслушал послов, он принял их так оскорбительно и с таким презрением, что велел без дальнейшего рассмотрения отрубить головы тем жалким и несчастным послам и бросить тела их собакам, а одного оставить в живых, чтобы поведал своему господину о смерти и поношении своих товарищей и передал ему также письмо, в котором шах извещал Стеньку, что на такого кабана вышлет охотников, дабы живьем отдать его собакам. Оставшийся в живых казак был счастлив, что избежал смерти, и передал Стеньке данное ему поручение, но тот пришел от него в такое бешенство и безумие, что изрубил бедного и жалкого посла на куски и приказал бросить воронам.

Персы бросили тела его посланников собакам

Теперь он ждал к себе еще больше народа и лодок и, чтобы избавиться от трудов и усилий при перетаскивании их по суше, задумал взять врасплох город Камышинку, лежащий при устье реки Еруслана, откуда он без всякого труда мог переправиться с Дона на Волгу. Но так как тот город был хорошо укреплен и мог с легкостью защищаться, то он решил взять его хитростью и обманом. Он снарядил самых видных перешедших к нему русских солдат, отправил их туда как бы по приказу царя для того, чтобы

охранять Камышинку от Стеньки. Среди них не было ни одного казака, чтобы все дело казалось правдоподобней. Таким образом отряд этот с радостью впустили в город. Войдя туда, они ночью заняли все ворота, входы и сторожевые посты и склонили гарнизон на свою сторону. Затем они схватили наместника, высшее начальство, зарубили их саблями и бросили в Волгу. После того выстрелом из пушки подали знак, что все сделано, на что Стенька тотчас же отправил туда несколько тысяч казаков, которые сменили русских.

Глава XV

Раздоры и волнения в Астрахани. Царицын занят казаками. Против них снаряжают флот. Казаки берут Чернояр. Русский флот сдается казакам. Упрямство и дерзость простонародья в Астрахани. Ум и мужество наместника. Совет обратиться в бегство приведен в исполнение.

Раздоры и волнения в Астрахани

Когда эта весть дошла до Астрахани, начались опасения и подозрения, не знали, кто друг и кто недруг и на кого можно было положиться, также слышно было здесь и там о разных мятежных сговорах, большею частью тайных. Поэтому наместник созвал на совет всех высоких господ, чтобы обсудить, что предпринять в таком запутанном и тяжелом положении, и наконец решили напасть на врага врасплох в его собственном лагере.

Апрель 1670 г.

К этому готовились с большим старанием и заботой, также явилось много дворян, чтобы в качестве простых солдат оказать помощь в крайней беде, и конечно без них нельзя было ждать от солдат верности и послушания.

Затем 10 апреля по приказу господина Петровского (Petrofsky) был послан под командою господина начальника Леонтия Богданова (Levonti Bogdanof) отряд из восьмисот человек — из них четыреста русских всадников и четыреста ногайских татар — в город Царицын[142], лежащий на расстоянии около восьмидесяти миль от Астрахани, с тем, чтобы доставить туда боевое снаряжение и съестные припасы и дать подкрепление людьми городу, который расположен в сторону реки Дона, или Танаиса, где находятся поселения казаков. В старину думали, что река эта впадает в Волгу, но мы сами убедились в том, что это не так. У казаков весьма плохие судна из выдолбленных стволов, которые

они перевозят в течение одного дня по суше и спускают на Волгу, где, для того чтобы сделать суда больше и устойчивее, они привязывают к ним с обеих сторон тяжелые балки.

Царицын завоеван казаками

28 апреля через пленного казака было получено от помянутого Богданова достоверное известие о том, что город Царицын взят казаками и что там убито и брошено в реку 1 200 московских солдат. Эти погибшие незадолго до того были присланы в означенный город для его охраны. Тогда же узнали, что в татарских войсках возникли раздоры, и они стали убивать друг друга, после чего господин Леонтий Богданов отступил и отошел на Черпояр—город, лежащий в пятидесяти милях от Астрахани. Взятого в плен казака мучили таким ужасным образом, что самый жестокий и яростный русский сожалел о его муках. Когда его царское величество было уведомлено о поведении и тирании Стеньки Разина, то было от него повелено тотчас приготовить все суда, какие только можно достать, над чем работали день и ночь, и через несколько дней снарядили сорок. На каждом была чугунная пушка с необходимым боевым снаряжением при ней. На них было посажено 2 600 русских и 500 астраханских солдат под командованием и начальством князя Симеона Ивановича Львова (Knees Simeun Ivanowitz Elbof). Войско состояло из одного полка русских солдат, стоявшего в Астрахани, под командой поляка, однако крещенного в русскую веру, по имени Иван Ружинский (Ivan Rusinsky); при нем старшим офицером был Якоб Виндронг (Iacob Windrong), шотландский дворянин. Немецкие офицеры были Пауль Рудольф (Paul Rudolfh), капитан и фейерверкер, Роберт Гейт (Robbert Heut), английский капитан, и также лейтенант капитана Давида Бутлера Николай Шак, два немецких лейтенанта и два немецких прапорщика, крещенных в русскую веру. Другие были поляки и русские.

Против них снаряжается флот

Май 1670 г.

25 мая, в троицын день, помянутый флот вышел из Астрахани, и замученный до полусмерти казак был повешен при прощании на виду у всего флота. Тем временем долго скрытое пламя восстания разбросало во многих местах свои искры: раздавались бранные слова и безрассудные речи о наместнике, говорили ему и высшему начальству прямо в лицо все, что только приходило на ум. Было бы не благоразумно затыкать рот насильно, и все только ждали возвращения и победы господина Симеона Ивановича, от которого каждый день надеялись получить весть о счастливой встрече с врагом. В то же время гарнизон города сильно уменьшил-

ся и ослаб, напротив простой народ возрос в числе и совсем обезумел. Но в то время, когда ожидали спасения и избавления от руки Симеона Ивановича, 4 июня было получено достоверное известие от одного бежавшего дворянина о том, что город Чернояр взят бунтовщиками-казаками в тот самый день, когда князь Львов подошел к нему, что наместник, дворянство, начальство и состоятельные люди перебиты и брошены в Волгу. Кроме того солдаты флота князя Львова позорным образом убили своих офицеров, объявили, что они за казаков и передали суда в руки Стеньки Разина, не иначе как заранее в том столковавшись. Невзирая на то, что они незадолго до прибытия в Чернояр поклялись в верности до гроба своему начальству, они все-таки изменили, одержимые каким-то злым духом. Можно легко себе представить, как понравилось это известие господину Прозоровскому. В то же время слух этот привел простой народ в такую гордость и неистовство, что он без всякого страха открыто проклинал, поносил и оскорблял наместника и даже плевал в лицо начальству со словами: «Пусть только все повернется, и мы начнем», и т. д. И я видел многих высоких господ, которые прежде не замечали этих людей, а теперь испуганно уходили со слезами на глазах.

Неистовство и буйство простого народа в Астрахани

Осторожность и геройство наместника

Господин наместник не терял мужества и твердости и возлагал надежду на то, что с помощью дворян и немцев утомит мятежников длительной осадой и дождется подкреплений из Москвы. Он велел немецким канонирам проверить пушки и зарядить их, а также сделал необходимые распоряжения.

Мы ясно видели и замечали, что невозможно устоять против такой внешней силы при великом волнении и предательстве внутри, а кроме того многие нас предостерегали. Господин Прозоровский весьма охотно привлек бы нас всех к себе на службу в город; но так как мы были приняты на корабль и наше месячное жалованье прекратилось, мы охотнее сочли себя свободными с тем, чтобы, когда наступит нужда, мы могли бы спастись бегством, хорошо понимая, что разбойник сильно озлоблен против немцев, ибо они проявляли наибольшую стойкость и наносили ему наибольший ущерб в битвах.

Тем временем со всех сторон доходили вести о том, что казаки приближаются, чтобы напасть на Астрахань, невзирая на то, что вал ее укреплен 460 пушками, против которых, смотря по внутреннему положению, не устоять и 1 млн. человек. Мятеж с каждым днем все усиливался, все ширился, раздавались угрозы,

Steur vangst inde Rivier de WOLGA

что с нас самих сдерут шкуру, так что мы, опасаясь, что это будет приведено в исполнение, не могли беспрепятственно пройти по улице. Взвесив положение в городе и ясно сознавая, что в Астрахани за нашу жизнь и имущество нельзя поручиться, наш капитан созвал нас в определенный час и сказал: «Люди, мы находимся здесь в темной разбойничьей яме, из которой, если еще будем мешкать, никогда не выберемся; сложите поэтому лучшие вещи в шлюпку, и мы отправимся с божьей помощью в Персию». Далее он приказал, чтобы мы все, до того как закроют ворота, сели в лодку и никого не дожидались бы более четверти часа. Следуя его приказу, мы приготовились и снесли свои деньги и лучшие вещи в шлюпку или ладью. Имущество нашего капитана и чемодан Яна фан-Термунде были также снесены в лодку и сданы на хранение рулевому Яну Альбертсу. Капитан приказал нам не брать с собой Корнелиуса Брака и Якоба Траппена с их женами ввиду опасного и неизвестного путешествия. Я почувствовал большую жалость к своему соседу Браку, потому что боялся, что их лишат жизни. Я сказал ему притти в лодку с женой и ребенком; они охотно отважились на это странствие; но Яков Траппен не решился отправиться в путешествие с таким тяжким грузом, без денег и имущества. И вот мы, пятнадцать человек, с женщиной и ребенком, сидели в шлюпке и поджидали нашего капитана Яна фан-Термунде и Христиана Бранда. Прошло много времени, ни капитан, ни остальные не приходили, и народ настаивал на том, чтобы отчалить; но наш шкипер Ламберт Якобс Гельт удерживал их, говоря, что он не берет на себя ответственности. Мы дождались, пока заперли ворота, все еще полагая, что они придут. Настала полночь, мы не могли дольше здесь оставаться, не зная, не скрылся ли капитан на каком-нибудь другом челне или другом судне и не попал ли он в плен. Мы боялись также, чтобы нас не выдала жена Траппена, и многого другого. Мы все время рисковали своей головой, ибо, если бы русские догадались о нашем намерении, мы без сомнения погибли бы и мы не смогли бы так долго продержаться в этом положении, если бы наша шлюпка не стояла по ту сторону корабля, так что они ее не видели и меньше всего могли подумать, что мы отважились поехать в шлюпке по Каспийскому морю. Если же они видели, как мы везли свое добро с берега, то могли подумать, что мы его отвозили на большой корабль. Тут мы решили с божьей помощью и милостью пуститься в путешествие в Персию, через Каспийское море.

Совет спастись бегством

Который приведен в исполнение

Глава XVI

Сбились с пути. Дошли до Учуга. Странный способ ловли белуги. Изобилие икры. Тяжкие заботы о том, как выйти в Каспийское море. Выход в море. Описание острова Четыре Бугра. Высокий камыш по берегам. Ужасная непогода. Золотое дно моря. Встреча с татарской баркой. Описание города Терки. Начало черкесских татар. Внешность и особенности мужчин. Их пища и одежда. Приветливость женщин. Их одежда, игривость и благосклонность. Их диковинное идолопоклонство.

Июнь 1670 г.

Июня 22 мы выехали и гребли всю ночь вниз по Волге по неверному рукаву. Мы видели кое-где хижины ногайских татар и не решались приблизиться к ним из опасения быть пойманными и проданными в рабство. В этой местности красивые и веселые берега, большею частью в лугах, где, как мы видели, паслись верблюды, дромадеры, лошади, овцы и козы, ходившие по пояс в траве. Там же рос кустарник, среди которого мы видели диких кабанов с поросятами, и мы не знали, идем мы вперед или назад, переходили из одного неизвестного нам рукава в другой и так блуждали и мучились в тот день и в следующий. В то же время нас застигла жестокая непогода, и мы были вынуждены пристать к острову, поросшему тростником, и неподалеку было 14 или 15 других островов. Здесь мы пережидали бурю и затем направились к югу, пока не встретились с татарским челном и не доплыли до деревни, где нас спросили по-русски: «Куда мы едем?» Мы отвечали: «К морю». — «Так вы едете неверно, — отвечали они. — Это путь к крымским татарам». И мы, не зная, куда нам повернуть и поехать, спросили их, не проведут ли они нас к морю. На что они охотно согласились после того, как мы пообещали им дукат, и сказали нам: «Если бы вы проехали немного дальше, вас тотчас же отдали бы в рабство в Крым (Crim)». Мы тронулись в путь, полагаясь на добросовестность этого народа; но взяли для верности (ибо и самому лучшему татарину нельзя слишком доверять) одного из них к себе в шлюпку и доехали до Учуга (Oetsjoege), где ловят много белуг или осетров, из которых вынимают икру.

Странный способ ловли осетров

Ловля рыбы происходит замечательным образом. Волга усажена во многих местах кольями, которые спереди широко расставлены и суживаются сзади. Попавшаяся в них рыба из-за своей длины не может ни повернуться, ни уйти, ибо они бывают от 20 до 26 футов длиной.

Завидев это, русские приближаются, закалывают рыбу насмерть, и, вынув икру, иногда в 300, даже 400 фунтов, обычно выбрасывают рыбу, хотя иногда солят ее и отвозят в Москву, где она считается хорошим и лакомым блюдом. Помимо того, что икра рассылается по всему свету, русские употребляют ее во время своих постов вместо масла, и улов этой рыбы вызывает большую торговлю внутри и за пределами страны. Ловля этой рыбы производится при впадении реки Волги в Каспийское море. В один день можно наловить 200—300, а иногда даже 400 рыб, и рыбаки не успевают освободить одну загородку, как уже приходится приниматься за другую.

Изобилие икры

Дальше татары не хотели нас провожать, говоря: «Если бы наш народ узнал об этом, нам бы пришлось плохо, но коль скоро вы миновали Учуг, вам остается только держаться правой руки, там выход в море». Тут они, довольные нами, попрощались, сказав: «Мы сомневаемся в том, что вам удастся пройти», ибо они знали, что на этом пути поставлена застава. Это последнее известие не было для нас приятным, и мы были ошеломлены, но набрались отваги и решили, невзирая ни на что, храбро пробиться, даже если проход охраняется тремя сотнями людей, а в противном случае положить конец нашим мучениям. С таким намерением мы гребли изо всех сил. Помянутые заставы из кольев поставлены вдоль берегов и проехать на лодке можно только по узкому проходу. В конце выстроен деревянный больверк, на котором обычно стоит большая стража из русских солдат и охраняет этот проход. Но в это время к нашему великому счастью там не было никаких солдат, а только одинокие рыбаки из той местности. Потому мы беспрепятственно прошли мимо кольев и, найдя путь открытым и безопасным, вернулись обратно купить у рыбаков немного хлеба, которого у нас недоставало, так что наша обычная ежедневная порция уже была уменьшена на два лота. Но мы ничего не могли достать за деньги, кроме рыбы.

Тяжкие заботы о том, как выйти в Каспийское море

14 июня мы вышли к морю, где Волга разделяется на несколько рукавов и образует много островов, низменных и поросших камышом, кроме острова Четыре Бугра, покрытого высокими утесами. Там мы видели казачью хатку, выстроенную по приказу Стеньки Разина для наблюдения за морем. Когда дозорная стража замечала персидское или какое иное судно, она тотчас доносила разбойнику, который брал врасплох одно судно за другим, грабил, а людей бросал в реку. Оттуда и до Черкесских гор глубина

была примерно 12 футов, но на том самом месте мы не могли ее измерить. Мы прошли вдоль берега и видели на нем множество широконосов и больших птиц—пеликанов. Берег на протяжении примерно 70 миль зарос камышом, столь глубоким, как само море, так что в тех местах всегда можно найти защищенную гавань, тем более что высокий камыш ослабляет силу ветра. Поэтому тот, кого настигнет буря, прячется в камыши, бросая свой дрег (или корабельный якорь) в море, а когда утихнет буря, подымает его и продолжает путешествие. Раздались ужасные удары грома и засверкала молния; подул сильный ветер с юга на восток, а наш путь был на юго-запад, и пока мы повернулись спиной к ветру, двое мужчин все время стояли наготове, чтобы черпать набиравшуюся воду, между тем ужасные удары грома и сверкание молнии продолжались до пяти часов утра. Тогда настал ясный и светлый день, и мы поплыли дальше при юго-восточном ветре на парусах, держа путь на юго-запад. Я попробовал здесь воду и нашел, что она сладкая и вполне пригодна для питья. Мы часто видели различных рыб, как-то: осетров, больших карпов, щук и других, а также сотни высовывавшихся из воды тюленей. Мы нашли также, что солнце в этом месте стоит на 22° 4′ к югу.

Высокий камыш

Ужасная буря

15-го мы не видели земли, чему не приходилось удивляться, ибо мы пересекали залив Кизилар (Kieselarke), который врезается почти на сорок миль в сушу. В том заливе много островов с золотым песком, который ночью горит, как пламя. В силу этого сверкания остров называется Кизиларский Колтук (Kiselarsche Kolthoek), или Золотой луч[143]. Я находил в воде большие изменения, что часто возбуждало у меня желание ее пробовать, она имела то вкус селитры, то немного спустя горький вкус серы, то опять пресный. По моему мнению, изменения происходили от разных свойств дна. Река Кизилар (Kisilar), приток реки Быстрой (Bustro), начинается на восемь миль выше Терков (Terky) и течет на протяжении 60 миль вдоль Волги. Здесь наши заботы и горе увеличились, с одной стороны, оттого, что наша шлюпка была до такой степени нагружена, что подымалась едва на фут над водой; с другой стороны, оттого, что у нас осталось не более шести или семи фунтов хлеба. Тем временем поднялся столь сильный ветер, что мы опасались, что наша шлюпка не доберется до земли. Кроме того к вечеру поднялась большая качка, и вода стала переливать через борт, так что мы всю ночь черпали и выкачивали ее, чтобы удержаться на поверхности. Некоторые из нас

должны были работать не покладая рук, насколько хватало силы. К вечеру мы уже не видели земли, носились по морю, положившись на милость божию.

Встреча с баркой

16-го мы шли с попутным ветром, что весьма ускорило наш ход, и к обеду мы уже завидели землю. Вскоре после того показалась барка дагестанских татар, за которой мы сразу погнались, но лодка причалила к берегу, и люди повыскакивали из нее через борт. Мы крикнули, что не причиним им зла, чтобы они свободно, без всякого страха вернулись на свою барку. После этих слов они вернулись. Мы потребовали хлеба и услышали в ответ, что у них нет лишнего. Наконец они пожаловали нам шесть маленьких хлебов и сушеных груш и слив, что мы с благодарностью приняли. Барка была нагружена тюками шелка и направлялась в Астрахань; но когда они услышали, что, по нашему мнению, казаки взяли город и все в нем разграбили, то поблагодарили нас за доброе предостережение и поплыли обратно в Терки. Мы прибыли вместе с ними в город, бросили якорь, не зная, кому принадлежали Терки, казакам или нет. Мы намеревались запастись в Терках съестными припасами и благодарили случай за то, что мы так далеко зашли. Вскоре после того явилось десять или двенадцать солдат, но, увидав, что мы хорошо вооружены и стоим в добром порядке с оружием в руках, только спросили нас, откуда мы и что за народ. Мы ответили: «Немцы с корабля его величества в Астрахани, приехавшие для того, чтобы исследовать и измерить море». — «Хорошо, — сказали они, — если вы те самые люди, то должны доложить о себе наместнику», на что мы оправдывались поздним временем, с тем однако, что хотим явиться завтра с утра. С тем солдаты удалились, а мы, почувствовав, что пахнет тюрьмой, не преминули на рассвете следующего дня сняться с якоря и уйти, направив наш путь на юго-восток.

Описание города Терки

Город Терки (Terky) лежит на широте 43° 27′ на расстоянии почти часу от берега. Его трижды увеличивали и расширяли в глубь страны. Первый раз сами русские, второй — инженер Корнелис Клаас (Cornelis Klaasz), в 1636 г. укрепивший его валами и больверками по новейшему образцу строительного искусства[144]. Но в 1670 г. английский полковник Томас Белли (Thomas Belly) снова продвинул город далеко вглубь и обнес прекрасными валами, больверками и рвами. Терки лежит близ реки Тимянки (Timenky), называемой русскими Терки. Со стороны моря берег покрыт высоким камышом, но вокруг города нет ни холмов, ни кустарников,

и, насколько хватает глаз, простирается открытая равнина. Терки обыкновенно отлично снабжен пушками и другими боевыми припасами; в нем стоят две тысячи стрельцов, ибо это пограничный и последний подвластный царю город.

17 июня ночью дул сильный ветер. Ранним утром завидели мы с обеих сторон от нас сушу. Землю по левую руку мы назвали по имени открывшего ее, — островом Мейндерса. Мы плыли так между двух земель, а когда прошли 20 миль, то оказались у подножия знаменитых гор Кавказа и Арарата (Ararat), которые граничат друг с другом и тянутся до Черкесских (Circassische) гор. Мы поплыли дальше и открыли, что зашли в тупик, потому повернули обратно и отправились в помянутый канал. Здесь мы нашли на глубине двух клафтеров хорошее песчаное дно. К вечеру, едва мы вышли из узкого прохода, за нами погналась большая барка с 62 вооруженными солдатами. Они настигли нас на расстоянии выстрела из пистолета и были, как мы потом догадались, посланы наместником из Терки, чтобы изрубить нас в куски без милости и пощады и доставить ему наше имущество. Но видя, что мы сильны, хорошо вооружены и в полном порядке готовы к обороне, они отстали и только издали наблюдали за нами. Мы не медлили из боязни самим попасть в беду и прошли к морю между берегом и островом Цирлан (Tzierlan), где стали на якорь, а барка, найдя нас слишком сильными, осталась позади.

18-го рано утром мы вновь вышли под парусом и направились к гористой местности, куда прибыли после полудня, пристали к высокому берегу, находясь теперь уже не во владениях его царского величества, которые отделяет река Тимянка от черкесов. Эту реку называют также Терки, она протекает мимо города, который носит ее имя, ширина ее приблизительно шестьдесят футов, впадает она в большую реку Быструю (Bustro), на другом берегу которой князь обычно собирает войско в 15 тыс. человек с тем, чтобы производить внезапные грабежи, после чего с награбленным, чтобы продать его, они всегда отправляются в Терки, где бывают два раза в неделю базарные дни. В мое время находившийся в городе принц, князь Булат, был в союзе с его царским величеством.

Начало черкесских татар

Черкесская область [145] собственно начинается у реки Тимянки и отделяется степью от Ногаи (Nagaya), а с другой стороны рекой Быстрой от дагестанских татар, которые живут на плодо-

родной земле, покрытой различными плодами, нивами и лугами. Мужчины крепкого сложения с широкими лицами, но не такими четырехугольными, как у калмыцких или крымских татар. Кожа их большей частью желто-черного цвета, и они подстригаются на чужеземный лад. Они выбривают полосу через всю голову и оставляют косу на затылке. Длинные и черные, как смоль, волосы висят по обеим сторонам лица, иногда распущенные, а иногда завязанные или заплетенные. Их одежда состоит из серого верхнего платья, поверх которого надевается бурка косматой грубой шерстью наружу. Она завязывается или застегивается на пуговицу у шеи, чтобы ее можно было поворачивать на любую сторону от дождя, пыли и ветра. Шапки у них из лоскута сукна, сложенного вчетверо, так что они выглядят наполовину иезуитами. Они не добры и не приветливы, но с ними легче войти в сношения, чем с другими татарами. Они почти все время сидят на лошадях, которыми прекрасно управляют. Их оружие составляют стрелы и лук, у некоторых также и ружья, из которых они стреляют с чрезвычайной легкостью. У женщин, чему весьма удивляешься, белоснежная кожа и красные, как бы накрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться. Они большей частью хорошо сложены. Их брови и волосы черны, как уголь, они их заплетают в семь или восемь косичек вокруг головы. Они ходят с непокрытыми лицами, на голове носят красивые двойные черные шапочки, обшитые крашеным полотном или шелковой тканью; поверх они обычно надевают еще чепчик из черного бархата, что весьма к ним идет, почему они и стараются одеть его как можно лучше. Вдовы привешивают к затылку бычачий пузырь, украшенный разноцветными платками или кусочками сукна, и издали кажется, что у них две головы. Зимой они носят шубы, а летом ходят в одних рубахах — желтых, красных, синих или зеленых, открытых до пупка, и так можно видеть все от шеи до пупка. Те, которые хотят показать, что они не из простонародья, носят узкие штаны, доходящие до икр или до косточки, поверх они надевают две одежды без рукавов (как одежда наших детей), плотно обтягивающие тело. Они гордятся убранством и украшением своих грудей, как английские и французские дамы, хотя я не думаю, что они их красят. Они весьма общительны и приветливы и с большой охотой позволяют, чтобы их целовали и любезничали с ними, не считаясь с тем, чужой ли это человек, черный или белый, и даже тут же присутствующий муж не вы-

Внешность и поведение мужчин

Их одежда

Обычаи и наружность женщин

Их одежда

Их приветливость и веселость

ражает недовольства. Мне они часто кивали и проявляли особый интерес к моим платьям, усиленно стараясь пощупать то или иное. Они обвешиваются цепочками, браслетами и ожерельями из агата, рогов, пестрых камешков, оловянных и серебряных колечек и содержат себя в чистоте и порядке; а мужчины, в противоположность им, не говоря уже об их некрасивых и безобразных лицах, ленивы, грязны, воняют и походят на последних нищих. Я видел много женщин, но нигде не видал таких приветливых, любезных и услужливых в отношении чужеземцев, как здесь. Некоторые из наших принялись играть и шутить с ними, а иногда и вступать с ними в более близкие отношения, что они охотно допускали, смеясь; но тот, кто хотел добиться большего, должен был отступить. Мужчины, хотя им и разрешено по алькорану брать сразу нескольких жен, обходятся обычно одной, чтобы не входить в большие расходы и не возиться со множеством детей.

Идолопоклонство

Они считают себя мухаммеданами, хотя на деле не более чем язычники. Они, правда, говорят, что верят в единого бога, но служат вместе с тем и чорту и идолам, уделяя последним больше внимания, чем служению и познанию истинного бога. У них нет ни церквей, ни священников, ни писания, но они приносят жертву в установленное время. Между прочим наибольшим предпочтением пользуется Ильин день. Как раз в то время, когда мы пристали к берегу, чтобы купить съестных припасов, я видел все издали, ибо татары запретили мне подойти ближе; но я мог с достоверностью заключить, что это жертвоприношение, какое они приносят после смерти благородного человека. Мужчины и женщины сходятся в открытом поле, приводят с собой козла, у которого, чтобы удостовериться в его пригодности, отрезают яички и бросают их о плетень или стену; если они приклеятся или повиснут там, то козел отменный, если нет, то нужно привести другого. Затем с него снимают шкуру, расправляют ее и вешают на высокий кол, варят и жарят мясо и затем совместно съедают. После того подходят мужчины один за другим и читают молитвы перед шкурой. Женщины тотчас уходят домой, а мужчины остаются на том же месте, долгое время жрут и пьют водку, пока не напьются допьяна, чем кончают эту церемонию. Они предают своих мертвецов с почетом земле и оставляют известные памятные знаки. Они оплакивают и печалятся о них долгое время, терзают и царапают свои груди, так что кровь каплями падает на землю.

Siercasse Taater en Vrouw
Calmuckse Taater

Глава XVII

Сбились с пути. Встреча с казачьей баркой. Сильная буря. Начало земли дагестанских татар, их наружность, одежда и пища. Большие людокрады. Бесплодие дагестанских гор. Снова буря. Претерпевают кораблекрушение. Татары гонятся за ними. Хитрость, примененная ими. Они попадают в крайнюю нужду. На них напали татары и ограбили их. Диковинные выборы дагестанских королей. Попали в лапы к другой шайке, которая насилует женщину и обращает всех в рабство. Жестокая пытка, учиненная над Я. Я. Стрейсом, чтобы открыть его спутников, мужественно перенесенная им. Их приводят к Усмию и заковывают в цепи.

Июня 19 мы держали путь на остров Цецин (Tzeizien), проехали мимо него и оставили в стороне остров Цирлан (Tzierlan). Мы шли целых двенадцать часов в таком густом тумане, что едва могли видеть друг друга. Утром стало снова светло и ясно, и мы увидели по правую сторону высокие Черкесские горы, куда мы и направились, чтобы пристать к суше и пойти вдоль берега. Тем временем мы увидели большой кусок земли, который приняли за остров. Немного спустя мы заметили низкое и ровное пространство, которое мы рассчитывали пройти. Но когда мы поплыли дальше и не знали, куда мы едем или куда нам надо повернуть, один из нас взобрался на мачту и обнаружил, что мы заехали в такой узкий тупик, что можно было выстрелить из пистолета с одного берега на другой. Здесь пригодился бы добрый совет, и мы были вынуждены повернуть обратно, потеряв даром целый день, и к вечеру дошли до начала канала, с хорошей песчаной стоянкой; на обоих берегах рос высокий тростник, было много маленьких холмов и дюн. Здесь мы нашли у берега в тростнике барку, на которой было около 60 человек. Они махали нам и звали на помощь, говоря, что их судно село на мель и что они никак не могут к нам переплыть по морю и потому просят нас помочь им перетащить их барку на берег. Мы не обратили внимания на их слова и отправились своим путем, после чего вскоре увидели, что это судно, которое не было в состоянии плыть по морю, приближается с быстротой молнии и нагоняет нас, потому что на нем было больше парусов, чем у нас. Когда они приблизились, мы повернулись к ним, чтобы показать, что мы их не испугались. Заметив это и увидев, что мы хорошо вооружены, они повернули и приложили к тому все усилия,

Сбились с пути

Встреча с казачьей баркой

какие только было возможно, и не знали даже, как им поскорее удрать от нас. Это были казаки Стеньки Разина, которые рассчитывали завлечь нас к себе безоружными и уложить, но ловля оказалась тщетной и неудачной.

Избавившись от них, мы отправились дальше и пришли к острову Цирлан, где бросили на глубине четырех футов якорь[146]. Остров лежит под 43° 7′ широты. Отсюда мы отчетливо видели гору Арарат, вершина которой возвышается над Кавказом, на чем мы далее остановимся поподробнее. Земля на острове Цирлан покрыта многими обломками, которые туда выбрасывает море. Вечером мы переменили стоянку и бросили якорь на глубине шести футов, здесь нас ночью застигла жестокая буря. Море волновалось с такой силой, что мы ежеминутно боялись, что будем смыты волнами, и ни у кого не осталось сухой нитки на теле. Утром мы подняли небольшой парус и попытались приблизиться на своем судне к высоким Черкесским горам и плыть вдоль них. Мы достигли этого с большим трудом и опасностью для жизни из-за больших бушующих волн. Мы проплыли мимо татарского города, расположенного между двух гор. Вскоре после этого на татарской границе встретилось нам небольшое судно для ловли сельдей, на котором были знакомые, видевшие нас на корабле в Астрахани. Они пригласили нас в гости, подали мясо, сваренное с рисом и маслом, чем мы хорошо насытились и полакомились и снова двинулись в путь, держась все время близ берега. В этой местности хорошие, веселые и плодородные поля. Неожиданно поднявшийся ветер заставил нас бросить якорь, чтобы отдохнуть тут, ибо мы целых три ночи мало спали по причине непогоды.

Сильная буря

Начало земли дагестанских татар

20 июня мы были в пятнадцати милях от Дербента (Derbent), у земли дагестанских татар, названных так по слову Даггора. Они живут в горах, тянущихся от Терки до Дербента на протяжении сорока миль. Эти горы идут большими извилинами и отступают в некоторых местах на 2-3 и более мили от моря; берега там одни пески и степь, но на другой стороне лежат прекрасные луга и нивы, в чем мы убедились, перетерпев горе и страдания.

Их внешность, одежда и пища

У дагестанцев крепкое сложение, желто-черная кожа и отвратительная наружность[147]. Одежда их вполне сходна с черкесской. Шапки у них из черного сукна. Их обувь из лошадиной или овечьей шкуры вырезывается одним куском, но зашивается на ноге. Их оружие: стрелы и лук, сабля и копье, а у некоторых имеются ружья. Когда они выезжают или отправляются в поход,

то надевают броню и шлем. Они большие людокрады, бо́льшие, чем все остальные, похищают детей у своих родственников и друзей и продают их за небольшие деньги туркам или персам. Они не подчиняются ни русским, ни персам, ни другим нациям и сохраняют независимость на своих неприступных горах. Они мухаммедане, но в их богослужении очень мало смысла. Женщины стерегут и пасут скот, а мужчины занимаются разбоем. Дагестанские горы совершенно бесплодны и состоят из одних камней.

Они большие людокрады

Бесплодие дагестанских гор

На другой день мы снялись с якоря и прибыли к татарскому городу Бойнак (Boynak). Как только мы миновали его, на море поднялся сильный ветер и нас несло к берегу, представлявшему каменистую отмель при морской глубине в 15—16 клафтеров. Между тем вода напирала, море покрывалось гребнями и ямами, и мы были вынуждены (чтобы не перевернуться кверху дном) причалить к берегу в пяти милях от Дербента.

Из-под воды у самого берега торчала скала, которую мы никак не могли обойти. Кроме того все было усеяно подводными камнями, и мы благодарили бога, что не разбились о них. По милости неба и волн мы направились к берегу, на который выбросило наш корабль с вещами и людьми. Каждый взял самые необходимые и лучшие вещи и сложил их. Мы закопали в песок имущество капитана Бутлера и Яна фан-Термунде, полагая, что за ними в благоприятный момент можно будет послать персов. Это кораблекрушение сделало нас более несчастными, чем мы могли предположить. После того как татары все высмотрели и увидели, они сначала выкопали зарытое добро из земли и утащили его на наших глазах. Они были на лошадях и поскакали с добычей в свою деревню, где сообщили радостную весть о нежданной хорошей добыче своему начальнику, после чего он сам сел на коня и с отрядом всадников отыскал нас. Их начальника или принца, который нас жестоко преследовал, звали Али Султан (Aly Sultan). Однако днем мы прятались в кусты, а ночью продолжали свой путь. Татары были настолько хитры, что посыпали дорогу колючками, и мы не могли итти, пока не расчистим себе путь, почему они легко замечали, куда мы скрывались.

Сильная буря

Они пристают к берегу

Татары преследуют их и гонятся за ними

Одну ночь мы проспали в кустах, и наши люди хотели с утра отправиться дальше; но я отсоветовал, говоря, что будет лучше, если мы проведем здесь два или три дня, тогда людокрады прекратят свою охоту. Я полагал, что если они проведут все время в поисках и ничего не найдут, то перестанут искать и решат, что

Они попадают в крайнюю нужду

мы от них ускользнули и добрались до Дербента. Мой совет и предложение не были приняты, и они отправились в путь. Корнелис Брак и его жена еще спали, и они не хотели их будить ради жены и ребенка. По христианской любви и милосердию я хотел этому помешать, говоря: «Возьмите их с собой, куда денутся наши несчастные соотечественники и единоверцы? Ежели вы и хотите их покинуть, то я буду громко кричать, так что услышат татары и вас постигнет одинаковая с ними судьба. Как проживут эти люди без имущества и денег?» Я был обязан не покидать их еще потому, что Брак-отец при отъезде усердно и ласково просил меня об этом. Эти речи наконец тронули их, и они взяли Брака с собой. Мы пустились в путь, шли полдня под самыми скалами и дошли до большого пастбища. С ружьями на плечах мы отправились дальше, но нас скоро заметили и за нами погнались 15 или 16 всадников. Нас охватил страх, и мы не знали, что делать; одни предлагали пробиться, другие сдаться; мы решили сделать последнее; ибо, хотя мы в то время были еще достаточно сильны, чтобы защитить себя и разбить их, но на выстрелы пришли бы другие в большем числе и с большей силой, что было бы чрезвычайно опасно и привело бы нас к смерти после сильнейших варварских мук и пыток. Поэтому мы решили сдаться, что и сделали, когда они приблизились. Они погнали нас в свою местность, ибо мы находились в области Усмия (Osmin)[148] за границей Шамхала[149] (Scemkal). Здесь они соскочили с коней, и мы ничего не ожидали, кроме смерти, но наш страх скоро рассеялся. Они ограбили нас довольно безжалостным образом. Я сохранил свою цепь и деньги, потому что привязал первую под колено, а вторые зашил в одежду, которую снял. Они отняли у меня сверток шелковых товаров, купленных в Астрахани, и у моих спутников все новое и лучшее. Они отпустили нас, после того, как обошлись с нами по своему усмотрению, указали нам верный путь и уехали.

На них напали татары и ограбили

В Дагестане много властелинов и князей, самые почитаемые из них Шамхал и Усмий. Первый самый могущественный. Он живет в местечке, называемом Бойнак, и избирается бросанием яблока. Когда нужно избрать Шамхала, не принимают во внимание порядок престолонаследия. Но священник собирает всех князей или мирз и ставит в круг, берет золотое яблоко, бросает его в них, и тот, в кого он попадает, избирается королем, хотя он метко целит в того, кого считает самым достойным [150].

Странные выборы дагестанских королей

Мы едва прошли полмили, как на нас напала большая и сильная шайка хорошо вооруженных всадников, которые нас не только раздели до рубахи, но изнасиловали и опозорили жену Корнелиса Брака. У меня осталась еще рубаха и две пары подштанников, одну из них я отдал несчастной и голой Марии Янс, чувствуя больше сострадания к ней, чем ко всем остальным и к себе. Мы все шли нагие, ограбленные, и так как ничем не могли помочь друг другу, то мы расстались. На меня, Эльса Питерса и Якоба Толькена вновь напала другая шайка людей Усмия. Они привязали нас со скрученными на спине руками к хвостам своих лошадей, и мы должны были задом наперед бежать за ними босиком по колючкам и шипам, и это нас так сильно изнуряло, что мы часто падали замертво на землю и давали себя волочить, потому что невозможно было так быстро поспевать за ними. Мы желали и тысячу раз просили смерти, которой страшились, когда надо было итти в бой. Правда, эти жестокие висельники отвязали меня после того, как проволокли долгое время, но тотчас же снова привязали к дереву, взяли несколько стрел, срезали железные наконечники и спросили меня, куда девались остальные люди? И так как я разыгрывал незнающего, они столь ужасным образом стреляли в меня тупыми стрелами, что мясо на всем моем теле было раздавлено и рассечено, у меня осталось с того времени много шрамов от полученных тогда ран и я показывал их различным честным людям. Я мужественно перенес эту пытку (которую никто не поймет, не испытав ее) и не выдал своих несчастных и напуганных спутников, чем бы мог по меньшей мере облегчить свое несчастье. Они спрашивали меня несколько раз с большой строгостью и сильными угрозами, куда девались остальные люди? Я ответил, что они бежали в горы, хотя мог бы дотронуться до них рукой, так как они скрывались неподалеку в кустарниках. Когда они убедились в том, что от меня ничего нельзя выведать, то приковали меня к Эльсу Питерсу, нога к ноге, и отвели нас к князю Усмия, говоря: «Вы жестокосердные собаки и лютые тигры, вас изрубят на куски, вы приверженцы разбойника и убийцы Стеньки Разина, вам отплатят за ваши ужасные грабежи, вам нечего ждать помилования или смягчения наказания» и т. д., каковая новость испугала меня до такой степени, что я затрясся, задрожал и упал полумертвым на землю. Я не боялся смерти, но хотел избавиться от тяжких мучений, какие я еще должен был перенести; но ожидание

Попадают в лапы другой шайки

Насилуют женщину

Обращают в рабство

Жестокости, учиненные над Я. Я. Стрейсом, чтобы открыть его спутников, мужественно перенесенные им

смерти от этих кровожадных собак лишило меня мужества. Нас привели во дворец князя, где, как мы думали, нас изрубят на тысячу кусков, потому что увидали вокруг и по обеим сторонам князя трабантов с обнаженными саблями, что, как мы узнали впоследствии, входило в обычай этого двора. Я убежден, что не иначе как здесь у моего товарища Эльса Питерса появилась дурная кровь и началось безумие, в каковом он пребывает и до сих пор, ибо он взглянул на меня, и в лице его был ужас и великий испуг. Мы упали ниц, после чего князь спросил, что мы за народ, откуда мы пришли. Мы ответили: «Немцы и бежали от восставших казаков, чтобы быть в безопасности под покровительством вашей светлости».— «Да,—сказал он,—мы лучше знаем, что вы сами казаки и в моей стране занимались разбоем и убийствами, и так как теперь ваш предводитель, плут и разбойник Разин занял Астрахань, то вы пришли поразведать в моей стране, как бы легче пробраться сюда этой собаке». Мы подтверждали честным словом, что мы меньше всего находимся на службе у казаков, но служили на кораблях его царского величества матросами. После сих слов князь смягчился и велел привести нескольких русских рабов, которые, услыхав два или три слова, произнесенных нами, тоже подтвердили, что мы не казаки, а настоящие урожденные немцы. Тогда князь сказал: «Не бойтесь, ваша жизнь вам дарована», за что мы и поблагодарили. Нас немедленно разделили, и мне наложили на руки оковы и отправили к сыну князя султану Мухаммеду (Mahumeth sultan), жившему вблизи горы Арарат.

Их приводят к Усмию

Обе руки заковывают в цепи

Глава XVIII

Пленники расстаются. Большой сад близ Цурбага. Прибытие в Эривань. Дешевые цены на людей. Положение горы Арарат. Чудесная встреча с кармелитами. Пятидневное восхождение на гору Арарат. Я. Я. Стрейс излечивает отшельника от грыжи. Подарок, полученный за это. Свидетельство о восхождении на гору Арарат, которое совершил Я. Я. Стрейс. Прощание с отшельником.

Пленники расстаются друг с другом

Июня 21-го со слезами на глазах я попрощался с Эльсом Питерсом, не рассчитывая на то, что вновь увидим друг друга попрежнему свободными и что до наших жен дойдет какая-либо весть о нашем положении, о том, куда нас закинула судьба или собственное бегство. Мы были

в отчаянии, что нас никогда не освободят от этой ужасной неволи помощь и заступничество родственников или любовь соотечественников. После того как мы попрощались и взглянули друг на друга в последний раз, меня посадили на мула, и я должен был отправиться верхом с отрядом рабов и отверженных ко двору князя Мухаммеда, находившемуся примерно на расстоянии трех миль от Эривани.

Горькое прощание

Вечером мы въехали на высокую гору и остановились на ночлег в деревне Цурбах (Tzurbag). Здесь много женщин приходило в наше убежище посмотреть на меня. Они весьма дивились на мои волосы, ибо никогда не видели в своей стране мужчин с такими длинными и большими локонами, потому что мухаммедане голову бреют наголо, как и все турки.

22-го рано утром мы продолжали наш путь через заросли, где видели много кабанов, пожирающих плоды, упавшие с деревьев, так как этот лес был не чем иным, как фруктовым садом с различными плодовыми деревьями, ибо здесь существует закон, по которому ни девушки, ни юноши не имеют права сочетаться браком, пока они собственноручно не посадят и не вырастят более ста деревьев. По этой причине дети с весьма раннего возраста начинают сажать деревья, благодаря чему с течением времени вырос такой большой сад с множеством яблок, груш, вишен, слив, фиг, каштанов, грецких и волошских орехов и других, так что даже сотая часть всего этого не может быть употреблена, и все, в нем посаженное общиной, считается общим. Там же прекрасные луга и поля, поросшие хлебными злаками, ячменем, различными овощами и зеленью, которая употребляется в пищу. Там очень много скота, жирных коров, козлов, овец с широкими хвостами, кур, голубей и несчетное множество птиц, так что кушанья и напитки в этой местности весьма дешевы.

Большой сад

30-го прибыли мы в город Эривань, лежащий у подножия горы Арарат или у границы Мидии, примерно в двадцати милях от Каспийского моря. Город невелик, но обнесен довольно большой стеной. Он равен по величине городу Алькмару в Голландии. В нем несколько персидских мечетей и церквей, а также мужской католический монастырь кармелитов. Не считая торговли людьми, которой занимаются дагестанские татары, в нем мало заметна торговля съестными припасами и другими товарами, а рабы здесь так дешевы, что можно купить молодого сильного парня за десять рейхсталеров, по какой цене некоторых наших и прода-

ли. Эривань населена большей частью бедными армянами, а гора Арарат — католиками и другими христианами.

Положение горы Арарат

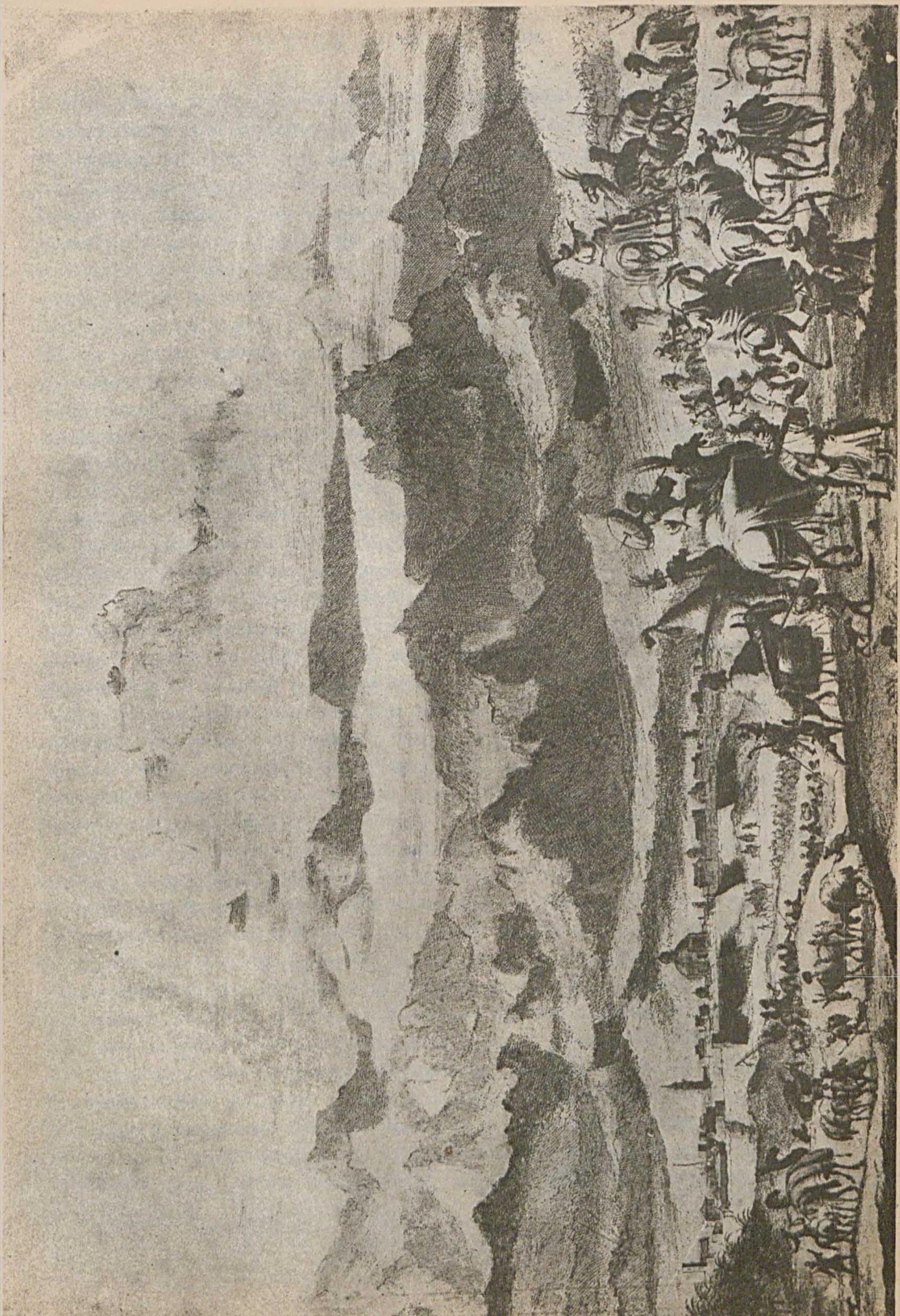
Гора Арарат лежит на границе Армении и Мидии и входит в Дагестанские или Каспийские горы. Армяне называют ее Мессина (Messina), а персы — Агри (Agri); она гораздо выше Кавказа (Caucasus) или Таврии (Taurus) и всех гор Мидии, Армении и Персии, насколько позволяет судить глаз. Это—скала, состоящая из синих и темных камней. Я нашел там тяжелый блестящий минерал желтовато-красного цвета; хотя я и взял с собой кусок для пробы, но не мог узнать, что в нем находилось, потому что он у меня был отнят англичанами (о чем я расскажу после). Гора Арарат совсем голая, на ней нет земли; более подробные сведения о ее положении и облике читатель может узнать из совершенного мною туда путешествия.

Чудесная встреча с двумя кармелитами

Мой хозяин намеревался продать меня этим людям, но они никак не могли сторговаться. Два священнослужителя подошли ко мне с вопросом, не хирург ли я и не пожелаю ли лечить раны или увечья. Я ответил, что нет, чему они не хотели верить и справились у моего хозяина. Один из священнослужителей сказал: «У моего брата грыжа, и если ваш раб его будет лечить и сделает здоровым, мы вам дадим пятьдесят рейхсталеров». Мой хозяин возымел большое желание получить эти деньги, вследствие чего он настаивал, чтобы я помог страдающему грыжей, и обещал мне свободу, если я это сделаю. Я не знал теперь, что мне делать; то меня манила надежда открыть себе путь к золотой свободе и вылечить больного, то возникал страх незаслуженного наказания от этих безбожных и злых людей, если то, за что я возьмусь, кончится неудачей. Наконец я набрался мужества и, уповая на милость божию и счастливый случай, взялся за это дело.

Пятидневное восхождение на гору Арарат

Тогда я отправился в путь, продолжавшийся шесть дней, прежде чем я добрался до жилища отшельника. Каждый день мы проезжали добрых пять миль. Это большой конец (принимая во внимание, что путь в гору все время становился труднее), и к вечеру мы так уставали, как будто весь день были на самой тяжелой работе. Каждые пять миль мы встречали одинокий двор и брали с собой крестьянина с ослом, который вез нашу пищу и топливо, ибо ночью наступал такой жестокий холод, что человек и лошадь шли по льду, намерзавшему за половину ночи. Мы проезжали через облака трех видов: первые туманные, густые и темные; другие весьма холодные, снежные, хотя внизу стояло лето

и было очень тепло, так что виноград поспел раньше срока; третьи облака были еще холоднее, и нам казалось, что каждое мгновение мы можем замерзнуть на ходу. Прошло четыре дня, прежде чем мы миновали холодную полосу; с того времени чем дальше мы продвигались вперед, тем сильнее уменьшались облака. 7 июля мы наконец подошли к жилищу отшельника, высеченному в скале, и там была такая прекрасная погода, какую только можно себе представить: не жарко и не холодно, но постоянная равномерная теплота. Отшельник рассказал мне, что живет на этом месте 25 лет и за все время ни разу не заметил дождя или ветра, чтобы от этого могло хотя бы пошевелиться или сдвинуться перышко. Еще тише на вершине горы, где на человеческой памяти или по преданию никогда не чувствовалось ни малейшего движения воздуха, отчего ковчег не ветшает и не портится [151].

Я. Я. Стрейс излечивает отшельника от грыжи

Когда я вошел в жилище отшельника или келью, осмотрел грыжу своего пациента, то нашел ее величиной с куриное яйцо. Я спросил его, давно ли она ущемлена? Он ответил, что в течение месяца, и это дало мне мужество излечить ее, ибо чем грыжа моложе, тем легче поддается излечению. Я начал с того, что велел принести двести свежих куриных яиц, которые сварил вкрутую и приготовил масло из желтков. Я приготовил, как сумел, повязку и намазывал ее 14 дней к ряду и велел ему в это время спокойно лежать. После этого заставил его встать, чтобы посмотреть, как обстоят его дела, и нашел, что я принес ему значительную пользу, чему весьма обрадовался, ибо раньше, как только он вправлял грыжу, она выступала вновь, теперь же оставалась внутри; и он прибавил, что сам день ото дня чувствовал некоторое улучшение. Я велел ему носить повязку в течение года и поддерживать ее мазью, на что он согласился и подарил мне с сердечной благодарностью кусок коричневого дерева. Помимо того он подарил крест на серебряной цепочке, которую он снял со своей шеи; он дал мне еще кусочек камня, отбитого из-под ковчега и велел мне все это хорошо и бережно сохранить, говоря: «Когда вы с этим попадете в Рим и передадите святые остатки в церковь святого Петра, то вас вознаградят и подарят в такой степени, что вы сможете на это прожить в довольстве всю свою жизнь». Я вез с собой дерево и крест, а также кусочек блестящего камня, но камень с остальными вещами, как я уже упоминал об этом, был у меня отнят англичанами, которые овладели нашим кораблем и ограбили нас. Этого отшельника звали Доминго Александро,

Данный за это подарок

он был родом из Рима, сын Александра Доминго, богатейшего и знатнейшего римского гражданина, который завещал все свои богатства церкви святого Петра и приказал сыну последовать его воле, отправиться в Эривань, поселиться на горе Арарат и вести жизнь тихую, мирную и праведную. Сын исполнил его приказание и отправился на эту гору, где он (в год 1670) уже пробыл 25 лет и чувствовал себя здесь счастливее, нежели живя в Риме. Помимо указанных подарков он дал мне свидетельство о моем посещении и путешествии на гору Арарат, которое так звучит по-латыни:

Свидетельство Стрейсу в том, что он был на горе Арарат

Postquam non potui intermittere ad petitionem Joannis Jansonii precabatur, ut testimonium ipsi darem scriptum, quod supernominatus Joannes Jansonius fuerit apud me in monte Sancto Ararath, circiter triginta quinque milliarium sursum eundo; ubi praenominatus Joannes me sanavit ab una magna ruptura; propterea ipsi maximas gratias ago, propter magnam diligentiam suam, quam mihi praestitit; ipsi pro hac benevolentia donavi; unam Crucem, quod fuit fustium ligni de vera Archa Noë, ubi in persona intus fui a illud, de quo ista crux est facta, propriis meis manibus ab una cammera scidi. Ubi ego Joann. Janson. perfectius oretenus veritatem narravi, quomodo illa Archa est facta. Super hoc ipsi lapidem etiam dedi, quem ipsemet manibus meis decerpsi infra Archam, ubi Archa quiescit. Hoc omne fateor esse verum, tam verum, quam vere ego in ista mea sancta eremitica habitatione de facta vivo.

Datum in Monte Ararath,
die 22 Iulii 1670
Dominicus Alexander,
Romanus.

Это написано его собственной рукой и, как мне сказал переводчик, на весьма скверной, кухонной латыни. Невзирая на это, я предпочел оставить составленное им самим свидетельство без изменения, чем изменить его по усмотрению другого человека, ибо важнее суть дела, а не слова. Эту рукопись перевели мне следующим образом:

«После того как я не мог не отозваться на просьбу Яна Янса, просившего, чтобы я дал ему письменное свидетельство, что вышепоименованный Ян Янс был у меня на святой горе Арарат, поднимаясь вверх приблизительно на 35 миль, где вышепоименованный Ян Янс исцелил меня от большой грыжи, поэтому я приношу ему величайшую благодарность за его великие старания,

которые он мне оказал; и в знак этого расположения я подарил ему: крест, который был обломком дерева от действительного Ноева ковчега, внутри которого я был лично; и то, из чего впоследствии был сделан этот крест, я своими собственными руками отломал от одного помещения; при этом я изустно с большой точностью правдиво рассказал Яну Янсу, как был сделан этот ковчег. Сверх того я дал ему также камень, который сам своими руками выломал из-под ковчега, на том месте, где ковчег покоится до сего дня. Я свидетельствую, что все это истинно, настолько истинно, насколько я действительно живу в этом моем святом отшельническом обиталище.

Дано на горе Арарат
22 июля 1670 г.
Dominicus Alexander из Рима».

Прощание с отшельником

После того я попрощался с отшельником и стал спускаться с горы Арарат, и мне дали с собой, как при восхождении, осла для поклажи и погонщика. Дорога при спуске показалась мне более тяжелой, чем при восхождении, особенно, когда мы очутились в холодных облаках, где было так скользко, что я все время боялся, что скачусь вниз и сломаю себе шею. Ниже был дождь, ветер и бурная погода, что сделало дорогу, и без того достаточно трудную из-за скал и ущелий, еще опаснее. Наконец, после долгих мучений и трудов я снова оказался внизу и могу уверить каждого любознательного человека, что на гору Арарат вполне можно взойти, вопреки мнению тех, которые говорят и утверждают, что теперь невозможно туда попасть.

Глава XIX

Его заковывают в цепи. Предлагают перейти в мухаммеданство. Вводят его для этого в различные искушения. Большой доход от бань. Я. Я. Стрейса освобождают от цепей и продают одному персу. Положение Каспийского моря. Большой водоворот на дне Гилян-Чая. Разговор о торговле шелком. Подробное описание Каспийского моря. Рыбные богатства.

КАК ТОЛЬКО я прибыл в город Эривань, в дом моего хозяина по имени Мухаммеда, тотчас же мои ноги заковали двумя цепями, ибо мой патрон опасался, что я убегу в Великую турецкую землю. Первая цепь была легкой,

другая—весьма тяжелой, и это повергло меня в безграничную печаль и отчаяние и сделало таким беспомощным, что слезы потекли по моим щекам, и я издавал глубокие вздохи и жалобы, направленные к богу, тем более, что я был в плену у турка и его рабом, а также потому, что он не исполнил своего обещания и вероломно нарушил его, хотя отшельник ему честно и сразу заплатил обещанные пятьдесят рейхсталеров. Хозяину показалось недостаточным отнять у меня свободу моего тела; он захотел заставить мою душу служить алькорану и отречься от душеспасительных христианских слов и веры. Чтобы достичь этого, он прибегал к различным обольщениям, говоря: «Ян, если ты захочешь стать мусульманином (что означает правоверным) и дать себя обрезать, то я тебе достану в жены двух красивейших девушек в стране». Я отвечал ему на это такими словами: «Лучше сразу снесите мне голову, я приму это охотнее, чем соглашусь на ваши домогательства и просьбы». — «Да, — отвечал он, — вы не знаете, какая прекрасная жизнь ожидает вас, я хочу вам дать столько нив, садов и слуг, что вы заживете богатым человеком». На это я ему ответил прежними словами, и он, не говоря грубых слов, оставил меня. Немного спустя он прислал ко мне двух красивых и милых девушек, которые со мной весьма приветливо поздоровались, тотчас же заговорили о том, что мне предложил мой хозяин, сразу же добиваясь того, чтобы я взял их в жены, что мне стало известным от русского раба, бывшего моим переводчиком. Но я испытывал такое отвращение и ужас перед мухаммеданством и прелюбодеянием, что остался при своем и велел им передать, что по своим законам и вере никоим образом не могу их взять в жены, ибо имею в своей стране жену, которая родила мне двоих детей, и я никогда в своей любви и преданности не покину их, хотя бы был в тысячу раз дальше от них. «Как, — сказали они, — вы ведь никогда не увидите вашей родины, жены и детей, и так как вы все равно впредь не сможете быть ее мужем, то станьте нашим, если же нет, то вы останетесь навеки жалким рабом; теперь вам предстоит счастье, какого желают тысячи людей, так не отвергайте его, иначе вы раскаетесь, когда будет уже поздно». Они стучались в двери глухого. Едва они ушли, явился мой хозяин и снова посулил мне золотые горы, милость и покровительство, говоря: «Ян, когда ты захочешь стать мусульманином, то я сделаю тебя капитаном». Я отвечал ему так упрямо, как только мог, чтобы он рассердился и прекратил попытки обратить меня

Искушают его переходом в магометанство

Вводят его для этого во всевозможные искушения

в мусульманина; ибо я в избытке перенес мучения и пытки и был довольно мужественен, чтобы стойко претерпеть его жестокость, даже охотнее, чем его милость и благоволение. Поэтому я разразился такими словами: «Все ваши большие обещания, уже данные вами, и те, которые вы еще придумаете и добавите, я не считаю достойными одного боба и охотнее вонжу себе нож в сердце, чем отрекусь от моей христианской веры и приму мухаммеданскую».

Когда он услышал, что я так говорю, он спросил, все ли немцы так думают? Я ответил: «Да, и никто не обесчестит так свою веру и род». — «Хорошо, — сказал он, — вы храбрые люди, я достаточно убедился в этом в Астрахани, где один капитан со своими солдатами стояли против 4-х, 5-ти и даже 8-ми каждый и не уступали врагу, и поэтому я бы охотно взял нескольких из вас к себе на службу, они бы получали прекрасное жалованье». Я сказал ему: «Они, конечно, особенно будут остерегаться попасть в вашу страну, ибо во всем мире известно, как здесь жестоко убили польского посланника с его свитой». «Как ты говоришь об этом, — сказал он, — эти поляки отказывались уплатить нам положенную пошлину и приставили моим таможенным сборщикам мушкеты к груди, со словами: ежели вам нужна пошлина, поищите ее в дуле наших мушкетов! И вот причина, по которой мы лишили жизни злодеев». С этими словами он ушел.

9-го я все еще находился в тяжелых цепях и оковах, и помянутые мною женщины вновь посетили меня, чтобы отвратить от христианства. Они описывали тысячу опасностей, долгое пребывание в тюрьме, тяжкое и вечное рабство, и тем временем не упускали случая склонить меня к разврату тем или иным образом; даже часто предлагали поспать со мной; но я всегда принимал это, как будто они шутят и хотят меня обмануть. Да если бы и случилось, что таким образом возникло бы желание обладать этими женщинами, то оно бы вскоре пропало при мысли, что после такого малого наслаждения предстоит страшное наказание, что нужно будет тотчас же стать мухаммеданином или умереть ужасной смертью. Я отпустил их с тем, с чем они пришли, поэтому они решили, что все старания и усилия пропали даром и повели такую речь: «Мы удивляемся глупости немецких мужчин, которые все время должны держаться одной жены, тогда как персам, татарам и всем мухаммеданам позволено брать себе столько новых жен, скольких они могут прокормить». Наконец эти миссионерки меня оставили.

Мой хозяин, невзирая на то, что он был князем и всемо-

Большой доход от бань

гущим властелином, больше всего дохода и прибыли получал от трех бань, которые сам содержал. Первая находилась в Дербенте, где жили три его жены, другая в Шемахе и третья в Исфагани. Они могли приносить ему в день по десять рейхсталеров каждая. Это происходит оттого, что (не считая всех прочих случаев, когда турки купаются) каждый мужчина должен омыться после сношения с женщиной, а также и женщина, в противном случае он является по законам и указаниям алькорана нечистым и ему запрещается посещать мечети в течение года. Когда жена забеременеет от мужа, он не должен к ней прикасаться, пока она ходит тяжелой. Это хитрая выдумка Мухаммеда, чтобы сделать страну плодовитее, благодаря чему в году от одного мужчины может родиться много детей. Бани переполнены от восхода солнца до заката, с утра до обеда ими пользуются мужчины, а затем женщины.

10-го явился ко мне сам князь и спросил, как обстоят мои дела и что я надумал. Я ответил ему с тем же упорством: «Не является ли это наградой за пятьдесят рейхсталеров, которые я заработал для него? И не забыл ли он, что твердо и свято обещал мне свободу? Не является ли это турецкой верностью, которой они так гордятся? Не заковал ли он меня по этой причине в такие тяжелые цепи?» Услышав от меня такие слова, он был слегка смущен и велел снять с меня тяжелую цепь. Заметив, что мои слова оказывают на него некоторое действие, я продолжал так: «Хозяин, разве мало того, что я ваш раб? Почему вы наложили на меня цепи, когда другие ходят без них? Делаете ли вы это, опасаясь моего побега? Но вы меня не удержите: ибо я твердо решил, что если вы меня оставите в цепях, я покончу с собой, дабы освободиться от этого бедствия, чему вы не в силах помешать». Он слушал немного опечаленный и озабоченный не только от того, что был скуп и лишился бы таким образом денег от продажи меня, но также и потому, что по их законам дом, в котором произошло самоубийство, проклят и его нужно разрушить до основания. Хотя я сказал это только для того, чтобы попугать своего господина и мне меньше всего приходило на ум покончить с собой, тем не менее он так напугался, что не медля на другой же день продал меня одному персу, по имени Хаджи Мухаммед Салех за 150 абасов (каждая такая монета равняется приблизительно 7 голландским гульденам, что, конечно было небольшой платой против обычных цен и стоимости раба у турок и в Берберии).

Его продают персам

Мой новый патрон знал русский язык и был со мной приветлив, говоря: «Ян, не теряй бодрости и не бойся, я поеду с тобою в Исфаган, там живут отличные немецкие, английские и другие купцы, которые тебя выкупят, и ты снова получишь свободу».

12-го я отправился со своим хозяином в Дербент, откуда мне часто доводилось переезжать вместе с ним Каспийское море. Он торговал мареной и другими красильными кореньями, которые в изобилии росли в той местности.

У моего патрона была собственная барка, в которой он привозил и отвозил свои товары; она стояла в гавани в полумиле от города, куда мы, рабы, должны были носить кладь, ибо близ Дербента много подводных камней и стоянка там в бурю небезопасна, но в указанной гавани можно спокойно и надежно бросить якорь на глубине 6—7 и 8 клафтеров при хорошем песчаном смешанном с раковинами дне. В трех или четырех местах от Бойнака до Мазандерана берег покрыт дюнами, а кое-где видны вдалеке вершины дагестанских гор, и земля здесь повсюду хороша для обработки. Близ городка Шаберан (Scaberam) и деревни Низабад (Nisabath) почва глинистая, а местами, где она песчаная, встречается вода на глубине двух, трех, четырех и пяти клафтеров.

Положение Каспийского моря

Близ городка Баку песчаная почва глубиной от 3 до 5 клафтеров простирается на расстоянии мушкетного выстрела от берега, тогда как от Баку до Гилянского залива почва на глубине от двух до восьми клафтеров илистая и песчаная. По всему берегу много прекрасных рек, гаваней, протоков; среди них некоторые так глубоки, что в них входят и стоят большие суда. Море (как и реки) изобилует рыбой, и персидский король получает отсюда большой доход; некоторые платят пошлину, другие—контрибуцию. В Гилянском заливе два больших водоворота, которых весьма страшатся и ужасаются персы, плывущие по Гиляну на своих лодках или на других судах для ловли сельдей. При тихой погоде шум и кипение водоворота слышны за пять или шесть миль. Кажется, будто есть отверстие на дне Каспийского моря, в которое вливаются 85 рек, и совсем не видно, куда девается и где остается такое множество воды, вследствие чего не могу предположить ничего иного, как то, что потоки воды поглощаются двумя водоворотами. Вода поглощается с таким ужасным шумом, что волосы подымаются дыбом, когда его слышишь. По Каспийскому морю хорошо ездить в плоской ладье, вместимостью от 40

Большие водовороты в Гилянском заливе

до 50 ластов, суда больших размеров и сидящие глубже не всюду могут пройти.

Разговор о торговле шелком

Однажды, когда я мечтал о свободе, я сказал своему хозяину, что если бы я получил освобождение, то снова бы вернулся сюда на голландском купеческом корабле. Он спросил меня, разве я так богат? Я ответил: «Нет! Но ежели я разглашу о возможности плавания по Каспийскому морю, то я уверен, что один купец за другим захочет попасть сюда, и не сомневаюсь, что они мне доверят свои товары и поручат перевезти их». Тогда мой хозяин позвал к себе некоторых армянских купцов шелковыми товарами и рассказал им о моем предложении, что разожгло их желание и корыстолюбие, и они вежливо попросили его разрешить им повидаться со мной, и для этого он назначил особый день. Когда мы встретились, они спросили, знаю ли я итальянский язык. Я ответил: «Не особенно хорошо, господа». Потом стали они спрашивать, не из Амстердама ли я и не знаю ли такого подходящего купца. Я ответил им: «Нет, но там живет много торговцев шелком». — «Хорошо, сказали они, только из Голландии можно будет ввозить через Каспийское море олово, цинк, ртуть, сукно, атлас и другие нидерландские материи и товары, которые можно хорошо и с большой выгодой продать в Дербенте, Шемахе и Ардебиле. Поэтому следовало бы всю торговлю шелком направить в Голландию; и гораздо лучше и удобнее отправлять товары в Голландию Каспийским морем, Волгой, через Архангельск, чем предпринимать далекий путь с большим и дорого стоящим конвоем или стражей, со многими опасностями, сначала сухим путем в Смирну, а оттуда с большими потерями от берберских разбойников через Гиспанское море, не говоря уже о невероятной пошлине, взимаемой турками, причем они полагают, что московский царь будет брать меньшую пошлину, чтобы развить и направить эту выгодную торговлю в свою страну, и т. д., и что из Гиляна, Ширвана и других окрестных приморских местностей можно будет ежегодно вывозить более 30 тыс. тюков шелка. В Бухаре имеются дорогие курения, а на восточном берегу Каспийского моря прекрасная шагреневая кожа, шафран, ревень и другие отличные товары, которыми нередко торговал при мне мой патрон».

Подробное описание Каспийского моря

Что касается Каспийского моря, то его следовало бы скорее назвать замкнутым со всех сторон озером, нежели морем, когда бы его не удостоивали таким наименованием за его величину, ибо на деле это не что иное, как бассейн, куда вливаются 85 глубо-

ких рек и нигде не заметно выхода, кроме водоворотов, о чем речь была выше. Что же касается других обстоятельств, величины и особенностей Каспийского моря, то я имел хороший случай изучить их за время нашего путешествия в Астрахань, равно как и при переездах моего патрона Мухаммеда Салех, а что мне осталось неизвестным, то я точно разузнал во время долгого пребывания в Дербенте и Шемахе от опытных татарских, персидских и армянских моряков, на основании чего с большим усердием и стараниями составил карту и установил, что оно простирается от устья Волги до Астрабада (Astrabath) на север и юг на сто двадцать девять миль. Ширина его от Тарков (Tarku) до реки Эмла (Jemla) на восток и запад шестьдесят миль. На расстоянии шести, семи, восьми и девяти миль от берега вода пресная, а иногда и соленая, и якорные места на глубине от двенадцати до пятидесяти клафтеров; посередине дна достать нельзя, и оно весьма глубоко, отчего называется Mare de Sala, или Соляным морем. Берега у него весьма угловатые и извилистые, и среди других самый большой залив Гилян, который начинается от мыса Шаберан и врезается более чем на 38 миль в сушу до Сенгар Гасам (Sengar Hasam). О почве на берегах Каспийского моря я уже упоминал и описал ее. Море окружено горами, состоящими из раковин морских улиток, сухих песчаных дюн, твердых песчаников, скал различного мрамора, и все это весьма не плодородно. Большая река Ем (Iem) разделяет калмыцких и чувинских (Guwijnsche) татар. На равнине несколько городов, местечек и деревень, которые большей частью заселены калмыцкими, черкесскими, дагестанскими, бухарскими и другими татарами (не считая небольшого числа персов, мидийцев (Meders), которые живут на самом берегу и занимаются мореплаванием). Я часто с большой вежливостью просил моего хозяина зайти подальше в море; но он не хотел, говоря: «Ян, мне не к чему рисковать судном, имуществом и жизнью из-за твоей дурашливой любознательности. Разве тебе мало, что мы идем хорошей безопасной дорогой? Зачем тебе искать другую?»[152].

Рыбные богатства

Рыбные богатства Каспийского моря весьма изумительны, и персидский король сдает его за большие деньги на откуп с апреля по сентябрь месяц; оно делится на известные участки от берега загородками из кольев, и никто другой не смеет под страхом смертной казни ловить там рыбу. За теми же кольями разрешается всем и без пошлины, потому что там почти нет никакого улова. По исте-

чении назначенного времени все могут повсюду свободно и беспрепятственно ловить рыбу. Там ловят карпов, лещей, лососей, осетров, сельдей и другую известную рыбу, которая в том краю жирнее и больше, чем у нас. Встречаются карпы длиной в два локтя и больше и род Berint, которые достигают еще большей длины; но тогда он теряет вкус и приятность и вкусны только те, которые длиною в пол-локтя. В том море еще много неведомых и неизвестных рыб и среди других водится рыба, называемая по своей большой голове толстоголовой. Хвостом она может перевернуть легкую лодку или суденышко, потому персы и другие избегают ее насколько возможно. Персы называют ее Nachay, что означает пожиратель [153].

Глава XX

Описание Дербента. Городские стены. Дворец султана. Древние развалины и опустошенные местечки. Различные сторожевые башни. Множество гробниц в окрестностях Дербента. Рынок невольников в Дербенте. Я. Я. Стрейса продают во второй раз. Его патрон женится на польке. Его хозяин в смертельной опасности. Стрейс спасает его. Благодарность перса. Предложение хозяйки спастись бегством вместе с Я. Я. Стрейсом. Двое мужчин из их отряда прибывают в Дербент. Как они ушли из рук татар. Султан Дербента благоволит к голландцам. Хитрость для освобождения Эльса Питерсена. Терпимое рабство в Бойнаке. Князь берет себе в жены жену Брака. Брак пропал без вести.

Описание Дербента

ДЕРБЕНТ, первый город на Каспийском море, подвластный персидскому королю, лежит под 41° 50′ северной широты. Город продолговат и простирается вглубь от берега на добрую полумилю к востоку и западу. Одна сторона так близко подходит к берегу, что волны часто ударяются о самую стену и в бурю должно быть переваливаются через нее [154]. Этот город открывает путь, который ведет от Каспийского моря в Персию, так как рядом лежащие горы непроходимы. Город по заслугам называется Дербентом, что означает ключ государства, точно так же как на границах Индии Гомбрун (Gammeron) называется Бендером (Bender) — разница только в перестановке слогов, ибо Der — ключ, а Ben или Bent — государство или край. Город обнесен стенами из больших четырехугольных камней, от четырех до шести футов в окружности, взятых с гор;

построен Александром Великим во время его пребывания там. В настоящее время от его построек ничего не осталось, кроме стены на южной стороне города и дворца. Стену на северной стороне построил знаменитый индийский король Нуширван (Nauwschirvan), поставивший ее на скалах; обе стены такой высоты и ширины, что на них можно повернуть повозку с лошадьми. На стене Александра находится продолговатый камень, на котором высечено несколько строк сирийскими и арабскими буквами. Город Дербент делится на три части: верхняя часть лежит на горе, в ней помещается дворец, защищенный несколькими хорошими металлическими пушками и в мое время, после нападения казаков, гарнизоном в тысячу надежных солдат, это — резиденция султана; средняя, где живут персы, сильно разрушена; в нижней части, имеющей приблизительно 2 000 шагов длины, не видно домов, а только сады и поля. Здесь некогда жили греки, вследствие чего она еще и посейчас называется Шахр-и Юнан, или город греков. Над Дербентом у самого города видны следы стены, которая тянулась отсюда до Черного моря или понта Евксинского, сооружение, стоившее невероятного труда и затрат. Кое-где видны еще обломки этой стены в четыре фута и больше. На холмах близ Дербента расположены редуты, или каменные укрепления, из которых шесть имеют гарнизон и маленькие полевые пушки. Видны еще различные следы и остатки сильных крепостей, из чего можно заключить, какое большое значение придавали этому месту в прежние времена лидийские и персидские правители и властелины. Неподалеку от города построено несколько высоких деревянных дозорных башен, чтобы с них можно было обозревать окрестности и видеть приближающихся. За городом, в сторону берега, видно несколько тысяч полукруглых могильных камней, длиной с мужчину высокого роста, выдолбленных так, что в них удобно может поместиться человек. На этом месте некогда произошла жестокая битва между мидийским королем Хасаном (Cassan) и дагестанскими татарами. Последние взяли верх, причем полегло несколько тысяч мидийского войска и здесь похоронены самые знаменитые начальники и капитаны. Среди них на береговой стороне находится четырехугольная площадка, окруженная каменной стеной, где лежит сорок таких могильных плит, под которыми покоятся столько же убитых князей, а также святых мидян и персов. В стену воткнуты флажки, у входа сидит старик, который принимает подаяние от тех, кто пришел сюда

Древние развалины

Множество гробниц в окрестностях Дербента

служить богу, ибо во всей Персии посещение могил считается важным и большим делом; в нем и заключается главным образом богослужение женщин. Кроме того им остается немного или совсем ничего и никаких других церемоний, кроме омовения. Их обучают, насколько это нужно, их мужья и родители, ибо они не смеют входить в мечети и храмы.

В городе Дербенте нет христиан, а только одни мухаммедане и немного евреев, которые гордятся своим происхождением от колена Веньяминова; эти старьевщики ведут крупную торговлю награбленным в Дагестане добром, которое татары привозят сюда на рынок. Главная торговля других жителей состоит в купле и продаже невольников, которых доставляют сюда помянутые людокрады для перепродажи через персов в другие места. Весьма жалкое зрелище являют собой несчастные рабы и рабыни, когда их раздевают, трогают и ощупывают, и обращаются с ними хуже, чем в нашей стране с быками и лошадьми. Здесь ничего не стоит убить раба или рабыню, как собаку. Жалеют только деньги, затраченные на них, иначе рабы жили бы недолго, потому что люди здесь весьма злые и яростные, удивительно подозрительные и недоверчивые, полагающие, что если раб слегка засмеется в присутствии женщины, то за этим скрывается многое. Что же касается моего хозяина, то мне никогда не приходилось на него сетовать. Наш сосед, напротив, был сугубо подозрительным. Ради прохлады я, как и многие рабы, спал ночью на крыше, откуда мог видеть двор, где забавлялись и непокрытые играли друг с другом его жены. Он видел меня несколько раз, а я его, вследствие чего он пожаловался моему патрону, говоря, что я кидал маленькими камешками в его жен, что было явной ложью, и мой хозяин ему не поверил. Тем не менее он сказал: удалите ваших рабов с крыши или я сам им в этом помогу. Патрон предостерег нас; но так как мне захотелось посмотреть, что он сделает, то я взобрался на крышу и увидел, что на его дворе стоят несколько длинных ружей, после чего поспешил уйти и едва успел сделать несколько шагов, как мне вдогонку раздались выстрелы, пули проскочили мимо меня, не попав в цель. Персы вообще проявляют больше милосердия и доброты по отношению к рабам, нежели турки, как мне стало известно на одной галере, и я каждый день слышал, что бедных и несчастных рабов сильно мучат и многие бывают вынуждены отступить от христианской веры, что я считаю самой большой жестокостью. Но тем не менее они

весьма упрямы и высокомерны, гордятся своим древним происхождением и благородством, а также Мидийской монархией. Особенно мнят о себе кизылбаши или солдаты королевской лейбгвардии [155]. Они весьма наглы и принимают на свой счет каждое незначительное слово, какое только скажут, считая его за оскорбление, и сыпят проклятиями так, что содрогаются земля и небо. Так как они меня часто потчевали палками и кулаками, то я избегал, как мог, эту траву «не тронь меня» из увеселительного сада дьявола.

Я. Я. Стрейса продают во второй раз

30-го патрон отвел меня на рынок в табачные ряды и продал Хаджи Байраму Али (Hadsje Biram Aly). Это был богатый купец, торговавший драгоценными камнями и другими дорогими товарами. У него было пять жен в Дербенте и четыре в Шемахе. Самую лучшую из них звали Алтин (Altijn), она была христианкой, родилась в Польше; ее отец, родом из Амстердама, по имени Иоаннес Флусиус (Ioannes Flussius), был ротмистром при короле Казимире [156]. Он женился там на девушке, от которой родилось четверо детей. Эти люди жили в своем поместье, и после одного жестокого набега татары увели вместе с другими двенадцатилетнюю девушку и продали ее в рабство. В мое время ей было двадцать шесть лет, она была хорошо сложена, с белым и приветливым лицом, вследствие чего мой хозяин, большой охотник до свежих иноземных женщин, сразу влюбился в нее, взял в жены и поставил ее в короткое время выше всех.

Его хозяин в смертельной опасности

У моего хозяина была привычка каждый день купаться в море, и я должен был итти с ним, чтобы стеречь и держать лошадь, пока он сидит в воде. Однажды, когда он захотел выкупаться и отошел на два шага от берега, я увидел, как он в то же мгновение попал в водоворот. Я отпустил лошадь, снял одежду и прыгнул в воду туда, где он опустился, и нечаянно наступил ему на голову. Почувствовав это, я постарался схватить его за руки и вскоре вытащил его из воды и вынес на берег без всяких следов жизни, но кровь текла у него из ушей и носа. Я повалял его несколько раз на большом камне, после чего из него вылилось полведра воды и он пришел в себя. Я усадил его на лошадь и повел ее шагом к дому, где он должен был пролежать 15 дней в постели, по истечении которых снова оправился. Я был весьма рад, что мне так счастливо удалось спасти его от смерти, ибо, если бы он утонул, эти подозрительные и жестокие люди обвинили бы меня, и мне без сомнения пришлось бы умереть ужасной смертью. Теперь же он меня сильно полюбил за мою верность и помощь и обещал, что возьмет меня с

Спасает его

собой в Исфаган и отдаст там безвозмездно какому-нибудь голландцу. Но прекрасно говорившая по-голландски хозяйка, которая хорошо относилась ко мне, отсоветовала мне это путешествие, говоря: «Правда, мой муж и едет в Исфаган, но из Исфагана он совершит паломничество в Мекку, чтобы пожертвовать гробу Магомета 20 тыс. гульденов, после чего он и его сын Хаджи Хан (Hadsje Kan) станут святыми к большой чести своего рода; но ты не знаешь, какая кара может постичь тебя из-за твоей веры».

Благодарность перса

Потом она открыла мне, взяв клятву молчать, очень большое и важное дело, которое меня немало взволновало. Я обещал все скрыть и держать в тайне. Тогда она сказала: «Попроси хозяина, чтобы он не брал тебя с собой в путешествие, а сам прикинься больным и негодным. Ежели он согласится и пробудет месяц в отъезде, то мы пустимся в бегство на барке, у меня достаточно средств, чтобы прожить без нужды и забот. Мы возьмем с собой шкатулку с драгоценностями, которые стоят по меньшей мере 300 тыс. голландских гульденов, кроме них у меня еще десять тысяч дукатов наличными, так что нам хватит на обоих, и если мы с божьей помощью ночью уплывем на барке, то будем через восемь или десять дней в России. Когда мы прибудем туда, то направимся без большого риска в Голландию и там, если ваша жена умерла, повенчаемся; если же она еще жива, то я найду брата своего отца или других друзей в Амстердаме, где и поселюсь». Я ответил ей: «Добросердечная, многоуважаемая госпожа, хотя ваше предложение прекрасно и у меня довольно желания и хитрости, чтобы с божьей помощью привести его в исполнение, но ваша доброта конечно знает, что Астрахань во власти казаков и что море кишит разбойниками и что сейчас невозможно благополучно добраться в Россию». «Как, — сказала она, — ты думаешь, что Астрахань долго пробудет в руках казаков? Нет, конечно мы вскоре услышим, что великий царь выступил в поход с одной или двумя сотнями тысяч и эти насекомые все до одного будут истреблены» и т. д. Затем она принесла шкатулку, так как ключи были у нее, и я с большим изумлением увидел сокровищницу алмазов, смарагдов, рубинов и других драгоценных камней.

Предложение хозяйки спастись бегством вместе с Я. Я. Стрейсом

Это предложение показалось мне чрезвычайно странным, я обдумывал его днем и ночью, и оно вставало перед моими глазами. Да, когда бы Астрахань не была бы в руках казаков, я ни мало не сомневался бы и рискнул бы, тем более, что дорога и берега мне хорошо известны; но это удерживало меня, и я отказался привести

в исполнение предложение женщины. Я мог предположить, что ее ненависть к мужу выросла из ревности, ибо он незадолго до того купил двух грузинок-рабынь одиннадцати и двенадцати лет, с которыми он спал одну ночь за другой. Это сильно раздосадовало его жену, и она возненавидела его и стала его врагом, оттого что, едва достигнув 26 лет, не хотела быть вдовой при живом муже.

Он ей отсоветывает

22 августа прибыло в Дербент два человека с нашего судна — Корнелис де Фрис, старший пушкарь из Амстердама, и Питер Арентс из Схефенингена. Они были в Бойнаке в плену у Шамхала и бежали. Несколько татар гнались за ними до самых ворот Дербента и наверное схватили бы их, если бы на их счастье не оказался там солдат, хорошо говоривший по-русски, который вмешался и спросил, что они за народ. Они ответили, что они немцы и имеют при себе письма к султану. Тогда солдат сказал татарам: «Эй, вы, на что вам эти люди? У них письма к султану, разве вы не понимаете, что вы делаете?» Они ушли из ловушки и были приведены к султану, который их сразу спросил, кто они такие и откуда прибыли. Они сказали: «Мы немцы». Затем он спросил о письмах, предназначенных ему; но они стали просить его о милости и прощении, говоря: «Господин, мы пошли на эту хитрость, чтобы спастись из лап разбойников. Сжальтесь над нами, мы из того отряда, который бежал из Астрахани от казаков, и имели несчастье разбиться о берег, где нас ограбили, побили и обратили в рабство дагестанские татары, и мы были в позорном подчинении у Шамхала; но теперь мы бежали под защиту вашего величества, чтобы стать свободными. Мы были трое суток в дороге и ехали всегда ночью, чтобы нас днем не заметили и не захватили, что могло еще случиться у ворот, если бы мы не спаслись в беде хитростью». Тут султан отпустил их и указал им дом, где они могли жить (он вообще благоволит голландцам). Но так как эти гости боялись, что им придется слишком дорого заплатить за квартиру и стол, то они отправились в караван-сарай или гостиницу, где персы и индусы отдавали им остающуюся пищу. Султан сразу же обещал им написать персидскому шаху или королю и попросить об освобождении других пленных, насколько это от него зависело. Его доброе сердце и расположение к голландцам ясно видны из следующего: когда брат Шамхала приехал в Дербент за двумя беглецами, то получил в ответ, что голландцы в Дербенте стали свободными людьми и что, если персидский шах узнает, как жестоко обходились с ними, то в свое время покажет свое недоволь-

Двое мужчин из их отряда прибывают в Дербент

Как они ушли из рук татар

Султан благоволит голландцам

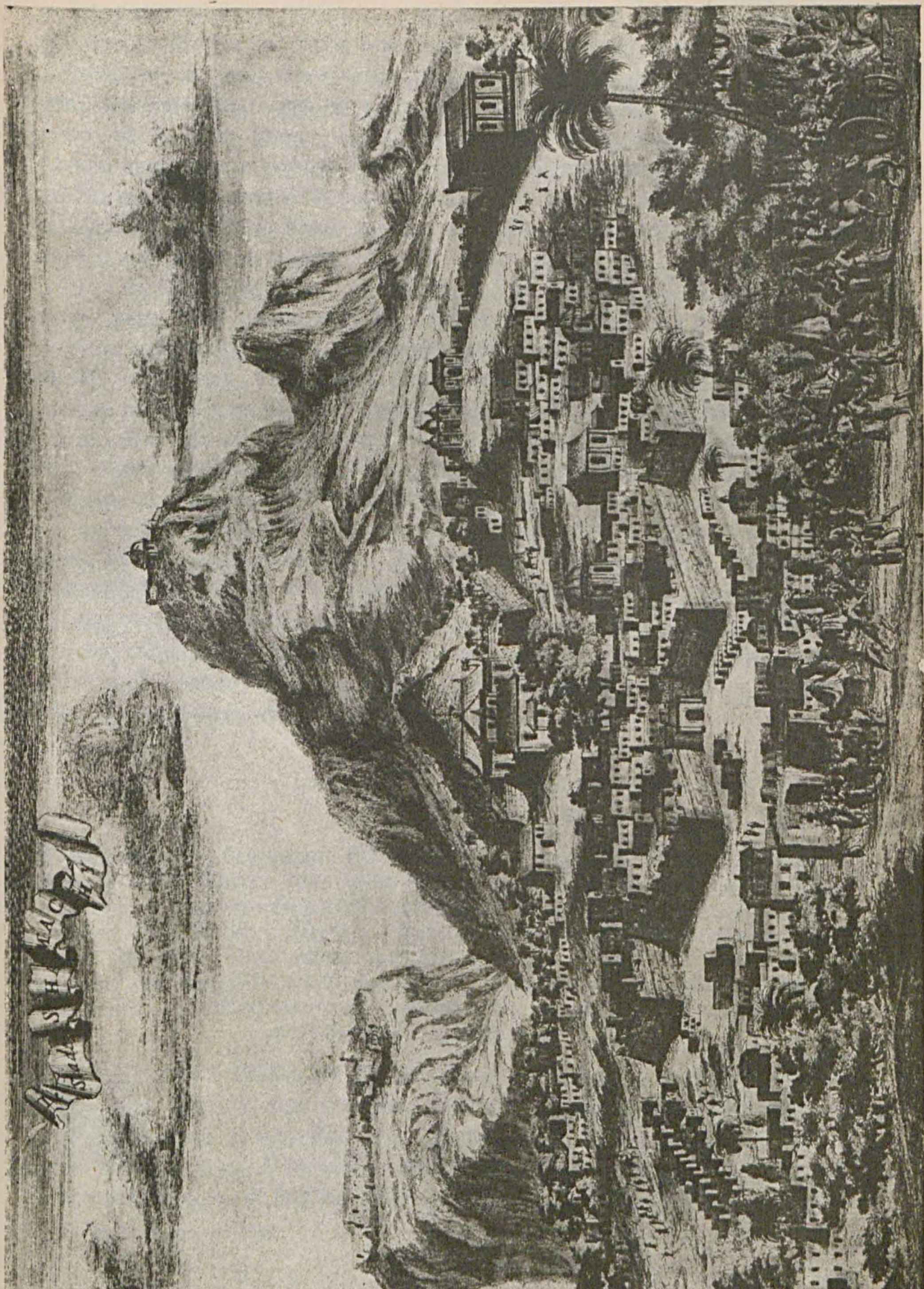
ство тем, что учинено насилие над его союзниками и друзьями, с которыми он ведет крупную торговлю. С таким ответом должен был удалиться татарин по имени Али, и рабов, когда он вернулся в Бойнак, стали охранять сильнее и строже, потому что знали, что они станут свободными, как только попадут в Дербент.

Как только я узнал, что прибыли два моих спутника, то попросил у моего патрона разрешения навестить их, что и сделал. Когда я к ним пришел, то начал с расспросов об их положении и бегстве. Мой хозяин, также пожелавший видеть их, появился там вместе со мною, вследствие чего я воспользовался случаем, чтобы освободить нашего Эльса Питерса, который еще был в плену в Бойнаке. Я сказал хозяину, что мой сын еще находится в руках князя Усмия, и тут я подмигнул пушкарю Корнелису де-Фрис, которого мой господин спросил, правда ли, что тот мой сын, и получил подтверждение. На что он сказал: «Я хочу его выкупить, пусть он живет со мной и с тобой». Вскоре он послал туда перебежчика с тем, чтобы купить его, но бедного Эльса уже увели в глубь страны. Это меня весьма опечалило, ибо если бы я его заполучил в Дербент, то мог бы взять с собой в Исфаган с большей надеждой на спасение, чем среди жестоких и диких татар.

Хитрость для освобождения Эльса Питерса

Тем временем я часто посещал пушкаря и Питера Арентса, и так как они были весьма печальны и безутешны, старался придать им мужества, говоря: «Чем вы так огорчены! вы ведь свободные люди, а я продан в рабство; без сомнения персы рано или поздно возьмут вас с собою, и тогда вы можете из Исфагана или Гомбруна попасть к голландцам и через Индию на свою родину» и т. д. Они рассказали мне, что вся команда ходит на свободе в Бойнаке и во всех местах, подвластных Усмию, без малейших цепей и оков, потому они часто решали сообща пуститься в бегство; но большинство полагало, что они в Дербенте не будут в безопасности и на свободе, и поэтому не соглашалось, говоря: «Нас там еще успеют продать в рабство, даже если мы сами не побежим туда, оставьте нас, пока еще терпимо». И, правда, они ничего не делали, кроме того, что рубили на зиму дрова для князя. Если бы я пользовался такой свободой, когда был с Эльсом Питерсом у Усмия, и не был бы вынужден ходить закованным в цепи, то мы бы, недолго думая, сбежали, что можно было бы сделать в одну ночь, так как это место находится всего в четырех милях от Дербента. Правда, мы часто пытались разбить на куски одно из звеньев цепи, но они были слишком толсты. Нас взяли калмыцкие,

Терпимое рабство в Бойнаке

а их дагестанские татары, первые подчинены Усмию, вторые Шамхалу. Корнелис Брак был продан Шамхалом на три года, по истечении которых его хозяин должен был снова отдать его. Жену его, которую при первой встрече и столкновении князь обесчестил, он взял ко двору, одел по-княжески и оставил своей женой. После этого Брак решил бежать; но жена удерживала его, говоря: «Как вы, муж, хотите бежать и оставить меня одну с маленьким ребенком? Неужели ваше сердце способно перенести это? Не делайте этого или я донесу князю». Брак ей ответил: «Мы ведь не можем оставаться друг с другом, ибо вы любовница князя, и потому меня как можно скорее отведут в глубь страны и продадут; оттуда я никогда не смогу сюда вернуться или сообщить вам о своем состоянии. Напротив, ежели я попаду в Дербент, то смогу всегда писать вам и искать путь и средства для вашего освобождения». Но тем не менее жена осталась при своем. Брак, видя, что не сможет уйти с ведома жены, сделал это, не сказав ей ни слова и против ее воли. Но я никогда не мог узнать, где он остался, был ли он пойман или убит. К нам дошли достоверные вести о его побеге, ибо его разыскивали в Дербенте и расспрашивали о нем, но искавший услышал от нас мало добрых слов и был встречен нами неприветливо, и даже султан велел схватить его как разбойника. Он оправдывался, говоря, что не людокрад, что купил Брака за наличные деньги, что мог подтвердить двумя свидетелями, после чего султан опять отпустил его.

Князь берет себе в жены жену Брака

Брак бежит

Глава XXI

Трудности при добывании дров в окрестностях Дербента. Нападение разбойников. Другое нападение разбойников, спрятавшихся в кустах. Доброта патрона. Путешествие в Шемаху. Гора Бармах. Колодцы нефти. Прибытие в Шемаху. Описание города. Сильное землетрясение в Шемахе. Множество погибших людей. Встреча с монахами. Их добрые старание освободить Я. Я. Стрейса от службы у мухаммеданина. Предупреждения хозяина. Он попадает в услужение к польскому посланнику.

Я БЫЛ ПОСЛАН 29-го хозяином вместе с пятьюдесятью рабами, при участии большого числа персов, нарубить дров в окрестностях Дербента. Мы поднялись высоко в горы. В нашей толпе были отрекшиеся от своей веры или отступники, с двумя повозками, четырьмя волами, двумя

ослами и лошадью. Все разбрелись по кустарникам и принялись за работу, а меня оставили одного у повозки и животных. После того как они проработали около трех часов, я увидел более трехсот вооруженных людей. Я мог заключить по их снаряжению и быстрой езде, что это разбойники, и закричал изо всех сил: «Эй, эй, народ, сюда едут разбойники и воры, держитесь друг возле друга!». Разбойники усердно стреляли мне вслед из луков, но напрасно. Я один не мог ничего предпринять и спрятался в кусты, где встретился со своими и мы оборонялись, как могли. Но разбойники нападали на нас с таким неистовством и храбростью, что мы как слабая сторона были вынуждены отступить, насколько было возможно. Мы оставили на месте двенадцать мертвецов, раненых оказалось у нас двадцать человек, и мы потеряли повозки, лошадь, волов и ослов и вернулись домой голыми и ограбленными. Эти плуты делают горы близ Дербента весьма опасными и ненадежными, потому султан, а иногда даже сам шах или император посылают войско, чтобы рассеять их; но они достигают немногого, ибо эти хищники искусно прячутся в пещерах и кустах и к их шайкам часто присоединяется много солдат, которые предпочитают свободную жизнь суровой военной дисциплине. И так как жители Дербента нигде не могут достать топлива, помимо этих мест, то работа эта ложится на рабов, которых в большом числе ежегодно убивают и ранят.

Трудности при добывании дров в окрестностях Дербента

Нападение разбойников

30-го хозяин снова послал меня за город, чтобы пасти на пастбище его коров и стеречь их, чем я был занят весь день. Но когда я вечером хотел загнать скот в хлев, я увидел, как три разбойника направились ко мне. Они были хорошо вооружены, а я нет; поэтому они у меня не только с легкостью отняли семь коров, но мне пришлось согласиться с тем, что они мне завязали руки за спину и увели с собой. После того как мы прошли часть пути, навстречу нам попалось восемь персов, дербентских жителей, которые к счастью меня знали и много раз веселились в нашем доме. Они освободили меня и, мужественно набросившись на плутов, лишили всех троих жизни, проводили меня со скотом в сохранности до дому, где были за их преданность прилично вознаграждены моим господином. Он был жизнерадостный и щедрый человек, особенно склонный ко мне. Я никогда не слышал от него злого слова и он не хотел больше посылать меня за город, говоря: «Ян, ты родился под несчастливой планетой, оставайся дома, я тебе дам другую работу». Мои обязанности и занятия

Другое нападение разбойников

Доброта моего патрона

были настолько приятны, что я не мог пожелать себе лучших и более спокойных дней, даже если бы был рабом у турок за пределами этого государства.

Путешествие в Шемаху

Тем временем мой господин решил предпринять поездку в Шемаху, чтобы снова отстроить свои дома, разрушенные и обвалившиеся при землетрясении в 1667 г. Мы выступили 1 сентября с караваном в 1 800 лошадей, большим числом верблюдов, ослов и других вьючных животных и несколькими тысячами людей. В тот же день мы пересекли три реки: Кургани (Kurgani), Костар (Kostar) и Самбур (Sambur). Средняя из них — самая большая и протекает по горе Эльбрус (Elbur), делится на пять рукавов. Она весьма широкая, с плоским каменистым дном, но совсем не глубокая. На другой день мы прошли восемь миль и прибыли в большую деревеню Коктеп (Koctep), где и заночевали. Во время путешествия мы прошли мимо красивой гробницы одного персидского святого. Жители этой деревни называются падар (Padar), они занимаются не чем иным, как разбоем и воровством. Поэтому мы особенно зорко следили за их руками. Они живут в хижинах, наполовину вырытых в земле, большей частью четырехугольных, высотой около 6 локтей, сверху плоских и покрытых дерном.

3-го мы проехали через красивую деревню Низабад (Niasabath) или Наизабад (Naysabath), лежащую под 41°15′ широты в плодородной и приветливой равнине, которую древние индийцы называли Сурван (Surwan) или Ширван (Schirwan). На том месте несколько лет тому назад потерпело кораблекрушение гольштинское посольство [157]. Вечером мы остановились в деревне Мускар (Muskar). На следующий день мы увидели в кустах и на дороге много бегущих плутов и разбойников. Так как они считали нас слишком сильными, то у них было мало охоты нас пограбить, хотя они впрочем весьма жадны и отличаются большой дерзостью, отчего здесь небезопасны поездки без большого и хорошо вооруженного общества.

4-го мы снова отправились в путь и дошли в тот же день до города Шаберан (Scabaran), где нашли самый лучший и белый рис, чему способствует и служит влажная и болотистая почва. Фунт того прекрасного риса можно здесь купить дешевле, чем за полстейвера. Город в древности был окружен валом, но теперь не больше как открытое место. Здесь видны еще разрушенные печи, в которых пекли хлеб для войск Александра Великого.

Гора Бармах

5-го проехали мы мимо горы Пармах (Parmach) или Бармах, которая расположена неподалеку от моря и знаменита бьющими из нее струями белого и черного петролиума или нефти. Пармах означает палец, гора названа так потому, что ее вершина напоминает вытянутый палец. На ее вершине весьма холодно, а иногда на траве и растениях видны ледяные сосульки, но у подножия очень тепло и приятно. На этой горе когда-то были сильные крепости, которые охраняли с этой стороны Каспийское море и окрестные земли. Еще видны следы и основания весьма толстых стен и круглых площадок, посредине которых находятся вырытые и выложенные камнем колодцы. Что касается нефти или петролиума, то она выступает из земли, пробивается и бежит по разным жилам среди скал. Здесь приблизительно сорок колодцев, из которых черпают нефть, но главных всего три, из них нефть бьет ключом. Она издает весьма сильный запах и бывает двух родов: коричневая и белая. Первого рода нефть хуже, у нее тяжелый запах, белая гораздо приятнее[158].

Нефтяные колодцы

6-го мы продолжали свое путешествие, ехали весь день горами и к вечеру приехали в глубокую котловину, где расположена деревня Бахал (Bachal). Это весьма плодородная и веселая местность. Здесь болотисто, а потому растет прекрасный крупный рис. В изобилии растет здесь ячмень. Жители пекут из него очень вкусные пироги на меду и масле. Мой патрон накупил их, чтобы есть в дороге.

7-го мы снова отправились в путь и въехали при наступлении вечера в веселую и приятную деревню Котани (Cothany), где остались на ночь. Деревня лежит в глубокой котловине, поросшей мелким кустарником, где водится много зайцев, множество их выскакивало на наших глазах.

Прибытие в Шемаху

8-го вошли мы в знаменитый персидский торговый город Шемаху (Scamachy), который называется также Samachy или Sumachy. Он лежит под 40° 50′ широты в долине Ширван (Schirwan) или Мидии [159]. Эта долина находится в горах, ее не видно, пока не спустишься вниз и не окажешься вблизи. Путь из Дербента в Шемаху обычно тянется шесть дней, хотя на самом деле города лежат не так далеко друг от друга, но нужно перевалить чрез две горы по весьма извилистым дорогам и этот путь нельзя пройти в более короткий срок; нам понадобилось на это восемь дней. Но все-таки от одного города до другого можно добраться в два дня, если ехать одному верхом; также и караван,

если не считаться с расходами, может дойти в четыре или пять дней, взяв путь через горы Лагач (Lahatz). Но так как там приходится платить большую пошлину, то все путешественники избирают более долгий путь, чтобы избежать ее. В старое время город был гораздо больше, но сильно уменьшился за время войны, которую вел шах Абас с турками. Тогда город лишился валов, и его превратили в местечко как для того, чтобы отнять убежище у турок, которые чаще всего укрывались в крепостях, так и оттого, что расположенный в середине страны, закрытый со всех сторон, он считался слишком опасным местом на случай восстания против сурового правительства. Поэтому шах велел снести южную часть стены, где город был более всего укреплен. Другую, которая ни в коей мере не могла защитить город, он оставил. Эта северная часть намного меньше, чем южная. Рвы вокруг так плохи и стены настолько разрушены, что в город можно войти и днем и ночью, несмотря на то, что ворота, которых всего пять, заперты. Улицы как с южной, так и с северной стороны очень узкие, дома низкие, построены из земли, глины, щитов и досок. В южной части большой базар или рынок, где много хороших и крытых рядов со многими лавками, палатками и ларьками, где продают меха, шелк, хлопчатую бумагу, затканные серебром и золотом платки, сабли и другие ремесленные изделия и товары. На этом рынке стоят два особых больших двора со многими отдельными ходами и лавками, где иноземные купцы, которые приезжают сюда, торгуют своими товарами. Первый называется Шах-каравансарай, что означает то же, что императорский двор; здесь большей частью останавливаются русские и обменивают олово, медь, юфть, соболей и другие товары. Другой называется Лезгин-каравансараем или татарским домом. Сюда прибывают дагестанские и другие татары, которые торгуют лошадьми, людьми, мужчинами, женщинами и детьми, краденными друг у друга, а большей частью у русских. Сюда приезжает также много евреев с одеялами и хлопчатобумажными платками. Меня больше всего удивило, что город этот заново отстроен, хотя не прошло и трех лет, как он был опустошен и разрушен до основания. В этой стране часто бывает землетрясение, и в течение года, проведенного там, землетрясение было несколько раз; больше того, его чувствовали три раза на день. Но землетрясение 1667 г. было самым сильным с незапамятных времен [160]. Оно продолжалось целых три месяца и было сначала весьма сильным. Весь город заколебался до самого основания,

Описание города

Сильное землетрясение в Шемахе

так что не только церкви и башни, но и дома и городской вал обвалились, и все это произошло с такой быстротой, что никто не мог спастись бегством. Подсчитали, что во время этого ужасного разрушения несомненно погибло более 80 тыс. мужчин, способных носить оружие, не считая женщин, детей и рабов, и бедствие поразило не только Шемаху, но и ее окрестности. Непоколебимые горы и твердые скалы разверзлись, и целые местечки и деревни рухнули и провалились в зияющие трещины. Мы видели вершины гор, обрушившиеся в долины, и погребенные под ними деревни с их жителями и скотом. Даже проезжие дороги были настолько разрушены и перевернуты, что караванам часто приходилось итти кружным путем, ибо прямая дорога была испорчена и непроходима. Землетрясение продолжалось день и ночь с такими ужасными опустошениями, что и живущие вне города и трясущиеся внутри мухаммедане и христиане считали, что началось светопреставление.

Множество людей погибает

Когда мы прибыли в Шемаху, я был приставлен к работам по постройке домов патрона, чем мы были заняты с 8 сентября до 28 октября. В это время меня неожиданно пригласили к себе два францисканских монаха. Когда я пришел, они меня сразу спросили, говорю ли я по-итальянски. Я ответил: «Да, немного, господа патеры». Затем они спросили меня, из какой я земли и христианин ли. Я сказал: «Голландец и добрый христианин». Они снова: — Лютеранин ли я? Я: «Нет! Апостольско-католической церкви», и прочел символ веры: верую, во-первых, в божественную сущность святой троицы, в богочеловечность нашего спасителя и в вечную жизнь, обещанную евангелием, и во всю сущность христианской веры. На что они ответили, что моя вера очень хорошая и они ничего не имели бы против, если бы я всегда оставался преданным ей, несмотря на соблазны мухаммедан и язычников и т. д. После этого они меня весьма настойчиво попросили рассказать, каким образом я попал в плен. Я сообщил им, насколько мог подробно все, что со мною было и случилось. Это так сильно тронуло добрых патеров, что они из сострадания ко мне тотчас же приложили старания передать меня в руки христиан и сказали, что попросят польского посланника купить меня у моего хозяина, что было моим самым большим и любезным желанием. Я пришел домой с радостной надеждой, которой поделился с моим хозяином, смиренно прося его продать меня польскому посланнику. Он ужаснулся этому и ответил мне: «Ян, подумай

Встреча с монахами

Их старания освободить Я. Я. Стрейса от службы у магометанина

Предупреждение патрона

хорошенько, о чем ты просишь. Тебе у меня живется не худо. Разве я когда-нибудь обращался с тобой жестоко? Испытывал ли ты недостаток в еде и питье? Почему ты хочешь уйти от меня? Поедем лучше со мной в Исфаган, где я хочу тебя по доброй воле и без всякого выкупа отдать какому-нибудь немцу за то, что ты спас мне жизнь и был все время верным слугой, на это ты можешь всецело положиться». Но я вспомнил слова моей хозяйки Алтин, и у меня было мало желания ехать в Исфаган и я поблагодарил его. Вскоре после того я обратился к нему с такими словами: «Хозяин, ваше доброе отношение и расположение ко мне должно было меня довольно обязать к тому, чтобы остаться; но так как я всем сердцем стремлюсь жить с христианами, то я еще раз вежливо прошу вас, если я чем-нибудь заслуживаю это, не откажите мне в моей просьбе». «Хорошо,—сказал он, — если хочешь итти, то иди; но — знай, что тебе не станет лучше, невзирая на то, что ты по своей воле уходишь к христианину. Посланник Богдан не добрый христианин, хотя ты себе и воображаешь это, а легкомысленный грузин, посланный польским королем ко двору, чтобы снестись с шахом относительно войны с турками. Он повел себя здесь так легкомысленно и плутовски, что не только не выполняет польских поручений, но на него самого хотят подать жалобу королю». Я пропустил все это мимо ушей и решил, что он наговаривает из ненависти, ибо я жил надеждой скорее попасть на родину через Москву, нежели из Батавии через Индию. Этот Богдан, как я узнал впоследствии, был несколько лет тому назад ротмистром в Польше и сумел там, по местному обычаю, добиться такой милости и благосклонности короля, что был послан с означенным посольством, что раздосадовало многих и вызвало подозрения у всех жителей страны. Я наконец был куплен этим посланником за ту же сумму, за которую купил меня хозяин у князя, а именно за 150 абасов. Я поблагодарил моего бывшего господина за все оказанное мне добро, на что он мне при прощании сказал: «Ян, от всего сердца желаю, чтобы тебе жилось хорошо. Правда, польский король достаточно могущественен, чтобы выкупить одного христианина, но я хотел дать тебе свободу без всяких денег».

Он попадает в услужение к польскому посланнику

Ну, я теперь полагал, что нет никого на свете счастливее меня, так как я был совершенно убежден, что получу полную свободу. Первого ноября я должен был предстать перед посланником Богданом в его зале. Когда он туда пришел, он велел мне сесть

и подробно расспросил, откуда я и как попал сюда. Я ему подробно рассказал обо всем, после чего он велел принести большую чашу с вином и поднес ее мне. Тем временем привели туда двух грузинок в возрасте 18 лет на продажу. Их украли дагестанские татары; они были соотечественницами посланника и очень красивыми девушками, вследствие чего они еще больше понравились нашему господину, заплатившему за обеих сотню рейхсталеров. Он сделал их своими любовницами и приказывал им, когда он напивался допьяна или принимал гостей, плясать и прыгать для увеселения общества, и казалось, что эти бабенки не особенно печалились о своей поруганной чести или утраченной девственности. Но еще вопрос, воспользовался ли ею мой хозяин?

Глава XXII

Ненависть и скупость посланника по отношению к польским дворянам, которые замышляют его убить. Польского дворянина убивают на собственной постели. Жалкое положение поляков. Большая скупость посланника. Он собирается стать мухаммеданином. Милосердие Хаджи Байрама. Я. Я. Стрейс предполагает спастись бегством. В Шемаху прибывают Бутлер и другие, он делает все возможное для пленных. Брат посланника едет в Исфаган, чтобы стать турком; ему в этом отказывают. Штурман Виллем прибывает в Шемаху. Сильное землетрясение. Освящение воды у армянских христиан. Большое скопление народа. Достойные внимания обряды.

Второго ноября прибыли в гости сестра и брат посланника со множеством спутников и свитой из многих важных лиц, после чего началось ежедневное жранье и пьянство, такое свинское, что мне было стыдно смотреть, как именующие себя христианами ведут такую позорную жизнь, находясь среди турок и язычников. Он устраивал попойки со своими соотечественниками грузинами и персами и, напротив, ненавидел поляков, как чуму, да и дворянство вряд ли хотело появляться там, где он был. Он заставлял их терпеть большую нужду в одежде и пище, и они очутились в такой бедности после того, как проели деньги, взятые из Польши, что бродили, как нищие, по улицам и стыдились появиться в приличном обществе. Он удерживал не только их мундиры и платье, которое они носили в честь короля, но также полотняное белье и утварь, отчего их заедали вши и на-

Его ненависть и скупость по отношению к полякам

секомые. Если кто-нибудь хотел этому противиться и проявить свое недовольство, он угрожал тому продажей в рабство, что не только умаляло достоинство польского народа, но более всего ложилось позором на короля и корону. Польские дворяне, довольно мужественные и сильные духом, чтобы отомстить за такое тяжкое и гнусное оскорбление, никак не могли улучить для этого подходящий случай, ибо посланник всегда был окружен своими грузинами. Однако, когда их терпение вконец истощилось, гнев их прорвался с такой силой, что они решили зарубить его саблями в столовой, в чем многие из них даже поклялись. Когда он вышел из комнаты, они свалили его сабельными ударами и оставили полумертвым с разрубленной пополам правой рукой без трех пальцев и с семнадцатью другими тяжелыми ранами. Но он все-таки остался в живых, при поддержке и помощи своего лейб-медика, который в то время, к его большому счастью, оказался под рукой. Тем временем он, преисполненный гнева и мести, той же ночью послал двух грузинских солдат к польскому дворянину, именуемому пан Грос (Paniegros), который занимал такое же место в посольстве, как и он, вследствие чего наш господин Богдан всегда искал случая убрать его с дороги, и тот видел его насквозь и без сомнения помешал бы ему в свое время у короля. Грузин вообразил себе, что представился случай напасть на него с видимостью серьезного основания и воспользовался случаем (несмотря на то, что человек этот не был ни при избиении его персоны, ни при заговоре и клятве и не давал своего согласия). Жестокий и дикий мститель не посчитался ни с чем и велел предательски убить невинного во время сна. Этот пан Грос был весьма разумным и добросердечным человеком, который даже малое дитя ни словом, ни делом не рассердил бы и не обидел. Он долгое время жил в Амстердаме и хорошо говорил по-голландски. Всех остальных поляков, дворян и не дворян, бросили в Шемахе в темницу, а некоторых заковали в цепи и наложили на них оковы. Посланник каждый день искал пути и средства еще больше унизить поляков и повелевать ими, как рабами, для чего он наконец еще нанял в солдаты доброе число своих соотечественников грузин. Но шемахинский князь вмешался в это дело, утихомирил их, так что пленные получили свободу. Но довольствие их от этого не улучшилось, а становилось чем дальше, тем хуже. Он посылал на восьмерых столько еды, что ее едва хватало на одного. Напротив, сам он расточал и пропускал через свою глотку вместе со своими гостями и соотечествен-

Они собираются его убить

Невероятная скупость посланника

никами столько, что ему каждый день нужно было иметь целого быка. Однажды он купил тринадцать коров и послал меня с ними на пастбище, на что я осмелился сказать ему: пусть ваша светлость пришлет мне поесть в поле. И получил в ответ: «Если тебе что-нибудь нужно, поищи сам, где взять; укради у персов корову и довольствуйся этим». Я не мог пойти на то, чтобы стать вором с его разрешения; меня бы не простили и не отпустили, если бы я сказал, так велел мой хозяин. Поэтому я сильно голодал и наконец был вынужден, хотя и весьма неохотно, обратиться со своей нуждой к моему бывшему патрону и хозяину Хаджи Байраму.

Собирается перейти в магометанство

«Я же говорил тебе наперед, — ответил он мне, — что за никчемная птица этот грузин; именно ловкий христианин, недостойный стать мухаммеданином». И действительно, добряк сказал мне тогда правду, которую я почел за ложь. Но я этому не поверил, пока сам не испытал. Так как наш посланник наверняка знал, что когда он прибудет в Польшу, его встретит разгневанный господин его и король, а вдобавок сам он никак не мог отказаться от эпикурейского образа жизни, то послал своего брата в Исфаган к шаху или императору со смиренной просьбой к его величеству разрешить им обоим сделать обрезание и стать мухаммеданами, и уверяли, что теперь они прозрели и хотят служить истинному богу. Но при дворе уже слышали, как поет эта птичка, и хорошо знали, какие побуждения вызвали отречение, вследствие чего его прошение было отложено и отклонено, и был отдан строжайший приказ, чтобы посланник немедленно возвратился в Польшу, чему весьма обрадовалось дворянство с надеждой и упованием в будущем получать лучшее довольствие и избавиться от этого насильника и скряги.

Сочувствие Хаджи Байрама

Я рассказал моему хозяину, как все произошло и что мне пришлось перенести за это короткое время; он преисполнился ко мне сострадания и огорчился от всего сердца, так что сказал мне: «Ян, мне тебя жаль, поэтому пока мы оба здесь, приходи ко мне вечером и утром, когда испытываешь голод или жажду, ешь и пей, хотя бы меня и не было дома. Я скажу своим женам, чтобы они тебе подавали». Я искренно поблагодарил его за милосердие, в чем он, турок или мухаммеданин, далеко оставил за собой и посрамил моего лицемерного хозяина христианина.

Это пришлось мне весьма кстати; но когда я подумал, как мне будет плохо, если Хаджи Байрам уедет, то решил бежать от

посланника, к чему и представился удобный случай: большой караван отправлялся в те дни в Смирну. Я предварительно уговорился с одним армянином, что он увезет меня за шесть дней до того, как отбудет караван. Какие речи и дела удержали меня от этого, будет сообщено в дальнейшем.

Я. Я. Стрейс собирается бежать

4-го вышел я из города с тем, чтобы попросить посланника, которого персидский шах отправлял к его царскому величеству, не забыть о нас у царя и описать ему наше бедственное положение. Но поговорить с ним я не мог; при нем были четыре живых тигра и леопарды для подарка великому князю.

Капитан Бутлер и другие прибывают в Шемаху

11-го я с большой радостью и изумлением увидел в Шемахе нашего капитана Бутлера, пушкаря Корнелиса Корнелиса, Яна фан-Термунде, Христиана Бранда, Людовикуса Фабрициуса и Питера Арентса. Я, недолго думая, с радостью приветствовал их; но мой капитан был недоволен тем, что мы (по его мнению) сбежали без его разрешения или без него самого. Тут я напомнил ему, что он строго приказал мне и всем остальным не ждать четверти часа после того, как закроют ворота; а мы, не зная, уехал ли он в лодке, пойман или убит, все равно ждали больше половины ночи, не без опасности для здоровья и жизни, после чего мы не могли уже ждать, чтобы не погибнуть, и т. д. Он был побежден этими и другими словами и дал обещание сделать все возможное для нашего освобождения, что он действительно и сделал. По этой причине не состоялось мое предполагаемое путешествие в Смирну, о чем я коротко упомянул несколько раньше, ибо теперь я надеялся получить свободу с большей безопасностью. А я как раз должен был в тот день, если бы ничего не случилось, пойти к помянутому армянину и отправиться в путь за несколько дней до отхода каравана с тем, чтобы в удобный момент примкнуть к путешественникам. Наш капитан явился к хану Шемахи и постарался освободить пленных. Однако его не послушали и, казалось, что султан из Дербента достиг соглашения с ханом, ибо в присутствии немцев и других подобных они спорили друг с другом (как это делают юристы), но в общем были добрыми друзьями с Усмием и калмыками и посылали друг другу большие подарки. Когда наш капитан убедился, что он в Шемахе почти или совсем ничего не достигнет, то решил хлопотать о нашем освобождении перед шахом в Исфагане в полной уверенности, что чиновники благородной Ост-индской компании ему в этом помогут. Для этого путешествия он занял у одного армянина деньги, которые должны были быть

Старается освободить пленных

возвращены в Исфагане с десятью рейхсталерами на сто, в залог чего Ян фан-Термунде должен был остаться в Шемахе.

18-го Христиан Бранд по просьбе Яна фан-Термунде и с его помощью начал столоваться у польского посланника, для чего в Шемахе добрые люди должны были дать поручительство. Тем временем брат посланника второй раз поехал в Исфаган, чтобы выпросить согласие шаха на их переход в мухаммеданство; но он получил прежний ответ, что ему хорошо бы поскорее отправиться в Польшу, и чего он еще собственно ждет? Это известие не понравилось нашему господину, ибо он был уверен, что ему при польском дворе приготовили напиток, от которого он непременно лопнет. Кроме того был отправлен гонец из Персии, чтобы принести жалобу на него королю, хотя внешне не давали того заметить (по старому обычаю персидского двора), ибо шах ни в коем случае не обнаруживал никакого недовольства, как бы бесчинно ни вели себя посланники; но об этом сообщается их государям, чтобы потребовать от них удовлетворения. Все это было хорошо известно нашему грузину и вот почему его мало прельщала поездка в Польшу, и он спрашивал меня несколько раз: не откажут ли ему, если он захочет отправиться в Голландию на корабле Нидерландской ост-индской компании. На это я ему ответил, что совершенно убежден, что его примут охотно и с полной готовностью. Я говорил так, ибо надеялся таким путем поскорее вырваться из его когтей. Иной раз у него являлось желание отправиться в Смирну, а то в Константинополь, либо еще куда-нибудь. Тем временем продолжал он свое беспутство в полное свое удовольствие, не стыдясь ни персов в Шемахе, ни самого хана, который плясал под его дудку, ибо послу Богдану следовало с него более восьмисот гульденов, каковую сумму он дал ему в долг за месячную ренту, но хан не платил ни того, ни другого, что и было причиной, по которой он ничего не смел сказать посланнику, так как тот сразу же грозил пожаловаться шаху. Он даже послал для этого в Исфаган своего брата, которого хан догнал и отозвал назад, обещав все уладить с послом мирно.

Приезд перса

22-го приехал в Шемаху один перс с нашим старшим штурманом Виллемом Барентсом Клоппером, которого хозяин купил у татар и держал в большой строгости, так что у него не было ни одного спокойного дня. Перс хотел продать его польскому посланнику, и 30-го они сошлись в цене. Первоначально Шамхал продал его одному персу из Баку за 150 абасов. Новый хозяин

сделал его пастухом, и мы как будто видели его со стадом во время нашей поездки в Шемаху, но не узнали. С ним обращались весьма сурово, и он стремился спастись из лап своего безжалостного хозяина. Он несколько раз пытался бежать, но так как его замыслы каждый раз открывались, то вместо денег на дорогу он получал удары палками, а избавившись от прежнего хозяина, неожиданно попал из чистилища в ад.

Сильное землетрясение

В первый день нового 1671 г., когда мы пожелали друг другу счастья, все наши пожелания принесли нам мало благополучия, а напротив, случилось такое сильное землетрясение, что многие люди сохраняют об этом дне печальную память вследствие понесенных ими больших убытков. Но они были однако более счастливы, нежели те, раздавленные, у которых память пропала под рухнувшими строениями. Они испытывали страх, печаль и ужас; было горько смотреть, как много красивых домов превратились в развалины, как гибли люди и скот. Землетрясение немного улеглось, но дало себя знать на другой день к вечеру, вселяя большой страх и опасения тяжелых последствий, но оно оказалось незначительным и никак не могло сравняться с предыдущим и прекратилось, не причинив особого вреда.

Освящение воды у армянских христиан

6-го был сильный мороз, так что река покрылась льдом. В этот день в Шемахе армянские христиане святили или освящали воду в реке в присутствии хана, его сына, нашего посла, посланника, или куратора Григория, армянина, который был отправлен в качестве посла к великому князю, в присутствии всего персидского дворянства и многих тысяч армянских христиан, пришедших из всех деревень и окрестных местностей с хоругвями и крестами, со звоном колоколов и пением песен; они прошли по мосту Пули Амберии (Puli Amberii), перекинутому через реку, и расположились там. Ранним утром епископ отслужил торжественную мессу и произнес с большим жаром и рвением проповедь по поводу текста, который читается в день трех волхвов. Вслед за тем совершается само празднование, которое называется на их языке Хаче Шура (Chatsche Schuran) или освящение креста [161]. Освящение происходит таким образом: на обоих берегах реки стоят солдаты хана, чтобы охранять армян от всякого насилия и назойливости, за что они платят довольно дорого. После того как хан вошел в роскошную и прекрасную палатку (разбитую только для этого случая) и окинул взором всю толпу, он дал разрешение епископу начать свое дело и обряд (ибо тот не имел права ничего предпринять без разре-

Большое скопление народа

шения хана). Тут несколько голых армян прыгнуло в воду в вырубленную топором прорубь. Тем временем епископ читал по большой книге, а остальной народ проводил время в пении. Среди голосов раздавались звуки цимбал и колокольчиков, затем подошел епископ и вылил, для начала, немного масла в воду. После того он взял серебряный крестик, усыпанный со всех сторон драгоценными камнями, и погрузил его трижды, раз за разом, в воду. Он взмахнул несколько раз над водой своим жезлом, произнося различные благословения. Народ стремительно бросился туда, и каждый хотел первым зачерпнуть, чтобы выпить воды и помыть лицо и руки. Это сделали все большие и малые, богатые и бедные, мужчины и женщины. Наконец несколько юношей бросились в реку, плавали и ныряли в ней, как будто бы стояло жаркое лето. Много молоденьких девушек принялись в честь епископа петь и превосходно плясать. На другой стороне толпились персидские блудницы, которые знали, как найти своих поклонников, и отплясывали веселые и нежные танцы. Все было так же, как на освящении сельской церкви, когда сходятся фигляры, шарлатаны и мелочные торговцы. Персы жрали доотвалу, но армяне вели себя скромно.

Замечательные обряды

Глава XXIII

Сестра посла уезжает в Тифлис. Польский хирург едет с ними. Труп индуса сжигают вместе с живой рабыней христианкой. Женщине дают снотворное питье и бросают ее в огонь. Двое мужчин убито. Сильное горе. Странные обряды при погребении. Сын хана получает в дар жалованное платье и жену шаха или императора. Мужчину убивают палками. Страшное и сильное землетрясение. Хан также получает жалованное платье и невесту. Торжественное приготовление. Прием принцессы. Новое известие из России. Шах приказывает посланнику отправиться в Польшу, но тот находит отговорку. Жалкое положение польских дворян. Кража в доме посла. Пытают невинного. Еще одного умершего индуса сжигают с живой женщиной. Любовь и расположение Хаджи Байрама к Я. Я. Стрейсу. Скверное обращение посла.

СЕСТРА господина Богдана 9-го отправилась на семи верблюдах в сопровождении грузинских солдат в свою страну, в город Тифлис, лежащий приблизительно на расстоянии восьми миль от Шемахи. На другой день последовал за нею ее брат с хирургом посла, по имени Адам. Он был поляк по происхождению, и принц уговорил его (с согласия

Сестра посла уезжает в Тифлис

господина Богдана) поехать к нему и остаться там, пообещав ему, если он поступит к нему на службу, помимо завидного жалованья, бесплатной квартиры и стола, еще четырех рабов и рабынь, а кроме того одну из самых красивых и богатых невест его религии или вероисповедания, т. е. римско-католической веры. Он несколько раз обсуждал и взвешивал вместе со мной это предложение. Я серьезно советовал ему не отказываться, говоря: «Адам, вы поступите неразумно, если отклоните это предложение, вы хорошо знаете нашего господина, какой он скупец, как он изменчив и как мало считается с оказанными ему благодеяниями, вы останетесь старым слугой до того времени, пока он пробудет здесь, но случись, что он уедет, вам не предстоят ни выгоды, ни повышения, ибо он по своей воле никогда больше не возвратится в Польшу. Поэтому я советую вам не пренебрегать предлагаемым счастьем, ибо может быть вам никогда не представится другого такого случая». Он сердечно поблагодарил меня и решил принять это выгодное предложение и поехать.

Польский хирург едет с ними

Он был стройным юношей 24 лет и оказал мне и другим рабам много добра, и я был огорчен, что он должен уехать, не взирая на то, что сам, желая ему добра, посоветовал предпринять это путешествие. Принц полюбил его после выздоровления нашего посла, когда того почти до смерти изрубили саблями польские дворяне.

Труп индуса сжигают вместе с живой рабыней христианкой

15 января умер в Шемахе богатый индус по имени Цуке, которого по их обычаю должны были сжечь, чего добился его брат с большим трудом и после долгих просьб, и прежде чем ему это разрешили, пришлось уплатить князю 2 000 рейхсталеров. После того как брат покойного получил разрешение, он велел на другой день купить старую рабыню, чтобы сжечь ее живой со своим мертвым братом. Я видел, как вели эту несчастную христианку, жалобно плачущую в сопровождении всех баньян, нескольких тысяч персов и остальных зрителей. За пределами города был сложен большой костер, на котором положили мертвеца. Это было в открытом поле, без участия войск или других вооруженных индусов, потому что все происходило с согласия принца, которому здесь принадлежит решающее слово.

Женщине дают снотворный напиток

Индусские священники дали женщине снотворное питье, после чего ее посадили на вращающиеся качели и крепко привязали веревкой к концу одной доски, так что ноги ее свешивались. Тем временем дрова были обильно политы скипидаром и зажжены, отчего костер загорелся со всех сторон. После того как подали знак,

качели были повернуты, а веревка поспешно обрезана, и несчастная бедная женщина мгновенно рухнула в адскую бездну. Я стоял неподалеку и ясно слышал ее жалобные стоны; казалось, что упомянутый снотворный напиток не был таким сильным, как пытка таким большим огнем, но это было слышно недолго из-за неистового шума барабанов, литавров, труб и других шумных инструментов, наподобие того, как это бывает при жертвоприношении детей Молоху. После того как огонь пожрал дрова и тела, пепел выбросили в реку.

Бросают в огонь и сжигают

21-го в городе только и было разговору о двух мужчинах, которые были неизвестно кем убиты. Вдовы, дети и ближайшие родственники принесли мертвые тела ко двору хана, требуя справедливости и наказания. Они целых два часа просидели перед двором, кричали и жалобно плакали, они много раз с воплями целовали мертвецов. У них была обнажена правая рука, а некоторые были обнажены до пояса. Лица женщин, которые обычно завешены тонким полотном или шелком, были открыты, что служит признаком тесной дружбы или родства. Так как они всех убитых считают блаженными, то и к этим также отнеслись как к святым, и женщины подходили к ним со всех сторон, как на паломничество. Это были простые горожане, отчего наместник почти не старался найти совершивших преступление, ибо без денег не существует ни права, ни справедливости. После того как мертвецы, что было уже сообщено, пролежали два часа перед двором хана и не было произведено расследования ни со стороны друзей, ни со стороны суда, несколько человек по приказу и повелению хана подняли и отнесли их на носилках за город, где предали земле с большими стенаниями и печалью и каждую ночь зажигали огни на могиле. Друзья трижды приложились головами к могиле и трижды поцеловали ее; после того они выполнили некоторые обряды — молитвы и благословения, которые я не мог понять, ни схватить их смысла. Когда все было сделано, то в заключение нанизали на нитку суконные, шелковые и другие лоскутья красного, белого, синего и других цветов, привязали к шесту и водрузили в честь мертвых.

Гибель двух мужчин

Сильное горе

27-го в городе Шемахе было устроено торжество, во время которого весело гремели литавры, барабаны и трубы, ибо сын хана был пожалован шахом или императором, в знак его милости, халатом и женой. Последнее служит выражением наивысшего благоволения и благосклонности, ибо хотя пожалованные таким образом женщины всегда считаются бывшими женами императора-

Шах жалует ханского сына халатом и одной из своих жен

тора, но тем не менее часто случается, что он к ним не прикасался и не спал с ними, и они уезжают такими же девственницами, как и прибыли ко двору. Он ежедневно получает свежих и молоденьких девушек и имеет более четырехсот жен, и нет ничего удивительного в том, что он один не в состоянии сорвать каждую розу. Но если персидской знати известно, что шах часто спал с подаренной им женщиной и распоряжался ею по своей воле, то они ее любят сильнее, считая, что становятся зятьями шаха, что кровь шаха не оскверняет и т. д. Женщины, которых дарят таким образом, не огорчаются этим, ибо они живут при шахе не лучше, чем вдовы, и вкушают брачную жизнь едва только раз в год (как лань во время течки).

Мужчину убивают палками

1 февраля по приказу принца убили одного человека палками, не объяснив даже за что. Это наказание приводится в исполнение слугами принца, ибо у них нет особых палачей. Они сначала связали мужчину по рукам и ногам, после чего били его тяжелыми палками с набалдашником, наподобие чешских колотушек. Они сначала колотили его по спине самым ужасным образом, потом по животу и, наконец, сплошь по всему телу, каковая пытка, по-моему, тяжелее колесования, ибо ни одна часть тела не может ее избежать. Следующей ночью опять было страшное и ужасное землетрясение, и не приходилось думать о сне, никто не смел пошевелиться или перейти на другое место, ибо все считали, что такой переход ведет от возможной к неизбежной смерти. Многие дома обрушились, и люди были раздавлены, но это продолжалось недолго.

Хану также жалуют платье и жену

2-го в Шемаху прибыл посыльный из Исфагана с предписанием хану явиться ко двору, и больше он ничего не знал. Однако втайне посыльный сообщил хану, что он прибыл с тем, чтобы ему вручить и передать жалованный халат и жену. Он выехал ранним утром, чтобы встретить посланника в королевском увеселительном парке Каликклефтан (Kallikklefthan), в получасе езды от Шемахи, о котором мы упоминали ранее. Он был в обществе своего сына калантара (Calenter)[162], высшей знати, придворных, нашего господина польского посла Богдана и армянского посланника Григория. Хан сидел на превосходном и дорогостоящем арабском скакуне, покрытом вытканной тонким золотом попоной, украшенной прекрасным жемчугом и драгоценными камнями. Стремена, уздечки и вся сбруя были из чистого золота. Принц, его сын, одетый не менее торжественно и богато, чем все осталь-

Торжественное снаряжение хана

ное общество, где каждый разоделся насколько возможно, блистал великолепием своих одежд и был верхом на лошади. За ними следовала толпа горожан. Когда они приблизились к увеселительному павильону Гулистан, принц отправил к посланнику шатира, или лакея, с извещением о прибытии, после чего тот вышел навстречу хану и за ним следом два дворянина несли пожалованный халат. Сам он вел прекрасную лошадь, на которой сидела королевская жена, окруженная многими знатными дворянами. За ними следовал большой отряд всадников, вооруженных длинными ружьями, луками и стрелами. Как только хан увидел, что они приближаются, он сошел с лошади и вместе с принцем, своим сыном, и другими направился им навстречу. Когда они подошли в полном порядке, вахенуц, или посол, протянул правую руку и передал хану драгоценную золотую шкатулку, которую тот принял, оказывая ей, как это принято у персов, большие почести. После этого он велел принести пожалованное платье, халат из золотой парчи, который хан с радостью надел на себя тотчас же после получения. Наконец посол подвел к хану новую невесту, сидевшую на коне, и тот склонил голову, бил [себя в грудь и прикоснулся к стременам, после чего принцесса протянула руку, которую хан поцеловал. После этого он вскочил на лошадь, поехал рядом с ней и попрощался с посланником, которому вскоре прислал подарки и лакомства. Потом хан вернулся со своей пышно и богато разодетой невестой обратно в город. По обычаю персидских женщин лицо ее было завешено и совсем закрыто, и нельзя было рассмотреть, хороша она или нет. Когда они немного отъехали, хан сошел с лошади, с большой ловкостью и быстротой помог своей новой невесте сойти с коня и отвел ее к носилкам, которые были отнесены несколькими мужчинами в город; хан сидел по правую, а сын по левую сторону. Загремели литавры, затрубили в трубы и тромбоны, и все общество вернулось в Шемаху к обеду. Хан узнал заранее через тайное уведомление о том, что ему предстоит. Но если, наоборот, его вызывают в королевский увеселительный замок и он не знает, предстоит ли ему милость короля или нет, то, подобно идущему на казнь, он прощается со всеми друзьями, родственниками и челядью, ибо часто случается, что у королевского посла есть приказ привезти голову хана без всякой к тому причины, что и делается без замедлений. Этот страх держит высоких персидских господ в строгом повиновении. Не зная, как смотреть в глаза королю и льстить ему, они не упускают случая посылать подарки

не только королю, но и тем, о которых известно, что они имеют влияние на короля, и которым главным образом принадлежит власть при дворе.

Хан, одетый в драгоценный жалованный халат, был встречен, как только он прибыл в город, пальбой из пушек и мушкетов, после чего до поздней ночи весело играли и кутили.

Вести из России

3-го Людовик Фабрициус с курьером нашего посла поехал верхом в Дербент, чтобы отправиться в Москву при первой надежной доброй вести, ибо мы получили сообщение, что его царское величество снарядил огромное сильное войско и казаки разбиты, что теперь вполне готовы к осаде Астрахани, что старшина вместе со Стенькой Разиным пойманы и отведены в Москву, чтобы умереть позорной смертью от руки палача [163].

10-го польский дворянин по имени Слабитский вступил в ожесточенный спор с одним отступником из своих земляков, и потом дело дошло до сабель. Они пошли перед тем ко двору хана, у которого этот отщепенец или отступник был трубачом, чтобы выпить, и там дворянин сказал этому плуту несколько крепких слов по поводу его отречения от христианской веры, после чего этот беспутный неожиданно обнажил саблю. Хотя дворянин поступил так же, но был вынужден отступить, ибо трубач несколько раз ударил его по голове и поранил в других местах.

Шах приказывает послу отправиться в Польшу, но тот находит отговорку

18-го объявили нашему послу в третий раз, чтобы он тотчас же отправился в Польшу. Но он нашел себе оправдание в том, что не может предпринять путешествия, связанного с большими опасностями для жизни, море еще неспокойно и несвободно от казаков, поездка сушей через Татарию столь трудно осуществима, что у него не остается никакой возможности добраться живым в Польшу, кроме пути через землю Усмия, где, как хорошо известно, самым жалким образом умертвили польских послов. Это хотя и правдоподобная, но не настоящая причина, почему он отодвигал свой отъезд, но, как уже выше сказано, он испытывал страх и ужас от того, что ему недолго жить при польском дворе. Таким образом злополучное угнетенное польское дворянство все еще оставалось в тисках нужды и превратности, отчего некоторые охотнее согласились вернуться на родину с каким-нибудь караваном в качестве слуг или нищих, чем дольше испытывать нужду или голод. Тогда отправился в Смирну один храбрый дворянин лет девятнадцати, для какового большого путешествия он не набрал даже 40 гульденов. Этот господин оказал нам большое расположе-

ние и сделал много добра, почему я счел своим долгом и обязанностью помочь ему, чем только мог, ибо хорошо знал, что когда он прибудет в Смирну, то у него совсем не будет денег. Я дал ему письмо к голландским торговым властям и консулу с просьбой помочь этому дворянину в его беде, так как он оказывал нам, рабам, в нашем подневольном положении большую помощь и благодеяние заступничеством и поддержкой, и что он дворянин и знатнейшего рода во всей Польше, и что все, что ему дадут взаймы, он возвратит с лихвой и т. д. Его звали Пабло Витский.

Жалкое положение польских дворян

Кража в доме посла

19-го из нашего дома были украдены шесть серебряных тарелок, принадлежащих послу, отчего он пришел в неистовство и безумие и даже перевернул все вверх дном, а также был схвачен человек, как стало известно со временем, невинный, и его жестоко пытали в присутствии посла и всех нас. Сначала его ужасно били палками по пяткам, но так как он при этом не сознался, то его поставили разбитыми ступнями на огонь, каковая пытка доводила иногда до того, что он сознавался в том, в чем не был повинен; но тотчас вновь отрицал сказанное им со страха, и его наконец отпустили. Это был поляк, слуга посла. Невинно подвергнутый пытке, он долгое время чахнул и хворал, так что не мог ни стоять, ни ходить и едва ли получил за все безвинно пережитые пытки столько, чтобы покрыть издержки на лечение и содержание, и, более того, даже не был объявлен невиновным.

Польский хирург заключает прекрасный брак

Тем временем мы получили известие от господина Адама из Тифлиса о том, что принц вскоре после приезда потребовал его к себе и взял его на службу, а также вспомнил о своем обещании относительно женитьбы. Принц велел позвать одного весьма богатого купца, у которого была единственная дочь, и сказал ему: «Я хочу объявить этого молодого человека, которому я доверяю свое тело и жизнь, женихом и мужем вашей дочери, имеете ли вы что-нибудь против?». Отец, который меньше всего ожидал такого предложения, не выразил желания отказаться, ибо эти князья держат своих подданных в таком подчинении и правят ими с такой неограниченной властью, что они не только, как в помянутом деле, но и в более важных, не смеют возразить ни слова из страха, что под тем или иным предлогом их лишат жизни и имения. Дочери было 12 лет, и отец считал ее слишком юной для замужества, отчего жених должен будет ждать еще два года, прежде чем он возьмет ее в жены; но тем не менее брак был заключен (по приказу

принца) с таким условием, что если дочь умрет, не оставляя законных наследников или детей, то господин Адам станет полноправным наследником ее имущества. После этого он стал пользоваться большим почетом и уважением. Девушка была римско-католического вероисповедания и сильно любила его, и отец оказывал ему благосклонность, уважение и дружбу.

26-го был пойман настоящий вор шести серебряных тарелок, обнаруженный серебряных дел мастером, которому вор их продал. Наш посол известил всех серебряных дел мастеров, что он возместит заплаченные ими деньги наряду с хорошим вознаграждением. Настоящему вору больше посчастливилось, чем невинному и оклеветанному, так как за него усердно просили. Он отделался немногими ударами палок по пяткам, получил свободу и был отпущен. Это был поляк, который был вхож в наш двор, но у него не было определенной службы.

Еще одного умершего индуса сжигают с живой женщиной

1 марта за городом сожгли еще одного умершего индуса вместе с живой женщиной ранее упомянутым образом, и только костер был полит вместо скипидара петролиумом или нефтью.

Любовь Хаджи Байрама к Я. Я. Стрейсу

2-го позвал меня к себе мой прежний хозяин перс Хаджи Байрам и сказал мне, что он собирается так скоро, как только будет возможно, поехать в Исфаган, и тут же спросил, хочу ли я отправиться вместе с ним. Я ответил: весьма охотно и ничего нет лучшего, но как я вырвусь из когтей посла? Ибо вначале он не отпускал меня одного перейти двор или спуститься по лестнице, но когда увидел, что я верен, не собираюсь удирать, то предоставил мне полную свободу и разрешил ходить повсюду. Но когда он заметил, что меня можно тем или иным предлогом склонить к бегству, то он опять приказал бдительнее и строже стеречь меня.

Скверное обращение посла

Мой старый хозяин откровенно высказал, что он весьма раскаивается в том, что продал меня послу; и я со своей стороны должен был признаться, что испытываю раскаяние и сожаление, ибо у него я имел все в избытке и никогда не слышал злого слова, а у посла должен был переносить голод, брань и побои; у меня едва хватало одежды, чтобы прикрыть свое тело, не было ни постели, ни одеяла для сна, и я был вынужден ложиться на голую землю в середине зимы, когда стоят длинные и холодные ночи, и я был весьма удивлен и благодарил бога за милостивое сохранение и поддержку, за то, что я остался здоровым при такой большой нужде и лишениях. Я не смел греться в кухне, а тем более в комнатах и должен

был сам, когда хотел согреться или развести огонь, доставать себе дрова, которые я вытаскивал не без большого труда и усилий из-под обвалившихся домов. Однако с наступлением марта и солнечным теплом постепенно прошли все страдания и беды.

Глава XXIV

Празднование нового года. Весть из Бойнака. Другие известия. Комья огня падали с неба. Выбирают для шаха 500 красивых девушек. Купец спасает свою дочь необычным путем. Я. Я. Стрейс пишет в Смирну. Казачьего начальника привозят в Шемаху. Он должен отвезти в мешке головы трех своих товарищей. Его выпускают из тюрьмы. Пьяный грузин убивает персидского святого. Убийцу умерщвляет брат убитого. Ужасное самоубийство на свадьбе. Большой праздник памяти Хуссейна. Сильное землетрясение. Смерть и похороны ханского сына.

Празднование нового года

МАРТА 10-го у персов день нового года, который называется у них Науруз (Naurus) [164]. Они праздновали его выстрелами из двух пушек и многих мушкетов. Всю ночь звучали 15 литавров, тромбонов, труб и других резких инструментов. Раздавались выстрелы из орудий. Хан поставил открытый стол для всей придворной челяди. То же самое сделали и горожане; желали друг другу счастья и благословения, как и у нас принято в день нового года. Это продолжается у них несколько дней, они приветливо приглашают в гости друзей и знакомых, едят и пьют самое лучшее, но наш хозяин сделал ловкий ход в этом деле и нашел повод, как бы под видом вероисповедания, а не ради скупости, сказать: он-де христианин и не хочет справлять новый год с мухаммеданами. Наши дворяне, и я вместе с ними, бегали лакомиться то к одному, то к другому персу, с твердым убеждением, что между едой и питьем мухаммедан и нашими пустыми, голодными желудками не встанет вопроса о различии в вере и не понадобится диспут, и что наш господин Богдан ни на уме, ни на языке не чувствует никакого отвращения, ибо сам домогался стать мухаммеданином. Но легко себе представить, почему он проявил себя таким добрым христианином как раз в день персидского нового года. Я посетил своего старого патрона Хаджи Байрама, где меня приветливо встретили и где я провел время весело и радостно.

21-го мы получили письмо от одного из наших, который был

в плену у Шамхала. Однако по неизвестной нам причине он не подписал его своим именем, и мы вообразили, что это Антон Мюнстер, шлифовщик алмазов. Из содержания было видно, что он был уверен, будто у принца в Шемахе живут два голландских хирурга, которых он весьма вежливо и покорно просил выкупить его и дать ему свободу; он обязуется, как только прибудет в Москву, честно и с благодарностью вернуть им их деньги. Хан переслал нам это письмо, но мы не могли помочь написавшему и узнали в дальнейшем, что шлифовщик алмазов пойман и отвезен рабом в Исфаган.

Весть из Бойнака

25-го мы получили другое письмо от Мейнерта Мейнертса, адресованное самому Богдану. Содержание этого письма совпало с предыдущим, и он сообщал уже дальше, что находится в окрестностях Дербента, где он, как кузнец по ремеслу, должен ковать клинки для своего хозяина. Вскоре он был куплен одним персом и выкуплен Яном фан-Термунде.

Другое известие

26-го вступили в жестокую перебранку два грузина, после чего они вскоре обнажили шпаги и рубили друг друга так, что кожа висела клочьями и оба оказались тяжело ранеными, что совершенно не озаботило нашего господина и он предоставил каждому свободу мести.

В ночь на 31-е снова почувствовали мы сильное землетрясение, сопровождавшееся громом и молнией, а также можно было видеть, как падали с неба на землю комья синего огня. Это весьма устрашающее зрелище.

Комья огня падают с неба

1 апреля мы услышали радостную новость из Тарок, что Астрахань взята войсками его царского величества и что несколько тысяч восставших казаков были убиты[165], но так как нас часто обманывали подобными лживыми известиями, то мы сомневались, правда ли это.

2-го обошли и осмотрели всех девушек, вплоть до двухлетних детей в городе Шемахе и всех окрестных деревнях, чтобы отобрать некоторых из них в жены хану. Осмотр касался как христиан, так и нехристиан и был проведен по всему королевству. Королевские чиновники и слуги избрали из всех пятьсот наилучших красавиц, которые тогда же были посланы ко двору. Осмотр происходил таким образом: было объявлено по приказу шаха, что каждый должен явиться в определенное время со своими детьми, дочерьми, в возрасте от двух до семнадцати лет, к тому месту, где он значится и приписан. После первого и последнего осмотра избранных

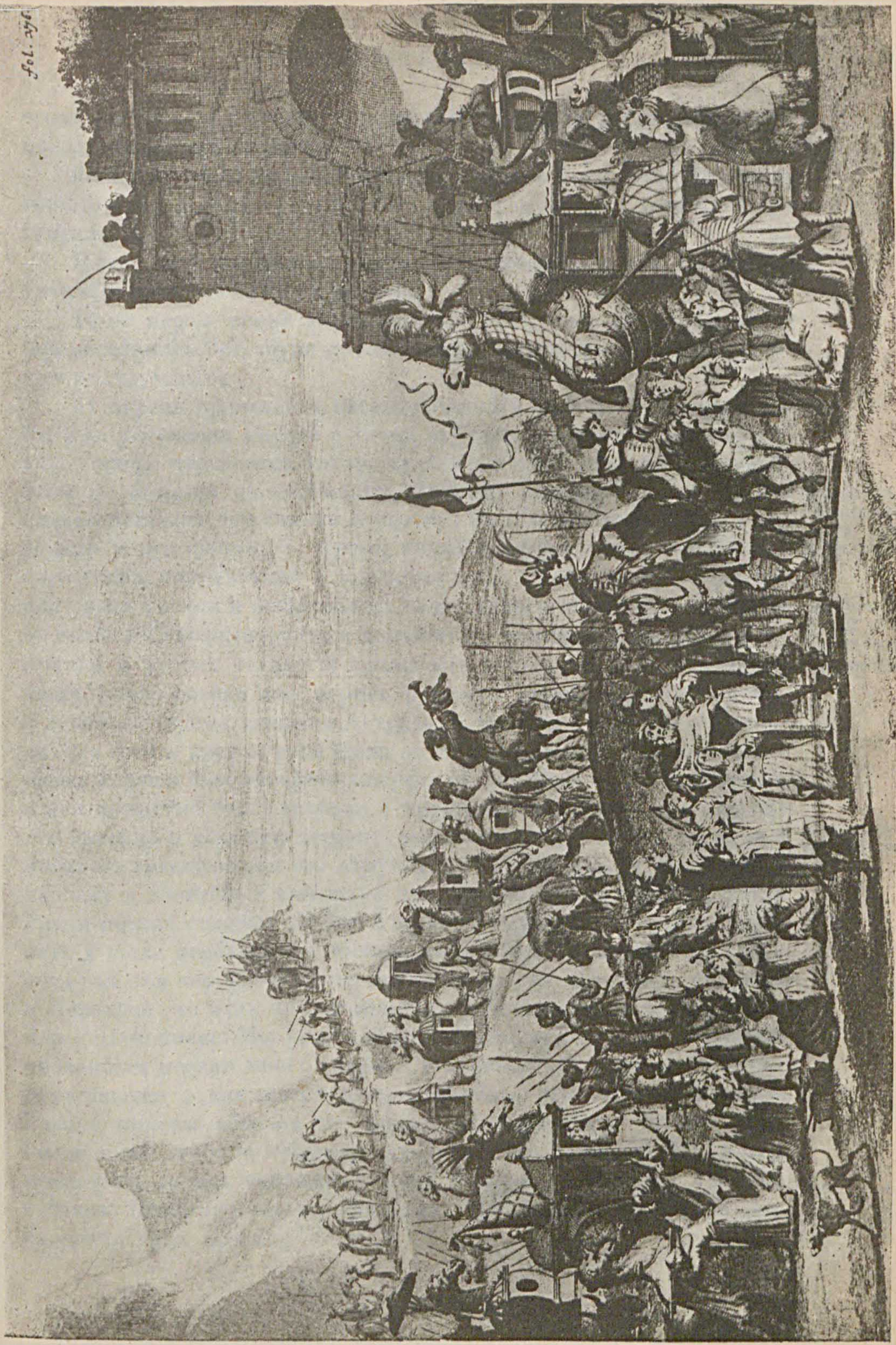
Выбирают пятьсот красивых девушек для хана

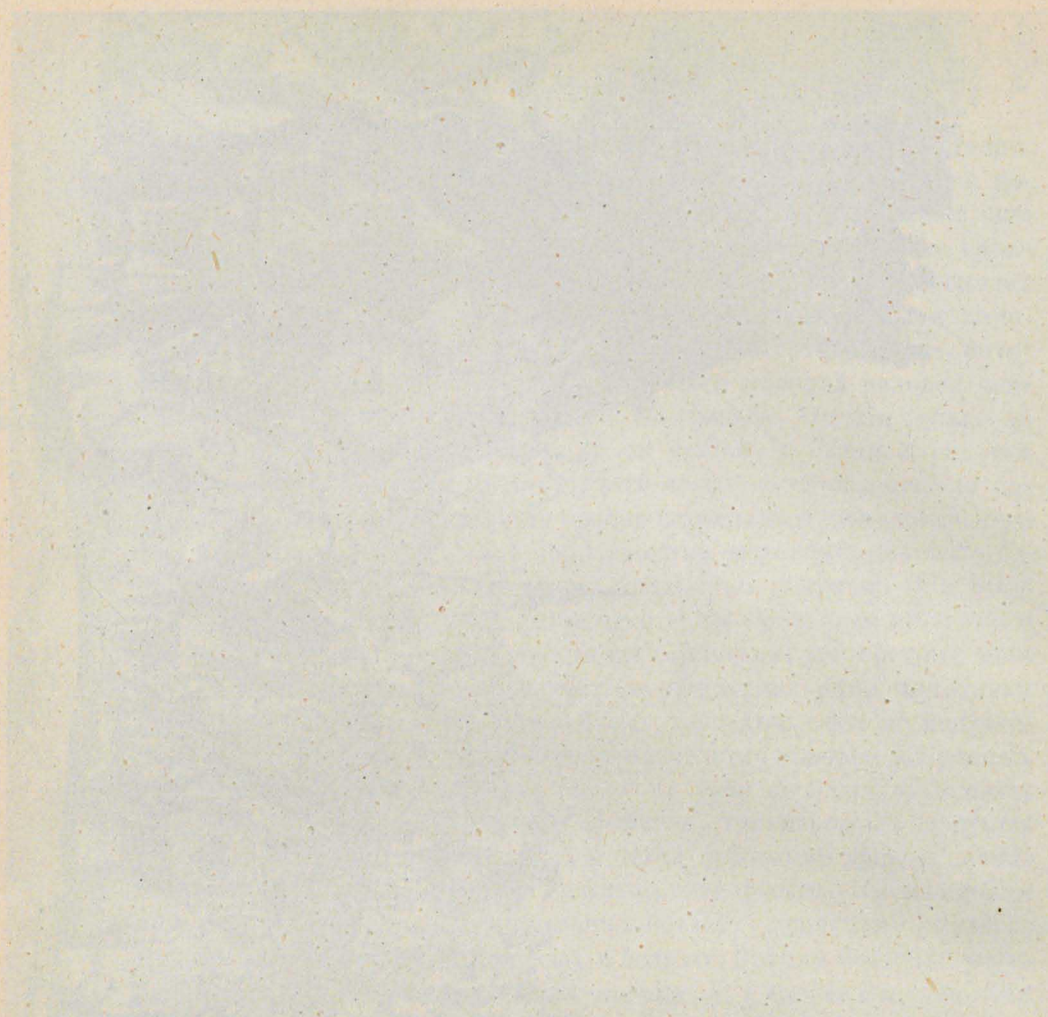
девушек посылали из всех местностей в Шемаху, столицу Мидии. Здесь можно было видеть, как прибывали подавленные горем родители с их невинными детьми, чтобы передать их в жены или наложницы царя и никогда больше их не увидеть. Богатые среди них были так же несчастны, как бедные; где только ни находился красивый ребенок, его забирали, не считаясь с положением лица. Я знал девушку в городе, дочь влиятельного богатого купца, которая вступила уже в зрелый возраст, и один молодой человек сватался к ней, но отец не соглашался на свадьбу. Но как только до него дошли слухи об осмотре, то он решил, к великой радости молодого человека, что лучше отдать ее ему в жены, нежели позволить увести, и позволил ему вскоре переспать с нею, после чего она была оставлена в покое королевскими чиновниками, которые не смели доставить никого, кроме подлинных девушек. Она была чрезвычайно красива, вследствие чего сразу бросилась им в глаза и была потребована к ним, на что им сообщили, как обстоит дело с ее девственностью; этим известием осматривающие чиновники не удовлетворились и не успокоились, пока дочь сама не подтвердила этого верной клятвой. После последнего осмотра избранных запирают в домики, которые носит на себе верблюд по одному с каждой стороны, и отвозят в Исфаган, где взрослых девушек отправляют в женские комнаты, а детей заботливо растят воспитательницы и няни. Отъезд в Исфаган сопровождался жалобными криками родителей всех национальностей: христиан, иудеев, мухаммедан, язычников, богатых и бедных. Однако большая часть бедных людей нисколько не была опечалена, а скорее считала себя осчастливленной, видя своих детей в таком почете. Они пели и ликовали, ибо возлагали надежду, что через некоторое время благодаря этому они выдвинутся и займут достойное место. Когда наступил день, назначенный для отъезда и зазвучали трубы, весь караван собрался и потянулся в Исфаган огромным лагерем или войском, окруженный со всех сторон знатными всадниками.

Купец спасает свою дочь необычайным путем

Тем временем у меня возникли большие сомнения в том, что я добуду себе здесь свободу, и поэтому я стал искать помощи добрых друзей. Я написал два письма: одно консулу в Смирну, другое дворянину Джакомо Моливес, купцу и коммерсанту из Ливорно, с покорнейшей просьбой к обоим позаботиться о том, чтобы мои письма действительно дошли до Голландии, ибо я нахожусь в Шемахе в жалкой неволе и не могу послать письма Каспийским морем

Я. Я. Стрейс пишет в Смирну

через Россию, и поэтому настоятельная нужда побуждает меня послать через эти страны.

9-го у нас был сильный ливень, сопровождавшийся ужасным громом и молнией, и ветер был столь жесток, что все дрожало и сотрясалось.

В этот день женщины ходили на кладбище молиться в память умерших родственников и друзей.

10-го персы снова справляли праздник, во время которого они веселились под звуки литавр, труб, тромбонов и других духовых инструментов.

11 апреля привезли в Шемаху видного казачьего начальника. Он был отправлен вместе с тремя другими послами к принцу Булату, князю черкесских татар, чтобы склонить его притти с войском на помощь их господину, Степану Разину, за что тот не только пощадит его самого и страну, но и вознаградит богатыми дарами и подарками [166]. Принц почел себя настолько оскорбленным таким посольством и предложением, что тотчас же обезглавил троих послов и выбросил их тела орлам и воронам. Головы их он велел набальзамировать и положить в мешок и принудил оставшегося в живых четвертого положить мешок на коня и отвезти шаху. Этого казака или, вернее, русского, перешедшего к казакам, я довольно хорошо знавал в Астрахани. Он сидел на буланой лошади, его шея и правая рука были подтянуты кверху, так что он все время должен был смотреть вперед, на нем был желтый кафтан и в нем приметно было храброе и неустрашимое сердце. В Исфагане его бросили в ужасную тюрьму, наложив цепи и оковы на руки и ноги; но впоследствии его отпустили, ибо он открыл шаху много важных и достойных внимания дел. Два года тому назад Стенька Разин послал семерых послов к персидскому королю, чтобы попросить у шаха необходимое военное снаряжение и заключить с ним союз; но так как казаки разгромили перед тем Астрабат, Фарабад и Ленкоран, то этих послов приняли иначе, чем это принято при персидском дворе. Мы уже сообщали ранее, что шах предоставляет иноземным послам много свободы и вольностей, каковые нелегко допускаются в княжеских дворах Европы. Но так как Стеньку Разина никоим образом не признавали законным князем или господином, то еще меньше считались с его послами. Шах велел некоторых из них заковать в цепи и других с позором бросить собакам. Поэтому я весьма удивился, что Стенька в другой раз отправил туда послов.

Пленного казачьего начальника привозят в Шемаху

Должен взять с собой мешок с тремя головами товарищей

Его выпускают из тюрьмы

Персидского святого убивает пьяный грузин

25 апреля на глазах всего народа пьяный грузин предательским и мошенническим образом заколол перса, так что тот сразу упал мертвым. Убийцу схватили на месте преступления, отвели к принцу и принесли жалобу. Тот сразу же велел передать преступника в руки ближайших родственников убитого, ибо в Персии существует обычай, по которому ни король, ни принц, ни наместник или высшие власти не имеют права наказывать виновного; но месть производится по усмотрению и расположению друзей умершего (которым его передают, чтобы они поступили с ним, как хотят), и часто случается, что, если друзья и родственники терпят нужду и лишения, можно откупиться деньгами или иными подарками; в таких случаях дело не переходит к судье. Но этому убийце не посчастливилось, ибо он ожесточил брата убитого и должен был заплатить собственной жизнью. Тот велел двум мужчинам положить убийцу к своим ногам, взял в руки кинжал и вонзил, без особых церемоний, в его грудь, сказав: убирайся, чортова собака, такой же пьяный к чорту, которому ты предназначен. Затем он нанес ему еще несколько ударов, о которых убийца не расскажет, и таким образом убийство, жалоба и расправа совершились в течение трех часов.

Ужасное самоубийство на свадьбе

3 мая в Шемахе произошло отвратительное кровопролитие и самоубийство посреди свадебного веселья, когда жениха во время пира охватил сильный страх и беспокойство, что, как предполагают, было вызвано принятым им сильным ядом. Как бы там ни было, но несчастный жених умер через мгновение на руках своей возлюбленной. Все тут же принялись кричать и орать, так что свадебное веселье превратилось в печаль. Мать жениха взяла большой нож и, обезумев, распорола себе живот, так что вывалились кишки и внутренности, и она упала мертвой. Сестра выбежала, неистовствуя и беснуясь из дома, срывая одежды с тела, вырывая волосы из головы, царапая лицо, груди и руки, и нельзя было себе представить, что такая нежная и слабая девушка своими собственными руками будет себя так терзать и мучить. Наконец она взбежала на высокую гору и сразу, не колеблясь, ринулась вниз и разбилась. Это грустный и печальный конец большой радости и веселья; веселое начало сменилось печальным и горестным концом.

Большой праздник памяти Хуссейна

9-го в городе Шемахе было шествие или процессия в память большого персидского святого и толкователя алькорана Хуссейна, которого Омар побил камнями или, как говорят дру-

гне, умертвил стрелами. Они называют этот праздник Ашур (Aschur), что означает десять, ибо, когда Хуссейн ехал из Медины в Куфу, его целых десять дней преследовали враги[167]. Хуссейн был младшим сыном великого Али, по поводу смерти которого персы проявляют большую печаль и горе. Праздник продолжается десять дней. Вначале видишь большую часть горожан, главным образом мужчин, в траурной одежде (т. е. в синем, каковой цвет употребляется ими как раз в тех случаях, когда у нас черный), к тому же они в это время не стригутся и не прикасаются бритвой к голове, хотя обычно употребляют ее каждый день. Они также соблюдают пост, живя весьма умеренно и трезво, и пьют вместо вина воду. Потом они принимаются плакать и кричать и призывают с ужасными проклятиями и пожеланиями адское пламя на убийцу их святого и продолжают это до тех пор, пока лица их не темнеют и не становятся черными. Мальчики и даже пожилые мужчины бегают по улицам с маленькими флажками и кропилами, кричат, неистовствуют и зовут, как безумные и одержимые бесом: «О, Хуссейн, Хуссейн!». Другие сидят у дверей и входов в мечети и беспрерывно кричат: «Хуссейн, Хуссейн!». По всему городу проносят сотни зажженных свечей. Процессия или шествие было весьма странное и необычайное, и мной овладело желание заметить все в точности, вследствие чего я не считался с сильными толчками то в голову, то в бок и не отступал. Все происходило следующим образом: шариб, или первосвященник, сопровождаемый множеством священников, шел впереди в длинном синем халате и белой чалме на голове; подобно ему были одеты и другие, но не с той роскошью. В руках у него была арабская книга, по которой он громко читал многое о деяниях и жизни умершего, что продолжалось некоторое время и наконец сменилось молчанием. Тогда начали петь или, вернее, блеять все остальные, так что отдавало в ушах, и во всем этом часто раздавалось имя Хуссейна. За ними следовали придворные, которые несли в большой толпе две четырехугольные постройки, прикрытые драгоценными балдахинами. В первом ящике, или лучше помещении, посредине стоял гроб, в нем лежал мужчина, которому они дали снотворный напиток, чтобы он проспал целых два дня без просыпу. Вокруг сидело шесть маленьких мальчиков, достаточно жалостливо разыгрывавших опечаленных. Спящий представлял убитого святого Хуссейна. Вверху на балдахинах стояли две маленькие башенки, или вышки, сделанные с большой роскошью и

искусством. Из одной высовывалась голова мальчика, оплакивавшего горячими слезами смерть Хуссейна. Эти домики несли двенадцать мужчин, и когда они уставали, их сменяли двенадцать других. По обеим сторонам этих сооружений шли молодые люди, совершенно нагие, голые, исключая прикрытый стыд. Они вымазались черной нефтью и осыпали себя мукой и походили на разрисованных чертей. В руках у них были алебарды, с чем они изображали убийц, другие несли в руках каменья, ударяли ими друг о друга и выли, как охотничьи собаки, когда они голодны. Я мог только предположить, что они натерли глаза бедренцом или луком, ибо они все время проливали слезы; но я легко мог заметить, что слезы их не исходили от сердца, так как когда проходили мимо рабыни, то им вслед раздавались всякие постыдные и непотребные слова. Тем временем они прыгали, как фокусники, то направо, то налево, с диковинными телодвижениями, непрерывно бормоча о своем Хуссейне. Кроме них бежало еще шесть видных мужчин с непокрытыми головами, каждый с обнаженной саблей в руках. Эти исполняли в числе других странный и необычный танец, резали саблями друг другу головы, так что кровь текла по телу. Народ считает их великими святыми, ибо они проливают свою кровь ради Хуссейна. Я видел у некоторых более двадцати порезов, доходивших до черепа. За первым помещением несли другое, такого же размера; его несли двенадцать мужчин. В нем стоял гроб или ящик для мертвеца, на котором лежал зеленый тюрбан. Шесть мальчиков сидели вокруг, на них были зеленые тюрбаны и каждый держал в руках алькоран, по которому должен был все время читать. Затем следовал ящик, наполненный кровью, в нем сидело двое детей, головы их едва были видны. Его пронесли с довольно благозвучным пением. Наконец маленькие носилки, покрытые драгоценным синим шелковым платьем; на них сидел юноша, читающий большую книгу, затем следовали в большом числе прекрасные персидские лошади, которых вели под уздцы знатные господа. На правом боку лошади были навешаны дамасские сабли, слева перс держал щит, защищающий грудь. Каждый перс был опоясан саблей, украшен золотом и драгоценными каменьями и тюрбаном, усыпанным несказанно дорогим жемчугом, алмазами и рубинами. Это шествие замыкала большая толпа горожан, которые хотели показаться перед другими богобоязненными, набожными и святыми. После того как процессия в полном порядке подошла к двору перед ханским дворцом и вод-

ворилась тишина, вышел принц в сопровождении всего дворянства и чиновников, чтобы лично выслушать проповедь шатира, которую тот произнес с таким старанием и усердием, что у самого принца и всего народа, которого собралось несколько тысяч, потекли по щекам слезы. Он смело мог в своей проповеди врать и болтать о святости, хорошем происхождении и прекрасных делах Хуссейна. В толпе разъезжал на осле человек, сделанный из соломы, вооруженный стрелами и луком. Этот изображал убийцу Хуссейна и его возили по всему городу на позор, глумление и осмеяние. Все персы, проходившие мимо, плевали на него и желали ему с тысячами проклятий ужасную смерть и вечную пытку, ибо он погубил такого великого святого.

Сильное землетрясение

16-го в Шемахе снова было сильное землетрясение, разрушившее несколько домов. Наш двор до такой степени закачался, что все задрожало и заплясало, и миски попадали со стен. На следующий день шесть слуг хана опять убили человека палками.

Смерть и похороны ханского сына

В тот же день умер сынишка хана, полугодовалый ребенок, которого 18-го предали земле с большим великолепием и почестями. Труп не лежал в гробу, а по персидскому обычаю его открытым несли на носилках несколько знатнейших дворян. Другие шли и поддерживали над ним покров небесно-голубого цвета, являющегося у них цветом траура (как у нас черный). Вслед за покойником шел сам хан, потом его сын, в возрасте 15 лет, и большое число дворян и придворных. Когда они дошли до места погребения, то опустили покойника перед домом или, вернее, маленькой часовней: сперва некоторые господа роздали милостыню бедным, потом дали большую сумму денег чистым золотом священникам за упокой души и на сохранение памяти об умершем. После этого покойника внесли внутрь и положили в красивую новую могилу, дно которой было вымощено прекрасным белым и черным мрамором и украшено зеленью. Священники приняли мертвое тело со многими поклонами и другими церемониями. Наконец хан поцеловал своего сына, а благородные дворяне — маленький камень, после чего вся толпа вернулась в том же порядке, в каком пришла, ко дворцу, что происходило в невероятной тишине и при полном соблюдении приличий.

Глава XXV

Весть из Астрахани. Персидская женщина уличена в прелюбодеянии. Отец открыто убивает своего сына палочными ударами. Еще один человек гибнет таким образом. Ян фан-Термунде уезжает в Исфаган. Град величиной с куриное яйцо. Прибыли в армянский монастырь. Рыбаки перебиты ужасным образом. Неслыханное и жестокое наказание, произведенное мужем над женой, с которой он при жизни сдирает кожу, бросает ее тело воронам и прибивает кожу к стене. Большая подозрительность персов. Придворных мальчиков оскопляют. Большой невольничий рынок в Шемахе. Грузины продают своих собственных детей. Послу опять приказывают отправиться в путь.

Весть из Астрахани

МАЯ 19-го БЫЛА сильная буря с таким жестоким громом и молнией, подобных которым я не испытал и не видал в Нидерландах. Сегодня мы получили достоверное известие, что Астрахань взята его царским величеством, войска мятежников разбиты и Стенька взят в плен живым[168]. Великие чудеса храбрости проявили верхне- и нижненемецкие солдаты, небольшая кучка их перебила невероятно много казаков, вследствие чего они были награждены бо́льшим почетом и милостью от его царского величества, нежели русские.

20-го прибыли в Шемаху шесть борцов, которые с невероятной ловкостью боролись друг с другом, так что сотни людей смотрели на эту потеху. После представления они обошли народ с фарфоровой чашкой, чтобы собрать деньги.

Персидская женщина уличена в прелюбодеянии

21-го были схвачены персами двое дворян из посольства и закованы в цепи, ибо они имели связь с персидской женщиной. Прелюбодейку отвели к нашему господину и дали ему полное право поступить с ней по его усмотрению. Муж не только согласился бы, но был бы рад, если бы ее разрубили на тысячу кусков. Но наш господин, сам любивший предаваться блуду, почувствовал большое сожаление к этому венериному зверьку, избавил ее от наказания за измену и удовлетворил ее мужа, так что тот снова взял ее к себе, после чего заключенные дворяне были выпущены на свободу.

Отец открыто убивает своего сына палочными ударами

22-го здесь по всем улицам, на всех углах били ужаснейшим образом палками одного юношу до тех пор, пока он наконец не упал на землю. Это произошло по приказу принца и по просьбе и настоянию родного отца юноши, знатного человека в Шемахе. Причина заключалась в том, что юноша написал крайне оскор-

бительное письмо принцу в ответ на приказ, запрещавший на третий день шествия рубиться и резаться, тот особый способ рубиться саблями, о котором мы сообщали, описывая большое празднество в честь Али. А в письме спрашивал он принца весьма язвительно: как это он так скоро сделался новым святым? Кто дал ему такой своенравный совет изменить древний и похвальный персидский обычай? Разве он не знает, что навлекает тем позор, поругание и презрение на мухаммеданство и на все королевство? Не стал ли он христианином? и т. д. И много других язвительных слов, что побудило его отца подвергнуть своего сына помянутому наказанию, дабы доказать, что он непричастен к этому делу и выше всего ставит авторитет и положение принца, и тем самым стать известным шаху. Вот поистине образ безжалостного отца, который мог бы просить за жизнь своего сына, но из пустого тщеславия и жажды для себя славы дал ему погибнуть на улице от такого тяжкого наказания.

Еще один человек гибнет таким образом

На другой день снова перед дворцом принца семь служителей ужасным образом забили одного человека палками до смерти.

Ян фан-Термунде уезжает в Исфаган

26-го мы в третий раз получили известие, что Астрахань снова занята русскими и Стенька Разин отправлен в Москву. Тем временем Ян фан-Термунде приготовился к отъезду в Исфаган и очень старался собрать большое общество, чтобы обеспечить себе свободу и безопасность в пути. 29-го он отправился в путешествие с нашим товарищем Питером Арентсом из Схефенингена и одним польским евреем, который был пойман татарами и бежал от Шамхала.

Град величиной с куриное яйцо

30 мая была страшная гроза, ветер, гром, молния и град величиной с куриное яйцо, что причинило большой ущерб плодам, хлебам и скоту. Эта ужасная непогода продолжалась целых два дня, после чего стало так тихо и приятно, что нельзя было желать лучшего.

Прибыли в армянский монастырь

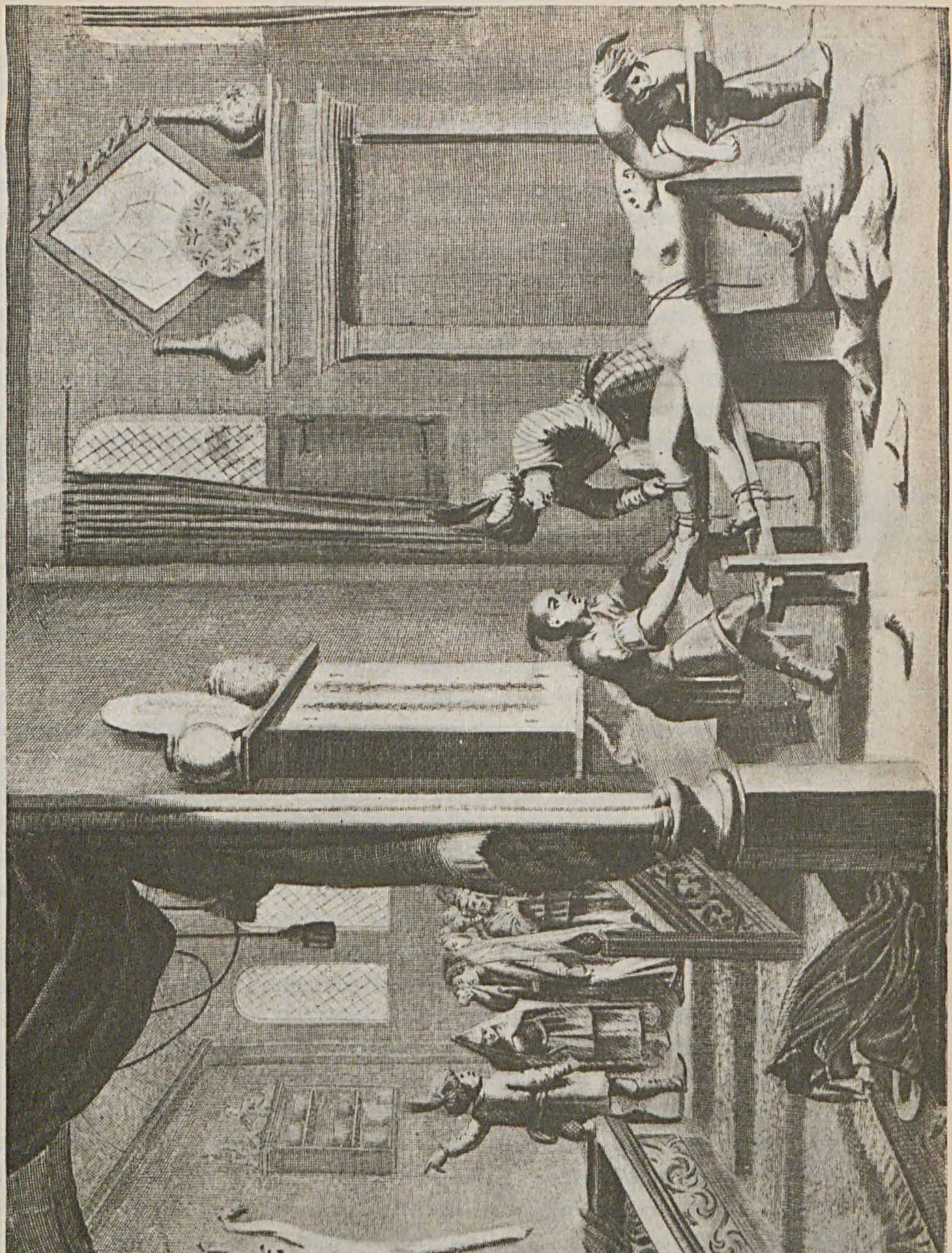
6 июня с одним венецианцем, который убежал от турок, я поехал миль на пятнадцать в глубь страны, и мы прибыли в христианский армянский монастырь, где нас весьма приветливо встретили монахи, когда узнали, что мы христиане и живем в тяжкой турецкой, татарской и персидской неволе. Мы рассказали им все, что случилось с нами, и между прочим, что Астрахань снова занята русскими, чему они сильно изумились, и потчевали нас едой и питьем, и ласково просили, чтобы мы погостили у них

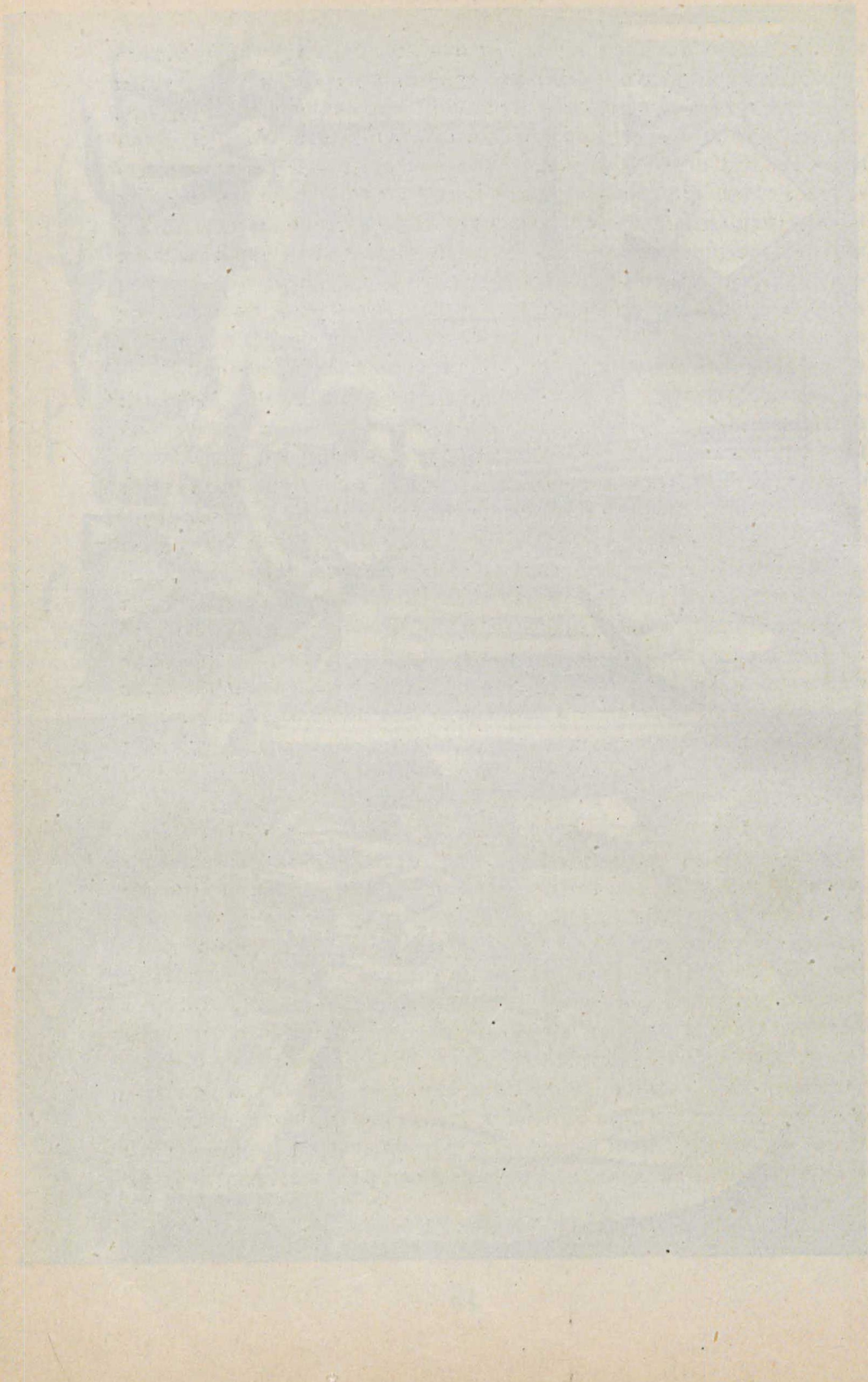
несколько дней, что мы и сделали, пробыв еще два дня, в течение которых они с сердечной дружбой предлагали нам все, что могло, по их мнению, занять нас. Они жили в монастыре без забот и печалей, оказывая друг другу и посторонним христианское милосердие. По истечении срока мы попрощались с армянами, ибо нам нельзя было дольше отсутствовать, и отправились другой дорогой в Шемаху. Мы поднялись на высокую гору и нашли на ней глубокое озеро, судя на глаз, более трех миль в окружности. Мы увидали на дороге, не без большого страха и испуга, четырех убитых людей, у всех было перерезано горло. Насколько мы могли судить по удочкам и сетям, это были рыболовы. Это озеро богато рыбой, и рыба, пойманная в нем, считается весьма дорогой и вкусной и продается по высокой цене. У нас, правда, было желание наловить полную миску, но когда мы увидели, как рыбачили эти рыбаки, то вся душа ушла в пятки, мы забыли о рыбах и сочли за лучшее удрать без еды, нежели подвергнуться нападению висельников, благодаря чему мы гораздо скорее, чем предполагали, добрались до дома.

Рыбаки перебиты ужасным образом

9 июня произошел в городе Шемахе из ряда вон выходящий, неслыханный и ужасный случай, так что у меня, хотя я накануне испытывал испуг и часто видел отвратительные убийства, волосы встали дыбом, а сердце замирает, когда я об этом вспоминаю. Один перс взял в жены польскую рабыню. Она сбежала от своего мужа из-за несогласия или отвращения и просила нашего господина схоронить ее и в подходящий момент взять ее с собой в Польшу, где у нее еще были мать, сестра и брат. Польские дворяне возымели сострадание к женщине и приняли ее в дом, и скрывали ее там в течение 14 дней, пока о том не узнал ее муж. Когда до него дошла весть, что она находится у нас, он пошел к принцу и принес жалобу, на что ему тотчас было дозволено взять обратно жену и поступить с нею по своему усмотрению. Но так как она находилась во дворе посла, откуда муж ее мог взять только с опасностью для жизни, то принц послал с ним своих слуг, чтобы ее выдали по его повелению. Когда дворяне увидали эту толпу, у них нехватило мужества отказать мужу, а еще меньше скрыть ее или помочь бежать, так что несчастную женщину передали в руки жестокого мужа или скорее палача. Злоупотребляя разрешением принца поступить с нею по своему усмотрению, он велел тем временем сколотить деревянный крест, крепко привязал к нему с помощью слуг раздетую донага жену и после жестоких

Неслыханное и жестокое наказание, произведенное мужем над женой, с которой он при жизни сдирает кожу, бросает ее тело воронам и прибивает кожу к стене

упреков сам — ужасное, дьявольское зверство! — содрал с нее живой кожу. Я стоял с огромной толпой перед дверью, за которой мы слышали, как жалобно плакала и стонала женщина, но никому в голову не приходила мысль о таком ужасном и безбожном поступке, пока мы не увидали, как этот проклятый пес выбросил на улицу освежеванное тело, которое через несколько времени выволокли в поле и отдали орлам и другим хищным птицам. Он этим все еще не удовлетворился, прибил содранную кожу к стене в своем доме, как пример и зерцало остальным женам, которых у него было двенадцать, начинавших при малейшем недовольстве этого проклятого злодея трепетать от страха и ужаса, что было и со мной, как только я видел тот дом или проходил по улице. Здесь произошла ужасная трагедия, о которой еще никогда не слыхали. Подозрительность довела жестокого палача до безумия, и хотя они самые сладострастные и невоздержанные мужчины, но все-таки требуют, чтобы их жены были честными и верными. Эта подозрительность также является причиной, почему ни одна честная женщина не выходит на улицу, оставив непокрытой какую-либо часть тела, за исключением глаз; лицо окутано шелковым или тонким бумажным платком. Женщину с непокрытой головой считают открытой блудницей. Ежели кто стучится в двери, то жена запирается в каморку, чтобы ее нельзя было увидеть, однако ее видят все без исключения рабы, отчего иногда возникает более близкое знакомство, несмотря на угрюмые взгляды и лицо мужа. Шах, принц и князья избавляют себя от такого страха и подозрения тем, что не подпускают к своим женам иных рабов, кроме оскопленных, среди которых некоторых с тем, чтобы совсем отнять у них чувственность, помимо обычного лишают уда, что происходит еще в нежном возрасте. У них есть мастера, которые умеют лечить это необычным образом и вставляют внутрь серебряную трубочку, благодаря чему они могут мочиться несколько дальше. Я собственными глазами видел таких лиц. Помимо того, что они лишены мужественности, это обычно такие безобразные и отвратительные быки, что женщина должна испытывать долгие лишения, прежде чем у нее появится желание или она влюбится. У простых горожан и купцов очень редко бывают оскопленные рабы, не только потому, что они гораздо дороже, чем другие, но и потому, что они вялы, ленивы и неспособны к работе. И ввиду недостатка рабынь их жены часто должны прибегать к услугам рабов, и те всегда имеют возможность видеть своих хо-

Большая подозрительность персов

Придворных мальчиков оскопляют

зяек. Однажды случилось, что мой господин был спешно вызван к принцу и приказал мне оседлать золотым седлом его лучшую лошадь и тотчас же отвести ее к нему на рынок. По приказу своего хозяина я быстро вбежал в дом, отворил двери, чтобы взять седло из комнаты, где я к своему ужасу увидал хозяйку, стоящую голой в ванне, чтобы обмыть и очистить свое тело теплой водой. Я опасался, что она расскажет мужу и мне придется расплатиться за это зрелище, отчего я задрожал и затрясся. Но дело повернулось не так, ибо когда она увидела, что я хотел отступить, то сказала смеясь: «Войди и не огорчайся, только исполни приказание своего господина».

10-го отправился брат нашего господина в Исфаган, чтобы пожаловаться шаху на хана за данные взаймы деньги, за которые он не платил положенных процентов.

Большой невольничий рынок в Шемахе

11 июля в Шемахе был большой невольничий рынок, и на базар вывели более 500 человек: мужчин, женщин, детей, христиан и язычников, поляков, русских, грузин и черкесов. Поляки и русские были похищены дагестанскими татарами. Они берут также язычников-черкесов (ибо если они мухаммедане, то по предписанию алькорана не могут быть обращены в рабство), что является хитрым способом распространения туречины. Наоборот, язычники-черкесы храбро нападают на дагестанцев и продают их большими толпами русским. Так один волк пожирает другого, без чего татары, если бы они были объединены, оказались бы слишком сильными для персов. Грузинских детей большей частью продают их безжалостные родители, навсегда отдавая под ярмо рабства. Они в этом отношении стоят гораздо ниже диких зверей, которые по крайней мере не расстаются добровольно со своими детенышами, а эти, напротив, отдают свою плоть и кровь за деньги в тяжкую неволю. Торговля рабами и краденым или награбленным добром ведет к тому, что Шемаха и Дербент процветают, развиваются и притягивают к себе множество различных купцов. У людей, отведенных на рынок, осматривают прежде всего, как у лошадей, рот, затем их раздевают донага и ощупывают со всех сторон; но о том, насколько они сильны, судят главным образом по их суставам. Их заставляют бегать из конца в конец, принимать различные положения и позы, судя каждого по его годам, здоровью и силе. Если кто-нибудь купит раба или рабыню и в течение трех дней найдет какой-нибудь изъян или ему станет жаль отданных денег, то может в означенное время вернуть их

Грузины продают своих собственных детей

купцу, и торг не состоится. Так же обстоит и с другими товарами.

Послу опять приказывают отправиться в путь

12-го явился к нашему двору калантар, ближайший человек хану, передать послу в серьезных выражениях приказ шаха, чтобы он без дальнейших отсрочек немедленно приготовился к отъезду в Польшу, на что наш господин ответил, что у него денег нет и что ему не с чем пуститься в путешествие, но как только он получит от хана деньги, принадлежащие ему по праву, то без промедления отправится в путь.

Глава XXVI

Сильная гроза. Большие комья голубого огня. Дождь, подобный великому потопу. Исчезают дома и люди. Хана жалуют еще одним халатом. Жертвы, приносимые баньянами птицам и рыбам. Богослужение персидских женщин. Разговор Я. Я. Стрейса с ханом. Странная встреча Я. Я. Стрейса с татарином, который его обратил в рабство. Он выходит из подневольного положения у польского посла. Сердечность и доброта его прежней хозяйки Алтин и самого патрона. Один из его товарищей освобождается из неволи.

Сильная гроза

Снова 13-го была ужасная гроза с громом и молнией, которая нанесла большой ущерб нашему дому и различным другим постройкам. Весь воздух был наполнен синим полыхающим огнем, который иногда падал большими комьями на землю и походил на расплавленную серу. Я между прочим видел, как большой ком огня упал вниз и со страшным грохотом разлетелся на куски, так что, казалось, небо и земля задрожали. Я часто слышал выстрелы больших картаун турецких укреплений на Дарданеллах, которые были основательно заряжены и ужасающе грохотали; но их еще меньше можно было сравнить с этим ударом, чем детское ружье с картауной. На землю падали брызжущие комья величиной с винный боченок, которых я не без великого ужаса насчитал шесть. Эта непогода и огненный дождь продолжались два дня, после чего прояснилось, и воздух стал светлым и прозрачным.

15-го мы получили известие из Ардебиля от Яна фан-Термунде, который счастливо добрался туда со своим слугой Питером Арентсом из Схефенингена, после многих перенесенных злоключений. На них много раз готовы были напасть разбойники, если бы коняк, или проводник, не останавливал их суровым предо-

стережением, выдавая Яна фан-Термунде за курьера, который везет письма к шаху. После такого объяснения его отпускали с миром продолжать свой путь.

Дождь, подобный великому потопу

В ночь на 16-е полил такой сильный дождь в Шемахе и окрестностях, что облака как бы обрушивались на землю. Вода спадала огромными ручьями с гор и разливалась так, что многие дома опрокидывались, а люди и скот тонули. Во время этого дождя ударяли и падали громовые стрелы и молнии, что вызвало ночью жалобные крики, испуг и бедствие. Каждый полагал, что наступает страшный суд.

Хана жалуют еще одним халатом

17-го персидский король снова пожаловал хана халатом. Когда посол приблизился к загородной беседке принца, хан выехал ему навстречу на прекрасной арабской лошади, при золотом седле и уздечке, в затканной золотом одежде, в сопровождении множества дворян и другого народа, к которому причисляю себя и я. Посланник с большим почтением передал хану изготовленный из драгоценной золотой парчи жалованный халат, который тот тотчас же надел и отправился вместе с передавшим в город под звуки литавр, труб и тромбонов.

Жертвы, приносимые баньянами птицам и рыбам

18 августа было ужасное и жестокое землетрясение, от силы и действия которого обвалились многие дома, сараи и конюшни, раздавив множество людей и скота. На другой день после этого землетрясения был сильный ветер и ливень. В этот день видел я за городом, куда пошел ненароком, более ста баньян [169], которые приносили жертву птицам поднебесным и рыбам в воде. Они распростерлись на коленях, бросали рис и бобы на землю и в воду. Баньяны не убивают никого из тех, кому дарована жизнь, даже вшей на своем теле и других насекомых, которых они, правда, ловят, но пересаживают на другое место. Когда они видят кого-нибудь, кто вышел с ружьем на охоту или с сетями ловить рыбу, то должны всегда просить, даже часто дать что-нибудь, чтобы удержать от этого и не дать причинить вреда птицам или рыбам. Они разгоняют везде, где только можно, птиц, мутят воду и стараются изо всех сил не подпускать охотников и рыболовов. Они нагибаются, подобно женщинам, перед тем, как помочиться, и осматривают, не ползет ли тут червячок или другое какое-нибудь маленькое животное, которое может пострадать от мочи, и если найдут, то поднимут и перенесут подальше на сухое место. В указанные праздники, которые бывают у них семь или восемь раз в году, они не зажигают свечей, факелов или другого огня, чтобы

на нем не сгорели комары, мухи и другие крылатые насекомые. Они предложили хану большую сумму денег, чтобы он запретил в тот день резать скот, но очевидно она показалась недостаточной, ибо их не удовлетворили. В остальном этот народ весьма странен, строг и суеверен. Они не должны пить из одного стакана или кувшина или есть из одной посуды с кем-нибудь, кто не их веры или секты, но охотно разрешают пользоваться их сосудами. Они всегда воздерживаются от употребления мяса и рыбы, от всего того, чему дарована или предстоит жизнь, поэтому избегают есть яйца, так же как и кур. Насколько тонка их вера, настолько они тонки, изворотливы и лукавы в торговых делах, в чем они превосходят большую часть индусов.

Богослужение персидских женщин

26-го у персов святой день и большой праздник, когда многие сотни женщин в память умерших святых или родственников совершают паломничество в горы, где приносят жертвоприношения и молятся, бьются головами, целуют гробницы и принимают другие положения, о чем я уже упоминал. Это самое большое и единственное богослужение персиянок, какое мне довелось увидеть или услышать. Они никогда не входят в церковь, и я ни разу не слышал, чтобы они молились дома или совершали какой-нибудь обряд. Они все возлагают на своих мужей, которые три раза в день, повидимому с большим усердием, молятся богу и взывают о помощи к ангелам: именно утром, в полдень и вечером. Молитва их гласит: «Хвала богу, создателю всего живого, королю страшного суда; ты властен помочь нам, и мы молимся тебе и призываем тебя! О бог на небесах! Укажи нам истинный путь, не тот, где грешные совершают страшные и тяжкие грехи, и не тот, что наполнен мерзостью и заблуждением. Аминь!».

27-го я поднес своему бывшему патрону Хаджи Байраму маленькую галеру и корабль, над которыми я работал более трех месяцев. На корабле было сорок маленьких пушек, на 42-весельной галере—десять. Он принял это с большой благодарностью и считал, что достойнее поднести это принцу Шемахи, нежели сохранить для себя. Этот подарок весьма понравился принцу, ибо по его мнению и вкусу был весьма искусно сделан, и потому он пожелал поговорить со мной. Я недолго ждал, чтобы предстать перед ним, и как только увидел его, то почтительно склонился перед ним по персидскому обычаю. Принц спросил меня, сражаются ли такие большие корабли друг с другом? Я ответил:

Разговор Я. Я. Стрейса с ханом

«Да, милостивый государь, в Северном море происходят сражения с участием более трехсот таких кораблей, голландских и английских, которые храбро обстреливают друг друга, наносят повреждения, пускают ко дну и взрывают на воздух». Тут он спросил меня, почему христиане так враждебно относятся друг к другу? Я дал ответ: «Господин, не по какой иной причине, чем та, по которой мухаммедане воюют друг с другом и по какой персы и турки находятся в такой большой вражде, несмотря на то, что они единоверцы». Принц обратился к Хаджи Байраму, моему старому хозяину, присутствовавшему при том, и сказал: «Это верно сказано», после чего я повернулся и раскланялся таким же порядком, как и при приближении.

28-го у нашего посла господина Богдана украли серебряную чашу, и так как приложили большие усилия к тому, чтобы обнаружить преступника, то вора схватили, немилосердно били палками по пяткам и заковали в цепи. Он был холопом посла, грузином и его соотечественником.

Я. Я. Стрейс встречает татарина, который его обратил в рабство

31 августа, когда я прогуливался по городу, чтобы развлечься, мне неожиданно встретился один из похитивших меня людокрадов. Хотя я сильно испугался, увидав негодяя, но не стал долго ждать и схватил за шиворот висельника, который меня не узнал. У меня с собой была хорошая тяжелая узловатая палка, какую обычно носят персы, я дал ему такой сильный удар, словно собирался нанести его быку; он рухнул наземь, я дал ему еще несколько пинков так, что кровь хлынула из ушей, носа и рта, и оставил его лежать в таком виде, надеясь, что он скоро помрет. Это не прошло тихо и незаметно, тотчас же прибежали несколько персов, схватили меня и сказали: «Как ты смеешь убивать человека среди бела дня и на улице? Ты ответишь за это перед ханом». Я громко крикнул: «Люди, это дагестанский людокрад, он отдал меня в тяжелую неволю», и рассказал о всем происшедшем, как тот подлец обращался со мною, и что я эльчиадам, т. е. служитель при дворе польского посланника. К моему большому счастью персы, узнав об этом, отпустили меня. Оглянувшись через мгновенье, я заметил на улице от десяти до двенадцати татар, которые сразу погнались за мной, увидев, что их товарищ истекает кровью. Я, как мог, ускорил бег, помчался в табачный домик, где скрывался до тех пор, пока они не прошли мимо, после чего я отправился домой. Однако вскоре татары явились с калекой на наш двор. Мой господин спросил: что это зна-

чит. Я рассказал в кратких словах, что был вынужден прибегнуть к тяжелой палке, на что тот сказал: «Поди прочь, дурак! Почему ты не убил вора, у нас не было бы шума. Ступай, выполни свое дело лучше, выставь подлецов за дверь». Мы, слуги, не поленились угостить плетками татар и исполнили это с таким успехом, что они быстро с плачем убежали. Наполовину искалеченный татарин так быстро выздоровел от новых ударов, что теперь запрыгал лучше всех, хотя он раньше едва волочил ноги и ползал. Наш патрон не мог выслушать без смеха об этом приключении, рассказанном ему одним из дворян, заметив: «В самом деле этот голландец большой мастер».

Между тем приблизилось время отъезда в Исфаган, по чему я томился, как рыба по воде. Я покорнейше попросил моего хозяина отпустить меня на свободу, на что он наконец после долгих молений и просьб согласился, однако под тем условием, что я ему сперва возвращу деньги, за которые он меня купил. Он купил меня, как было уже сказано, за 150 абасов, а теперь должно было считаться, что он дает мне свободу даром. Но он сказал мне тайно, что если я хочу уехать, то должен поднести ему подарок, который при этом и был назначен. И так как у меня не было иного пути избавиться от этого скряги, то я занял у Людовика Фабрициуса столько денег, сколько мне было нужно. Я купил хорошую персидскую лошадь, но так как она не понравилась нашему господину, пришлось вернуть ее продавцу и купить другую, которой, как я полагал, он должен был остаться доволен, но тут было так же, как и с первой. Наконец придворный конюх указал мне на хорошую арабскую лошадь, так мне понравившуюся, что я не поскупился на деньги и купил ее у хозяина. От двух первых я не потерпел никакого убытка, ибо у персов существует обычай, что всякий живой товар, людей и скот, можно продержать три дня и затем вернуть такими же, как они были получены. После того как мой хозяин увидел лошадь (которая ему весьма полюбилась), он дал мне немедленно разрешение на отъезд, как только мне к тому представится случай.

Он выходит из подневольного положения у польского посла

29 октября я попрощался со своими знакомыми и благодетелями, в том числе со своим бывшим хозяином Хаджи Байрамом и его женой Алтин, которая была ко мне особенно расположена и помогала мне, когда я сильно голодал у посла, вследствие чего я счел себя весьма обязанным поблагодарить их за все оказанные благодеяния и попрощаться. Придя туда, застал я дома одну

Расположение прежней хозяйки Алтин и самого хозяина

госпожу Алтин, ибо остальные женщины пошли мыться в баню, что было у них каждодневной привычкой. Мой бывший хозяин также ушел из дому, отчего она меня особенно приветливо встретила. Я рассказал ей со всей присущей мне скромностью о причине моего посещения, на что она мне сказала: «Садись, Ян, садись! Муж мой вернется домой к обеду». Она спросила меня между прочим, сколько денег дал мне мой хозяин на дорогу. Я ответил: «Ничего, госпожа, помимо того, что заставлял меня терпеть голод и ежедневно обременять вас, поглощая ваши кушанья и напитки». «Хорошо, — сказала добрая женщина, — если он не дал тебе ничего, то это сделаю я и притом щедро, но ты не должен говорить о том моему мужу». Тут она дала мне украшение из драгоценных камней и денег, гораздо больше, чем я занял для своего освобождения. После того она ласково попросила меня задержаться на время в Шемахе, снова повторила свое старое предложение: тайно бежать со мною, на что я ей снова указал на большую опасность со стороны казаков, и она сказала со вздохом: «Итак, я никогда больше не вернусь в христианскую землю, а если ты все-таки хочешь туда отправиться, то поезжай завтра утром с моим мужем, он уезжает в Исфаган». Последнее мне больше всего подходило, ибо я был уверен, что мой хозяин любит меня от всего сердца и без всякой лжи. После того как я просидел два часа, разговаривая с женщинами, пришел домой мой хозяин Хаджи Байрам, ласково приветствовал меня и предложил, если я хочу, поехать с ним завтра в Исфаган, освободив от всяких затрат на дорогу. Я охотно принял эту щедрую милость и незаслуженное благодеяние, сказав, что я не заслужил у него столько и уж конечно недостоин того. Далее, я попросил его, не согласится ли он на то, чтобы еще два немца поехали с нами не на его счет. Он ответил: «Да, охотно; чем больше немцев, тем лучше». Эти двое были Людовик Фабрициус и Христиан Бранд, выкупленные на волю стараниями благородной Ост-индской компании и трудами Яна фан-Термунде. Я попрощался со своей госпожей Алтин и собрался в путь. Я бы охотно взял с собою Виллема Баренса Клоппера, но он решил лучше остаться у польского посланника, ибо надеялся скорее вернуться со своим господином через Россию, тем более, что он был слаб и немощен телом и у него не было желания и мужества предпринять такое тяжелое путешествие, и мы попрощались с опечаленными сердцами и со слезами на глазах. В тот день, когда я вы-

ехал из Шемахи, туда прибыл наш Мейнерт Мейнертс, который был до сих пор рабом в Баку, работал в кузнице у одного мастера, выделывавшего ножи и сабли, в местности, которая славится закалкой стали. Он слышал от своего господина много заманчивых обещаний и предложений, перенес также много невзгод и испытаний из-за проклятого мухаммеданского вероисповедания; наконец он избавился от всего этого и от жалкой неволи при помощи благородного нидерландского общества, с тем чтобы поехать через Исфаган в Гомбрун, но за коротким временем он не смог отправиться с нашим караваном.

Глава XXVII

Отъезд из Шемахи. Сельская жизнь в местности Касили. Описание Аракса. Небезопасность Муганской пустыни. Обилие черепах близ Балхары. Бедные и веселые жители. На Я. Я. Стрейса нападают разбойники. На караван нападают разбойники и грабят его. Прекрасный каменный мост. Гробница Сеида Джабраила. Прибытие в Ардебиль. Его положение. Сильный холод. Сильные вихри в полдень. Прекрасное зерно. Большой налог на овец. 57 деревень близ Ардебиля. Описание города. Улица блудниц, которые слагают стихи и являются поэтами. Площадь посреди города. Базары и лавки. Превосходные мечети и часовни.

Отъезд из Шемахи

Октября 30-го выступили мы во имя и под защитой всевышнего бога всем караваном около двух тысяч людей и тысячи лошадей и верблюдов, несших кладь. Между прочим мой хозяин нагрузил двадцать лошадей каштанами, собранными со своих деревьев, с тем чтобы поднести их шаху, ибо никто не смеет являться с пустыми руками к королю и князю. Наш путь шел через высокие и крутые горы и затем мы пришли к могиле персидского святого по имени Пир Мардехан (Pyr Mardechan), лежащей в местности Факерлу (Fakerlu). Земля в этой местности совершенно пустынна, здесь нет ни людей, ни еды, ни питья, вследствие чего мы весьма торопились добраться до какой-нибудь деревни или постоялого двора. Так мы оставили за собой добрую часть пути, и такое спешное путешествие по причине холода не было в тягость, но нам пришлось бросить несколько лошадей. Вечером усталые пришли мы в деревню Касили (Kasily), где остановились на ночлег[170]. Почва в тех краях не-

Сельская жизнь в Касили

плодородная, только кой-где попадаются пастбища, и жители ведут такое же хозяйство, как у татар. Мужчины, женщины и дети перекочевывают со своим скарбом на повозках, кибитках, лошадях, быках и ослах с одного места на другое, останавливаясь там, где лучшие пастбища, ибо они по большей части искусные скотоводы. Когда они устраивают где-нибудь стоянку, то разбивают шатры, которые называют остак (Ostak). Мы купили у них молока и не могли достать ничего другого, чтобы подкрепиться. Но щедрость моего бывшего хозяина не давала мне испытывать нужду и недостаток; он делился со мной едой и дорогим вином, так что я с легкостью мог все перенести и получил еще нагрудник для защиты от холода.

Ночью мы хорошо отдохнули в Касили, ибо сильно накануне устали. Ранним утром отправились мы дальше и прибыли в деревню Джавар (Szowaar) или Джават (Tzawat), как ее называют другие, что означает дорога или проход. Отсюда путь на Аракс, где всегда требуют предъявления дорожного свидетельства из опасения, чтобы с караванами постепенно не пробрались в страну турки. Персы никого так не боятся, как турок, предполагая, что если они не будут так бдительно охранять дорогу, этот народ вторгнется в их страну. На этом отличном пути лежит понтонный мост через Аракс, который охраняется большим числом солдат. Переправившись через мост, мы были вынуждены заночевать под открытым небом. Близ Джавата прекращается большая река Аракс, которую персы теперь называют Арас (Aras), и сливается с Курой или Cyrus под 39° 54′ широты. Река берет свое начало в высоких горах между Ширваном и Муганом, выходит с юго-запада, позади горы Арарат[171]. Она впадает в большую реку Куру, берущую начало на запад—северо-запад, в Грузии или Гурджистане (Gurgistan). Река Аракс весьма глубока,

Описание Аракса

воды ее коричневые и пресные, течение быстрое, большей частью без кипения и шума, но в некоторых местах мы его слышали на расстоянии часа пути от нас. В Аракс впадают реки Карасу (Carasu), Сенки (Senki) и Керни Арпа (Kerni Arpa). В местности Карасу Аракс особенно глубок и с ужасным шумом проносится невдалеке от Ордабата (Ordabath) в Муган. Обе реки богаты рыбой. По берегам, которые довольно высоки, и в долинах повсюду растет солодовый корень, который гораздо толще, нежели испанский, немецкий или русский, бывает даже толще мужской руки.

3 ноября проехали мы пять миль по Муганской пустыне и видели по дороге много хижин или крестьянских домов, и ни в один из них не заглянули, чтобы не попасть в беду, удалившись от каравана, ибо в тех местах живут одни только плуты, воры и висельники, в том числе много мятежников, которых ссылает сюда шах. Эти разбойники делают дороги небезопасными и трудно проходимыми, также осмеливаются нападать и грабить целые караваны, когда они невелики.

Небезопасность Муганской пустыни

4-го мы продолжали свой путь и дошли до маленькой речки, называемой Балхару (Balharu). Здесь мы увидели на крутых берегах множество пещер и нор, вырытых в песке черепахами. Они кишат там во множестве, откладывают яйца в пещеры и норы, всегда на южной стороне (как бы обладая человеческим разумом), чтобы, выводя детенышей, лучше воспользоваться теплом. Проехав дальше, мы видели различные хижины, подобные прежним. Однако обитатели их были не такими плутоватыми, но крайне бедными. Дети бегают нагишом, а мужчины и женщины едва имели чем прикрыть свое тело. Невзирая на это, они были веселы и приветливы и предлагали нам все лучшее из своего скудного достояния. Они вынесли на продажу молоко и корм для верблюдов и лошадей за такие ничтожные деньги, что мы остались весьма довольны [172]. В тот день мы проехали шесть миль.

Обилие черепах близ Балхару

Бедные и веселые жители

5 ноября мы все еще ехали пустыней и к вечеру добрались до колодцев, где напоили верблюдов и лошадей и расположились на ночлег в открытом поле.

6-го мы достигли конца Муганской пустыни и попали в горы Беджирван (Bethzirvan) или Беджирум (Bethzyrum). Отсюда мы должны были 11 или 12 раз переходить через маленькую речку, которая диковинным образом змеится то в одну, то в другую сторону [173]. Вечером мы расположились на ночлег в деревне Шехмурат (Schechmurath). Здесь я должен был отправиться за водою для хозяина Хаджи Байрама и для всех нас. По дороге на меня неожиданно и предательским образом напали три висельника, и казалось, что внимание подлецов привлекло мое оружие, и могло случиться, что то, что должно было служить мне защитой, напротив, привело бы к моей гибели, и я наверняка был бы убит, если бы не подоспели другие из нашего каравана, также отправившиеся за водой. Я между тем, чтобы по крайности обеспечить себя сзади, стал спиной в угол заброшенного дома и храбро защищался

На Я. Я. Стрейса нападают разбойники

кортиком (короткой саблей, которую употребляют моряки) и нанес одному из них такой сильный удар в руку, что она повисла. Но троих было слишком много на одного, и я бы потерял мужество, если бы на них не навалились наши, так что они были вынуждены отступить и задать стрекача. Это весьма дерзкие разбойники и подлые убийцы, подобных я немного встречал, они ловко дерутся и нападают.

7-го ехали мы весь день среди высоких гор и вечером расположились в поле под открытым небом.

На караван нападают разбойники и грабят его

8-го прибыли мы к большому красивому и веселому караван-сараю или гостинице, выстроенной ост-индскими купцами для отдыха и увеселения своих караванов, где мы и заночевали. Вскоре после того, как мы расположились на покой, нас разбудила и испугала большая шайка разбойников, напавших на наш караван с тыла и с боков и сильно его пограбившая. Мы сразу вскочили на ноги, взялись за оружие и отогнали разбойников, но они уже захватили большую добычу, после чего мы, не чувствуя себя здесь в безопасности, поднялись ночью и тронулись в путь. В полночь мы вошли в красивую деревню Джанлу (Tzanlu), где спокойно провели остаток ночи. Джанлу лежит у подножия горы. Это веселое местечко, где много прекрасных садов, деревьев, цветов и домов, потому мы запаслись всевозможными приятными блюдами и фруктами, ибо их там можно купить за небольшие деньги [174].

Превосходный каменный мост

9-го перешли мы с большим трудом и усилиями через перевал Джицетли (Tzizetly), у его подножия протекает река Карасу, которая берет начало в Гилянских горах и неподалеку отсюда вливается в Аракс. Близ деревни Самиан (Samian) через нее переброшен превосходный и дорогой каменный мост, более 90 шагов в длину и весьма широкий. Нам нужно было перейти этот мост, после чего с наступлением вечера мы пришли в деревню Джабедар (Tzabedar), где хотя и провели ночь, но почти не отдохнули по причине множества вшей и блох; таких перин во все время моего путешествия было немного, и кажется эти насекомые разводятся от того, что жители здесь сушат коровий и конский навоз, который употребляют вместо дров [175].

На другой день снова двинулись мы в путь и миновали красивую деревню Кельхеран (Kelcheran), лежащую примерно на расстоянии полумили от Ардебиля. Здесь мы осмотрели прекрасную Мешаих (Meschaich) или гробницу Сеида Джабраила (Zeyd Tzey-

brail), отца шейха Сефи[176]. При жизни он был скверный и плохой человек, но сын Сефи Садраддин захотел сделать его святым, каким уже считали его деда, и велел выстроить в Ардебиле в честь его роскошную и превосходную гробницу. Ради этого он повелел найти останки своего деда и построить ему гробницу в Кельхеране (Kelcheran), которая не только сама по себе великолепна, но к ней персы совершают паломничества с большим благоговением. Эти останки должны были чем-нибудь чудесно отличаться, ежели их смогли через сто с лишним лет наполовину сгнившими разыскать среди множества крестьянских костей. Однако я не мог узнать, в каком они состоянии, хотя меня впустили внутрь и дали все осмотреть, так как я был одет и выбрит на персидский лад и мой хозяин обходился со мной не как с рабом, а как с равным, так что я выглядел настоящим мухаммеданином. После краткого отдыха в Кельхеране прибыли мы вскоре после обеда в знаменитый город Ардебиль, где я и мой старый хозяин Хаджи Байрам остановились в прекрасном караван-сарае на улице Кумбалан (Kumbalan).

Гробница Сеида Джабраила

Прибытие в Ардебиль

Ардебиль, иначе называемый Ардевиль (Ardevil), лежит под 38° 50′ широты в местности Адарбейджан (Adirbeytzan), в круглой котловине или долине, окруженной со всех сторон высокими горами, из них западные отроги зимой и летом покрыты снегом. Но на другой стороне у гор Бакру (Bakru) в сторону Гиляна климат более мягкий. Самая высокая из этих гор называется Цебелаху (Zebelahu). От холодного ветра, который часто налетает в Ардебиле и его окрестностях, пребывание там для чужеземцев нездорово, в особенности летом, когда часто, ища прохлады, впоследствии заболевают от этого холода, даже иногда умирают. Зимой опасность не так велика, и мы в это время остались здоровыми. Хозяин рассказал мне, что он несколько лет тому назад потерял при поездке в Ардебиль трех лучших рабов, которых купил незадолго до того. Каждый день в полдень здесь подымается вихрь и кружится столько песку и пыли, что нельзя держать открытыми глаза и нос, а по истечении часа ветер стихает и мгновенно становится ясно и светло. Из-за упомянутого холода в Ардебиле не растут ни апельсины, ни лимоны, ни виноград, но встречаются яблони и груши, которые гораздо позже цветут и зреют, чем в других краях. Они начинают цвести в мае и поспевают в октябре. У подножия горы гораздо теплее, вследствие чего названные плоды созревают там гораздо быстрее и находятся в изо-

Его положение

Сильный холод

Сильные вихри в полдень

Прекрасное зерно

билии. На плодородных нивах произрастает тучная пшеница, которая весьма дешева, так что за один стейвер можно купить четыре фунта хлеба, белого, как молоко. Вокруг города и во всей местности видны прекрасные пастбища, с которых шах ежегодно получает большие деньги, ибо пастухи платят за каждую овцу, проходящую по мосту, четыре с половиной стейвера, что, благодаря неисчислимому множеству овец, составляет целое сокровище. Для этого в наше время были поставлены сборщики, но два года назад шах сдавал мост за деньги, которые взимались как налог. С течением времени он понял, что эта аренда приносит золотые россыпи, и ничего нет удивительного в том, что он оставил ее за собой, ибо каждый месяц с марта по сентябрь по мосту прогоняют более ста тысяч овец. Кроме тех откупных или луговых денег приходится столько же вносить при продаже овцы. В Ардебильскую область входят 57 деревень и местечек, расположенных на равнине неподалеку друг от друга, откуда крестьяне ежедневно приезжают в город на рынок с фруктами, маслом, яйцами, сыром и тому подобным, поэтому там все дешево и в изобилии.

Большой налог на овец

57 деревень близ Ардебиля

Описание города

Что же касается самого города, то он весьма велик, однако не сильно застроен, ибо позади каждого хорошего дома находится не только двор, но и большой сад. В Ардебиле нет ни валов, ни стен, ни каких бы то ни было укреплений. Это местечко на равнине, где протекает рукав небольшой реки Балухлу (Baluchlu), берущей начало в горах близ деревни Шамашу (Scamaschu), примерно на два часа южнее Ардебиля. Перед городом река делится на два рукава, причем один протекает по городу, а другой обходит его слева и впадает в реку Карасу. Летом река сильно мелеет, но иногда в марте или апреле, когда снег быстро тает, течет и с шумом низвергается с гор. Она так набухает, что затопила бы город, если бы ее не отвели в сторону. Дабы предупредить опасность, на это время строят огромную и тяжелую плотину с тем, чтобы отвести воду. Как-то во времена шаха Аббаса промедлили с постройкой плотины, и вода неожиданно с большой силой хлынула в город. Тогда были снесены многие дома, построенные из глины и кирпича, и погибло множество людей и скота. В Ардебиле пять больших улиц, которые называются Дерванская (Dervansche), Табер (Tabar), Ниардувер (Niardouwer), Кумбулан (Kumbulan) и Кезеркутц (Keserkutse). Все они весьма широки и обсажены рядами лип и ясеней, отбрасывающих великолепные тени

Улицы в Ардебиле

во время летнего зноя. Кроме этих пяти там еще много других маленьких улиц и переулков; из них самые известные: Бандер Хан (Bander Chan), Каманкар (Kamankar), Дегме Даглир (Degme Daglir) и улица Урзуми Магеле (Ursumi Mahele), где в караван-сарае лежат блудницы и каждая группа образует особый цех или корпорацию. Некоторые из них писательницы или поэты, складывают стихи в честь Али или святого Хуссейна, другие славят доблести шаха, а иные пляшут нагие перед ханом и т. д. Они крайне бесстыдны и даже на улице охотно позволяют себя целовать, трогать и щупать груди и то, что я не осмеливаюсь называть. Молодым парням эти деяния в честь Венеры не ставят в упрек или бесчестье и тем более они не влекут за собой наказания. Здесь много мест для гуляний, окруженных лавками с всевозможными изделиями.

Площадь посреди города

В самом начале большой рыночной площади стоит часовня, где погребен святой. Место это является убежищем для тех, кто совершил убийство или другое преступление. Жизнь их здесь в безопасности и отсюда с легкостью можно перейти в неприкосновенное место — гробницу шаха Сефи, где еще безопаснее, ибо оттуда силой не смеет взять даже король. С Майдана (Maydan) выходишь на базар или рынок. Здесь сразу бросается в глаза четырехугольный свод, прекрасное здание, которое называется кайзери (Kayserie), где торгуют сукном, тканным золотом и серебром, драгоценными камнями, коврами, шелками и другими дорогими товарами.

Базары и лавки

Из кайзери можно выйти по трем различным, большей частью крытым, сводчатым улицам, состоящим из мелочных лавок с более простыми товарами. Кое-где попадаются караван-сараи для чужеземных купцов: турок, татар, индусов и др. В Ардебиле несколько прекрасных мечетей или церквей и самая великолепная из них называется Адина (Adine). Она расположена на высоком холме посреди города, круглый купол ее, или башня, весьма высок. Эта церковь посещается только по пятницам, отсюда и ее название. В этом храме находится колодец, откуда канцлер Мухаммед Риза (Muhamet Risa)[177] велел провести воду в город по оловянным трубам, на расстоянии свыше мили, где должны совершить омовение те, которые собираются посетить святую могилу[178].

Превосходные мечети и часовни

Глава XXVIII

Паломничество Хаджи Байрама к гробнице Сеида Джабраила. Я. Я. Стрейс просит, чтобы его взяли с собой, на что получает согласие. Описание великолепной гробницы. Отличные бани в городе Ардебиле. Серные ванны. Хозяин отправляется туда вместе с Я. Я. Стрейсом. Способ употребления этих ванн. Чудесная и роскошная могила шаха Сефи. Молитва Хаджи Байрама. Молельня шаха Сефи. Золотые двери, лампады и сосуды. Библиотека. Кухня и сад. Усыпальницы персидских королей. Доходы от могил. Постоянные доходы Мазара. Ардебиль — прекрасный торговый город.

Паломничество Хаджи Байрама к гробнице Сеида Джабраила

Ноября 13-го мой хозяин Хаджи Байрам, благочестивый и набожный мусульманин, совершил паломничество к святой гробнице Сеида Джабраила в Кельхеране (Kelcheran), к чему этот добрый человек как следует приготовился накануне строгим постом и омовением своего тела. Я попросил его, чтобы он взял меня с собой, но он не хотел, говоря: «Ян, если ты станешь мусульманином, то я охотно сделаю это, но если нет, то я не смею так поступить, чтобы ты не осквернил святого места». На что я, смеясь, ответил ему, что я вымоюсь так же чистенько, как и он, и поэтому столь же мало оскверню святое место; но я стучался к глухому, и мой хозяин казался разгневанным. Рано утром, когда мы вставали, он переменил свое мнение и разрешил мне пойти с ним при условии, что я не буду говорить и прикинусь дурачком, и во всяком случае остерегусь приблизиться к могиле, что я ему честно и свято обещал. Мы отправились в путь.

Я. Я. Стрейс просит, чтобы его взяли с собой, на что получает согласие

Гробница стояла в большом саду и была построена в виде круга. Круглая башня на ней была покрыта синей и зеленой глазурью, весьма красивой на вид. Могила была приподнята, и к ней нужно было подняться по десяти ступеням. Когда мы подошли к порогу, мой хозяин прочел молитвы, после чего подал знак, что хочет войти. Тотчас явился один из хафизанов (Hafisan), или сторожей, который потребовал от него саблю и сапоги, а от меня мою тяжелую палку и запер их в маленькую кладовую. Мой хозяин сунул ему в руку деньги, после чего мы босиком вошли внутрь. Пол был устлан красивыми коврами, свод и стены были выкрашены в небесно-голубой цвет и покрыты золотом, которое ярко сверкало. Окна были из разноцветного стекла, какие часто встречаются в старых христианских церквах. По бокам, в маленьких, большей частью открытых каморках сидели многочисленные начетчики,

Описание великолепной гробницы

обучавшие молодежь пению и чтению, чтобы приготовить их к службе при святой могиле. Здесь и там стояли налои, на которых лежали различные свитки алькорана. Посередине виднелась святая могила, высотой примерно в человеческий рост и в три локтя в длину и ширину. Сделана она из золота с серебряными украшениями и покрыта бархатом. Над ней висят две золотые и множество серебряных лампад, которые горят каждую ночь и зажигаются особыми служками, называемыми чирагчикан (Tzirachtschikan). По прибытии моего хозяина покрывало на гробнице слегка приподняли и притрагивались к нему с большим благоговением, после чего хозяин с умилением прочел молитвы, склонился головой к могиле и поцеловал ее. Затем он, пятясь, удалился и получил в дверях благословение от старшего хафизана, и весьма довольный и удовлетворенный вернулся ко мне[179]. По возвращении домой это святое и богоугодное паломничество было завершено роскошным пиром, непомерным пьянством, невоздержанными танцами и блудом, из чего я вполне мог заключить, что мухаммеданское богослужение состоит лишь из внешних обрядов и церемоний.

Отличные бани в Ардебиле

В Ардебиле много превосходных бань, хозяева которых получают от них большую выгоду и прибыль. Хаджи Байрам пользовался ими ежедневно. Милях в трех от города находятся источники, сернистое дно которых так горячо от природы, что они иногда закипают; поэтому здесь устроены ванны, куда вода проходит по трубам и охлаждается. Персы пользуются ими главным образом против чесотки и других кожных болезней, а иногда также и при внутренних болезнях. Мой хозяин принимал их из-за тяжести и немощи в пояснице, что наш хаким (Hakim), или медик, в Шемахе объяснял закупоркой печени.

Серные ванны

Хозяин отправляется туда вместе с Я. Я. Стрейсом

16-го отправились мы туда, и я, так же как и хозяин, ехал верхом. Он взял с собой еще трех рабов и осла, нагруженного прекрасным полотном, кушаньями и вином. Неподалеку от источников мы почувствовали запах серы и услышали шум и журчание воды. Мы заметили дым, поднимавшийся в некоторых местах от воды, что нас весьма испугало и устрашило. Самый лучший источник называется Грандауш (Grandausch), но мой хозяин не воспользовался им, а отправился к источнику Сердебе (Serdebe), вода его равномерно теплая, ясная и прозрачная, в прежние времена над ним возвел свод визирь Джульпарахано (Tzulpharachan). Среди наших рабов был старый грек, которого господин любил и дорожил им, относясь к нему скорее как к брату, а не как

к невольнику. Он и должен был, когда патрон разделся донага, растереть его так, чтобы все тело согрелось и покраснело, после чего хозяин вошел в воду по самое горло и купался в течение продолжительного времени. Затем он вышел, дал себя обтереть и выпил глоток самого крепкого вина. Он несколько раз погружался в воду и поспешно одевался, ибо было весьма холодно. После ванны мы поехали верхом в караван-сарай у горы Себелан (Sebelan), где накануне к назначенному времени была заказана теплая постель, куда тотчас же улегся наш хозяин и пролежал всю ночь. На другой день рано утром вернулись мы в город Ардебиль, где он несколько дней отдыхал, почти не покидая постели и комнаты.

Способ употребления этих ванн

Чудесная и роскошная могила шаха Сефи

20-го отправился я с хозяином осмотреть великолепную и прекрасную гробницу шаха Сефи [180]. Набожный и благочестивый перс снова предался посту и молитвам, как перед тем, когда мы посещали гробницу Сеида Джабраила. Усыпальницы шаха Сефи и других персидских королей расположены возле площади. Сначала приходят к большим и прекрасным воротам, где висит толстая серебряная цепь в виде полудуги, которую во всю длину пересекает крестом другая; они повешены в память Мерагского хана (Merraga) [181]. Ворота эти ведут во внутренний двор, вымощенный четырехугольными камнями. По бокам всевозможные арки и своды, где находятся лавки с различным товаром. Отсюда можно пройти через большие ворота и веселый двор, где каждый может гулять в свое удовольствие, но где под страхом тяжелого наказания запрещено срывать что-нибудь. Лет пять тому назад пьяный перс срубил саблей большую ветку, за что его схватили и тут же зарубили его собственной саблей. Вверху на воротах также висит серебряная цепь, весьма тяжелая, ее пожертвовал в память своей набожности и благочестия хан из Ганджи (Keyntze). Здесь у нас отобрали оружие, и мы со двора вошли в здание. Как только мы подошли к входу, Хаджи склонился к земле и поцеловал мраморный порог, строго приказав мне не притрагиваться к нему и перешагнуть через него, сказав мне при этом на ухо, чтобы я поостерегся коснуться нечистыми ногами камня, который целовали столько святых пилигримских рыл. И то уж слишком много, что допустили и разрешили неверному осмотреть и посетить такое достойное и святое место. Я согласился и поступил так, как хотел хозяин, после чего мы вошли в длинную, вымощенную красивыми камнями залу с различными арками. На правой стороне бежала из серебряного крана прозрачная вода, проведенная по

трубам из колодца более чем за милю отсюда. В конце этого двора находится круглый зал, облицованный синими и зелеными полированными камнями, устланный драгоценными коврами, а посередине висели два тяжелых серебряных подсвечника. Вдоль стен с обеих сторон сидели священники в белых одеждах, которые время от времени громко пели и одновременно кланялись друг другу. Это место называется Чиллахане (Tzchillachane), в память 40 дней, которые, по словам персов, провел здесь шах Сефи в неустанной молитве и посте, довольствуясь в день всего одной чашей воды. Дальше мы вошли в другие ворота, где также висела серебряная цепь — дар хана Али. Помещение, куда мы пришли, было выложено пестрыми камнями. Здание — круглое, как купол, а дверь обита толстыми серебряными дощечками и тяжелыми серебряными кольцами. У входа лежал превосходный ковер, на котором мы сняли сапоги; от этого никто не освобождается, даже сам шах не хочет пользоваться преимуществом, и чтобы дать другим пример набожности и показать благочестие, снимает обувь у первых ворот. Мы прошли по галлерее, устланной коврами, в другое здание, дверь которого была обита золотыми дощечками, по повелению шаха Аббаса, обещавшего и давшего обет, когда он воевал в Хорасане с узбеками, сделать это для святой могилы в случае победы, что и исполнил [182]. Помещение было не очень велико, длина свода доходила едва до восьми клафтеров, а ширина до пяти. Внутри висело несколько золотых и серебряных лампад. По обеим сторонам сидели двенадцать священников, перед ними стояли маленькие скамеечки с книгами из пергамента, содержащими различные тексты из алькорана, по которым они по очереди читали и пели. Отсюда мы вышли в другое место, обнесенное толстой серебряной решеткой, куда надо было подняться по трем серебряным ступеням. Это было последнее место для молитвы, где наш хозяин прочел свою молитву, как казалось, с внешним и внутренним благочестием. Отсюда нужно было подняться еще выше на одну ступень к весьма толстой решетке, сделанной из чистого золота, за которой возвышалась истинная гробница шаха Сефи. Она была высечена из прекрасного мрамора, высотой примерно в три фута от земли, девять футов длины и четыре ширины и покрыта красным бархатным покрывалом. Над ней висело несколько золотых лампад, а рядом стояли два больших золотых подсвечника, куда каждую ночь вставляют и зажигают восковые свечи. Двери этой золотой решетки не отворяют ни для кого из мирян,

Молельня шаха Сефи

Золотые двери

Лампады и сосуды

какого бы они ни были сословия, даже самому шаху. Вблизи от гробницы находились могилы шаха Измаила Сефи и других царей и цариц, перед которыми висели плохие занавеси без особых украшений и великолепия.

Затем мы прошли в библиотеку — весьма большое помещение без единого столба. Книги там лежали на полках одна на другой, некоторые переплетенные в золотые и серебряные ткани. В этом зале было несколько отдельных уголков, где стояло много фарфоровых чаш, горшков и кувшинов, из них пили и ели король и иные высокие господа, когда прибывали сюда служить богу, считая, что смиренным не полагается есть на золоте, серебре или из дорогих сосудов, ибо сам шах Сефи пил и ел из деревянных. Из этого зала или библиотеки проходят через дверь, которую шах Аббас также велел обить серебром, в кухню, где все выглядит весьма нарядно и мило. Котлы замурованы, а вода проведена по свинцовым трубам и льется через серебряные краны. Повара и поварята, каждый в своем углу, делали молча свое дело, как будто выполняли его с глубоким благоговением. В той кухне готовят ежедневно более чем на тысячу людей: священников, служителей, пилигримов, бедных. Это происходит три раза в день: в первый раз в шесть часов утра, затем в десять и после полудня в три часа. Первый и второй раз за счет сокровищ шаха Сефи, откуда ежедневно отпускается пятьдесят рейхсталеров; последний раз оплачивается правящим в это время королем. Перед началом еды раздается звон двух литавр, привезенных шахом Садреддином из Медины, где их в прежние времена употреблял сам Мухаммед. Еда состоит из лучшего белого риса, мяса и отличного супа, чем каждый может наесться досыта. Из этой большой кухни выходят в красивый сад, где находятся гробницы султана Хайдера, шаха Тахмаспа и других персидских королей, и на них нет особых замечательных украшений. В этой прекрасной усыпальнице покоились тела или останки двенадцати персидских королей[183], а именно:

Библиотека

Кухня; сад

Усыпальницы персидских королей

1. Шах Сефи, сын Джабраила.
2. Шах Садреддин, сын Сефи.
3. Шах Джунейд, сын Садреддина.
4. Султан Хайдер, сын Джунейда, с которого турки живьем содрали кожу.
5. Шах Хайдер второй.
6. Шах Измаил, сын Хайдера.
7. Шах Тахмасп, сын Измаила.

8. Шах Измаил второй, сын Тахмаспа.
9. Шах Мухаммед Худабанде.
10. Шах Измаил Мирза.
11. Шах Хамза } Мирза, сыновья Худабанде.
12. Шах Аббас }

Это прекрасное сооружение начал строить по приказу шаха Садреддина архитектор, привезенный им из Медины, о котором персы говорят, что модель была внушена ему небом. По их обычаю над дверью стоят следующие стихи:

«Кто чист сердцем, пусть войдет сюда и молит бога, и грехи его наверное простятся ему».

Первая постройка была красива и великолепна, однако со временем шах Джунейд увеличил ее, прибавив двор и другие здания.

Доходы могил

Богатства и доходы гробницы Мазара весьма велики—как установленные с его основания, так и каждодневные приношения и дары, поступающие не только от персов, но также от индусов, татар и других за истолкование учения Али. Они жертвуют при всех паломничествах, в болезни, в нужде, при трудных обстоятельствах, во время дальних и опасных путешествий, однако с условием, что их моление и желание будет замечено; тогда и они соблюдают свое обещание и обеты лучше, чем другие. Также большие сокровища получает Мазар по завещаниям за упокой души умерших: не только деньги, но и волов, овец, лошадей, верблюдов, ослов и другие товары. Скот режут и раздают бедным, остальное продают и превращают в деньги. Для приема сокровищ король поставил двух людей, принесших присягу; между ними стоит круглый сундук для денег, покрытый красным бархатом. Пилигриму дают за его дары или жертвы горсть освященного аниса и свидетельство, что он посетил святой Мазар, молился и принес жертву. Эта грамота называется Зияретнаме (Sayaretname) и служит нередко тем, кто ее имеет, к сохранению жизни даже в проступках против чести и личности короля. Но жадность к деньгам доводит до того, что писец тайно доставляет такую грамоту нуждающимся, так что и в этой святости столько же обмана и хитрости, как и в других торговых делах.

Постоянные доходы Мазара

Постоянные доходы Мазара таковы: арендные деньги с 200 домов в городе Ардебиле, 9 хаман (Haman) или бань, 8 каравансараев, весь рынок, или майдан, с прилегающими к нему строениями и лавками, кайзери, или большой крытый рынок,

и сотня других лавок на базаре. Налог со всех тех, кто продает свои товары под открытым небом. Мазару принадлежат 33 деревни вблизи Ардебиля и 5 в Серабе (Serab); в городе Тавризе (Tabris)— сто домов, сто лавок и за чертой города две деревни; несколько караван-сараев и бань в городе Казвине, а также много доходов в областях Гилян, Астрарат (Astrarath), Муган и многие другие доходы в более отдаленных местностях. Отсюда можно видеть, что это несчетные сокровища, и создается уверенность, что Мазар обладает бо́льшими наличными деньгами, чем сам шах[184].

Ардебиль—прекрасный торговый город

Помимо этой великолепной королевской усыпальницы Ардебиль весьма известный и большой торговый город, переполненный прибывающими и отъезжающими купцами из Гиляна, Курдистана, Грузии и других стран. Также большой доход и выгоду получает город от паломников, прибывающих к святым местам. Не меньше приносят караваны, прибывающие и отбывающие в Исфаган. Два раза в неделю бывает базар, на который съезжается несчетное множество крестьян, для переноски тяжестей служат им вместо лошадей и верблюдов быки и коровы. Ардебиль превосходит многие города своим древним великолепием и красотой, он был в старину столицей персидских королей, и до сих пор еще в нем сохранились следы пребывания Александра Великого.

Глава XXIX

Я. Я. Стрейса принимают за перса. Отъезд из Ардебиля. Караван переваливает через Тавр. Исток реки Кызыл-Узун. Переезд по трудным и опасным горам. Большие затруднения и опасности от холода и разбойников. Прибытие в Султанию. Ее основатель. Великолепный двор. Превосходная княжеская могила Худабанде. Тяжелая решетка из стали. Храм шаха Измаила. Скверное положение города Султании. Я. Я. Стрейс стрижется на персидский лад. Его принимают за мусульманина. Езда по прекрасным лугам и нивам. Прибытие в Казвин. Его положение. Скверные дома и улицы. Двор шаха Тахмаспа. Диковинная торговля и биржа блудниц. Кладбище и мечеть. Принесение в жертву молодого верблюда, называемое Байрам Курбан.

Я. Я. Стрейса принимают за перса

В АРДЕБИЛЕ мы прожили четырнадцать дней, за это время я имел полную возможность осмотреть все, и мне был всюду открыт свободный доступ, так как меня принимали за мусульманина. Тем временем было готово все необходимое для отъезда в Исфаган и продолжения пу-

тешествия. Наш караван увеличивался с каждым днем, и к нам присоединилось много новых путешественников, пожелавших ехать вместе с нами.

Отъезд из Ардебиля

25 ноября мы тронулись в путь и в тот же день прибыли в деревню Бузум (Busum), расположенную примерно в четырех милях от Ардебиля.

26-го мы отправились дальше и ехали весь день по высокой суровой каменистой местности, по ней подымались мы с большим трудом, и многие из нас сходили с лошадей и верблюдов и следовали пешком. Дорогой нам повстречалось множество разбойников отдельными шайками; им, правда, сильно хотелось воспользоваться этой добычей, но так как мы были сильны, они не осмеливались напасть. Вечером мы прибыли усталые в деревню Сенгоа (Sengoa), где усладились и развеселились, хлебнув прекрасного вина, какое здесь можно достать, однако сильно боялись опьянеть, что у персов считается большим пороком и мерзостью. Здесь весьма красивые крестьянские девушки, которые ходят с неприкрытыми лицами, вследствие чего многие из нашего каравана, движимые сластолюбием, начали их целовать, а некоторые ночью отправились к этим венериным зверькам и каждый нашел себе по вкусу, так что нам не трудно было бодрствовать всю ночь, и для большинства день наступил слишком рано.

27-го мы расстались с деревенскими девушками из Сенгоа, снова путешествовали по высоким горам и к вечеру прибыли в приветливую долину, по которой протекала быстрая речка, называемая Кызыл-Узун. Через нее был переброшен превосходный каменный мост. Мы расположились в поле и должны были провести ночь под открытым небом, ибо в этом месте не было ни каравансарая, ни дома, ни двора или чего-нибудь подобного.

Караван переваливает через Тавр

28-го перевалили мы через Тавр (Taurus)—весьма суровые и опасные каменные горы, вследствие чего наше общество сошло с коней и было вынуждено спуститься в долину пешком, на что мы потеряли почти два часа. Долина лежит весьма низко, и это настоящее разбойничье гнездо, где скрываются грабители, воры и убийцы, которые нападают на путешественников, когда те едут с небольшим, плохо вооруженным и недостаточно осторожным отрядом. Но мы держали ухо востро, так что они не отважились на потасовку. В глубине долины — исток реки Кызыл-Узун, которая падает со скал с большим шумом и неистовством, так

Исток реки Кызыл-Узун

что слышно издали, и бежит быстро, как стрела по воздуху[185]. Эта река течет по Гиляну и впадает в Каспийское море. У деревни того же имени, что и река, находится большой каменный мост на девяти сводах, выложенный от самого основания из кирпичей. Вдоль реки растут дикий миндаль, кипарисы и другие дикорастущие деревья. На другом берегу реки дорога весьма крутая и извилистая, так что в некоторых местах приходится взбираться и карабкаться по широким ступеням с одной скалы на другую. По сторонам этой дороги сквозь расщелины и обломки скал видишь ужасные пропасти и проезжаешь здесь не без опасности для жизни. Мы сошли с лошадей и верблюдов. Тут у споткнувшегося верблюда порвались ремни, которыми была крепко привязана его ноша, и мы думали, что животное упадет вниз со своей тяжелой кладью. Но все счастливо обошлось, и только двойной ящик с драгоценными курениями и мехами рухнул в ужасную бездну и разбился. Дорога была для нас трудной и утомительной из-за острых больших камней и высот, так что мы могли только ползком продвигаться вперед. Поэтому прошло много времени, пока мы достигли ближайшей деревни Кейндже (Keyntze), куда пришли усталые и изможденные и где провели ночь.

Переезд по трудным и опасным горам

Большие затруднения и опасности от холода и разбойников

29-го мы снова отправились дальше по лучшей дороге, чем накануне, и пришли к вечеру в деревню Хортцимур (Hortzimur), где ночью мы немало страдали от холода.

30-го рано утром мы отправились в путь и ехали целый день по высохшей и дикой пустоши, где иногда из-за кустов выглядывали разбойничьи рожи, но не смели посягнуть на такую добычу. Ночь наступила для нас неожиданно, и мы были вынуждены заночевать под открытым небом, невзирая на сильный холод; к тому же нам пришлось все время быть настороже из-за разбойников, и мы совсем закоченели и застыли от холода и ходили за водой, чтобы согреться.

1 декабря мы дошли до города Сенкана (Senkan), прекрасного местечка, где можно дешево купить много отличного винограда, гранат, апельсинов, лимонов, дынь и других прекрасных плодов; хорошо также мясо и хлеб. Здесь мы согрели свои застывшие тела, хорошо отдохнули и повеселились. Что касается Сенкана, то в нем нет красивых построек, за исключением прекрасной мечети. Городок расположен на равнине, выжженной и голой от сильного солнца, так что лишь кое-где попадаются маленькие кустики. Много лет тому назад Сенкан был довольно

известным торговым городом, но разрушен и опустошен Тамерланом в самый расцвет его торговли и привольной жизни.

Прибытие в Султанию

2-го мы продолжали свой путь и быстро дошли до города Султании (Sultanie), лежащей под 36° 30′ северной широты. С обеих сторон ее возвышаются высокие горы, а направо виднеется высокая, уходящая в небо, гора Кейдар Пейамбер (Keydar Peyamber). Султания издали представляет красивое и великолепное зрелище благодаря высоким постройкам-башням и торжественным колоннам, но внутри она сильно разрушена, и городские валы ее сметены тираном Тамерланом, так что, хотя это прежде был большой и прекрасный торговый город, теперь это всего лишь незащищенное местечко. Город построен султаном Мухаммедом Худабанде, богатым и могущественным князем, который подчинил себе помимо всей Персии и узбеков также большую часть Турции и Индии. Он назвал город Султанией от почетного титула султан, бывшего в то время в ходу у древних персидских королей, как еще и сейчас называет себя великий турок султаном. Хотя этот город весьма опустошен, однако все же видны следы его древнего величия. Между прочим осталась великолепная постройка Амарат (Emarath) — дворец и двор короля Худабанде. Он был подобно крепости окружен валами из огромных четырехугольных камней и снабжен четырьмя крепкими башнями. Посредине возвышается мешаих, или гробница, основателя Худабанде. Туда проходят через трое ворот, весьма высоких, сделанных из тончайшей индусской стали, той самой стали, из которой изготовляются дамасские и ардебильские сабли; их весьма дорого ценят в Персии. Они так тонко отполированы и отточены, что в них можно смотреться, как в зеркало. Ворота, которые стоят против майдана, заперты, и персы хотели нас убедить, что их нельзя открыть никакой силой, и только тогда, когда попросишь, чтобы они открылись во имя святого Али, их может отворить даже ребенок. Здание весьма высокое, заостряется, как башня, внутри выложено белыми и синими изразцами. Наверху, где здание сужается в башню, видна стальная решетка, отгораживающая особые хоры. Там лежало много старинных арабских книг, некоторые из них величиной в пять четвертей локтя, строчки их написаны наполовину черными, наполовину золотыми буквами. За алтарем видна могила султана Мухаммеда Худабанде, окруженная решеткой из индусской стали, толщиной в руку. На ней совершенно не видно швов или отдельных частей, и персы утверждают, что она сделана

Ее основатель

Великолепный двор

Тяжелая решетка из стали

из одного куска и в Индии над ней трудились более семи лет. В Амарате стоят двадцать металлических орудий, наполовину картауны и кулеврины с ядрами из мрамора. Они стоят на четырех колесах и раньше служили для защиты. Над Амаратом возвышается восьмиугольная башня, окруженная широким ходом, где стояло восемь маленьких башен, куда весьма удобно взбираться по винтовой лестнице. Перед этим храмом находится колодец, куда проведена вода с Кейдара (Keydar). Позади виднеется отличный сад с прекрасными деревьями.

Храм шаха Измаила

Кроме этого великолепного сооружения султана Худабанде там стоит еще большой храм, построенный шахом Измаилом, куда надо подниматься по нескольким лестницам. Изнутри здание поддерживают красивые колонны и арки, и оно выложено красивыми изразцами. В церкви у самой двери стоит довольно высокая триумфальная колонна. Рядом с этим зданием находится прекрасный сад, где весьма высокие и широкие ворота между двумя столбами (или, вернее, башнями вышиной в 28 клафтеров), весьма древними и разрушенными. Примерно за полмили от города, по дороге в Хамадан (Hamadan), видны весьма высокие ворота, которые, как здесь говорят, прежде принадлежали к городу Султании, из чего можно заключить, что Султания в прежние времена была большим городом. В настоящее время население ее немногочисленно; в ней слабая торговля и малый спрос на продукты, вследствие чего путешественникам представляется удобный случай дешево купить хорошую еду и напитки [183].

Скверное положение города Султании

Мы пробыли пять дней в Султании для того, чтобы наши измученные лошади и верблюды получше отдохнули. Тем временем я остригся и оделся на персидский лад и мог все хорошо и подробно осмотреть, ибо меня принимали за перса. Мой русский спутник, по имени Феррат (Ferrath), посоветовал мне это для безопасности. И чтобы меня не могла выдать моя речь, он счел необходимым, чтобы я представился глухим, о чем он сообщал всем и растолковывал мне все происходящее. Без этой хитрости суеверные персы не дали бы мне доступа к их святыням, ибо, как я видел, некоторым знатным грузинам (которые предлагали большие деньги за то, чтобы посмотреть гробницу шаха Сефи) не без ворчанья и брани было отказано, тогда как я, не спрашиваясь и ни с чем не считаясь, ходил туда, куда хотел.

7-го мы тронулись в путь и прибыли в деревню Силлобек (Sillebek), где расположились на ночлег. В этот день у нас была

веселая и приятная дорога; по обеим сторонам плодородные нивы, сады, зеленые луга, хорошо отстроенные деревни и веселые беседки, и такое различие между трудным и тяжелым путешествием по каменистому Тавру и этой приятной дорогой было нам весьма по душе.

Езда по прекрасным землям

8-го мы продолжали путь и пришли в большую деревню Корамдег (Choramdeky), которая весьма приятна своими разнообразными садами. Кроме того по деревне протекает пресный источник, и более привлекательного места мне не попадалось за время пути. Мы остались здесь ночевать, и жители были весьма приветливы, услужливы и расположены к приезжим чужестранцам.

Прибытие в Казвин

9-го мы снова пустились в путешествие и прибыли в прекрасный город Казвин (Caswin), лежащий под 36° 15′ широты в области Ирак (Erak), в равнинной сухой и песчаной местности. На западе начинаются отроги Эльвенда (Elwend), простирающиеся до Багдада (Bagdat) или Вавилонии (Bavylonien).

Его положение

Город в окружности достигает двух миль и в прежние времена был королевской резиденцией. После того как резиденцию перенесли в Исфаган, сразу пропало величие города, и в настоящее время тут нет ни валов, ни гарнизона, ибо он расположен в глубине страны и не подвергается опасности вражеских нападений. Город весьма населен и в случае нужды может выставить целое войско. Дома большей частью выстроены на персидский лад из кирпичей, обожженных на солнце, поэтому снаружи они очень невзрачны, но внутри большей частью они расписаны изображениями листьев и цветов. Улицы не мощеные, вследствие чего при сильном ветре всегда подымается ужасная пыль, так что почти невозможно по ним ходить.

Скверные дома и улицы

В Казвине имел свое местопребывание шах Тахмасп, и сын его Измаил построил большое и великолепное здание, которое теперь еще стоит на майдане (площади). У него высокие ворота и своды, выложенные изразцами, отчасти расписанные золотом. Внутри покои разукрашены великолепной золоченой резьбой, но в последней не видно особого художества. Напротив этого дома— великолепный сад в полумили в окружности, засаженный лимонами, гранатами, яблонями, грушами, персиками, сливами и другими фруктовыми деревьями. Вокруг растут красивые кипарисы, под которыми можно ходить и прогуливаться. В городе два майдана: на большом стоит здание со сводами и лавками, где большей частью торгуют драгоценностями и другими ценными товарами.

Двор шаха Тахмаспа

Диковинная торговля и биржа блудниц

На этом рынке по вечерам производится еще другая торговля... живыми драгоценностями, которые можно получить за ничтожные деньги, ибо их очень редко покупают навсегда. После захода солнца старуха Delal, или сводница, выводит на рынок этих девок. Они выстраиваются в ряд и ждут покупателей. Старухи стоят позади них и держат в руках все принадлежности, необходимые при купле, как-то: подушку, одеяло, бумажное или ватное, и маленькую свечку. Когда кто-нибудь приходит на рынок и собирается начать торговлю, старая продувная сводня сует ему в руки свечку, чтобы купец мог осмотреть товар в лицо, и если она ему нравится, он спрашивает о цене. И если они сходятся в цене, то она следует за ним, если нет, то он подходит к другой, и так до тех пор, пока не найдет подходящую. Все происходит в такой тишине, что можно предположить, что это самая честная торговля во всем мире.

Кладбище и мечеть

На восточной стороне города находится кладбище, подле которого стоит красивая мечеть, где погребен шах Бихзад (Besade), сын Хуссейна. Персы придают большое значение клятве у этой могилы. Когда они хотят узнать у кого-нибудь подлинную правду, они говорят: «А ты можешь поклясться в этом у святой могилы?». В городе еще пятьдесят других церквей, где персы молятся ежедневно, а в самую лучшую они приходят только на четвертый день, где тогда сходится многочисленное собрание. В Казвине много прекрасных бань, которыми пользуются с утра до вечера. Там имеется также несколько караван-сараев для приезжих купцов и путешественников[187].

Принесение в жертву верблюда

9-го состоялся в городе Казвине персидский праздник пасхи, который они называют Байрам (Bairam) или Байрам Курбан (Bairam del Carban), что означает жертвоприношение Авраама. Этот праздник установлен в память патриарха, о котором мы, христиане, вместе с евреями утверждаем, что он хотел принести в жертву своего сына Исаака, но персы говорят, что это был Измаил и что вместо него в жертву был принесен не козел или баран, а верблюдица. Три дня они водят по улицам это животное, украшенное зеленью и цветами, если их можно достать, а затем закалывают его с соблюдением больших церемоний. Мулла или чтец идет за ним и читает тексты из алькорана. Когда он смолкает, выступают трубы, барабаны и дудки. Тем временем простой народ с усердием бежит за животным, чтобы заполучить его шерсть, и каждый старается вырвать на свою долю, так что верблюд стано-

вится голым раньше, чем его принесут в жертву. Эти волосы они хранят как святыню и употребляют при трудных родах. После трех дней верблюдицу выводят за город, где на поле составляется круг из благородных всадников, куда и вводят верблюдицу, после чего ее закалывает персидским копьем один из самых благородных знатных господ. Потом со всех сторон сбегается народ с топорами и ножами и каждый старается достать себе кусок мяса. Иные помогают друг другу добыть большой кусок мяса, который они увозят домой и делят между соседями. Некоторые варят и едят это мясо, а другие солят его и сохраняют в течение года как большую святыню. Неповоротливые и ленивые или слабые и немощные довольствуются внутренностями, ногами и кровью, так что на месте жертвоприношения едва видны следы крови. Всю ночь до рассвета длится их праздник в играх и неумеренном обжорстве и пьянстве [188].

Глава XXX

Отъезд из Казвина. Прибытие в Сабу. Жалкое состояние города. Красная земля от проклятия Мухаммеда. Прибытие в Кум. Его описание. Душистые дыни. Крупные огурцы. Груда или множество клинков и рукояток. Воровство жителей. Встреча Я. Я. Стрейса с греком-отступником. Отъезд из Кума. Прибытие в Кашан. Положение города. Ристалище и диск для стрельбы в цель. Жители и их пища. Прекрасные караван-сараи. Множество ткачей, изготовляющих серебряную и золотую парчу. Огромные ядовитые скорпионы, ядовитые пауки. Сила их яда и чудесное выздоровление. Прибытие в Натенс. Орел побежден соколом.

Отъезд из Казвина

В КАЗВИНЕ мы пробыли целых восемь дней, и 17-го снова пустились в путь и прибыли вечером в деревню Мембере (Membere), дома которой заканчивались круглыми сводами и издали напоминали печи для выпечки хлеба [189]. Здесь всего было в изобилии, и мы расположились на ночлег.

18-го мы были в деревне Аресенг (Areseng), где протекал прекрасный ручей с хорошей ключевой водой и в изобилии были гранаты, померанцы, лимоны и другие превосходные фрукты, некоторые свежие, другие заготовленные впрок. Мы остановились здесь на отдых.

19-го мы снова пустились в путь и шли по высокой, но ров-

ной местности на протяжении примерно семи миль и после обеда прибыли в большой караваисарай Хоскеру (Choskeru), со многими комнатами и конюшнями. Посреди огромного двора был прекрасный колодец; на его стене мы нашли много немецких, польских и русских имен, куда я приписал и свое [190].

Прибытие в Сабу

20-го мы имели весьма приятное путешествие по местности, где часто попадались деревни и отдельные хижины в поле. К вечеру мы прибыли в караваисарай, где расположились на ночь, и на другой день продолжали путь в Сабу — город, лежащий на широте 34° 56′ в открытом поле на ровном месте, имея с правой стороны гору Эльвенд (Elwend), вершина которой видна с разных мест. Саба далеко не такой большой город, как Казвин, однако обнесен валом из обожженных на солнце кирпичей. В самом

Жалкое состояние города

городе мало достопримечательного, ибо все разрушено и улицы содержатся в большой грязи. Пища, употребляемая здесь, та же, что и в деревне; торгуют плодами, которые растут в изобилии как в самом городе, так и вне его: гранатами, лимонами, померанцами, виноградом, хлопком и т. д. Здесь произрастают прекрасные хлебные злаки и ячмень, который здесь так дешев, что им кормят лошадей. Неподалеку от Сабы находится местность,

Красная земля от проклятия Мухаммеда

где почва красная и бесплодная. Персы говорят (их обычные суждения о всем необычном), что это превращение было чудесным знамением, когда Омар-Саад (Omarzaad), владевший этим краем, убил святого Хуссейна, за что Мухаммед проклял землю, оставив ее по сей день бесплодной даже для потомков [191]. В окрестностях Саба выращивают много табака, он растет там и в диком состоянии, жители извлекают из него прибыль и доход, как и из других плодов.

24-го мы выехали из Сабы и расположились вечером в караван-сарае Шах-Фарабад. Нам было удобно ехать в это время года благодаря холоду, ибо летом невыносимо как от знойного воздуха и раскаленной почвы, так и от палящего ветра в сухой и песчаной пустыне, от которой шел жар, как из раскаленной печи, о чем свидетельствует тяжкая болезнь моего хозяина после подобного путешествия.

Прибытие в Кум

25-го мы пустились в путь и прибыли в Кум (Khom). Мы остановились в караван-сарае, расположенном вблизи большого рынка. Кум весьма древний город, он и теперь еще довольно велик, но в древности он должен был простираться еще дальше, о чем свиде-

Его описание

тельствуют разрушенные стены. Он лежит под 34° 17′ северной

широты, на ровном месте, в откр ытом поле, справа проходят горы Эльвенд, откуда по направлению к городу сбегают две реки, которые сливаются неподалеку от него и протекают через город. Через реку переброшен мост для зимней и дождливой поры. Летом же это маленький ручеек, часто совсем пересыхающий.

Неподалеку от моста стоит маленькая часовня, о которой говорят, что там погребена сестра Имама Ризы (Iman Risa), одного из славных потомков Мухаммеда, вследствие чего эту женщину почитают святой и к месту относятся с большим благоговением. В городе большие и широкие улицы с прекрасными сводами и ходами, где можно найти защиту от дождя и жары. В этой местности и в самом городе растут различные превосходные плоды, как и в Саба: хлопок, табак и др. Там же растет и особый вид дынь, которые по окраске и форме напоминают померанец, и их часто смешивают и только разрезав видят, что это пятнистые дыни с таким приятным запахом, что их большей частью носят в руках, чтобы нюхать; помимо этого они довольно вкусны. Там встречается еще особый сорт кривых огурцов, длиной около трех четвертей локтя, их заготовляют в уксусе, как у нас, и они довольно приятны на вкус. Обыкновенные дыни сладки, как сахар.

Душистые дыни

В Куме гораздо больше съестных припасов, чем в Сабе, и здесь находятся во множестве мастера клинков и рукояток, которые они весьма ловко смягчают и закаливают. Изготовляются клинки, за которые платят 50 голландских гульденов и более за штуку. Сталь получается из города Нирис (Niris) за Исфаганом, где находятся лучшие рудники. Помимо кузнецов там много гончаров, изготовляющих всевозможные горшки, миски и сковороды, которые развозят и употребляют по всей стране. Народ здесь весьма приветлив и с ним можно иметь дело, если не боишься что-нибудь потерять. Приходится больше следить за их руками, чем за их словами, ибо они так искусны и ловки, что не успеешь оглянуться, как что-нибудь пропадет. У моего патрона украли две сабли, у меня табакерку, которую я сумел сохранить при всех напастях от разбойников и убийц.

Множество рукояток и клинков

Воровство жителей

Наш караван отдыхал в течение шести дней, и наши купцы закупили много посуды, клинков и большие горшки с маринованными огурцами. У меня здесь была стычка с одним греком-отступником, который меня все время ругал неверной собакой. Мне было тяжело переносить все это от отрекшегося плута, я дал ему затре-

Столкновение Я. Я. Стрейса с греком-отступником

щину, хорошенько отделал и сказал: «Продувная бестия, ты по крайней мере должен поверить и сознаться, что тебя били не собачьи лапы». Он выхватил нож и хотел плутовским образом заколоть меня, когда я бил его, сидя на нем верхом, но я предупредил такое несчастие, вырвал силой у него из рук нож и сделал ему нарезы на щеках в виде красивого креста, говоря: «Видишь, вероломный, паршивый пес, теперь ты будет носить знаки христа, хотя ты и добрый мухаммеданин». Он начал выть, а я бросился бежать, пока не спрятался и не был в безопасности, ибо если бы этот продувной крестоносец пожаловался на меня наместнику или даруге (Daruga), то мне дорого обошлись бы эти порезы. Я пока старался не показываться и дожидался отхода каравана, что произошло на другой день. Я присоединился к нему и уехал.

Отъезд из Кума

1 января мы отбыли из Кума и доехали к вечеру до каравансарая Касмабат (Kasmabath), где расположились на ночлег. Начались холода, ночью появился лед толщиной в дукат, несмотря на то, что днем стояла хорошая, легкая и приятная погода.

Прибытие в Кашан

2-го мы очутились в красивой деревне Сенсен (Sensen), в пяти милях от Кашана (Kaschan), куда мы прибыли на следующий день и остановились в великолепном королевском каравансарае, который скорее походил на дворец князя, чем на гостиницу. Мы в этот день прошли большой путь и во-время вошли в знаменитый город Кашан[192]. Город лежит под широтой 33° 51′. Он выстроен длинной полосой и простирается приблизительно на полмили с востока на запад. Он расположен в открытом поле и окружен каменной стеной и круглыми башенками по образцу старых крепостных сооружений. По эту сторону города находится большое ристалище, различные стрелы и диск для стрельбы в цель. По левую руку расположены королевские сады и летние дома; один из них весьма велик, в нем насчитывают до тысячи дверей и окон. В настоящее время Кашан самый значительный и населенный торговый город в Персии. Там отличный, превосходный базар и майдан с изрядными сводами и красивыми ходами. Здесь вырабатывается большая часть шелков и других тканей, которые имеются в Персии и продаются в другие страны. Здесь ткут много бархатных и атласных тканей, но не так искусно, как в Европе, поэтому шах часто посылал в Венецию за хорошими мастерами, но ему никогда не удавалось заполучить их.

Положение города

Ристалище и диск для стрельбы в цель

Караваисараи, которых здесь множество, превосходят по величине и великолепию большинство каравансараев других персидских городов. Наш походил скорее на королевский дворец, чем на гостиницу, и в нем насчитывалось 65 покоев. Внизу под сводами были устроены стойла, наверху комнаты и чуланы для проезжающих. В этом городе останавливается много индусских и других купцов. Здесь весьма много ткачей парчи и шелка и других ремесленников, но вместе с тем так много бездельников и нищих, как ни в одном городе. Здесь доставляют в изобилии плоды, вино и скот, и здесь можно жить на небольшие деньги. Однако кроме всего того, о чем мы писали, имеется зло, которое одинаково терзает и мучает как местных жителей, так и приезжих: чрезмерная жара и тяжкие муки от ядовитых скорпионов, совершенно черных, толщиной и длиной в палец. Их, пожалуй, можно сравнить с крабами. Из-за этих гадов жители весьма редко спят на земле, как это принято в других местах, но ложатся на четырехугольные высокие станки. Несмотря на то, что эти скорпионы весьма ядовиты, очень мало людей умирает от них, ибо к укусу тотчас же прикладывают медь, что останавливает распространение яда; на это годятся их медные монеты, называемые пуль (Pul). После этого накладывают мед и уксус на рану, чтобы она зажила.

Прекрасные каравансараи

Множество ткачей, изготовляющих серебряную и золотую парчу

Огромные ядовитые скорпионы

Помимо ядовитых скорпионов там еще водятся другие столь же ядовитые гады, весьма близкие к паукам, поэтому их часто так называют. Персы называют этого гада ангуракан (Enkurekan). Величиной он приблизительно в два пальца, коричневый с крапинками и полосками. Они водятся в каменистых местах и прячутся под листьями растения тремне (Tremne), напоминающего полынь. Они пускают яд каплями, и если он попадет на голое тело, то тотчас же проходит в кровь, к голове и сердцу. Вскоре после этого отравленный впадает в глубокий сон, и его нельзя добудиться криками или ударами, и хотя иногда кажется, что он просыпается, однако он не приходит в сознание. Самое лучшее и быстрое средство против этого состоит в том, что насекомое давят и кладут на то место, куда попал яд; если же его нельзя поймать, то прибегают к чудесному и странному средству лечения. Больного кладут на спину и вливают в него столько молока, сколько могут, пока оно не выливается обратно изо рта, затем кладут его в ящик, подвешивают на четырех веревках кверху и крутят его так долго, как только можно, после чего отпускают и

Ядовитые пауки

Сила их яда и чудесное излечение

веревки раскручиваются, отчего человека охватывает сильное головокружение, он выбрасывает все из своего желудка вместе с ядом. Остальное отделяется вместе с мочой не без больших болей, и долгое время еще чувствуются следы яда. Однако в городе нет беды от этих насекомых, разве только их нечаянно занесут туда в охапке хвороста, предназначенного для очага, или еще как-либо [193]. Удивительнее всего, что овцы гонятся за этими насекомыми, как кошки за мышами, и с жадностью пожирают их без малейшего вреда и ущерба для себя.

Мы пробыли в Кашане восемь дней.

13-го, запасшись всем необходимым, мы снова двинулись в путь. К вечеру мы дошли до каравансарая Ходжа Касим (Chotza Cassim), обсаженного высокими кипарисами и другими деревьями, которые всегда зелены и в зимнюю и в летнюю пору. Здесь мы расположились на ночлег; в этой гостинице оказались прекрасные комнаты, все с красивыми сводами и росписью. Здесь моего хозяина охватил такой приступ удушья, что он боялся задохнуться. Ему терли ладонями подмышками и подошвы, и он стал попрежнему здоровым без всяких других средств и лекарств.

Прибытие в Натенс

14-го мы поспешили выехать и в тот день ехали по пустынной и высохшей местности, после чего увидели веселый городок Натенс (Natens), где остановились в одном каравансарае. Близ Натенса весьма плодородная земля, и там много виноградников, доставляющих превосходное вино. По правую сторону от города Натенса стоит на высокой горе башня, сложенная из четырехугольных камней по приказу шаха в память сокола, который сражался в воздухе с орлом и победил его [194]. Ночью наступили морозы, которые все усиливались, и пошел такой сильный снег, что мы были вынуждены задержаться на три дня в Натенсе. Это время мы позабавились и повеселились, щедро тратили взятые съестные припасы, ибо теперь перед нашими глазами вставала обетованная земля — столица Исфаган.

Орел побежден соколом

17-го мы отправились дальше через горы и в обед отдыхали в каравансарае, называемом Домби (Dombi). К вечеру дошли до деревни Рук (Ruk), откуда вследствие снежного бурана не могли пойти дальше и пробыли там два дня, но не горевали, ибо везде пользовались случаем повеселиться.

Глава XXXI

Прибытие в Исфаган. Посещение господина Бента. Хорошее положение голландского двора. История Антона Мюнстера. Твердость и смерть. Состояние и расположение голландского подворья (лоджии). Расположение города Исфагана. Его величина. Реки и ручейки, протекающие по нему. Огромное сооружение, начатое во время шаха Аббаса. Улицы Исфагана. Майдан и базар. Красивые арки и галлереи. Королевская забава: стрельба по яблокам. Великолепная мечеть шаха Аббаса. Даулетхане, или королевский двор. Диванхане, или судебная палата. Женские покои. Божьи ворота. Караван-сараи, или гостиницы. Персидские святые или философы. Предсказатели, их странные и смешные проделки. Кайзери, или дом мелочных товаров.

Прибытие в Исфаган

ЯНВАРЯ 19-го мы прибыли наконец в персидскую столицу Исфаган, куда я так давно стремился. Как только я туда приехал, меня потянуло к соотечественникам, и я, выразив своему доброму хозяину Хаджи Байраму сердечную благодарность за все оказанные благодеяния, простился с ним, попросив в качестве дружеской услуги, чтобы кто-нибудь проводил меня в голландский дом, что он весьма охотно исполнил и послал нескольких слуг. Они проводили меня, а также Людовика Фабрициуса и Христиана Бранда в дом, где в то время были представители благородной Ост-индской компании: благородный господин Фредрик Бент (Fredrik Bent) из Энкгейзена, старший купец, господин Кассенброот (Kasenbroot) с Рейна, младший купец, и Гейберт Балде (Huybert Balde) из Амстердама, ассистент. У ворот мы встретили мавра, прекрасно говорившего по-немецки, мы попросили его доложить о нашем прибытии. Он охотно это исполнил, после чего нас впустили, помянутые господа приветливо приняли нас и предложили остановиться у них, что нам пришлось кстати. Для нас вскоре освободили прекрасную комнату, увешанную коврами, где мы устроились на ночь. Ввиду холода нам вскоре дали дров, кушанья и напитки для утоления голода и жажды. Последнее во все время нашего пребывания мы получали прямо с их стола. Они проявляли нам большое расположение и всячески развлекали нас, чтобы заставить забыть перенесенные горести и несчастья, и с жадностью слушали все приключившиеся с нами чудесные случаи. Я рассказал между прочим, что, когда мы были в Шемахе, к нам пришло письмо без подписи, и мы считали, что это письмо должно быть от Антона Мюнстера, которого хо-

Посещение господина Бента

История Антона Мюнстера

зяин отвел в Исфаган. Здесь я услышал, что это действительно так и было. По прибытии в Исфаган его хозяин, который желал оставить его у себя, весьма настаивал на том, чтобы он отрекся от своей веры и стал мусульманином с обещанием, что он будет считать его своим сыном и, если он пожелает, даже отдаст ему в жены одну из своих дочерей вместе с большими богатствами и сотней других посулов. Но так как верный Антон ничего не хотел слышать об этом и не уступал просьбам хозяина, тот начал его мучить и устрашать различными пытками и позором, так что бедняга из-за невыносимых страданий совсем обезумел и пришел в бешенство, прибежав в таком состоянии, с перекошенным лицом в голландское подворье, где его приветливо принял и утешил господин Фредрик Бент, который и испросил ему свободу у персидского короля. Но он недолго прожил и умер через шесть дней в том же жалком состоянии. Его торжественно похоронили в Исфагане, за телом его следовали господин Фредрик Бент и много других христиан, и погибший удостоился большой славы за свою твердость в вере. Это был видный, крепкий телом и душой юноша, хорошо сложенный, весьма понятливый, богобоязненный, был всеми любим за свое искусство и поведение, почему на него возлагали большие надежды. Но смерть таким образом преждевременно унесла его на 26-м году жизни; да будет милостив бог к его душе!

Состояние и расположение голландского дома

Голландский дом, или подворье,— весьма видное здание, неподалеку от королевского двора с прекрасными покоями для жилья. В нем красивые комнаты, и все, что в них находится и к ним принадлежит, лучше и богаче, нежели в персидских домах. В нем драгоценная утварь. При доме прекрасный сад, где посажены хорошие фруктовые деревья и множество красивых цветов. Посреди сада веселый фонтан, из которого вода течет весьма искусно. Наши соотечественники ведут здесь богатую жизнь, отличаются большой роскошью в одежде и в обращении, чтобы показать и поддержать величие Нидерландов и достоинство благородной Ост-индской компании. Они одеваются на персидский лад, точно так же как их слуги и прислужницы, большей частью турки и мавры. И так как я должен был отправиться в Гомбрун (Gamron), они купили и мне новую персидскую одежду. Между тем мне так много приходилось рассказывать свои чудесные и замечательные истории желающим, что у меня оставалось мало времени.

Расположение города Исфагана

Что касается города Исфагана, или Испагани, то он лежит под 32° 26′ северной широты в краю Ирак, называвшемся в древности Парфия (Parthia)[195]. Город расположен в открытом поле или, вернее, долине, откуда видны горы на расстоянии нескольких миль: на юге и юго-западе Демавенд (Demawend), на северо-востоке, в направлении Мазендерана (Masenderan), Шейлак и Перьян (Seylack, Perjan). Он больше всех других городов, какие я видел в Персии, и со своими пригородами имеет в окружности более 16 часов. Вокруг него земляные валы, которые насыпаны так плохо, что ширина их наверху не более шести футов. Рвы весьма узки и запущены, так что их летом и зимой можно пройти, не замочив ноги.

Его величина

Реки и ручьи, протекающие по нему

С южной и юго-западной стороны город обтекает огромная река Зендеруд, берущая свое начало в горах Демавенд. Она делится на множество ручьев и мелких рукавов, откуда проводят в дома по трубам воду для питья и кухни, хотя в садах и дворах больших господ много вырытых колодцев. Один из рукавов этой реки протекает через зверинец, или парк, а другой по подземному каналу проведен в королевский сад Чарбаг (Tzarbag). Неподалеку отсюда переброшен через реку красивый каменный мост. Видна еще и другая река, или, вернее, водопровод, начатый в прежние времена при шахе Аббасе, но не законченный. Она называется Абкурен и начинается на той стороне гор Демавенд. Эту реку шах Аббас хотел провести в Зендеруд, чтобы получить более чистую воду. У него ежедневно работало тысячи человек, и каждый получал семь стейверов поденной платы. Над этим сооружением из-за больших холодов и частого снега работали не более трех месяцев, так что оно не продвигалось вперед. Когда ханы и большие господа заметили, что шах питает особое пристрастие к этому делу, то каждый взял на себя отстроить кусок на свои собственные средства, чтобы тем лучше угодить ему. Работа и затраты были весьма велики, ибо они в конце концов должны были пробивать твердые мраморные скалы, и они прошли таким образом сто локтей. Затем пришла смерть шаха Аббаса, и дело заглохло, ибо его наследники не имели к нему почти никакой охоты.

Огромное сооружение, начатое во время шаха Аббаса

Улицы Исфагана

Улицы Исфагана весьма узки, а в прежние времена, напротив, были весьма широки. Эта перемена произошла тогда, когда шах Аббас перенес трон и резиденцию из Казвина в Исфаган, при этом хлынуло такое множество народа, что настроили посере-

дине улиц целые ряды домов, и таким образом из одной улицы стало две.

Майдан и базар

Из-за множества народа часто приходится у майдана и базара, где происходит большое скопление, подолгу стоять и ждать, прежде чем можно будет пройти, особенно когда идут погонщики ослов со своим обозом. Напротив, майдан или большая торговая площадь (то же самое, что в Амстердаме биржа) весьма велика, длина ее 700 шагов и ширина 250. На западной стороне, где помещается королевский двор и дворец, находятся красивые арки и своды, где большей частью живут золотых дел мастера и ювелиры; для них посажены некоторые деревья наподобие пальм, чтобы давать тень во время жары. На восточной стороне — большая галлерея с особыми арками, под которыми на открытом месте работают разные ремесленники. Напротив расположена беседка, сплетенная из ветвей, откуда при въездах и выездах короля раздаются звуки литавр, тромбонов и свирелей. Почти каждый вечер слышишь игру музыкантов перед домами важных господ.

Красивые арки и галлереи

Королевская забава: стрельба по яблокам

Посередине майдана, неподалеку от ворот королевского дворца стоит высокая мачта, на которую иногда ставят дыню или яблоко, а подчас и серебряную тарелку с деньгами, по ним стреляют шах и ханы, и происходят большие состязания. 23 января я увидел прекрасную игру, которую король затеял для увеселения и развлечения узбекских татар, когда вышел сам шах вместе с высшим дворянством. Он сидел на прекрасной арабской лошади, до такой степени украшенной алмазами и рубинами, что глаза с трудом выдерживали такой большой блеск. Другие также были великолепно, по-княжески разодеты. Узбекские послы, к которым незадолго до того прислали нескольких персов, были также разодеты и без своих шапок меньше всего походили на татар. На мачте стоял золотой кубок, он принадлежал тому, кто его сшибет, и кроме того было обещано княжеское достоинство. Шах дал предпочтение узбекам, чтобы оказать милость и благоволение тому из них, кто собьет стрелою кубок. Но ни одному из них не посчастливилось, хотя они и стреляли больше часу. Это было не так легко, ибо стрелки должны мчаться вскачь и не смели стрелять, пока не оказывались с правой стороны мачты, прицел сбоку был весьма неверен, и они большей частью при повороте падали с лошади под хохот окружающих. Узбеки, увидев это, отказались от игры и прямо заявили шаху, что с них хватит, и они согласны, чтобы персы полу-

чили то, чего не могли заслужить их люди. Тогда начали стрелять персы (которые чаще видели эту игру и были опытнее), и третьему посчастливилось сшибить кубок, после чего он тотчас же принес его, ликуя и радуясь, королю, который весьма приветливо и с почетом принял его и тут же на месте сделал его князем, после чего он был поставлен в один ряд с ханами. Это был сын бедняка из Гиляна по имени Дауд Али. Шах велел ему передать через даулета (Douwlet), или старшего казначея, богатый подарок золотыми монетами, чтобы он мог войти в княжеское достоинство.

Великолепная мечеть шаха Аббаса

В южной части майдана стоит великолепнейшая и богатая мечеть, которую начал строить шах Аббас, а закончил его двоюродный брат Сефи. Последний посвятил ее двенадцати имамам, или святым, которые погребены близ Куфы в одной гробнице, с именем Мехди (Mehedi), отчего церковь называется мечеть Мехди. Туда идешь от майдана по отлично вымощенной четырехугольными мраморными плитами площади. Там стоит большой четырехугольный выдолбленный камень с водой; в нем купаются те, кто отправляется в мечеть; отсюда поднимаешься по двум ступеням на широкую площадку и еще на одну в церковь. Эти ступени и ворота, которые так же высоки, как в мечети Худабанде в Султании, высечены из прекрасного мрамора. Двери обиты толстыми серебряными пластинками, кое-где позолоченными. Из дверей выходишь на широкую, с высокими сводами галлерею, которая ведет вокруг большого двора. Пройдя ворота, попадаешь на широкие, с высокими сводами хоры, устланные мягким войлоком, где люди падают ниц и молятся. По обеим сторонам хор можно пройти через высокие галлереи на другой двор, где находится большой восьмиугольный колодец для омовения. Вверху над этой большой галлереей находятся несколько меньших с красивыми мраморными колоннами, которые местами украшены прекрасной позолоченной резьбой. Отсюда проходят в главную церковь; вход в нее через арку или свод необычайной высоты, выложенный небесноголубыми изразцами, отделанный и расписанный золотом. Сам по себе храм весьма велик и покоится на тяжелых мраморных колоннах. По правую сторону этой церкви можно пройти через великолепные ворота в красивый дворик, который по своей отделке и ценности самый великолепный во всем Амарате. Там находятся кафедра и алтарь. Мрамор, употребленный на это, весьма красив и бел, его доставили сюда с большим трудом и затратами с гор Эльванда [196].

Королевский двор, называемый Даулетхане, или шах-хане, также прекрасное здание. Перед воротами лежат несколько коротких и невзрачных металлических орудий на скверных и негодных к употреблению подставках. Он не обнесен особыми валами, за которыми можно было бы защититься, а только плохой стеной, скорее для украшения, нежели для защиты. Днем ворота охраняют не больше четырех человек, но ночью—пятнадцать телохранителей, а перед королевской спальней стоит верная бдительная стража из тридцати молодых людей, большей частью детей ханов. Кишикчи (Kischiktzchi), или начальник охраны, должен каждый вечер передавать королю поименный список тех, кто будет его охранять этой ночью. Во дворе несколько строений; из них первое Табхане (Tabchane), или зал, где король вместе со своими ханами празднует науруз, или новый год; другое — Диванхане (Diwanchane), или судебная палата. В этом дворе принимают иностранных послов, ибо он построен так, чтобы оттуда были видны прекрасные лошади шаха и всякое иное великолепие. Третье — это Харамхане (Haramchane), или женские покои, где король веселится со своими наложницами, и они пляшут для него, и у каждой свои отдельные комнаты и помещения. Четвертое называется Декке (Dekay) — жилое помещение, или покой, где король каждый день проводит время, когда он не занят государственными делами, и где он обедает со своими законными женами. Кроме тех четырех выстроены еще другие красивые покои для забав. За дворцом красивый сад, где стоит часовня. Этот сад — священное убежище, называемое Алликапи (Allycapi), или божьи ворота, где жизнь преступника не подвергается опасности до тех пор, пока он там находится, и на него не смеет посягнуть ни суд, ни даже сам шах. Подобное место, или убежище, называемое Чихиль Сутун (Tzechil Sutun), находится на другой стороне площади, названо так из-за сорока балок, которые все покоятся на одной колонне в середине мечети и поддерживают крышу. В эту церковь, двор при ней и рядом стоящие дома скрылись персы, когда Тамерлан завоевал город, который вслед за тем снова восстал против него. Он взял город силой, пощадил всех тех, кто был в мечети, и велел перебить остальных до самых малых.

Даулетхане, или королевский двор

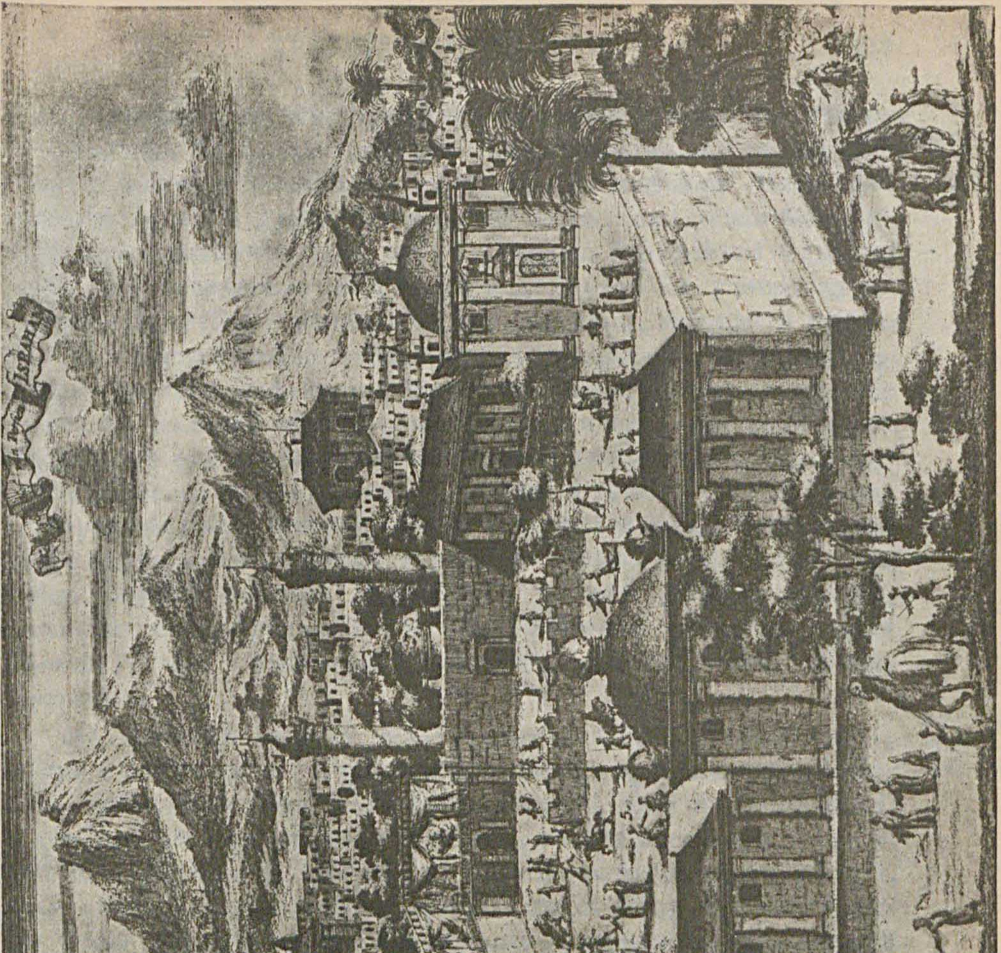
Диванхане, или судебная палата

Женские покои

Божьи ворота

Против северной части майдана находятся гостиницы и трактиры. В одной, называемой Чайхатайхане (Tzoychattaychane), подают чай, однако приготовленный совсем по-иному, чем в Индии или Европе, к нему примешивают такое множество других

Караван-сараи, или гостиницы

ISPAHAN

благоухающих и дорогих трав, что от запаха и вкуса чая ничего не остается. Во время чаепития они обычно играют предпочтительнее всего в шахматы. Они называют кофейни Кахвехане (Cahwaechane) и курят там крепкий табак; они такие большие любители табака, что часто курят в церкви. В кофейнях и других домах они пропускают дым через воду [197]; но на улицах курят деревянные трубки с каменными мундштуками, каковые и теперь еще часто встречаются в Нидерландах и других местностях Европы. Они пьют кофейную воду весьма теплой и говорят, что она ослабляет желание обладать женщиной, а если ее пить очень крепкой, то оно исчезает вовсе. Поэтому все жены охотнее допускают слабость мужей к вину, хотя они и грешат против закона алькорана больше, нежели против природы и брака. В трактирах много цирульников, которые с утра до вечера заняты тем, что бреют персам головы, и каждый, у кого хватает средств, приносит собственную бритву из опасения заболеть кеши (Keschy), или испанской болячкой, которой они весьма страшатся.

Персидские святые, или философы

На площади каждый день бродят большие толпы народа, купцы и бездельники, среди них попадаются духовные лица и монахи, которые выдают себя за философов. Они не пьют вина, ведут строгий образ жизни и женятся, только достигнув преклонных лет. Их одежда состоит из плохого и выцветшего халата, иные ходят полунагие, прикрывшись одной лишь шкурой, в руках у них широкие топоры с длинными топорищами. Они садятся на определенное место на майдане, для начала созывают странными криками и необычными жестами огромную толпу народа, потом приступают к проповеди на свой лад, весело плетя небылицы о великих деяниях и святости Али, клянут и чернят турецких святых Омара, Османа и Абубекра. Особенно поносят они веру узбекских татар. Так как последних живет много в Исфагане и они скоро бы укротили проповедников, то шах разрешил этим святым обезьянам носить оружие для защиты против тех, кто нанесет им обиду. Кроме того он велел построить для них дом за мечетью Мехди, где он снабжает их кушаньями и напитками. Кто из этих абдалл (так их называют) лучше всего рассказывает свои сказочки или побасенки и с большим рвением преподносит их народу, тот получает больше всего денег, ибо после того, как он некоторое время заливает и лжет, у него от этих трудов образуется груда пуль и других мелких монет.

Предсказатели, их странные и смешные проделки

На западной стороне близ Даулетхане можно встретить предсказателей. Они бывают двух родов: раммали (Rəmal) и фальгиры (Falkir). Первые предсказывают бросанием шести или восьми костей. Хитрость и обман других, а именно фальгиров, гораздо удачнее. Перед ним лежат от 30 до 40 тонких плоских тарелочек длиной и шириной с добрый большой палец, на обратной стороне их что-то написано. На одну из тарелочек кладет свои деньги тот, кому нужно что-нибудь узнать, и задает вопросы. Предсказатель первым делом прячет деньги, подобно тому как у нас цыгане прячут крейцеры. Затем он достает большую продолговатую книгу, страницы которой изукрашены изображениями ангелов, чертей, драконов и тысячами других дурачеств. Эту книгу перелистывает с ворчанием и бормотанием, пока наконец не остановится на одном из тех прекрасных изображений, и отвечает письменно на вопросы о счастье, несчастье или других делах и предсказывает, что должно произойти[198].

Кайзери, или дом мелочных товаров

С северной части майдана выходишь на базар, где находится превосходный кайзери, или торговый дом, в котором можно достать всевозможные товары. Этот рынок состоит из многих улиц, большей частью крытых, так что в летнюю жару там можно ходить с удобством и безопасно. Там встречаются различные купцы, помимо персидских, как-то: индусы, разные татары, турки, армяне, грузины, голландцы, англичане, французы, итальянцы и др. Расплачиваются золотом и весьма редко отдают товары под векселя.

Серебряная монета, называемая абас, равняется приблизительно десяти стейверам голландских денег, половину называют шахом Аббасом или Худабанде[199]. У купцов редко встречается золото, но много медных монет, которые они называют пуль; на один абас приходится сорок пуль. Европейцам удобнее всего покупать или расплачиваться рейхсталерами или монетами в одну восьмую рейхсталера; их нельзя получить обратно от персов, ибо менялы ищут их для монетного двора или Зарраб-хане (Serab Chane), где их оценивают в большую сумму денег[200]. Медные монеты ежегодно меняются, что приносит большую выгоду.

Глава XXXII

Табрик-Кале—государственная сокровищница. Пригороды Исфагана: Джульфа, Тавризабад, Хассанабад, Гебрабад. Гебры — древние персидские язычники. Чарбаг. Обычаи персов. Собирание льда. Празднование дня трех волхвов армянскими христианами.

ПО ПРИЧИНЕ обилия чужеземцев в Исфагане много караван-сараев, или гостиниц, иные даже в три этажа, с красивыми комнатами и помещениями, где каждый находит удобства по своему положению и привычкам. Караван-сараи по большей части четырехугольные и окружены стенами.

Табрик-Кале — государственная сокровищница

В Исфагане много красивых зданий, из которых самое лучшее и укрепленное Табрик-Кале — замок, в котором сохраняются государственные сокровища. Он расположен между королевским дворцом и мечетью Мехди, обнесен высокими земляными валами, круглыми легкими башнями, снабжен хорошими металлическими орудиями и несколькими солдатами. Этот замок одновременно служит магазином, или арсеналом оружия, где множество всякого военного снаряжения. Там же находятся два прекрасных монастыря августинского и кармелитского орденов.

Все вышеописанные здания и многие другие находятся в пределах Исфагана, но кроме того у него прекрасные пригороды, которые у персов называются рабат (Rhabath), и самый лучший из них Джульфа — местожительство армянских христиан, по большей части превосходных купцов, поселенных там шахом Аббасом. Здесь они пользуются полной свободой и имеют своего даругу (Daruga), или управителя, обязанного ежегодно вносить шаху 200 туманов дани, которую он собирает, перекладывая на простонародье. Здесь можно встретить такие же великолепные дома и постройки, как и в самом городе. На одном берегу реки Зендеруд находится другой пригород, Тавризабад (Tabrisabath), или Аббасабат (Abasabath), ибо шах Аббас поселил в нем народ из Тавриза. Третий пригород — Хассанабад (Hassenabath), где живут грузинские христиане, называемые джурджи (Tzurtzi). Среди них попадаются отличные купцы, как и среди армян. Король их любит и ценит как за спокойный и послушный образ жизни, так и за тяжелую дань и большие доходы от их торговли, вследствие чего им также позволено жить в городе при мечети Мехди в определенном месте, называемом Шейх-Шабанэ

Пригороды Исфагана

(Schich Scabane), но они охотнее живут в пригородах, ибо любят находиться неподалеку друг от друга.

Гебры—древние персидские язычники

Четвертый пригород называется Гебрабад (Kebrabath) по своим жителям гебрам, особого рода персидским язычникам, которые еще не перешли в мусульманство и потому остались необрезанными. Они одеваются совсем иначе, чем персы, и не бреются, носят длинные волосы и бороду, о которой весьма заботятся, чтобы она была опрятной и красивой. Среди них видишь иногда молодых людей, которых издали принимаешь за старых дедов. Их одежда состоит из открытых подштанников, поверх которых надевается ничем не подпоясанное верхнее платье, наглухо закрытое, лишь с разрезами у шеи и плеч. Женщины ходят с непокрытыми лицами, одеты почти так же, не считая зеленого шелкового шарфа на голове. Он весьма длинный и широкий, так что иногда доходит до земли. Их язык и письмо (точно так же, как и одежда) разнятся от персидских, но они так же говорят, как и в Исфагане. Они почитают солнце и огонь и часто приносят им жертвы. Они приписывают также и звездам некоторую божественность, хотя и не в такой степени, и плохо различают их друг от друга. Они считают лягушек, жаб, пауков, змей и других гадов нечистыми, и тот, кто дотронулся до них или имел с ними дело, должен в течение нескольких дней пройти очищение и быть отделенным от других. Они не погребают мертвых и не сжигают их, но поступают с ними следующим образом. Когда кто-нибудь умирает, то берут тщательно обмытое тело, обряженное в лучшие одежды, украшенное золотом и драгоценностями, и относят на особое кладбище, окруженное четырехугольными стенами, где его устанавливают во весь рост, подперев деревянными вилами. Если вороны и другие хищные птицы выклюют ему сначала правый глаз, то они считают, что душа покойного улетела на небо; но если сперва склюют левый глаз, то они полагают, что душа осуждена. Здесь встречаются два рода могил: первые для блаженных, чьи тела предают земле тихо и с почестями; другие же для отверженных, чьи тела бросаются как попало, так что конечности часто торчат сверху, смотря по тому как их бросили.

Далее, за городом видны всевозможные беседки и сады, принадлежащие королю и другим важным господам. Лучший сад расположен к югу, неподалеку от большого моста, и называется

Чарбаг

Чарбаг (Tzarbag). Этот сад устроен четырехугольником и занимает добрых полчаса в окружности. Из реки Зендеруд идут раз-

личные водопроводы, в некоторых местах устроены фонтаны, откуда вода бьет в вышину до 18 локтей. В каждом из четырех углов сада стоит великолепная беседка, и в саду посажены различные плодовые деревья, ибо персы большие любители садов. Также внутри города весьма мало домов, при которых не имелось бы сада, а некоторые даже по два, что отчасти является причиной больших размеров города [201].

Обычаи персов

Что касается образа жизни персов, то его легко представить из вышесказанного. Они в общем необыкновенно приветливы и веселы, весьма склонны к искусству и наукам.

Почва в окрестностях Исфагана достаточно плодородна, но благодаря большому притоку людей все здесь дорого, особенно топливо, так что дрова и уголь продаются на фунты. Зимой часто стоят холода, как и было во время нашего там пребывания, когда перед рассветом стояли сильные заморозки. В то время, бродя за городом, я приметил, каким образом персы собирают зимой лед, употребляемый ими летом для охлаждения. Они насыпают четырехугольный вал глинистой земли высотой около десяти клафтеров, кроме северной стороны, которая гораздо ниже, и как бы высоко ни стояло солнце, лучи его туда не проникают. Помимо того они выкапывают землю вглубь более чем на пятьдесят футов. Затем они выкапывают несколько ям вблизи, куда напускают прозрачной воды, и, после того как она превратится в лед, вынимают лед и относят в означенный погреб или пещеру и продолжают так до тех пор, пока им не покажется достаточным, после чего покрывают погреб соломой. Лед обычно употребляется летом всеми уважаемыми людьми не только для охлаждения вина и воды; тонкие пластинки льда кладут на фрукты, подаваемые к столу. Это прибыльный товар, который не только разносят по домам, но и продают на улицах.

Собирание льда

Празднование дня трех волхвов армянскими христианами

16 февраля в Исфагане двигалась большая толпа народа с самого раннего утра по случаю дня трех волхвов, праздновавшегося армянскими и грузинскими христианами. Я также встал, чтобы внимательно наблюдать за всем: прежде всего я увидал на улицах Есаулкора (Iesaulkor), или главного маршала, со своими подчиненными, чтобы предупреждать беспорядки и очистить улицы и мосты Джульфы и Чарбага от лошадей, верблюдов или иных вьючных животных. Это было сделано не только, для того чтобы угодить христианам, но главным образом ради одной из любимейших жен шаха, грузинки, которой очень хотелось самой присут-

ствовать на этом торжестве, в чем ей шах не мог отказать, ибо она была на последнем месяце беременности. Утром в восемь часов все христианские девушки вышли на помосты или балконы перед домами, завешенные коврами, роскошно и изящно украшенные, чем кто мог. Простые женщины сидели по обеим берегам реки Зендеруд, охраняемые младшим маршалом и его подчиненными, чтобы не допустить ни одного мужчину приблизиться к ним. Час спустя собрались священники и все духовенство десяти христианских церквей Джульфы и двух церквей Исфагана. Все они были одеты в белое, в шапках и повязках золототканного сукна, но одежда патриарха превзошла своим великолепием все прочие, будучи искусно украшена золотом и драгоценными камнями. Все священники несли серебряные кресты, перекладины которых были увешаны металлическими звоночками и маленькими чашечками. Кресты были весьма тяжелые. Их несли иногда трое, иногда четверо мужчин. Младшее духовенство и самые набожные благочестивые и лучшие жители Джульфы и Чарбага следовали за ними с восковыми свечами. К патриарху примкнуло старшее монашество Исфагана. Вскоре после полудня появился шах верхом на лошади, без свиты, в сопровождении одного только Етемад Даулета, или государственного канцлера, и старшего маршала; остальные следовали за процессией. Бегум (Begum), или королева, давно уже отправилась на носилках в один из знатнейших домов как простая девушка в сопровождении одной служанки, старшего евнуха и четырех его подначальных, ибо король считает этих христиан своими лучшими подданными и вполне доверяет им без малейшего подозрения. Между тем пошел сильный снег, что весьма расстроило шествие. После того как король повелел выдать большую сумму патриарху и прочему духовенству, он снова вернулся к себе, но армяне и грузины плясали и пели до поздней ночи.

Тем временем составился караван и все было готово к отъезду в Гомбрун. Благородный господин Фредрик Бент приложил все усилия к тому, чтобы достать несколько лошадей и верблюдов для перевозки наших вещей и клади вместе с необходимыми припасами. Его благородие велел закупить для нас большой запас соленого и копченого мяса и сала и добрую партию капусты, квашенной с солью и перцем (которая сначала прессуется, потом раскладывается в горшки и весьма долго сохраняется), и я был назначен кафил-абасси (Caffil Abassie), или надсмотрщиком при этих запасах. Я почтительно поблагодарил господ за все их расположе-

ние, честь и великие благодеяния, которые они мне оказали не только во время моего пребывания в Исфагане, но и при моем отъезде, за что я им буду вечно обязан. В то время так подмерзло, что образовался лед толщиной более трех футов, мороз, какого не было, как говорили жители, ни в Исфагане, ни в окрестных местностях, что способствовало немалому вздорожанию топлива, тем более что дров вообще было мало, а вследствие тех холодов они стали еще дороже и доставались с большим трудом, так что это были тяжелые времена для простого народа.

Глава XXXIII

Большое участие и добрые дела Хаджи Байрама. Отъезд из Исфагана. Трудное путешествие по снегу. Я. Я. Стрейса обкрадывают. Пресные воды, богатые рыбой. Трудное путешествие. На караван нападают разбойники. Суеверный ужас перед салом. Гробница матери шаха Сулеймана. Гробница Ноя, его жены, детей и внуков. Прекрасные развалины Персеполиса и великолепного замка. Изображение Рустама.

Большое участие и добрые дела Хаджи Байрама.

НАКОНЕЦ 17 февраля было долгожданным днем моего освобождения, потому я не преминул приветствовать своего старого хозяина Хаджи Байрама и довести это до его сведения, что я и сделал, застав его дома. После принятого у персов приветствия я поблагодарил его сердечно за верную дружбу и незаслуженную милость, но он перебил меня и велел замолчать, сказав: «Я еще не отдал тебе обещанной награды, ибо я дал слово тебе в Шемахе, что отпущу тебя безвозмездно, если ты поедешь со мной в Исфаган, и тут я узнаю, что ты сам должен был заплатить деньги, за которые куплен; поэтому я хочу сдержать слово, дабы ты мог получить свободу без выкупа». Сказав это, он открыл свой ящик с деньгами, вынул сто талеров и протянул их мне со словами: «Смотри-ка, Ян, я дарю тебе это, ибо ты спас мне жизнь, когда я тонул в Каспийском море, ступай и спаси себя сам». Я был весьма изумлен благодеянием и щедростью мусульманина и поблагодарил, как только мог, сказав по-персидски: «Мой господин, да сохранит вас бог». На что он ответил: «Благодарю тебя, Ян, благодарю тебя», и крикнул мне вслед: «Ян, Ян, да будет бог твоим хранителем!». Это было последним прощанием. Наш Христиан Бранд и Людовик Фабрициус

Отъезд из Исфагана

уже выехали несколько раньше, чтобы отправиться через Россию, я же поехал с караваном благородной Ост-индской компании из персидской столицы и у нас было несколько верблюдов и мулов, которые везли наши припасы и поклажу до Гомбруна. Мы в тот день прошли восемь миль и в десять часов ночи пришли в деревню Маяр (Majar), где и остановились. В нашем обществе было несколько старых персов, которые веровали так, как во времена Мухаммеда. Это сердечные и спокойные люди, приветливые в обхождении и свято соблюдающие свое слово. Живут они в пригороде Исфагана, о чем мы уже упоминали.

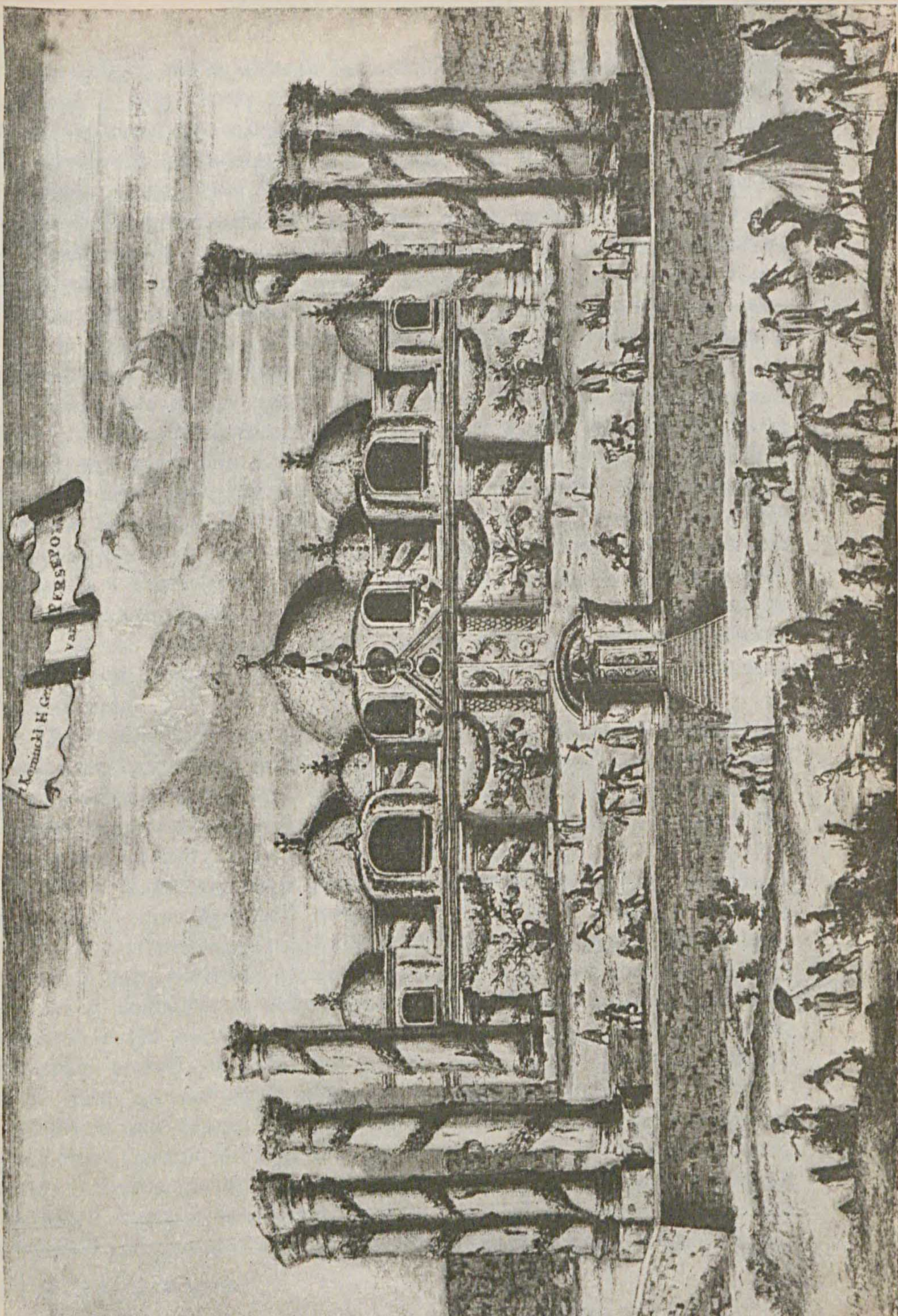
Трудное путешествие по снегу

18-го стояли большие холода и шел такой сильный снег, что мы с трудом держались на лошадях. На дороге, по которой должны были итти наши вьючные животные, лежал снег от четырех до пяти футов вышиной, а помимо того она была узкой и неудобной, отчего наши лошади и верблюды, сбиваясь с дороги или поскользнувшись, проваливались с головой в снег, и мы были вынуждены разгружать их от поклажи, так как не было другого средства поставить их на ноги. Это случалось часто, нам приходилось задерживаться, и наше путешествие затянулось. Так, мучаясь, мы снова вступили в горы, которыми ехали до небольшой деревушки, где нам пришлось задержаться всем караваном на три дня из-за бурной снежной погоды.

22-го мы снова тронулись в путь, ехали все время по горам и трудным непроложенным дорогам, вследствие чего мы прошли не более шести миль и вечером пришли к караван-сараю, где встретились с другим караваном из Гомбруна, везшим всевозможные драгоценные индусские товары на продажу в Персию.

Я. Я. Стрейса обкрадывают

23-го мы пустились в дальнейший путь и по дороге разбили несколько ящиков, которые везли наши лошади и верблюды. Ящики пострадали главным образом вследствие падений и тряски на скверной дороге. Я как кафил-абасси, или надсмотрщик, взялся за дело и отправился в ближайшую деревню за плотником или столяром. Тем временем караван оставался в прекрасном караван-сарае. После долгих толков и расспросов я наконец нашел плотника и, придя вместе с ним, узнал от своих, что украден мой дорожный мешок с деньгами. Это ввергало меня в большую нужду, ибо при мне было не более двадцати пяти гульденов. Я хорошо знал, что воровство совершил один из нашего каравана, о чем мне тайно сообщили и другие. Я назвал по имени одного из них, который был у меня на подозрении, и открыто заявил, что он украл мои деньги;

но он отрицал это и поднял большой крик по поводу того, что я его обвинял в воровстве; не удовлетворясь этим, он позвал своих соучастников и они наградили меня побоями и синяками. Это были два его брата, уроженцы той деревни, куда я пошел. Тот, кто сам все видел, сказал мне, что первый и есть настоящий вор, но после уже не хотел ввязываться в это дело, боясь за свою шкуру, так что я, ограбленный, терпеливо должен был дожидаться того времени, когда можно будет отплатить за побои и вырезать счет за украденные деньги на шкуре висельника. В тот день мы прошли семь миль и остановились на ночь в деревне Есегас (Iesegas), которая в древности называлась Юргистан (Iurgistan).

24-го мы снова отправились в путь и нам повстречалась почта, направляющаяся из Гомбруна в Исфаган. Через них я узнал, что господин директор фан-дер-Дэссен (van der Dussen), который меня выкупил и прислал деньги для моего освобождения, уехал в Батавию. Это известие не было особенно приятным для меня, ибо я вследствие этого должен был на четыре месяца дольше пробыть в Гомбруне, — до тех пор, пока не прибудут туда другие суда из Батавии, и был вынужден перенести самую ужасную жару. В тот день проехали мы шесть миль и прибыли к вечеру в красивый, вновь отстроенный караван-сарай, где расположились на ночлег.

24-го проехали мы через деревню Сурина (Surina). В полдень пошел сильный снег, но по счастью мы добрались к вечеру до хорошего караван-сарая, чему весьма обрадовались, ибо нам было бы весьма тяжело и невесело провести ночь под открытым небом в такой холод. В этот день мы проехали 7 миль.

25-го была хорошая погода, и мы к вечеру дошли до караван-сарая, где провели ночь, пройдя за этот день столько же миль, как и в предыдущий. В этой местности много прудов или пресных вод, которые не только служат для питья людям и скоту, но и содержат в себе хорошую еду, именно прекрасных карпов: 40 штук мы поймали на удочки. По сторонам видны лужи, богатые рыбой, и тех, кто любит рыбу, ждет большая удача, если они не слишком ленивы и неповоротливы.

Пресные воды, богатые рыбой

26-го мы ехали по высокой гористой местности, где дорога не только трудна, но и до того завалена снегом, что наши лошади, мулы и верблюды то и дело спотыкались, часто падали, и ящики большей частью оказались разбитыми. До самого полудня шел сильный снег, и чем дальше, тем становилось хуже, но мы стара-

Трудное путешествие

лись справиться с этим, насколько было возможно, и с большим трудом и мучениями добрались к вечеру до деревни Гуфты (Gufty), где провели ночь. В тот день мы прошли пять миль и были вынуждены остаться здесь и дождаться лучшей погоды, ибо всю ночь и на следующий день шел сильный снег. В обед прибыл караван из Шираза, но так как мы раньше заняли место, то они должны были отправиться в другой караван-сарай.

На караван нападают разбойники

27-го сияло солнце, поэтому мы рано собрались в путь, но, как только мы немного прошли вперед, на нас неожиданно напали разбойники, засевшие в кустах, обложили наш караван со всех сторон и брали все, что им нравилось. Народ скрылся в ближайших кустах, а меня оставили одного с верблюдами. Один из разбойников сунул свою хищную лапу в ящик с копченым салом и, обнаружив, что там было, принялся меня ругать за то, что я не предупредил его. Эти гости питают большое отвращение к одному виду сала, а тем более при прикосновении к нему, а набожность этого учтивого гостя была оскорблена и он сам осквернен, за что они меня так сильно избили, что оставили лежать замертво и продолжали свой путь. Наши, увидав, что они ушли, пошли ко мне и помогли взобраться на лошадь. Мы снова двинулись в путь и, отмерив восемь миль по равнине, прибыли к вечеру в прекрасный караван-сарай, походивший более на княжеский дворец, нежели на гостиницу.

Гробница матери шаха Сулеймана

28-го мы продолжали путь и оказались к вечеру в местечке Месджид (Mestzid), где нашли для ночлега превосходный караван-сарай. Там прекрасное здание, украшенное резьбой и изразцами, в нем стоит великолепная гробница матери шаха Сулеймана, высеченная из белого мрамора. Женщины совершают сюда паломничество, бьются головами о гробницу, трижды целуют ее и уходят, читая молитву. Мы пробыли здесь целых три дня, так что наш караван мог хорошо отдохнуть. Это прекрасная плодородная местность, и здесь все можно достать за небольшие деньги, особенно финики и гранаты, которых здесь много и они считаются самыми лучшими в Персии.

В последний день месяца мы тронулись в путь и, пройдя пять миль, дошли к вечеру до деревни Сива (Siwa), где отдохнули. На другой день, пройдя семь миль, мы дошли до деревни Мардаш (Mardasch), где переждали два дня. Первого марта я поехал с некоторыми спутниками по стране, чтобы осмотреть ее. Когда мы отъехали примерно две мили к востоку от деревни, то увидали перед собой

большую и красивую гробницу святого, нам повстречались несколько пилигримов, совершавших там свою молитву. Эта гробница была храмом или часовней, сложенной на возвышенном месте из чистейшего мрамора и покоящейся на десяти тяжелых и высоких колоннах. По лестнице поднимаешься к большим, превосходно высеченным воротам, все из драгоценного мрамора. Ни один христианин не смеет ступить на это место потому, что он осквернит его; но так как сторожа приняли меня по платью и прическе за мусульманина (т. е. за правоверного мухаммеданина), то меня впустили внутрь, и я осмотрел все, насколько это было возможно. Но мне не дали взглянуть на внутренний погреб или склеп, где находилась сама гробница. Там висело несколько золотых зажженных лампад, и мертвецы, по словам сторожей, якобы лежали в золотых гробах. В этой могиле будто бы до сих пор сохраняются останки праотца Ноя, троих его сыновей — Сима, Хама и Яфета, вместе с пятью сыновьями Сима — Ассуром, Арфахадом, Лудом, Арамом и Эламом, которым построен город Персеполис, ранее называвшийся Эламусом (Elamus). Об этом сообщил мне старый перс, который здесь вырос и родился, сказав, что у него дома хранится весьма древнее и достоверное описание. И теперь еще показывают пилигримам несколько бедер в золотых сосудах, по преданию принадлежащих Ною и Эламу.

Гробница Ноя, его жены, детей и внуков

От этого храма поехали мы к развалинам княжеского замка, называемого в настоящее время Шильминар (Schilminar, Tzilminar) или по-другому (Cehilminar), что означает по-персидски сорок столбов, или колонн, хотя число их весьма уменьшилось как по небрежности персов, так и от того, что они употребляли драгоценный камень на постройку домов. К тому же турки небольшие любители древнего великолепия, так что они скорее испортят и опустошат, нежели поддержат их. Колонны, как можно судить по тем, которые еще не разрушены, были более тридцати восьми футов вышины; их основание охватывало десять футов, кверху они были уже и тоньше. Я насчитал вполне сохранившихся до самого верха, или макушки, восемнадцать. Этот дом называется также Дариусом (Darius), так как Дарий сам в нем жил. Древние греческие и латинские историки называют его строителем Кира, но персы приписывают это шаху Джемшиду (Jamscha). Как бы там ни было, но достоверно лишь одно: он должен был быть весьма могущественным князем, если приказал построить такое изумительное сооружение, которое весьма удовлетворило и пора-

Прекрасные развалины великолепного замка Персеполиса

довало меня, и я не стал бы раскаиваться, если бы только из-за одного этого проехал тысячу верст. Этот дворец, как видно по разрушенным стенам, стоял посередине равнины, окруженной холмами, о чем свидетельствуют до сего дня развалины и обломки, тянущиеся до подножия горы Кухи-рахмет, т. е. горы милосердия.

На западе находится большая мраморная лестница с двумя подъемами: один к югу, другой к северу. Каждая лестница в тридцать футов длины, семнадцать ступеней высечены из одного куска мрамора, который поистине должен был быть весьма большим, ибо каждая ступенька отстоит от другой на полфута. Поднявшись вверх на 32 или 33 ступени, выходят на большую четырехугольную площадку для отдыха, обнесенную стеной и вымощенную плитами из весьма твердого и блестящего, как зеркало, мрамора, с высеченными по обеим сторонам и спереди всевозможными зверьми: львами, слонами, лошадьми и др. Отсюда выходят на большую площадку в девяносто шагов длины и ширины, где стоят восемь ворот, четыре из них в шесть, другие в три локтя шириной.

Описание дворца

Над воротами и по сторонам от них видны различные изображения и фигуры, так тонко и искусно изваянные во всех мелочах, что я с полным правом могу назвать их единственно прекрасным и бесценным чудом зодчества из всего виденного мною во всех странах, где я был. В стену был вделан гладкий, как стекло, камень, в котором отражался человек, кроме того на нем было написано несколько строк тайными письменами, которых до нашего времени никто не мог прочесть, и буквы этой надписи, большей частью широкие снизу, заостряются кверху. Там также много изображений великанов, быков, гриффов, тигров, олимпийских игр и битв. Видны изображения музыкальных инструментов, венков и различного оружия в поднятых руках. Местами изображены всадники, из них некоторые вооружены луком и стрелами, другие копьями, щитами, саблями и палицами. Их одежда весьма необычна, у них круглые, ровные и остроконечные шапочки. Над самыми большими воротами среди прочих изображений видно изображение короля в длинной одежде и с длинными курчавыми волосами. Его платье с широкими рукавами и большими складками спадает до самой земли, напоминает теперешнюю одежду жителей Ирака, у него весьма длинная борода, повязка на голове подобна той, которую носили римские императоры в прежние времена; в левой руке он держал земной шар, в правой—скипетр. Жители говорили, что это

должно изображать царя Соломона; но так как он держал в руке земной шар, то я скорее поверю, что это Александр Великий, который считал, что покорил весь мир, и в этом месте, как говорит история, были его первый дворец и резиденция. Рядом с этим изображением видны различные другие, но это лица, судя по их виду и одежде, меньшего достоинства; у них короткое платье с весьма узкими рукавами и узкие штаны, они очень походят на крестьян из окрестностей Дербента. Некоторые из них несли незнакомые кушанья, другие вели лошадей и коров, иные же приготовляли коров и овец к жертвенному закланию, о чем можно было судить по различным употребляемым при этом орудиям, которые несли в руках другие. В этом большом помещении было еще много других фигур, значения которых я не мог понять. Отсюда можно было снова пройти по большой и широкой лестнице в другое весьма обширное помещение, где находилось большое изображение (насколько можно было судить по короне или лучше по увенчанной шапочке) короля, молящегося перед огнем, солнцем и змием. Все это было высечено на каменной стене. Жители называют эту картину Джемшид (Jamschet или Jemscha) по имени того, кого персы считают строителем. Большинство изображений было позолочено, что видно еще и по сию пору. Там в хорошей пропорции искусно изображены некоторые битвы, высеченные на стене из черного мрамора. Когда это здание стояло во всем своем великолепии, оно с полным правом считалось самым замечательным чудом зодчества во всем мире, ибо, судя по развалинам и тому, что мы находим в древней истории, этот замок был окружен тройной стеной. Первая была укреплена больверками и башнями высотой в шестнадцать локтей, очень искусно выстроенными, о чем свидетельствуют развалины; другая была столь же великолепна и вдвое выше, а третья высотой в шестьдесят локтей. На каждой стороне были большие ворота и много башен, все сложено из твердого и прочного камня. К тому же крепость была окружена тяжелой и толстой изгородью и рвами для устрашения врагов. Невозможно представить себе или узнать, каких сокровищ стоило это великолепное здание, и весьма прискорбно, что такое прекрасное сооружение так легкомысленно было сожжено и разрушено, хотя его построили так, что оно могло поспорить с вечностью. По свидетельству древних историков, это произошло однажды на пиру, когда запьяневшего Александра Великого уговорила великая и прославленная блудница Таис такими словами:

он-де окажет величайшую дружбу грекам и нанесет худшее оскорбление и горе персам, уничтожив этот город, так долго наводивший ужас на всю Грецию. Тогда Александр поджег княжеский замок, ему последовали гости и блудницы, вследствие чего это неоценимое, драгоценное и прочное здание в одно мгновение было охвачено пламенем. Заметив это, солдаты сбежались со всех сторон, чтобы потушить пожар, но, когда они увидели, что сам царь подкладывает огонь, они отступили и принесли еще больше дров, и этот замок, всегда свободный и непреодолимый для оружия, был уничтожен и опустошен опьянением и советом блудницы.

Изображение Рустама

На расстоянии примерно двух миль от Шильминара видны еще некоторые уцелевшие изображения и среди них одно, о котором жители говорят, что это Рустам (Rustan), прославившийся при жизни смелый герой, отчего многие персидские воины называют себя этим именем. Это изображение Рустама, как и многие другие, было непомерно велико. Рустам был вооружен палицей и другим очень древним оружием. Персы рассказали мне о нем столько побасенок и сказок, что я считаю излишним приводить их здесь и задерживать читателя.

Глава XXXIV

Дальнейшее путешествие. Прибытие в Шираз. Встреча с кармелитами. Строптивость спутников по каравану. Я. Я. Стрейс находит вора. Расплата. Участие и добрые дела, оказанные французским хирургом Я. Я. Стрейсу. Описание города Шираза. Различные мечети. Прекрасное вино в городе и окрестностях. Отличные сады. Отъезд из Шираза. Особенные благодеяния кармелитских монахов и французского хирурга. Изобилие фиников и их дешевизна. Особый способ рассаживать финиковые пальмы. Прибытие в Шарим. Ночью на них нападают тридцать разбойников. Они убивают пять человек и отступают. Стойкая защита каравана. Разбойники молят о пощаде, в чем им отказывают. Они позволяют себя связать. Их ужасно наказывают и убивают. Обилие куропаток.

Дальнейшее путешествие

После того как караван хорошо отдохнул и насладился приятными кушаньями и напитками, мы снова двинулись в путь и к вечеру пришли в деревню Аликон (Alikon), где все было в изобилии, что нас весьма обрадовало, и мы купили ячменя для корма нашим лошадям. Мы провели половину ночи в весельи, другую отдыхали и, уехав на другой день,

прибыли восьмого марта в город Шираз, где я велел отвезти на склад имущество благородной нидерландской Ост-индской компании. Я узнал, как только прибыл в город, что там живут кармелитские монахи, которые много помогают проезжим христианам, и что один из них хочет поехать в Гомбрун. Тогда я справился об их монастыре и заговорил с двумя отцами: один был неаполитанец по имени Феличелло, другой поляк из Варшавы по имени Ядислав. Они приветливо встретили меня и щедро угощали вином и едой не только в день моего приезда, но и в последующие шестнадцать дней. Эти добрые и щедрые люди отвели мне прекрасную комнату для жилья.

Прибытие в Шираз

Тем временем мои спутники по каравану проявили себя негодными и строптивыми, заявив со скверными и пустыми отговорками, что они ни шагу не ступят дальше. Они получили в Исфагане половину условленного вознаграждения, а мы далеко еще не прошли половины пути. Как бы там ни было, считали ли они, что мне нечем с ними расплатиться, так как меня обокрали, или что их ждет по приезде в Гомбрун наказание за кражу, но они бросили меня с моими вещами, и я должен был раздобыть других людей, свежих лошадей и верблюдов, что мне стоило бы большого труда, если бы не помощь помянутых священнослужителей: по их ходатайству я снова получил других лошадей и верблюдов.

Строптивость спутников по каравану

На третий день после моего приезда в Шираз, когда я бродил за городом, чтобы немного осмотреться, я увидел вора, который украл мои деньги в деревне Явегар (Iafegars) и к тому же вместе со своим братом порядком поколотил меня. Он стоял голый в воде, мылся и чистился. Тут я привел в исполнение месть, которой так долго дожидался, и хорошим мясным ножом из дамасской стали вырезал ему красивый крест на щеках и несколько раз полоснул по его воровской шкуре, так что сдержал свое слово и вписал счет поглубже в его мясо, но не удовлетворился этим, а изрезал его платье на такие мелкие клочья, что он вернулся в город изукрашенный и в чем мать родила. Кроме того я погрозил написать о его плутнях в Исфаган, пожаловаться на него шаху, что хотел тотчас привести в исполнение у хана Шираза и объявить, что он меня не только обокрал, но и здорово поколотил и оставил замертво на дороге. Но оказалось, что этот бездельник со своим братом от страха удрали, ибо с тех пор я их больше не видел и ничего о них не слышал [202].

Я. Я. Стрейс находит вора

Расплата

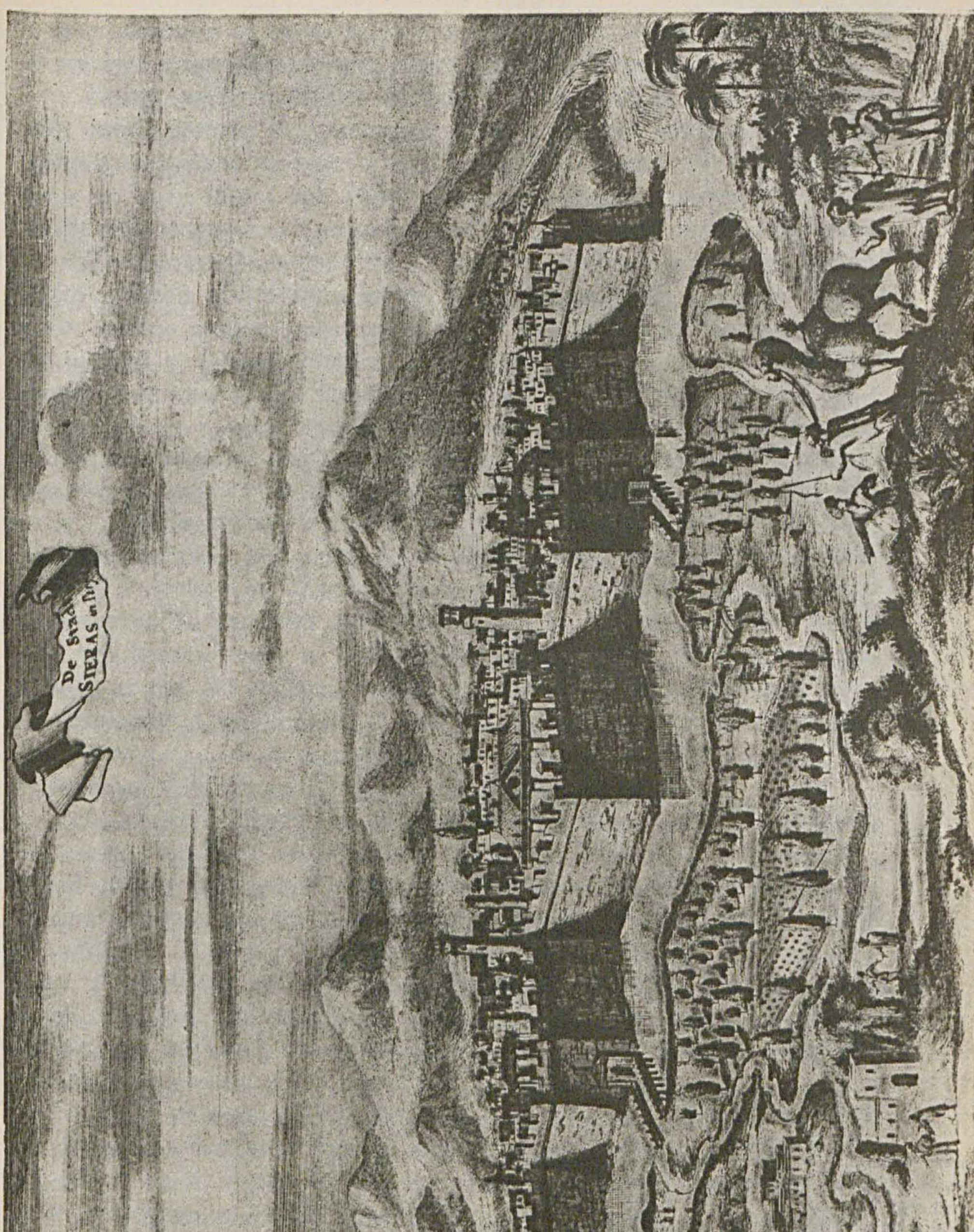
Участие и добрые дела, оказанные французским хирургом Я. Я. Стрейсу

Помимо благодеяний упомянутых священнослужителей мне было оказано в городе Ширазе большое участие французским хирургом, которого называли по-персидски Hakim Robijn, или доктор Робейн; я не слышал, чтобы его называли по имени. Этот человек встретил меня очень хорошо, оставил обедать и послал за свой счет из Шираза письмо моей жене. Я узнал, что всемогущий бог всюду имеет своих людей и везде встречаются благодетели и хорошие люди (о чем я часто уже рассказывал), благодаря чему я всегда избавлялся от крайней нужды и опасности.

Описание города Шираза

Что касается города Шираза, то он лежит в долине, или равнине, со всех сторон окружен горами, которые только со стороны Исфагана образуют проход, через который перекинута арка, или свод, расписанный всевозможными зверями, а кое-где персидскими, арабскими и турецкими стихами. Когда едешь через те большие ворота, то попадаешь на длинную, широкую и прямую дорогу, по обеим сторонам которой находятся сады и беседки. Они так приятны и занимательны, что трудно представить себе что-нибудь лучшее. В конце дороги пруд, или стоячая вода, которая отведена в ров и окружена стеной на случай разлива при таянии снега. Немного в стороне видны мечеть и молитвенный дом кармелитов. Отсюда идешь прямо до городских ворот, но прежде надо перейти тяжелый каменный мост, перекинутый через городской ров, зимой полный воды, а летом чаще всего пересохший. Майдан расположен за городским валом. Вокруг Шираза много развалин, обвалившихся стен, сохранившихся ворот, сводов и колонн. Отсюда легко предположить, что этот город в прежние времена был больше, чем теперь, но и сейчас еще он довольно велик и населен. Он окружен валом, сложенным из различных мраморных плит. Улицы узкие, кривые и беспорядочные, а также весьма грязные, ибо они не мощены. Хотя встречается много мечетей, но они незначительны и плохи. Самую лучшую они называют Садур (Sadur), в ней якобы погребены потомки Мухаммеда. Она построена весьма складно, с красивыми сводами и колоннами внутри. Посреди находятся хоры, хорошо освещенные окном круглой башни. Другой храм из самых лучших — это мечеть Ага Риза (Aga Riza), богатого индусского купца, который построил ее как гробницу для себя на свои средства. В городе вообще немного достопримечательного кроме дворца князя, окруженного четырехугольной стеной и украшенного прекрасными галлереями. Там есть также большой красивый базар с расположенными вокруг него превосход-

Различные мечети

De Stad
SIERAS

ными лавками со сводами, а также школой, где наряду с чтением и письмом преподают различные другие хорошие науки.

Прекрасное вино в Ширазе и его окрестностях

Земля вокруг города Шираза весьма плодородна, особенно под виноградниками, дающими также отличное вино, которое считается не только самым лучшим и превосходным во всей Персии, но и во всем мире; оно гораздо крепче, слаще и приятнее канарского шампанского. При дворе в Исфагане пьют ширазское вино.

По причине хорошего сбыта его с трудом можно достать в городе, и кувшин стоит один талер. Слуги голландцев и англичан скупают много вина и рассылают его в другие места. Виноградники находятся у самого города, и со многих мест городского вала можно попасть в них камнем. В Ширазе чувствуешь себя, как в земном раю; в садах много плодов, которые, не говоря уже об их изобилии, гораздо слаще, приятнее и лучше, чем где-либо в Персии. Здесь растут померанцы, лимоны, гранаты, миндаль, финики, яблоки, груши и почти все фрукты, какие я когда-либо знавал или видал. Из земли дико растут различные благоуханные травы, и воздух от них, когда проходишь полями, весьма нежен и приятен. За городом живет много вавилонских женщин, которые удалились сюда и поселились здесь, после того как турки заняли город. За городом также находится отличный божий дом, называемый Али Капин (Aly Kapin), куда бедняки каждый день приходят за горячей пищей, приготовляемой за счет короля, и в этом доме больше еды, чем в лучших караван-сараях.

Отличные сады

Отъезд из Шираза

С восьмого марта до первого апреля монастырь кармелитов бесплатно снабжал меня едой, питьем, комнатой и постелью, после чего я простился с добрыми отцами с сердечной благодарностью, ибо не мог им дать ничего больше, и отправился со своей компанией. К вечеру мы прибыли к караван-сараю, где заночевали. Неподалеку от этого пристанища был пруд, до того переполненный рыбой, что казалось рыбы пытались вытеснить друг друга из воды, и так как у наших были с собой удочки, то они за короткий срок наловили так много, что я был крайне удивлен.

Особенные благодеяния кармелитских монахов и французского хирурга

На другой день погода была весьма бурная и плохая, так что мы должны были остаться на том же месте, куда с наступлением вечера к моей большой радости прибыли мои добрые друзья: отец Феличелло и Хаким Робейн, ехавшие в Гомбрун, где им нужно было устроить кое-какие дела. Помимо приятного общества на меня обратилось их прежнее милосердие, ибо они мне предлагали совершенно бесплатно еду и питье, что мне весьма пригодилось

в моей большой бедности, и хотя я сначала отказывался, но потом все-таки принял, весьма обязанный и с большой благодарностью. Теперь у меня каждый день был хороший стол и к тому же добрый глоток ширазского вина, которого у них был целый ящик в запасе. Хирург взял с собой троих служителей для услуг и охраны. В тот день мы проехали шесть миль.

3 апреля снова тронулись мы в путь и дошли к вечеру до деревни Добба (Dobba), где расположились всем караваном. Дома этой деревни походили скорее на полевые палатки солдат, чем на дома, ибо они были сооружены только из тростника и ветвей и обложены землей. Люди, как и дома, жалкие и бедные, отчего мы не могли многим поживиться. В тот день мы прошли пять миль.

4-го мы спешно выбрались из этого гнезда и поехали по гористой местности через различные деревни, где всегда видели много финиковых пальм, и сто фунтов их плодов можно было купить за один голландский гульден. Несмотря на ничтожную цену, они белы и хороши на вкус, так что мне нигде в другом месте такие не попадались. Финиковые пальмы размножаются почти так же, как люди, и это происходит весьма странным образом; деревья бывают самцами и самками, их всегда должно сажать попарно. Каждый год необходимо отложить побег с кроны самца и пересадить на самку, а если того не сделать, то самка принесет не только безобразные, но и горькие плоды; но достаточно пересадить в нее маленькую веточку, как фрукты становятся больше и слаще. Но если самец и самка растут недостаточно близко, то они заметно наклоняются друг к другу, что я часто видел и наблюдал. Жители рассказывали нам много различных других историй о финиковых пальмах, сообщить их я считаю излишним. Проделав семь миль, мы прибыли к вечеру в большой караван-сарай, куда завернули, чтобы остановиться на ночлег.

Изобилие фиников и их дешевизна

Особый способ рассаживать финиковые пальмы

5-го мы снова отправились в путь и прибыли к вечеру в караван-сарай, пропутешествовав весь день по пустынной и высохшей местности. По дороге мы видели много диких горных коз, и у наших явилось большое желание поохотиться на них, но эта дичь слишком быстронога, и охотники вернулись усталые и с пустыми руками. Здесь мы собирали дрова, чтобы согреться холодной ночью. В этот день мы проехали пять миль.

Прибытие в Шарим

6-го мы выехали верхом и прибыли после обеда в маленький город, или местечко, названное Шарим (Scharim), без валов и стен, посреди зарослей финиковых пальм. Жители этого города

по большей части торгуют ситцами, и среди них много ткачей. Там хороший базар, или рынок, где встречаются различные купцы с индийскими и персидскими товарами, не считая большого стечения крестьян из окрестных деревень — дважды в неделю. Здесь мы пробыли целых три дня и хорошо отдохнули.

10-го мы выехали из города Шарим в хорошую и приятную погоду и ехали весь день по равнине, иногда проезжали мимо зарослей финиковых пальм, господских дворов и садов, и за все время нашего путешествия не было более приятной дороги.

В том месте повстречался нам большой караван с множеством людей, верблюдов, мулов и лошадей, нагруженных всевозможными индийскими товарами. Они шли из Гомбруна и держали путь на Ширван и Шемаху (дорога, по которой прошли мы). Среди них я встретил перса, бывшего моим соседом в Шемахе и жившего рядом с хозяином Хаджи Байрамом; я поздоровался с ним и попросил его передать в Исфагане письмо моему бывшему хозяину. Я написал по-турецки, благодаря за все оказанное мне добро и любезное вознаграждение и попросил его взять на себя труд отправить при первой возможности в Смирну написанное мною письмо для моей жены. Вечером мы перешли из равнины в гористую местность, где нашли прекрасный караван-сарай, в котором мы расположились на ночлег.

Ночью на них нападают тридцать разбойников

В тот день мы прошли шесть миль. Ночью, когда мы рассчитывали спокойно спать, нас разбудил сильный шум и крики о помощи, ибо тридцать разбойников явились в караван-сарай, предполагая напасть на спящих. Мы конечно видели, что эти люди все время шли за нашим караваном, но никак не думали, что это такие негодяи. Однако мы были настороже, зорко следили за ними и держали наготове оружие. Свое намерение они привели в исполнение после полуночи, потихоньку встали и внезапно напали на одну комнату, где свалили пятерых наших. Нас было еще тридцать пять мужчин, и все мы, как один человек, стали дружно и храбро защищаться и так, что не только отразили их нападение, но и показали им свои зубы. Они сильно сопротивлялись и не давали себя запугать и наверное одолели бы нас, если бы мы не сражались так храбро, что наконец заставили разбойников дрогнуть. Они отступили и скрылись в маленькую комнату караван-сарая и закрыли за собой двери. Это не только придало нам большую бодрость, но дало значительные преимущества, а им приготовило большую опасность и погибель, ибо мы хорошо знали,

Убивают пять человек

Стойкая защита каравана

что комната, где они скрылись, была узкой, и они, защищаясь, непременно будут мешать друг другу. Поэтому мы притащили большую кучу камней и заложили их так, чтобы им невозможно было выйти. После этого мы все сразу выстрелили из пистолетов и ружей в дверь, отчего в короткое время их число стало убывать, некоторые были убиты, другие ранены. Им ничего больше не оставалось, как запросить пощады, мы же принудили их выйти и положиться на нашу милость и немилость. Таким образом эти разбойники и убийцы попались в наши руки, и мы выпускали их по одному. Некоторые из нас держали взведенный курок, чтобы не дать им пикнуть и сразить насмерть при малейшей попытке защищаться. Эти свирепые волки дали себя подобно овцам поймать и прикрутить руки за спину, а раненые остались валяться на траве. Тем временем начало светать, мы снарядились в путь с нашей добычей, состоящей из двадцати семи хищников, и повели их с собой до рощи финиковых пальм. Мы просверлили дырки у них в пятках между костью и сухожилием, подобно тому как поступают мясники со свиньями или другими животными, когда их подвешивают; через дырки мы продели хорошую веревку и повесили нашу добычу в голом виде головами вниз. Затем мы отрезали им руки, ноги, уши и срам, последнее мы засунули в их безбожные морды, остальное прибили поверх их к деревьям и оставили их так висеть. Это верно, что хотя несчастье и свалилось на нас неожиданно, прежде чем мы успели притти в себя, и мы не упражнялись, однако вы видите, что могут сделать храбрые люди, когда они все вместе и каждый в отдельности борются за свою жизнь и добро. Наказание вполне отвечало преступлению, хотя мы и не ждали осуждения за него в Исфагане или от уголовного суда, ибо разбойники хорошо знают, что они вольные птицы, никогда не ждут милости и поступают точно так же с путешественниками без всякой пощады или сожаления, как и мы поступили с ними. После того как мы выдержали эту жестокую бурю и совершили уголовный суд, мы оставили убийц красоваться на деревьях и пошли своей дорогой. Наше путешествие было весьма тягостно, ибо мы должны были ехать по горам: то подыматься, то спускаться, и вечером пришли изможденные и усталые в караван-сарай. В этой местности много куропаток; наш патер Феличелло, отличный стрелок, убил нескольких, мы их приготовили к ужину и съели со стаканом ширазского вина. В тот день мы проехали пять миль.

Разбойники молят о пощаде

Они позволяют себя связать

Их ужасно наказывают и убивают

Обилие куропаток

Глава XXXV

Трудный путь по горам. Хорошее угощение в каравансарае. Посещение нестриженого персидского святого. Прибытие в Лар. Описание города. Нездоровые воздух и вода в Ларе. Драгоценный бальзам. Странные памятники наказанным разбойникам. Снова нападают разбойники, из которых семеро гибнут. Встреча в пути с господином Казенбротом. Прибытие в Гомбрун.

ДВЕНАДЦАТОГО нам пришлось совершить путешествие по весьма высоким и опасным горам, где тропинки были настолько узкими и обвалившимися, что мы не решались оставаться на лошадях, сошли и пошли пешком из боязни скатиться вниз со спотыкающейся лошади и переломить себе руки и ноги. Это те горы, которые идут вокруг Тавра, они голы, скалисты и трудны для подъема. После того как в тот день мы прошли пять миль, мы к вечеру прибыли в каравансарай, где остановились на ночлег.

Трудный путь по горам

13-го мы снова двинулись в путь и в полдень очутились у прекрасного и веселого каравансарая. Здесь патер Феличелло купил ягненка, чтобы зажарить, несмотря на пост, полагая, что путешественник не должен быть стеснен в пище, ибо он берет не то, что он хочет, а то, что можно достать. То был день рождения доброго патера, и он отпраздновал его в свое удовольствие. Наш стол был уставлен блюдами вареного и жареного, чему мы весьма обрадовались, и прополоскали кишки стаканом доброго ширазского вина и кубок за здоровье испанского короля и принца Оранского живо ходил по рукам, так что мы захмелели. После того как мы вполне насладились едой и питьем, мы добрели ощупью до постелей и беззаботно уснули до утра. Прошли мы не более трех миль.

Хорошее угощение в каравансарае

14-го мы продолжали наше путешествие и миновали много рвов, наполненных водой, которые были соединены между собой под землею. В них во множестве водилась рыба, главным образом карпы. Мы поймали нескольких и приготовили себе добрый ужин. Вода также была проведена в танки (Tanken), или каменистые водоемы, проложенные близ каравансарая, из них пили воду люди и животные. Здесь мы расположились на ночлег, после того как прошли пять миль.

15-го мы отправились дальше и в полдень пришли в деревню Барри (Barry), где остановились и два дня отдыхали, ибо наши верблюды и лошади совсем устали и выбились из сил, а нам пред-

стоял неудобный и опасный переход через высокую гору. В этот день мы прошли четыре мили.

Апрель 1672 г.

18-го рано утром мы выехали из деревни Барри и поднялись на высокую гору, где повстречали нескольких дворян, охотившихся с соколами на куропаток. Подобная охота — любимое занятие благородных людей в этой местности, и нет дворянина, который не держал бы у себя нескольких соколов. После полудня мы достигли вершины горы, где встретили дряхлого старика, борода и волосы которого росли нестриженными и нечесанными, и казалось, что они свалялись в войлок. Его считали святым или, вернее, он сам хотел, чтобы его считали таковым. Он попросил у меня весьма вежливо табаку для трубки, в чем я ему не отказал и дал с большой охотой, за что в награду получил персидское приветствие: «Да сохранит вас бог». Пройдя шесть миль, мы дошли до хорошего караван-сарая, где спокойно провели ночь.

19-го утром поехали мы дальше и вскоре завидели приятную долину, где было много финиковых пальм и различных красивых домов. Там купил я молоко для утоления жажды. Они спросили меня, откуда я еду. Я ответил, что из Ширвана, из Шемахи, чему они крайне удивились, считая это большим и долгим путешествием. Это простые и бедные люди, которые редко оставляют, а то и никогда не покидают эту долину и полагают, что в мире нет иной страны кроме Персии. Они не взяли с меня денег за молоко и охотно поговорили бы еще со мной, но время не позволяло дольше мешкать. С наступлением вечера мы прибыли в город Лар, где тотчас же въехали в голландский дом — превосходное и отличное здание. За ним наблюдали и охраняли его старик с женой, приставленные туда благородной Ост-индской компанией. Здесь я велел починить сломанные ящики, снятые с наших верблюдов.

Описание города Лара

Город Лар довольно велик, и у него нет валов, которые бы его защитили от серьезного нападения, ибо имеющиеся сложены из обожженных на солнце кирпичей. Однако он может отражать врагов, покуда его охраняет замок, лежащий на северной стороне горы. Этот замок окружен толстыми стенами и господствует над городом. Только в одном месте к нему ведет узкая тропинка. Там лежат тяжелые картауны, которые король привез сюда из Ормуза (Ormus), когда он занял город с помощью англичан. Вокруг города Лара растет много фиников, совсем нет вина, и так как в той местности нет никакой особой торговли и занятий, то там встречается мало богачей. Большая часть народа утоляет жажду

Нездоровые воздух и вода в Ларе

чистой водой, которая, как и здешний воздух, нездорова и вредна, и не только приезжие, но и сами жители часто подвергаются тяжким болезням и страдают от длинных тонких червей, которые вырастают иногда до двух футов между кожей и мясом, и вырезают их не без мук и боли.

Драгоценный бальзам

Жители города приветливы, услужливы и гостеприимны, большие любители искусства и наук. Неподалеку от замка, в горах, было найдено прекрасное масло или бальзам, который персы называют Муммаи кобас (Mummay Kobas). Этот бальзам собирают в июне, он стекает по каплям из маленькой жилки в горах. В этом месте по приказу шаха поставлена сильная стража, и если кто попытается притронуться к нему, это будет стоить ему жизни. Бальзам этот считают самым лучшим и верным средством против яда. Говорят даже, что во всем мире не найти ему равного, ибо нет яда, каким бы он ни был сильным, чтобы бальзам тотчас же не изгнал его из человеческого тела. Благодаря этому действию бальзам берегут в Персии больше, чем самое ценное сокровище, и он находится в распоряжении шаха, который иногда весьма бережливо дает его тем, кому хочет оказать наивысшую милость и благоволение, однако под тем условием, что они его не выпустят за пределы Персии. Кое-где за городом Ларом видны всевозможные круглые столбы в назидание разбойникам, которые делают дороги небезопасными, грабят и убивают проезжающих. Сперва закапывают разбойников живыми в землю до пояса, а потом замуровывают верхнюю часть туловища в столбы.

Странные памятники наказанным разбойникам

22-го мы попрощались с Ларом и поехали высокими горами и видели, как местами из кустарников выбегали кабаны. Двоих наши подстрелили из ружей, но оставили их на дороге, так как персы питают большое отвращение к свинине и полагают, что вынуждены искать новую дорогу, ибо пуля, пролетевшая по воздуху, осквернила путь. Напротив, к орлам они питают склонность, и из их слов можно заключить, что это лакомое блюдо, и они иногда едят их сырыми, невзирая на то, что эти птицы стаей набросились на кабанов и в короткое время обработали их так, что от них ничего не осталось кроме внутренностей и костей. В этот день была дождливая погода, и дороги сильно испортились, но мы прошли семь миль и к вечеру вошли в веселый караван-сарай, где расположились на отдых.

23-го мы выехали очень рано, оставив по правую руку деревню Фаратэ (Farate), лежащую подобно огромному увеселитель-

ному дворцу в роще из финиковых, померанцовых и лимонных деревьев. По дороге повстречалось нам несколько разбойников, которые напали на нас, но когда они подошли ближе и нашли, что мы слишком сильны и хорошо вооружены, то отступили, оставив на поле сражения семерых убитыми. Мы потеряли двух человек и увезли шесть раненых. Так как мы опасались нападения более сильной шайки, то поспешно похоронили убитых, перевязали раненых и поторопились удалиться, после чего к вечеру пришли в маленькую деревню, называемую Сарап (Sarap), где снова отдохнули. В этот день мы проехали шесть миль.

Снова нападают разбойники, из которых семеро гибнут

24-го мы опять тронулись в путь и вечером увидели перед собой большую деревню, где провели ночь. Здесь женщины вынесли на продажу молоко; их было всего пятьдесят или шестьдесят, и все к нашему большому изумлению с незакрытыми лицами, что я видел в Персии только у откровенных блудниц. Они были настолько любопытны, что мы не могли отвязаться от них добрым словом и нам пришлось, чтобы избавиться от них, натравить на них собак. В этот день мы проехали семь миль.

25-го мы снова шли по высоким горам. Дойдя до реки, мы должны были перейти ее вброд, ибо каменный мост, переброшенный через нее, был разрушен. Проделав пять миль пути, мы пришли в караван-сарай, в окрестностях которого земля настолько суха и песчана, что не производит других плодов кроме фиников, а так как нам нечего было перекусить, то пришлось удовольствоваться кто чем мог.

Встреча в пути с господином Казенбротом

26-го, продолжая свой путь, мы к вечеру дошли до рыбачьих хижин, где купили хорошую снедь и с удовольствием ее съели. Здесь нагнал нас господин Казенброт (Kasenbrot), который ехал верхом со своими рабами, так как его вызвали из Исфагана в Сурат (Suratte). В эту ночь мы могли слышать шум моря. Мы приблизились к нему на семь миль.

27-го мы выехали утром и прибыли в обед в караван-сарай, лежащий неподалеку от берега, так что могли видеть на море паруса кораблей. С большой радостью увидели мы перед собой Гомбрун и отчетливо могли разглядеть флаги над голландским и английским подворьем.

Прибытие в Гомбрун

28-го мы двинулись в путь и в полдень прибыли в долгожданный город Гомбрун, где нас весьма приветливо встретили, и я с разрешения и ведома господина директора Франсуа де-Газ (Francoys de Hase) въехал в голландский дом. Когда я вошел в город,

E STADT
GAMMERON
of
Bendaer a'Basie
PARSIE

все меня принимали за перса, ибо я был одет и выбрит на персидский лад, но услышав, что я говорю по-голландски, меня тотчас спросили, не из тех ли я, кто должен был совершить путешествие по Каспийскому морю по указу князя Московского. Я ответил утвердительно и сообщил, что произошло со мной за это время. Они с жадностью слушали, вследствие чего приобрели ко мне такое расположение, что даже сам директор сделал мне большую честь, попросив меня зайти к нему, выразил мне свою дружбу и обещал мне, так как я пережил тяжелую неволю, устроить меня с первым кораблем, отправляющимся в Батавию, и снабдить всем необходимым. Я же премного поблагодарил его и распрощался.

Глава XXXVI

Описание города Гомбруна, или Бендер Аббас, и происхождение этого названия. Большая торговля, которую ведут здесь все страны. Нездоровый воздух и сильная жара в Гомбруне. Вредный напиток. Сухая и неплодородная земля. Плодородие острова Кисмиш. Жители Гомбруна. Чудесное дерево за городом. Индусский святой с длинными волосами. Маленькие бобы для душ умерших. Как производится торговля. Товары, ввозимые англичанами. Они делят пошлину с шахом. Голландцы торгуют беспошлинно. Я. Я. Стрейс сильно болен. Благодеяния и преданность Лавренса фан-Акерслоот. Я. Я. Стрейсу становится лучше. Отплытие из Гомбруна под парусом. Прибытие в Маскат. Описание города. Жестокая жара в окрестностях Маската. Причина знойных и палящих ветров. Отъезд из Маската. Прибытие в Батавию. Я. Я. Стрейс нанимается парусным мастером. Его отпускают со службы. Приезжает с семью кораблями в Бантам. Прибытие на мыс Доброй Надежды.

Описание города Гомбруна или Бендер Аббас, и происхождение этого названия

ГОРОД Гомбрун (Gamron) у персов называется также Бендер, т. е. ключ страны, так же как и Дербент, о чем мы упоминали выше. Он лежит под 27° северной широты у Персидского залива между двумя укрепленными замками, которые, хотя и построены по образцу старых крепостей, тем не менее могут противостоять сильному врагу; могут также обстрелять и покрыть огнем эту гавань и почти всегда снабжены хорошими орудиями и добрым гарнизоном. Со стороны суши город обнесен довольно крепкой стеной, а за чертой его расположено несколько редутов с тем, чтобы защитить город с нагорной стороны. На низком берегу, или побережье, вырыты

также шанцы. Благодаря хорошему положению Гомбрун быстро вырос, хотя с самого начала был рыбачьим поселком, а теперь стал отличным торговым городом, где большую торговлю ведут персы, индусы, мавры, голландцы, англичане и французы. У трех последних свои отдельные дома на берегу, среди них самый лучший и великолепный голландский, удобно расположенный для приема и отправки грузов с кораблей и на корабли, что видно из рисунка. Жить в Гомбруне весьма нездорово по причине сильной жары, которая начинается в мае и беспрерывно продолжается до сентября, так что больше чем половина чужестранцев умирает или получает различные немощи и болезни. Помимо нездорового воздуха многие наносят себе вред чрезмерной невоздержанностью в употреблении своеобразного напитка, Palepunschen, приготовленного из арака, сахара и изюма, который настолько крепок, что от него не только скоро пьянеют, но он еще и вызывает сильную лихорадку, кровотечение, или кровавый понос, отчего люди падают и мрут, как мыши. Сильный зной выжигает землю, и на ней не остается ни травы, ни полевых растений. Иногда встречаются садики, где при постоянной поливке водой и больших трудах растет немного зелени, чеснок, репа, редька и др. Единственный плод, который произрастает здесь, это финик, который лучше всего растет в сухой и пустынной местности. Но на острове Кисмиш (Kismisch) на расстоянии примерно трех миль от Гомбруна растут в изобилии различные фрукты, как-то: лимоны, померанцы гранаты, персики, абрикосы, виноград, миндаль, яблоки, груши и другие, так что Гомбрун с избытком снабжается ими и не страдает от недостатка плодов, хотя они и не растут в самом городе. Самая распространенная пища в городе — это рыба. Вследствие сильной жары жители ходят большей частью голыми и тела их темножелтого цвета. Женщины украшают свои руки, ноги, уши и носы кольцами, кусочками золота, серебра, меди и железа, смотря по состоянию.

Большая торговля, которую ведут здесь все страны

Нездоровый воздух и сильная жара в Гомбруне

Вредный напиток

Сухая, неплодородная земля

Плодородие острова Кисмиш

Жители Гомбруна

Примерно на расстоянии мили от Гомбруна растет чудесное дерево, ветви которого пускают корни в землю, оттуда сызнова вырастает ствол с круглыми желтыми плодами, наполненными косточками, как фиги, но кислыми на вкус. Это дерево со своими отростками занимает площадь более, чем 150 шагов в окружности. В жаркое время под этим деревом бывает прекрасная прохладная тень, к которой и я часто прибегал. Там стоит маленькая индусская пагода, или капелла, где, как говорят, похоронен святой ста-

Чудесное дерево за городом

рец, посадивший это чудесное растение. Туда каждый день приходят индусы, молятся и приносят жертвы, что я сам часто видел. Около пагоды всегда стоит и охраняет ее старик, которого также считают святым. Волосы на его голове были весьма длинные, чему я крайне изумился и попросил его разрешить мне смерить волосы: я нашел, что длина их три с половиной локтя. Я дал ему грош, после чего он провел меня в пагоду и показал могилу святого. Над ней висел шелковый балдахин и кроме того всевозможные лампады, которые должны были все время гореть не угасая. Могила была расписана и украшена маленькими бобами. Старик утверждает, что они утешают и радуют души умерших, но он не хотел признаться, откуда он это знает, хотя я и просил его; он сказал, что нельзя и не дозволено открывать неверным подобные тайны.

Маленькие бобы для душ умерших

В октябре спадает и проходит сильная жара, к этому времени прибывают из различных стран купцы со своими товарами.

Персы и армяне едут через Исфаган той же дорогой, которой ехали мы; арабы—через Вавилон или Багдад с несколькими тысячами верблюдов, ослов, лошадей и других вьючных животных, и их караваны образуют целое войско. Наши соотечественники нидерландцы — самые крупные и приятные из всех купцов как по привозимым индусским товарам и пряностям, так и ради наличных денег, которые высоко ценят персы и которыми они расплачиваются с ними и покупают на них товары. Англичане торгуют сукнами, оловом, сталью и другими товарами. Португальский язык в Гомбруне самый употребительный, им пользуются все нации; причина та, что это место долгое время принадлежало португальцам и было населено ими; тем не менее персидский шах, или король, отказывает им в праве торговать без пошлины, что, напротив, предоставил всем нациям мира. Служащие Нидерландского торгового общества покупают здесь персидский шелк по установленным ценам. Шах освободил англичан не только от пошлины, но и разрешил им брать половину пошлины с Ормуза, так как они помогли отнять этот остров у португальцев. И невзирая на то, что голландцы здесь свободны от пошлины, им часто приходится под тем или иным предлогом наполнять карманы сабандара (Sabandar), или таможенного чиновника, чтобы им не помешали в торговле.

Как производится торговля

Товары, ввозимые англичанами

Они делят пошлину с шахом

Голландцы торгуют беспошлинно

18 июля на меня напала сильная и жестокая лихорадка и свернула меня так круто, что я потерял всякую надежду, а так как я слабел с каждым днем, то полагал, что уже больше не встану.

Я. Я. Стрейс сильно болен

Но когда я себя уверил в том, что болезнь вызвана нездоровой местностью, что весьма вероятно, то снова приобрел надежду, что мне станет лучше, как только я отсюда уеду. Чтобы привести это в исполнение, я покорнейше попросил его благородие господина директора де-Газа, не разрешит ли он мне отправиться в Батавию на корабле Нейтсенбург (Nuytsenburgh), уже готовом к отплытию, что было мне дозволено, и я стремился поскорее попасть туда, так как здесь умерло много храбрых и молодых людей и я все время воображал, что должен погибнуть от этой злокачественной болезни. Тогда меня отвезли на корабль, где встретил штурмана Лавренса фан-Акерслоот (Laurentz van Akersloot), который спросил меня, откуда я. Я ответил, что из Вормера «Ладно, — сказал он, — мы наполовину соседи, перебирайся со своим добром в каюту, там можешь ты поесть, я хочу тебе помочь, чем могу». Этот добрый человек на деле выполнил свое обещание, оказывал мне дружеские услуги и доставал все, что я желал и что можно было достать. Он также приказал своим юнгам, чтобы они мне тотчас подавали, когда я пожелаю, испанского или другого вина. Тем временем моя болезнь не уменьшалась, но усиливалась с каждым днем, и наши доктора полагали, что я не проживу больше часу. Я был до такой степени испуган и подавлен, что мне небо показалось с овчинку и я был уверен в том, что каждое мгновение могу умереть. Я позвал хирурга и попросил его пустить мне кровь, в чем он мне отказал, говоря, что я слишком слаб и он опасается, что я умру у него на руках. Но я не переставал просить до тех пор, пока он не открыл мне жилы. Затем я почувствовал некоторое облегчение. Вечером хирург дал мне питье, которое мне весьма помогло, после чего мне с каждым днем становилось лучше, но прошло довольно времени, пока я окончательно выздоровел. Нашего корабельного плотника схватила также злокачественная болезнь и лихорадка, но она кончилась для него смертью и уходом в иной мир.

Благодеяния и преданность Лавренса фан-Акерслоот

Я. Я. Стрейсу становится лучше

Наконец мы вышли из Гомбруна на парусах при хорошем попутном ветре и 6 августа бросили якорь в гавани Маскат (Maskate), лежащей под 23° 36′ северной широты. Внутри у самой гавани лежит городок, окруженный со стороны суши горами и укрепленный валами, а со стороны моря земляной насыпью, после того как был завоеван персами, а до того был открытым местом. Некоторые укрепления и башни, построенные ранее португальцами, чтобы сдерживать волнующихся арабов, во время войны с

Отплытие из Гомбруна под парусом. Прибытие в Маскат

Персией были значительно усилены. По правую руку, когда входишь в гавань, на крутой горе стоит превосходный замок, который считают неприступным и взять его можно только измором, главным образом по его положению, а не строительному искусству. Замок сверху построен плоским и легко может своими орудиями обстрелять водный путь и гавань. От замка подземный ход ведет к гавани, на другой стороне которой на высокой горе заложен хороший шанец. Город по своей величине достаточно населен, но не настолько, как прежде, когда персидский король завоевал Ормуз и он служил убежищем для арабов, индусов и португальцев.

Описание города

В августе и сентябре здесь стоит такая невероятная жара, что я бы никогда никому не поверил, если бы сам не испытал этого. По вечерам с берега дуют такие знойные ветры, что чувствуешь, как будто на тело льют кипяток, и я много раз видел, как люди от этого сильного и ужасного зноя искали спасения в море. Причина тех палящих ветров, по-моему, в следующем: горы Аравии в этой местности состоят из одних голых камней и скал, бесплодных, не покрытых ни зеленью, ни травами, ни землей, и после того как солнце целый день освещает и раскаляет эти твердые, сухие, скалистые горы, вечером ветры пустыни насыщаются зноем, отчего, по-моему, и происходит такой горячий воздух и ветры с суши. В мое время благородный господин и генерал отправил послом в Маскат господина Падберга (Padbergh) для заключения более тесного союза, развития и укрепления торговли, ибо здесь еще не все было условлено и договорено.

Жестокая жара в окрестностях Маската

Причина знойных ветров

3 августа мы снова вышли под парусами и 22-го увидели землю и мыс Коморин (Cabo Comoryn) — значительное место на малабарском побережье. Мы отправились дальше к острову Цейлон, а оттуда в Батавию.

Отъезд из Маската

28-го мы прошли Зондский пролив, где к нашему борту пристало несколько явайских лодок, нагруженных рыбой, кокосовыми орехами, бананами (Piesang), ананасами и другими плодами, которые мы выменяли на железные обручи. На другой день мы проехали мимо мыса Тапперс, а 30 августа бросили якорь в широко известной ост-индской Батавии благодаря всевышнему милосердному богу, который меня сохранил в стольких перенесенных несчастьях среди турок и язычников и привел наконец невредимым в христианский город, чего я тысячу раз желал и к чему с болью стремился.

Прибытие в Батавию

1 сентября я сошел на берег в Батавии и явился к ге-

нералам и благородным достославным советникам Индии, чтобы отблагодарить их за расположение и дружбу, которая избавила меня от жалкой неволи, и дал обещание при первой возможности вернуть им ссуженные деньги, что я честно выполнил в 1673 г.

Я. Я. Стрейс нанимается парусным мастером

27 сентября я приветствовал благородного господина генерала Иоанна Маатсейкера (Johan Maatsuyker) и поступил на службу благородной ост-индской компании парусным мастером за 18 гульденов в месяц на голландский корабль, называемый «Голландский сад».

15 октября нас послали вместе с другими шестью большими кораблями в Бантам, чтобы подстерегать и выслеживать прибывающие французские и английские корабли. В это время моя тоска по жене и детям так разрослась, что у меня не было ни охоты, ни желания жить здесь дольше, и я позволил себе отправить письмо благородному господину Спельман (Speelman), главному советнику Индии и благородному господину Питеру фан-Гоорн (Pieter van Hoorn) с просьбой об увольнении, на что упомянутые господа дали мне разрешение, а также приказ вернуться на корабле «Ньюпорт» в Батавию, где я должен был пересесть со своим сундуком и пожитками на корабль «Европа», на котором мы 4 февраля 1673 г. отправились на родину одновременно с пятью другими кораблями: «Корабль защиты» — адмиральское судно, «Альфа»—вице-адмиральское, «Пейнакер» — контр-адмиральское, «Стармеер» и «Папенбург». Мы взяли курс на юго-запад, к Зондскому проливу.

Его отпускают со службы

Приезжает с семью кораблями в Бантам

5-го мы бросили якорь в Бантаме, встретили там семь больших военных кораблей и стали, как уже сказано, следить за английскими и французскими кораблями.

6-го мы миновали Зондский пролив и продолжали свой путь, взяв румб зюйд-зюйд-вест до 14°, после чего изменили путь, взяв румб вест-зюйд-вест, и пошли до 28°, откуда пошли на юг до 32°, на этой широте лежит мыс Доброй Надежды, где мы 15 апреля стали на якорь. Там уже было несколько кораблей, посланных в Ост-Индию с нашей родины. Здесь с душевной болью услышали мы горестную и печальную весть о французской войне, о том, что из семи провинций три уже завоеваны, что советник де-Витт (de Witt) и его брат Руваарт (Ruwaart) умерли позорной и ужасной смертью и что его светлость принц Оранский стал наместником.

Прибытие на мыс Доброй Надежды

Глава XXXVII

Отбыли с мыса Доброй Надежды. Прибытие на остров Святой Елены. Корабль «Европа» захвачен и разграблен англичанами. Несчастье нашего путешественника. Англичане занимают остров Святой Елены. Захватывают силой два голландских корабля. Преданный Стрейс хочет предупредить корабли. Три корабля избежали ловушки. Прибытие на остров Вознесения. Обилие черепах. Описание острова Вознесения. Бесплодность острова. Нет пресной воды. Намерение англичан высадить нас на остров. Отбыли с острова Вознесения. Прибытие в Ирландию, в Кинсэль. Отбыли из этого города. Прибытие на родину.

До 1 мая мы пробыли на мысе, а затем должны были по приказу господина губернатора Избранда Годкенса (Isbrand Godskens) отправиться под парусами на корабле «Европа» к острову Святой Елены, который был[203] отвоеван им с 300 человек у англичан в январе текущего 1673 г. Остальные корабли должны были последовать за нами через семь или восемь дней, а затем согласно приказу нам надлежало отправиться всем вместе на родину.

Отбыли с мыса Доброй Надежды

В положенное время мы вышли на парусах с попутным ветром и взяли с собой на корабле капитана Бреденбаха (Bredenbach), который должен был занять должность губернатора на острове Святой Елены. Мы взяли курс на северо-запад и в Троицын день, 21 мая, прибыли на остров Святой Елены. Едва мы обогнули мыс, как убедились, что карта бита, ибо в гавани было семь английских больших военных кораблей, зажигательное судно и три торговых. Когда англичане подпустили нас на расстояние выстрела, то приветствовали залпом сверху и снизу и в короткое время сплели нам такой праздничный венок, что мы потеряли корабль и пожитки, и некоторые из нас были убиты, а другие ранены. На нашем корабле было не более шестидесяти человек и каких-нибудь пять или шесть пригодных орудий. Находясь в крайней нужде и видя, что ничего со своим оружием не добьешься, мы решили, не теряя бодрости духа, пристать к борту английского фрегата «Ассистенция» с пятнадцатью пушками на борту, преследовавшего нас вместе с зажигательным судном, и овладеть им. Наш капитан велел забить гвоздями все дыры и двери, чтобы никто не мог схорониться и чтобы все сразу кинулись на англичан. Но на наше несчастье у нас не нашлось и половины необходимого нам оружия. Наконец

Прибытие на остров Святой Елены

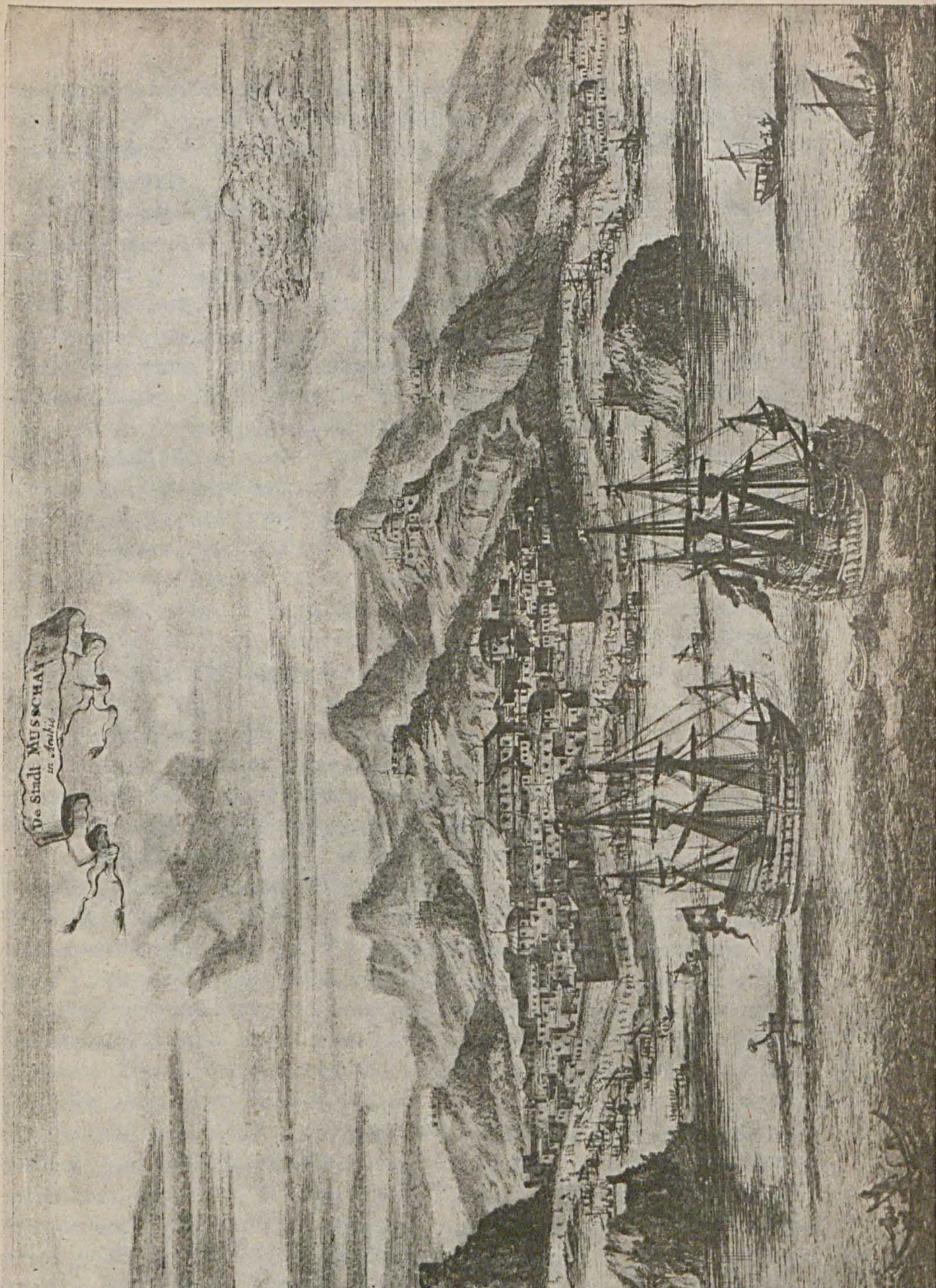
Корабль «Европа» захвачен и разграблен англичанами

мы были вынуждены сдать наш корабль, экипаж и добро, ибо англичане нагнали на нас такой страх своими двенадцати- и восемнадцатифунтовыми ядрами и картечью, что мы не могли дольше держаться или причинить им большой ущерб с нашими слабыми силами и малыми пушками.

Когда англичане взошли на наш корабль, они начали повсюду грабить и меня несколько раз трогали и ощупывали, и в конце концов я не знал, куда мне деть узелок с драгоценностями, отчего меня охватили страх и тоска. Добросердечная и щедрая госпожа Алтин, жена Хаджи Байрама, поднесла мне одиннадцать неотшлифованных алмазов, самый ничтожный я продал в Батавии за тысячу гульденов (400 рейхсталеров). Эту драгоценную добычу я много раз перекладывал с одного места в другое, но так как жадные на деньги англичане то и дело устраивали новые обыски, и я не знал, как уберечь свой клад, то решил сохранить по крайней мере часть. Тогда я отозвал в сторону одного англичанина и открыл ему свое сокровище и намерение, а именно: я передам свои алмазы ему, положившись на его честность; зато он должен был мне поклясться, что, если мы доберемся живыми до Англии, он отдаст мне половину, а другую оставит себе, и что никто об этом не узнает, в чем он дал мне верную клятву и обещал сдержать ее. Матросы, которые охотно брали бы деньги и добро с избытком, взломали все ящики и раскидали бумажные и шелковые ткани, так что трудно было пройти. Хранитель моего сокровища долгое время сдерживал себя и молчал, но когда он однажды напился, то открыл товарищам нашу тайну, и она вскоре достигла ушей капитана, который не замедлил объявить себя хозяином и господином тех алмазов, щедро заплатив побоями неосторожному хранителю, а меня общипали вконец. Единственное, что у меня осталось, были мои записи и свидетельство о совершенном путешествии и восхождении на гору Арарат. Поистине слишком мелкое и ничтожное вознаграждение за тяжелое путешествие, и в данном случае (не считая ужасной неволи) мне не приходится высказывать христианам бо́льшую благодарность, нежели туркам и язычникам, ибо те и другие (оставим в стороне христианское сострадание) столь же жадны и склонны к разбоям.

Несчастье нашего путешественника

Это снова повергло меня в нужду и горе, меня, несчастного беднягу, который едва успел освободиться от неволи и нищеты. От этого большого несчастья я впал бы в отчаяние и совсем бы обезумел, если бы не вспомнил о боге и спасении души. И написав это,

De Stadt MUSSCHAT
in Arabie

я думаю, что нет такого жестокосердного человека, который, читая, не пожалеет о моем несчастии и моей нищете и не почувствует ко мне сострадания, но все-таки не могу выразить, что у меня делалось тогда на душе.

За восемь дней до праздника Троицы англичане по договору заняли остров, что произошло из-за недостатка у них воды. Англичане были убеждены, что остров еще принадлежит им, и зашли сюда за свежей водой, а также для того, чтобы дождаться кораблей из Индии и отправиться с ними на родину. Они вошли в бухту и были поражены, что их встретили орудийным огнем, так что они были вынуждены удалиться. Но крайняя нужда в воде заставила их попытать счастье, чтобы не погибнуть от жажды, ибо на одном из кораблей было только два боченка с водой, на другом один и на некоторых ни одного. Вскоре после этого английский адмирал Монди отдал приказ напасть с юга и попытаться пройти между двумя горами, что и было приведено в исполнение, несмотря на то, что место там настолько узкое, что едва могли пройти рядом четыре человека, и если бы голландцы поставили там хотя бы 50 или 60 человек, то они могли бы камнями перебить и уничтожить всех англичан. Но они не могли отпустить из крепости столько народу; таким образом англичане высадились и подошли к крепости. Голландский губернатор на честных условиях и по договору сдал остров, так как нападение было неожиданным и кроме того у него не было достаточно войска, чтобы противостоять этой силе. Вот как, по словам англичан, произошло это дело.

Англичане занимают остров Святой Елены

4 июня англичане захватили еще два корабля из пяти, следовавших за нами. Эти корабли, а также рыбачье судно с Цейлона, держали путь на остров Святой Елены без малейшего подозрения или обмана. На английских кораблях взвились знамена принца, а на высокой горе был водружен красный флаг, служивший условным знаком того, что путь безопасен и можно плыть без страха. Увидя это, я стал думать, как бы помочь своей родине, и пошел вдоль берега, так как наши корабли были уже на расстоянии полумили. Я снял рубаху, сделал маленький флаг, чтобы по крайней мере подать им знак, что надо быть настороже; но казалось, они не обратили на меня внимания, а еще было время миновать западню. Вскоре после этого на меня набросились два английских стражника, которые следовали за мной. Осыпая меня ругательствами, как-то: собака, мошенник и другие, они надавали мне таких пинков и колотушек, что я ждал уже неминуе-

Захватывают еще два голландских корабля

Преданный Стрейс хочет предупредить корабли

Три корабля избежали ловушки

мой смерти. Они забрали меня и привели к губернатору, который спросил меня, какой знак я подавал. На это я твердо ответил, что сделал это из любви к отечеству, чтобы задержать и предостеречь корабли. Он стал смеяться и сказал: «Хорошо, хорошо, в этом нет ничего особенного», и отпустил меня без всяких препятствий.

Завидя сигналы, упомянутые корабли подошли на всех парусах, но лишь только они обогнули мыс, как заметили, что попали в западню, так как все английские корабли открыли по ним огонь. Каждый прилагал усилия к тому, чтобы спастись бегством, но корабли были сильно нагружены кладью, и вследствие тесноты нельзя было пустить в ход пушки, так что они не могли ни сопротивляться, ни вообще что-нибудь предпринять. Англичане подошли ближе и овладели двумя кораблями, а именно адмиральским и вице-адмиральским, остальным удалось удрать. Адмиральское судно по своему положению сражалось с большой храбростью и конечно не попало бы в лапы англичан, если бы те не свалили выстрелом его главную мачту. Оно сражалось с кораблем «Вестфризланд», голландским кораблем, взятым в прошлую войну англичанами. На этом корабле было 54 тяжелых пушки, и наш адмирал охотно сцепился бы с ним, но неприятель все время уклонялся и увертывался, пока наш корабль не был вынужден сдаться. Сам капитан был тяжело ранен в ногу.

Прибытие на остров Вознесения

На следующий день мы вышли в море и направились к острову Вознесения, назначенному англичанами сборным пунктом и местом для встречи. Мы прибыли туда 19 июня. Матросы здесь каждую ночь выходили охотиться на черепах, которые там водятся в изобилии, и вес их доходит до 200 и 300 фунтов. Эти животные живут в воде и на суше, ночью обычно выходят на берег и кладут яйца, из которых днем в песке под горячим солнцем выводятся молодые черепахи.

Обилие черепах

Описание острова Вознесения

Остров Вознесения лежит под 8,5° южной широты, приблизительно в 40 милях от острова Святой Елены. Он состоит из одних подводных камней, скал и бесплодных гор, не таких высоких, как на острове Святой Елены, но бóльших по охвату. На всем острове не найти ни зеленой веточки, ни листвы, ни травы, и только в расщелине одного утеса я нашел немного травы. Берега и горы совсем белые от помета морских ласточек, гусей особой породы и других птиц, которые прилетают сюда, чтобы в безопасности гнездиться, класть яйца, а также привлекаются мертвой рыбой, во множестве выбрасываемой волнами на берег.

Бесплодность острова

На острове совсем нет пресной воды, и если бы она там оказалась, нам пришлось бы плохо, ибо англичане решили высадить нас на берег, оставив нам немного пищи, чтобы мы могли продержаться до тех пор, пока нас не подберут наши соотечественники. Но так как там совсем не было пресной воды, то они не захотели дать нам умереть от жажды, что еще ужаснее, чем смерть от голода. Причина, по которой они хотели высадить нас на берег, заключалась в том, что у них оказалось много больных, отчего они все больше слабели и опасались, что при удобном случае мы нападем на них, ибо мы были довольно сильны и наша численность доходила до трехсот человек, но недостаток в воде заставил их, хотя и весьма неохотно, взять нас с собой и отвезти в Англию.

Нет пресной воды

Намерение англичан высадить нас на остров

23-го мы вышли на парусах с острова Вознесения и взяли курс на северо-запад, пока не дошли до экватора, и затем повернули на север до 13° северной широты, т. е. высоты Барбадоса. Отсюда мы взяли румб норд-тэн-ост до 43°. Здесь мы изменили курс и пошли на северо-восток до 48°, после чего на норд-ост-тэн-ост до 51°11′. Отсюда снова изменили направление и шли на восток до 51°20′, так что мы на другой день увидели Ирландию и 25 августа вошли в гавань, называемую Балтимора, с хорошей, защищенной от всех ветров стоянкой. Здесь капитан разрешил нам отправиться на все четыре стороны, и многие из нас поехали сушей в Кинсэль.

Отбытие с острова Вознесения

26-го мы получили известие, что наш флот счастливо и победоносно разбил английский.

На другой день я отправился в путь вместе со многими другими, и мы проезжали мимо многих красивых деревень, как Балтимора, Троп, Рос и др.

28-го мы дошли до крепости Тиль Бриттон (Til Britton), где провели ночь, и вышли оттуда ранним утром. После обеда прибыли в город Кинсэль, хорошо расположенное и самое укрепленное место на всем острове. В этом городе прекрасная гавань, удобная и вместительная, куда может стать более ста кораблей, и в то время когда мы там были, в ней стоял целый флот, более восьмидесяти нагруженных кораблей. Что касается города, то он окружен хорошим валом и представляет собой отличную крепость. Мы пробыли в Кинсэле десять дней, а затем снова двинулись в путь и прибыли 9 сентября в город Корк, где на наше счастье оказался готовый к отплытию и оснащенный корабль, направлявшийся в Брест. Корк тоже хороший город, столица графства

Прибытие в Ирландию

того же имени, резиденция епископов. После того как моряки позволили нам взойти на корабль, мы вышли после обеда в море, прошли пять миль и остановились на ночь у маленькой деревни Ку (Ku), где стали на якорь.

10 сентября рано утром мы вышли на парусах при западном ветре. После обеда мы завидели корабль, идущий на нас, который мы приняли за голландский капер, но мы шли быстрее, чем он, и избежали опасности. На другой день мы вошли в западную часть канала и вечером стали на якорь против Бреста, у берегов Англии. Здесь я сошел на берег и отправился пешком в Лондон, куда пришел пятнадцатого, и отдыхал там три дня. В это время я с большим изумлением осматривал прекрасный, вновь отстроенный город, который восстал из пепла после знаменитого лондонского пожара 1666 г. еще более прекрасным, чем был до него. От Лондона я проехал много деревень и красивых поместий до Гарвича, откуда я отбыл на мою долгожданную родину, и после стольких перенесенных несчастий и невероятных приключений 7 октября 1673 г. с большой радостью увидел жену и детей, после того как уже не раз терял на это надежду.

Прибытие на родину

КОПИЯ С ПИСЬМА,

*ПИСАННОГО НА КОРАБЛЕ ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОД НАЗВАНИЕМ «**ОРЕЛ**», СТОЯВШЕМ НА ЯКОРЕ ПОД ГОРОДОМ АСТРАХАНЬЮ*

24 сентября по старому стилю 1669 г.

28 мая мы отправились из Москвы на маленькой лодке по реке, называемой Ока, вниз до деревни Дединово (Dedenof), где нашли выстроенные там корабль и яхту. 6 июня мы отправились на этих судах и 7-го пришли в Нижний Новгород, где Ока впадает в Волгу. На реке Оке мы несколько раз садились на мель, но без вреда снимались с нее. Но в общем река довольно глубока, весьма населена, а по обеим берегам обсажена деревьями. Воевода или губернатор города Нижний Максим Иванович Нащокин (Maxim Ivanowitz Nachokin) любезно принял нашего капитана и командира его царского величества кораблей, присылал ежедневно в изобилии кушанья и напитки и после, как мы управились с парусами, что случилось 16-го, посещал нас несколько раз на нашем корабле. Он провожал нас при нашем отъезде и снабдил нашего капитана Давида Бутлера всеми необходимыми припасами.

1 июля, быстро продвигаясь вперед, мы достигли реки Казанки, лежащей приблизительно в одной миле от города Ка-

зани. Здесь мы причалили, бросьв канаты и с большим трудом укрепив их на берегу; наш якорь пропал перед тем на Оке, застряв между корнями. В городе Казани воеводой был князь Юрий Петрович Трубецкой (Knees Jurien Petrovitz Troebieskoy), щедрый человек, несколько раз угощавший нашего капитана и снабдивший его при отъезде разными припасами и напитками: двумя овцами, тремя кусками сала и т. п. 16-го мы простились с Казанью и прошли мимо городка, называемого Камышинка (Camuschinka), выстроенного за год перед тем по приказу и повелению его царского величества и обнесенного валом и шанцами по указаниям английского полковника Томаса Бейля. Этот городок расположен на реке Камышинке, и построен для отражения донских разбойных казаков, которые по этой реке пробираются к Дону.

13 августа мы завидели Астрахань.

14-го вечером мы прибыли в город и, став на якорь, дали салют одиннадцатью выстрелами из пушек и залпом из шестидесяти мушкетов. Мы уже давно слышали, что на реке Волге должны показаться казаки, но здесь узнали, что три тысячи русских более чем на 50 гребных судах под командой третьего правителя в Астрахани, князя Семена Ивановича Львова (Knees Cimeun Ivanowitz Leboof) преследуют их и что все время ждут известия об их успехе. Эти разбойные казаки уже в течение трех лет чинили большой вред и насилие на Каспийском море и год тому назад отняли у его царского величества город Яик, убили больше 8000 русских, многих повесили за ноги, в том числе и немецкого капитана, а также чинили другие злодеяния и жестокости. В Персии опустошили они три города и несколько тысяч людей умертвили, так что держали русских и персов в большом страхе. Их предводителя зовут Стенькой Разиным (Stenko Radzin), или Стефаном Разиным (Stephan Radzin). За 14 дней до нашего прибытия в Астрахань он захватил драгоценное персидское судно ценой в несколько тонн золота, на котором были прекрасные лошади, посланные шахом или королем Персии его царскому величеству в подарок.

17-го пришло известие (как раз в то время, когда воевода был на наших судах и их осматривал), что разбойные казаки предают себя во власть его царского величества. По приказу воеводы мы выстрелили из пушек, что, как кажется, ему весьма понравилось. Казаки уже вернули лошадей, принадлежащих его величеству, прислав их начальнику русского войска.

19-го явились послами три знатных казака в драгоценных одеждах в город Астрахань; самый молодой из них говорил в моем присутствии. Воевода обещал им царское расположение и милость. Они пожелали, чтобы их предводитель был принят с почестями, на это воевода ответил, что он сам боярин, но куда бы ни прибывал на воеводское место, и то его никогда не встречали с почестями. Он пригласил их в свой дом, куда они и явились, но так как им, по их мнению, не скоро подали водку, то они начали ворчать. Они были прекрасно одеты, и шапки их были вышиты жемчугом.

21-го утром показался русский флот, состоящий из 52 или 53 длинных гребных судов, связанных и соединенных для большей крепости. Каждая такая банка имела пушку, а некоторые из них были снабжены двумя, с 40, а многие и 70 мушкетниками. Словом, они были полны людьми и расположились у высокого берега реки. Вскоре после полудня появился флот казаков, состоящий из 23 парусов и тысячи человек; мы получили по приказу воеводы 200 московитов на борт, которые в порядке под знаменами явились на корабль. Русский флот, подойдя к городу, дал салют из всех пушек, после чего мушкетники, которых было до 3 000, дали залп. Вскоре казаки ответили из своих пушек и мушкетов, немного спустя русские второй раз дали салют, на что казаки также не остались в долгу. После салюта в городе был выкинут белый флаг, что было нам знаком, и мы выстрелили из 13 пушек и в то же время дали залп из 200 мушкетов; между тем наш шкипер упал за борт, но его тотчас же выловили. После нашего салюта русские выстрелили в третий раз и проплыли мимо нас, на что наш корабль в последний раз ответил своими 13 пушками и 200 мушкетами. Казаки стали на якорь в том месте, где раньше стояли русские.

22-го рано утром казаки поднялись по реке, так что мы потеряли их из виду, и было объявлено, чтобы никто с ними не торговал и не сходился. В тот же день пришли несколько казаков в приказ (Perkaas) с множеством драгоценных камней и вещей. 23-го пришел в приказ их предводитель Стенька Разин, которого весьма приветствовали, и скоро после того направился к воеводе в дом, но отказывался от вина. Наш капитан в тот день был у воеводы в гостях; в разговоре наш капитан заметил, что было бы весьма желательно и разумно, чтобы Разин сдал свое оружие и знамя в город, с чем воевода согласился. Немного спустя пришло известие, что Стенька напился, на что воевода по-

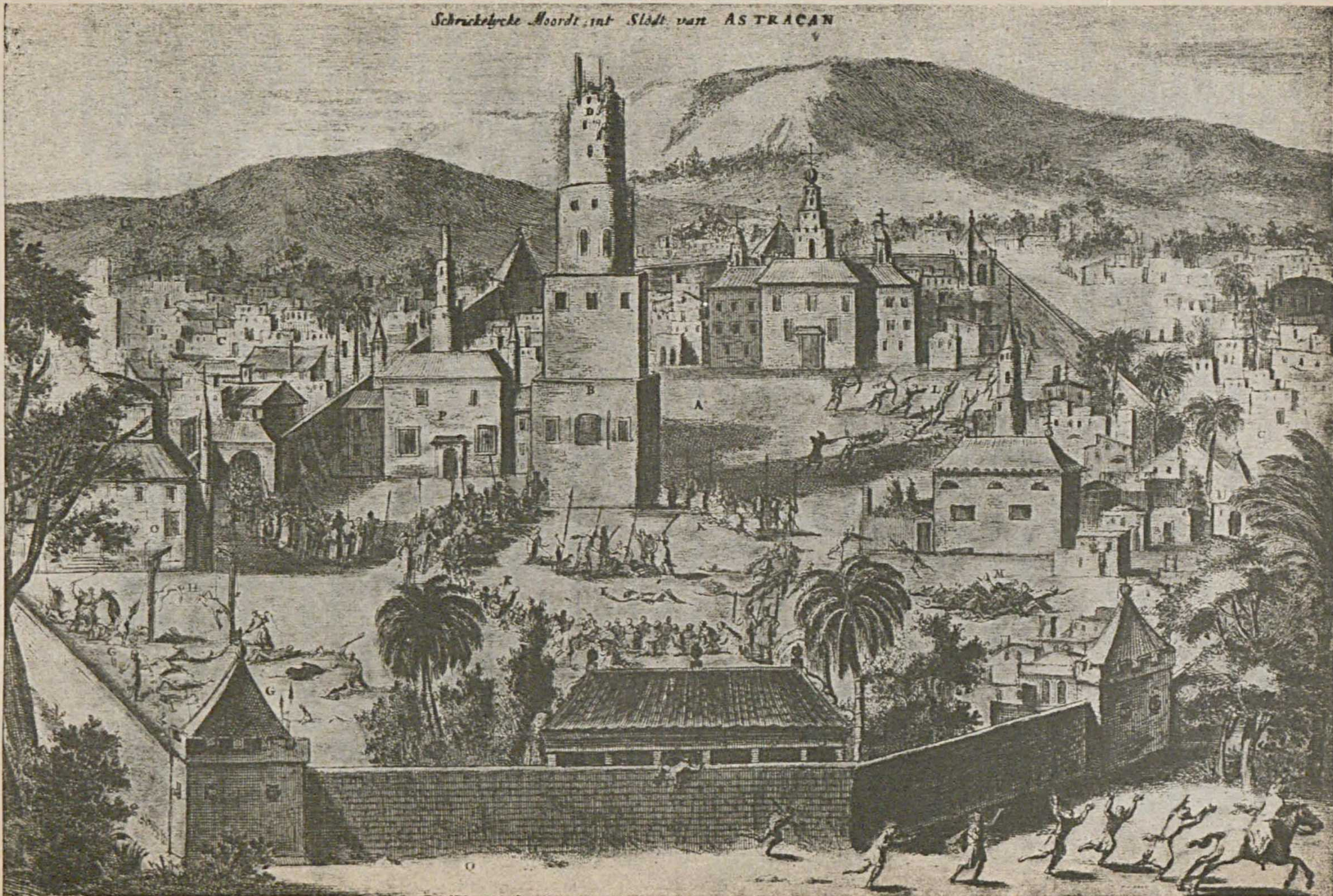
велел с добрым словом выпроводить его из города; Стенька, когда бывает пьян, большой тиран и за короткий срок в таком виде лишил жизни трех или четырех человек: он приказал связать им руки над головой, насыпать в рубашку песку и так бросить в реку. Ему лет сорок; своими разбоями и бесчинством он довольно известен и внушает страх. Что еще должно произойти, покажет нам время. Русские говорят, что он перебил несколько тысяч войска его царского величества и больше чем 40 000 у персиян; однажды он сам объявил, что перебил 8 000 русских. И так как это свежее известие и вполне достоверное, то я уверенно пишу об этом. Теперешний воевода Иван Семенович Прозоровский (Ivan Simeunowitz Bosonowski) — первое лицо; его брат, именуемый князем Михайло (Knees Nacheyle) — второе лицо; третье лицо — Семен Иванович Львов (Simeun Ivanof Elbof) командует русским войском.

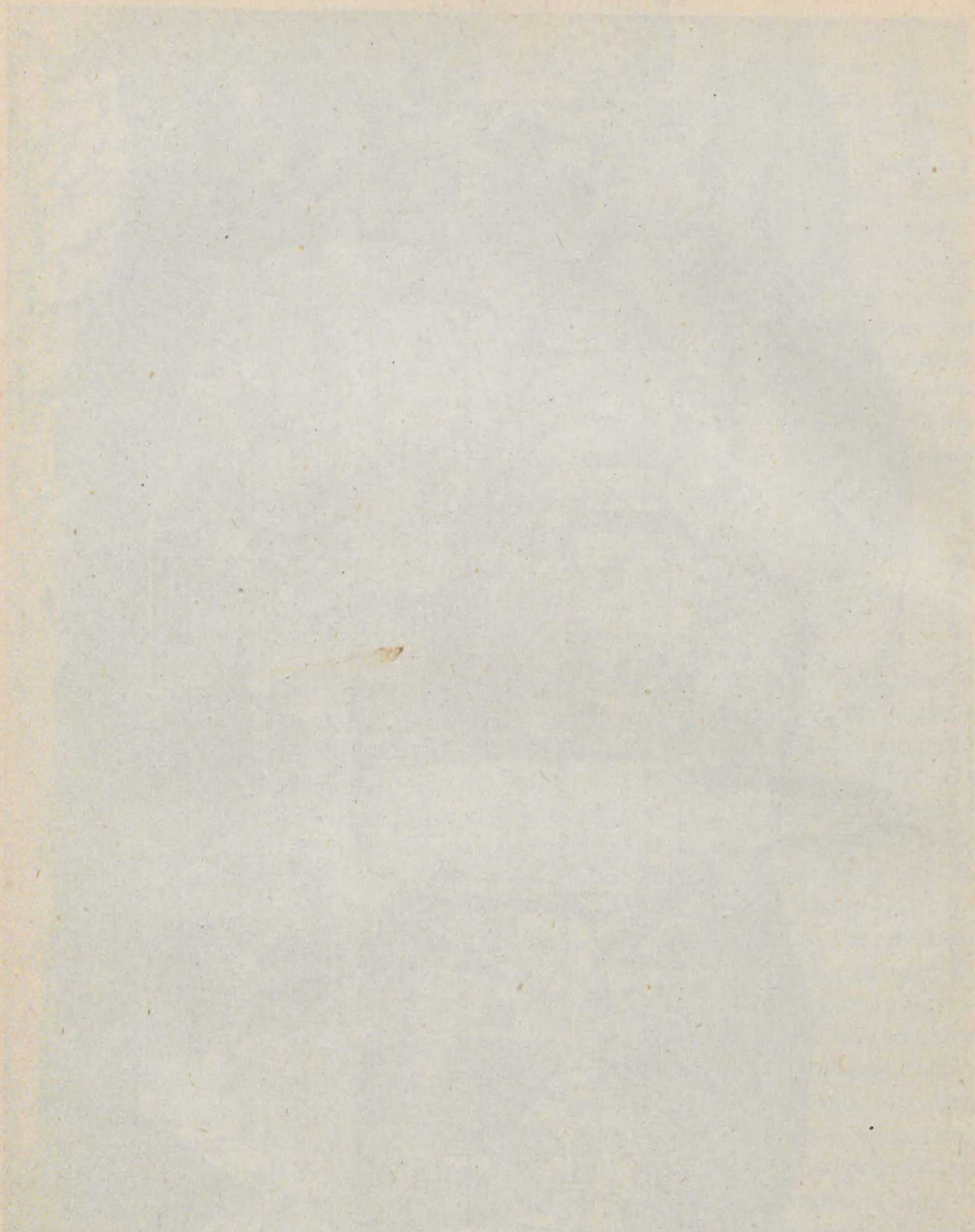
КОПИЯ С ПИСЬМА,

ПИСАННОГО В ГОРОДЕ ИСФАГАНЕ ДАВИДОМ БУТЛЕРОМ 6 марта 1671 г.

Чтобы сообщить вкратце обо всем, начну с того, что 1 марта 1670 г. был получен приказ из Москвы от его царского величества, чтобы все моряки отправились в Москву, чему мы нисколько не огорчились. Я сказал господину, что хочу согласно приказу отправиться в Москву; тогда он повелел снабдить корабль необходимым военным снаряжением и съестными припасами, а также приготовить удобное судно, которое можно было бы в крайнем случае пустить против казаков, что и произошло, и мы были заняты этим до апреля, и судно было спущено на воду в том же месяце: то была большая лодка с восемью пушками и 26 веслами на каждой стороне, весьма удобное судно для Астрахани. Но если надо правдиво и вкратце рассказать о взятии Астрахани и поведать, каким образом все произошло, то эти все события (боже милосердный!) произошли следующим образом. Разбойник и предводитель был Стенька Разин, и в марте пришло известие, что казаки восстали.

10 апреля по приказу господина губернатора было собрано под командой господина гофмейстера Леонтия Богданова (Levont Boogdanof) 800 человек, из них 400 русских всадников и 400 ногайских татар, и они выступили по направлению к городу Царицыну, лежащему приблизительно в 80 милях от Астрахани. Этот город лежит невдалеке от реки Дона или Танаиса, местности, где

Schrickelycke Moordt int Slodt van ASTRACAN

издавна живут казаки. Река не впадает в Волгу, как полагают некоторые, но казаки тащат до Волги свои суда, которые сделаны из выдолбленного дерева, целый день по суше. После того как они их доставляют туда, они привязывают для устойчивости на обе стороны тяжелые балки. Казаки говорят по-русски и исповедуют ту же веру, и великий князь предоставил им в их краях такую свободу (как в Голландии Кейленбург и Вианен), что там терпят и не стесняют плутов и воров, бежавших из России.

С 27-го по 28-е мы получили с пленным казаком известие от упомянутого Богданова, что бунтовщики заняли город Царицын (Tzanitza) и 1 200 московских солдат большей частью перебито или утоплено. Слишком долго рассказывать, каким путем и какой хитростью был взят врасплох этот город. Означенные 1 200 человек незадолго до этого были присланы из Москвы в гарнизон этого города. Вместе с тем мы узнали также, что среди луговых татар начались раздоры, и они убивали друг друга, как благородных, так и простых. Получив это известие, Богданов отступил и отошел в город Чернояр, лежащий приблизительно в пятидесяти милях от Астрахани. Пленного казака подвергли пыткам и до того замучили, что он у всех вызывал сострадание. В Астрахани тем временем было снаряжено и приведено в порядок судно, над окончанием которого работали день и ночь. На нем должен был один из трех главных господ повести в город полк русских солдат к Богданову с тем, чтобы подкрепить войско. Тот полк был в астраханском гарнизоне под начальством Ивана Ружинского, польского дворянина, крещенного в русскую веру; старшим лейтенантом полка был Яков Виндронг, шотландский дворянин, рожденный в Эдинбурге, весьма набожный человек в возрасте 33 лет; он вместе с 500 солдатами был откомандирован от полка, и ему было приказано быть наготове и выступить вместе с господином. Немецкие офицеры были: Пауль Рудольф, капитан и фейерверкер, со своим пасынком юношей Людовиком Фабрициусом, еще один английский капитан по имени Роберт Гейн, мой лейтенант Николас Шак, произведенный в полковники, и еще два немецких лейтенанта, крещенных в русскую веру, и два или три прапорщика; остальные офицеры были поляки и русские. Начальство вместе с князем Семеном Ивановичем Львовым (Ilboof) выехало в Троицын понедельник 25 мая на сорока русских судах, снаряженных 50 полевыми орудиями, вместе с надлежащей амуницией и примерно 2 600 солдат. Прочие кроме 500 че-

ловек были большей частью астраханскими солдатами, которых разделили и везли отдельно.

В тот же день на виду у всей армии повесили подвергнутого пыткам казака. Между тем жители Астрахани стали безбоязненно роптать и вели одни только бунтовские и мятежные речи против губернатора, что было недобрым знаком. В ту пору в город прибыл немецкий хирург, бывший в Персии, с послом великого князя, у которого я купил некоторые шелковые ткани или материи и 480 штук турецкой кожи и тотчас же расплатился наличными. В городе между тем все сильнее подымался ропот, и он увеличивался со дня на день.

4 июня прибыл дворянин из города Черноярa с весьма плохим известием; именно, что в тот день, когда князь Семен Иванович прибыл со своими людьми, показались казаки, и русские войска тотчас же возмутились и объявили о переходе на сторону казаков, и этот дворянин с большим трудом избежал петли. От него мы узнали также, что все благонамеренные и верные офицеры были позорно умерщвлены ослушниками. Это неожиданное известие нагнало немалый страх на город. Меня тотчас же вызвали к губернатору, который спросил меня, умеют ли наши моряки управлять орудиями, приказав немедленно поставить пушки на валу вокруг всего города, чтобы все необходимое для обороны было в исправности, что не замедлили привести в исполнение.

В четверг 5 июня мы, немцы, сошли с корабля и по приказу господина губернатора привезли свои пожитки и добро в крепость, где наш пушкарь заряжал различные пушки. Волнение в городе все время росло, и казалось, что жители собирались восстать. Помянутый хирург прожил более 14 лет с русскими и уверял меня, что если так будет продолжаться, то русские наверное предадут город, и мы все как чужеземцы будем перебиты; и так как нам отказано в жаловании и у нас нет никаких обязанностей, кроме службы на корабле, то для нас будет лучше, если мы спасемся бегством в Персию. Я уже заранее велел нашим матросам закупить необходимые припасы муки и дров, чем я запасся на полтора года, ожидая, что последует осада. После этого предостережения хирурга я созвал подчиненных мне офицеров, и мы, все тщательно взвесив и обсудив, единогласно решили, что лучше всего будет пуститься в бегство, принимая во внимание, что, не получая жалования, мы были освобождены от государевой корабельной службы. Они охотно согласились бросить все и ни-

чего не брать с собой кроме одежды; так как у меня было очень много добра и одежды, то они пожелали уложить мой большой сундук, маленький чемодан и два небольших ящика, на что я дал согласие. Кроме того каждый должен был взять с собой в мешке запас хлеба, и никто не должен был остаться кроме двух матросов с женами, а у каждой маленький ребенок. В пятницу после обеда мое лучшее имущество было отправлено на корабль, ибо вечером мы рассчитывали удрать, о чем узнали помянутые женщины и хотели отправиться вместе с нами. После того как я хорошо взвесил всю опасность этого нелегкого предприятия, когда шлюпка длиной всего в 26 футов выйдет с 23 матросами в неизвестное море, то стал думать, что от этого опасность только увеличивалась и нас может постигнуть еще большее несчастье. Со мной был матрос по имени Карстен Брант (Karsten Brant), наш пушкарь; вместе с ним я решил остаться, считая, что лучше дождаться исхода в городе и в случае нужды биться до смерти, нежели отважиться на ненадежный и весьма опасный побег. Я дал знать о том шкиперу и хирургу, которые разделяли мое мнение, и тотчас же послал одного матроса объявить мое решение штурману, находившемуся вместе с остальными моряками на корабле, где стояла и шлюпка; но он нашел ворота запертыми раньше обычного, вследствие чего я ни с кем не мог переговорить. Я испугался при мысли, что они уйдут без моего ведома и покинут нас; но наш шкипер и два матроса, один из них с женой, снова успокоили меня, уверяя, что у остальных нехватит смелости отплыть без меня и без моего ведома. В тот же вечер я обошел с наместником валы крепости, которые всюду были обложены штурмовыми брусьями и кучами камней на случай нападения.

В субботу 7 июня я снова послал на корабль матроса с приказом, а так как он долго не возвращался, то отправился туда сам вместе с хирургом и обнаружил, что матросы убежали на шлюпке. Шкипер и остальные были этим весьма ошеломлены, но я не подал виду и сказал им, чтобы они успокоились, я тотчас сообщу наместнику об отъезде моряков и приведу причину их побега. Толмач, услугами которого я пользовался, также уехал с ними, так что мне пришлось прибегнуть к помощи хирурга. Господин губернатор повидимому не принял этого известия близко к сердцу, тем более, что я его уверил в том, что наши матросы не примкнули к казакам.

В тот же день отправили в Москву гонцом дворянина, который привез известие о восстании и измене русских у Царицына. Дворянин этот ранее бывал на моем корабле, когда я проезжал по Волге от Казани до Астрахани, его имя Данила Турлекуев (Danile Tourlekojof), потому он мне втайне открыл, что мятежники обошлись с русскими начальниками и офицерами крайне жестоко и бесчеловечно и что вся страна и даже самый город Астрахань уже наполовину преданы и проданы, после этого он замолчал и попрощался со мною.

9 июня я получил приказ от губернатора осмотреть укрепления города. На другой стороне города это должен был сделать английский полковник, который прибыл из Терки, каковой город он снабдил и укрепил новыми валами и крепостными сооружениями; город лежит в черкасской земле, приблизительно в двух милях от Каспийского моря; старый город и замок были построены и укреплены, согласно описанию Адама Олеария (Adam Olearius), голландцем Корнелиусом Клаасом (Cornelis Klaasz). Полковник должен был смотреть за одной половиной крепости, я за другой, чтобы солдаты были укрыты и могли свободно стоять. Губернатор попросил у меня и у полковника совета, что можно сделать для лучшего укрепления города. На что полковник ответил, что было бы хорошо и полезно накидать несколько шанцев за городом. Я с своей стороны счел необходимым объявить публично, что великий князь оказывает милость и берет под свою защиту всех тех, кто до того был на стороне казаков, если они уйдут от мятежников. Кроме того надо было переманить в городе на свою сторону деньгами или обещаниями мятежный народ, но моему совету не придали значения и отклонили его.

Тем временем пришлось повсюду расставить бдительную стражу, солдаты оставались целую ночь на стенах, чтобы встретить угрожающее нападение или осаду и быть готовыми к обороне; к каждой бойнице было поставлено по два человека.

Персы, калмыцкие и черкесские татары под командой персидского посла, отправлявшегося в Москву и здесь выступившего в качестве полковника, маршировали каждый день в добром порядке вокруг валов, подбадривали солдат танцами, пением, литаврами и дудками. Их местопребыванием была Poet Nietze Basna, или больверк, в котором пытали злодеев.

В воскресенье 15 июня я обедал у наместника. После обеда он поднес мне желтый атласный кафтан, две пары штанов и две

рубахи и милостиво пригласил меня пользоваться его столом ежедневно и пообещал меня щедро вознаградить за хороший присмотр за сотней людей, находящихся под моим начальством. Я не упускал также ни одной ночи, чтобы не сделать один или два обхода и не проверить часовых.

В следующий четверг, 19-го, в город пришло известие, что приближается большое войско казаков. Это можно было заметить уже потому, что множество рыбаков и луговых татар бежало в город. В то же время по городу пронесся ложный слух, будто бежавшие матросы зарядили пушки на валах без ядер, одними пыжами; другие говорили, что они положили сначала пыж, затем порох, а потом уже ядро. Губернатор, или наместник, потребовал меня к себе, и мы удостоверились, разрядив в его присутствии пушки, что этот ложный слух посеяли в народе предатели. В тот вечер наш шкипер принял смешное участие в защите города: ему было приказано сторожить Вознесенские ворота (Wolnofentske), где расположился брат губернатора, Михаил Семенович Прозоровский. Помянутый шкипер попросил у меня на этот случай серебряную шпагу с условием заплатить за нее, если она пропадет, что меня вполне удовлетворило.

В пятницу 20 июня губернатор произвел меня в подполковники его полка, где помянутый Яков Виндронг числился или занимал место, которое я согласился на время заступить, но не был тем особенно польщен. Полковник, узнав о том, казалось, не был доволен и заметил в присутствии губернатора, что теперь для этого не время, ибо он полагал, что я себе выпросил это место. Однако его вскоре подробнее осведомили обо мне, и он пожелал сам представить меня полку и ввести в должность, отчего я вежливо отказался. На другой день мне отвели постоянное место в той части на татарской стороне, где стоял полковник и где крепость была всего слабее.

В воскресенье 22 июня близ города показались казаки, и вперед вышли для переговоров казак и русский поп. У посланного также было немецкое письмо ко мне, где мне советовали, если я хочу остаться в живых, не оказывать со своими людьми никакого сопротивления. Господин губернатор разорвал это письмо, прежде чем я его успел как следует прочесть, велел посыльному заткнуть глотку, чтобы он не мог говорить с простым народом, после чего они были тотчас же обезглавлены.

В понедельник казачьи войска приблизились к городу при-

мерно на 300 больших и мелких судах, зашли в рукав у виноградников на расстоянии приблизительно получаса от городских валов. В связи с их прибытием наши сожгли весь татарский квартал. Я стоял рядом с господином губернатором на крыше его дома и, увидав множество небольших лодок на реке около города, сказал губернатору, что этого не должно быть, хотя бы то были только рыбаки, они все же могут передавать известия врагам, на что губернатор, тщательно осмотрев все, послал войска перестрелять и разнести в щепки эти лодки, что и было сделано. В тот же день персидские и черкесские отряды привели в город четырех пленных казаков, которых пытали в моем присутствии; двоих тотчас же повесили, а двум другим отрубили головы.

Во вторник полковник снова хотел утвердить меня в подполковниках перед солдатами, на что у меня было мало желания, и я опять отказался. От Ивана Туркина (Ivan Turkin), приказчика великого князя, получили мы в дар боченок доброго пива и несколько фунтов табаку, что мы роздали солдатам, чтобы придать им бодрости. В начале этой ночи я обошел городские валы вместе с хирургом и еще одним человеком и в полночь лег у себя на посту, чтобы немного отдохнуть, но был вскоре разбужен, так как казаки приближались и в третьем часу ночи начали первый штурм у Вознесенских ворот, где стоял на страже наш шкипер с братом губернатора. Мы видели, как нам казалось, эскадрон казаков, по ним я открыл хороший огонь из нашей 12-фунтовой пушки. Тем временем началась стрельба с обеих сторон. Вскоре после того ко мне пришел английский полковник Томас Бейли (Thomas Bailly) и большинство немецких офицеров, сообщивших нам, что город предан. Щека полковника была проколота пикой и он был ранен в ногу, его не могли смертельно ранить, так как на нем были хорошие латы. Эти раны нанесли полковнику наши государевы солдаты, когда он их убеждал отступиться от казаков как от мятежников и верно защищать город, на что ему ответили, чтобы он заткнул свою глотку. Я убеждал его, так как здесь почти нет ни возможности, ни времени лечить его раны и может быть солдаты после дальнейших увещеваний других офицеров откажутся от своего предательства, вернуться на свое место, что он и сделал, но новая измена была хуже первой, ибо вскоре все они были убиты своими подчиненными, как я видел своими собственными глазами: немецкий офицер Ян Ведерос (Jan Wederos) был пойман своим слугой, связан и предан ужасной смерти. При виде этого

хирург, стоявший около меня, хотел сброситься со стены, чтобы таким образом уйти от рук убийц, но я удержал его, сказав, что внизу под башней есть бойница, весьма удобная для нашего бегства, и что если мы будем медлить, то нас всех перебьют наши собственные солдаты. Я приказал следовать за мной хирургу, его слуге (поляку) и двум матросам — Карстену Бранду и Якову Траппену. Внизу, войдя в башню, мы нашли двух часовых, которым я сказал, чтобы они нас выпустили. Эти приятели дали нам пролезть, ничего не зная о предательстве. Первым прошел хирург, я за ним, но обоих матросов и слугу мы не увидели. Нам пришлось перейти городской ров, по горло в воде, чтобы пройти к сожженному татарскому кварталу, где было безопаснее всего. С городского вала отчаянно стреляли нам вслед из мушкетов, однако без всяких последствий; было это в три часа утра. Моим единственным оружием был пистолет, а у хирурга ружье с нарезным стволом и пистолет. Я пошел вперед; мы встретили двух мужчин, которых приняли за казаков, отчего хирург весьма испугался, выстрелил в них из пистолета и, сделав выстрел, пустился бежать от меня и бросился в отчаянии в реку; но я не заметил, что он сам кинулся в воду. Я между тем обнаружил, что те люди также бежали из города, и крикнул хирургу, чтобы он подошел поближе, что это добрые люди, но не услышал ответа. Я побежал за ним и нашел его после долгих поисков наполовину мертвым в воде, откуда я его с большим трудом спас. Когда он пришел в себя, мы пошли дальше и нашли на реке небольшую лодку со спящим в ней человеком, которого заставили нас перевезти. Мы вошли в лодку все пять человек, в том числе двое помянутых русских, и гребли по течению примерно до девяти часов утра. Мы слышали отсюда сильную перестрелку в городе и пришли на лодке к десяти часам утра в рыбачий поселок, называемый Троицын учуг (Trosilzen Oestjoeg), где рассказали рыбакам все, что случилось в Астрахани. Мы хотели поехать дальше, но русские отказались пойти с нами и остались здесь. Я сказал хирургу, что здесь мы не в безопасности и легко можем попасть в руки казаков и было бы лучше, если бы мы вышли на лодке в море и положились на волю всемогущего бога, нежели попали в руки предателей.

Этими и подобными словами я наконец склонил хирурга к тому, что он согласился плыть к морю. Тогда у меня еще было при себе 35 гульденов или семь рублей наличными; мы купили

палатку, шест и веху для измерения глубины и большой каравай хлеба в 10 фунтов и гребли вдвоем, уповая на бога, двигаясь вниз по реке.

Через два часа после этого встретилась нам рыбачья лодка и в ней трое, которым мы поведали о предательстве и ужасных убийствах в Астрахани. Они сказали нам много хорошего и обещали помочь во всем, взяв нас с собой в свой рыбачий поселок Иванов Учуг (Ivanowa Oestjoeg), где мы, прибыв туда, нашли русского полковника и двух капитанов с 46 стрельцами, или солдатами. Полковника звали Максим Лопатин (Maxim Lopatin), он направлялся из города Терки в Астрахань со всеми находящимися при нем людьми, ничего не зная о восстании казаков, что они напали врасплох и заняли город. Он решил с двумя капитанами вернуться в Терки, попрощался с солдатами и велел перенести свое добро в нашу лодку. Нас опять было пять человек, и мы гребли с такой силой, что в тот же вечер вошли в Каспийское море, все время держась берега. Немного спустя мы заметили лодку, которая следовала за нами; мы приложили все усилия, чтобы уйти, но нас все-таки нагнали. Тогда один из русских капитанов бросился в воду, чтобы утопиться, но ему сохранили жизнь. Единственным оружием, какое мы имели при себе, был мой пистолет; хирург потерял свое ружье и пистолет, когда бросился в воду. На судне были солдаты полковника с помянутыми рыбаками, которые, после того как мы попрощались с ними, перешли на сторону казаков и теперь взяли нас в плен. Они ограбили нас, отняв все до последней рубашки, связали и отвели обратно в рыбачий поселок, где полковнику разрешили провести всю ночь в церкви и молиться, а к нам приставили стражу.

В четверг 25 июня вновь испеченные казаки снарядились, чтобы отправиться с нами в Астрахань, что и было сделано, и после полудня мы увидели Астрахань. Разбойники сошли на берег и разделили добычу, взятую у нас. Я тем временем дал понять хирургу, что нам представляется хороший случай с ними разделаться, ибо мы не были связаны, а лодку удерживало наполовину воткнутое в землю копье, и я легко мог бы справиться с нею. Хирург открыл полковнику наше намерение и спросил, не присоединится ли он к нам. Но мы не на того напали, так как этот дурак хотел заслужить милость казаков и дал им знать о нашем намерении и предложении и предостерег их, после чего, опасаясь наших замыслов, к нам приставили стражу. Я сказал хирургу,

что так как наше предприятие не удалось, то я хочу спастись из их когтей бегством, пробежать немного по острову, переплыть реку и отправиться к татарам. Я привел это в исполнение, но вскоре за мной погнались, и охотникам не удалось бы меня поймать, если бы я не задержался, оттого что поскользнулся и упал. Тем не менее я бросился в воду, чтобы уплыть, но жестоко обманулся, ибо река здесь была весьма неглубокая, мелкая; меня поймали и немилосердно избили до синяков, так что все мое тело было истерзано. Потом они так крепко связали меня, что руки мои почернели от крови, бросили в лодку и тотчас же повезли нас в город. По дороге хирург договорился с ними, что если они нас оставят в живых, то я заплачу выкуп в 100 рублей, т. е. 500 гульденов, а хирург 70 рублей, т. е. 350 гульденов. Они сказали, что за эти деньги сделают все возможное. К вечеру мы прибыли в Астрахань и нас тотчас же отвели как пленных к казачьему генералу. Я был почти гол, на мне ничего не было кроме старых кожаных дырявых штанов, а ноги были босы. Предводитель сидел на улице, по-турецки скрестив ноги, как портные в Голландии и других местах, перед домом митрополита, или русского епископа, пил водку и был сильно пьян. Он спросил хирурга, кто он такой, на что хирург ответил ему. Он даровал ему жизнь и приказал перевязать раненых. Затем он спросил, кто я такой. Хирург ответил, что я его товарищ. Он спросил еще, что я умею делать. На что я ничего не ответил. Хирург ушел и оставил меня одного. После опроса русского полковника при мне сбросили живого с высокой башни, называемой Раскат (Rooscat). С этой башни также сбросили живым воеводу, или губернатора, после многих пыток и мучений. Этого господина звали Иван Семенович Прозоровский. Его младший подъячий и другие начальники, или офицеры, большие и малые, были перебиты или сброшены в воду.

В это время было произведено много нечеловеческих жестокостей, но бог дал мне львиное сердце. Предводитель, видя мою неустрашимость, велел дать мне водки; я выпил две большие чарки и по его приказу был отведен в лагерь. Что случилось с двумя русскими капитанами, осталось мне неизвестным. Когда меня пленного вели в лагерь и сажали в лодку, стоявшую неподалеку от судна предводителя казаков, где была раскинута палатка, меня узнал проходивший мимо русский солдат, который тут же не замедлил рассказать вдове помянутого подполковника,

или шотландского дворянина, который командовал 500 воинов, что меня видел и что я еще жив. Я уже сообщал, что среди немецких офицеров, прикомандированных к подполковнику, были Пауль Рудольф и его пасынок Людовик Фабрициус. Этот юноша Фабрициус остался жив; как это произошло, слишком долго рассказывать: его принудили перейти на сторону казаков, так как он хорошо владел русским языком. Услышав, что я еще жив, юноша пришел ко мне в лодку, чтобы навестить меня. В это время многих убивали и бросали в воду. Я пробыл на той лодке в плену до пятницы 27 июня и каждую минуту ждал, что наступит моя очередь. Они бросили меня пленного в башню, где меня подвергли пыткам и связали самым нечеловеческим образом, так что все мои члены омертвели. Сперва связали мои руки, их заложили за спину, после чего так крепко привязали к ногам, что было невыносимо. Так я лежал и провел целый день во вздохах и стенаниях. Хирург и помянутый юноша Фабрициус посетили меня; я попросил их, чтобы они добивались моей смерти и донесли предводителю о моем ужасном положении, но они отсоветовали мне это. Я просил их именем христа вымолить мою смерть и объявить предводителю, почему я стремлюсь к ней. У казаков был приказ: тот, кто просит за пленного, сам подлежит смерти; на это вызвался пойти юноша Людовик Фабрициус. Он решил спросить предводителя, какой смерти я буду предан; на этом он со мною попрощался. Той же ночью меня подвергли нечеловеческим пыткам и мучениям казаки с Украины, называемые Gogelatse. Я находился там вместе с жабами и другими гадами, которые бегали по моей голове и телу; они кишели во множестве в этой тюрьме. Всю ночь я взывал со слезами к спасителю и так варварски связанный проводил время, приготовляясь к смерти, которой я ничуть не боялся, но поистине даже тысячу раз призывал. Чаще всего я думал, что они подвергнут меня страшным пыткам, замучают и наконец повесят за ноги, чем мне часто угрожали.

В субботу 28 июня пришли ко мне помянутый Фабрициус и хирург с приказом явиться к казачьему предводителю. Меня тут же развязали и привели к нему. Обменявшись несколькими словами, он сказал, чтобы я пошел домой вместе с Фабрициусом. Я пробыл в том доме с воскресенья до четверга, в то время совершались большие жестокости, причем несчастных подвешивали за ноги и рубили им руки и ноги.

В четверг 3 июля меня снова схватили и отвели к воде и

я полагал только, что теперь придется умереть. Казаки сказали мне, что если я хочу получить свободу, то должен заплатить 100 рублей — обещанный хирургом выкуп, после чего Фабрициус меня выкупил, а так как он был казаком по нужде и должен был заплатить собственными деньгами, то обещал им передать свою часть, что было христианским поступком. Без этого выкупа я без сомнения должен был умереть, потому считаю своим долгом уплатить помянутому Фабрициусу 500 гульденов, которыми он откупил меня от смерти.

В воскресенье меня потребовали к полковнику, который находился в царском погребе, где я встретил трех казаков, одетых в мое платье и держащих мои инструменты. Казачий полковник часто пил за мое здоровье, а так как он сильно опьянел и я боялся его буйного нрава, то незаметно ушел от него.

В это время произошло много замечательного, о чем долго рассказывать. Я оставался у казаков до среды 9-го числа и не слышал и не видел ничего иного, только ежедневные зверства и нечеловеческие жестокости над многими невинными людьми. В тот день секретарь по имени Алексей Алексеевич (Alexe Allexewitz) и сын Гилянского (Gilaan) хана были подвешены живьем за ребра на рыболовных крюках и два сына воеводы были повешены за ноги к стене. Обоих детей звали Борис, один шестнадцати лет, другой семи или восьми. На следующий день, в четверг 10-го числа, бедные дети были еще живы и младшего после долгих просьб отвязали, а старшего по приказу предводителя сбросили с той же самой башни, откуда был сброшен его отец. Между тем я узнал, что еще жив один из моих матросов по имени Карстен Брант, о котором я полагал, что во время штурма и восстания в городе его без сомнения убили, как всех остальных немцев, но так как он походил лицом на перса, то казаки и сочли его за такового, ибо большая часть персов была оставлена в живых по неизвестной мне причине.

20 июля казачий генерал вышел из Астрахани с большим числом лодок и около 1 200 человек, оставив в городе гарнизон по 20 человек от каждой сотни. Над ними поставил двух начальников: одного старого казака Василия Родионова (Wassielje Rodivonof), родом с Дона, другого крещеного в русскую веру, его звали Ивановичем (Ivanowitz).

2 августа в городе все еще происходили ужасные убийства, что вошло в обычай, убивали один день больше, другой день мень-

ше и так умертвили 150 человек, тираны орошали кровью их невинные лица. Тогда я выкопал себе в земле яму, чтобы можно было скрыться на время нужды; в нее я часто прятался, так как каждый день слышал только о жестокой тирании, а вздохи, плачи и стенания старых и молодых людей могли бы растрогать камень. Я все время находился в большой опасности и в страхе ежеминутно представлял себе смерть, но не переставал думать о том, как спасти себя. Я написал в это время три письма в Исфаган. Незадолго до того получил свободу Карстен Брант — человек, который хотел вместе со мной и с хирургом пройти через бойницу в стене и пуститься в бегство, но его поймали и взяли в плен, когда он собирался последовать за нами. Так как у него, как уже сказано, черные волосы и лицо, то его сочли за перса и выпустили на свободу; напротив, все немецкие офицеры были перебиты, исключая Людовика Фабрициуса, пасынка капитана Рудольфа, который один из всех офицеров остался в живых.

Примерно в это же время хирург принес известие, что наши бежавшие на шлюпке и покинувшие меня были выброшены бурей на дагестанскую или шамхалскую землю, лежащую на берегу Каспийского моря [204].

22 августа в городе еще чинились многие жестокости, бедным людям отрубали руки и ноги и затем бросали их в воду. Хирург получил разрешение выехать со своим слугой, оставив в залог того, что он вернется, Людовика Фабрициуса. Я решил с божьей помощью отправиться с ним под видом слуги, ибо лодка или судно дербентских купцов, баньянов, должна была вернуться домой, а мы хотели поехать с ними. Купцы также были ограблены и у них было отнято все имущество.

В воскресенье 24 августа мне срезали волосы и начисто обрили голову.

В понедельник 25-го мы вошли с божьим именем в лодку; я взвалил на плечи мешок и пошел, скрючившись и сгорбившись, своей дорогой, чтобы меня никто не узнал и не выдал.

В полдень мы покинули Юат (Juat), или татарский поселок, и во вторник вышли в Каспийское море, где у самого берега стояли три судна, которые пошли вместе с нами. Мы держали путь к югу и прошли мимо Settinabo Gora; ветер дул с северо-запада, а к вечеру наступило затишье.

В среду одна из трех лодок приблизилась к нам. Они ска-

зали, что идут из Астрахани с соляным грузом и держат путь в город Терки; мы плыли вместе с ними на парусах при глубине в 11 и 12 футов и близко держались к берегу, поросшему камышом. Вечером эти суда отошли от нас на расстояние мушкетного выстрела, а вскоре после того к нам направились два челна, на каждом по девять человек. На нашей лодке было 46 человек, большей частью баньяны и еще несколько персов, татар и бухарцев. Они открыли огонь против нас, но никого не ранили. Когда они приблизились к нам, баньяны упали на колени, просили оставить им жизнь, после чего они перешли к нам, ограбили и взяли все, что еще осталось до последнего кусочка хлеба. У меня еще сохранились восемь золотых рублей, печать и перстень, побывавший в руках у казаков и выкупленный у них. Я перед тем отдал деньги и печать на сохранение хирургу; они жестоко угрожали подвергнуть его пыткам, если он не скажет, у кого из нас есть деньги и не передаст их. Он не мог от них избавиться, они теснили его и жестоко мучали и даже собирались бросить в воду и утопить; это вынудило хирурга отдать им мои деньги и перстень, а также четыре двойных дуката. Хирург уже спрятал особым манером 52 дуката в своем желудке. Они спросили, кто я такой, на что хирург ответил, что грузин.

После того как казаки все отняли и разграбили, они посоветовались друг с другом, как поступить с нами, что окончилось благополучно, ибо они даровали нам жизнь при условии, что мы выйдем в море и не будем впредь держаться берега, сказав: «Если мы вас встретим у берега, то побросаем всех в воду и утопим» .

Вечером они ушли от нас с добычей, а мы пустились безлунной ночью в открытое море при глубине в три клафтера. Западный ветер дул с такой силой, что все баньяны, персы, татары и бухарцы сильно напугались, однако с нами не случилось никакой беды. Мы простояли на якоре до субботы 30-го и, когда ветер стих, мы направились к берегу, хотя я и другие достаточно отсоветовали им это, но нам не давали говорить. Подойдя к берегу, мы снова заметили два судна; одно из них направилось к нам. Мы гребли и пошли на парусах при легком ветре к востоку, но вскоре были настигнуты, и они напали на нас. Я и хирург попрощались друг с другом, полагая, что нам тотчас же придется умереть. Они снова грабили. Я вымазался сажей и жиром и повязал тряпкой голову подобно баньянам. Что это за чорт? — спросили они у хирурга, ибо я так отвратительно выглядел. Между тем они хотели забрать последний хлеб, оставшийся у нас;

заметив это, я показал рукою на рот, что вызвало у них сострадание, и они оставили нам часть хлеба. Некоторые жестоко били хирурга, приняв его за поляка; двум дагестанским купцам пришлось расплатиться жизнью, их сбросили с лодки в воду и утопили. Они угрожали поступить так со всеми, если снова поймают нас у берега. Со мной был компас, на этот раз и его похитили у меня, и мы должны были итти, руководствуясь солнцем и полярной звездой. К вечеру поднялся сильный ветер, вследствие чего они нас покинули и снова вернулись на берег, а мы стали на якорь при глубине в четыре с половиной клафтера. Хирург снова спрятал в желудок свои 52 дуката.

До четверга почти все время дул норд-вест-тен-норден, который изменился на вест-норд-вест, ветер, благоприятный для нас, но тем не менее баньяны не хотели допустить, чтобы мы снялись с якоря, считая, что ветер слишком сильный.

В субботу 6 сентября мы снялись с якоря при сильном ветре и пошли к югу, затем на запад и увидали судно, стоящее на якоре, персидскую лодку, которая вместе с нами вышла из Астрахани. Они не повстречались с разбойниками, ибо вышли далеко в море. Когда они завидели нас, то снялись с якоря и поплыли вместе с нами. Вечером подул норд-ост, и я, заметив, что мы слишком сильно забираем на запад, попытался им отсоветовать, но это не помогло, и к утру мы оказались у берега при ветре ост-тен-норден. На этих судах трудно точно и верно взять курс, ибо приходится отсчитывать 12 делений компаса вследствие ветра. Мы плыли вдоль берега, ветер утих, наступил мертвый штиль, вследствие чего мы были вынуждены отойти на веслах в море. Мы потеряли спутников, а наши съестные припасы почти совсем истощились, так что приходилось собирать оставшиеся крошки заплесневевшего хлеба. Среди нас были бухарцы, персы и татары, и ни у кого не было провизии. Баньяны еще сохранили большую часть запасов, и они давали из них каждому по две тонких пресных лепешки вроде блинов. Невзирая на это, мы сильно страдали от голода. Дул ост и ост-тен-зюйд, вследствие чего мы бросили якорь и три дня простояли там при глубине полклафтера. Тем временем мы видели различные суда, часто наступал полный штиль, мы снимались с якоря и гребли. Мы сожгли последнее топливо, на нем мы иногда варили кашу и пекли лепешки из муки, сохранившейся у баньянов. Я посоветовал выломать несколько балок внутри, что было сделано и пошло нам на пользу. Потом мы варили, и каждый

получал столько, что едва мог поддержать свою жизнь. Дул ост и ост-тен-норден, мы вышли на парусах, вдоль берега, взяв курс на юг, и с наступлением вечера 10 сентября стали на якорь. Мы стояли неподалеку от берега при глубине 5 футов, я соскочил на берег, чтобы поискать дров и кореньев и нашел топливо, с которым вернулся в лодку.

В четверг 11-го числа мы шли на парусах вдоль берега и увидали перед собой четыре или пять парусников, которые к вечеру направились к берегу. Мы прошли мимо до другого места на расстоянии приблизительно полумили от них, где мы бросили якорь на глубине двух клафтеров. Поднялся сильный ост и ост-зюйд-ост, отчего у нас набралось много воды, и мы провели ночь самым жалким образом, ибо на теле ни у кого не осталось сухой нитки. Бедные баньяны не привыкли к невзгодам и несчастьям, ввиду чего было решено навязать все наши канаты на якорный канат, чтобы волны прибили нас к берегу. Мы прикрепили вакер к канату и стали отдавать последний и благополучно достигли берега, так как у нашей лодки было плоское дно. Дул сильный ост-зюйд-ост. В субботу нас ограбили в третий раз, и у хирурга остались только рубаха и подштанники, ибо у него не было времени спрятать дукаты указанным образом. Так как казаки напали на нас неожиданно со стороны берега, то Ян закопал свои дукаты в песок и положил неподалеку ружье, чтобы заметить место и найти их в удобное время. Я спрятался в камыш, лежа на животе с псалтырем, который у меня еще сохранился. Меня нашли, но я прикинулся безумным, благодаря чему они меня к счастью пощадили. Они спорили между собой, один говорил, что я немец, другой, что кто-нибудь иной, хирург же выдавал меня за грузина. Казаки брали все, что им нравилось, но добыча их была небольшой, не считая шести гульденов серебром, забранных ими. Один из казаков нашел ружье хирурга, поднял его, но, увидев, что оно почти ничего не стоит, отбросил его. Хирург тем временем находился в большом страхе и считал свои деньги совершенно потерянными, ибо пометка была сдвинута, но когда казаки покинули нас, мы после долгих поисков снова нашли дукаты. Мы спросили казаков, не проехали ли мы мимо города Терки. Но не получили толкового ответа, так что не знали, куда нам деться, направиться назад или вперед. Мы нашли здесь немного свежих кореньев, которые нам пришлось теперь употребить в пищу, чтобы утолить голод. Все эти дни дул сильный ост-зюйд-ост.

20 сентября снова была хорошая погода и ветер ост-зюйд-осттен-норден. На рассвете мы вышли на парусах и встретили всевозможные суда. Снова подул ост-зюйд-ост, и нам пришлось бросить якорь приблизительно на расстоянии мили от прежней стоянки, мы держались на волнах при сильном ветре.

После обеда на берегу показалось больше 30 человек, все татары, которые кричали нам, чтобы мы сошли на берег, чему мы не мало испугались, ибо не предполагали ничего иного, как то, что нас всех обратят в рабство. Один из благороднейших баньянов сошел к ним с лодки на берег и упал на колени. Тем временем судно приблизилось к берегу и они посоветовались друг с другом и потребовали за нашу свободу известную сумму денег. Многими просьбами и мольбами мы добились того, что они удовольствовались тремя рублями с каждого, после чего мы должны были покинуть барку и пойти с ними. Это были черкесские и ногайские татары, а баньяны, или вернее индусы, остались заложниками. Мы прошли с ними примерно две мили. Я нес ящичек с книгами и должен был бежать босиком, кусты и колючки изуродовали мои ноги, и у них был весьма жалкий вид. К вечеру мы вошли в гавань, где стояло их судно. Там мы встретили различных русских, в том числе русского писаря и одного армянина, бывших моими добрыми знакомыми в Астрахани. Они дали мне поесть хлеба и вареной рыбы. Я ел с такой жадностью, что меня уговаривали подумать о своем здоровье, с чем я нимало не считался, ибо мы с хирургом сильно наголодались и не могли, по нашему мнению, наесться досыта, потому они, видя, что мы слишком много пропускаем через глотку, отобрали у нас хлеб. Мы пробыли здесь три дня, дожидаясь попутного ветра, чтобы отправиться в Терки. Так как у нас было мало запасов, а город Терки находился на расстоянии одного дня пути, то, хотя нам угрожала опасность быть пойманными татарами, мы все-таки решили во вторник 30 сентября отправиться пешком в город и привели это в исполнение рано утром.

Я еще очень плохо держался на ногах. Нам приходилось итти изрезанным берегом и часто перебираться по горло в воде, и наконец к ночи мы пришли в татарскую деревню, подвластную черкесскому князю Булату Концаловичу (Knees Bolaat Gonsalowitz). Эти татары были ногайцами. Мы провели там ночь и ушли оттуда рано утром и пришли незадолго до обеда в Терки, отправились к черкесам, к старому знакомому хирурга; ему мы

обещали восемь дукатов, если он проводит нас в сохранности до Дербента или найдет в Терках вместо себя другого человека, на что он и согласился. Здесь я разговорился с приказчиком его царского величества Иваном Турком, по рождению турком, но крещенным в русскую веру; у него в Москве живет брат Яков Кок (Jacob Kok), или Турк, кальвинист. Этот приказчик вместе с русским писарем бежал из Астрахани ко двору черкесского князя и приветливо просил меня остаться у них. Я принес извинение и сказал, что решил продолжать путешествие в своей компании. Я настолько перегрузил и испортил свой желудок чрезмерным употреблением хлеба и рыбы, что проболел в Терках два дня. Здесь мы также услышали, что в Терки привезли пленных и утопили дворянина Даниила Турликова (Danieli Tourlicoff), который был послан с почтой в Москву. Здесь был губернатором князь Петр Семенович Прозоровский (Knees Peter Semeunowitz Prosorofsky), брат помянутого господина из Астрахани. Этот город перешел на сторону казаков, и там перебили различных начальников и офицеров, совершенно разграбили их дома, а помянутого господина губернатора держали в плену в его собственном доме.

6 октября мы продолжали наш путь в обществе баньянов и покинули город Терки. Nota: в то время как мы сильно голодали, они ежедневно бросали в воду порцию на одного человека, что повидимому было богослужением и жертвоприношением у баньянов. Во время путешествия мы повстречали несколько тысяч татар, большей частью ногайских, чему мы весьма ужасались. После трех дней пути мы прибыли в татарскую деревню, или местечко, называемое Андре Дерефад (Andre Dereefad), подвластное татарскому князю по имени Хабелле (Chapelle). Мы пробыли здесь до понедельника 13-го числа, там я увидел перса в моем черном бархатном кафтане, который сказал мне, что купил его в Тарках, чего мне было достаточно, чтобы заключить, что (боже милосердный!) наши беглецы пойманы и обращены в рабство. Подкладка кафтана стоила мне в Москве 35 рублей, перс хотел мне продать его за пять или шесть рублей, но у меня их не было.

В Тарки прибыли мы в четверг 16-го числа и с нами еще двое армян, наши добрые друзья, которые привели меня к своим добрым друзьям и велели им взять меня под свою защиту и покровительство, но я держал себя весьма тихо. На следующий день мы встретили в городе Людовика Фабрициуса и Карстена Бранда, о

которых упоминалось прежде. Они бежали из Астрахани через три недели после нас и жили в Тарках уже восемь дней. В этом городе была резиденция князя калмыцких татар. Я, как упоминалось, держал себя в Тарках весьма скромно не только потому, что был нездоров, но также и для того, чтобы меня никто не узнал. В этом городе калмыцкий князь шамхал держит свой двор. Тем временем хирург нанял еьяна проводника (Koniak), который вышел с нами из Тарки с тем, чтобы доставить нас в Дербент за восемь дукатов. Дело не в деньгах; но он не смел нас провожать без ведома шамхала; потому нам пришлось просить у шамхала разрешения на конвой.

21-го мы отбыли из Тарок и продолжали наш путь с различными людьми, из которых многие ехали верхом или в маленьких повозках по направлению к Дербенту, куда мы прибыли через три дня.

25-го мы дошли до Бойнака, городка, где были пойманы наши немцы; мы отослали черкесского проводника с письмом к нашим с дружественным наставлением и просьбой оставаться стойкими, если будут покушаться на христианскую веру, а также уверением, что я приложу все возможные усилия к тому, чтобы освободить их. Посланный больше не возвращался, так что мы не получили ответа, ибо ему заплатили вперед деньги. Я написал пленным, чтобы мне отвечали на Дербент, на что не последовало ни строчки. В городе Дербенте я встретил бывшего канонира Корнелиса де Фриза, еще одного матроса, Питера Арентса из Схефенинга, которые пробыли два месяца в неволе у калмыцких татар и рассказали мне следующее.

После того как они выехали на шлюпке из Астрахани и через десять дней достигли дагестанского берега, поднялся сильный ветер, и голод вынудил их пристать к берегу и сойти. Мое имущество и одежду хирурга они зарыли в песок и бросили шлюпку, затем вышли, полагая добраться до Дербента, причем они говорили, что к вечеру уже завидели город. Ночью они отдохнули, а утром пошли дальше. Тогда на них напали 22 или 23 калмыцких татарина верхом на лошадях. Главарем калмыков был брат шамхала по имени Али Султан, которому подчинен город Бойнак. Их всех взяли в плен, ограбили и, привязав сзади к лошадям, потащили две-три мили, так жестоко обошлись с ними. Татары изнасиловали жену Корнелиса Брака, которая везла с собою грудного ребенка шести месяцев, в присутствии мужа, подвергли пыткам и

почти всех раздели донага, после чего эти разбойники ускакали и оставили их раздетыми. Однако казалось, что Али Султан раскаялся в том, что оставил их на свободе, вследствие чего он опять преследовал их и снова ограбил, взяв все, что оставил им перед тем. Женщину и ребенка раздели догола, так что один из матросов дал из сострадания женщине пару льняных подштанников, которые у него остались, чтобы она могла прикрыть срам. Татары поделили между собой обращенных в рабство, а именно: штурмана Виллема Барентса, канонира, блочного мастера Мейндерта Мейндерса, Питера Арентса из Схефенинга, Корнелиса Брака из Нейендама с женой и ребенком отправили в Бойнак, где канонир и Питер Арентс пробыли в течение двух месяцев. Штурмана Яна Альбертса, старшего боцмана Питера Бартельса, Антона Мюнстера, шлифовальщика алмазов, Вигерда Поппеса, матроса, Даниила Корнелиса, матроса, отвели в другую деревню, откуда от них до сих пор нет никаких вестей. Парусный мастер Ян Стрейс, Эльс Питерс, матрос, и Якоб Шрам, мой толмач, попали в руки татар Усмия, у которых свой князь, чьи владения простираются до города Дербента. Канонир и Питер Арентс рассказали мне, что все находящиеся в плену в Бойнаке хотели бежать и что в тот день увели штурмана Виллема Барентса и матроса Мейндерта Мейндерса, после чего они спросили блочного мастера, пойдет ли он с ними, но он ответил, что нет. Корнелис Брак сказал, что он не может покинуть жену и ребенка, и они наконец решили бежать одни, что и сделали, и через три дня они пришли в Дербент, где их вдоволь накормили купцы-баньяны. Обо мне они слышали только, что в Астрахани меня повесили за ноги на нашем корабле. Они также сообщили, что парусного мастера Я. Я. Стрейса продали сначала за лошадь, а потом за 125 абасов, примерно 100 гульденов, и что помянутый парусный мастер отправился со своим новым хозяином в город Шемаху.

Мы попросили султана в Дербенте освободить наших матросов, тот отправил двух нарочных к калмыцкому князю, но из этого ничего не вышло. Я, видя, что мои попытки напрасны и в Дербенте удастся сделать немного или совсем ничего, попросил у султана восемь лошадей, чтобы продолжать путешествие, на что он дал распоряжение способствовать моему отъезду. Но так как мы не могли достать столько лошадей, то решили примкнуть к купеческому каравану, который отправлялся в Шемаху. Матросов я отправил пешком с караваном, снабдив их хлебом, и мы обещали

последовать за ними в случае, если мы не достанем лошадей, на что мы мало рассчитывали. Мы решили пойти пешком и нанять лошадей на полдороге в Шаберан. Мы их там нашли, как только туда прибыли.

22 октября мы отправились в путь и получили еще одного спутника Мегенандера, который провожал нас целый день, вплоть до Шемахи. 25 октября мы — хирург Ян фан-Термунде, Людовик Фабрициус, лейтенант и прапорщик, который один из всего отряда подполковника остался в живых, Карстен Бранд, Корнелис де-Фриз и Питер Арентс — прибыли наконец в город Шемаху. Здесь в Шемахе встретили мы парусного мастера Яна Стрейса, которого выкупил один посол польского короля, грузин родом. Незадолго до того послу нанесли 17 ран его соотечественники, и по неизвестной мне причине посол велел предательским образом убить польского дворянина Мартина Эдана (Martin Eudan), называемого обычно Ян Грос (Jan Gros). Я передал прошение послу с покорнейшей просьбой поддержать меня перед ханом, чтобы освободили пленных. Хотя он и пообещал, но на деле нимало не постарался. Казалось, он не внушал уважения к себе и также не был повидимому честолюбив. Меня выслушал сам хан, я принес жалобу, что калмыцкие татары не только ограбили наших матросов, жестоко пытали и обесчестили, но и обратили в неволю. Он сказал, что велит расследовать это дело. Так как я видел, что в Шемахе немногого можно добиться для освобождения нашего народа, то я решил ехать в Исфаган. Мы заняли у одного купца из баньян 75 абасов с обещанием по приезде в Исфаган отдать за них сто, причем хирург остался заложником, а если сотня абасов не будет возвращена в Исфагане, то придется отдать в Шемахе 125. Я подсчитал все с хирургом и подарил ему 127 гульденов 10 стейверов, которые я ему переплатил в Астрахани за его шелк и меха; но он дал мне взаймы 135 гульденов, причем я ему выдал расписку в том, что также уплачу эти деньги, ибо он мне тем помог в крайней нужде и несчастьи.

15 ноября я выехал из Шемахи в обществе Корнелиса, бывшего канонира; юноша Питер Арентс остался с хирургом, а Людовик Фабрициус, парусный мастер и Карстен Бранд — у польского посла.

2 января 1672 г. прибыли мы в Ардебиль, а дорогой нам пришлось перенести большие холода и тяжкую нужду.

В понедельник 26 января, принимая во внимание, что нам не на что было жить и что никого не было, с кем бы мы могли отправиться из Ардебиля в Исфаган, мы с канониром решили поехать в город Тавриз, до которого было шесть дней пути от Ардебиля, тем более, что услышали, что там живет несколько французских капуцинов, на которых мы надеялись, что они нас поддержат. По случаю крайней нужды мне пришлось продать в Ардебиле свою медную кружку, кубок и сундук, за что мне дали три с половиной абаса, и кроме того я еще взял взаймы у одного баньяна, или индуса, пять абасов на шесть абасов роста, так что я дал возчику расписку на одиннадцать абасов с тем, чтобы расплатиться в Тавризе.

Мы тронулись в путь и в воскресенье 1 марта прибыли в город Тавриз, где нашли двух монахов-капуцинов, которые приветливо нас встретили и тотчас же оказали нам помощь.

В понедельник 2 марта пришел в город и канонир, ибо за день перед тем я пришел сюда пешком. Капуцины приняли нас весьма вежливо и хорошо. Еще раньше прибыли сюда два француза из Смирны, одного из них звали г-н Лезуль (Lesul), другой был хирургом по имени Бьянис (Bianies). Помянутые патеры устроили так, что я получил 30 абасов, и дали мне 15 абасов на лошадь. Я снова дал расписку возчику на 45 абасов с тем, чтобы уплатить их в Исфагане. Затем 4 февраля мы распрощались с Тавризом и 10 марта, слава богу, прибыли в добром здравии в королевскую резиденцию и столицу Исфаган, в голландском подворье встретили начальника Фредрика Ламбертс Бента (Fredrik Lambertsz Bent), второго по чину Рейнира Казенброта (Reynier Kasenbroot) и третьего Гейберта Бальдена (Huybert Balden), состоящих на службе в благородной нидерландской Ост-индской компании, каковые господа приняли нас вежливо и приветливо. В прошедшую субботу они отправили в Гомбрун канонира Корнелиса Корнелиса, снабдив его деньгами и одеждой, что видно из письма, отправленного им тогда жене. Я взял в Шемахе свидетельство от канонира, парусного мастера и матроса в том, что они скрылись из Астрахани без моего ведома и оставили там меня и шкипера.

Все, о чем я здесь пишу, сам видел, слышал и претерпел и все это истинная правда. Милостивейший читатель может сохранить это письмо как вечное воспоминание обо мне и узреть из него, как много может человек перенести нужды, несчастья и

опасности. Благословение всевышнему богу, что он меня милостиво спас и помогал мне до сего времени. Я живу доброй надеждой, что каждый настоящий христианин сжалится и протянет руку милосердия бедным пленным, находящимся под тяжким ярмом неволи. В то же время я не сомневаюсь в милосердии благословенного бога, ибо все лежит в руце божией.

Подписано: *Давид Бутлер.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

[1] Марсельный ветер — ветер, когда можно ставить только марсели (средние паруса), между нижней и второй реей, а брамсели (верхние) ставить нельзя.

[2] Галера — большое гребное судно с одним парусом и низким бортом до 40 *м* длиной; имеет с каждой стороны от 25 до 30 скамей (на 5—6 гребцов). Гребцами на галерах были обычно обращенные в рабство пленники или преступники.

[3] Сан-Лоренцо — кафедральный собор, заложенный в конце XI в. и перестроенный в 1422 г.

[4] Шеффель — мера сыпучих тел, от 50 до 100 *л* в зависимости от местности.

[5] Клафтер — мера длины, равная приблизительно 1,75 *м*.

[6] Здесь выпущен абзац, содержащий лишь сухое перечисление отдельных мелких пунктов на острове Сант-Яго, не представляющий никакого интереса.

[7] На острове Фого находится действующий вулкан.

[8] Сиерра-Леоне — страна на западном берегу Африки. Открыта и впервые обследована португальцами в середине XV в. С XVIII в. — колония Англии.

[9] Анкер — мера жидкости, принятая в германских странах (в Голландии до 1829 г.) для измерения вина. Колеблется от 33 до 44 *л*.

[10] Флейт — большое грузовое судно, употребляемое в Голландии. Служило во время войн для подвоза провианта, амуниции и снарядов.

[11] Это же сравнение употребляет Стрейс и при описании русских обычаев.

[12] Ассагай — ударное копье, оружие африканских негров; представляет собой длинную деревянную рукоятку с обоюдоострым железным лезвием.

[13] Джонка — китайское парусное судно с широкой и высоко поднятой кормой. Легкое на ходу и приспособленное к перевозке грузов.

[14] Сандаловое дерево — название целой группы красных красильных деревьев, растущих в Индии, на Цейлоне, Мадагаскаре и др. До XIX в. вывозилось большими партиями в Европу.

[15] Ост-индская компания. До открытия морского пути в Индию торговля с Востоком шла караванным путем из Индии, Персии и Аравии к побережью Средиземного моря, где главным торговым портом была Смирна. Отсюда товары шли морским путем на Венецию и Геную или в города Ганзейского союза и оттуда по всей Европе. Португальцы, открывшие морской путь мимо мыса Доброй Надежды, захватили в свои руки торговлю со странами Дальнего Востока, разрешая перевозку товаров лишь на королевских судах, назначив единственным складочным портом Лиссабон и установив высокие пошлины. Но им пришлось столкнуться с европейской биржей, центром которой был Антверпен. Нидерланды стали искать прямых сношений с Индией. Были образованы различные компании, которые в 1602 г. слились в Соединенную голландскую ост-индскую компанию с крупным капиталом (свыше 6 млн. гульденов), приносившим высокие проценты. Компания ежегодно отправляла до 40 кораблей и в 1641 г. вытеснила португальцев с Индийского архипелага. Но в это же время поднялся другой, более сильный конкурент — Англия, и к середине XVIII в. голландская ост-индская компания прекратила свое существование.

[16] Ласт-судовой — мера емкости. Имела разный вес, смотря по роду товара — в среднем от $1\frac{1}{2}$ до 2 *т*.

[17] Пирамиды — Стрейс очевидно имеет в виду пагоды.

[18] Больверк — подпорная деревянная стена, не допускающая сползать земляные насыпи, защищающая берег от разрушительного напора волн и т. д.

[19] Стейвер — мелкая разменная монета в Голландии, составляла $^1/_{20}$ гульдена.

[20] Патани — малайское племя, жившее на восточном берегу Малаки, состоявшее в вассальных отношениях к Сиаму.

[21] Саппан — один из видов тропических деревьев (Ceasalpina Sappan), из которого добывается красящее вещество. Лучшие сорта саппана в Сиаме.

[22] Катти — под этим именем известна у европейцев китайская мера веса, кинг, равная в Китае 604,5 *г*, в Сиаме 1 200 *г* и в Нидерландской Индии 632,6 *г*.

[23] Пинанг — наркотическая жвачка, приготовляемая из семян пальм арека и листьев бетеля. Жевание бетеля распространено по всей Ост-Индии и на Мадагаскаре.

[24] Тикаль или кейат — монетная и весовая единица в Сиаме и Бирме. Содержит 16 *г* чистого серебра, равна таким образом 1,5 голландским гульденам.

[25] Камбоджцы — жители Камбодии, государства в Индо-Китае, граничащего с Сиамом и Анамом.

[26] Кница — кусок дерева с двумя разветвлениями. Кницами соединяют в остове корабля бимесы (поперечные брусья) со шпангоутами (ребра судна) и другие брусья, скрепляющиеся под углом.

[27] Рангоут — общее название для всех деревянных частей снаряжения судна, на которых ставятся паруса (мачты, реи, стеньги, гафеля и др.).

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

[28] Дукатон — серебряная монета в Восточных Нидерландах.

[29] Франческо — в 1574—1587 гг. герцог Тосканы, сын Козимо I Медичи; Фернандо (1587—1609 гг.) построил гавань в Ливорно.

[30] Фридрих I Барбаросса (1123—1190 гг.) — германский император (с 1152 г.). После взятия султаном Саладином Иерусалима (1189 г.) отправился во главе крестового похода в Палестину, но на пути умер.

[31] Дворец великого герцога — знаменитое палаццо Веккио — построен в 1298 г.; близ него Лоджиа деи-Ланци (получившая свое название от немецких телохранителей великого герцога Козимо I).

[32] В Болонье две «падающие» башни из красного кирпича. Одна из них 97 *м* высоты, другая, la torre Garisenda, меньше ее вдвое, но наклонена значительно сильнее.

[33] Венецианско-турецкая война продолжалась с 1645 г. по 1669 г. Несмотря на блестящую победу, одержанную полководцем Франческо Моросики, война окончилась для Венеции потерей Крита.

[34] Барилло — старинная итальянская мера жидкостей различной вместимости, от 33 до 140 *л*.

[35] Скудо — итальянская серебряная монета, равная примерно 4 немецким маркам.

[36] Тартана — одномачтовое береговое судно с трехугольным (так называемым латинским) парусом и веслами; распространено в Средиземном море.

[37] Бей — турецкий титул, присваиваемый знатным особам, князьям или начальникам отдельных племен. Галеры беев — очевидно галеры союзников и вассалов султана из Алжира, Туниса и Триполи.

[38] Мальтийский духовно-рыцарский орден, основанный в 1118 г., после образования Иерусалимского королевства. После его падения орден перешел сначала на Кипр, потом на Родос, а с 1530 г. укрепился на острове Мальте.

[39] Галеас — так назывались самые большие военные суда Венецианской республики: они имели около 50 *м* длины, 3 мачты и весла, с каждой стороны 32 скамьи, на которых сидело по 6 или 7 гребцов, несколько пушек (не меньше двух).

[40] Стрейс приводит длинный список, в несколько десятков имен, начальников отдельных кораблей и галер, офицеров и знатных лиц, бывших во флоте (в том числе принц Пармский). В настоящем издании мы его опускаем.

[41] Дон-Жуан Австрийский (1547—1578 гг.) — испанский полководец. Участвовал в войне союзных средиземноморских государств — Венеции, папы, Испании и Генуи—с Турцией. В 1571 г. предводительствуемый им флот из 300 галер напал на турецкий флот, стоявший в гавани Лепанто, и разбил его, захватив 130 галер и освободив 12 тыс. пленных. Кроме уничтожения турецкого флота эта победа не дала союзникам никаких выгод. Захваченный Турцией остров Кипр остался за ней.

[42] Очевидно старинный монастырь Христодула (основан в 1088 г.).

[43] Кади — судья у турок и вообще у мусульман.

[44] Сайка — левантинское судно.

[45] Бригантина — легкое и быстроходное судно.

[46] Шанец — общее название полевых и временных укреплений, не определяющее их вида.

[47] Деревянное масло. Здесь разумеются низшие сорта оливкового масла, до сих пор представляющего один из основных продуктов острова Корфу.

[48] Куртина — часть крепостной ограды между бастионами.

[49] Мальвазия — ликерное вино. Приготовляется главным образом в Греции, Италии, на Крите.

[50] Галеот — небольшое парусное плоскодонное судно, род галеры.

[51] Маон — род турецких галеасов (см. выше, прим. 39). Они значительно меньше венецианских и не всегда снабжены орудиями.

[52] Пробирный или лидийский камень. Употребляется при золотых и серебряных пробах.

[53] Капер — частное лицо, которое во время войны снаряжает с разрешения правительства на свой счет судно для нанесения вреда противнику (нападения на купеческие суда). Каперам предписывалось брать патенты, вносить залог, не грабить своих, не нападать на неприятеля во время перемирий и т. д. Каперство приобрело особое развитие в XVII в. во время морских войн за мировые рынки, когда главной целью было уничтожение торговли противника, причем каперам предоставлялось право захватывать и грабить корабли нейтральных стран, чтобы не дать им возможности вытеснить с рынков воюющие страны. Каперство — морское партизанство; его не следует смешивать с прямым морским разбоем (пиратство), хотя, как видно и из примера, приводимого Стрейсом, они часто переходили одно в другое. Капер — также название каперского судна.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

[54] Уполномоченным великого князя Московского — как называет его Стрейс—был голландский купец И. Сведен, давно проживавший в Москве по торговым делам. Ему было поручено «нанять плотников, которые могли бы строить корабли для морского ходу, и людей, которые могли бы управлять кораблями» (А. Попов, О построении корабля «Орел» в государствование царя Алексея Михайловича. «Русская беседа», М. 1858 г., т. IV, отд. 2-е).

[55] В поручных записях сказано, что «Давыд Иванов сын Бутлер нанялся в службу его царского величества и через Ивана фан-Сведена имянем его царского величества укрепился, что его царскому величеству служити на море Хвалынском капитаном и кормщиком генералом, и над людьми ему, которые к тому делу в службу его царского величества наймутца, верно владети и меж ими как пристойно разрежати; также обещаетца людей к тому делу годных наймовати, и все, что к тому надобно, на его царского величества искупити и к караблю изготовити; а понеже он Давыд Иванов сын был во многих краях света и умеет говорить различными языки, и его царскому величеству ему служить во всяких прилучающихся статьях на море и где его царское величество изволит послать; также обещаетца: как ему укажут ехать к Москве и ему неотложно ехати» («Дополнения к актам историческим», т. V, 1855 г., № 46, стр. 211—212).

[56] Давид Бутлер, по донесению Сведена, задержался в Амстердаме «для пяти человек карабельных, на которых записи были взяты и деньги им наперед даны, которые ушли, а он чает их поимать и деньги назад взять, а в их место наймовать иных людей» («Дополнения к актам историческим», т. V, № 46, стр. 218). Тем временем было поручено в 1677 г. 22 июля «иноземцу полуполковнику Якову Старку быть у своего великого государя судового дела в Нижнем-Новегороде, с полковником с Карнилиусом фан-Буковином и с мастеровыми людьми, и послать его для досмотру корабельного лесу на судовое дело в Вяземской и Коломенской уезды; и к иным ни к каким делам того полуполковника Якова Старку имать великий государь не велел» (там же, стр. 221). Они-то и строили корабль «Орел», который был готов к приезду Бутлера.

[57] Густав-Адольф (1594—1632 гг.) — шведский король, вел большие войны на континенте. С 1621 по 1629 гг. воевал с Польшей и взял Ригу в 1621 г., удержал ее за Швецией по миру 1629 г.

[58] Олеарий в своем «Путешествии» также сообщает о жителях Ливонии: «в различных местах, в особенности же на холмах, они выбирают известные деревья, вырезывают на них до самой вершины разные знаки, обвязывают их красными лентами и совершают под ними свои суеверные обеты и моления». Немного дальше Олеарий приводит полную формулу клятвы на эстонском языке и описывает самый способ клятвы так же, как он описан у Стрейса. «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием, перевел с немецкого Павел Барсов», М. 1870 г., стр. 61. В дальнейшем ссылки на Олеария делаются по этому изданию.

[59] К озеру Ильменю.

[60] Олеарий также приводит известную пословицу «Кто против бога и Великого Новгорода», и добавляет: «Но Сенека говорит на этот счет иное: Nihil tam magnum, quod perire non possit» («Нет ничего столь великого, что не могло бы погибнуть»). Далее Олеарий передает историю падения Великого Новгорода и приводит несколько примеров жестокости Иоанна Грозного («Путешествие», стр. 76).

[61] Легенда о чудесном путешествии св. Антония на мельничном жернове и о построенной им церкви приводится и у Олеария (стр. 81—82). Эта легенда вошла в «Жития святых», принятые православной церковью.

[62] Яков Делагарди (1583—1655) — шведский полководец. В Смутное время, когда Шуйский обратился за помощью к Швеции, был послан в Москву. За эту помощь Швеция должна была получить Кексгольм. Соединившись в Новгороде с московскими войсками под начальством Михаила Скопина-Шуйского, Делагарди разбил поляков и в 1610 г. освободил от осады Москву. Затем, потерпев поражение, он отступил к Новгороду и в ночь на 16 июля 1611г. занял его.

[63] Пристав—так назывались в Москве лица, на которых возлагались какие-либо особые поручения, например сопровождение иностранных послов и т. д. Обычно пристава принадлежали к знатным родам.

[64] Николо Деревянный (Nicolo Direweno) — Никола Дербеновский — церковь в Москве. По Олеарию, она отстояла «на 2 небольшие мили» от Москвы (стр. 84).

[65] По всей вероятности село Измайлово, представлявшее собой царский хозяйственный хутор, который показывали иностранцам как достопримечательность. Основан хутор был в 1663 г. и находился в ведении Тайного приказа.

[66] Немецкая слобода находилась в версте от Скородома (см. ниже, прим. 71) в районе теперешних Покровских ворот.

[67] Фроловские ворота в Кремле — Спасские ворота. Монастырь у Фроловских ворот—Вознесенский, место погребения цариц. Подробное описание Москвы дано Олеарием в I гл. 3-й книги его путешествия (стр. 105—113).

[68] Олеарий говорит, что для звона в этот колокол «употребляются 24 человека и даже более, которые стоят на площади внизу и, ухватившись за небольшие веревки, привязанные к двум длинным канатам, висящим по обеим сторонам колокольни, звонят таким образом все вместе то с одной, то с другой стороны» (стр. 109—110).

[69] Церковь по образцу Иерусалимского храма — Храм Василия Блаженного,

[70] То же сообщает Олеарий, который называет рынок перед Кремлем самым большим и лучшим в городе, кроме того указывает на находящийся неподалеку от Кремля «иконный ряд, где продаются исключительно писаные образа их древних святых» и площадку, «на которой русские во время хорошей погоды сидят под открытым небом, бреются и стригутся. Рынок этот называется у них Вшивый, до такой степени он устлан толстым слоем волос, что ходишь по нем, точно по подушке» (стр. 111).

[71] Скородом, или Деревянный город, был построен в течение одного года Годуновым вокруг всех посадов, отчего и получил свое название. Эти стены были сожжены поляками. В 1633—1640 гг. на их месте был насыпан земляной вал со рвом и тыном на нем, после чего он начал называться Земляным городом.

[72] Стрелецкая слобода выросла из слободы Налейки или Наливки, построенной великим князем Василием Ивановичем для иностранных солдат. Последняя же, по словам Олеария, получила свое наименование «по причине господствовавшего там пьянства; ибо слово «налей» (Nali) значит у русских «поднеси» (стр. 112).

[73] Олеарий утверждает, что в городе Москве находится более 2 000 церквей, монастырей и часовен (стр. 113).

[74] О частых пожарах в Москве также сообщает Олеарий: «Крыши на домах делаются из тесу, поверх которого настилается березовая кора (береста), а иногда и дерн, отчего бывают частые большие пожары, так что не проходит не только месяца, но даже недели, чтобы не сгорело несколько домов, а иногда, при сильном ветре, и целых улиц. Во время нашего пребывания несколько раз случалось так, что ночью мы видели огонь в трех или четырех местах в одно и то же время. Незадолго до приезда нашего в Москву в ней выгорела целая треть города, то же самое повторилось там и четыре года тому назад» (стр. 107).

[75] О невероятных морозах сообщает и Олеарий: «Зимой вообще по всей России такая сильная стужа, что едва можно укрыться от нее, и там нередко отмораживают себе нос, уши, руки и ноги. В бытность нашу в первый раз в Москве, в 1634 г., была такая суровая зима, что на рынке перед Кремлем от мороза образовалась в земле трещина, длиной в 20 сажен и шириной в четверть локтя. Никто из нас не мог пройти по улице с открытым лицом и 50 шагов без того, чтобы ему не показалось, что он отморозил себе нос и уши. Я нашел также справедливым, как некоторые писали, и то, что капля воды, или слюна, выплюнутая изо рта, замерзает прежде, чем упадет на землю» (стр. 116).

[76] Олеарий сообщает: «Назад тому несколько лет один знатный купец, Петр Марцелий, привез в Москву первые полные садовые розы из Готтофского сада моего милостивейшего князя и государя, и розы эти принялись там, как нельзя лучше» (стр. 121).

[77] «Вино разного вида и в большом количестве привозится туда через Архангельск на голландских и других кораблях» (Олеарий, стр. 121).

[78] Утверждение «русские рождены для рабства» принадлежит Олеарию (стр. 184), ссылающемуся на слова Аристотеля о народах Средней Азии: «Натура их такова, что они не могут и не должны жить иначе, как в рабстве» (стр. 189).

[79] Олеарий пишет: «Если такие господские рабы, или крепостные люди, отпускаются на волю по смерти самих господ или по доброте этих последних, то отпущенники сии скорехонько снова продают себя в крепость. У них обыкновенно не бывает ничего, чем бы они могли жить, и потому они нисколько не дорожат свободой» (стр. 189).

[80] Олеарий пишет: «Что касается рабов и холопов, принадлежащих великим и другим знатным господам, то их бесчисленное множество, у иных более 50, а у других даже по сотне и более в имении и дворе. Живущие в Москве не имеют обыкновенно обеда при дворах господ своих, а получают на прокорм деньги, столь, впрочем, ничтожные, что на них едва могут поддерживать свое существование, отчего в Москве такая бездна воров и разбойников» (стр. 186).

[81] Похмелье (Pochmelie) и его приготовление подробно описано у Олеария (стр. 195).

[82] «Порок пьянства, — говорит Олеарий, — распространен в русском народе одинаково во всех состояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими сословиями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми,

до такой степени, что если видишь по улицам там и сям пьяных, валяющихся в грязи, то не обращаешь на них и внимания, как на явление самое обычное... В бытность нашу в Москве там везде находились открытые питейные дома, или кабаки, в которые всякий желающий имел вход и пил за свои деньги водку; при таком удобстве простой народ все, что зарабатывал, приносил в кабак и так крепко засиживался там, что, пропивши заработок, снимал с себя платье, даже рубашку, и оставлял ее продавцу за водку, а затем нагой, как родился, возвращался домой» (стр. 180—181). В другом месте Олеарий пишет: «Трактиры, корчмы, кабаки, или кружечные дворы, как их теперь называют, приносят великому князю вообще огромные деньги. В Новгороде постоянно было три кабака, из которых каждый давал в год доходу по 2000 рублей, это со всех трех составит 12 000 рейхсталеров; при теперешнем новом порядке доход этот еще увеличился. Теперь кабаков, хотя они не все приносят такие большие доходы, во всей стране считают до тысячи» (стр. 261).

[83] Наряду с возникшими во время Ивана IV царскими кабаками долгое время существовали кабаки бояр, князей и других частных лиц (в том числе и духовных). Но в 1652 г. кабаки, принадлежавшие частным лицам, были запрещены.

[84] «Свою смышленность и хитрость, — говорит Олеарий, — русские между прочим проявляют в торговле, весьма хорошо понимая, что и как купить или продать повыгоднее, и придумывают при этом все способы обмануть ближнего, чтобы получить себе всякого рода выгоду и барыши. Кто захотел бы их обмануть, тот должен обладать немалым умом». Олеарий приводит такой случай: «Однажды несколько московских купцов очень просили одного голландца, который в торговле надул их на огромную сумму, чтобы он вступил в их общество и вел бы с ними вместе торговлю. Так как голландец знал разные мастерские по-ихнему приемы и проделки в торговле, то сказанные купцы надеялись, приобретя такого человека, повести торговлю самую прибыльную» (стр. 168).

[85] Олеарий пишет: «Вообще русский народ пресварливый, обзывают друг друга самыми грубыми и неприличными словами... Но до драки редко у них доходит, а если и дойдет, то дерутся просто кулаками, которыми они колотят друг друга изо всей силы по бокам и под брюхо» (стр. 175).

[86] Старинная русская одежда носит множество наименований, в зависимости от различного покроя, отделки, а иногда и материала, из какого она сшита. Иностранцы улавливали лишь общие особенности русской одежды и описывали скорее не отдельные ее виды, а группы или типы одежд. Повсеместной одеждой был кафтан: длиной почти до пят, с длинными рукавами и петлицами для застежки впереди. По назначению различали кафтаны: столовые, ездовые, дождевые, смирные (траурные) и т. д. По покрою различались кафтаны: турский и становой. Первый без воротника и застегивался только у шеи и на левом боку, второй с перехватом и отличался от турского более короткими рукавами. Под кафтан надевалась ферязь — верхняя комнатная одежда. Кафтан или ферязь в свою очередь надевались на зипун (узкая шелковая одежда до колен), а последний на сорочку или рубаху. Поверх кафтана надевали летом опашень, осенью однорядку, охабень или епанчу, зимой шубу. Сорочки шились длиной до колен, с разрезанным напереди воротом. На груди и на спине подшивалась подоплека или подкладка. Воротник или зарукавья или края рукавов (смотря по состоянию) узорочно вышивались шелком, серебром, золотом, унизывались жемчугом и драгоценными камнями. Различались маленькие шапочки — тафьи, остроконечные колпаки и большие боярские шапки — «горластые». «По шапке можно было узнать происхождение и достоинство. Высокие шапки означали знатность породы и сана. Как бы великолепно ни оделся посадский, он не смел надеть высокой шапки, и даже в самых колпаках—обыкновенной народной шапке—вышина соразмерялась с знатностью носившего шапку» (Н. И. Костомаров, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПБ 1860 г., стр. 71—72). Об одежде русских и их внешнем виде Олеарий подробно говорит в V гл. 3-й книги.

[87] «Женщины в России среднего роста, вообще стройны, нежны лицом и сложением, но в городах все румянятся и так грубо и заметно, что, глядя на них, подумаешь, будто кто вымазал их рукою, полною муки, и потом кисточкой на-

мазывал им щеки красной краской. Брови и ресницы они также подкрашивают черной, а иногда коричневою краской» (Олеарий, Путешествие, стр.159—160). Обычай краситься и румяниться был настолько распространен и принят, что отказ от него грозил большими неприятностями. Олеарий рассказывает: «Случилось раз в нашу бытность в Москве, что жена знатнейшего вельможи и боярина князя Ивана Борисовича Черкасского (Jvoц Borissewitz Zirkaski), прекрасная собою, не хотела было румяниться сначала, но ее тотчас же уговорили жены других бояр, зачем она презирает порядок и обычаи их земли и тем хочет опозорить других, себе подобных, и дело до того довели чрез своих мужей, что эта красивая от природы женщина принуждена была наконец румяниться и, так сказать, зажигать свечку при светлом сиянии солнца» (стр. 160).

[88] Свадебный обряд подробно описан у Олеария, посвятившего ему VIII гл. 3-й книги. Сжатое сообщение Стрейса в общих чертах совпадает с ним.

[89] Олеарий добавляет к этому: «что означает и как бы способствует тому, чтобы вступающие в брак в сожительстве своем имели всегда изобилие в пище и в средствах к жизни» (стр. 206).

[90] Олеарий посвящает положению русских женщин IX гл. 3-й книги.

[91] «Когда я был в Астрахани, — сообщает Олеарий, — то посетил там потихоньку баню, с намерением взглянуть, как моются там русские. Бани самые разделены были на две половины досчатыми перегородками для того, чтобы мужчины и женщины могли мыться отдельно. Но те и другие входили и выходили в одну общую дверь, причем ходили совершенно нагие, ничем не прикрываясь, и только некоторые держали перед собою березовый веник, у остальных же и того не было. Иногда женщины без всякого стыда входили в мужское отделение и разговаривали там с своими мужьями. Русские могут выносить чрезвычайно большой жар, и в бане, ложась на полках, велят себя бить и тереть свое тело разгоряченными березовыми вениками, чего я никак не мог выносить. Затем, когда от такого жару они сделаются все красными и изнемогают до того, что уже не в состоянии оставаться в бане, они выбегают из нее голые, как мужчины, так и женщины, и обливаются холодной водой. Зимой же, выскочив из бани, они валяются на снегу, трут им тело, будто мылом, и потом, остывши таким образом, снова входят в жаркую баню» (стр. 201).

[92] Подробно и с большим одобрением говорит о немецких банях Олеарий: «Такого почетного приема и чистоты не найдешь у спесивых, своекорыстных и грязных русских, у которых все это неопрятно и противно» (стр. 203).

[93] О Земском приказе, или дворе, Олеарий сообщает: «Не проходит ночи, чтобы на утро не найдено было на улицах несколько мертвых тел... В бытность нашу в Москве в течение 11 дней ноября месяца было поднято 15 человек убитых, как оказалось по счету на Земском дворе. На этот Земский двор свозят утром мертвые тела, и если кто увидит, что кто-нибудь из семейных не ночевал дома, то идет искать пропавшего на этот Земский двор» (стр. 188).

[94] Божий дом, или убогий дом, — место отведенное для отверженных, которых не считают достойными похоронить на кладбище. Там хоронили утопленников, воров и разбойников, казненных или умерших от ран и т. д. Самоубийц зарывали в лесу или в поле, даже не в убогом доме.

[95] Под паспортом Стрейс имеет в виду разрешительную грамоту, которую вкладывали в руки мертвеца после отпевания по православному обряду. Олеарий приводит полный текст этой грамоты в гл. XXXI 3-й книги.

[96] Религии русских Олеарий посвящает несколько больших глав: «О вере русских и о происхождении ее» (гл. XXI), «Об обрядной стороне христианства русских, о теперешнем богослужении и в особенности о крещении» (гл. XXIII), «О крещении отступников христиан и других взрослых» (гл. XXIV), «О русских праздниках, торжественных днях и как русские слушают слово божье в церквах русских» (гл. XXV), «О крестном знамени русских, об осенении себя сим знамением, об образах святых, пред которыми русские кладут поклоны» (гл. XXVI), «О чтимых русскими святых, которые находятся в их стране и к которым они установили хождение на поклонение» (гл. XXVII), «О русских церквах» (гл. XXVIII), «О русском духовном управлении, о духовенстве, церковных служителях и монахах» (гл. XXIX), «О постах русских» (гл. XXX), «О покаянии и святом причащении» (гл. XXXI), «О погребении покойников»

(гл. XXXII), «О вероисповеданиях иноземных, терпимых и не терпимых московитянами» (гл. XXXIII); все в 3-й книге. Из этого огромного материала и почерпнуты возможно краткие сведения, приводимые Стрейсом.

[97] Василий — христианское имя князя Владимира.

[98] Стрейс имеет в виду разрыв патриарха Никона (1605—1681) с царем Алексеем Михайловичем.

[99] Олеарий отводит несколько страниц описанию образа правления русских и между прочим, говоря о неограниченной власти царя, осторожно замечает: «Так как обыкновенное различие между правлением надлежащим и правомерным и тираническим полагают в том, что в первом имеется в виду благо подданных, а во втором собственная польза государя, то на этом основании и образ правления русских близко подходит к тираническому» (стр. 216).

[100] Стрейс переделал Романов на «Römer» (римлянин) и производит фамилию Романовых от «Rom»—«Рим», связывая таким образом фамилию Романовых с генеалогическими построениями московских царей, которые ему, видимо, известны.

[101] Стрейс указывает далеко не на все статьи государственных доходов. О доходах и расходах великого князя Олеарий говорит в XIV гл. 3-й кн.

[102] В главе «О русских судах, законах и родах наказания» (XX гл. 3-й кн.) Олеарий описывает батоги и способ наказания батогами.

[103] Празднование Вербного воскресенья также описано Олеарием в XIV гл. 2-й книги.

[104] За это время в Москве капитану Бутлеру пришлось вынести некоторые неприятности, о которых Стрейс умалчивает:

«На капитана извещал Еремей фан-Дергатен марта в 3 числе», что он «будучи на Москве, написал на карабельных людей, которых вывез с собою из-за моря к Москве, в наймех их сверх заморских записей другие записи, а в тех записях приписывал перед заморским договором лишние деньги; да он же Давыд, сверх первые заморские ж росписи, в покупке карабельных снастей и припасов и парусных полотен в росходе приписывал лишние ж деньги; а одного человека сару нанял на Москве, а записи написал, будто нанял его за морем, а тот иноземец преж сего жил во дворе у боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово в конюхах; да он же Давыд писал себя карабелным капитаном, не имеючи на тот чин у себя пасу и на караблях нигде не бывал и карабелное дело ему не за обычай». И когда было «про то про все по его Еремееву извету сыскано», то капитан Бутлер этих своих грехов не отрицал и не запирался («и ему было Давыду так делати не годилось, также и капитаном не имеючи у себя пасу писатца было не довелось же») — и лишь утверждал, что «хаживал на море и на кораблях во французское и в Ишпанское и в Английское государства, и в Восточную Индию, и был начальным человеком и ход морской ему за обычай, и слался в том на многих иноземцев». После разбора этого дела в Посольском приказе ему было указано «писатца прежним чином, а не капитаном, и ехати ему со всеми карабелными людми в Астрахань».

Затем велено выдать «Давыду Бутлеру великого государя жалованье кроме харчей, а товарищам его карабелным людям кормовые ж и за харчи денги; на прошлые месяцы по апрель месяц нынешнего 117 году [1669] и впредь в дорогу с апреля с 1 числа по июль месяц, на три месяца, выдать и впредь давать по заморским записям, по меншому уговору, с вычетом велено ж; а что на нем же Давыде заморские покупки карабелных снастей и за всякими росходы довелось донять остаточных денег, и те денги вычесть из его Давыдовых кормовых денег». («Дополнения к актам историческим», т. V, № 47, стр. 265—266).

[105] Струг — плоскодонное гребное судно, употреблявшееся главным образом для перевозки товаров.

[106] Дело с постройкой корабля «Орел» тянулось почти два года. Царским указом от 19 июня 1667 г. поручено было ведать постройкой корабля боярину Афанасию Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину, который отправил в село Дединово дозорщиков для осмотру леса, годного на корабельное дело. В начале сентября для покупки описанного леса и наблюдения на месте за постройкой корабля были посланы дворянин Яков Полуектов и подьячий Степан Петров. Постройка шла неспоро. К приезду иностранных масте-

ров оказалось, что на месте нет ни лесу, ни рабочих. Постоянная переписка и препирательство различных приказов сильно затрудняли дело. Дединовцы досаждали иностранцам, отводили им дворы далеко от «корабельного дела». Наконец 25 августа 1668 г. Полуектов сообщил, что «корабль к отпуску готов и щеглы все поставлены, и к окнам и дверям пробойны куют наспех». Но корабль так и прозимовал в Дединове. Полковник Буковен и Полуектов поссорились, начали писать друг на друга доносы, полковник писал, что в Оке вода мелка и итти по ней кораблю нельзя, Полуектов писал, что в реке вода велика и кораблю итти можно, только полковник пьет и бражничает. Наконец в 1669 г., 2 марта, послали в село Дединово Давыда Бутлера осмотреть «можно ли на том корабле на Хвалынском море ходить» и объявить о том в Посольском приказе. («Дополнения к актам историческим», т. V, № 46 и 47; А. Попов, О построении корабля «Орел», стр. 5—11; С. Соловьев, История России с древнейших времен, т. XII, М., 1880 г., стр. 268—271; А. Висковатов, Строение военных судов в России при царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче; «Морской сборник», 1856 г., VI, стр. 89—131). В своем дальнейшем описании пути по Оке и Волге Стрейс следует описанию Олеария (в гл. I—IX, 4-й кн.), см. также указатель, где приведены для сравнения обозначения Олеария.

[107] В русских записях несколько раз подробно указывается, сколько кому из команды Бутлера причитается «кормовых денег и за харчи», одна из таких росписей была послана 15 апреля 1669 г. в Новгородскую четь. В ней дан наиболее полный список команды, плававшей на «Орле»:

«Карабелному капитану Давыду Бутлеру, кормовых пенег на прошлые на 24 месяца, апреля с 1 числа 175 году да по апрель же месяц нынешнего 177 году, всего 340 рублей 13 алтын 2 денги, по 20 рублей на месяц, кроме того, что у него у Давыда вычтено кормовых денег 2 месяца и что осталось от покупки снастей, вычтено ж 99 рублей 20 алтын.

«Товарищам его карабелным людям кормовых денег и за харчи: Яну Албертсону, карабелному дозорщику и писарю, по 11 рублей по 13 алтын 2 денги; Вилиму Вилимсону карабелного деревья, и брусяному мастеру, по 11 рублев по 13 алтын 2 денги; Петру Бартелсону, начальному бутману, по 10 рублев; товарыщу его Мейден Мейденсону по 10 рублев; Корнилиюсу Корнилиюсову, карабелному пушкарю, по 10 рублев; товарыщу его Кистеру Бранту по 10 рублев; Вигерту Попкесу брусяного мастера товарыщу, по 10 рублев; Яну Янструсу, парусному мастеру, по 10 рублев; товарыщу его Элесу Петерсону по 10 рублев; карабелным сарам 4 человеком: Гаврилу Петрову, Корнилиюсу Браку; Данилу Корнансону, Питеру Андерсону по 10 рублев человеку на месяц. А выдать тем карабелным людям те их кормовые и харчевые денги генваря с 1 числа нынешнего 177 по апрель месяц нынешнего ж 177 году, на три месяцы. Да им же Давыду Бутлеру с товарищи, 14 человеком, дать великого государя жалованья, в дорогу до Астрахани, кормовых денег апреля с 1 числа июля по 1 число нынешнего 177 году, на три ж месяцы, потому же на месяц.

«Давыдовым же товарыщам, которые ныне у карабелного строенья, Ламберту Гелту с товарыщи, 6 человеком, дати кормовых денег, в дорогу ж до Астрахани, апреля с 1 числа нынешнего 177 года июля по 1 число нынешнего ж 177 ж году, на три же месяцы; Ламберту Гелту по 16 рублев; Вилиму фон-Денкрету по 13 рублев; порутчику и лекарю Миколаю Шаку по 8 рублев с гривною; Дитриху Петерсону по 7 рублев по 6 алтын по 4 денги; Антону Минстеру по 6 рублев; толмачу Якову Шкраму по 3 рубли на месяц» («Дополнения к актам историческим», т. V, № 47, стр. 269—270).

[108] Олеарий говорит о Касимове (Kassimogorod) — «это был татарский город, принадлежавший татарскому княжеству Касимову (Cassimow). Здесь в древнем каменном строении, которое когда-то было замком, проживал молодой татарский князь, по имени Res-kizi с матерью своей и дедом, которые несколько лет тому назад перешли в подданство Великого Князя, а городок этот отдан им для их содержания» (стр. 394).

[109] «Город Нижний-Новгород лежит под 56° 28′ широты» (Олеарий).

[110] Это подтверждают и русские официальные записи. 30 июня 1669 г. в отписке из Нижнего «воеводы Максима Ардина Нащокина да диака Ивана Бори-

сова» написано: «что по указу великого государя они корабль, и яхту, и бот, и шняки со всеми пушечными запасы приняв у Якова Полуектова и капитану Давыду Бутлеру с товарыщи да в его великого государя жалованье, кормовые деньги, отпустили их из Нижнего июля в 13 день» и что «которые карабелные снасти и припасы на корабль же и на яхту в Нижнем делают и готовят на спех, и те все карабелные снасти и припасы изготовя они пошлют с порутчиком Миколаем Шаком с товарыщи, которые для того оставлены в Нижнем; а карабля де и яхты, покаместа в Нижнем те снасти и припасы сделаны будут, в Нижнем держать не смели, для того чтоб нынешнего Поволского водяного ходу не пропустить» («Дополнения к актам историческим», т. V, № 47, стр. 280).

[111] Стрейс имеет в виду марийцев, у Олеария названных крымскими татарами, причем обитающие на правом берегу Волги называются «нагорными» (Nagorni), «ибо они живут на возвышенной местности». Обитающие же на левом берегу называются «луговыми» (Lugow) (стр. 407). Сведения о черемисах взяты Стрейсом почти дословно из IV гл. 4-й кн. «Путешествия» Олеария «О черемисских татарах» («Путешествие», стр. 407—410). Сравнение с сингалезцами принадлежит самому Стрейсу.

[112] «Они говорят, что существует особая вода». Место это находит объяснение у Олеария, который пишет: «Верстах в 40 на юг от Казани, в одном болотистом месте, течет река или ручей, который черемисы называют Немда (Nemda), к которому они ходят на поклонение и для приношения жертв; они говорят: кто приходит туда и не приносит никакой жертвы, тот должен зачахнуть до смерти или высохнуть, ибо они полагают, что там и в особенности у речки Schokschem, текущей верстах в 10 от Немды, чорт имеет свое главное местопребывание» (стр. 408).

[113] Олеарий также отмечает в этих местах мелководье и множество мелей: «На корабле то лишь и слышно было, что тяни, греби назад» (Tenni, kribbi nasat) и пр.» (стр. 411).

[114] В описании Казани и истории покорения Казанского царства Стрейс следует за Олеарием, посвятившим этому главу VI 6-й книги «Путешествия» «О городе Казани и о том, как он подпал под владычество московитян» (стр. 413—418).

[115] У Олеария: «Город заселен русскими и татарами, но Кремль одними лишь русскими, и ни один татарин не должен быть в нем под опасением смертной казни» (стр. 413).

[116] Казанское ханство занимало среднее течение Волги, область Татарской АССР. Основание Казанского царства относится к 1436—1437 гг. С самого своего основания оно столкнулось с интересами Москвы и вело с ней постоянные войны; просуществовало до 1552 г., когда Иоанн IV взял город приступом и разрушил его.

[117] Управитель, или хан, поставленный в Казань — шах Али, внук сарайского хана Ахмета, врага Гиреев, был из вассальных Москве касимовских царевичей; правил в Казани с перерывами три раза: в 1513—1521 гг., в 1546 г. и в 1551—1552 гг. при поддержке московского великого князя. «Хотя и этот хан, — говорит Олеарий, — был из татар, но он был более приятен, предан и верен великому князю Московскому, чем татарам» (стр. 414).

[118] Имеется в виду Нижний-Новгород.

[119] Менгли-Гирей — в действительности Мухаммед-Гирей. Олеарий также везде называет его Менгли-Гиреем (Mendligeri) («Путешествие», стр. 414).

[120] Арбухим (Arbuchim) — гора и город. Олеарий не только упоминает гору Арбухим, получившую свое имя от города, когда-то находившегося на ней, но и сообщает ту же легенду о камне с надписью, причем надпись на камне приводит и по-русски и в переводе («Путешествие», стр. 424). Похожего названия на современных картах нет.

[121] Царев курган (Sariol kurgan) также обозначен и у Олеария. Легенда о воинах, принесших землю в своих щитах приводится Олеарием: «Нам рассказывали, что под этой горой погребен один татарский князь Момаон (Momaon), который с семью татарскими царями плыл вверх по Волге и хотел пройти и покорить всю Россию, но здесь умер и похоронен, и будто бы воины его, которых было несчетное множество, сносили сюда на его могилу землю шапками и щитами и

от того образовалась гора» (стр. 428). В первом издании Олеария (1647 г.) указано 70 королей. См. вводную статью, стр. 33.

[122] Острова Соснов (Sosnow), Осин (Ossino) и Колтов (Koltoff) упоминает и Олеарий в том же порядке и также обозначенными. Интересно, что остров Шипнамаго (Schinamago) отмечен и Олеарием (Schismamago); это последнее название нельзя применить ни к одному из существующих в настоящее время островов на Волге.

[123] Легенда о Змиевой горе приводится Олеарием: «Некоторые рассказывают басню, что гора эта получила название свое от одного змея или дракона неимоверной величины, который будто бы долгое время жил на этой горе, делая бездну вреда, и наконец каким-то богатырем разрублен на три части, которые якобы тотчас же обратились в камни. На горе еще и теперь лежат друг подле друга три больших длинных камня, как будто отбитых от одного громадного камня» (стр. 433).

[124] О Золотой горе (Solotto-gori) Олеарий говорит: «Здесь татары напали на одну богатую станицу или флотилию, перебили в ней людей и разграбили все, так что разбойники шапками делили между собой деньги и золото» (стр. 435).

[125] Поводом к основанию Чернояра (Tzorno-gar) Олеарий также считает нападение 400 казаков на русский караван в 1500 человек («Путешествие», стр. 445). Рассказ Олеария со всеми подробностями полностью повторен Стрейсом.

[126] Сведения по истории Астрахани заимствованы Стрейсом у Олеария (гл. X 4-й кн. «Путешествия», стр. 454—455).

[127] Олеарий сообщает: «Недавно еще здесь не было ни одного виноградного растения. Персидские купцы привезли как-то первые виноградные лозы в Астрахань, которые один монах и посадил у себя дома в монастыре, находящемся под городом. Когда же увидали, что лозы принялись и пошли расти хорошо, то в 1613 г. по приказанию великого князя тем же монахом разведен был настоящий виноградный сад» (стр. 454).

[128] Сведения о ногайцах или ногайских татарах взяты Стрейсом у Олеария (гл. X 10-й кн. «Путешествия», стр. 455—458).

[129] Сваммердам Иоанн (1637—1680 гг.)—знаменитый голландский естествоиспытатель.

[130] «Рассказывали нам также, — передает Олеарий, — что там, за Самарой, между реками Волгой и Доном, растет редкий вид дыни или скорее тыквы, которая величиной и родом похожа на обыкновенные дыни, наружностью же походит как бы на ягненка, имея весьма ясно очертанные члены его, и русские поэтому называют ее баранец (Boranetz). Стебель этой дыни начинается, как обыкновенно, тотчас у пупочка, но самая дыня, которая во время роста меняет место на такое расстояние, как только дозволяет это стебель, куда ни обратится, везде высушивает траву, и русские говорят, что эта дыня пожирает траву. Когда плод созреет, то стебель засыхает, самый же плод покрывается курчавой шерстью, как у ягненка, и шерсть эту, как рассказывают, можно выделывать и приготовлять к употреблению против холода. В Москве нам показывали несколько кусочков этой шерсти, вырванных из одеяла, и выдавали нам за шерсть дыни баранец. Шерсть эта была нежна и курчава, как шкурка ягненка, вырезанного из брюха матки (мерлушка) или недавно рожденного» (стр. 120). То, о чем Олеарий говорит осторожно, Стрейс передает с добавлениями и сказочными подробностями.

[131] Стрейс пишет «мирз», правильно «мурз». В современных русских памятниках писалось «мурз».

[132] Мухаммедане делятся на две основные секты — суннитов и шиитов, «мухаммедане на персидский лад» — шииты.

[133] Русско-польская война при Алексее Михайловиче тянулась с 1654 по 1666 г.

[134] В мае 1667 г. Разин остановился на Дону «выше Паншина городка меж Тишины и Ловлы рек... а в сборе де их было с восемьсот человек и болши и еще де за ними после того воровские казаки мимо их Паншина городка проехали многие, а чаять де, их будет всех в сборе—человек с тысячу и болше». Постояв до

конца мая, Разин переволок суда на Волгу и двинулся к Царицыну, освободив по дороге ссыльных, которых вез на струге из Москвы в Астрахань Кузьма Киреитов. В Царицыне воевода беспрекословно выдал ему наковальню, меха и весь кузнечный прибор. Затем Разин прошел к Яицкому городку и тот «город взял обманом и государевых служилых людей рубил над ямой» («Акты исторические», т. IV, № 202, стр. 376 и 418).

[135] 23 марта 1668 г. Разин выступил на 24 стругах из Яицкого городка, забрав пушки, военные снаряды и припасы, и отправился сначала в Терки, а потом совершил набег на персидское побережье (А. Попов, История возмущения, «Русская беседа», 1857 г., кн. 5-я, стр. 76—81).

[136] Этот случай относится к Ферабату (А. Попов, История возмущения, «Русская беседа», 1857 г., кн. 5-я, стр. 84).

[137] Иван Семенович Прозоровский был назначен воеводой в Астрахань в июле 1667 года.

[138] В письме с корабля «Орел», помещенном в приложении к «Путешествию» Стрейса, говорится, что под командой князя Семена Ивановича Львова были «три тысячи русских более чем на 50 гребных судах».

[139] Казаки уклонялись от битвы с противником, значительно превосходящим их силами. Они были ослаблены сражениями с персами, изнурены зимней стоянкой и не имели достаточного количества съестных и военных припасов. Львов, безуспешно пытавшийся догнать казаков и очевидно не расположенный к тому, чтобы вступить с ними в открытый бой, прислал имевшуюся у него наготове «милостивую царскую грамоту», которая и была принята находившимися в затруднительном положении казаками.

[140] Это известие Стрейса неверно. Казаки, разгромив Ферабат и Астрабат «укрепились близ Ферабата на узкой косе, глубоко вдающейся в море. Ближайшая к берегу часть этой косы покрыта лесом, где казаки и начали строить городок... Персы, проведав про их намерение, напали на них в значительных силах, разбили и отняли почти всех пленных. Казаки сели в свои суда и отошли далее в море, к песчаной оконечности той же косы, отделенной от лесной ее части болотом. Здесь они провели зиму. Голод и болезни значительно уменьшили число казаков во время зимы на безводном острове, окруженном морем и болотом. У них не было наконец хлеба и они ели лошадей... Наконец в июне месяце 50 персидских судов с 3 700 войска напали на них, казаки бились отчаянно, разбили персов, которых небольшая часть ушла только на трех стругах. Несмотря на победу, силы казаков однакоже истощались... Поэтому они решились пробраться на Дон, и в конце июля месяца двинулись к волжскому устью» (А. Попов, История возмущения, «Русская беседа», 1857 г., кн. 5-я, стр. 85).

[141] На Дону Разин укрепился на острове близ Кагальника. Все казаки, «одинокие и голутвенные люди» были «Степану Разину с товарищи гораздо рады».

[142] Очевидно Леонтий Плохово, которого воевода астраханский отправил с отрядом в восемьсот человек в Царицын (А. Попов, История возмущения, «Русская беседа», М. 1857 г., кн. 6-я, стр. 26).

[143] Олеарий упоминает на обратном пути из Персии в Астрахань по Каспийскому морю реку Кизилар (Kisilar), названную так именно потому, что в ее песчаном дне находятся блестящие, словно золото, зерна (стр. 998).

[144] Укрепления были сделаны в 1636 г., т. е. как раз ко времени путешествия Олеария, который и сообщает, что великий князь поручил «Корнелию Клаузену (Cornelius Clausen), ездившему с нами в Персию в качестве карабельщика, укрепить город Терки насыпными валами и больверками по теперешнему способу» (стр. 480).

[145] Описание внешности и быта черкесских татар Стрейс целиком заимствовал у Олеария («Путешествие», кн. 6-я, гл. XX, стр. 1001—1006).

[146] Вероятно это остров Чечен, о котором Олеарий говорит, что русские называют его Четан (Tzetlan), а персы Ченцени (Tzenzeni) и «лежит он под 43° и 5′ высоты полюса, это единственный здесь остров и другого никакого нет до самого Гиляна» (стр. 488).

[147] Описание дагестанских татар заимствовано Стрейсом из XII гл. 6-й кн. «Путешествия» Олеария (стр. 975—976).

[148] Усмий — титул владельцев Каракайтака — независимый хан, который держал свой двор в местечке того же имени.

[149] Шамхал или Шемкал, как собственно называют его Стрейс и Олеарий,— титул бывших владельцев страны, лежащей в Дагестане по берегу Каспийского моря.

[150] Этот способ избрания Шамхала также описан Олеарием (стр. 976).

[151] У Олеария «Гора Арарат, на которой по сказанию VIII гл. 1-й кн. Моисея остановился Ноев ковчег, теперь жителями Армении называется Мессиной (Messiųa), персиянами Агри (Agri), арабами Субелян (Sübeilahn), с виду еще выше, пожалуй, Кавказа» (стр. 489).

[152] У Олеария мы находим целый ряд трактатов о свойствах и особенностях Каспийского моря, где он приводит и сопоставляет сведения о Каспийском море из древних и современных ему писателей и между прочим сообщает: «Многие весьма удивляются, отчего это происходит, что Каспийское море, принимая в себя множество рек, не имеет никакого видимого истока. Некоторые думают поэтому, что так как оно замкнуто, то оно имеет скрытые подземные каналы или протоки в океан или в открытое море», и далее: «персы сообщили нам, что на юге Каспийского моря между Табристаном (Tabristan) и Мазандараном (Masandaran), недалеко от Ферабата, есть громадная бездна, в которую море низвергается и уходит под гору» (стр. 503). Сам Олеарий этому сведению не доверяет.

[153] Олеарий говорит, что «туземцы рассказывали, будто в Каспийском море водится большая рыба нака (Naka), что означает глотающая, у которой голова и туловище короткие, но пасть большая, хвост же круглый, имеющий в разрезе от двух до трех и даже четырех локтей. Это довольно опасная и вредная для рыбаков рыба, ибо она держит обыкновенно голову внизу, в воде, хвостом же может разбить лодку» (стр. 508—509).

[154] Олеарий пишет: «Персияне полагают город Дербент под 85° долготы; широту же его я нашел в 41° 50′. Длиной построен он от запада на восток на пространстве полмили. Он простирается от горы вплоть до самого моря, так что волны морские бьют высоко в стену, а иногда взбираются и на стену» (стр. 965; сведения Стрейса о Дербенте заимствованы у Олеария).

[155] Кизыльбаши (красноголовые) — название, данное в Турции в насмешку персам, по красному головному убору, который носили войска династии Сефи во время войн с Турцией.

[156] Ян Казимир (1609—1672) — король польский с 1648 по 1668 г., вел войны с казаками, Москвой и Швецией. Военные неудачи и тяжелый кризис, охвативший Польшу, вынудили его отказаться от престола.

[157] Гольштинское посольство, т. е. посольство, в котором ехал Адам Олеарий в 1636 г. В «Путешествии» Олеария указано, что Низабат (Niasabath) лежит под 41° 15′ от равноденственника (стр. 511).

[158] О горе Бармах и нефти Олеарий говорит на протяжении своего путешествия несколько раз. Стрейс свел воедино показания Олеария о названии горы (палец), древней крепости и остатках каменных стен (гл. XVIII 4-й кн., стр. 520), нефтяных колодцах за скалой Бармах невдалеке от моря около Баку: «это были различные ямы, числом до 30; все они находились на пространстве ружейного выстрела, и в них-то била нефть (Oleum Petroleum), словно сильный водяной ключ. Между ними было три главных колодца, в которые спускаться надо было на глубине двух сажен, почему в них и положено несколько деревянных перекладин, служащих вместо лестницы. Вверху источника, с видимым сильным паром, слышен шум, как бы кипит что-то, и запах от нефти довольно силен, но от белой приятнее, чем от темной, ибо есть там два рода нефти — темноватая и белая, и первой гораздо больше, чем второй» («Путешествие» , гл. IX, кн. 6-я, стр. 962).

[159] При описании города Шемахи Стрейс пользуется материалом XX гл. 4-й кн. «Путешествия» Олеария «О городе Шемахе и горах, лежащих около нее» (стр. 553—556).

[160] Известие Стрейса о страшном землетрясении в Шемахе в 1667 г. находит подтверждение и в других источниках и занесено в «Каталог землетрясений Российской империи» И. Мушкетова и Л. Орлова. СПБ 1893 г., стр. 154.

[161] Армянский праздник «Хаче шуран», т. е. погружение в воду креста

за городом у моста Пули Амбери (Puli Amberi) в присутствии гольштинского посольства подробно описан Олеарием (стр. 531—534).

[162] Калантар, или градоначальник, как объясняет Олеарий, описывающий еще более торжественный прием гольштинского посольства (стр. 524—525).

[163] Разин был разбит под Симбирском в начале октября 1670 г. войсками московского правительства и бежал на Дон, где собирал новое войско. Астрахань находилась в руках казаков, которыми предводительствовал атаман Васька Ус.

[164] Новый год начинался у персов с наступлением равноденствия. По словам Олеария, астролог в присутствии шаха «наблюдал мгновение, когда солнце достигает равноденственника, и как только желанная минута настала, он громко провозгласил новый год. Тотчас же сделано несколько выстрелов из каменных и полевых пушек, заиграли в трубы везде на городских стенах и башнях, забили в барабаны и таким образом праздник начался великим ликованием» (стр. 549).

[165] Астрахань была сдана лишь 27 ноября.

[166] Прибыв к берегам Каспийского моря, Разин, разорив несколько деревень близ Дербента и Баку, действительно послал четырех казаков в Исфаган к шаху.

[167] Хусейн — второй сын Халифа Али, оспаривал престол у сына Моавии—Иезида, отправился с немногими приверженцами из Мекки в Месопотамию и был разбит при Кербеле у Евфрата. Олеарий наблюдал праздник печали ашур— в Ардебиле и описал в XXIII гл. 4-й кн. своего «Путешествия». Стрейс, следуя описанию Олеария и даже заимствуя отдельные сравнения (напр. с размалеванными чертями), однако значительно отступает от него, внося некоторые новые подробности (ср. Олеарий, стр. 572—576).

[168] Казацкие старшины, узнав, что Разин в Кагальнике на Дону, собрали преданных московскому правительству казаков, 14 апреля захватили город и взяли в плен Степана Разина и его брата Фрола.

[169] Баньян — название купца у индусов, в частности под этим названием известны индусские торговцы.

[170] На пути из Шемахи в Ардебиль Олеарий также отмечает гробницу персидского святого Мардекана (Pyr Mardechan) в местности Факерлу (Fakerlu), а затем местечко Касили (Kasilü). Олеарий также отмечает встречи с пастухами, ехавшими на повозках и верхом на лошадях, равно как на быках, коровах и ослах, со своими стадами, домом, женами, детьми и со всеми принадлежностями их хозяйств (стр. 559—560).

[171] Селение Джават (Tzawat) на реке Куре (Kur) и мост через нее Олеарий отмечает на своем пути дважды (в XXI гл. 4-й кн. на пути из Шемахи в Ардебиль и в VI гл. 6-й кн. на пути из Гиляна в Шемаху). Все приводимые Стрейсом сведения о Куре и Араксе взяты у Олеария.

[172] Речку Балхару (Balharu), множество черепах, которые кладут свои яйца «в стороне, обращенной к полудню, для того чтобы они наиболее пригревались солнцем», плохо одетых и приветливых людей, угощавших путешественников молоком, — все это упоминает и Олеарий (стр. 562).

[173] Олеарий отмечает на своем пути горы и страну Беджирван (Betzvruan), селение Шехмурат (Schechmurat), а также маленькую речку, через которую переправлялись двенадцать раз благодаря ее извилистому течению (стр. 562).

[174] Селение Джанлу (Tzanlu), гора Джицетлу (Tzietlu), речка Карасу у подножья этой горы и деревня Самьян (Samian), искусно устроенный каменный мост на 6 сводах длиною в 90 шагов встречаются на пути Олеария (564—565).

[175] Селение Джабедар (Tzabedar), «где жители собирают коровий и конский помет в большие остроконечные кучи» и где в домах много насекомых, вшей и блох, упоминается и Олеарием («Путешествие», стр. 565).

[176] Сеид — начальник, господин, обозначение потомков Мухаммеда от его дочери Фатьмы.

[177] По Олеарию, канцлер Сару Ходжи (Saru Chotze), иначе Мухаммед Риза (стр. 584).

[178] Описание города Ардебиля заимствовано Стрейсом из XXV гл. 4-й кн. «Путешествия» Олеария — «О городе Ардебиле и его особенностях» (стр. 581—584).

[179] Описанию могилы Сеида Джебраила, отца шейха Сефи, у Олеария посвящена почти вся XXVII гл. 4-й кн. его «Путешествия» (стр. 592—595).

В той же главе упоминаются серные источники у подошвы горы Себелан (Sebelan).

[180] Шейх Сефи жил во времена Тамерлана в Ардебиле. Описание гробницы шейха Сефи в «Путешествии» Олеария занимает всю XXVI гл. 4-й кн. (стр. 585—592), откуда его и заимствует Стрейс.

[181] У Олеария, Хан Меррага — «Ага хан»; Хан Генджа — «Магумед хан»; Хан Али — «хан Капанский» («Путешествие», стр. 585—586).

[182] Аббас (1557—1628 гг.)—седьмой шах из династии Сефевидов.

[183] Этот список лиц, погребенных в Меншайхе, заимствован у Олеария. Стрейс допустил ошибку, обозначив Сефи, Седредина, Джинида и Айдера как шахов. У Олеария Schich — шейх. Династия же шахов Сефевидов началась с Измаила («Путешествие», стр. 590).

[184] Все сведения о принадлежащих Мазару владениях взяты Стрейсом у Олеария (стр. 591).

[185] У Олеария река Кизильозейн (Kisilosein) «со страшным шумом и быстротой стрелы прорывается через скалы, несет воду беловатого цвета» (стр. 599).

[186] Описание Султании взято Стрейсом у Олеария, у которого оно занимает всю XXIX гл. 4-й кн. его «Путешествия» — «О городе Султании» (стр. 604—609).

[187] Описание Казвина у Стрейса составлено по XXX гл. 4-й кн. «Путешествия» Олеария (стр. 610—616). Олеарий пишет: «по персидским и арабским сведениям он лежит под 85° долготы и под 36° 15′ широты, это я нашел по неоднократным моим наблюдениям» (стр. 611).

[188] Празднование Байрама Олеарий наблюдал в Ардебиле 25 апреля 1637 г. Его описание этого праздника в XXIII гл. 4-й кн. «Путешествия» не совпадает с описанием Стрейса.

[189] У Олеария город Membere, причем употреблено тоже сравнение домов с печами для выпечки хлеба (стр. 623).

[190] Олеарий отмечает караван-сарай Хоскеру (Choskeru) «с множеством покоев, со сводами и конюшен». «В комнатах и по стенам там и сям видны разные надписи, вырезанные на извести (штукатурке) путешественниками различных народностей». Далее Олеарий приводит несколько таких имен и надписей, сделанных на стенах (стр. 624).

[191] Эта легенда приведена Олеарием при описании разрушенного города Рей (Rhei), лежащего от Сабы на расстоянии полутора дня пути (стр. 625).

[192] Кашан (Kaschan) описан в XXXVI гл. 4-й кн. «Путешествия» Олеария, откуда и заимствует свое описание Стрейс.

[193] О пауках (Enkure) и способе лечения от их яда подробно сообщает Олеарий (стр. 633—635).

[194] Олеарий также отмечает веселый городок Натенс, где «стоит древняя башня, которую приказал построить шах Аббас в память одного сокола, одолевшего орла» (стр. 636), караван-сарай Домби (Dombi) и селение Рук (Ruk) (стр. 637).

[195] Стрейс следует описанию Исфагана, данному Олеарием в VI гл. 5-й кн. «Путешествия» (стр. 715—733).

[196] Описание мечети у Стрейса совпадает с описанием у Олеария (стр. 723—724).

[197] Пропускают дым через воду, т. е. курят кальян. О курении табака и злоупотреблении кофе в Персии Олеарий говорит в XVII гл. 5-й кн. «Путешествия».

[198] Это место взято из XXVII гл. «Путешествия» Олеария, где тот говорит о предсказателях, которых встречал в Исфагане на майдане, или большом торжище. «Их два рода: Ремаль (Remal) и Фалькир (Falquir). Ремаль употребляет 6 или 8 игральных косточек, вздетых на две медные проволоки, и предсказывает по жребию. Фалькир же имеет 30 или 40 тонких дощечек, длиной и шириной в дюйм, и длинную и широкую книгу, толщиной в 3 или 4 пальца, листы которой исчерчены страшными и милыми изображениями ангелов, чертей, драконов и всяких зверей и гадов» (стр. 833—834).

[199] Олеарий говорит «Абас получил свое название от шаха Абаса, кото-

рый повелел чеканить эту монету, точно так же как полуабас называют Ходабенде» (стр. 728).

[200] Причину такой погони монетного двора за рейхсталерами объясняет Олеарий тем, что «абасы ценят персы наравне с рейхсталером... но один рейхсталер весит четыре абаса» («Путешествие», стр. 728). Отсюда выгода от перечеканки.

[201] Таберик Кале и пригороды Исфагана подробно описаны Олеарием в VI гл. 5-й кн. «Путешествия».

[202] Этот рассказ дается Стрейсом дважды: см. стр. 308.

[203] Стрейс имеет в виду войну Нидерландов с Англией и Францией в 1672—1678 гг.

[204] Ян де Витт (1625—1672)—государственный деятель Нидерландов, вдохновитель нидерландской внешней политики, великий пенсионарий Голландии, противник Оранского дома. В 1672 году после избрания принца Оранского (Вильгельм III) штатгальтером, де Витт оставил свой пост. 20 августа 1672 года вместе с братом Корнелиусом был убит толпой, ворвавшейся в тюрьму, куда он был заключен по обвинению в покушении на жизнь Вильгельма III.

[205] В немецком издании указано: 18 августа.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

А

АВА — до 1761 г. была столицей Бирмы или Авской империи — обширного государства Индокитая — I пут., гл. IV.

АДРОБА — по предположению А. Попова, «вероятно Сингалей» (стр. 17). Олеарий упоминает только речку Атробы (стр. 425)—III пут., гл. XI.

АЙЮТИЯ — город. С 1355 по 1766 г. столица Сиама — I пут., гл. III.

АЛЕКСАНДРИЯ ТРОЯНСКАЯ — см. Троя.

АЛИКОН — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIV.

АМСТЕЛЬ — река в Голландии — III пут., гл. X.

АНДРОС — самый северный остров в группе Циклад — III пут., гл. IX.

АНТОНГИЛЭ-БАИ — бухта на северо-восточном берегу Мадагаскара — I пут., гл. II.

АРАКС — река на Кавказе — III пут., гл. XXVII.

АРАРАТ — гора на Кавказе — III пут., гл. XVIII.

АРБУХИМ — гора и город на Волге — III пут., гл. XI.

АРДЕБИЛЬ — город в Персии — III пут., гл. XXXII и письмо, стр. 376.

АРГЕНТЕРО — остров на Эгейском море — II пут., гл. II.

АРЕСЕНГ — деревня по дороге в Кум — III пут., гл. XXX.

АРНО — река в Италии, на которой расположены Флоренция и Пиза — II пут., гл. I.

АСТРАБАД — город в Персии — III пут., гл. XIX.

АСТРАХАНЬ — город на Волге — III пут., гл. X — XV и XXV и письма, стр. 353 — 366.

Б

БАЛТИМОРА — гавань — III пут., гл. XXXVII.

БАЛУХЛУ — река на Кавказе — III пут., гл. XVII.

БАЛХАРЫ — речка в Персии — III пут., гл. XXVII.

БАКУ — город — III пут., гл. XIX.

БАНТАМ — город на Яве — I пут., гл. III; III пут., гл. XXXVII.

БАРМАХ — гора на берегу Каспийского моря — III пут., гл. XXI.

БАРМИНО — у Олеария также обозначено Barmino. Предполагаем, что это удельное село Бармино, отстоящее от Кременок около 6 верст (А. Попов, 15)—III пут., гл. IX.

БАРРИ — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIV.

БАТАВИЯ — голландский город на острове Ява — I пут., гл. III.

[1] Ссылки на текст Стрейса делаются с указанием глав; ссылки на приложенные письма — «письмо», с указанием страниц.

БАХАЛ — деревня на пути в Шемаху — III пут., гл. XXI.
БЕДЖАРВАН — горы в Персии — III пут., гл. XXVII.
БЕЛООМУТ — по Олеарию, село Омут (Omuta) на правом берегу в 37 верстах от Коломны (стр. 392) — III пут., гл. IX.
БЕНДЕР-АБАСС — см. Комоpан.
БОЛОНЬЯ — город в Италии — II пут., гл. I.
БОЛЬДЕРАА — одна из внешних гаваней Риги при впадении реки Аа в Западную Двину — III пут., гл. I.
БОТЬМА — речка, приток Волги, обозначена Олеарием Beitma (стр. 423)— III пут., гл. XI.
БРОННИЦЫ — село на реке Мсте. За участие в новгородском восстании было разорено по приказу Иоанна Грозного. Олеарий обозначает Бронницы — Bruinitz (стр. 82) — III пут., гл. II.
БАНГКОК — в настоящее время столица и важнейший торговый и промышленный город Сиама. Во времена путешествия Стрейса был еще совершенно незначительным местечком — I пут., гл. III.
БУЙНАК — город в Дагестане — III пут., гл. XVII и письмо, стр. 373.
БЫСТРАЯ — река на Северном Кавказе — III пут., гл. XVI.
БУЗУМ — деревня на пути в Султанию — III пут., гл. XXIX.

В

ВАЙГАЧ — III пут., гл. XI; не поддается отожествлению с известными географическими названиями.
ВАСИЛЬГОРОД—город Васильсурск на правом берегу Волги и реки Сурь. Олеарий говорит: «Васильгород есть небольшой, весь из деревянных домов обстроенный, городок или местечко, без городской стены; лежит на правом берегу Волги под горою, под 55° 51′ высоты полюса и от Нижнего в 120 верстах» (стр. 406) — III пут., гл. IX.
ВЕЗЕП — небольшой городок в провинции Гельдерланд (в Голландии) — I пут., гл. I.
ВЕЛЕС МАЛАГА — бухта и город неподалеку от Малаги— I пут., гл. I.
ВЕЛОВКА — деревня. Олеарий упоминает близ Свияжска селение Wesofka (стр. 412). А. Попов предполагает, что это Беловолгская слобода — III пут., гл. X.
ВЕНЕЦИЯ — город в Италии — II пут., гл. II.
ВОЗНЕСЕНИЯ — остров на Атлантическом океане—III пут., гл. XXXVII.
ВОЛГА — III пут., гл. III, IX—XI.
ВОЛЬМАР — небольшой город в Латвии — III пут., гл. I.
ВОРСНА — река; так переводит Ловягин однозначное со Стрейсом обозначение Олеария Morsna-река. Юрченко предполагал, что это река Мокша, но последняя находится ниже Касимова, не доезжая Мурома, и ее Олеарий упоминает отдельно — III пут., гл. IX.
ВЫДРОПУСК — село на пути к Москве. У Олеария Windrapusk (стр. 183)— III пут., гл. III.
ВЯЗОВОЙ — остров на Волге. Упоминается Олеарием (стр. 444) — III пут., гл. XI.
ВЯЗЬМА — село на пути к Москве — III пут., гл. II.

Г

ГОА — португальская колония в Индии – I пут., гл. III.
ГИЛЯН — залив на юге Каспийского моря — III пут., гл. XIX.
ГОМБРУН — см. Комоpан.
ГОРОДНЯ — село на пути из Риги на Москву. Некогда город Городец, или Вертязин городок, составлявший удельное княжество. В 1569 г. разрушен Иоанном Грозным. Упоминается как село Gorodna Олеарием (стр. 83) — III пут., гл. III.
ГУФТЫ — деревня на пути в Комоpан — III пут., гл. XXXIII.

Д

ДАРДАНЕЛЬСКИЙ ПРОЛИВ — Дарданеллы — II пут., гл. III.

ДВИНА ЗАПАДНАЯ (нем. Düna), река — III пут., гл. I.

ДЕДИНОВО или Дедново село на реке Оке. По Олеарию, Дедино (Gedino) — III пут., гл. IX и письмо, стр. 359.

ДЕЛОС — один из самых малых Цикладских островов. Священный остров древних греков — III пут., гл. IX.

ДЕРБЕНТ — город на Кавказе, на берегу Каспийского моря — III пут., главы XVII, XIX, XX и письмо, стр. 370.

ДЖАБЕДАР — деревня на пути в Ардебиль — III пут., гл. XXVII.

ДЖАВАР — селение в Персии — III пут., гл. XXVII.

ДЖАНЛУ — деревня на пути в Ардебиль — III пут., гл. XXVII.

ДЖИЦЕТЛУ — перевал между Шемахой и Ардебилем — III пут., гл. XXVII.

ДЖУЛЬФА — пригород Исфагана — III пут., гл. XXXII.

ДНЕПР — река — III пут., гл. XIII.

ДОББА — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIV.

ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ, мыс — южная оконечность Африки — III пут., гл. XXXVI—XXXVII.

ДОЛГИЙ — остров, на котором расположен город Астрахань — III пут., гл. XII.

ДОМБИ — караван-сарай — III пут., гл. XXX.

ДОН — река — III пут., гл. XIII и письмо, стр. 353.

ДУДЕНОВО — село на р. Оке. У Олеария Дудин монастырь (Dudina monastir) (стр. 397) — III пут., гл. IX.

ДЮНКИРХЕН, или Дюнкерк — город в северной Франции на Па-де-Калэ — I пут., гл. I.

ДЮРГЕРДАМ — небольшое местечко на берегу залива Зюйдерзее — III пут., гл. I.

Е

СВ. ЕЛЕНЫ — остров у западных берегов Африки — III пут., гл. XXXVII.

ЕМ — река — III пут., гл. XIX.

ЕРУСЛАН — река, левый приток Волги — III пут., гл. XI.

ЕСЕГАС — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIII.

З

ЗАВИДОВО — село на пути из Риги в Москву. У Олеария Sawidowa (стр. 83) — III пут., гл. III.

ЗАНТЕ — остров в Ионическом море, итальянское название острова, известного у греков под именем Закинфа — II пут., гл. II, VIII.

ЗЕЛАНДИЯ — крепость на о. Формозе — I пут., гл. X.

ЗЕЛЕНОГО МЫСА острова — в Атлантическом океане у западного берега Африки. Открыты в 1441 г. генуэзцами. К островам Зеленого мыса принадлежат: Боа-Виста, Саль, Майо, С.-Яго, Фого, Брава — I пут., гл. I.

ЗОЛОТАЯ ГОРА — III пут., гл. IX.

ЗОНДСКИЙ ПРОЛИВ — между островами Суматра и Ява — I пут., гл. III.

ЗМИЕВА ГОРА — «Действительно горы, начинающиеся от Вольска и продолжающиеся на берегу на 35 верст к Саратову, и теперь называются Змиевыми» (Попов, 17) — III пут., гл. XI.

И

ИВАНОВ УЧУГ — поселок в устье Волги — письмо, стр. 363.

ИЗБЫЛЕЦ — деревня. То же обозначение у Олеария (стр. 397) — III пут., гл. IX.

ИНДРАПУРА — вулкан, река и небольшой город на Суматре — I пут., гл. III.

ИОС — один из Цикладских островов — II пут., гл. III.

ИСФАГАН — город в Персии — III пут., гл. XXXI и письмо, стр. 376.

К

КАЗАНКА — река, «от которой город и вся окрестная страна получили свое название» (Олеарий, стр. 413) — III пут., гл. X и письмо, стр. 352.

КАЗАНЬ — город — III пут., гл. X.

КАЗВИН — город в Персии — III пут., гл. XXIX.

КАЗАЧЬЯ ГОРА — на Волге ниже Самары, упоминается Олеарием (стр. 431) — III пут., гл. XI.

КАМА — река, приток Волги — III пут., гл. XI.

КАМЫШИНКА — в настоящее время город Камышин на правом берегу Волги при впадении речки Камышинки, а не Еруслана, как ошибочно указывает Стрейс. Основан в 1668 г. для борьбы с беспокойным казачеством — III пут., гл. XI и письмо, стр. 353.

КАНДИЯ, или Крит — остров на Средиземном море — II пут., гл. VIII.

КАРАСУ — река и местность в Персии — III пут., гл. XXVII.

КАСИЛИ — деревня на пути в Ардебиль — III пут., гл. XXVII.

КАСИМОВ — город на Оке — III пут., гл. IX.

КАСМАБАД — караван-сарай между Казвином и Кашаном — III пут., гл. XXX.

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ — описание его — III пут., гл. XIX.

КАШАН — город в Персии — III пут., гл. XXX.

КЕЛЬХЕРАН — селение на пути в Ардебиль — III пут., гл. XXVII.

КЕРНИ АРПА — река в Персии — III пут., гл. XXVII.

КИЗИЛАР — река на Северном Кавказе — III пут., гл. XVI.

КИЗИЛАРСКИЙ КОЛТУК — остров в устье р. Кизилара на Каспийском море — III пут., гл. XVI.

КИЗИН — остров на Волге — см. Козин.

КИОДЖА—город на южном конце венецианской лагуны — II пут., гл. II.

КИСТОВАТЫЙ — остров на Волге. У Олеария отмечен как Kostowato (стр. 426) — III пут., гл. XI.

КИСЯР — остров на Волге. У Олеария Kisiar (стр. 446) — III пут., гл. XI.

КЛИН — город на реке Сестре. Упоминается Олеарием (стр. 83) — III пут., гл. III.

КЛЯЗЬМА — река, приток Оки. Олеарий также обозначает Klesna (стр. 397) — III пут., гл. IX.

КОЗИН ОСТРОВ — на р. Волге, по Олеарию, в 12 верстах от Чебоксар (стр. 411). Очевидно остров Кизин — III пут., гл. X.

КОКШАГА — город. У Олеария Kokschaіa — «Кокшайск, прежде город, между устьями рек Большой и Малой Кокшаг, впадающих в Волгу, ныне Кокшайское казенное село, иначе Покровское» (прим. Барсова к «Путешествию» Олеария, стр. 411) — III пут., гл. X.

КОЛОМНА — город на правом берегу реки Москвы — III пут., гл. IX.

КОЛОМНА — село на пути из Риги в Москву. У Олеария Columna, «Путешествие» (стр. 82) — III пут., гл. II.

КОЛТОВ — остров на Волге. У Олеария Koltoff — III пут., гл. XI.

КОМОРАН, или Гомбрун, также Бендер-Абасс — порт на южном берегу Персии — III пут., гл. XXXVI и письмо, стр. 376.

КОМОРИН — мыс на Малабарском побережье — III пут., гл. XXXVI.

КОПАНОВО (Кобаново?). — Олеарий также упоминает после Тинорской слободы Kopanowo (стр. 394) — III пут., гл. IX.

КОРОМАНДЕЛЬСКИЙ БЕРЕГ — на востоке Индии — I пут., гл. V.

КОРФУ, или Корцира (греч. Керкира) — самый северный из Ионических островов — II пут., гл. VII.

КОСТАР — река в Закавказье — III пут., гл. XXI.

КОТАНИ — деревня на пути в Шемаху — III пут., гл. XXI.

КРЕМЕНКИ, или Кремонка — село на Волге. У Олеария отмечено как Kremonki (стр. 406) — III пут., гл. IX.

КРИУША — остров на Волге. По предположению А. Попова, остров Чигар (стр. 18) — III пут., гл. IX.

КУЗЬМОДЕМЬЯНСК — город Козьмодемьянск на Волге. Олеарий также упоминает Kusmademianski (стр. 410) — III пут., гл. X.
КУМ — город в Персии — III пут., гл. XXX.
КУРА — река на Кавказе — III пут., гл. XXVII.
КУРГАНИ — река в Закавказье — III пут., гл. XXI.
КУХИРАХМЕТ — гора в Персии — III пут., гл. XXXIII.
КЫЗЫЛ-УЗУН — река в Персии — III пут., гл. XXIX.

Л

ЛАГИЧ — горы в Закавказье — III пут., гл. XXI.
ЛАНЬЯДЕР — по всей вероятности Луанг-Прабанг — небольшое государство Лаоса — I пут., гл. IV.
ЛАР — город в Южной Персии — III пут., гл. XXXV.
ЛЕМНОС — остров, см. Сталимене
ЛЕРОС — один из островов Спорады — II пут., гл. IX.
ЛЕСБОС, или Митилены — остров в Эгейском море — II пут., гл. II.
ЛИВОРНО — город в Италии — II пут., гл. I.
ЛЯХИ — большое село на левом берегу Оки, «принадлежащее боярину князю Борису Михайловичу Лыкову» (Олеарий, стр. 396) — III пут., гл. IX.

М

МАДАГАСКАР — остров в Индийском океане — I пут. гл. II.
МАДОННА — город на берегу Эгейского моря — II пут., гл. VI.
МАРДАШ — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIII.
МАСКАТ — город и гавань на берегу Персидского залива — III пут., гл. XXXVI.
МАЯР — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIII.
МАЗА — остров на Оке. «Последнее название Маза сохранилось в двух селах и двух речках» (А. Попов, 15). Упоминается Олеарием. По предположению Барсова — село Покровское — III пут., гл. IX.
МАЛАГА — торговая и военная гавань Испании в Средиземном море — I пут., гл. I.
МАСЛОВ — остров на Волге, также упоминается Олеарием (стр. 410) — III пут., гл. X.
МЕДНОЕ — село на пути к Москве. У Олеария: «от Бронниц сделали 40 верст или 8 миль до Медной (Miedna)» (стр. 82) — III пут., гл. II.
МЕНАМ — река в Сиаме, сливаясь на границе Бирмы с рекою Менинг, образует широкое устье и обширную дельту. Сведения, сообщаемые Стрейсом о связи Менам с Гангом, не верны — I пут., гл. IX.
МЕСДЖИД — местечко на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIII.
МИКОНОС, или Микон — небольшой остров в группе Циклад — II пут., гл. IX.
МИЛОС, или Мелос — значительный остров Эгейского моря — II пут., гл. IX.
МОЗАМБИК — название области и города на восточном берегу Африки, против Мадагаскара. В 1507 г. занят португальцами, до того принадлежал арабам — I пут., гл. II.
МОНТЕ-САНТО — гора Афон на Халкедонском полуострове Греции. Получила свое название («Святая гора») от множества расположенных на ней греческих монастырей — II пут., гл. III.
МОСКВА — река — III пут., гл. IV, IX.
МОСКВА — город — III пут., гл. IV — IX и письма, стр. 352.
МОКРИЦЫ — по Олеарию, остров в трех верстах от Чебоксар (стр. 411) — III пут., гл. X.
МУГАНСКАЯ ПУСТЫНЯ — область в Персии — III пут., гл. XXVII.
МУРОМ — город на Оке — III пут., гл. IV.
МУСКЮР — деревня на пути в Шемаху — III пут., гл. XXI.

Н

НАГАСАКИ — город и порт в Японии на острове Кю-Сю. В 1570 г. пор-

тугальцы добились его открытия для европейцев, и им было разрешено основать поселение на близлежащем острове Десима. Вскоре португальцев вытеснили голландцы, открывшие здесь консульство — I пут., гл. XI.

НАПОЛИ ДИ МАЛЬВАЗИЯ — одно из сильнейших укреплений на восточном берегу Пелопоннеса или Мореи на скалистом острове, соединяющемся с материком узкой дамбой — II пут., гл. IX.

НАТЕНС — городок в Персии — III пут., гл. XXX.

НИЖНИЙ-НОВГОРОД — город — III пут., гл. IX.

НИЗАБАД — селение на персидском берегу Каспийского моря — III пут., гл. XIX, XXI.

НИКОЛО-ДЕРБЕНОВСКОЕ — село вблизи Москвы — III пут., гл. III.

НИКОЛЬСКОЕ — село вблизи Москвы — III пут., гл. IX.

НИРИС — город в Персии — III пут., гл. XXX.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ — город в Валдайской возвышенности — III пут., гл. IX.

НОВИНКИ (Нозимки) — село на нижнем течении р. Оки, у Олеария Nosimky (стр. 397) — III пут., гл. IX.

НОВГОРОД — или Великий Новгород — III пут., гл. II.

НОВОСЕЛКИ — селение вблизи старой Рязани. Упоминается Олеарием — Nowoselski (стр. 394) — III пут., гл. IX.

О

ОКА — река — III пут., гл. IX.

ОРДУБАТ — город в Персии — III пут., гл. XXVII.

ОРМУЗ — остров при входе в Персидский залив — III пут., гл. XXXVI.

ЭСИН — остров на Волге. У Олеария Ossino — III пут., гл. XI.

П

ПАВЛОВСКИЙ ПЕРЕВОЗ—село на р. Оке, между Мокшей и Клязьмой. Олеарием отмечено, что это село принадлежало знатному боярину, князю Ивану Борисовичу Черкасскому — III пут., гл. IX.

ПАРАСЕЛЬ — острова и рифы в Южнокитайском море — I пут., гл. X.

ПАРОС — один из крупных Цикладских островов. Известен своим мрамором — II пут., гл. IX.

ПАТМОС—один из Спорадских островов в Эгейском море. Легенда указывает его как место, где был написан «Апокалипсис» — мистическое сочинение, приписываемое апостолу Иоанну Богослову — II пут., гл. VI.

ПЕГО — главный город малайского королевства Таленг — I пут., гл. IV.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ — Переяславль Рязанский, город на Оке, нынешняя Рязань. «Город этот отстоит от Коломны в 107 верстах» (Олеарий, стр. 392) — III пут., гл. IX.

ПЕЧОРЫ — торговое село близ г. Изборска — III пут., гл. I—II.

ПИЗА — город в Италии — II пут., гл. I.

ПОКРОВСКОЕ — село на Волге — см. Маза-остров.

ПОЛОВИНА—гора. Получила свое имя оттого, что «стоит на полпути от Царицына до Астрахани» (Олеарий, стр. 446) — III пут., гл. XI.

ПОРТЛЭНД — полуостров в Англии — I пут., гл. I.

ПОТЕНКА — остров на Волге, возможно означает существующую ныне деревни Теньки (А. Попов, 17). Олеарий отмечает в этих местах «Кабак Тенковский» (Tenhkoffski, стр. 419). Но скорей всего Стрейс имел в виду остров Ботемский (Botenska), упоминаемый Олеарием невдалеке от реки Бotьмы (Beitma) — III пут., гл. XI.

ПСКОВ — город при впадении реки Псковь в Великую. В летописях назывался Плесков — III пут., гл. II.

Р

РИГА — город на правом берегу Западной Двины — III пут., гл. I.

РУК — деревня в Персии — III пут., гл. XXX.

РЯЗАНЬ, Старая — город — III пут., гл. IX.

С

САБА — город в Персии — III пут., гл. XXX.
САМБУР — река в Северной Персии — III пут., гл. XXI.
САМОС — один из главных островов Эгейского моря близ западного берега Малой Азии — II пут., гл. VI.
САМЬЯН — деревня на пути в Ардебиль — III пут., гл. XXVII.
САНТА-МАУРА — итальянское название острова Левкас в Ионическом море — II пут., гл. VII.
САНТОРИН — самый южный из Цикладских островов в Эгейском море, вулканического происхождения. Несколько раз страдал от сильных землетрясений. Берега его совершенно не имеют гаваней — II пут., гл. IX.
САПУНОВКА — остров на Волге. Олеарий отмечает два острова неподалеку друг от друга: Kruisna и Sapunowka (стр. 434) — III пут., гл. XI.
САРАП — деревня на пути к Коморан — III пут., гл. XXXV.
СВИЯЖСК — город на правом берегу реки Свияги при впадении в Волгу. У Олеария Swiatski (стр. 412) — III пут., гл. X.
СЕНГАР ГАСАМ — мыс на Каспийском море у Гилянского залива — III пут., гл. XIX.
СЕНГОРА — деревня на пути в Султанию — III пут., гл. XXIX.
СЕНКАН — город в Персии — III пут., гл. XXIX.
СЕНСЕН — деревня близ Кашана — III пут., гл. XXX.
СЕНЬКИ — река в Персии — III пут., гл. XXVII.
СИБО — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIII.
СИЕРРА-ЛЕОНЕ — страна на западном берегу Африки. Открыта и впервые обследована португальцами в 1447 и 1467 гг. В настоящее время колония Англии — I пут., гл. I.
СИЛЛАБУ—небольшая бухта на острове Северный Паге близ Суматры— I пут., гл. III.
СИМБИРСКОЕ ГОРОДИЩЕ — на р. Оке, отмечено также у Олеария, указывающего, «что этот город был разрушен Тамерланом» (стр. 424) — III пут., гл. IX.
СКАБАРАН — мыс на Каспийском море — III пут., гл. XIX.
СМИРНСКИЙ ЗАЛИВ — в Малой Азии на берегу Эгейского моря — II пут., гл. II.
СОГНИНСК — остров на Волге — у Олеария Сагеринск (Sagerinsko) (стр. 431) — III пут., гл. XI.
СООБЩИНСКИЙ — остров на Волге — см. Субсинский.
СОСНОВ — остров на Волге — III пут., гл. XI.
СОФАЛА — бухта и небольшой город и область в Мозамбике в восточной Африке — I пут., гл. II.
СПАС ЗАУЛИК — село на пути из Риги в Москву. У Олеария Saulka Spas (стр. 83) — III пут., гл. III.
СТАЛИМЕНЕ, или Лемнос — большой остров в Эгейском море. Между прочим славится своей землей, которую местные жители считают целебным средством для заживления ран — II пут., гл. VI.
СТАМПАЛИЯ — итальянское название острова, известного у греков под названием Астропалия — II пут., гл. IX.
СТАРИЦА — остров. «Под названием Старицы и теперь известны на Волге различные рукава, образуемые рекой, и после разлива часто меняющиеся» (А. Попов, 17). Упоминается и Олеарием (Starizo) — III пут., гл. X.
СУБСИНСКИЙ (Сообщинский) — остров. У Олеария Subsinski (стр. 404)— III пут., гл. IX.
СУЛТАНИЯ — город в Персии — III пут., гл. XXIX.
СУМАТРА — самый западный из Зондских островов Малайского архипелага. Голландцы основали на нем свои первые поселения в конце XVI в.—I пут., гл. III.
СУНДЫРЬ — селение на Волге. Упоминается Олеарием (стр. 411). Барсов указывает «иначе посад Мирьинский» — III пут., гл. X.
СУАР — река, приток Волги — III пут., гл. IX.

СУРВАН — см. Ширван.
СУРИНА — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXIII.
СХИДАМ — город в Голландии, недалеко от Роттердама — I пут., гл. I.

Т

ТАВР — горы в Персии — III пут., гл. XXIX.
ТАНАИС — древнее название Дона — III пут., гл. XI.
ТВЕРЬ — город при впадении реки Тверцы в Волгу. «Тверь немного побольше Торжка, стоит на холме по ту сторону реки, имеет своего епископа и, так же как и Торжок, своего воеводу» (Олеарий) — III пут., гл. III.
ТВЕРЦА — река, приток Волги — III пут., гл. III.
ТЕЛЯТИНСКИЙ — остров на Волге — см. Тлевинский.
ТЕНЕДОС — остров в Эгейском море у входа в Дарданельский пролив — II пут., гл. VI.
ТЕНОС, или Тинос — остров в группе Циклад — II пут., гл. IX.
ТЕПЛЫЙ — остров на Волге. Обозначен у Олеария Diopli (стр. 105) — III пут., гл. IX.
ТЕРИХОВО. В этих местах находился Терехов монастырь. Олеарий также упоминает Tericho (стр. 394) — III пут., гл. IX.
ТЕРКИ — город на Северном Кавказе — III пут., гл. XIII, XVI и письмо, стр. 359, 363 и 372.
ТЕССЕЛЬ — нидерландский остров в Северном море — II пут., гл. I.
ТИНОРСКАЯ СЛОБОДА — на Оке. Упоминается Олеарием (стр. 394)— III пут., гл. IX.
ТЛЕВИНСКИЙ — остров (Tlevinski). У Олеария Тлетинский (Tletinski) (стр. 404) по всей вероятности Телятинский — III пут., гл. IX.
ТОПЕРС—мыс на острове Ява — I пут., гл. III.
ТОРЖОК — город на реке Тверце. Олеарий отмечает: «Торжок (Torsok) стоит немного вправо от дороги, окружен досчатыми и бревенчатыми укреплениями, в нем есть хороший хлеб, мед и пиво» («Путешествие», стр. 34—35)— III пут., гл. III.
ТРОИЦКАЯ — деревня на нижнем течении р. Оки. У Олеария Троицкая слобода (Troizka Slowoda) (стр. 397) — III пут., гл. IX.
ТРОИЦКО-МЕДНОЕ — село на реке Тверце. Получило название от медной крыши на церкви. У Олеария Troitska Miedna (стр. 183) — III пут., гл. III.
ТРОИЦЫН УЧУГ — рыбачий поселок в устье Волги — письмо, стр. 362.
ТРОЯ — Стрейс имеет в виду развалины Александрии Троянской, выстроенной согласно преданию Александром Македонским — II пут., гл. III.
ТУРИЧИЙ—остров (Turig). У Олеария Turich — Туричий перекат, а за ним остров Туричий в 19—15 километрах от Кузьмодемьянска (стр. 410)— III пут., гл. X.
ТЮМЕНКА — река, — III пут., гл. XVI.

У

УАЙТ — остров в Ламанше — I пут., гл. I.
УРАКОВ КАРУЛЬ — гора. Также у Олеария. Он же указывает, что «гора эта получила имя свое от одного татарского князя Урака, который имел здесь когда-то битву с казаками, был убит и тут же похоронен» (стр. 435—436) — III пут., гл. XI.
УСА — река, правый приток Волги. Олеарий также говорит, что река эта «по удобству для разбоев» весьма опасна для путешественников (стр. 426)— III пут., гл. XI.

Ф

ФАКЕРЛУ — местность в Персии — III пут., гл. XXVII.
ФАРАТА — деревня на пути в Коморан — III пут., гл. XXXV.
ФЕРРАРА — город в Италии — II пут., гл. II.
ФЛАМАНДСКИЕ ОСТРОВА — нидерландцы называют так обычно Азор-

ские острова. Но здесь Стрейс имеет в виду повидимому Порто-Санто или Мадеру — I пут., гл. I.

ФЛОРЕНЦИЯ — город в Италии — II пут., гл. I.

ФОГО — один из островов Зеленого мыса. На нем действующий вулкан — I пут., гл. I.

ФОРМОЗА, или Тайован — остров в Тихом океане близ восточного берега Китая. Открыт португальцами в XVI в. В 1624—1661 гг. часть Формозы принадлежала голландцам, основавшим здесь несколько поселений и форт Зеландию. С 1895 г. колония Японии — I пут., гл. X.

Х

ХИОС — большой остров в Эгейском море к югу от Лесбоса. Служил морской базой для турецкого флота и местом стоянки судов, плавающих между Константинополем и Александрией — I пут., гл. VI.

ХОДЖЕ КАСИМ — караван-сарай на пути из Казвина в Кашан — III пут., гл. XXX.

ХОДЖИМУР — деревня на пути в Салтанию — III пут., гл. XXIX.

ХОСКЕРУ — караван-сарай на пути из Казвина в Кашан — III пут., гл. XXX.

ХУРАМДАГ — деревня по дороге в Казвин — III пут., гл. XXIX.

Ц

ЦАРЕВ ГОРОД — город на левом берегу Ахтубы (приток Волги). Упоминая Zareffgorod, Олеарий также говорит, что он был разрушен Тамерланом, после чего «русские большую часть камней сих перевезли в Астрахань и выстроили из них главным образом городскую стену, а затем церкви, монастыри и другие здания» (стр. 440) — II пут., гл. XI.

ЦАРЕВ КУРГАН — гора на среднем течении Волги — III пут., гл. XI.

ЦАРИЦЫН — у Олеария Zaritza, ныне Сталинград, — город на правом берегу Волги. Упоминается в разрядных книгах с 1600 г. До этого был другой город, древний, татарский, на острове — III пут., гл. XI и письмо, стр. 359.

ЦЕФАЛОНИЯ, или **КЕФАЛОНИЯ** — остров в Ионическом море — II пут., гл. XII.

ЦОВАШИ — крепость в Анатолии — II пут., гл. VIII.

Ч

ЧАГРЫ — остров. У Олеария речка Чагры (Zagra), которая впадает в Волгу с левой стороны за островом Сагеринским (стр. 431) — III пут., гл. XI.

ЧЕБОКСАРЫ — город на Волге. У Олеария Sabakzar (стр. 411) — III пут., гл. X.

ЧЕРИГО — итальянское название греческого острова Кифера — II пут., гл. VIII.

ЧЕРКЕССКИЕ ГОРЫ — III пут., гл XVI.

ЧЕРКИЗОВО — село под Москвой. У Олеария Zerkisowo (стр. 84) — III пут., гл. III.

ЧЕРНОЯР — город на правом берегу Волги — III пут., гл. XI и письмо, стр. 357.

ЧЕТЫРЕ БУГРА — остров близ устья Волги — III пут., гл. XIII, XVI.

ЧЕЧЕНЬ — остров в Чечне — по всей вероятности Чеген — III пут., гл. XVII.

ЧИЛЬМИНАР — развалины замка в Персии — III пут., гл. XXXIII.

ЧИРЛАН — остров в Дагестане — III пут., гл. XVII.

ЧУРБАГ — деревня на пути в Эривань — III пут., гл. XVIII.

Ш

ШАБЕРАН — город в Северной Персии — III пут., гл. XXI и письмо, стр. 375.

ШАМАШУ — деревня близ Ардебиля — III пут., гл. XVII.
ШАРИМ — местечко в Персии — III пут., гл. XXXIV.
ШЕЛЛИНГ — небольшое местечко близ Амстердама — III пут., гл. I.
ШЕМАХА, или Шамаха — город в Персии — III пут., гл. XXI и письмо, стр. 374—375.
ШЕХМУРАТ — деревня на пути в Ардебиль — III пут., гл. XXVII.
ШИЛОВО — Олеарий указывает, что Шилово (Schilko) через две версты после Новоселок (стр. 394) — III пут., гл. IX.
ШИПНАМАГО — остров на Волге. У Олеария Schismamago — III пут., гл. XI.
ШИРАЗ — город в Персии — III пут., гл. XXXIV.
ШИРВАН — долина в Персии — III пут., гл. XXI.

Э

ЭЛЬБРУС — гора на Кавказе — III пут., гл. XXI.
ЭМЛА — река в Закавказье — III пут., гл. XIX.
ЭНКГЕЙЗЕН — город в северной Голландии на заливе Зюйдерзее—III пут., гл. I.
ЭРИВАНЬ — город в Закавказье — III пут., гл. XVIII—XIX.

Ю

ЮРГИСТАН — см. Есегас.

Я

ЯЖЕЛБИЦЫ — село на пути из Риги в Москву. У Олеария Gaselbitza—1 пут., стр. 33; III пут., гл. III.
ЯМ ВАЛДАЙКА (Gam Woldeka) — село на пути из Риги в Москву — III пут., гл. II.
ЯМ ЗИМОГОРЬЕ — село на пути из Риги в Москву. У Олеария Simna gora (стр. 82) — III пут., гл. II.
ЯМ КРЕСТЦЫ — село на пути из Риги в Москву. У Олеария «от Медного 25 верст до Яма Крестцы (Kressa)» (стр. 82) — III пут., гл. II.
ЯИК — город на р. Яик (ныне Урал) — III пут., гл. XIII и письмо, стр. 353.
ЯРОСЛАВЛЬ — город на Волге — III пут., гл. IX.
ЯРМУТ — город в Англии — II пут., гл. I.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Гайсинович А. — Введение . 7
Морозов А. — Парусный мастер Ян Стрейс и его путешествие 23
Предисловие автора к читателю . 41

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава I

Повод и случай к первому путешествию автора. Буря на море. Прибытие в Гибралтар, в Геную и ее описание, в Велес, Малагу. Встреча с турецким корсаром. Прибытие в Боа Виста. Описание соляных островов Майо, Фого и Брава. Положение этих островов. Прибытие в Сиерра-Леоне. Невежество короля, которого заманивают на корабль, бросают за борт, а поселок его сжигают. Описание Сиерры-Леоне . 45

Глава II

Прибытие на Мадагаскар. Диковинная история командора и короля. Смерть вице-командора Беннингса. Сильный ропот вследствие этого. Оба корабля готовятся к бою. Шкипер Гармен Фоогт сдается, на него накладывают оковы. Длительное пребывание на Мадагаскаре. Описание острова; плодородие; изобилие скота; отличные овцы и всевозможные породы мартышек. Образ жизни жителей, внешность, одежда, уклад, утварь, брак и погребение. Безбожная свобода в действиях и тирания над детьми. Богослужение и государственная власть . . . 53

Глава III

Прощание с Мадагаскаром. Прибытие на Суматру. Захватили несколько китайских джонок. Насилуют женщину, которую потом распинает ее муж. Зондский пролив, где встречают 14 голландских кораблей. Сдаются без всякого сопротивления и попадают в Батавию. Матросы расхищают ящик с деньгами. Я. Я. Стрейс поступает на службу к благородной нидерландской Ост-индской компании. Путешествие в Сиам. Подробное описание королевства, его доходы и величина . . . 62

Глава IV

Обычаи и пища сиамцев. Различные ремесла. Странствующие купцы. Государственный строй и управление. Блестящая свита короля, великолепие трона, выезд на лицезрение народу. Множество золотых со-

судов. Слоны, убранные золотом и серебром. Войны из-за белого слона. Победа над королем из Ава 67

Глава V

Доходы Сиама, поступающие в сокровищницу короля. Усердие сиамских королей в построении церквей и капищ. Солдаты без жалованья. Тяжкое бремя, возложенное на жителей, их послушание и покорность. Большие доходы духовенства. Богослужение сиамцев, или идолопоклонство. Множество божков. Одежда священнослужителей; их деяния, также обряд и порядок богослужения. Церемонии у них одинаковые с римской церковью . 71

Глава VI

Большой запас строительных материалов. Домоводство сиамцев. Приглашение друзей. Чистота посуды. Чистота спален и тел. Наряды мужчин и женщин. Свадебный обряд у сиамцев. Замечательные браки. Женятся очень молодыми. Воспитание и обучение детей. Ученые и студенты пользуются большим уважением. Как они поступают с мертвыми. Природа и обхождение сиамцев. Любовь императора к чужеземцам, особенно к голландцам . 74

Глава VII

Господина ван-Мейдена приглашают на вынос тела принцессы. Большие и торжественные приготовления к сожжению. Великолепный алтарь для покойницы. Погребальная процессия, вопли во время ее. Деньги бросают в толпу. Тело обкладывают горючим. Помосты для священников, раздающих милостыню. Искусный фейерверк. Расходы на эти приготовления . 78

Глава VIII

Тело принцессы сжигают. Замечательный случай при этом. Обнаружен кусок мяса, нетронутый огнем, отчего заключили, что принцесса предана или стравлена. Гнев и возмущение короля, который велит взять под стражу всех прислуживавших покойной. Ужасные жестокости и наказания за предполагаемое злодейство. Безрассудные попытки обнаружить злоумышленников. Обвиняемые должны пройти босыми отскобленными ногами по раскаленным углям, пострадавших при этом осуждают. Слоны заменяют палачей в Сиаме. Они растаптывают осужденных, некоторых из них зарывают по горло в песок, где они погибают от жажды. За день погубили пятьдесят человек. Молоденькую девушку хватают и убивают вместе с ее братом. Их изумительная стойкость и готовность умереть 81

Глава IX

Тщеславный и кощунственный титул сиамского короля. Замечательные и большие приготовления для того, чтобы заставить снизиться воду в Ганге . 85

Глава X

Отъезд из Сиама. Захватывают джонку. Камбоджцы в лодке оставлены без весел и паруса. Прибытие на остров Формозу. Джонка гибнет со всем народом на ней. Описание острова Формозы, его плодородие, изобилие скота и зверей, употребляемых в пищу. Тайованский чорт— зверь особой породы. Наружность и обычаи жителей острова Формозы. Мужчину с мохнатым хвостом сжигают живьем. Одежда жителей. Их привычки. 87

Глава XI

Отъезд с Формозы. Прибытие в Японию. Описание Нагасаки. Положение голландского поселения. Великолепные города, дома, красивые улицы, ночная стража. Ужасный пожар в Нагасаки. Внешность, обычаи, одежда и занятия японцев. Отъезд из Японии. Вторичное прибытие на Формозу. Возвращение в Сиам, где наш командир берет с собою нескольких слонов. Я. Я. Стрейс возвращается на родину на корабле «Зеландия». Конец первого путешествия 92

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава I

Повод и случай к второму путешествию. Сильная буря на море. Прибытие в Тессель. Прибытие в Ярмут. Прибытие в Ливорно. Описание этого города. Пиза и Флоренция. Неожиданная удача и щедрость. Прибытие в Болонью. Ее описание. 99

Глава II

Отъезд из Болоньи и прибытие в Феррару. Я. Я. Стрейса ограбил разбойник. Обобранный приходит в Венецию. Поступает на службу в венецианский флот. Прибытие на остров Занте. Сильная буря между островами Милос и Агентер. Корабль «Золоченый петух» разбивается о риф. Печальное кораблекрушение. Женщина спасается чудесным образом. Все, кто спасся, переходят на корабль «Св. Иорис». Я. Я. Стрейс приезжает в Кандию. Догоняет на тартане венецианскую армаду. Пристают к Митиленам и совершают путешествие в глубь острова. Берут большую добычу и множество съестных припасов. Положение местности. Двести турецких всадников настигают их; они обороняются. Снова возвращаются на корабль 106

Глава III

Прибытие в Монте-Санто и Трою. Я. Я. Стрейс переходит на корабль «Маленькая принцесса». Галеры беев присоединяются к турецкой армии. Английский корабль попадает к туркам, храбро защищается и сгорает. Я. Я. Стрейса обращают в рабство. Попадает на галеру вместе со старым русским. Советуются о бегстве. Бросаются в воду, их замечают. Русского ранят стрелой. Оба попадают в венецианскую армию . 110

Глава IV

Их приводят к генералу. Приказ для воодушевления войска. Число венецианских кораблей и галер. Имена офицеров. Мальтийцы присоединяются к армии. Появление турецкого флота. Галеры беев хотят прорваться. Мальтийцы мешают им. Турки выставляют две батареи. Ужасная стрельба из пушек в течение трех дней. Ветер благоприятствует туркам, но они уклоняются. Неизменная храбрость венецианцев. Турки падают духом . 114

Глава V

Ветер способствует венецианцам. Турки обращены в бегство. Им отрезают путь. Мужество, проявленное галерами беев. Убивают генерала Марчелло. Мужество Лацаро Мочениго, который потерял глаз. Взрывают корабли «Щит Нассау», «Давид и Голиаф». Турецкий адмиральский корабль сдается. Окончательное, беспорядочное бегство турок. Их полное поражение. Потери обеих сторон 117

Глава VI

Поход венецианцев на Тенедос, его осада. Сильный обстрел крепостей. Они сдаются. Описание Тенедоса. Описание Лемноса, взятого нами. Правление и состояние быта нынешней Греции. Прибытие на Самос к Патмосу. Лодка, посланная за свежей пищей, взята турками. Я. Я. Стрейса и шестерых других берут в плен и увозят на продажу. Его снова освобождают . 120

Глава VII

Я. Я. Стрейс снова поступает на венецианскую службу. Прибытие на Корфу. Его укрепления, отличные больверки и шанцы вблизи и вокруг города. Плодородие острова. Прибытие на Цефалонию. Ее плодородие. Положение и укрепления. 125

Глава VIII

Остров Занте, его укрепления, деревни. Недостаток пресной воды. Хлеб, смоченный в вине. Прибытие на Чериго. Положение острова. Развалины храма Венеры. Прибытие в Кандию, ее положение. Укрепление города, его жители, замечательные дома и церкви. Положение острова и его плодородие. Отличные виноградники, множество плодов, превосходные травы, скот и птицы, изобилие шелка и т. д. Одежда кандийцев. Описание Стандии. Лацаро Мочениго разбивает подмогу из Алжира, Триполи и др., берет крепость Цоваши. Турки нападают на Тенедос, их неудача. Турецкий флот выходит из Дарданелл. Начало морского сражения. Султан появляется на берегу с 80 тыс. пехотинцев и 20 тыс. всадников. Турки спасаются бегством. Мужество Мочениго и Бембо. Оба гибнут самым жалким образом. Их галера взлетает на воздух со всеми 400 людьми. Победа венецианцев 127

Глава IX

Венецианский флот отправляется в Наполи ди-Мальвазия. Шанец после сильного обстрела сдается. Город договаривается с генералом. Флот отправляется к Санторину. Замечательное землетрясение. Нитяные чулки очень дешевы, а также вино. Я. Я. Стрейс отправляется за продовольствием. Флот отплывает. На остров заходят турки. Я. Я. Стрейсу грозит опасность попасть в рабство. Греки прячут его и отвозят на барке на Эмброс. Прибытие на Иос. Его положение. Развалины храма Аполлона. Прибытие в Митилены. Положение острова и его крепости. Доставляет много мрамора, кипарисового дерева, красного вина, скота и лошадей. Иос — зимняя гавань турецких галер. Сант-Георгио де-Скиро. Делос. Развалины храма, изображение Аполлона, Минервы и Дианы. Крепость на Теносе взорвана собственным порохом. Остров Милос, его положение, гавань, крепости, богослужение, изобилие припасов. Корабль «Принцесса» получил сильные повреждения. Я. Я. Стрейс переходит на каперное судно, покидает корабль и снова возвращается на родину 133

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава I

Повод и случай к третьему путешествию Я. Я. Стрейса. Нанимается парусным мастером в Москву. Начальники и офицеры, которые едут вместе с ним. Опасное и трудное отплытие. Выход в море. Прибытие в Ригу. Описание города. Отбытие из Риги. Обычаи, домоводство и привычки лифляндцев, их жалкое состояние, ибо они по большей части язычники. Странный и диковинный обычай клясться. Прибытие в Вольмар, его описание. Трудное путешествие по Лифляндии 141

Глава II

Прибытие в Печору. Напуган медведем. Прибытие в Псков. Диковинная история о голодном медведе. Бедро великана. Развлечения страны московитов. Прибытие в Новгород. Старые права и почести этого города. Завоеван московитами и снова отходит к шведам. Отъезд из Новгорода. Нападение русских разбойников. Прибытие в Коломну. Обилие волков. Жестокий мороз. 146

Глава III

Стычка с московитами. Восемь голландских купцов, убитых в лесу московитами. Приезд в Тверь. Встреча с московскими разбойниками. Продолжение пути. Стрейс катается на коньках к сильному удивлению московитов. Получение денег из Москвы. Снова в пути. Въезд в город. Хороший прием. Травля диких зверей. Борьба медведей и волков. Сговор и свадьба двух спутников. Смерть царицы. Ее погребение . 151

Глава IV

Положение города Москвы. Различные части города. Китай-город — первый город. Обилие церквей и монастырей. Высокие колокольни. Необычайное послушание московского дворянина. Чудесный большой колокол. Церковь Иерусалимская. Царь-город — второй город. Скородом — третий город. Стрелецкая слобода — четвертый город. Число домов в Москве. Большой пожар в городе. На какой широте расположена Москва. Сильные морозы. Местная болезнь. Плодородие Московии. Избыток скота и диких зверей, птиц и рыбы. Отличительное плодородие отдаленных местностей 156

Глава V

Внешность, образ жизни и особенности московитов. Обычная пища и напитки. Всеобщее потребление водки. Страсть к ней. Лживые доносы. Сварливость московитов. Их одежда. Женщины московитов мажут лица. Их свадьбы. Диковинные церемонии при венчании. Строгое поведение замужних женщин . 162

Глава VI

Развод у московитов и различные вызывающие его причины. Суеверная невинность. Бани и пользование ими. Закаленность от холода и жары. Прекрасные бани у немцев. Диковинный обычай московитов. Уход за мертвецами и удивительные вопросы, задаваемые им. Обряд похорон. Прощание или паспорт для умершей души 169

Глава VII

Религия и церковное устройство московитов. Патриарх и митрополиты, их облачение. Браки. Крещение. Причастие. Исповедь. Посты. Замерзшие люди . 173

Глава VIII

Власть царя. Титул и его возникновение. Доходы царя. Строгий и жестокий суд. Батоги. Кнут . 176

Глава IX

Празднование вербного воскресенья. Дорога из Москвы в Астрахань. Начальники и офицеры. Плавание на парусах. Мордвинские татары. Жестокая буря. Прибытие в Нижний Новгород. Дешевое полотно и пища в Нижнем. Описание большой реки Волги. Начинаются черемисские татары. Внешность и обычаи. Замечательные идолы. Обряд погребения. Их одежда. Берут много жен. Спят со своими дочерьми 178

Глава X

Сели на мель. Большая польза от липы. Несколько человек утонуло. Плодородие на берегах Волги. Прибытие в Казань, описание города. Положение Казанского царства. Покорение Казани русскими. Татары побеждают русских. Войска царя обратились в бегство. Москва взя-

та. Царь платит дань татарам. Доблесть рязанского воеводы, который освобождает царя и страну . 184

Глава XI

Отъезд из Казани. Диковинный способ ловить рыбу. Города, разоренные Тамерланом. Корабль сел на мель. Котлы и сковороды для выварки соли. Опасное путешествие по Волге. Начало земли калмыцких татар. Новый город, построенный для отражения разбойников. Большой город, разрушенный Тамерланом. Много сладкого корня вблизи и вокруг Астрахани . 188

Глава XII

Описание города Астрахани. Жители. Астрахань становится подвластной царю. Хижины странной постройки. Дешевые съестные припасы. Водка дорога. Хорошая соль в степи. Диковинные плоды, растущие там. Наружность и обычаи ногайских татар. Их одежда. Их жизнь и промыслы. Их пища. Конское мясо, молоко и кровь ценятся ими очень высоко . 193

Глава XIII

Подразделение казаков. Происхождение Стеньки. Причина восстания. Возникновение недовольства. Коварная жестокость Стеньки. Воевода Астрахани снаряжается против Стеньки. Стенька бежит со своими приверженцами и мирится с царем. Невероятные сокровища и драгоценные одежды казаков. Наружность и нрав Стеньки Разина. Встреча и разговор Я. Я. Стрейса со Стенькой. Держит наложницей персидскую княжну, собственноручно бросает ее в Волгу. Как и каким образом он наказывает за блуд . 197

Глава XIV

Стенька отступает. За ним следует много русских. Приказ вернуть их назад. Стенька не обращает внимания. Он возвращается с большими силами. Наместник Астрахани посылает против него флот, который постыдно сдается. Офицеров убивают. Великий страх в Астрахани. Могущество Стеньки и почет ему. Его высокомерие и жестокость. Послов его персы отдали собакам. Камышин сдают предательским образом . 202

Глава XV

Раздоры и волнения в Астрахани. Царицын занят казаками. Против них снаряжают флот. Казаки берут Чернояр. Русский флот сдается казакам. Упрямство и дерзость простонародья в Астрахани. Ум и мужество наместника. Совет обратиться в бегство приведен в исполнение . 206

Глава XVI

Сбились с пути. Дошли до Учуга. Странный способ ловли белуги. Изобилие икры. Тяжкие заботы о том, как выйти в Каспийское море. Выход в

море. Описание острова Четыре бугра. Высокий камыш по берегам. Ужасная непогода. Золотое дно моря. Встреча с татарской баркой. Описание города Терки. Начало черкесских татар. Внешность и особенности мужчин. Их пища и одежда. Приветливость женщин. Их одежда, игривость и благосклонность. Их диковинное идолопоклонство . 210

Глава XVII

Сбились с пути. Встреча с казачьей баркой. Сильная буря. Начало земли дагестанских татар, их наружность, одежда и пища. Большие людокрады. Бесплодие дагестанских гор. Снова буря. Претерпевают кораблекрушение. Татары гонятся за ними. Хитрость, примененная ими. Они попадают в крайнюю нужду. На них напали татары и ограбили их. Диковинные выборы дагестанских королей. Попали в лапы к другой шайке, которая насилует женщину и обращает всех в рабство. Жестокая пытка, учиненная над Я. Я. Стрейсом, чтобы открыть его спутников, мужественно перенесенная им. Их приводят к Усмию и заковывают в цепи . 217

Глава XVIII

Пленники расстаются. Большой сад близ Цурбага. Прибытие в Эривань. Дешевые цены на людей. Положение горы Арарат. Чудесная встреча с кармелитами. Пятидневное восхождение на гору Арарат. Я. Я. Стрейс излечивает отшельника от грыжи. Подарок, полученный за это. Свидетельство о восхождении на гору Арарат, которое совершил Я. Я. Стрейс. Прощание с отшельником 222

Глава XIX

Его заковывают в цепи. Предлагают перейти в мухаммеданство. Вводят его для этого в различные искушения. Большой доход от бань. Я. Я. Стрейса освобождают от цепей и продают одному персу. Положение Каспийского моря. Большой водоворот на дне Гилян-Чая. Разговор о торговле шелком. Подробное описание Каспийского моря. Рыбные богатства . 227

Глава XX

Описание Дербента. Городские стены. Дворец султана. Древние развалины и опустошенные местечки. Различные сторожевые башни. Множество гробниц в окрестностях Дербента. Рынок невольников в Дербенте. Я. Я. Стрейса продают во второй раз. Его патрон женится на польке. Его хозяин в смертельной опасности. Стрейс спасает его. Благодарность перса. Предложение хозяйки спастись бегством вместе с Я. Я. Стрейсом. Двое мужчин из их отряда прибывают в Дербент. Как они ушли из рук татар. Султан Дербента благоволит к голландцам. Хитрость для освобождения Эльса Питерсена. Терпимое рабство в Бойнаке. Князь берет себе в жены жену Брака. Брак пропал без вести . 234

Глава XXI

Трудности при добывании дров в окрестностях Дербента. Нападение разбойников. Другое нападение разбойников, спрятавшихся в кустах. Доброта патрона. Путешествие в Шемаху. Гора Бармах. Колодцы нефти. Прибытие в Шемаху. Описание города. Сильное землетрясение в Шемахе. Множество погибших людей. Встреча с монахами. Их добрые старания освободить Я. Я. Стрейса от службы у мухаммеданина. Предупреждения хозяина. Он попадает в услужение к польскому посланнику . 241

Глава XXII

Ненависть и скупость посланника по отношению к польским дворянам, которые замышляют его убить. Польского дворянина убивают на собственной постели. Жалкое положение поляков. Большая скупость посланника. Он собирается стать мухаммеданином. Милосердие Хаджи Байрама. Я. Я. Стрейс предполагает спастись бегством. В Шемаху прибывают Бутлер и другие, он делает все возможное для пленных. Брат посланника едет в Исфаган, чтобы стать турком; ему в этом отказывают. Штурман Виллем прибывает в Шемаху. Сильное землетрясение. Освящение воды у армянских христиан. Большое скопление народа. Достойные внимания обряды 248

Глава XXIII

Сестра посла уезжает в Тифлис. Польский хирург едет с ними. Труп индуса сжигают вместе с живой рабыней христианкой. Женщине дают снотворное питье и бросают ее в огонь. Двое мужчин убито. Сильное горе. Странные обряды при погребении. Сын хана получает в дар жалованное платье и жену шаха или императора. Мужчину убивают палками. Страшное и сильное землетрясение. Хан также получает жалованное платье и невесту. Торжественное приготовление. Прием принцессы. Новое известие из России. Шах приказывает посланнику отправиться в Польшу, но тот находит отговорку. Жалкое положение польских дворян. Кража в доме посла. Пытают невинного. Еще одного умершего индуса сжигают с живой женщиной. Любовь и расположение Хаджи Байрама к Я. Я. Стрейсу. Скверное обращение посла. 254

Глава XXIV

Празднование нового года. Весть из Бойнака. Другие известия. Комья огня падали с неба. Выбирают для шаха пятьсот красивых девушек. Купец спасает свою дочь необычным путем. Я. Я. Стрейс пишет в Смирну. Казачьего начальника привозят в Шемаху. Он должен отвезти в мешке головы трех своих товарищей. Его выпускают из тюрьмы. Пьяный грузин убивает персидского святого. Убийцу умерщвляет брат убитого. Ужасное самоубийство на свадьбе. Большой праздник памяти Хуссейна. Сильное землетрясение. Смерть и похороны ханского сына . 262

Глава XXV

Весть из Астрахани. Персидская женщина уличена в прелюбодеянии. Отец открыто убивает своего сына палочными ударами. Еще один человек гибнет таким образом. Ян фан-Термунде уезжает в Исфаган. Град величиной с куриное яйцо. Прибыли в армянский монастырь. Рыбаки перебиты ужасным образом. Неслыханное и жестокое наказание, произведенное мужем над женой, с которой он при жизни сдирает кожу, бросает ее тело воронам и прибивает кожу к стене. Большая подозрительность персов. Придворных мальчиков оскопляют. Большой невольничий рынок в Шемахе. Грузины продают своих собственных детей. Послу опять приказывают отправиться в путь 270

Глава XXVI

Сильная гроза. Большие комья голубого огня. Дождь, подобный великому потопу. Исчезают дома и люди. Хана жалуют еще одним халатом. Жертвы, приносимые баньянами птицам и рыбам. Богослужение персидских женщин. Разговор Я. Я. Стрейса с ханом. Страшная встреча Я. Я. Стрейса с татарином, который его обратил в рабство. Он выходит из подневольного положения у польского посла. Сердечность и доброта его прежней хозяйки Алтин и самого патрона. Один из его товарищей освобождается из неволи 275

Глава XXVII

Отъезд из Шемахи. Сельская жизнь в местности Казили. Описание Аракса. Небезопасность Муганской пустыни. Обилие черепах близ Балхары. Бедные и веселые жители. На Я. Я. Стрейса нападают разбойники. На караван нападают разбойники и грабят его. Прекрасный каменный мост. Гробница Сеида Джабраила. Прибытие в Ардебиль. Его положение. Сильный холод. Сильные вихри в полдень. Прекрасное зерно. Большой налог на овец. 57 деревень близ Ардебиля. Описание города. Улица блудниц, которые слагают стихи и являются поэтами. Площадь посреди города. Базары и лавки. Превосходные мечети и часовни . 281

Глава XXVIII

Паломничество Хаджи Байрама к гробнице Сеида Джабраила. Я. Я. Стрейс просит, чтобы его взяли с собой, на что получает согласие. Описание великолепной гробницы. Отличные бани в городе Ардебиле. Серные ванны. Хозяин отправляется туда вместе с Я. Я. Стрейсом. Способ употребления этих ванн. Чудесная и роскошная могила шаха Сефи. Молитва Хаджи Байрама. Молельня шаха Сефи. Золотые двери, лампады и сосуды. Библиотека. Кухня и сад. Усыпальницы персидских королей. Доходы от могил. Постоянные доходы Мазара. Ардебиль — прекрасный торговый город 288

Глава XXIX

Я. Я. Стрейса принимают за перса. Отъезд из Ардебиля. Караван переваливает через Тавр. Исток реки Кызыл-Узун. Переезд по трудным и опасным горам. Большие затруднения и опасности от холода и разбойников. Прибытие в Султанию. Ее основатель. Великолепный двор. Превосходная княжеская могила Худабанд. Тяжелая решетка из стали. Храм шаха Измаила. Скверное положение города Султании. Я. Я. Стрейс стрижется на персидский лад. Его принимают за мусульманина. Езда по прекрасным лугам и нивам. Прибытие в Казвин. Его положение. Скверные дома и улицы. Двор шаха Тахмаспа. Диковинная торговля и биржа блудниц. Кладбище и мечеть. Принесение в жертву молодого верблюда, называемое Байрам Курбан 294

Глава XXX

Отъезд из Казвина. Прибытие в Сабу. Жалкое состояние города. Красная земля от проклятия Мухаммеда. Прибытие в Кум. Его описание. Душистые дыни. Крупные огурцы. Груда или множество клинков и рукояток. Воровство жителей. Встреча Я. Я. Стрейса с греком-отступником. Отъезд из Кума. Прибытие в Кашан. Положение города. Ристалище и диск для стрельбы в цель. Жители и их пища. Прекрасные караван-сараи. Множество ткачей, изготовляющих серебряную и золотую парчу. Огромные ядовитые скорпионы, ядовитые пауки. Сила их яда и чудесное выздоровление. Прибытие в Натенс. Орел побежден соколом . 301

Глава XXXI

Прибытие в Исфаган. Посещение господина Бента. Хорошее положение голландского двора. История Антона Мюнстера. Твердость и смерть. Состояние и расположение голландского двора. Расположение города Исфагана. Его величина. Реки и ручейки, протекающие по нему. Огромное сооружение, начатое во время шаха Аббаса. Улицы Исфагана. Майдан и базар. Красивые арки и галлереи. Королевская забава, стрельба по яблокам. Великолепная мечеть шаха Аббаса. Даулетхане, или королевский двор. Диванхане, или судебная палата. Женские покои. Божьи ворота. Караван-сараи, или гостиницы. Персидские святые или философы. Предсказатели, их странные и смешные проделки. Кайзери, или дом мелочных товаров 307

Глава XXXII

Табрик-Кале—государственная сокровищница. Пригороды Исфагана—Джульфа, Тавризабад, Хассанабад, Гебрабад. Гебры — древние персидские язычники. Чарбаг. Обычаи персов. Собирание льда. Празднование дня трех волхвов армянскими христианами 315

Глава XXXIII

Большое участие и добрые дела Хаджи Байрама. Отъезд из Исфагана. Трудное путешествие по снегу. Нападение разбойников на караван. Я. Я. Стрейса обкрадывают. Пресные воды, богатые рыбой. Трудное путешествие. На караван нападают разбойники. Суеверный ужас перед салом. Гробница матери шаха Сулеймана. Гробница Ноя, его жены, детей и внуков. Прекрасные развалины Персеполиса и великолепного замка. Изображение Рустама 319

Глава XXXIV

Дальнейшее путешествие. Прибытие в Шираз. Встреча с кармелитами. Строптивость спутников по каравану. Я. Я. Стрейс находит вора. Расплата. Участие и добрые дела, оказанные французским хирургом Я. Я. Стрейсу. Описание города Шираза. Различные мечети. Прекрасное вино в городе и окрестностях. Отличные сады. Отъезд из Шираза. Особенные благодеяния кармелитских монахов и французского хирурга. Изобилие фиников и их дешевизна. Особый способ рассаживать финиковые пальмы. Прибытие в Шарим. Ночью на них нападают тридцать разбойников. Они убивают пять человек и отступают. Стойкая защита каравана. Разбойники молят о пощаде, в чем им отказывают. Они позволяют себя связать. Их ужасно наказывают и убивают. Обилие куропаток 326

Глава XXXV

Трудный путь по горам. Хорошее угощение в караван-сарае. Посещение нестриженого персидского святого. Прибытие в Лар. Описание города. Нездоровые воздух и вода в Ларе. Драгоценный бальзам. Странные памятники наказанным разбойникам. Снова нападают разбойники, из которых семеро гибнет. Встреча в пути с господином Казенбротом. Прибытие в Гомбрун . 333

Глава XXXV

Описание города Гомбруна или Бендер Аббас и происхождение этого названия. Большая торговля, которую ведут здесь все страны. Нездоровый воздух и сильная жара в Гомбруне. Вредный напиток. Сухая и неплодородная земля. Плодородие острова Кисмиш. Жители Гомбруна. Чудесное дерево за городом. Индусский святой с длинными волосами. Маленькие бобы для душ умерших. Как производится торговля. Товары, ввозимые англичанами. Они делят пошлину с шахом. Голландцы торгуют беспошлинно. Я. Я. Стрейс сильно болен. Благодеяния и преданность Лавренса фан-Акерслоот. Я. Я. Стрейсу становится лучше. Отплытие из Гомбруна под парусом. Прибытие в Маскат. Описание города. Жестокая жара в окрестностях Маската. Причина знойных и палящих ветров. Отъезд из Маската. Прибытие в Батавию. Я. Я. Стрейс нанимается парусным мастером. Его

отпускают со службы. Приезжает с семью кораблями в Бантам. Прибытие на мыс Доброй Надежды . 337

Глава XXXVII

Отбыли с мыса Доброй Надежды. Прибытие на остров Святой Елены. Корабль «Европа» захвачен и разграблен англичанами. Несчастье нашего путешественника. Англичане занимают остров Святой Елены. Захватывают силой два голландских корабля. Преданный Стрейс хочет предупредить корабли. Три корабля избежали ловушки. Прибытие на остров Вознесения. Обилие черепах. Описание острова Вознесения. Бесплодность острова. Нет пресной воды. Намерение англичан высадить нас на остров. Отбыли с острова Вознесения. Прибытие в Ирландию, в Кинсэль. Отбыли из этого города. Прибытие на родину. 343
Копия с письма, писанного на корабле его царского величества под названием «Орел», стоявшем на якоре под городом Астраханью 24 сентября по старому стилю 1696 г. 349
Копия с письма, писанного в городе Исфагане Давидом Бутлером 6 марта 1671 г. 352
Приложения . 375
Указатель географических названий 393

Сдано в производство 28/VIII 1934 г. Подписано к печати 13/VII 1935 г. Формат 72×105 1/16
26 п. л.+23 вклейки. 37 760 зн. в п. л. Тираж 10 200 экз. ОГИЗ № 1355. Заказ № 1968.
Цена книги 8 р. 50 коп. Переплет 1 р. 50 коп. Уполномочен. Главлита Б-1733.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР, треста «Полиграфкнига», Москва, Валовая, 28.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Выходят в свет:

ЩЕРБАТОВ

НЕИЗДАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ПОСОШКОВ

КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

БЕРНЬЕ

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ В ГОСУДАРСТВЕ ВЕЛИКОГО МОГОЛА

ЛЬОРЕНТЕ

ИСТОРИЯ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ

Серия исторических памятников и документов:

ЛЕЙДЕНСКИЙ ПАПИРУС

АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ И ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛОРА

ФРАНЦУЗСКАЯ ДЕРЕВНЯ И ЖАКЕРИЯ

НЕМЕЦКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Цена книги 8 р. 50 к.

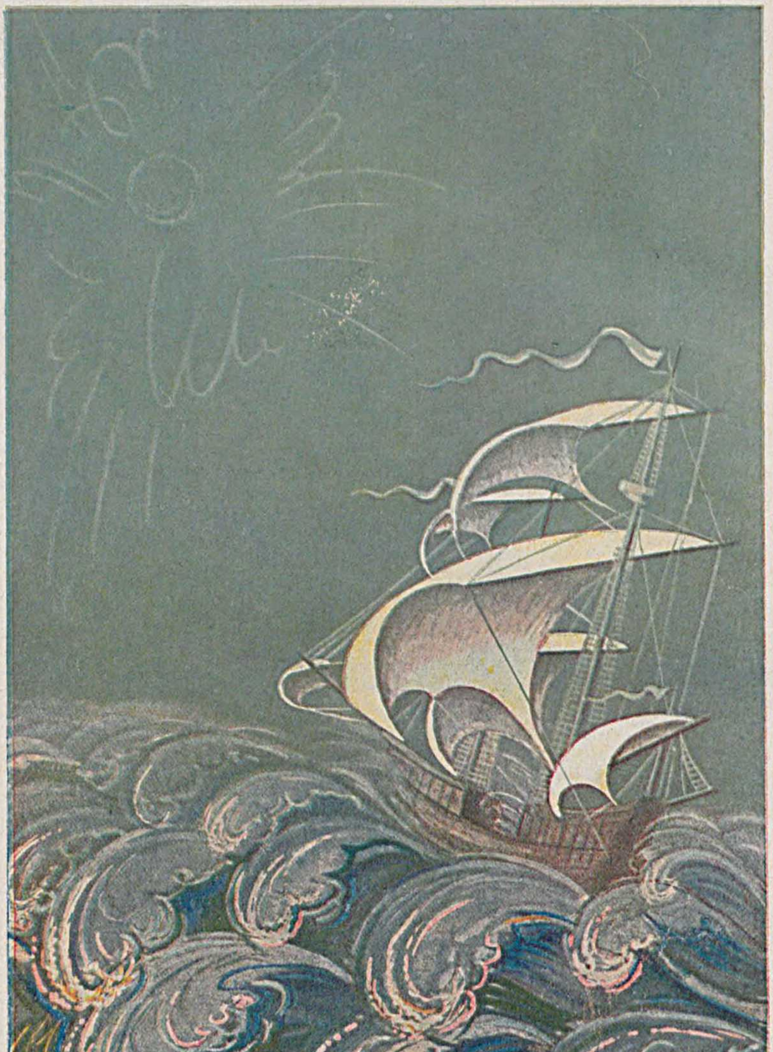
Переплет 1 р. 50 к.

Путешествия иностранцев в малознакомую Московию — ценный источник для истории XVII в.

„Революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий“ (Маркс), выдвинули множество предприимчивых искателей новых торговых путей, богатых рынков, заманчивых предприятий. Особенно много путешественников привлекла Московия и собственными богатствами и возможностью транзита на далекий Восток. Заинтересованные и внимательные наблюдатели оставили яркие описания московской действительности.

В ряду записок иностранцев о Московском государстве „Путешествия“ Стрейса — одна из распространенных книг; она переводилась на немецкий, французский, английский языки. Предназначенная для популяризации далеких торговых предприятий среди широкого круга современных читателей книга Стрейса отличается ярким литературным оформлением, занимательностью изложения. Вместе с тем, написанная неплохим наблюдателем, она имеет ценность записок очевидца одного из самых крупных событий русской истории XVII в. — крестьянской войны 1670 г., выступления Степана Разина.

Книга впервые издается полностью, в переводе с первого голландского издания 1673 г. и с воспроизведением иллюстративного материала подлинника.

Цѣна 10 руб.